

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

THE HOOVER LIBRARY

STANFORD LIBRARIES

WAR, REVOLUTION, AND PEACE

Росс.
И. С.
-1913

Коллекция, 9-N

Музей Востока
С. П.

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ

ОКРАИНА КИТАЯ

И

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ Г. Н. ПОТАНИНА

//

1884—1886

Издание Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СЪ ОДНОЮ ФОТОТРИПЛИОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. Д. СУВОРИНА. ЗЕТКЛЕРЪ ПЕР., д. 13

1886

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ
ОКРАИНА КИТАЯ
И
ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. Н. ПОТАНИНА

1884—1886

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ ОДНОЮ ФОТОТИПІЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1893

34

С. 100

21801

Печатается по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

25 сентября 1893 г.

Вице-председатель *И. Семеновъ*.

Издано подъ наблюдениемъ *Г. И. Потанина*.

В. И. Потанинъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	стр. V
-----------------------	--------

I. С к а з к и.

	стр.		стр.
1. Гэсэръ. Тангутскіе варианты	3	12. Меджитъ	164
Бурятскій вариантъ	44	13. Балынъ-сенге	166
Примѣчанія	113	14. Аку-ртомба	168
2. а. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай	131	15. Боролтай үбүгүнъ	170
б. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара	133	16. Ховатай убугунъ	171
3. Арджи-Борджи	136	17. Мальчикъ, попадающій въ хвостъ	173
4. Аджинтай-мергенъ-ханъ	140	18. Овца совѣтница	175
5. Тря брата хату-гурбуланъ	143	19. Тенекъ-ху	178
6. Долонъ-эльбичинъ	145	20. Тене-ху	180
7. Шесть деревьевъ	147	21. Тря большихъ угодыя	181
8. а. Дочь водяного царя	149	22. Боролтай-ху	184
б. Шацгай ханъ (царь-сорока)	152	23. Ёгъ-таму-нцо	186
9. Донджи-молумъ-эрдени	157	24. Большая дочь	192
10. Хорульдей-мергенъ-богдо	161	25. Хромой гусь	193
11. Уйленъ-ханъ	163	26. Ковель (ухана)	194

II. Л е г е н д ы.

27. а. Джу-рембучи	197	39. Цзонкава	236
б. Ногонъ-дарихэ	200	40. Образъ Цзонкавы	239
в. Менгу-джу	202	41. Чжаянъ-чжаппа-сэнъ	—
г. Ногонъ-дарихэ	203	42. Ундуръ-гэгэнъ	242
Примѣчанія	205	43. Менгу-чжу	248
28. Дзандапъ-чжу въ Пекинѣ	219	44. Монастырь Марцзанъ	249
29. Абатай-сайнъ-ханъ	220	45. Лумбунъ-чимбо	250
30. Джолма-пурму	223	46. Пей-юнъ-сай	251
31. Гуанъ-инъ-пуца	225	47. Нью-тоу-шанъ	252
32. Манджуши	227	48. Дерево Галбарсынъ-модо	253
33. Арья-бало	229	49. Тува на бжю	—
34. Бурханъ-бакши	—	50. Нью-тоу-ванъ	254
35. а. Миларъ-ава и Гомбу-дорджи	230	51. Сунъ-ву-кунъ	256
б. Миларъ-ава	—	52. Легенда о введеніи мусульманства въ Китаѣ	—
36. Урджанъ-рембучи или Намунъ-гуре	231	53. а. Ангуръ-шихъ	257
37. Джаву-ландеръ	233	б. Ангуръ-лончжа	258
38. Шянба	235		

III. Историческія преданія о лицахъ и мѣстностяхъ.

	стр.		стр.
54. Гуань-лао-ѣ	261	72. Легенды о мѣстностяхъ.	
55. Пай-чжянъ-чжюнь	264	Гора Тайхыр-чило	296
56. а. Чингисъ-ханъ	267	Горы Ноннъ-богдо, Алтынъ-ола, Гель-	
б. Чингисъ	268	бенту и Сяври	—
Примѣчанія	270	Гора Харшютъ	297
в. Чингисъ-ханъ и Нарѣнъ-ханъ	279	Слѣдъ Лу-бянь-шена	—
57. Дочь Чингисъ-хана	—	Корчага Лу-бянь-шена	—
58. Бальджинъ-хатунъ	280	Ключъ Субукъ	298
59. Амурсана	281	Огонь-манхынъ	—
60. Батырь-чонунъ-бэйли	—	Шя-чунъ	—
61. Нойонъ-хонгоръ	—	Боро-балгасунъ и Чаганъ-балгасунъ	—
62. Огутуръ-уланъ-ванъ	282	Котель Чингиса	299
63. а. Тамджинъ-ханъ	—	Легенда о колодезѣ Сангинъ-далай	—
б. Тамджинъ-ханъ	—	Слѣды Гэсэра.	
64. Таянъ-терьхе и Арахи бурханъ	283	1) Около Сунъ-папа	300
65. Цоктай-ханъ	284	2) На Желтой рѣкѣ выше Санъ-чуани	—
66. Ли-чжинъ-ванъ	286	3) Около Лабрана	301
67. Ванъ-моръ	290	4) Около Гань-чжоу и въ землѣ Сугу-	
68. Леу-да-жепъ	292	ровъ	—
69. а. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	293	73. Могильная насыпь Чао-чжюнь-фынь	302
б. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	294	74. Тохто-хото	303
70. Саларскія преданія и легенды:		75. Кара-бадырь	304
1) Преданіе о переселеніи саларовъ на		76. Рѣки Лиу-чуанъ и Янь-джи-чуанъ, Сы-	
Желтую рѣку	295	ча-цзуй	306
2) Маджу-гумбе	—	77. Рѣка Хара-муранъ и гора Алтынъ-бургэ	307
3) Народы ахманъ и караманъ	296	78. Оз. Шинъ-ся-норъ	308
71. Пей-тайджи	—	79. Легенды о монастырѣ Эрзени-цзу	310
		80. Преданія о древнихъ могилахъ	311
		81. Поколѣніе Кэшиктенъ	312

IV. Звѣздный и животный эпосъ.

82. Сотвореніе міра	315	8. Почему у зайца хвостъ черный	348
83. Цзаду-рахи и Урджанъ-рембучи	316	9. Хорекъ (хуринъ)	—
84. Раху	—	10. Усунъ-буха	—
85. Созвѣдіе Большая Медвѣдица	317	11. Кукушка (хухэй-шибо)	349
86. Плеяды	322	12. Воробей (больджуха)	—
87. Орионъ	326	13. Лягушка	—
88. Полярная Звѣзда	330	14. Алтынъ-мелекей	350
89. Зарница	337	15. Черепаха	—
90. Млечный путь	340	16. Змѣя	—
91. Не опредѣленные созвѣдія	—	17. Муравей (шоргольджи)	—
92. Повѣрья о животныхъ.		18. Ханъ-гариди	—
1. Верблюды и мышь	342	19. Нохой-баргасу	351
2. Летучая мышь	343	20. Алмасъ	—
3. Птица ябылыкъ	—	21. Самые большіе въ мірѣ звѣрь,	
4. Олби	344	гора, море и дерево	—
5. Бурундукъ	—	22. Камень джада	352
6. Сурокъ	345	93. Присказка о двѣнадцати годовыхъ звѣ-	
7. Заяцъ	348	ряхъ	—

Приложения.

	стр.		стр.
I. Исторія спасителя Мила-райбы, или сборникъ пространныхъ и всесовершенныхъ пѣснопѣній (переводъ А. О. Ивановскаго съ тибетскаго). Глава о встрѣчѣ духовнаго сына-охотника съ (Мила)—райбой въ сНъишанъ-гур-рТа	360	V. Примѣчанія А. О. Ивановскаго . . .	387
Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ	370	VI. а. Списокъ мѣстныхъ названій растений	395
II. Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году.		б. Мѣстныя названія животныхъ.	
1) Три брата	374	1) Звѣри	407
2) Долонъ - бурхынъ (созвѣдіе Б. Медвѣднца)	—	2) Птицы	408
3) Два брата	376	VII. Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ѣгурскаго нарѣчій	410
4) Огромная корова (якъ ухуръ)	378	VIII. Собраніе словъ саларскаго нарѣчія .	426
III. Бурятская сказка	379	IX. Собраніе словъ кара-ѣгурскаго нарѣчія	435
IV. Дополненія въ примѣчаніямъ	382	Указатель собственныхъ именъ, встречающихся во II томѣ. (Русской транскрипціей) I (Иностранной транскрипціей) XIV	
		Предметный указатель въ II тому	XV

Художественное приложение.

Портретъ дюрбюта Сарисына, хурчи, т. е. кобара, съ хуромъ и смычкомъ въ рукахъ. Отъ него была записана въ монастырѣ Улангомъ (въ сѣверо-западной Монголіи) сказка объ Ирнъсайнъ-гунынъ-настай-ме-келе, помѣщенная въ Очеркахъ, IV, 429 — 486.

Сказки записывались мною также, какъ и въ прежніе разы, въ видѣ однихъ конспектовъ въ переводѣ на русскій языкъ; записываніе текстовъ съ подстрочнымъ переводомъ ихъ, при моемъ недостаточномъ знаніи монгольскаго языка, для меня было невозможно; китайскія и тангутскія сказки переводились для меня на монгольскій языкъ. Для лингвистовъ мои записи не имѣютъ интереса, но для фольклористовъ, я полагаю, не бесполезны. Конечно, онѣ не удовлетворяютъ и послѣднихъ; фольклористы также пожелаютъ, чтобы сказки сохранили бы больше мѣстнаго колорита, чѣмъ они имѣютъ въ моей записи, но я надѣюсь, что мои собранія до нѣкоторой степени удовлетворяютъ первое любопытство тѣхъ лицъ, которые пожелаютъ ознакомиться съ сюжетами, живущими въ Монголіи, и дадутъ понятіе, чего можно ожидать отъ дальнѣйшаго собиранія. Можетъ быть, съ ростомъ ориенталистики въ Россіи явится болѣе сильный интересъ къ этому народному богатству Монголіи и за составленіе сборниковъ сказокъ въ интересахъ фольклористики возьмутся ориенталисты. Собранія, которыя были сдѣланы до настоящаго времени, обыкновенно не имѣли задачей удовлетворить потребности занимающихся фольклоромъ; они составлялись скорѣе въ качествѣ хрестоматій, пособій для изученія языка; цѣлью были грамматическія формы и лексическій матеріалъ, поэтому подобныя сборники, не исчерпывая всего разнообразія сюжетовъ и богатства вариантовъ,—чего можно было бы ожидать отъ ихъ составителей, благодаря ихъ подготовкѣ,—не давали понятія объ этомъ богатствѣ. Нужно желать, чтобы въ Среднюю Азію для собиранія устныхъ памятниковъ народнаго творчества отправился какой-нибудь ориенталистъ, который въ то же время соединялъ бы въ себѣ и званіе изслѣдователя фольклора.

Къ своему нынѣшнему собранію я приложилъ примѣчанія, какъ я это дѣлалъ и въ прежнихъ описаніяхъ своихъ путешествій. Началъ я дѣлать эти примѣчанія въ своихъ личныхъ интересахъ. Коллекторъ чувствуетъ себя бодрѣе, когда его сборы не залеживаются въ музеяхъ и бібліотекахъ, а вскорѣ же и получаютъ освѣщеніе или оцѣнку. Коллекціи натуралистическія имѣютъ то преимущество, что перваго же взгляда опытнаго спеціалиста бываетъ часто достаточно, чтобы сдѣлать

Кубока и Кудонъ-пи попала въ лѣтопись араба, который жилъ въ Египтѣ. Она была занесена туда половцами, изъ которыхъ набиралась гвардія египетскихъ султановъ. Это, конечно, рѣдкіе счастливые случаи, когда сохранились указанія или намеки на происхожденіе разсказа. Въ большинствѣ случаевъ такіе намеки не могли сохраниться, и многое изъ того, о чемъ мы не знаемъ, откуда оно взялось, можетъ быть, слѣдовало бы приписать кочевникамъ изъ средней Азіи. Культурный контрастъ между населеніемъ степей юго-восточной Европы и пришлыми изъ Азіи кочевниками въ вѣкъ переселенія гунновъ и аваровъ былъ меньше, чѣмъ позднѣе, во времена нашествія монголовъ или прихода на Волгу калмыковъ, и ассимиляція чужеземныхъ сюжетовъ должна была обнаруживаться сильнѣе. Поэтому по скудости усвоеній отъ монголовъ и калмыковъ нельзя заключать о степени усвоенія въ болѣе древнее время.

Напрашивается вопросъ, что это за духовный багажъ былъ, который приносили въ южную Россію кочевники изъ глубины Азіи. Конечно, въ позднѣйшее время, въ эпоху монголовъ и нѣсколько ранѣе, изъ Азіи орды приходили съ буддизмомъ. Въ одной изъ своихъ статей я, указывая на раннее существованіе буддизма въ южной Монголіи и восточномъ Туркестанѣ, относительно сѣверной Монголіи, откуда, можетъ быть, выходили орды, долженъ былъ только ограничиться догадкой, что и здѣсь буддизмъ существовалъ ранѣе монголовъ, т. е. ранѣе XIII ст. Въ прошедшую зиму я имѣлъ случай слышать въ Восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества докладъ академика В. В. Радлова о результатахъ орхонской экспедиціи; въ числѣ ея находокъ есть уйгурская надпись, относящаяся къ VII ст., о присылкѣ къ уйгурамъ изъ Китая четырехъ буддійскихъ монаховъ. Положимъ, что это были не послы для исправленія книгъ, а первые проповѣдники. Все таки, значить, буддизмъ уже появился въ сѣверной Монголіи за два вѣка до основанія русскаго государства.

Въ орхонской долинкѣ найдены кромѣ уйгурскихъ надписей еще другія руноподобныя письма, которыя распространяются отсюда на западъ до долины верхняго Енисея. Академикъ Радловъ считаетъ ихъ за болѣе древнее, чѣмъ уйгурское, письмо. Последнее по его мнѣнію было принесено съ запада, руноподобное же письмо было туземнаго происхожденія; академикъ приписываетъ его племени Тугю, господствовавшему въ Монголіи въ VII столѣтіи. Если были письма, значить, была уже сложная общественная жизнь, былъ культъ, для потребностей котораго, конечно, и было изобрѣтено письмо¹⁾; можетъ быть, было и жреческое сословіе; конечно были и легенды. Чтобы все это развилось, требовалось время, и разумѣется, духовно-культурная жизнь началась въ этихъ мѣстностяхъ задолго до VII столѣтія. Что это былъ за культъ? Можетъ быть, это былъ тотъ же буддизмъ; тогда, значить, буддійскія легенды могли быть заносимы въ Европу сѣвернымъ путемъ, по

¹⁾ Если жители сѣверной Монголіи гравировали свои надписи на камняхъ, то навѣрно имѣли и книги, и потому едва ли слѣдуетъ по тому, что средневѣковые кочевники южной Россіи не оставили послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ, дѣлать заключенія объ низкомъ уровнѣ ихъ духовной жизни.

сѣверную сторону Каспійскаго моря и гораздо ранѣе VII вѣка. Если же буддизма въ сѣверной Монголіи до VII вѣка не было, то руноподобныя орхонскія письмена принадлежать другому, туземному культу, но развившемуся также до нѣкоторой сложности, конечно, изъ элементовъ мѣстнаго шаманства. Гдѣ же искать слѣды этого древняго культа? Съ введеніемъ буддизма въ Монголію этотъ старый культъ не могъ исчезнуть; онъ былъ включенъ въ новый и обратилъ его въ видоизмѣненіе буддизма. Монголо-тибетскій буддизмъ дѣйствительно отличается отъ южнаго. Особенности его, насколько намъ извѣстно, заключаются въ вѣрованіи въ хубильгановъ, «перерожденцевъ», въ культѣ бодисатвы Арья-Бало, котораго южный буддизмъ не знаетъ, и, можетъ быть, въ памѣ, т. е. въ религіозныхъ пляскахъ. Вотъ эти-то особенности—въ глазахъ свѣдущихъ людей ихъ, вѣроятно, окажется гораздо болѣе—и слѣдуетъ поставить на счетъ древняго буддійскаго культа.

При такомъ взглядѣ на исторію культа въ сѣверной Монголіи, въ гипотезѣ объясненія русскаго народнаго эпоса посредствомъ восточныхъ источниковъ придется ввести только такое видоизмѣненіе—вмѣсто того, чтобъ говорить о заносѣ на югъ Россіи буддійскихъ легендъ, придется говорить о легендахъ до-буддійскаго сѣверо-монгольскаго культа¹⁾. Сравненіемъ легендъ, живущихъ въ южной Россіи, съ тѣми особенностями, которыми монголо-тибетскій буддизмъ отличается отъ южнаго, можно будетъ возстановить этотъ гадательный добуддійскій ордынскій культъ.

Если въ лѣсистой Сибири съ ея неудобопроходимыми путями мы находимъ много общаго, какъ въ шаманскихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, такъ и въ легендахъ на обширномъ пространствѣ отъ Алтая до Верхоянскаго хребта въ Якутской области, то въ степяхъ, гдѣ передвиженія племенъ совершаются легче, нужно ожидать, что отъ Корсуна въ Крыму до Эрдени-цзу на Орхонѣ еще было болѣе общаго. Мы думаемъ, что на всемъ этомъ пространствѣ господствовали общіе культы и жили однѣ и тѣ же легенды. Иногда сношенія между западной и восточной оконечностью этого міра прерывались неурядицей на серединѣ; тогда на востокѣ могли образоваться новыя редакціи легендъ; но послѣ какого-нибудь промежутка времени народная волна опять перекатывалась черезъ такъ называемыя Каспійскія ворота въ южную Россію, и новыя редакціи присоединялись здѣсь къ старымъ.

Русло этихъ народныхъ теченій на западѣ распадалось на рукава. Одна вѣтвь шла черезъ Турменію въ Иранъ и Арменію, и отсюда народная волна могла доходить до Палестины и Сиріи; по этой дорогѣ прошли турки Сельджуки, а также часть арміи Чингисъ-хана; но главное русло проходило по сѣверную сторону Каспійскаго моря, примкнувъ къ Кавказу съ сѣвера. Оно могло дать вѣтвь на югъ, черезъ Кавказъ, въ Грузію и Арменію, откуда легенды опять могли расселяться до Палестины. Еще западнѣе отдѣлялись отъ главнаго русла другіе рукава, въ Крымъ, на Балканскій полуостровъ. Могла также быть вѣтвь и на сѣверо-западъ, вверхъ по Волгѣ.

¹⁾ Называемъ его монгольскимъ по мѣсту его находенія въ Монголіи, а не по принадлежности монгольской расѣ; онъ былъ, можетъ быть, созданіемъ тюркской расы.

Не по всѣмъ русламъ народы двигались одновременно; по одному въ эту эпоху, по другому въ другую; каждой эпохѣ соотвѣтствовала особая редакція легенды, да и комплексъ легендъ былъ не одинаковъ; поэтому одинъ и тотъ же сюжетъ по одному направленію являлся въ такой-то обработкѣ, по другому — въ другой. Не тутъ ли рѣшится споръ между сторонниками сѣвернаго и южнаго происхожденія Ильи-Муромца? Въ Кіевѣ сказанія объ этомъ богатырѣ были занесены съ востока только въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ здѣсь и теперь, въ сѣверную же Россію въ видѣ былинь, и не нужно придумывать объясненія, какимъ образомъ сѣверный богатырь приурочился къ южному городу, или искать катастрофу, которая смела съ лица южной Россіи цѣлый цвѣтъ народнаго творчества.

Что было культурное движеніе въ сѣверо-западномъ направленіи, объ этомъ говорятъ раскопки. Въ то время, какъ главное русло народныхъ передвиженій, проходящее по южной Россіи, отмѣчено каменными бабами, линія распространенія которыхъ начинается, какъ это теперь прослѣжено, на берегахъ Орхона, по центральной Россіи проходитъ полоса кладовъ восточныхъ монетъ, чеканенныхъ преимущественно въ области, лежащей между Евфратомъ и Сыръ-Дарьей; она начинается на Волгѣ, у древнихъ Болгаръ, идетъ черезъ среднюю Россію по направленію къ Финскому заливу, и потомъ переходитъ въ Швецію и Померанію. Монеты этихъ кладовъ относятся къ періоду съ исхода VII по начало XI столѣтія; послѣдняя монета 1012 г. ¹⁾. Археологи предполагаютъ, что по этому пути во время, предшествовавшее основанію русскаго государства, совершались торговые сношенія, и влады своимъ происхожденіемъ обязаны этому торговому движенію (но не переселенческому). Если это и не была племенная колонизація, если это въ самомъ дѣлѣ было только торговое движеніе, все таки купцы, заѣзжавшіе въ край, вѣроятно, заживались здѣсь, вносили свои привычки, свои знанія въ мѣстную жизнь. Тутъ непременно нужно рядомъ съ отложеніемъ кладовъ предположить параллельное отложеніе легендъ и сюжетовъ, и, если принять мнѣніе археологовъ о происхожденіи кладовъ, то надо допустить особенности въ составѣ легендарнаго наноса. Разница въ способахъ разселенія легенды и проводникахъ ея тоже должна сказаться въ ея мѣстныхъ отложеніяхъ; по югу Россіи легенды разносило племя, переселяющееся цѣлыми семьями со скотомъ, съ кочевыми жилищами, съ божницами и, можетъ быть, съ такими же кочевыми храмами, храмами въ палаткахъ, иногда даже соборами въ палаткахъ, какъ это и теперь еще можно видѣть въ сѣверо-западной Монголіи; по Волгѣ же и ея сѣвернымъ притокамъ разносили легенду торговые люди; они могли занести только книги, или рядомъ съ ними могли зайти сюда только отдѣльные цѣвцы былинь.

Первые передвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу, записанныя въ исторію,

¹⁾ Савельевъ, Мухамеданская нумизматика, Спб. 1846, стр. XXII. На югѣ граница этихъ кладовъ проходитъ черезъ губерніи Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Псковскую и Курляндскую. Позднѣйшія монеты, какъ въ кладахъ Россіи, такъ и въ кладахъ Швеціи и Помераніи, относятся къ одному времени. Какая-то политическая катастрофа на востокѣ оборвала торговые сношенія; такъ думали ориенталисты Савельевъ и Григорьевъ;—какая, они не рѣшались сказать.

относятся къ V вѣку по Р. Х. Но не ускользнули ли отъ исторіи другія, болѣе древнія передвиженія? А если ихъ не было, то восточное богатство легендъ могло передаваться отъ племени къ племени малымъ порядкомъ, и скины могли многое получать отъ своихъ восточныхъ сосѣдей, которыми были либо турки, либо финны. Пусть сами скины были арійцы или иранцы, это не мѣшаетъ имъ имѣть общія вѣрованія, обряды и легенды съ сосѣдними иноплемениками. Вѣдь видимъ же мы, что различіе въ языкѣ не мѣшаетъ кочевникамъ средней Азіи имѣть общія вѣрованія и легенды, какъ, напримѣръ, бурятамъ монгольскаго племени съ якутами, турками, или монголамъ халхасцамъ съ турками алтайцами.

До настоящаго времени всѣ арійскія заимствованія, какія замѣчались у монголовъ, относились къ вліянію буддизма. Арійское вліяніе до этой эпохи не предполагалось или, по крайней мѣрѣ, на него не указывалось. Но предполагается, что арійское племя жило въ западной части азіатскихъ степей или примыкало къ ихъ западной окраинѣ; если тюркское племя примыкало къ этому арійскому міру, то едва ли можно допустить, чтобъ на рубежѣ этихъ племенъ не происходило обмѣна вѣрованій и легендъ ¹⁾. Съ одной стороны, при изученіи монголо-тюркской старины необходимо имѣть въ виду, что часть изъ того, что теперь выводится изъ Индіи, можно отнести къ сношеніямъ съ арійцами, происходившими еще въ то время, когда арійцы населяли сосѣднія степи и еще не спустились въ индійскую низменность, и до того времени, когда буддизмъ проникъ на равнины средней Азіи. Съ другой, можетъ быть не все то изъ запаса кельтскихъ легендъ, чему приписывается такой путь—изъ индійско-буддійскаго міра въ Палестину, вмѣстѣ съ талмудическими легендами, какъ спутниками христіанства изъ Палестины въ Византію и далѣе на западъ,—дѣйствительно совершило этотъ путь. Часть того, что приписывается талмудическимъ вліяніямъ, принадлежитъ къ багажу, который кельты могли вынести со своей древней родины, гдѣ они могли имѣть общій культъ съ другимъ, хотя бы и чужеземнымъ племенемъ, населявшимъ среднюю Азію. Элементы этого культа были занесены кельтами съ ихъ расселеніемъ на западъ Европы, а другими племенами въ Палестину. Могутъ быть и такъ объяснены сходства между кельтскими и талмудическими легендами. Часть христіанскихъ апокрифовъ, можетъ быть, приурочится къ сѣверной дорогѣ, по сѣверную сторону Каспія, т. е. будетъ отнесена къ прямому воздѣйствію добуддійскаго культа арійско-тюркскаго или, вѣрнѣе, арійскаго и неарійскаго населенія средней Азіи, помимо палестинскихъ легендъ.

Эти размышленія имѣли цѣлью выяснитъ только, что нѣтъ логическихъ препятствій поставить вопросъ о гипотезѣ широкихъ заимствованій изъ степного или ордынскаго фольклора; фактическое подтвержденіе ея будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго сбора тюрко-монгольскихъ легендъ и ихъ критической разработки.

¹⁾ Наша рѣчь идетъ объ обмѣнѣ не на первобытной родинѣ арійцевъ, а въ болѣе позднее время, именно въ ближайшее доисторическое время юга восточной Европы.

Въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя книги, на которыя дѣлаются ссылки, указаны подъ сокращенными или неполными именами, поэтому здѣсь прилагаются полныя ихъ заголовки.

Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Помѣщено въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества, т. XIV. № 1 и 2.

Алтанъ-Тобчи, краткая исторія о происхожденіи царей. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ. Напечатана въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археолог. Общества, ч. VI, Спб. 1858.

Рашидъ-Эддинъ. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Переводъ И. Н. Березина. Помѣщено въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Археолог. Общества. Переводъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ въ V части Трудовъ (Спб., 1858); 2) Исторія Чингисъ-хана до восшествія его на престоль, въ XIII ч. Трудовъ (Спб., 1868) и 3) Исторія Чингисъ-хана отъ восшествія его на престоль до воячины, въ XV ч. Трудовъ (Спб., 1888).

Васильевъ, В. П. Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общества, ч. IV (Спб., 1859).

Юань-чао-ми-ши, сказаніе о Чингисъ-ханѣ, переводъ о. Палладія съ китайскаго, въ Трудахъ Пекинской духовной миссіи, т. IV.

Подъ сокращеніемъ Оч. вездѣ разумѣются мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, 4 выпуска, Спб. 1881—1883.

I.

СКАЗКИ.

Въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя книги, на которыя дѣлаются ссылки, указаны подъ сокращенными или неполными именами, поэтому здѣсь прилагаются полныя ихъ заголовки.

Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Помѣщено въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества, т. XIV. № 1 и 2.

Алтанъ-Тобчи, краткая исторія о происхожденіи царей. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ. Напечатана въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археолог. Общества, ч. VI, Спб. 1858.

Рашидъ-Эддинъ. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Переводъ И. Н. Березина. Помѣщено въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Археолог. Общества. Переводъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ въ V части Трудовъ (Спб., 1858); 2) Исторія Чингисъ-хана до восшествія его на престоль, въ XIII ч. Трудовъ (Спб., 1868) и 3) Исторія Чингисъ-хана отъ восшествія его на престоль до кончины, въ XV ч. Трудовъ (Спб., 1888).

Васильевъ, В. П. Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общества, ч. IV (Спб., 1859).

Юань-чао-ми-ши, сказаніе о Чингисъ-ханѣ, переводъ о. Палладія съ китайскаго, въ Трудахъ Пекинской духовной миссіи, т. IV.

Подъ сокращеніемъ Оч. вездѣ разумѣются мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, 4 выпуска, Спб. 1881—1883.

I.

СКАЗКИ.

1. ГЭСЭРЪ.

Тангутскіе варианты.

ВАРИАНТЪ А.

Въ странѣ Лымгъ ¹⁾ царствовалъ Чагәнъ-чжаву. Онъ наложилъ дань на муравьевъ (бу-чжугма) въ день доставлять по 10.000 шамгъ (лангъ) золота, на рѣку наложилъ дань по 10.000 деревъ въ день, на вѣтеръ по 10.000 вьюковъ травы и на птицу ргуръ-тэнкэръ по 10.000 перьевъ въ день. Отъ этой дани народъ богатѣлъ и благоденствовалъ подъ управленіемъ царя Чагэна. Царь Чагәнъ состарѣлся и удалился въ пещеру. Послѣ него воцарился Чотонъ-чжаву. Это былъ плохой царь; не только муравьи, рѣка, вѣтеръ и ргуръ-тэнкэръ перестали при немъ давать дань но и онъ самъ, Чотонъ-чжаву, попалъ въ данники. Гома-чжаву (т. е. китайскій императоръ) наложилъ на него дань лошадьми; Хоръ-вэркэръ-чжаву наложилъ на него дань ячменемъ (нэй), изъ котораго дѣлается водка; девятирогій царь Дыръ (рдырь-тура-рцыйгу), который поѣдалъ людей, наложилъ дань людьми. Дыръ ²⁾ имѣлъ 18 сажень росту, и не 18 просто, а 18 сажень нашихъ да одну дырьскую сажень ротъ у него 18 четвертей, да не 18, а 18 нашихъ и 1 четверть дырьская; глазъ у него былъ 18-ти казанковъ или вершковъ, да не 18-ти, а 18 нашихъ да 1 дырьскій. На головѣ у Дыря 9 роговъ. Если Дыръ ляжетъ на землю, земля подъ нимъ колеблется; дотронется рогомъ до неба, небо колеблется. Отъ такихъ даней земля Лымгъ обѣднѣла; въ ней стало холодно.

Въ это время тридцать сильныхъ мужей собрались обсудить положеніе дѣлъ. Въ числѣ ихъ были: Чжарсэй (рчжарсэй) шыкыръ-мбумэ, Саянъ (цаянъ) данчинъ-шюгмырь, Кумый-уаца (ваца) тарва и Глынга-джунрэ-нохо. Чжарсэй-чжаву держать такую рѣчь: «Надо бы Хоръ-куркэръ-чжаву царя убить; найди бы такого человѣка, который могъ бы это сдѣлать; надо бы Чжаныкъ (рчжаныкъ) чжаву царю

¹⁾ Разсказчикъ произносилъ обыкновенно Глымгъ. Напечатанныя курсивомъ литеры *и* передаютъ носовой звукъ.

²⁾ Разсказчикъ постоянно произносилъ Рдырь.

холодной воды влить въ котель, когда для него варять рисъ; царю Дырю надѣть на ротъ ослиный намордникъ. Народъ въ Лымѣ свудается; нужно съѣздить въ нижній Пекинъ (ма-Чжаныкъ), въ верхній Гуйцынъ (рто-Гуйцынъ)¹⁾ и въ Оргациунра, кушитъ тамъ катыговъ (хадаковъ) и поднести Чагэну, чтобъ онъ вернулся въ Лымѣ и поправилъ дѣла.

Тарва поѣхалъ за катыгами въ рто-Гуйцынъ (Лассу), Саянъ въ Пекинъ, Глынга въ Оргу. Добывъ катыги, они отправились къ пещерѣ, гдѣ пребывалъ Чагэнь-чжаву и стали звать его въ Лымѣ. Въ землѣ находилась лошадь рта-бунгу, Чагэнь сѣлъ на нее и отправился на небо. Смотрить, на встрѣчу ему идетъ множество людей; онъ испугался; онъ думалъ, что это высланъ народъ противъ него и сталъ кричать ему, что онъ вооруженъ, что у него есть сабля. Народъ объявилъ, ему, что онъ вышелъ привѣтствовать его, какъ своего царя. Чагэнь явился къ богу Хлачжинъ-цонва-гарву и его женѣ Анэ-гома-чжаму, у которыхъ было три сына: Аву-тончжинъ, Аву-тончжанъ и Аву-тончжунъ. Чагэнь-чжаву говорить богамъ, что при его преемникѣ Чотонѣ народъ Лымѣ обѣднѣлъ, погибаетъ отъ тяжелыхъ даней и сократился; Хоръ-Керверу платитъ ячменемъ, Чжаныку скотомъ, Дырю даетъ людей на съѣденіе. Чагэнь проситъ боговъ дать ему одного изъ своихъ сыновей. Боги говорятъ, что первый сынъ для нихъ все равно, что глазъ; второй все равно, что сердце, а третій, какъ правая рука. Осердился Чагэнь, поѣхалъ далѣе къ богу Нанчжанъ-Кунгванъ, у котораго было два сына; тотъ тоже не далъ. Чагэнь поѣхалъ къ богу Улу-Гсыгла-рэнчэнъ, у котораго былъ одинъ сынъ. Этотъ говоритъ: «У меня всего одинъ сынъ. Какъ я останусь, если лишусь его?» Чагэнь спустился въ Лымѣ и сдѣлалъ санъ. Онъ свезъ восемнадцать тысячъ лошадиныхъ вьюковъ можжевельника (пихпа) и восемнадцать вьюковъ талвана (рсамба), сложилъ костеръ и зажегъ. Весь народъ Лымѣ собрался вокругъ сана; скачутъ на коняхъ, рыскаютъ, стрѣляютъ и шумятъ. Дымъ сана достигъ до боговъ Хлачжина и Анэ-гомы; они испугались и говорятъ: «Это Чагэнь дѣлаетъ санъ. Что это значитъ? Они хотятъ съ отчаянія перебить другъ друга». Богъ Нанчжанъ говоритъ: «Надо дать имъ сына. Я отдамъ имъ своего сына».

«Нѣтъ, говорить Хлачжинъ. Ты не отдавай, я отдамъ. Если ты отдашь, тебѣ нужно будетъ принести клятву, что ты отдашь. А мнѣ не нужно».

Боги (Хлачжинъ и Ане-гома) посылаютъ старшаго сына осмотрѣть народъ Лымѣ. Аву-Тончжинъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Лошадь его шарахнулась и понесла въ горы, въ воду, въ лѣса, а хорошей дорогой не пошла; вернулся онъ, ничего не увидѣвъ. Боги посылаютъ втораго сына. Аву-Тончжанъ поѣхалъ; и его конь шарахнулся, пошелъ въ воду, въ горы, въ лѣса и онъ, ничего не увидѣвъ, вернулся. Ане-гома заплакала. Какъ теперь быть? Два старшихъ сына не смогли осмотрѣть Лымѣ, а третій сынъ еще грудной ребенокъ. Слеза покатила по лицу и по груди и попала въ ротъ ребенку, который былъ у груди. Онъ спрашиваетъ мать: «Ты что плачешь?» Мать отвѣчаетъ: «Насталъ день посылать сына, а два

¹⁾ Т. е. Уй-цзанъ, тибетская провинція, въ которой находится Ласса.

твоихъ старшихъ брата не могли осмотрѣть Лымгъ». Ребенокъ спрашиваетъ: «Можно ли мнѣ попробовать надѣть на себя отцовскій шлемъ и отцовскую кольчугу?» «Можно», говоритъ мать.

Онъ надѣлъ отцовскіе шлемъ и кольчугу, сѣлъ на лошадь и объѣхалъ Лымгъ. Потомъ говоритъ матери: «Теперь мнѣ нужно пращъ съ камнемъ (ватыгъ луму рдо) и красный молотокъ (рчжарта-марву-ртари). Мать дала ему эти вещи. Аву-Тончжунъ поѣхалъ къ скалѣ, въ трещинѣ которой сидѣлъ гадатель, ворожея, умѣвшій смотрѣть шюкуръ (мо)¹⁾; имя этому ворожею было Мова-Кушинъ-Тему²⁾. Подѣхавъ къ скалѣ, Аву-Тончжунъ проситъ ворожею выйти изъ трещины и посмотреть шюкуръ. Кушинъ-Тему говоритъ, что онъ не можетъ къ нему выйти, а пусть Аву-Тончжунъ самъ войдетъ къ нему въ трещину. Аву-Тончжунъ замаяхнулся молоткомъ, хочетъ разбить скалу; отъ одного взмаха скала рассыпалась на мелкіе куски; гадатель очутился наружѣ и подошелъ къ Аву-Тончжуну. Онъ бросилъ шюкуръ и сказалъ Тончжуну, что онъ, подобно Шянбѣ, убивающему овецъ, будетъ въ силѣ убивать людей и, подобно Бурхану, будетъ въ силѣ отсылать чело-вѣческія души на небо. Потомъ Аву-Тончжунъ спросилъ, что ему ѣсть, когда онъ вернется къ матери. Аву-Тончжунъ былъ ребенокъ, смысла не хватало еще спросить о чемъ нибудь серьезномъ. Гадатель говоритъ: «Молоко твоей матери ни въ ротъ, ни въ ноздри тебѣ не попадетъ!»

Аву-Тончжунъ пріѣхалъ домой. Мать указала ему ведро кислаго молока (шю), стоявшее въ шкафу; онъ отворилъ дверцу шкафа, взялъ ведро, понесъ, задѣлъ краемъ ведра и все молоко пролилъ. Правдивы слова ворожей! сказалъ онъ.

Послѣ этого Аву-Тончжунъ поѣхалъ въ Лымгъ. Дорогой онъ ужаснулся. «Въ какую страну ѣду! Рано пріѣду, лошадь продать нужно будетъ, чтобъ поѣсть; поздно пріѣду, молотокъ нужно будетъ продать, чтобъ поѣсть. Утромъ въ Лымгѣ доятъ коровъ и молоко ѣдятъ; вечеромъ эту корову убиваютъ и мясо ея ѣдятъ!» Старшая жена Чотона Ама-донзама увидѣла, что будто тѣнь птицы мелькнула. Аву-Тончжунъ спускался въ Лымгъ, обратившись въ бѣлую птицу (шя-гарву). Она догадалась и говоритъ мужу, что эта тѣнь не къ добру; должно быть Гэсэръ нарождается въ Лымгѣ. Вторая жена Чотона Ама-нгыгза-хламу доила въ это время коровъ; она вдругъ заснула, упала на землю и увидѣла сонъ; когда она проснулась, Чотонъ спрашиваетъ ее, отчего она упала. Она говоритъ, что не знаетъ, что съ ней случилось; заснула, упала на землю и увидѣла сонъ, будто бы на небѣ собралось множество народа, бьютъ въ бубны и стрѣляютъ, какъ будто пріѣтствуютъ прибытіе царя. Чотонъ осердился на нее, далъ ей старую лошадь, старую собаку, старую овцу, худую изорванную палатку и прогналъ жить въ степь. Когда Гзынга поселилась отдѣльно, Аву-Тончжунъ вошелъ въ ея утробу.

Гэсэръ говоритъ изъ утробы своей матери: «Мать! я выйду черезъ голову!» Мать отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, выходи естественнымъ порядкомъ». И Гэсэръ, или

¹⁾ Шюкуръ—деревянный брусокъ со знаками, по паденію котораго на землю гадаютъ.

²⁾ Тему—большой палецъ по-тангутски. Онъ былъ величиной только съ большой палецъ чело-вѣка.

какъ онъ назывался въ Лымѣ, Мынгы-нгыг-чжори, родился по обыкновенному. Въ одинъ день съ нимъ родились: Хорь-кэркэр-чжаву, Чжа (рчжа) мэзыкь-каб-дэй, Дырге (рдырге) лама-нгуре, Лынгэ (глынгэ) лынга-чжигэ, а также отъ тѣхъ старыхъ лошади, собаки и овцы, которыя были даны матери Гэсэра Чотоню, родились лошадь Рта-рчунву¹⁾, собака Чи-танла и черная овца Маму-чуму.

Родившись, Гэсэръ говоритъ матери: «Придетъ моя ачжа²⁾ съ мясомъ и подарками; ты въ это время возьми ножъ и точи его о котелъ. Если тетка спроситъ, что ты дѣлаешь? ты скажи: Ёсть нечего, такъ вотъ хочу зарѣзать ребенка, котораго родила, и съѣсть». Когда тетка пришла, мать Гэсэра такъ и сдѣлала, какъ её училъ сынъ. Тетка говоритъ: «Не рѣжь ребенка. Вотъ я принесла мяса, масла и дабу, обернуть ребенка». Гэсэръ мясо сразу цѣликомъ съѣлъ, масло тоже цѣликомъ съѣлъ, а дабу всю навернулъ на одинъ палецъ. Тетка подивилась, пошла прочь и всѣмъ встрѣчнымъ рассказывала: «Вотъ такъ ребенокъ родился! цѣликомъ съѣлъ все мясо и масло, которыя я принесла родильницѣ, а дабы, которую я принесла, хватило только обернуть одинъ палецъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Чотона.

Какъ только Гэсэръ родился, Чотонъ сейчасъ же далъ знать Дырю и велѣлъ передать ему, что если онъ не хочетъ лишиться своей дани, то новорожденнаго ребенка надо убить теперь же, пока онъ малъ, что послѣ будетъ поздно. Чотонъ просилъ Дыря прислать собаку Чика-арасу³⁾. Гэсэръ говоритъ своей матери: «Отъ Дыря придетъ собака Чика-арасу, чтобы съѣсть меня. Ты вымой меня, одѣнь хорошо; когда придетъ Чика-арасу, подай ему меня и скажи: Вотъ тебѣ мой ребенокъ! Съѣшь его! Только не кусай и не жуй его, а проглоти сразу!» Такъ мать Гэсэра и сдѣлала, вымыла ребенка, подала собакѣ и говоритъ: «Вотъ съѣшь моего ребенка, только не кусай и не жуй его, а проглоти цѣликомъ!» Чика-арасу говоритъ: «Онъ такъ малъ, что я могу легко проглотить его цѣликомъ!» Собака проглотила Гэсэра. Гэсэръ остановился въ горлѣ, уперся руками и ногами и не двигается. Собакѣ стало неловко; она то выпрямится, то сгорбится, не можетъ проглотить. «Ты не стой на мѣстѣ», говоритъ она проглоченному Гэсэру, «а выходи или вверхъ или внизъ. Зачѣмъ ты сгорбился? Ты выпрямись!» Гэсэръ выпрямился въ горлѣ и Чика-арасу, задохшись, умерла.

Гэсэръ привалилъ тѣло собаки къ дверямъ Чотонова дома. Не можетъ Чотонъ выйти изъ дома. Собрался народъ, тащутъ собаку, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ собаку. Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Потомъ Чотонъ проситъ Дыря прислать птицу Дыреи (рдырки) шянгыг-шюгринъ. Летитъ птица большая, какъ гора; солнце закрыла, наступилъ мракъ. Прилетѣла и сѣла на гору. Гэсэръ точитъ стрѣлу. Мать спрашиваетъ его: «Что ты дѣлаешь?» «Точу стрѣлу, чтобы убить птицу!» Онъ пустилъ стрѣлу, убилъ

¹⁾ Рта по-тангутски «лошадь».

²⁾ Ачжа—широингольское слово, значить тетка по матери. Это была дѣвица, жившая при Чотонѣ.

³⁾ Чика по-тангутски значить «собака».

птицу и предложилъ народу дергать изъ нея перья. Никто не въ состояніи одного пера выдернуть. Тогда Гэсэръ самъ надергалъ перьевъ; большія перья роздалъ большимъ вельможамъ, малыя малымъ, остальные перья роздалъ всему народу, а тѣло птицы привалилъ къ дверямъ Чотона. Не можетъ Чотонъ выйдти изъ дома. Собрался народъ, тащуть птицу, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ птицу, Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Теперь Чотонъ проситъ Дыря прислать семь человѣкоядцевъ Шянба-нибдынъ. Гэсэръ опечалился. Какъ быть? Этихъ не легко убить; одного убьешь, еще шесть останется. Онъ учитъ мать: «Когда Чотонъ будетъ угощать Шянба-нибдынъ, ты внеси меня въ домъ къ Чотону и скажи имъ: «Не дѣлайте зла Чотону, а вотъ вамъ мой ребенокъ! Ыште!» и брось меня передъ ними». Нгыга-лхаму такъ и сдѣлала, бросила ребенка Гэсэра передъ семью Шянба. Гэсэръ обратился въ круглый камень. Стали Шянба грызть камень; грызли, грызли, ничего подѣлать не могутъ, зубы не берутъ; ножами рѣзали, ножи приломали. Повалили камень къ себѣ домой. Прикатили; Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «Есть ли мѣсто три шага сдѣлать?» Отвѣчаютъ ему: «Нѣту». «Есть ли время сказать три слова?» «Слово скажи», сказали ему. Тогда онъ обратился къ небеснымъ отцу и матери и говоритъ: «У меня нѣтъ силъ убить ихъ. Убейте ихъ своею силою!» Ане-гома-чжаму сдѣлала грозу, пустила небесную стрѣлу (тогъ) и убила всѣхъ семерыхъ.

Послѣ этого Гэсэръ обратился въ бурхана, приснился Чотону и велѣлъ ему ѣхать въ страну Тунва-ахырсынъ¹⁾ и добыть сиваго мула (чюй рунунъ). Чотонъ, проснувшись, рассказываетъ сонъ женѣ Ама-донзамѣ. Та говоритъ: «А мнѣ сдается то не богъ былъ, а Магай-чжори». Подъ этимъ браннымъ именемъ она разумѣла Гэсэра. «Ты женщина», сказалъ Чотонъ, «и ничего не знаешь». И поѣхалъ добывать сиваго мула. Приѣхалъ къ Дунъ (рдунъ) ахорсыну, сталъ просить продать мула; тотъ говоритъ: «Мой мулъ не продажный. Но ты царь и я не могу не отдать тебѣ». «Скажи же цѣну?» спрашиваетъ Чотонъ. «Ему цѣны нѣтъ, а ты сколько хочешь, столько и дай!» Чотонъ далъ за четыре ноги мула четыре тарелки серебра, за два глаза двѣ тарелки золота, сколько шерсти было на мулѣ, столько овецъ, сколько въ гривѣ волосъ, столько коровъ, сколько въ хвостѣ волосъ, столько лошадей.

Чотонъ, предвидя, что ему удастся взять Нчжуму за сына, сдѣлалъ пиръ; чтобы угостить гостей мясомъ, онъ убилъ корову Шипо-уачинъ-чаму. Гэсэръ говоритъ ему: «Аха! большую долю мяса отдай народу, а мнѣ дай маленькій худой кусокъ!» Чотонъ далъ ему худой кусокъ; Гэсэръ спряталъ его въ свой мѣшокъ. Все остальное мясо перешло въ его мѣшокъ за этимъ худымъ кускомъ. Чотонъ началъ упрекать Гэсэра, что онъ взялъ все мясо, не чѣмъ угощать гостей, но Гэсэръ показалъ гостямъ свой мѣшокъ; тамъ былъ одинъ только худой кусокъ. Чотону стало стыдно.

Послѣ этого Гэсэръ отправился на небо къ своей матери Ане-гома-чжаму.

¹⁾ Въ другой разъ рассказчикъ назвалъ страну Дунъ (рдунъ) ахорсынъ.

Она дала ему для его лошади Рта-рчунву сѣдло по имени Серга-нима-рэншэрь, а для него самого племь Чаныгъ-всыри-тыгдыгъ и ножъ Чичонъ-шекъ-игэрь. Сверхъ того небесная мать дала ему еще мѣшокъ, въ который онъ могъ прятать эти вещи.

Въ странѣ Санъ-енчинъ жили отецъ и мать дѣвицы Нчжугму. Это была невѣста Гэсэра и онъ долженъ ѣхать доставать ее. Гэсэръ спрашиваетъ свою мать, гдѣ же его конь. Мать не говоритъ ему; она не хочетъ, чтобъ дитя уѣхало. Когда она жарила ячмень на рсамбу ¹⁾, Гэсэръ прижалъ ее руку къ горячему ячменю, находившемуся на днѣ котла, и сказалъ, что не отпуститъ руки, пока она не скажетъ тайны. Мать Гэсэра не могла вытерпѣть боли отъ обжога и указала ему въ ту сторону, куда онъ долженъ пойти искать коня. «Тамъ, она сказала, есть двѣ горы; между ними ключъ. На этотъ ключъ приходятъ на водопой табунъ лошадей и кобылица съ жеребенкомъ. Ты засядь за камнемъ и подожди. Сначала прибѣжитъ табунъ; изъ этого табуна ты не выбирай коня; тутъ твоего коня нѣтъ. Потомъ табунъ уйдетъ, а прибѣжитъ кобылица съ жеребенкомъ. Этотъ жеребенокъ и есть твой конь». Гэсэръ свилъ веревку и пошелъ къ указанному мѣсту, засѣлъ за камень. Пришелъ табунъ, напился и ушелъ. Пришла кобылица съ жеребенкомъ. Гэсэръ накинулъ на него петлю; жеребенокъ бросился бѣжать и натянулъ веревку; она порвалась. Гэсэръ вынулъ лукъ, выстрѣлилъ и отстрѣлилъ жеребенку хвостъ и гриву. Жеребенокъ убѣжалъ на вершину горы. Гэсэръ ушелъ домой, ничего не говоритъ матери. Мать вышла въ степь, увидѣла жеребенка на горѣ и стала просить его спуститься и отдаться Гэсэру. Жеребенокъ говоритъ, что ему стыдно спуститься. Какъ онъ будетъ ходить рядомъ съ другими конями безъ гривы и хвоста? Мать Гэсэра говоритъ, что это не бѣда, что грива и хвостъ отрустутъ, а чтобъ ему теперь не было стыдно, у всѣхъ жеребятъ будутъ отрѣзаны хвосты и гривы.

Гэсэръ осѣдлалъ жеребенка и поѣхалъ въ Санъ-енчинъ за невѣстой Нчжугму. Чотонъ-чжаву тоже хочетъ взять ее за себя; онъ тоже поѣхалъ. Увидѣла ихъ Нчжугму и запѣла: «Что это за два красивыхъ всадника ѣдутъ? Лица ихъ, какъ два солнца, горятъ?» Небесная мать Гэсэра, небесные и земные боги всѣ смотрятъ и желаютъ, чтобы Гэсэръ приѣхалъ въ Санъ-енчинъ прежде, но конь Гэсэра и сивый мулъ Чотона были одинаковой силы; они были братья. Никто изъ нихъ не можетъ обогнать. Чжарсэй-чжаву запѣла: «Какъ жаль, что Гэсэръ не можетъ обогнать противника!» Гэсэръ имѣлъ въ своемъ мѣшкѣ желѣзную колючку; онъ подбросилъ ее мулу; мулъ накололъ ногу и отсталъ. Гэсэръ прибылъ въ Санъ-енчинъ прежде Чотона.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Хотя ты и впередъ приѣхалъ, а все-таки я не отдамъ тебѣ Нчжугму сразу; побори напередъ моего сына. Поборешь, возьми Нчжугму!»

Усѣлся народъ рядами, какъ ламы въ хуралѣ. Во главѣ ряда мужчинъ сидитъ Хоръ-чагэнь-чжаву, во главѣ женщинъ Ай-бамзэ-бомбирь, во главѣ ряда молодыхъ ребятъ сидитъ Кумый-ваца-тарва. Вышелъ старшій сынъ Чотона, Ты-

¹⁾ Рсамба по-тангутски, талханъ по-монгольски «жареная ячменная мука».

григъ (ртыгригъ)-земпырь, бороться съ Гэсэромъ. Гэсэръ схватилъ Земпыра и бросилъ его въ небо. Тамъ небесные боги окружили его, спрашиваютъ: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ онъ. «А, Гэсэръ! это хорошо!» Каждый богъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Затѣмъ боги столкнули Земпыра на землю. Земные боги спросили его: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ Земпырь. «А, Гэсэръ, говорятъ земные боги,—это хорошо!» И каждый изъ нихъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Гэсэръ снова бросилъ его на небо. Опять боги спрашиваютъ, кто его забросилъ, опять хлопаютъ его по головѣ и щиплютъ его тѣло; столкнули его на землю; земные боги хлопаютъ по головѣ и щиплютъ его тѣло. Гэсэръ въ третій разъ забросилъ Земпыра на небо; и въ третій разъ боги пощипали. Наконецъ на Земпырь не осталось мяса нисколько; небесные и земные боги все мясо съ него сощипали; остались однѣ кости. Тогда Гэсэръ схватилъ его и вдавилъ его кости въ землю.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Нѣтъ, и теперь еще не уступлю тебѣ Нчжугму! А вотъ пусть тотъ ее получитъ, кто застрѣлитъ птицу Чунъ и принесетъ ее перо». Птица Чунъ сидитъ большая, какъ гора. Четыре вельможи (лумбу) поѣхали стрѣлять ее: Чотонъ-чжаву, Чагэнь-чжаву, Чжарсэй (рчжарсэй)-чжаву и Тарва. Выстрѣлилъ Чотонъ; стрѣла попала въ гору; отъ горы отвалился камень, рассыпался въ щебень, щебень завалилъ рѣку и прекратилъ ее теченіе. Выстрѣлилъ Чагэнь-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень рассыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ее теченіе. Выстрѣлилъ Чжарсэй-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень рассыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ее теченіе. Выстрѣлилъ Тарва, и онъ тоже только откололъ отъ горы обломокъ, которымъ завалило рѣку. Выѣхалъ стрѣлять Гэсэръ. Онъ говоритъ птицѣ Чунъ, которая высунула изъ гнѣзда голову и смотритъ на стрѣлковъ. «Какое красивое перо у тебя на головѣ! А еслибъ ты высунулась побольше, чтобъ увидѣть твою грудь! Я думаю, грудь твоя должна быть еще лучше!» Чунъ думаетъ: «въ самомъ дѣлѣ должно быть мое перо ему понравилось». Высунулась по грудь. Гэсэръ выстрѣлилъ, убилъ птицу Чунъ и принесъ ее перо. Тогда Чотону нечего было больше сказать. Нчжугму осталась за Гэсэромъ.

По обычаю, молодая жена должна поднести мужу вино. Нчжугму налила вина въ чашу и понесла Гэсэру; Гэсэръ принялъ захудалый видъ, всѣ свои хорошія вещи спряталъ въ мѣшокъ, лицо себѣ сдѣлалъ нехорошее, сопли висятъ ниже губъ. Не узнала его Нчжугму и поднесла вино сыну Чотона. Сынъ Чотона не можетъ взять вино; силъ у него не хватаетъ взять. Онъ передалъ вино Гэсэру, а самъ покраспѣлъ отъ стыда. Нчжугму обидѣлась, что досталась такому уроду, какъ Гэсэръ. Небесная мать Ане-гома говоритъ Гэсэру: «Когда будешь пить вино, будетъ летать около тебя пчела и стараться попасть тебѣ въ носъ. Не пускай ее въ носъ. Это будетъ Нчжугму, обратившаяся въ пчелу. Если она заберется въ тебя, она убьетъ тебя. И ты самъ не убивай пчелы, а то убьешь свою жену!» Пчела летаетъ и норовитъ попасть въ носъ Гэсэру; Гэсэръ поймалъ ее, навязалъ на нее нитку и говоритъ: «Ты поднесла вино не мнѣ, а Чотонову сыну». Тутъ все со-

Передъ отъѣздомъ Гэсэръ велѣлъ сдѣлать пирь. «Не варите много, сказалъ онъ, а сварите только три чашки чая и три куска мяса!» Одну чашку онъ выплеснулъ въ небо, другую выпилъ самъ, а третьей напоилъ все собраніе гостей; одинъ кусокъ мяса бросилъ въ небо, одинъ съѣлъ самъ, одинъ раздѣлилъ собранію и всѣ были сыты.

Затѣмъ онъ сталъ чистить свое оружіе и платье; пыль сметалъ съ каждой вещи три раза; въ первый разъ сметалъ въ землю Дырь ¹⁾, во второй въ землю Хоръ, въ третій въ землю Чжаныгъ (рчжаныгъ).

У Гэсэра было двѣ жены. Старшая спрашиваетъ младшую: «Нѣтъ ли средства удержать Гэсэра отъ поѣздки къ Дырю?» Младшая говоритъ: «Ты ходишь въ шелковомъ платьѣ и ѣшь сладкое, ты больше знаешь, чѣмъ я». Сказавъ это, она, однако, прибавила: «Если спрятать лошадь и сѣдло, то какъ онъ безъ нихъ поѣдетъ къ Дырю?» Жены спрятали лошадь и сѣдло Гэсэра. Но Гэсэръ пошелъ пѣшкомъ къ Дырю и пошелъ одинъ, всѣхъ своихъ товарищей уговорилъ остаться, не могъ отдѣлаться только отъ Чотона. Чотонъ говорилъ: «Какъ Гэсэръ поѣдетъ одинъ? Я долженъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, я долженъ взять большой запасъ, чтобы кормить Гэсэра дорогой». Поѣхали они вмѣстѣ. На одной стоянкѣ Гэсэръ сдѣлалъ большой снѣгъ, потомъ всѣ хлѣбы изъ мѣшка Чотона поломалъ и куски побросалъ въ снѣгъ. Чотонъ остался съ пустымъ мѣшкомъ, голодаетъ. Гэсэръ добылъ козла и козлинымъ мясомъ покормилъ голоднаго Чотона. Наѣвшись, Чотонъ упрекнулъ Гэсэра: «Накормилъ меня воровскимъ мясомъ». На другомъ ночлегѣ Гэсэръ изломалъ стрѣлу, сдѣлалъ изъ нея огонь, сложилъ руки въ пригоршни, взялъ въ нихъ воды и держитъ ихъ надъ огнемъ. Сварилъ себѣ такимъ образомъ пиццу и поѣлъ. Чотонъ тоже изломалъ свою стрѣлу, разжегъ огонь, надставилъ пригоршни съ водой, обжегъ руки и выплеснулъ воду. Отъ голоду Чотонъ началъ думать о возвращеніи домой, но закручинился, какъ быть? Ъхать впередъ, умереть съ голоду; ѡхать назадъ, дороги не знаешь, заблудишься. Гэсэръ говоритъ ему: «Вотъ тебѣ стрѣла; держи ее прямо передъ собою и она выведетъ тебя. Только не ломай стрѣлу, а приѣдешь домой, воткни ее въ обо». Поѣхалъ Чотонъ домой и все плутаетъ; заѣзжаетъ въ горы непроходимыя, въ лѣса густыя, въ болота. Онъ осердился и о колѣно переломилъ стрѣлу. Отлетѣла одна щепка къ дереву и попала въ зайца, лежавшаго подъ деревомъ. Чотонъ поймалъ зайца и выѣхалъ домой. Приходитъ къ Чжарсэю, а самъ держитъ зайца обѣими руками. Чжарсэй спрашиваетъ: «Гдѣ Гэсэръ?» Чотонъ говоритъ: «Гэсэра я не видалъ, а я вотъ поймалъ Дыря и держу его». «Какой это Дырь? говоритъ Чжарсэй. Такихъ Дырей много. Это заяцъ». «Ты поймай-ка самъ, если ихъ много!» говоритъ Чотонъ. Чжарсэй пустилъ стрѣлу и въ одинъ выстрѣлъ на стрѣлу нанизалъ трехъ зайцевъ. «Твои мертвые», говоритъ Чотонъ, «а мой живой». Чжарсэй снялъ зайцевъ со стрѣлы и они побѣжали живые. Чотону стало стыдно.

Нчжугму стала печалиться, что отпустила Гэсэра безъ лошади и повела ее

¹⁾ Въ этомъ случаѣ Дырь (рдырь) понято, какъ имя страны.

къ нему. Дорогой она приходитъ къ рѣкѣ и спрашиваетъ у пастуховъ, пасшихъ овецъ, есть ли переѣздъ? Пастухи говорятъ, что вершина рѣки уходитъ выше Лассы, устье ниже Пекина, а середина такъ глубока, что два большихъ быка побрели черезъ нее и ихъ теперь не видать, торчатъ изъ воды только ихъ рога; два большихъ волка хотѣли перейти рѣку, ихъ самихъ не видать, видно только ихъ хвосты. «Не видѣли ли вы человѣка, спрашиваетъ пастуховъ Гэсэрова жена, если спереди на него посмотришь, онъ покажется, какъ гэгэнь, а сзади посмотришь, покажется, какъ будто князь (хонбу)»?

Нчжугму сѣла на свою лошадь, лошадь Гэсэра ведетъ въ поводу, и поѣхала черезъ рѣку. Лошадь Гэсэра только копыта замочила, а ея лошадь по сѣдло ушла въ воду. Переѣхала Нчжугму воду и догнала Гэсэра. Земные боги собрались вокругъ него, читаютъ ему номъ и моютъ ему гѣло. Гэсэръ обрадовался женѣ и говоритъ, что она можетъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Дырю, что онъ повезетъ ее въ своемъ мѣшкѣ, если только она согласится жить въ номѣ¹⁾. Но Нчжугму сказала, что она не хочетъ держать номъ, а желаетъ, чтобъ онъ вдвоемъ съ нею вернулся жить въ Лынгъ. Когда она отказалась жить въ номѣ, боги исчезли. Гэсэръ, чтобы заставить жену возвратиться домой, обратился въ тигра. Онъ думаетъ, испугаю ее и она уѣдетъ. Она говоритъ тигру: «Ты хочешь съѣсть меня? ѣшь! Гэсэръ меня оставилъ, не хочетъ возвращаться въ Лынгъ, такъ я готова умереть!» Тогда Гэсэръ обратился въ волка, но она узнала его. «Э, это не волкъ, говоритъ, а мой Гэсэръ! Поймаю его!» Она поймала волка и волкъ сталъ опять Гэсэромъ. Тогда Гэсэръ согласился вернуться въ Лынгъ. Когда они прибыли домой, Нчжугму посадила Гэсэра въ домъ и заперла, собрала народъ и говоритъ: «Пусть всѣ Лынгцы отъ мала до велика идутъ на войну съ Дыремъ подъ предводительствомъ четырехъ вельможъ (лумбу), Чжарсэя, Тарвы и другихъ, а Гэсэра я не отпущу!» Одна санъ-ѣнчинская женщина на это сказала ей: «Посмотри, тутъ-ли онъ? Не ушелъ ли въ окно!» Нчжугму посмотрѣла въ дому, Гэсэра уже нѣтъ; онъ выскочилъ въ окно и ускакалъ.

Гэсэръ подѣхалъ къ высокой горѣ Рэмисыръ-сарй-руху; гора была такая высокая, что если человѣкъ станетъ на ея вершинѣ, головой упрется въ небо. Гэсэръ остановился и задумался. Лошадь спрашиваетъ его: «Ты что задумался?» — Думаю, что не перевалить мнѣ черезъ эту гору. «Это не твое дѣло», говоритъ лошадь, «а мое. Ты только смотри, чтобъ у тебя не было за пазухой камней; и мы пройдемъ». Лошадь покаталась по землѣ и у нея подъ передними ногами выросли крылья. Гэсэръ позвалъ мать, собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ и отправился. Конь полетѣлъ. Вдругъ конь вмѣстѣ съ Гэсэромъ упалъ на землю; Гэсэръ осмотрѣлъ себя и нашелъ за пазухой камень и брусокъ, которые онъ забылъ выбросить. Лошадь отъ этого полета устала и проголодалась и не могла вновь подняться. Гэсэръ срѣзалъ съ своихъ колѣнъ кости и вложилъ ей въ ротъ. Она опять стала сыта. Вновь поѣхали и поднялись на гору. Когда поднялись, ло-

¹⁾ То есть сохраняя цѣломудріе.

шадь спрашиваетъ Гэсэра: «Ты что мнѣ положилъ въ ротъ»? Кость съ своего колѣна, отвѣчаетъ Гэсэръ. Лошадь выплюнула кость и приложила къ колѣну Гэсэра; кость снова приросла.

Съ горы Гэсэръ увидѣлъ всѣ земли, какія есть на свѣтѣ, и сталъ разспрашивать коня. — Это какая земля? спрашиваетъ онъ. «Это, говоритъ конь, Саларская земля, Кугэ-цэрка-рэкшэръ». А это? «Это Ласская (Гуйцынская) Чжачжуэ-марву-цонге-тончжау». — А то что за три монастыря? «Это Гуйга-сэнчже-гэксинъ» (т. е. три монастыря Галданъ, Сэра и Брибынъ). — А то что за три горы? «То три горы брата Лугэ-рпинхсунъ-санчжау, лежація въ странѣ Монголовъ», сказалъ ему конь.

Въ странѣ царя Хоръ-кэркэръ-чжаву выросло на престолѣ дерево красный зандынъ (зандынъ-марву); на его вершинѣ сокола свила гнѣздо (занцзынъ-тонвурчага-цынъ). Сокола, собирая матеріалъ для гнѣзда, нашла волосъ длиною въ одну сажень цвѣта зеленого камня ю¹⁾. Она говоритъ: «Есть три красавицы въ свѣтѣ; одна въ низахъ; это Рчже-чжаза-вунчю²⁾, жена китайскаго царя; другая вверху; это Гуйга-гуйза-учюкъ, жена тибетскаго царя въ Лассѣ; третья красавица въ Лымѣ, это Глынга-глынза-чжигэ, жена Гэсэра³⁾. Этотъ волосъ упалъ съ головы Гэсэровой жены».

Царь Хоръ-кэркэръ-чжаву кормилъ три рода птицъ; первый родъ *нрва-серьву*⁴⁾; потомъ онъ кормилъ двухъ птицъ породы хорыгъ-нагчюнъ⁵⁾; наконецъ еще птицу нэйцу. Кэркэръ-чжаву послалъ хорыговъ въ Лымѣ, *нрва* въ Лассу, а нэйцу въ Чжанымъ посмотрѣть, дѣйствительно ли вѣрны слова сороки.

Нчжугму, жена Гэсэра, видитъ сонъ, будто вода въ морѣ закипѣла, поднялась и заливаетъ Лымѣ; гора развалилась и камни засыпаютъ Лымѣ. Она рассказала сонъ Чотону и говоритъ: либо Гэсэръ погибъ, либо Хоръ-кэркэрово войско идетъ на Лымѣ. Чотонъ отвѣтилъ ей: «Что Гэсэръ погибъ, дѣло возможное; вѣроятно его съѣлъ Дыр. А чтобъ Хоръ-кэркэрово войско пришло на Лымѣ, это дѣло не статочное».

Въ это время прилетѣли двѣ птицы хорыгъ и смотрятъ на Нчжугму. Видятъ, сидитъ прекрасная женщина; другой такой на свѣтѣ нѣтъ. И волосы ея цвѣта камня ю. Полетѣли хорыгъ въ Кэркэрово царство. Дорогой они увидѣли птицу *нрва*; сидитъ на берегу моря. «Видѣла ли жену тибетскаго царя?» спрашиваютъ ее птицы хорыгъ. Птица *нрва* отвѣчаетъ: «Не полетѣла я въ тибетское царство. Я нашла здѣсь хорошее мѣсто для житья и не хочу возвращаться въ Хоръ». Летятъ хорыгъ далѣе; прилетаютъ къ лѣсу; тутъ сидитъ птица нэйцу. Птицы хорыгъ спрашиваютъ ее: «Видѣла ли жену царя чжанымковъ?» Та отвѣчаетъ: «Не полетѣла я

¹⁾ Такъ камень называется по-тангутски; по-китайски этотъ камень называется су-эръ-ши. Примѣчаніе рассказчика.

²⁾ Гуньчжу по-китайски царевна.

³⁾ Тутъ, кажется, рассказчикъ ошибся и привелъ имя матери Гэсэра, вмѣсто имени его жены.

⁴⁾ По-широнгольски эта птица называется ламъ-мургусъ.

⁵⁾ По-широнгольски лаува; это воронъ.

въ Чжаньгъ; я нашла здѣсь мѣсто хорошее для житья и не вернусь болѣе въ Хоръ». Птицы хорыгъ сами полетѣли въ Лассу; увидѣли царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Полетѣли въ Чжаньгъ, увидѣли китайскую царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Прилетѣли хорыгъ въ Хоръ, не садятся на землю, кружатся въ воздухѣ. Кэркэръ сказалъ пастуху овецъ, чтобъ убилъ овцу и мясо выложилъ въ полѣ; пастуху коровъ сказалъ, чтобъ убилъ корову и табунщику, чтобъ убилъ лошадь. Пастухи исполнили приказъ царя, но хорыги все таи не спускаются; они сердятся на царя, что онъ отборной пищей кормилъ птицъ ирва и нѣйцу, а имъ давалъ худые куски. Царь осердился, натянулъ лукъ, хочетъ стрѣлять по птицѣ; тогда хорыги испугались, спустились на мясо худой собаки и рассказали, что видѣли всѣхъ трехъ красавицъ. Что жена китайскаго царя жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, а намъ не нравится. Что видѣли царицу тибетскую; жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, но намъ не нравится. Жена же Гэсэра лучше всѣхъ; красивѣе нѣтъ женщины на свѣтѣ; волосы на ея головѣ цвѣта вамня ю.

Кэркэръ-чжаву сейчасъ же отдалъ приказъ, чтобы всѣ, старики, молодые люди, дѣти, женщины, ламы, чтобы всѣ стали солдатами и шли въ Лымгъ добывать Гэсэрову жену.

Въ Хорской землѣ была птица Хоргисэ-гарву. Она прилетѣла въ Лымгъ; кто-то изъ слугъ Гэсэра выстрѣлилъ по ней и только перо изъ нея вышибъ. Перо упало на землю. Чжарсэй-чжаву увидѣлъ перо и говорить: «Это значить, что Хорское войско идетъ. Нужно всему народу собраться».

Дочь хорскаго царя Куныгъ-чжаву, по имени Гари-оло-чючжуръ, говорить: «Не годится, что на войну собрали и стариковъ, и дѣтей, и женщинъ; они испугаются и побѣгутъ, за ними побѣгутъ и молодые. На войну нужно брать однихъ молодыхъ». Тогда стариковъ и другой лишній народъ вернули съ дороги; на войну поѣхали одни молодые.

Чагәнъ-чжаву говорить: «Не нужно сразу всему войску ѣхать на встрѣчу; нужно прежде послать немногихъ людей посмотрѣть на хорское войско». Совѣтъ этотъ приняли и поѣхали въ эту поѣздку Чагәнъ-чжаву, Чжарчсэй-жаву, Чотонъ-чжаву, старикъ Чими (рчими) ами-кургэль, Тарва, Саянъ и Чагэ-мунго-мончугъ, сынъ Чагэна.

Нчжугму, жена Гэсэра, говорить отправляющимся: «Есть гора Содишюма; на ней пасется табунъ (рчинъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть. Если кони лежатъ, значить хорскихъ солдатъ на горѣ нѣтъ; если кони шарахнулись и побѣжали, значить хорское войско пришло. Есть гора Соди-вама; на вершинѣ ея пасутся коровы; эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если коровы лежатъ, значить хорскаго войска близко нѣтъ; если коровы бѣгутъ, значить хорское войско пришло. Есть гора Соди-кумима; на ней живетъ тигръ (ртыгъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если тигръ лежитъ, Хоровъ нѣтъ; если тигръ убѣжалъ, значить Хоры пришли. Есть мѣсто, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ (ртачжю танъ);

проѣзжайте его, не пуская лошадей въ бѣгъ, а то лошади лишатся силы вскачь бѣжать. Есть мѣсто, гдѣ играютъ на деньги (шорчигъ-танъ); его проѣзжайте мимо, играть не садитесь».

Пріѣхали товарищи къ мѣсту, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ. Чжарсэй не хочетъ пускать своего коня, проѣзжаетъ мимо. Чотонъ сказалъ ему: «Ты женскаго приказа послушался!» и пустилъ своего коня въ бѣгъ. Потомъ товарищи пріѣхали въ мѣсто, гдѣ на деньги играютъ. Тарва, Ами-кургалъ, Саянъ и Чагэ-мунго, не игравъ, проѣхали мимо, а Чжарсэй, Чагэнь и Чотонъ сѣли играть.

Хорскіе солдаты пустили первую стрѣлу. Семеро лымскихъ вельможъ (лумбу) подѣзжаютъ къ горѣ Содишюма; табунъ убѣжалъ. Они подѣзжаютъ къ горѣ Содивама; смотрятъ семеро товарищей, коровы убѣжали. Подѣзжаютъ къ горѣ Содикума; тигръ убѣжалъ. Увидѣли изъ этого лумбу, что хорское войско пришло.

Смотрятъ семеро съ горы въ даль, видятъ войско, но хорское ли это или свое лымское, ни какъ не могутъ разглядѣть. Старый Ами-кургалъ говоритъ: «Ну-ка я посмотрю! Поднимите-ка мои вѣки!» Подняли его вѣки, посмотрѣлъ онъ и такъ испугался того, что увидѣлъ, что не могъ сказать слова, повернулъ лошадь и ускакалъ. Трое товарищей догнали его и говорятъ: «Что же ты не сказалъ, что увидѣлъ?» Старикъ говоритъ: «Я увидѣлъ хорское войско. Нужно намъ скорѣе убираться во свояси!» Остальные лумбу говорятъ старику: «Ты поѣзжай въ Лымъ, сиди тамъ въ своемъ домѣ, не выходи и не сказывай, что видѣлъ Хоровъ и что мы поѣхали за ними». Лумбу отпустили старика, а сами поѣхали въ хорское войско.

У Хоровъ было три царя: Курэръ-чжаву, Кусэръ-чжаву и Кунгъ-чжаву. Трое лумбу Тарва, Саянъ и Мунго поѣхали въ Хорамъ. Ихъ встрѣтила дѣвица и спросила, что они за люди. Лумбу говорятъ: «Мы лымскіе люди, пастухи, лошадей ищемъ!» Дѣвица позвала ихъ въ ставку царя Курэра. Тутъ ихъ угостили мясомъ; они мясо съѣли, кости переломали. Пошли далѣе. Ихъ увидѣла дѣвица, прислужница царя Кусэра и спросила, что они за люди. Они опять говорятъ: «Мы лымскіе люди, пастухи, лошадей ищемъ». Она позвала ихъ къ царю Кусэрю. Здѣсь имъ также дали мяса. Они мясо съѣли, кости переломали, пошли далѣе. Увидѣла ихъ дѣвица, прислужница царя Кунга, спрашиваетъ: «что вы за люди?» Они назвали лымскими пастухами. Ихъ позвали къ царю и дали мяса; они мясо съѣли, кости переломали, идутъ далѣе. Хорскіе солдаты тѣшатся; положили на землю свои шапки и стрѣляютъ въ цѣль изъ луковъ. Лымскіе лумбу посмѣялись надъ тѣмъ, что Хоры стрѣляютъ въ шапки. Хоры спрашиваютъ ихъ: «А у васъ въ Лымѣ какъ же стрѣляютъ?» «У насъ владутъ камень, на камень панцырь¹⁾. Стрѣла разноситъ панцырь на части и камень разбиваетъ въ мелкіе куски». Хорскіе солдаты положили камень, на камень панцырь и попросили лымскихъ лумбу показать, какъ стрѣляютъ въ Лымѣ. Саянъ натянулъ лукъ, призвалъ на помощь небесную мать и всѣхъ боговъ, и выстрѣлилъ; стрѣла его разбила панцырь и расколола камень подъ нимъ на двое. Выстрѣлилъ Тарва и раскололъ ка-

¹⁾ Переводчикъ широнголь употребилъ тутъ широнгольское слово чжакуй.

мень на четыре куска. Выстрѣлил Мунго и раскрошил камень въ песокъ. Хорскіе солдаты говорятъ: «Если бѣдные пастухи въ Лымѣ такіе мѣткіе стрѣлки, то какіе же у нихъ солдаты!» И хорскіе солдаты пустились бѣжать. Трое лумбу поѣхали за ними слѣдомъ и кричатъ имъ: «Наши лошади, должно быть, совсѣмъ потерялись! Безъ лошадей намъ домой возвратиться неловко; мы не вернемся домой, а поѣдемъ съ вами!» Хоры приняли ихъ и Саяну поручили пасти лошадей Куркэра, Тарвѣ лошадей Кусэря и Чагэ-мунго лошадей Куныга. Пропазли товарищи день, пріѣхали поздно вечеромъ. Ихъ спрашиваютъ: «Что вы такъ поздно!» Лумбу говорятъ: «Траву нашли хорошую; мы съ умысломъ замедлили, чтобъ лошади лучше наѣлись». На другой день ночью они совсѣмъ не пріѣхали, пріѣхали утромъ слѣдующаго дня. Ихъ спрашиваютъ, отчего они такъ долго не пріѣзжали. Лымскіе лумбу говорятъ, траву нашли хорошую, поэтому рѣшили пропасти лошадей въ степи всю ночь. Хоры говорятъ: «Это хорошіе пастухи!»

На слѣдующій разъ лымскіе лумбу вовсе не пріѣхали; они угнали всѣхъ хорскихъ лошадей въ Лымѣ. Одна хорская лошадь нейдетъ, притворилась усталою; изъ носу худыя сопля текутъ. Тарва осердился на нее и говоритъ: «Я разсѣку эту лошадь пополамъ! половину на небо заброшу, половину на землѣ оставлю!» Но Чагэ-Мунго отговорилъ его: «Это худая лошадь! не стоитъ убивать ее. Оставимъ ее на травѣ». Между тѣмъ это была лучшая изъ всѣхъ хорскихъ лошадей; она называлась Сэрву всерндугъ¹⁾ и принадлежала царю Кусэрь-чжаву. По совѣту Мунго, лумбу оставили ее и она убѣжала въ хорскую землю. Сынъ царя Кусэря, поимени Вэйгча-сынга, сѣлъ на нее и догналъ лымскихъ лумбу. Тарва застрѣлил Кусэрева сына и хочетъ застрѣлить и коня. Мунго говоритъ: «Ты убилъ человѣка, а хочешь еще убивать лошадь!» Потомъ Мунго разрубилъ тѣло Вэйгча-сынга на части, два куска навьючилъ на лошадь и отпустилъ ее. На той же лошади догоняетъ ихъ Шянба-мэри. Тарва и Саянъ говорятъ: «Здѣсь насъ догоняетъ уже вторая погоня. Нужно уѣхать отсюда въ горы». И они уѣхали, а Мунго остался одинъ въ долинѣ. Мэри выстрѣлилъ и весь лѣсъ повалилъ на дорогѣ, по которой ѣхалъ Мунго. Не стало проѣзду лымскому лумбу. Мунго отвязалъ отъ сѣдла мѣшокъ и этимъ мѣшкомъ смелъ весь поваленный лѣсъ въ сторону отъ дороги. Мэри опять выстрѣлилъ и разбилъ гору; камни засыпали дорогу. Чагэ-мунго собралъ всѣ камни въ свой мѣшокъ. Мэри сдѣлалъ море на пути Чагэ-мунго; конь Нигча-глырыгъ, на которомъ ѣхалъ Мунго, выпилъ море. Тогда Шянба-мэри пустилъ двѣ стрѣлы; одна попала въ спину Чагэ-мунго и вышла въ брюхо. Мунго тоже пустилъ стрѣлу; она попала Шянбѣ-мэри въ брюхо и вышла въ черепъ. Шянба упалъ. Конь совѣтуетъ Чагэ-мунго убить Шянбу-мэри, но Мунго вытянулъ свою стрѣлу изъ тѣла Шянбы-мэри и посыпалъ рану землей. Шянба-мэри вернулся въ хорскую землю.

На той же лошади Сэрву-всерндугъ ѣдетъ изъ хорской земли Тугла-сэргуръ, сынъ царя Куныгъ-чжаву. Чагэ-мунго ѣдетъ со стрѣлой въ животѣ и качается въ

¹⁾ Золотисто-желтая.
II.

сѣдлѣ во всѣ стороны. Тугла-сѣргурь спрашиваетъ у Чагѣ-мунго: «Что ты вверхъ посматриваешь?» Чагѣ-мунго отвѣчаетъ ему: «Смотрю время, высоко ли солнце?» «Что ты впередъ посматриваешь?» спрашиваетъ Тугла-сѣргурь. «Смотрю, гдѣ мои лошади?» «Что ты назадъ посматриваешь?» «Смотрю, не ѣдетъ ли кто».

Подѣхалъ Тугла-сѣргурь поближе, увидѣлъ стрѣлу въ животѣ у Чагѣ-мунго, испугался, что прострѣленный насквозь человекъ живъ и не падаетъ, и убѣжалъ въ хорскую землю.

Чагѣ-мунго просить лисицу сбѣгать къ его отцу Чагѣну, который остался сзади и сѣлъ играть на деньги, и сказать ему, что сынъ его истомился и умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ лисица, — не побѣгу я къ твоему отцу. Ты стрѣлялъ лисицъ и снималъ съ нихъ шкуры на шапки». Чагѣ-мунго просить бѣлую птицу ргурь слетать къ отцу его и сказать ему, что сынъ его умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ бѣлая птица ргурь, — гдѣ бы я ни была, ты убивалъ меня, и выщипывалъ мои перья на стрѣлы». Ударилъ его крыломъ и сказала: «Не полечу къ твоему отцу!» Чагѣ-мунго просить сороку. Сорока согласилась отнести вѣсть его отцу. Чагѣ-мунго надѣлъ ей на шею четки (мани), а къ хвосту привязалъ письмо. Сорока прилетѣла въ то мѣсто, гдѣ Чагѣнъ игралъ на деньги и уронила передъ нимъ четки. Чагѣнъ посмотрѣлъ вверхъ, увидѣлъ сороку, увидѣлъ у ней на хвостѣ письмо, прочелъ его и поѣхалъ къ Чагѣ-мунго, а Чжарсѣя поставилъ на дорогѣ съ наказомъ: «Поѣдетъ Чотонъ, убей его. Это онъ призвалъ Хоровъ въ Лымгъ!»

Чагѣнъ нашелъ лекаря (мамба), который взялся вынуть стрѣлу изъ тѣла Чагѣ-мунго. Когда лекарь вынималъ стрѣлу, хорское войско опять пришло. Чагѣнъ сталъ стрѣлять и множество народу убилъ. Но у Хоровъ была старуха Аи-дурсы; она окропиль убитыхъ водою, убитые опять всѣ встанутъ живыми. Хоры убили Чагѣна, Чагѣ-мунго и мамбу.

Приѣхалъ Чжарсѣй и убилъ множество хоровъ; Аи-дурсы опять окропила водою убитыхъ, всѣ опять встали. Чжарсѣй выстрѣлилъ въ Шянбу-мэри; у Шянбу-мэри голова отлетѣла въ небо, вернулась на шею и снова приросла. Шянбу-мэри выстрѣлилъ, отшибъ Чжарсѣю туловище по поясъ, оно взлетѣло до неба, вернулось къ ногамъ и снова приросло. Не могутъ они убить другъ друга. Ане-гома говоритъ Чжарсѣю: «Проглоти иголку». Онъ не разслышалъ и спрашиваетъ у Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ подсказалъ ему: «Мать говоритъ — проглоти землю!» Чжарсѣй проглотилъ земли и умеръ.

Тогда Хоры подѣхали къ Лымгу, но въ теченіи цѣлыхъ семи дней не могутъ войти въ него. Гэсэръ, отъѣзжая, оставилъ въ лхагынѣ семь стрѣлъ; каждый день изъ лхагына вылетала стрѣла и множество Хоровъ убивала. Наконецъ всѣ семь стрѣлъ вылетѣли изъ лхагына. Чотонъ говоритъ Хорамъ: «Что вы не входите въ Лымгъ? Чего боитесь? Гэсэра нѣтъ, въ домѣ осталась одна его жена. Вы женщины боитесь!» Хоры вошли, взяли Нчжугму, все Гэсэрово имущество, скотъ и слугъ и хотятъ поѣхать въ Хорскую землю.

Нчжугму говоритъ хорскимъ царямъ: «Теперь не доброе время, чтобы ѣхать въ Хорскую землю. Если теперь поѣдемъ, наступятъ болѣзни, моръ, голодъ и дру-

гія бѣды. Нужно немного обождать». Хорскіе цари послушались, согласились переждать дурное время. Но какъ только приступать къ Нчжугму съ словами, что пора ѣхать, она опять говоритъ имъ, что не время, что нужно еще подождать. И такимъ образомъ оттанула отъѣздъ на цѣлый годъ. Она все ждетъ, не пріѣдетъ ли тѣмъ временемъ Гэсэръ. Шянба говоритъ: «Не годится дольше оставаться здѣсь. Нужно во что бы то ни стало ѣхать». Нчжугму говоритъ: «Хорошо, теперь я поѣду. Только прежде, чѣмъ отправиться, нужно сдѣлать большой санъ¹⁾ и посмотреть, будетъ ли благополучна дорога. А чтобы сдѣлать санъ, соберите всѣ луки и стрѣлы, наложите сверху шихпы (можжевельника) и зажгите!» Хоры сложили въ одну вучу луки и стрѣлы, сверху навалили шихпы и зажгли; огромное зарево сдѣлало. Вышла Нчжугму, посмотрѣла на санъ и говоритъ: «Нѣтъ, санъ показываетъ, что еще не время ѣхать. У меня есть ачжа²⁾; мнѣ нужно къ ней съѣздить. Она все знаетъ и скажетъ, въ какое время слѣдуетъ выѣхать». Ни какой тетки у ней не было, а на самомъ дѣлѣ въ мысляхъ у Нчжугму было съѣздить на высокую гору и посмотреть, не видать ли возвращающагося Гэсэра. Отпустили ее, только не одну, а дали двухъ человѣкъ провожатыхъ. Подъѣхала она къ горѣ и говоритъ: «Вамъ не зачѣмъ ѣхать до моей тетки. Если она увидитъ васъ, испугается; вы останьтесь здѣсь. А чтобы я не убѣжала, привяжите къ моимъ ногамъ желѣзные цѣпи».

Взъѣхала она на гору и видитъ, Гэсэръ разбилъ палатку на степи; настрѣлялъ яковъ и сушитъ ихъ мясо. Нчжугму привязала къ сорокѣ письмо. Сорока прилетѣла на мясо, сѣла и кричитъ: «чикъ, чикъ!» Гэсэръ осердился на сороку. «Ты мое мясо клевать прилетѣла», говоритъ. И убилъ сороку, а письма не замѣтилъ.

Вернулась Нчжугму домой. Шянба опять торопитъ ѣхать. Нчжугму говоритъ, что ей хотѣлось бы прежде отпращенія еще одного человѣка увидѣть. Опять ее отпустили. Опять она взъѣхала на гору и видитъ, Гэсэръ сушитъ мясо. Она дала браслетъ (ксерлыгъ) въ зубы лисицѣ. Лисица прибѣжала къ Гэсэрову мясу. Гэсэръ хочетъ застрѣлить ее; лисица оскалила зубы, браслетъ и упала на землю. Гэсэръ узналъ браслетъ жены, поднялъ его и прочелъ на немъ письмо: «Скорѣе пріѣзжай! Хоры убили всѣхъ лумбу, хотятъ увезти меня, а стрѣлы ихъ всѣ прижжены».

Гэсэръ началъ собираться въ Лымгъ, но скоро забылъ объ этомъ. Онъ жилъ въ это время съ другой женой Ама-ниму, взятой имъ у Дыря. Подъѣхалъ Гэсэръ однажды къ какой-то рѣчкѣ; стоитъ на берегу лисица, ѣстъ глину и снова ее отрыгаетъ. Тутъ онъ вспомнилъ браслетъ, который отрыгнула лисица, и вспомнилъ, что ему нужно ѣхать въ Лымгъ. Подъ видомъ этой лисицы являлась ему его небесная мать Ане-гома-чжаму.

Гэсэръ снова начинаетъ собираться въ Лымгъ, но замѣчаетъ, что конь его

¹⁾ Курево изъ можжевельника.

²⁾ Ачжа—широнгольское слово, значить «тетка по матери».

не въ состояніи ходить. По всей его кожѣ Ама-ниму накололи гвоздей; она это сдѣлала, чтобы заставить Гэсэра не ѣздить въ Лымъ, а возвратиться въ землю Дыря. Лошадь плачетъ и говоритъ Гэсэру: «Когда мы жили въ Лымѣ, лымская твоя жена кормила меня и холила, а эта, новая жена, взятая у Дыря, во всю дорогу старается какъ бы только испортить меня!» Лошадь совѣтуетъ Гэсэру: «Заколи меня!» Гэсэръ хочетъ заколотъ лошадь, но не можетъ. Лошадь говоритъ: «Держи ножъ торчма, я сама напорюсь. Потомъ ты сними мою шкуру, оснимай мясо и выложи на степи. Я перерожусь въ другую лошадь». Гэсэръ поставилъ ножъ торчма и держитъ; лошадь бросилась на ножъ, разрѣзала себѣ животъ по-вдоль и умерла. Гэсэръ выложилъ ея мясо на степи, а самъ легъ спать. Сквозь сонъ онъ услышалъ ржаніе, проснулся и видитъ, вмѣсто мяса убитой лошади, стоитъ другая прекрасная лошадь.

Гэсэръ стоитъ на горѣ ¹⁾ и видитъ вдали множество какихъ-то людей. Онъ спрашиваетъ у лошади: «Что это за люди?» Лошадь говоритъ: «А ты съѣшь прежде чжу, что не поѣдешь въ Лымъ, тогда скажу». Гэсэръ съѣлъ чжу (поклонился?). Лошадь говоритъ: «Это Хоры, которые убили всѣхъ лымскихъ лумбу». «Ойя! ²⁾ вскричалъ Гэсэръ. Я поѣду сейчасъ въ Лымъ!» «А ты забылъ, что съѣлъ чжу?» «Ну такъ я пуцу въ Хоровъ стрѣлу!» «А чѣмъ будешь стрѣлять въ Дыря?» Въ такомъ случаѣ я брошу камень.» «Камень можешь бросить», сказала лошадь. Гэсэръ схватилъ огромную гору, бросилъ ея и перебилъ множество Хоровъ, но Хоровъ много и однимъ ударомъ ихъ не перебьешь.

У Гэсэра былъ младшій братъ Кала-мэмбырь; отецъ у нихъ былъ общій Санда-рачй, мать у Кала-мэмбыра другая, — Дамзѣ. Кала-мэмбырь сидѣлъ въ многоэтажномъ домѣ, который вокругъ былъ окованъ желѣзомъ, и молился. Самъ онъ былъ обязанъ желѣзными цѣпями вокругъ пояса, а четыре конца этихъ цѣпей были натянута и укрѣплены въ четыре стѣны зданія; выйдти изъ этого дома ему не было никакой возможности. Въ этотъ домъ онъ былъ посаженъ Гэсэромъ для того, чтобы тѣло его сдѣлалось желѣзнымъ и способнымъ на борьбу съ Чигныгъ (рчигныгъ) Асыномъ, желѣзнымъ человекомъ хорской земли. Въ семь лѣтъ желѣзо должно было замѣнить мясо; Кала-мэмбырь просидѣлъ семь мѣсяцевъ и у него выросли только желѣзные ногти въ сажень длиной и желѣзные клыки въ сажень длиной.

Старики Чунцэй-гаму ³⁾ смотрятъ въ окно и видятъ, Кала-мэмбырь дѣлаетъ стрѣлу. Кала-мэмбырь замѣтилъ, что на него смотрятъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ бросить стрѣлу въ стариковъ. Чунцэй-гаму говорятъ: «Не пугай насъ, а есть люди, которыхъ слѣдуетъ поугатъ! Хоры увезли жену Гэсэра. Если хочешь бросить стрѣлу, такъ бросай въ Хоровъ».

Кала-мэмбырь закричалъ въ Санъ-ѣнчинъ: «Дайте ключъ отъ моего дома и

¹⁾ Это та самая гора, на которую съ такимъ трудомъ вознесъ Гэсэра его крылатый конь и на которой случился эпизодъ съ кремнемъ и брусомъ.

²⁾ Ойя—тангутское междометіе, означающее ужасъ или удивленіе.

³⁾ Старикъ и старуха, которые жили въ домѣ Гэсэра.

отворите мнѣ двери». Въ Санъ-ѣнчинѣ говорятъ: «Что ты одинъ сдѣлаешь? Вотъ подожди, прійдетъ Гэсэръ. Вдвоемъ вы вѣрнѣ погубите враговъ». Кала-мэмбырь призвалъ небесную мать Ане-гома и всѣхъ небесныхъ и земныхъ боговъ и просить ихъ изломать домъ, въ которомъ онъ заключенъ. «Если время пришло мнѣ выйти», говоритъ онъ, «то пусть сѣдло упадетъ прямо на спину лошади, а не на землю; а если время еще не пришло, то пусть упадетъ на землю, а не на спину лошади». Сѣдло упало на спину лошади; небесная мать, боги земные и небесные собрались и разрушили желѣзный домъ.

Вышелъ Кала-мэмбырь, сѣлъ на коня и закричалъ. Голосъ его загремѣлъ, какъ небесный громъ. «Это что за громъ?» спросилъ Гэсэръ своего коня. «Полянись, что не пойдешь въ Лымъ?» говоритъ конь. Гэсэръ повелся и конь сказалъ ему: «Это Кала-мэмбырь изломалъ желѣзный домъ и поѣхалъ воевать противъ Хоровъ».

Хоры, увидѣвъ Кала-мэмбыра, обратились въ камни и глину, а три ихъ царя обратились въ птицъ и улетѣли. Нчжугму осталась одна среди степи. Кала-мэмбырь говоритъ ей: «Ты теперь возвращайся въ Лымъ!» «Нѣтъ, не поѣду!» говоритъ Нчжугму. «Все равно они снова меня увезутъ, а тебѣ одному съ ними не справиться. А вотъ подожди, когда Гэсэръ прійдетъ, тогда вдвоемъ вы одолѣете Хоровъ и отнимете меня». Тогда Кала-мэмбырь сказалъ ей: «А, вѣрно тебѣ самой хочется остаться у Хоровъ! Я разрублю тебя, если ты не поѣдешь въ Лымъ». Нчжугму испугалась и вернулась въ Лымъ, а Кала-мэмбырь поѣхалъ впередъ. Онъ прирубилъ всѣ камни и всю глину, въ которые обратились Хоры и взлѣзалъ на перевалъ. Идетъ китаецъ и несетъ за плечами желѣзный ящикъ. Въ этомъ ящикѣ сидѣлъ желѣзный человѣкъ Чигныгъ-асынь ¹⁾. Кала-мэмбырь убилъ китаца. Мать Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Не открывай ящика, а брось его въ море!» Кала-мэмбырь не слышалъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни ящикъ ногой!» Кала-мэмбырь пнулъ ящикъ, ящикъ раскололся. Желѣзный человѣкъ Чигныгъ-асынь вышелъ и сталъ бороться съ Кала-мэмбыромъ. Не можетъ одолѣть Кала-мэмбырь; Асыново тѣло все сплошь желѣзное, а Кала-мэмбырово мясное. Кала-мэмбырь взглянулъ на небо. «Ты что смотришь вверхъ?» спросилъ его Асынь. «Смотрю, какъ ѣдетъ сюда Гэсэръ». Асынь тоже закинулъ голову вверхъ; горло его обнаружилось, а на немъ было небольшое мѣсто изъ мяса. Кала-мэмбырь укусилъ его въ это мѣсто; два верхнихъ клыка ушло въ животъ, два нижнихъ въ черепъ. Чигныгъ-асынь умеръ. Ане-гома съ неба кричитъ Кала-мэмбыру: «Сначала вынь твои зубы, потомъ брось Чигныгъ-асына въ море!» Кала-мэмбырь не слышалъ ея словъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать Ане-гома?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни Чигныгъ-асына внизъ! Вотъ какой совѣтъ дастъ Ане-гома». Кала-мэмбырь, не вынувъ зубовъ, пнулъ Чигныгъ-асына; Чигныгъ-асынь полетѣлъ въ море и утащилъ за собой Кала-мэмбыра; оба упали въ ядовитое море.

¹⁾ Разсказчикъ постоянно произносилъ Рчигныгъ-асынь.

Мясо свалилось съ костей Кала-мэмбыра. Ане-гома выудила изъ моря все мясо столовыми палочками (турма) и говоритъ Кала-мэмбыру: «Я наложу твое мясо на твои кости и спрысну ихъ животворящей водой (дурцы) и ты снова будешь живъ. Тогда ты снова можешь возвратиться въ Лымъ». Но Кала-мэмбырь говоритъ ей: «Нѣтъ, я не долженъ возвратиться въ Лымъ; я долженъ остаться здѣсь на берегу этого моря. Если я уйду, море закипитъ, вода поднимется, зальетъ Лымъ и потопитъ людей. Я останусь здѣсь и буду держать море». Послѣ этихъ словъ онъ обратился въ скалу, стоящую на берегу моря. Ходившіе въ Лассу богомольцы рассказываютъ, что на дорогѣ туда можно видѣть эту скалу; она виситъ надъ морскимъ берегомъ; тутъ же можно видѣть и другую скалу, выступающую изъ воды среди моря (озера?); эта послѣдняя есть Чигныгъ-асынъ.

Гэсэръ спустился съ горы. На дорогѣ сидитъ гадатель (мова камлы), гадаетъ и держитъ подъ мышкой фазана. Какъ только увидитъ онъ, что Гэсэръ ѣдетъ, онъ выпуститъ фазана, и фазанъ принесетъ эту вѣсть Дырю. Гэсэръ заѣхалъ съ противоположной стороны и приближается къ гадателю. Узнать истину гадателю мѣшаетъ Ане-гома; она переворачиваетъ шюкуръ¹⁾). Наконецъ гадателю выпадаетъ: «Гэсэръ пріѣхалъ; фазану не летѣть къ Дырю, шюкера не видать на землю». Гадатель не можетъ понять, что значать эти слова. Въ это время Гэсэръ убилъ сначала фазана, а потомъ и гадателя.

Отъѣхалъ Гэсэръ далѣе и легъ спать. Сидитъ на дорогѣ Нымса Нязунъ¹⁾). Онъ посадилъ спящаго Гэсэра въ бубень, самъ сѣлъ въ него и понесся къ Дырю. Во снѣ Гэсэръ слышитъ, какъ гремитъ несущійся бубень, но не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается. Ане-гома разбудила Гэсэра и напомнила ему, что у него въ мѣшкѣ есть гвоздь; посоветовала дунуть на него. Гэсэръ дунулъ; гвоздь сталъ ножомъ; тѣмъ ножомъ Гэсэръ разрѣзалъ бубень и оба, Гэсэръ и Нязунъ упали на землю. Здѣсь Гэсэръ убилъ Нязуна.

Гэсэръ взѣхалъ на гору. Стоитъ на горѣ и хочетъ выстрѣлить въ Дыря. Сталъ власть стрѣлу на тетиву, поднялъ стрѣлу отвѣсно; она не вмѣщается подъ небомъ, упирается въ него. Такъ была высока гора, на которой онъ стоялъ. Онъ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ; небесные боги приподняли небо, земные опустили гору. Тогда Гэсэръ натянулъ стрѣлу. Стрѣла спрашиваетъ у Гэсэра: «Убить ли тигра въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли яка въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли рыбу въ водѣ или пролетѣть мимо? Убить ли выдру (шама) въ водѣ или пролетѣть мимо? Я хочу ѣсть мяса!» Гэсэръ говоритъ стрѣлѣ: «Не убивай тигра, а лети мимо! не убивай яка, а лети мимо! не убивай рыбу, а лети мимо! не убивай выдру, а лети мимо! Боги дадутъ тебѣ мясо!» Съ этими словами Гэсэръ пустилъ стрѣлу.

У Дыря было три человѣка; одинъ имѣлъ такія длинныя руки, что могъ доставать ими до неба и хватать подъ нимъ; другой могъ въ даль далеко смотрѣть;

¹⁾ См. подстрочное примѣчаніе на стр. 5.

²⁾ *Ниа* по тангутски «бубень»; *ниазунъ* «держачій бубень».

третій могъ слышать, что дѣлается далеко. Летить стрѣла Гэсэра и гремитъ, какъ громъ. Дыръ говоритъ своимъ людямъ: «Смотрите! что это летитъ?» Тотъ человѣкъ, который могъ въ дали различать предметы, говоритъ ему: «Это воронъ (хорыгъ) несетъ дерево!» То, что показалось этому человѣку, было не воронъ, а обратившаяся въ ворона мать Ане-гома, которая несла стрѣлу Гэсэра. Тогда Дыръ закричалъ длиннорукому: «Лови!» Длиннорукій протянулъ руки, но стрѣла обрѣзала ихъ ему; потомъ она видящему въ дали вырѣзала глаза, слышащему далеко отрѣзала уши, самому Дырю срѣзала девять роговъ съ головы и вошла ему въ тѣло.

Тянули стрѣлу изъ Дыря, тянули, не могли вытянуть; призвали плотниковъ; тѣ пилили, пилили, не могли перецилить; призвали кузнецовъ; тѣ плавляли стрѣлу, не могли расплавить. Спрашиваютъ у Ама-ниму, жены Дыря, которую онъ похитилъ у Гэсэра ¹⁾: «Есть ли средство вынуть стрѣлу изъ Дыря?» «Не знаю», говоритъ Ама-ниму. «Подумаю!» Она вымыла руки дочиста молокомъ и водой; отерла ихъ можжевельникомъ (шихпа), обернула дабой и начала тянуть стрѣлу. Тянула 10 дней, не могла вытянуть. Тянула мѣсяць, не могла вытянуть. Тянула два мѣсяца и 10 дней, вытянула. Взяла въ одну руку чашку съ молокомъ, въ другую стрѣлу; выплеснула молоко въ небо и въ небо же бросила стрѣлу; стрѣла вернулась къ Гэсэру.

Прилетѣла стрѣла и рассказываетъ Гэсэру, что когда она летѣла къ Дырю, помѣшала ей лѣсъ; она разрѣзала лѣсъ; помѣшала ей вода, она разрѣзала воду; помѣшала ей гора, она разрѣзала гору; что прилетѣвъ къ Дырю, она срѣзала ему девять роговъ и вошла ему въ утробу; сильные люди тянули стрѣлу, не вытянули; сильные люди ломали ее, не могли изломать, плотники пилили, не перепилили, кузнецы расплавляли, но не расплавили. Ама-ниму вымыла руки молокомъ, вытерла ихъ можжевельникомъ, обернула ихъ дабою и своими чистыми руками вытянула стрѣлу изъ тѣла Дыря. Стрѣла жаловалась, что ей не удалось убить Дыря. Гэсэръ сказалъ ей: «Если бы ты убила Дыря, что же мнѣ осталось бы тогда дѣлать?» И Гэсэръ сдѣлалъ пиръ въ честь стрѣлы.

Дыръ ожилъ. У него была корова изъ породы яковъ, Нчжу-рамыръ. Гэсэръ легъ спать, а шубой одѣлся; воротомъ надѣлъ ее на бедра, подоломъ на голову. Пришла корова и навалилась ему на бедра, думая, что легла на голову; еслибъ она легла на голову Гэсэра, она раздавила бы ее. Придавленный Гэсэръ не можетъ встать и говоритъ коровѣ: «Если ты царь животныхъ, то я царь Лымга; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ ей: «Если ты хомбу ²⁾ среди животныхъ, то я хомбу въ Лымгѣ; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ: «Если ты сирота (тула) среди животныхъ, то я лымгскій сирота. Приди ко мнѣ». Корова подошла къ нему и спрашиваетъ: «Ты чего во мнѣ боишься?» Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь двухъ твоихъ роговъ». Корова изло-

¹⁾ Эпизода о томъ, какъ Дыръ похитилъ Ама-ниму у Гэсэра, въ тангутскомъ разсказѣ нѣтъ. Выше помѣщенный разсказъ о томъ, какъ Гэсэръ живетъ съ Ама-ниму, по времени долженъ быть поставленъ самымъ читателемъ въ его умѣ послѣ борьбы Гэсэра съ Дыремъ.

²⁾ Хомбу по тангутски «князь», «господинъ».

мала рога о камень. «А ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ Гэсэръ. Корова говоритъ: «Я боюсь шерсти твоей лошади!» Гэсэръ снялъ съ своего коня коверъ и бросилъ его въ сторону, «Еще ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь твоихъ четырехъ копытъ». Корова сбита о камни свои копыта. «Теперь, думаетъ Гэсэръ, я смогу убить ее!» Корова лизнула его языкомъ и положила себѣ въ ротъ. Гэсэръ закричалъ: «Нѣтъ, это я шута такъ подумалъ, не взаправду!» Корова положила его обратно на землю. Гэсэръ спрашиваетъ корову: «Ты чего во мнѣ боишься?» Корова отвѣчаетъ: «Я боюсь шкуры на стрѣлахъ» (колчана)! Гэсэръ вынулъ стрѣлы изъ колчана и колчанъ бросилъ въ сторону. «А ты чего боишься во мнѣ?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ отвѣчаетъ: «Я боюсь твоего языка!» Корова истерла свой языкъ о камень. Говорить больше и не можетъ; тутъ Гэсэръ и убилъ ее. Мясa навалилъ цѣлую гору, живеть и ѣсть мясо. Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Поѣзжай въ Дырю!» Гэсэръ не слышитъ, живеть себѣ и ѣсть мясо. Тогда Ане-гома сдѣлала вихорь. Вихорь набѣжалъ на Гэсэра и разметалъ его мясо по всей степи; не у чего стало жить Гэсэру и онъ поѣхалъ къ Дырю.

На дорогѣ Гэсэръ встрѣтилъ пастуховъ; это были лыжскіе пастухи, увиденные Дыремъ, но они не узнали Гэсэра. Пастухи говорятъ Гэсэру: «Не ѣзди дальше! Намъ велѣно стрѣлять въ того, кто поѣдетъ!» Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «А ваша стрѣла какъ бьетъ?» «Наша стрѣла семь горъ пробиваетъ!» говорятъ пастухи. Гэсэръ не послушался пастуховъ, поѣхалъ далѣе. Пастухи пустили стрѣлу; стрѣла попала въ гору и разбила ее. Гэсэръ присѣлъ подъ гору и просидѣлъ подъ ней благополучно, только осколкомъ горы разбило ногу его коню. Гэсэръ пустилъ свою стрѣлу и говоритъ ей: «Ты не убивай пастуховъ!» Стрѣла попала въ камень, расколола его надвое и легла возлѣ. Пастухи подошли посмотрѣть и узнали Гэсэрову стрѣлу. Они заплакали и говорятъ ему: «Прости насъ! мы тебя не узнали!»

Гэсэръ вылечилъ ногу своему коню и спрашиваетъ, дома ли Дырь. Пастухи говорятъ, что завтра Дырь поѣдетъ на обо ¹⁾ и велѣлъ приготовить овцу на убой. Гэсэръ велѣлъ зарѣзать назначенную овцу. Зарѣзали ее; Гэсэръ велѣлъ сварить мясо. Пастухи сварили мясо. Тогда Гэсэръ велѣлъ ѣсть его. Когда мясо было съѣдено, Гэсэръ велѣлъ кости сложить вмѣстѣ и прикрыть шкурой. Когда пастухи все сдѣлали, какъ приказалъ Гэсэръ, овца вновь стала жива.

Гэсэръ принялъ видъ ламы-странника и пошелъ въ домъ Дыря. Дырь ѣдетъ на лошади Томбу (ртомбу) рэнчинъ, которая питалась человѣческимъ мясомъ. Дырь сказалъ: ххакъ ²⁾. Но не могъ сглотить Гэсэра. Дырь схватилъ Гэсэра рукой, но ухватилъ только кусокъ шубы съ его плеча. Послѣ этого Дырь поѣхалъ на обо.

Гэсэръ пришелъ въ домъ Дыря, когда его не было дома. Жена Дыря не узнала Гэсэра. Гэсэръ видитъ, она тветъ оро (шерстяную матерію); налѣво лежатъ черныя нитки, направо бѣлыя нитки; по правую ея сторону стоитъ чашка съ мо-

¹⁾ Обо—поклонная куча камней.

²⁾ Это междометіе изображаетъ слатываніе въ родѣ русскаго: хамъ!

локомъ, по лѣвую съ водой; волосы на правомъ ея вискѣ заплетены, на лѣвомъ расплетены. Гэсэръ спрашиваетъ жену Дыря, что значить, что на лѣвой сторонѣ у нея лежатъ черныя нитки и стоитъ чашка съ водой и на лѣвомъ вискѣ у нея волосы расплетены, а на правой сторонѣ лежатъ бѣлыя нитки и чашка съ молокомъ, и волосы на правомъ вискѣ заплетены? Жена Дыря говоритъ, что молоко, бѣлыя нитки и заплетенные волосы это Гэсэрова доля, а вода, черныя нитки и расплетенные волосы это Дырева доля.

Тогда Гэсэръ принялъ свой настоящій видъ. Жена Дыря говоритъ ему: «Сможешь ли ты убить Дыря?» «Думаю, что смогу», отвѣчаетъ Гэсэръ. «А подними-ка крышку съ этого котла?» просить его жена Дыря. Гэсэръ попробовалъ и немного сдвинуть съ мѣста не могъ. «Натяни-ка этотъ лукъ!» просить жена Дыря. Гэсэръ и пошевелить лукъ не можетъ. «Выпей-ка эту Дыреву чашку!» предлагаетъ Гэсэру Дырева жена. Гэсэръ былъ въ состояніи втянуть въ себя только одинъ глотокъ; болѣе не можетъ. «Ну, говоритъ жена Дыря, тебѣ не убить Дыря, а онъ тебя скорѣе съѣстъ! Скорѣе уходи отсюда! Дырь скоро долженъ вернуться. Какъ только вернется, такъ и съѣстъ тебя!» «Нѣтъ не пойду!» говоритъ Гэсэръ. «Я здѣсь немного отдохну! можетъ быть потомъ я и подниму крышку котла и натяну лукъ.» Когда Гэсэръ отдохнулъ, онъ попробовалъ поднять крышку. Поднялъ, хочетъ бросить ее на котелъ и говоритъ женѣ Дыря: «Разобью котелъ?» «Нѣтъ», говоритъ та: «Не разбивай! Дырю нуженъ цѣлый котелъ». Гэсэръ взялъ въ руки лукъ Дыря, натянулъ его и говоритъ: «Не порвать ли тетиву?» «Не рви», говоритъ жена Дыря. «Дырю нуженъ цѣлый лукъ». Потомъ Гэсэръ взялъ чашку Дыря и всю разомъ выпилъ. Жена Дыря выкопала возлѣ очага яму и спрятала туда Гэсэра; сверху на яму навалила камень, а сверху камня насыпала земли и сравняла такъ, что ямы было не замѣтно.

Пріѣхалъ Дырь и прежде, чѣмъ войдти въ свой домъ, заѣхалъ въ домъ своей матери. Та сидитъ съ голой грудью, спустила передъ шубы на колѣни и ищетъ вшей. Дырь говоритъ ей: «Встрѣтилъ я сегодня нищаго ламу. Погадай, настоящій ли это лама?» Старуха погадала и говоритъ: «Нѣтъ, это не настоящій лама! Не Гэсэръ ли это?» Дырь подалъ матери клочокъ отъ шубы, который онъ оторвалъ съ плеча Гэсэра, и спрашиваетъ: «А вотъ понюхай, чѣмъ эта шерсть пахнетъ? не китайцемъ ли?» Старуха понюхала и вскрикнула: «Э, это Гэсэровъ запахъ!» Дырь поѣхалъ домой. Конь бросился къ очагу и рветъ копытомъ. Жена Дыря Аманиму говоритъ коню: «Ты ѣшь человѣческое мясо! Не хочешь-ли меня съѣсть, что возлѣ меня роешь землю?» И надѣла ему намордникъ.

Дырь говоритъ своей женѣ: «Моя мать гадала мнѣ и у нея выпало, будто Гэсэръ пріѣхалъ». Жена говоритъ Дырю: «Твоя мать стара стала. Это не правда. Спи себѣ спокойно!» «Я самъ погадаю!» говоритъ Дырь. Началъ гадать. Ему выпало: «Осмотри хорошенько у огня!» Дырь сталъ рыть около очага и дорылся до камня. Жена говоритъ ему: «Дорылся до камня, что еще хочешь рыть! Съ умомъ ли ты! Подъ камнемъ что кромѣ камня можетъ быть!» «И то правда!» сказалъ Дырь и легъ спать.

Видитъ Дырь во снѣ, будто вышли у него изъ одного уха бѣлая змѣя, изъ другого черная и начали передъ нимъ бороться. Ни та, ни другая не сможетъ осилить; обѣ имѣютъ равныя силы. Черная змѣя это была душа Дыря, бѣлая змѣя это душа Гэсэра. Въ это время Гэсэръ пустилъ стрѣлу. Дырь проснулся и спрашиваетъ у жены: «Это что за громъ?» Жена ему отвѣчаетъ: «Это я золотымъ ковшомъ задѣла за серебряное ведро!» Дырь снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ другую стрѣлу, на этотъ разъ съ перомъ совы (уша); такая стрѣла вѣрнѣе бьетъ ночью, чѣмъ другія. Она попала черной змѣѣ въ голову и убила ее. Теперь Дырь убѣдился, что Гэсэръ пріѣхалъ. Онъ высочилъ изъ дома и сталъ бороться съ Гэсэромъ. Подъ ними земля качается; не могутъ побороть другъ друга. Жена Дыря подала своему мужу шелковый платокъ, а Гэсэру дабовый; Дырь вытеръ платкомъ потъ, шелкъ прилипъ въ его лицу, онъ ничего не видитъ. Жена подсыпала подъ ноги Дыря гороху, а подъ ноги Гэсэра золю. Дырь поскользнулся и упалъ.

Гэсэръ не можетъ связать Дыря ни ремнями, ни арканами. Дырь говоритъ женѣ: «Не связать ему меня, потому что связать меня можно только человѣческими жилами». Въ мѣшкѣ (кунку) на груди Дыря была спрятана человѣческая жила; Дырь припасъ её, чтобы связать ею Гэсэра. Гэсэръ нашель эту жилу и связалъ ею Дыря. Жена Дыря пошла за водой и говоритъ Гэсэру: «Будутъ безъ меня приходить многіе люди и твари смотрѣть на Дыря, никого не пускай!»

Приходили многіе люди и Гэсэръ ни кого не впустилъ въ домъ. Прилетѣла птица шиди-шяра («кривая птица») и спустила пометъ въ ротъ Дыря. Это была ачжа¹⁾ Дыря. Пометъ птицы превратился въ желѣзо, которое съ громомъ начало распространяться по утробѣ Дыря. Пришла жена Дыря, замѣтила пометъ на лицѣ Дыря, спрашиваетъ: «Кто былъ?» «Никого не было», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Прилетала только одна птица, которая пустила пометъ Дырю въ ротъ». «Я не велѣла тебѣ никого впускать», сказала Ама-ниму, «а ты впустилъ. Это была его ачжа. Теперь онъ сдѣлается весь желѣзный. Убивай его скорѣе, пока онъ не весь еще превратился въ желѣзо!» Гэсэръ хочетъ зарѣзать Дыря, но не можетъ. Онъ пробовалъ разрѣзать его сверху внизъ, и не могъ; горло уже стало желѣзное; попробовалъ разрѣзать снизу, гдѣ еще тѣло не успѣло стать желѣзнымъ и разрѣзалъ животъ и грудь. Жена Дыря говоритъ Гэсэру: «Выпей этотъ желѣзный сокъ, наполняющій утробу Дыря! Не будешь терпѣть отъ мороза». Но у Гэсэра не хватило силы это сдѣлать. Жена Дыря помазала Гэсэру желѣзнымъ сокомъ только темя и подошвы ногъ.

У Дыря былъ лама по имени Ламангурю. Гэсэръ снялъ съ Дыря шкуру и надѣлъ на себя; убилъ Дырева коня, снялъ съ него шкуру и одѣлъ въ нее своего коня. Поѣхалъ къ Ламангурю будто бы на поклоненіе. Ламангурю принялъ его за Дыря; Гэсэръ убилъ ламу. Потомъ Гэсэръ забралъ все имущество Дыря, весь его скотъ и весь народъ, и пошелъ въ Лымъ. Въ это-то время онъ остановился подъ горой, съ которой Нчжугму увидѣла его сушащимъ яково мясо.

¹⁾ Ачжа широнгольское слово; значить тетка по матери.

Золото, серебро и все имущество, скоть и народъ Гэсэръ оставилъ сзади, а самъ поѣхалъ впередъ. Встрѣчаетъ онъ туловище ява безъ головы; это было тѣло Чагэна, который обратился въ корову, чтобы Хоры не нашли и не убили его. «Ты что за корова?» вскричалъ Гэсэръ. Корова убѣжала въ горы и кричитъ оттуда: «Я Чагэнь. Мою голову увезли Хоры и прибили на городскихъ воротахъ». Гэсэръ говоритъ ему: «Не бойся меня! Я Гэсэръ!» Корова говоритъ: «Закричи и пусть твой конь заржетъ. Я голосъ Гэсэра и его коня узнаю». Гэсэръ закричалъ; потомъ его конь заржалъ. Тогда явъ спустился къ Гэсэру и говоритъ: «Нужно убить трехъ царей и Шянбу-мэри и вырѣзать изъ ихъ спинъ 808 ремней, которыми связываютъ сѣдла и вырѣзать изъ ихъ губъ 808 ремней на тетивы къ лукамъ. Ты это сдѣлай, а я пойду на небо и тамъ буду ждать».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Тарва, убитый Хорами, стрѣляетъ птицъ; онъ уже настрѣлялъ ихъ великое множество, убилъ ява нчжунъ-рэмыръ, мясо его навьючилъ на свою лошадь (собственно на душу лошади) и везетъ. Гэсэръ надѣлъ на себя Дыреву шкуру, на коня надѣлъ шкуру Дырева коня и вѣхалъ на перевалъ. Тарва увидѣлъ его и думаетъ. «Нѣтъ, это не Гэсэръ. Это Дыр. Не буду стрѣлять по нему, а доѣду и ножомъ зарѣжу». Конь говоритъ Тарвѣ: «Нѣтъ, лучшепусти стрѣлу и испытай, не Гэсэръ ли это?»пустилъ Тарва стрѣлу; Ане-гома спустилась и отклонила стрѣлу. Тарва догадался, что это Гэсэръ и началъ выговаривать ему, зачѣмъ онъ нарядился въ чужую шкуру. «Закричи!» проситъ онъ Гэсэра. «По голосу я повѣрю, что ты Гэсэръ». Гэсэръ закричалъ. Тарва началъ прислушиваться. Во второй разъ закричалъ Гэсэръ. Тарва узналъ его голосъ и подѣхалъ къ Гэсэру. Ѣдутъ они рядомъ, Тарва и говоритъ Гэсэру: «Я не живой; я одна только душа. Меня убили Хоры». Онъ потрясъ чжакуй¹⁾ и изъ него посыпалось множество стрѣлъ; онъ снялъ съ коня коверъ, потрясъ его и изъ ковра посыпалось множество стрѣлъ. Гэсэръ далъ ему свою шубу и сказалъ: «Поѣзжай въ Лымъ, отвези туда мою шубу и тамъ сожги ее, а мясо нчжунъ-рэмыра оставь здѣсь». Тарва взялъ Гэсэрову шубу и поѣхалъ въ Лымъ. Приѣхавъ туда, онъ сжегъ шубу. Запахъ отъ Гэсэровой шубы бросился въ носы лымскихъ людей; они обрадовались, сдѣлались вдругъ сыты и веселы, слышавъ запахъ Гэсэра. А до того были скучны, голодны, едва двигались. Мать Гэсэра отъ тоски все плакала и лежала, спала девять лѣтъ сряду; подъ конецъ у ней ухо прилипло (приросло) къ землѣ. Запахъ Гэсэровой шубы дошелъ и до ея носа; и она вскочила на ноги, начала ходить. Мясо быка нчжунъ-рэмыра Гэсэръ, при помощи небесныхъ и земныхъ боговъ, отправилъ въ Лымъ за тѣмъ, чтобы Тарва раздѣлилъ его народу. Тарва раскрошилъ мясо и раздѣлилъ всему народу; неостало только старикамъ Чунцэ-гаму; Тарва отрѣзалъ подошвы своихъ ногъ и далъ имъ. Гэсэръ съ неба увидѣлъ это и сказалъ: «Такихъ мученій, какъ тѣло Тарвы, мое тѣло никогда не испытывало».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе и видитъ, Чжарсэй стрѣляетъ птицъ; множество ихъ онъ

¹⁾ Чжакуй широнгольское слово: «кольчуга».

Одна монахиня (чжома) погналась за богатствомъ, которое обѣщаетъ Чотонъ, отвалила камень и подала ему веревку отъ своего странническаго мѣшка. Чотонъ вылѣзъ, схватилъ женщину, столкнулъ въ яму на свое мѣсто и прикрылъ камнемъ.

Теперь Гэсэръ поѣхалъ въ Хорамъ. Хорскій царь Кэркэръ наставилъ по дорогѣ заставы, чтобъ не пропускать ѣдущаго Гэсэра. На дорогѣ росъ лѣсъ ланма гонидуй (ива); Кэркэръ-чжаву велѣлъ этому лѣсу, когда будетъ проѣзжать Гэсэръ, сойтись вмѣстѣ и раздавить его. Гэсэръ ѣдетъ; лѣсъ начинаетъ сходитьсѣ, промежутокъ между деревьями все болѣе и болѣе суживается, осталось только коню проѣхать. Гэсэръ ударилъ коня плетью и проскочилъ; лѣсъ прижалъ только хвостъ коню. Гэсэръ вынулъ ножъ и махнулъ имъ позади себя; онъ обрѣзалъ листья съ деревъ и отрѣзалъ конецъ хвоста коню.

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Сидятъ семь дѣвицъ хорьги ому рпиндунъ; онѣ поѣдаютъ людей, которые проигрываются у нихъ въ игру шѣ шѣрдень. Подѣхалъ къ нимъ Гэсэръ; дѣвицы предлагаютъ ему сѣсть и поиграть въ кости. Началъ Гэсэръ играть и проигралъ съ себя всё: шубу, все платье, коня, все что было съ нимъ. «Играй еще!» уговариваютъ его дѣвицы. «У меня больше ничего нѣтъ!» говоритъ имъ Гэсэръ. «Играй на твою душу! Можетъ быть отыграешься!» Гэсэръ спросилъ у Ане-гома, что ему дѣлать. Ане-гома говоритъ: «Дома ты позабылъ плеть. Её поставь на ставку и скажи дѣвицамъ: до сихъ поръ вы бросали нчжи шѣ ноху, т. е. «черныя чертовкины кости», а теперь, скажи, я буду бросать лха шѣ гарьву, т. е. «бѣлыя божьи кости». Гэсэръ поставилъ плеть на ставку и сказалъ дѣвицамъ, что прежде онѣ бросали черныя чертовкины кости, а что теперь онъ будетъ бросать бѣлыя божьи кости. Дѣвицы согласились. Гэсэръ вынулъ изъ своего мѣшка бѣлыя кости, началъ играть, отыгралъ все свое проигранное, выигралъ все, что было у дѣвицъ и играетъ на ихъ души. Выигралъ душу у старшей дѣвицы и отрубилъ ей голову; выигралъ душу у второй дѣвицы и тоже отрубилъ ей голову. Играя далѣе, онъ поочередно отрубилъ головы шести дѣвицамъ; осталась седьмая дѣвица, по имени барчигъ самби тончжу. Она была красавица; Гэсэръ оставилъ её и хочетъ увести съ собой. Ане-гома говоритъ: «Это нчжи, «чертовка». Подними у ней волосы и посмотри!» Гэсэръ поднялъ волосы; подъ волосами весь черепъ былъ покрытъ глазами и ртами. Она ѣла людей. Гэсэръ пробуетъ убить её ножомъ, но не можетъ. Онъ выслалъ ея душу изъ ея тѣла и она умерла.

Гэсэръ ѣдетъ далѣе. Тутъ были два камня палунъ нготугъ (нготугъ— «толкуче»). Они сходились и расходились; сходясь, они раздавливали проходящихъ между ними людей. Подѣхалъ Гэсэръ и видитъ, изъ подъ камней ручей крови течетъ. Гэсэръ говоритъ камнямъ: «Съ малаго разстоянія вамъ не раздавить меня. Разойдитесь какъ можно далѣе и оттуда пуститесь другъ къ другу. Тогда съ большаго разбѣга ударъ будетъ сильнѣе и вы расшибете меня». «И правда вѣдь!» сказали камни. Они разошлись далеко, далеко. Гэсэръ разогналъ коня и проскочилъ между камнями; камни ударились другъ о друга и разбились въ мелкіе осколки.

Далѣ Гэсэръ подѣзжаетъ къ топи нямбыгъ шянцзынъ. Не знаетъ, какъ проѣхать, и призвалъ на помощь Ане-гома. Та говоритъ ему: «Помолись хозяину земли Улу-ксыгла-рэнчин'у и попроси его на одинъ день просушить тропу по срединѣ топи». Гэсэръ помолился Улу-ксыгла-рэнчину; высохла среди топи полоса земли и Гэсэръ проѣхалъ.

Городъ царя Кэркэръ-чжаву былъ обнесенъ тремя стѣнами; подъ первой стѣной была вода непроходимая; подъ второй стѣной лѣсъ густой, въ которомъ бродятъ тигры; третья стѣна была выше всѣхъ, въ 1500 сажень высотой. На ея вершинѣ сидѣла Нчжугму и прядла шелковую нитку. Гэсэръ перевалилъ черезъ три перевала и увидѣлъ Кэркэровъ городъ и Нчжугму, сидящую на вершинѣ городской стѣны; нить, которую она прядетъ, спускается до самой земли. Ане-гома обратилась въ невидимую сороку, принесла въ клювъ огонь и прикоснулась къ шелковой нити; нить перегорѣла. Нчжугму не видѣла сороки и кричитъ Гэсэру, который въ это время, принявъ видъ нищаго ламы, проходилъ мимо города: «Лама! лама! моя нитка порвалась и упала. Подай еѣ мнѣ!» Гэсэръ поднялъ нитку, но прежде, чѣмъ подать еѣ Нчжугму, онъ смѣрялъ нитку. Нитка вышла длиной 1500 сажень; такимъ способомъ онъ узналъ высоту городской стѣны. Смѣрявъ нитку, онъ подалъ еѣ на вершину стѣны. Нчжугму спрашиваетъ его: «Лама! откуда ты идешь?» Лама отвѣчаетъ: «Я иду отъ Дыря въ Лассу». «Не слыхалъ ли чего о Гэсэръ? Онъ ли убилъ Дыря, Дырь ли убилъ Гэсэра?» Лама говоритъ, что слышалъ, будто Дырь съѣлъ Гэсэра. Нчжугму говоритъ ламѣ: «Прими-ка лама! вотъ у меня есть серебро и деньги. Отнеси ихъ въ Лассу; пускай ламы почитаютъ номъ. У меня умеръ отецъ». Не сказала, чтобъ по Гэсэръ читали номъ. Гэсэръ взялъ серебро и деньги и сталъ камнемъ мельчить серебро. «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» спрашиваетъ Нчжугму. Лама отвѣчаетъ ей: «Въ Лассѣ ламъ много. Чтобы раздѣлить между ними поровну, нужно серебро разбить на самые мелкіе куски!» «Твоя правда», сказала Нчжугму.

Гэсэръ легъ на дорогѣ спать. Идетъ по дорогѣ дочь Кэркэра за водой. Подошла къ Гэсэру и говоритъ: «Лама, лама! встань! У насъ воды нѣтъ въ домѣ; мнѣ нужно за водой пройти». Гэсэръ отвѣчаетъ ей на это: «Я человѣкъ, который семь лѣтъ уставалъ, я человѣкъ, который одинъ мѣсяцъ голодалъ. У меня силъ нѣтъ встать. Если ты не считаешься важностью, обойди кругомъ, а не то перешагивай черезъ меня, если хочешь». Дочь Кэркэра перешагнула черезъ Гэсэра. Идетъ за водой дочь царя Куныга и говоритъ Гэсэру: «Лама, лама! встань! у насъ въ домѣ нѣтъ воды, мнѣ нужно пройти за водой». Гэсэръ отвѣчаетъ ей: «Я семь лѣтъ уставалъ, проводя все время въ дорогѣ; я цѣлый мѣсяцъ голодалъ. Я не въ силахъ встать. Если не считаешься родомъ, то обойди кругомъ; а считаешься родомъ, то перешагни черезъ меня». Дѣвица говоритъ: «Если моя мать прядетъ, да нитка оборвется и упадетъ на землю, я и черезъ ту не смѣю перешагнуть; а ты большой лама. Какъ я рѣшусь перешагнуть черезъ тебя!» И она обошла его кругомъ. Пришла къ водѣ, смотритъ въ воду; тамъ лежитъ половина золотой серьги (ксерке налуанъ). Хочетъ взять серьгу и не можетъ. Это было отраженіе въ водѣ. Въ ея

ухъ тоже была не цѣлая серьга, а половина; она вынула изъ уха этотъ обломокъ и приложила къ той серьгѣ, которая лежала въ водѣ. Вышло, что это были двѣ половинки одной серьги. Она взглянула вверхъ на дерево, которое стояло надъ водой. Тамъ въ вѣтвяхъ сидѣлъ Гэсэръ. Дѣвица замѣтила въ его ухѣ половину серьги; ея-то отраженіе и было въ водѣ. Пошла она домой. Гэсэръ опять сидитъ на дорогѣ, принявши видъ бѣднаго ламы. Дѣвица говоритъ ему: «Лама! не придешь ли въ домъ моего отца почитать номъ?» Гэсэръ говоритъ: «Приду!» «Если ты согласенъ придти», говоритъ дѣвица, «то подожди здѣсь, а я напередъ спрошу отца и мать, и если они велеть, то я приду за тобой и приведу подъ тебя лошадь». Гэсэръ думаетъ: «Нѣтъ, подъ видомъ ламы тутъ нельзя оставаться». И какъ только она ушла, онъ обратился въ мальчика, варившаго для народа ѣду и стоящаго передъ пустыми котлами, подъ которыми еще тлѣлись не погасшіе угли. Нгарэ-олу-чючжуръ, дочь царя Куныга, опять пришла и спрашиваетъ: «Мальчикъ! не видѣлъ ли ты ламу? Куда онъ дѣвался?» Мальчикъ отвѣчаетъ ей: «О, этотъ лама, о которомъ ты спрашиваешь, великій хобильганъ; онъ былъ здѣсь подъ видомъ множества народа, котораго я угощаль; теперь этотъ народъ весь ушелъ». «Что же мнѣ теперь дѣлать?» думаетъ дѣвица. «Я обманула отца и мать, сказавши, что я нашла ламу. Не пойдешь ли ты, мальчикъ, къ намъ въ пастухи!» Пойду, говоритъ мальчикъ. Она думаетъ: «Этого нужно взять теперь же съ собой, чтобы вновь не обмануться. Садись на лошадь сзади меня!» говоритъ она мальчику. Гэсэръ сѣлъ сзади дѣвицы; спина у лошади изломалась. Какъ теперь быть? думаетъ дѣвица. И отца съ матерью обманула, что ламу нашла, и лошадь съ изломанной спиной приведу! Она плачетъ и упрекаетъ мальчика. Мальчикъ увѣряетъ ее, что это она сама изломала спину у лошади, а что онъ легкій. Онъ сѣлъ на травинку и травинка подъ нимъ не погнулась. Онъ сѣлъ на овечій шарикъ, и шарикъ подъ нимъ не расплюснулся, остался цѣлый. Дѣвицѣ стало стыдно. Тогда мальчикъ говоритъ ей: «Не печалься! спина у коня будетъ цѣла». Только онъ сказалъ это, спина у коня выздоровѣла и они поѣхали въ домъ царя Куныга, Гэсэръ сѣлъ впереди, а царица сзади. Царь Куныгъ принялъ Гэсэра въ пастухи и далъ ему имя Нгари-сынгы-тангниръ, т. е. «внѣ найденный человѣкъ».

Днемъ Гэсэръ пасетъ овецъ на степи, а на ночь пригоняетъ ихъ въ городъ и ложится спать между ними. Дочери Куныга приснился сонъ, будто бы въ Хорскую землю изъ Лыма пришелъ волкъ съ открытой пастью и поѣлъ хорскихъ коровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится волкъ, пришедшій изъ Лыма. Не кладите его на слѣдующую ночь спать между овцами, а положите между лошадьми». Приказъ ея исполнили. На слѣдующую ночь ей приснился звѣрь томъ ¹⁾ съ открытой пастью, пришедшій, изъ Лыма и поѣвшій Хоровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится звѣрь томъ, пришедшій изъ Лыма. Положите

¹⁾ Переводчикъ перевелъ это слово широнгольскимъ кнушинъ и пояснилъ, что это звѣрь въ родѣ чернаго волка. Кну-шинъ по китайски медвѣдь.

его на слѣдующую ночь не между лошадьми, а въ нашъ домъ». Приказъ ея опять исполнили. Тогда ей приснился тигръ (ртыгъ), пришедшій изъ Лыма и поѣвшій Хоровъ. Дѣвица, дочь царя Куныга, опять говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ началъ сниться тигръ, пришедшій изъ Лыма? Положите его на слѣдующую ночь подлѣ меня».

Нчжугму отъ царя Кэркэра родила мальчика, верхняя половина золотая, нижняя серебряная. Кэркэръ по этому случаю устроилъ восемнадцатидневный пиръ (ртому). На пиру устроена была свачка. Чжарсэй думаетъ: «Не хватитъ у Гэсэра силъ на бѣгъ».

Гэсэръ въ это время ловилъ яковъ; вырылъ яму, наложилъ на нее петлю и ловилъ яковъ (нчжунъ). Чжарсэй увидѣлъ это съ горы и хочетъ подѣхаться, но прямо по дорогѣ подѣхаться нельзя, Гэсэръ перекопалъ ее своей ямой. Чжарсэй хотѣлъ справа по горѣ объѣхать и спуститься въ Гэсэру, но Гэсэръ закричалъ ему: «Не ѣзди тамъ! Тамъ вся земля перекопана мною и усѣяна ямами на яковъ». Тогда Чжарсэй объѣхалъ по горамъ съ лѣвой стороны и подѣхалъ къ Гэсэру. Одинъ якъ попалъ ногой въ петлю; Гэсэръ тащитъ его въ одну сторону, быкъ тянетъ въ другую; Гэсэръ не можетъ осилить быка. Чжарсэй быкъ кажется мышью хатъ. Онъ удивляется, что Гэсэръ не можетъ справиться съ мышью. Онъ помогъ Гэсэру оттащить быка отъ ямы и убить его. «Какъ повеземъ его?» спрашиваетъ Гэсэръ. Чжарсэй говоритъ: «Не хитро свезти; положимъ на спину моей лошади да и все тутъ». Положили; спина у лошади переломилась. Чжарсэй заплакалъ. «Какъ я теперь безъ коня буду?» говоритъ. «Дни мои кончились!» Не бѣда, говоритъ Гэсэръ. Конь твой будетъ цѣлъ. Гэсэръ вылечилъ коня Чжарсэя. Раздѣлили мясо пополамъ; половину навьючили на Чжарсэева коня, половину на Гэсэрова, и приѣхали въ мѣстность Лунва-ксындо. Гэсэръ поклатъ мясо въ котель и началъ варить. Чжарсэй думаетъ: «Неужели онъ будетъ ѣсть мясо мыши?» Сваривъ мясо, Гэсэръ сталъ угощать Чжарсэя, тотъ сначала не ѣстъ. Потомъ взялъ одно ребро попробовать, началъ ѣсть, наѣлся до сыта, а ребра не могъ докончить и говоритъ: «Однако ребра не могъ докончить, а сытъ. Должно быть это не мышь, а якъ. Если это такъ, то Гэсэръ въ состояніи пустить своего коня въ бѣгъ!»

Чжарсэй говоритъ Гэсэру: «Я видѣлъ здѣсь гору, на которой лежитъ множество перьевъ. Хорошо бы этими перьями окрылить наши стрѣлы!» Гэсэръ говоритъ: «Это правда, что есть такая гора; но при подошвѣ горы перьевъ не такъ еще много, а вотъ на вершинѣ ея такъ дѣйствительно много». Поѣхалъ Чжарсэй къ горѣ; ѣдетъ, ни какъ ни доѣдетъ. Уже день къ концу приходитъ, а онъ все еще до горы не доѣхалъ. Онъ началъ беспокоиться; въ это время поднялся сильный вѣтеръ, подхватилъ его и занесъ въ пещеру. Чжарсэй осмотрѣлся; пещера въ отвѣсной скалѣ; и надъ входомъ въ пещеру отвѣсная скала, вскарабкаться нельзя; и подъ входомъ отвѣсная скала; спуститься нельзя. Чжарсэй заплакалъ. Видно, мнѣ здѣсь умереть придется, думаетъ онъ. Внизъ отъ пещеры спуску нѣтъ и ни одинъ человѣкъ никогда не поднимался въ эту пещеру. Гэсэръ стоитъ внизу у подошвы горы и тоже плачетъ. Наконецъ Гэсэръ говоритъ: «У меня есть средство спустить

тебя изъ пещеры, но дашь ли мнѣ слово (кэлымъ, условіе), что дашь мнѣ два комка глины, одинъ бѣлый, другой черный?» Чжарсэй подумалъ: «Отчего не согласиться на такое условіе. Бѣлую и черную глину вездѣ достать можно!» Онъ далъ Гэсэру слово, что дастъ ему два комка глины, одинъ бѣлой, другой черной. Поднялся снова вѣтеръ, выдернулъ Чжарсэя изъ пещеры и поставилъ на равнинѣ. Чжарсэй спрашиваетъ у Гэсэра: «Что ты разумѣлъ подъ бѣлой и черной глиной?» Гэсэръ отвѣчаетъ: «Ганьчжуръ и Танчжуръ». «О, это сверхъ моихъ силъ дать тебѣ!» сказалъ Чжарсэй. Гэсэръ сказалъ ему: «Ты не печалься. Я могу тебѣ это дѣло сдѣлать. Ты только доставь восемь выюковъ бумаги». Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ. Навезли бумагу и золота, которымъ пишутъ. Боги начали писать. Поднялся отъ писанья такой шумъ, что въ Лымѣ услышали. Спрашиваютъ: «Что это за шумъ въ мѣстности Лунва-ксындо?» Жители Лыма послали ночью на быкахъ двухъ женщинъ, дочь Чагена и дочь Чотона и велѣли имъ взѣхать на гору и посмотрѣть. Женщины взѣхали на гору и видятъ на Лунва-ксындо ¹⁾ зажжено множество свѣчь, земля, какъ цвѣтокъ, горитъ, но людей не видятъ. Боги, какъ только женщины взглянули на Лунва-ксындо, сейчасъ же оставили работу и улетѣли. Еслибъ женщины не выѣзжали на гору, Ганьчжуръ-Танчжуръ былъ бы доконченъ богами; теперь же у него немного не достаетъ до конца.

Когда начали пускать въ бѣгъ лошадей на праздникѣ, который сдѣлалъ царь Кэркэръ, видятъ, скачетъ какой-то молодецъ на черной лошади въ черной шубѣ; обогналъ всѣхъ и усакавалъ; всѣ дивуются, что это за молодецъ. Дочь царя Куныга спрашиваетъ отца, кто проскакалъ? Куныгъ говоритъ: «Не знаю! Такой дорогой шубы я еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже никогда не видалъ, да и такого удалаго мальчика въ Хорахъ никогда не бывало». На другой день опять обогналъ всѣхъ кто-то въ бѣлой шубѣ на бѣломъ конѣ. «Кто это, отецъ?» спрашиваетъ Нгари-оло-чючжуръ, дочь царя Куныга. Куныгъ говоритъ: «Не знаю. Такой дорогой шубы еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже не видывалъ, да и такого красиваго мальчика въ Хорахъ прежде никогда не было».

Когда Куныгъ сталъ собираться на праздникъ въ царю Кэркэру, пастушокъ Нгари-сынги-тангниръ проситъ и его взять съ собою. «Куда тебѣ на такой богатый праздникъ!» говоритъ царь. «Ты вонъ какой худой! Сопли у тебя по губамъ висятъ!» Мальчикъ твердитъ свое: возьми да возьми! Куныгъ говоритъ ему: «У царя Кэркэра есть сильный человекъ Чжакэ-нигу-сыгтунъ; онъ стоитъ въ дверяхъ, руками держится за косяки, а ноги разставилъ. Князья, ламы, богатые люди проходятъ у него между ногами. Онъ не пропуститъ тебя и убьетъ!» «А ты спрячь меня въ полу твоей шубы?» проситъ пастушокъ. Дочь тоже стала просить отца, чтобы онъ взялъ пастушка. Куныгъ взялъ его, завернулъ въ уголъ шубы и повезъ. Когда Куныгъ сталъ проходить въ дверяхъ, пастушокъ высунулъ го-

¹⁾ Ксуны «три»; ндо «устье»; лунва «рѣка»; лунва ксуудо «устье трехъ рѣкъ».

лову изъ подъ шубы, завернулъ её къ верху и смотритъ на Чжакэ. Тотъ увидѣлъ его и схватилъ, чтобы начать бороться съ нимъ. Гэсэръ сразу забросилъ его на небо, и такъ это сдѣлалъ быстро, что народъ не разглядѣлъ, куда Чжакэ дѣвался. Одни говорятъ: на небо пролетѣлъ! Другіе говорятъ: въ землю провалился! Прилетѣлъ Чжакэ-нигу-сыгтунъ на небо; небесные боги спрашиваютъ: «Кто тебя сюда закинулъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Гэсэръ». «А, Гэсэръ!» говорятъ боги. «Это хорошо». Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ его тѣла. Потомъ боги столкнули его на землю. Здѣсь встрѣтили его земные боги, спрашиваютъ: «Откуда ты?» Чжакэ говоритъ: «Гэсэръ забросилъ меня на небо, а небесные боги столкнули меня сюда». «А, Гэсэръ тебя забросилъ! Это хорошо!» Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ тѣла. Ощипали съ него все мясо, оставили голыя кости. Кэркэръ и всѣ Хоры радуются, говорятъ: У насъ теперь есть сильный человѣкъ! Теперь пусть-ка придетъ Гэсэръ! Есть кого выслать ему на встрѣчу! Нечего его теперь бояться!

Гэсэръ жалуется царю Куныгу, что къ нему во время пастьбы овецъ каждый день приходятъ пастухи Кэркэра и Кусэра, сковываютъ его цѣпами и бьютъ молотомъ, что и ему самому нужно запастись цѣпью и молотомъ, а не то Кэркэровы и Кусэровы пастухи убьютъ его. Нужно имѣть цѣпь въ 1500 сажень длиной и 1500 стреманъ (юченъ), каждое въ одну сажень высотой. Куныгъ говоритъ Гэсэру: «Ты не ходи сегодня пасти овецъ; я самъ пойду вмѣсто тебя». Царь надѣлъ на себя худое платье и пошелъ со стадомъ въ степь. Гэсэръ, оставшись дома, превратился въ толпу Кэркэровыхъ и Кусэровыхъ пастуховъ. Эти пастухи догнали Куныга, сковали его и начали бить его молотами. Пришелъ домой Куныгъ и говоритъ: «Ты правду рассказывалъ! Неужели они такимъ же образомъ били тебя каждый день?» «Каждый день такъ били», говоритъ Гэсэръ. «Но у меня нѣтъ столько желѣза, сколько ты просишь». Гэсэръ говоритъ Куныгу: «У твоихъ дверей лежитъ большой камень; внутри его все желѣзо; нужно только разбить его. Ты дай мнѣ только одну сажень цѣпи и одно стремя, да позволь мнѣ взять этотъ камень, остальное я самъ сдѣлаю». Куныгъ далъ ему сажень цѣпи, одно стремя и позволеніе взять камень. Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ, сталъ ковать съ ними желѣзо и говоритъ: «Какъ быть? Скованный молотъ полетитъ въ небо. Какъ бы Тугла-сургеръ не испугался, чтобъ молотъ его не убилъ?» Тугла-сургеръ говоритъ: «Ничего, я спрячусь въ домъ». Тугла-Сургеръ спрятался, но не вытерпѣлъ долго сидѣть, высунулъ голову посмотреть. Въ это время молотъ летѣлъ съ неба назадъ на землю, угодилъ ему въ щеку и убилъ его.

Гэсэръ взвалилъ тѣло Тугла-сургера себѣ на спину, отнесъ въ степь и распялъ его на перекресткѣ дорогъ, руки и ноги приколотилъ вдоль дорогъ гвоздями, въ ротъ положилъ ему навозъ, въ руки далъ метлы, на грудь положилъ камень. Люди, проходившіе по дорогамъ, видѣли распятаго Тугла-сургера и рассказали объ этомъ въ народѣ. Дошелъ слухъ и до царя Куныга. Куныгъ спрашиваетъ Гэсэра: «Ты убилъ моего сына? Зачѣмъ его такъ положилъ? зачѣмъ

распялъ на перекресткѣ дорогъ, въ руки вставилъ метлы, въ ротъ положилъ навозъ, на грудь навалилъ камень?» Гэсэръ говоритъ: «Руки и ноги его я растянулъ по дорогамъ за тѣмъ, чтобы дурныя повѣтрія не приходили съ четырехъ сторонъ; навозъ въ родъ положилъ, чтобы твой народъ и ты всегда хорошую ѣду имѣли; метлы вставилъ въ его руки, чтобы травы и корма въ твоёмъ царствѣ всегда были хороши; камень на груди значитъ, чтобы у Хоровъ были желѣзные сердца». Царь остался доволенъ отвѣтомъ. Гэсэръ сковалъ себѣ молотъ, 1500 сажень цѣпи и 1500 стремянъ, каждое стремя въ одну сажень высотой.

Гэсэръ приснился Кэркэру въ видѣ бога и учить его сходять погадать къ дочери Куныга, приснился богомъ и дочери Куныга и научилъ ее сказать царю Кэркэру, чтобы онъ въ пятнадцатую ночь не затворялъ дверей и зажегъ бы по всему дому свѣчи, потому что въ эту ночь къ нему придетъ богъ.

Въ пятнадцатую ночь Гэсэръ пришелъ къ дому Кэркэра съ цѣпью и молотомъ. Богъ Чагена бросилъ цѣпь на городскую стѣну; цѣпь не зацѣпилась крюкомъ за стѣну и упала назадъ. Богъ Чжарсэя бросилъ цѣпь; крюкъ опять не зацѣпилъ за стѣну и цѣпь опять упала. Богъ Чотона бросилъ цѣпь и она зацѣпилась; богъ Чотона былъ очень сильный. Гэсэръ полѣзъ по цѣпи на стѣну. Подулъ вѣтеръ; Гэсэръ остановился въ раздумьи, не смѣетъ лѣзть дальше. Въ это время явились Ане-гома и боги небесные и земные и посадили Гэсэра. Взлѣзъ Гэсэръ на стѣну. Здѣсь онъ поймалъ женщину-чертовку нчжиму-рчики-нацырженъ (чертовка съ желѣзной серьгой) и спрашиваетъ ее: «Твоя душа что-такое?» «Моя душа иголка», отвѣчаетъ женщина. «А твоя?» «А моя душа стебелекъ травы», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Помѣняемся душами!» предлагаетъ Гэсэръ. Женщина согласилась. Гэсэръ далъ ей стебелекъ травы; женщина изломала его. Гэсэръ взялъ иголку отъ женщины; въ которую сторону погнетъ ее, въ ту сторону женщина и отходить. Видитъ Гэсэръ внизу зеленая черепица настлана. Это что такое? спрашиваетъ онъ у женщины. «Черепичная крыша», говоритъ женщина. «Такъ ли это?» спрашиваетъ Гэсэръ. «Будто это вода, а черепицей только кажется. Если это не вода, то брось свое запястье». Старуха бросила запястье; оно застучало, ударившись о черепицу. Гэсэръ увѣрился, что это не важающаяся вода и спустился на черепицу. Это была крыша дома Кэркэра. Гэсэръ вошелъ въ домъ, такъ какъ онъ былъ отворенъ по совѣту дочери Куныга, и началъ давить Кэркэра. Кэркэръ спросилъ его: «Ты намти или ргети? Если ты намти, я поставлю тебѣ чжулы ¹⁾), только оставь давить меня!» «Я ргети!» сказалъ Гэсэръ. «Если ты ргети, то возьми мой домъ и все мое богатство, но не убивай меня! Я уйду отсюда въ другое мѣсто». «Нѣтъ», говоритъ Гэсэръ. «Я долженъ убить тебя!» Гэсэръ кольнулъ его шиломъ; шило оказалось короткимъ. Онъ вынулъ ножъ, но и ножомъ ничего не могъ сдѣлать. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ спины Кэркэра для связыванія сѣделъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ губъ Кэркэра на тетивы къ лукамъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ ткнулъ ножомъ въ бокъ Кэркэра. Кэркэръ

¹⁾ Чжула—курительная свѣча, сожигаемая передъ статуями боговъ.

крикнулъ: «Больно» (аса)! Только послѣ этого крика Гэсэръ сталъ въ состояніи убить Кэркэра.

То же сдѣлалъ Гэсэръ и съ Кусэремъ, а Куныга не убилъ, а только выслалъ его душу изъ его тѣла. Головы Кэркэра, Касэра и Куныга положилъ въ ящикъ и поставилъ въ домъ Нчжугму, когда она уходила въ небо. Головы Куныга и Кусэра говорятъ головѣ Кэркэра: «Мы говорили тебѣ, не увози Нчжугму! Не совладать тебѣ съ Гэсэромъ. Вотъ теперь и ты погибъ и насъ погубилъ вмѣстѣ съ собою». Нчжугму услышала разговоръ головъ. Ея сердце теперь повернулось къ Кэркэру. Она осердилась на Гэсэра и хотѣла убить его. Она бросилась на него съ ножомъ. Гэсэръ спрятался за столбъ, въ которому вяжутъ лошадей. Нчжугму срѣзала только верхушку дерева. Гэсэръ связалъ Нчжугму, забралъ все имущество Кэркэра, Кусэра и Куныга и поѣхалъ въ Лымъ. Дорогой онъ вспомнилъ, что у Нчжугму былъ сынъ и что онъ оставилъ его не убитымъ. Нчжугму оставила сыну два колоба изъ рсамбы (ячменной муки), одинъ замѣшанный на маслѣ, другой на крови Кэркэра, и оставляя ихъ, сказала сыну: «Если быть тебѣ живымъ, ты схватишь и съѣшь колобъ на маслѣ; если быть тебѣ убитымъ, ты съѣшь колобъ, замѣшанный на крови твоего отца!»

Мальчикъ съѣлъ колобъ, замѣшанный на крови Кэркэра. Увидѣвъ подтѣвжающаго Гэсэра, мальчикъ выдернулъ изъ потолка матицу и согнулъ ее вмѣсто лука, тонкую перекладину изъ крыши положилъ вмѣсто стрѣлы и хочетъ убить Гэсэра. Гэсэръ схватилъ его и придавилъ къ землѣ. Когда въ первый разъ давнулъ, сынъ Нчжугму вскричалъ: Шого-лоло! не бей, знаемець! Когда во второй разъ давнулъ, ребенокъ вскричалъ: Аву-лоло! не бей, дядя! Когда Гэсэръ придавилъ его въ третій разъ, ребенокъ вскричалъ: Ава-лоло! не бей отецъ. Послѣ этого Гэсэръ убилъ его. Если бъ мальчикъ началъ съ рѣчи: «не бей отецъ!» Гэсэру не убить бы его.

Когда Гэсэръ вернулся къ Нчжугму, она сказала: «У меня что-то заняла грудь. Должно быть ты убилъ моего сына?» Гэсэръ отвѣтилъ ей: «Не убивалъ твоего сына, не маралъ руки!» (чю-шилику-масыр-ку-лыгъ-мазуръ).

Поѣхалъ Гэсэръ въ Лымъ. Вьюки съ хорскимъ богатствомъ остались сзади, Гэсэръ ѣдетъ вдвоемъ съ Нчжугму. За то, что онъ много народу убилъ, у него выболѣли оба глаза; онъ ослѣпъ. Ёда у нихъ вышла; Нчжугму проголодалась и плачетъ. Гэсэръ натянулъ лукъ и говоритъ: «Если въ степи бѣгаетъ животное, направь на него мою стрѣлу». Въ степи былъ яка (нчжу). Нчжугму направила стрѣлу на яка, Гэсэръ отпустилъ ее и убилъ яка. Мясомъ его они стали сыты.

Нчжугму сдѣлала большой рсанъ; сложила огромный костеръ изъ можжевельника (шихпа) и багульника (суркуръ), зажгла его и велѣла Гэсэру надъ дымомъ рсана протирать глаза, а сама просила Ане-гому возвратить Гэсэру зрѣніе. Ане-гома спустилась въ преисподнюю (нялвй), принесла оттуда глаза и вставила Гэсэру. Послѣ того подошли вьюки съ богатствомъ хорской земли. Теперь богатство Дыря и богатство хорскихъ царей соединились въ Лымъ и Лымъ разбогатѣлъ.

Гэсэръ дожилъ до глубокой старости. Страна, гдѣ родился Кала-мэмбыръ и гдѣ жила его мать, называлась Ндамь. Одинъ ндамскій овечій пастухъ пустилъ стрѣлу въ Гэсэра и убилъ его.

Ами-салунъ ¹⁾).

ВАРИАНТЪ Б.

Первый отрывокъ. Мать Гэсэра звали Манчжаму. Прежде чѣмъ Гэсэру родиться, отецъ его умеръ, оставивъ беременную вдову. Дядя Гэсэра, младшій братъ его отца, по имени Ава-Чотонъ, захватилъ все имущество и скотъ своего брата, а беременную вдову сослалъ на островъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой, давъ ей кобылу, корову и собаку, тоже беременныхъ. Онъ рассчитывалъ, что пойдетъ большой дождь, вода въ рѣкѣ прибудетъ и вдову вмѣстѣ съ ея скотомъ унесетъ и она потонетъ. Но этого не случилось; въ другомъ мѣстѣ вездѣ идетъ дождь, а надъ островомъ свѣтитъ солнце; въ другомъ мѣстѣ выпадаетъ снѣгъ, а надъ островомъ свѣтитъ солнце. Вдова однажды пошла собирать дрова и нашла копьеце отъ стрѣлы (джебе). Здѣсь въ одиночествѣ она стала родить; родила семьдесятъ двухъ ребенковъ; родится ребенокъ и улетитъ на небо; подъ конецъ родила гудзе ²⁾ и положила его въ скрытное мѣсто. Въ это же время и кобыла ожеребилась, корова отелилась и собака ощенилась. Жеребенокъ не беретъ сосцевъ матери, теленокъ не сосетъ и щенокъ не сосетъ. У вдовы была эгичъ (старшая сестра); она видитъ, что солнце взошло. Что бы такое это значило? Она отправилась къ сестрѣ и спрашиваетъ: не родила ли ты? Нѣтъ, не родила, отпирается та. Да правда ли? Не скрывай, признайся. Родила, отвѣчаетъ вдова; семьдесятъ двухъ родила, но всѣ улетѣли на небо. Послѣ того родила баранье гудзѣ. Эгичъ говоритъ ей: дай, я разорву! Нѣтъ! говоритъ мать. Нужно осторожно разрѣзать его найденной мною стрѣлой. Разрѣзали, а внутри гудзѣ лежитъ прелестный ребенокъ. Какъ только ребенокъ взялъ въ ротъ грудь матери, тотчасъ и жеребенокъ припалъ къ вымени кобылы, теленокъ къ вымени коровы и щенокъ къ вымени суки.

Дядя Ава-Чотонъ увидѣлъ во снѣ, что солнце взошло, догадался, что Гэсэрчжаву родился. Онъ перенесъ его на колючій кустарникъ и прикрылъ колючками. Ребенокъ самъ (на третій день) разворочалъ колючки и пришелъ къ матери. На третій день по рожденіи онъ могъ уже говорить. Когда онъ подросъ, Ава-Чотонъ говоритъ ему, что онъ раздѣлитъ съ нимъ наслѣдство. Гэсэръ взялъ гору, лодку и дымъ отъ всѣхъ домовъ. Мать говоритъ Гэсэру: Что ты будешь дѣлать съ этимъ? Гэсэръ отвѣчаетъ: Безъ дыму какъ они будутъ варить, а лодка, подожди, тоже

¹⁾ Ами-салунъ, тангутъ, родомъ изъ мѣстности Ду-и (къ с. отъ монастыря Лабрана, на южномъ склонѣ горы Хара-улы), старикъ лѣтъ 60-ти. Онъ рассказывалъ сказку по тангутски; лама Сэрэнъ, широнголецъ, переводилъ ее на монгольскій языкъ. Ами-Салунъ многія мѣста ея пѣлъ. Тангуты говорили намъ, что стихи изъ Гэсэра поются во время свадебныхъ пировъ.

²⁾ Гудзе по монгол. «желудокъ».

пригодится. Пришли къ рѣкѣ три дѣвицы и просятъ перевезти ихъ на лодкѣ. Гэсэръ проситъ за перевозъ права жениться на перевезенной. Младшая, самая красивая, согласилась стать его женой. Имя ея было Мзабонъ-ичи.

Самбурень-ханъ вздумалъ жениться. Онъ послалъ пословъ узнать, гдѣ есть красивыя женщины, и они принесли ему извѣстiе, что нѣтъ краше жены Гэсэръ-хана ни въ странѣ тэнгри, ни въ странѣ Лосунай-хана. Самбурень-ханъ посылаетъ ворону; она, полетавъ, возвращается къ хану и поетъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, кулунъ, кулунъ! клювъ отъ добыванiя пищи обкрошился, кулунъ, кулунъ! ногти отъ выкапыванiя пищи притупились, кулунъ, кулунъ!» Самбурень-ханъ говоритъ: «Я заколю тебѣ барана. Ышь!» Самбурень-ханъ посылаетъ сороку. Сорока возвращается съ пригѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, чакъ, чакъ! клювъ мой отъ добыванiя пищи обкрошился, чакъ, чакъ!» и т. д. И ей Самбурень-ханъ велитъ заколотъ барана. Горлица (жугушвѣ) возвращается съ пригѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, гүггу-угү, гүггу-угү!» и пр. Ханъ и ей велѣлъ заколотъ барана. Наконецъ былъ посланъ журавль (тогурюнъ) и онъ возвратился съ тою же жалобой. Самбурень-ханъ даетъ ему бѣлое пятно на лобъ и косичку на затылокъ.

Другой отрывокъ. Кэсэръ-чжаву отправляется возвращать свою жену Мзабынъ-ичи, увезенную чудовищемъ, которое питалось человѣческимъ мясомъ. Когда онъ пришелъ къ дому чудовища, послѣднее отсутствовало. Дома была только его жена. Она вырыла яму, посадила въ нее Гэсэра, сверху прикрыла доской, на ней изъ тѣста сдѣлала семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ. Пришло чудовище и говоритъ: «Я слышу запахъ человѣка!» Жена говоритъ: «Какъ не быть человѣческому мясу, когда ты имъ питаешься!» Тогда чудовище опять говоритъ: «Нѣтъ, это запахъ Гэсэра». Онъ призвалъ ворожею; тотъ погадалъ и сказалъ: «Гэсэръ близко. Онъ за семью горами, за семью долинами и за семью рѣками». Чудовище поѣхало искать Гэсэра; поѣхало семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ и не нашло его. Вернулось чудовище и легло спать. Въ это время Гэсэръ натянулъ лукъ и выстрѣлилъ, но стрѣла его не могла долетѣть до чудовища. Чудовище услышало и спрашиваетъ жену: «Что это такое зазвенѣло?» Жена говоритъ: «Это я мою котель». Успокоилось чудовище и снова заснуло. Тогда Гэсэръ выстрѣлилъ во второй разъ; стрѣла пролетѣла далѣе, но все таки не достигла до чудовища. «Что такое?» опять спрашиваетъ чудовище. «Это я пряду, говоритъ жена, и мое веретено жужжитъ». Опять успокоилось чудовище и вновь заснуло. Тогда Гэсэръ въ третiй разъ выстрѣлилъ и стрѣла попала въ сердце чудовищу, но не убила его. Чудовище заболѣло. Жена допрашиваетъ его, гдѣ его смерть. Чудовище говоритъ: Есть три дерева (дальнѣйшая часть отвѣта чудовища осталась не записанною). Женщина сообщаетъ эту тайну Гэсэру, но въ это время сердце ея измѣняетъ Гэсэру и она говоритъ чудовищу, что Гэсэръ здѣсь.

Дзундуй ¹⁾).

¹⁾ Дзундуй, лама, родомъ изъ Санъ-чуани, рассказывалъ по-широнгольски, но вариантъ, вѣроятно, тангутскiй. Дзундуй не знаетъ монгольскаго письма, но знаетъ тибетскую грамоту.

ВАРИАНТЪ В.

Были Аяни Самба-гарву и Маяни Бурчжань-чжаму. У нихъ было три сына; старшій назывался Тончжень, второй Тончжонъ, а младшій Тончжу-гарву. Отецъ Самба-гарву на разсвѣтѣ пустилъ стрѣлу, чтобъ узнать, которому изъ трехъ братьевъ спуститься на землю и стать Гэсэромъ. Стрѣла упала противъ младшаго сына. Въ полдень отецъ бросилъ камень; и камень упалъ противъ младшаго сына; въ третій разъ отецъ Самба-гарву на закатѣ солнца бросилъ кости (по-тангутски шб); и въ третій разъ на костяхъ выпало младшему сыну. Самба-гарву говоритъ сыну Тончжу: «Ты долженъ идти на землю и стать Гэсэромъ». Тончжу говоритъ: «Нѣтъ земли положить ламскую шапку; нѣтъ земли положить верхнее одѣяніе ламы; нѣтъ земли положить ламскіе сапоги». Отецъ говоритъ: «Ламское платье сними съ себя и иди на землю». Тогда Тончжу въ видѣ птицы, у которой передъ золотой, задъ серебряный и цвѣта раковины, съ желѣзными когтями, съ глазами, какъ джула ¹⁾, спустился въ Ламъ на верхушку юрты (куръ), въ которой жила Ане-чжаму. Ане-чжаму увидѣла птицу и сказала: «Это добрый знакъ, что бѣлая птица спустилась. Худо, когда черная птица спускается». И поднесла ей мясо цѣлаго барана. Потомъ Тончжу въ томъ же видѣ спустился на верхушку юрты, въ которой жилъ Аку-Чотонъ. Тотъ, увидѣвъ ее, сказалъ: «Это дурно, что бѣлая птица спустилась. Хорошо, если черная птица спускается. А эта птица дурная вещь. Нужно на нее бросить пескомъ, нужно чѣмъ-нибудь дурнымъ бросить въ нее; нужно застрѣлить ее!» Онъ взялъ лукъ и стрѣлу. Тончжу-гарву возвратился къ отцу и говоритъ, что онъ не пойдетъ на землю. Тогда отецъ Самба-гарву погнался за нимъ; Тончжу убѣжалъ на небо, но и отецъ поднялся на небо; Тончжу спустился на землю, но и на землѣ нашелъ его отецъ; Тончжу бросился въ воду, и Самба-гарву бросился въ воду. Теперь Тончжу нѣтъ болѣе мѣста скрыться; онъ обратился въ маленький камешекъ, лежащій на берегу. Отецъ Самба-гарву въ сердцахъ проглотилъ этотъ камень. Теперь нѣтъ Гэсэра. Самба-гарву сѣлъ на высокую гору; долго онъ сидѣлъ. На мѣсто, гдѣ онъ мочился, пришелъ олень (по-тангутски иму) и началъ пить мочу; цѣлый годъ пилъ онъ ее. Камешекъ вошелъ въ его утробу. Самба-гарву говоритъ своему слугѣ: «Иди слѣдомъ за оленемъ; онъ родитъ желудокъ; ты разрѣжь его ножомъ снизу вверхъ, а не сверху внизъ» (т. е. лезвіемъ вверхъ, а не внизъ). Слуга разрѣзалъ лезвіемъ внизъ и вынулъ изъ желудка дѣвочку. Если бы онъ выпоролъ желудокъ иначе, вышелъ бы Гэсэръ. Самба-гарву сталъ кормить дѣвицу и далъ ей имя Томба-цаму-геръ. Когда она достигла возраста невѣсты, къ Самба-гарву пріѣхалъ гость Рачи-Самба, привезъ мяса и сталъ угощать Самба-гарву. Самба-гарву сѣлъ все мясо. Тогда Рачи-Самба говоритъ: «У тебя есть дѣвица, а у меня нѣтъ жены. Отдай дѣвицу за меня. За этимъ я и привезъ мясо, за этимъ я и угощалъ тебя». Самба-гарву отказывается выдать за него дѣвицу.

¹⁾ Курительная свѣча.

Тогда Рачи-Самба говоритъ: «Въ такомъ случаѣ подай мое мясо!» Самба-гарву отвѣчаетъ ему: «Теперь у меня мяса нѣтъ; подожди, пригоняю скотъ, зарѣжу барана и отдамъ». «Нѣтъ, говоритъ Рачи-Самба, теперь же подай!»

Рачи-Самба легъ на дорогѣ и спитъ. Томба-цаму-геръ поѣхала по дорогѣ къ стадамъ овецъ, увидѣла лежащаго Рачи-Самба и говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать!» Рачи говоритъ: «Если ты не торопишься, то объѣзжай кругомъ; если торопишься, то переѣзжай черезъ меня». Томба объѣхала его. Ѣдетъ она обратно. Рачи-Самба опять лежитъ и спитъ. Дѣвица опять говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать». Рачи-Самба снова предлагаетъ ей или объѣхать или переѣхать черезъ него. Томба-цаму-геръ осердилась и переѣхала черезъ него. Тогда Рачи-Самба схватилъ ее коня и говоритъ ей отцу Самбѣ-гарву: «Теперь ты долженъ отдать мнѣ твою Томба-цаму-геръ!»

Самба-гарву отдалъ дѣвицу Томба-цаму-геръ. Отпуская жениха и невѣсту, Самба-гарву послалъ повара проводить ихъ. Поваръ, вернувшись, сказалъ Самбѣ-гарву: «Твоя дочь, взѣхавъ на перевалъ, не оглянулась и не оплакала свою разлуку съ тобой». Самба-гарву спросилъ дѣвицу, правда ли это. Томба-цаму-геръ говоритъ, что она трижды взглянула назадъ и оплакала разлуку съ роднымъ домомъ, но Самба-гарву не повѣрилъ и провѣлялъ ее, велѣлъ ей съ ея мужемъ поселиться при соединеніи трехъ рѣкъ и далъ имъ только ветхій баныкъ¹⁾, старую кобылу, старую корову и старую собаку.

Томба-цаму-геръ родила Гэсэра; кобыла родила жеребенка по имени Чжиланъ; корова родила теленка по имени Чюнкырь и собака родила щенка по имени Тонджюгъ. Аку-Чотонъ узналъ, что у Томба-цаму-геръ родился ребенокъ и пошелъ посмотрѣть, не Гэсэръ ли это. Увидѣлъ, что родился крошечный ребенокъ и говоритъ: «Какой это Гэсэръ! Это вовсе не Гэсэръ». Аку-Чотонъ сказалъ объ этомъ Рдурю, но посоветовалъ ему все таки убить ребенка. Рдуръ послалъ на Гэсэра крутящееся огненное колесо Рдурги-чжугу-рыгчжа (въ родѣ того, на которомъ китайцы сучать нитки). Гэсэръ предвидѣлъ это и говоритъ матери: «Завтра ко мнѣ придетъ гость. Ты разложи на его дорогѣ огонь». Колесо Чжугу-рыгчжа прикатилось въ огонь и сгорѣло. Посмотрѣлъ Аку-Чотонъ, Гэсэръ живъ. Послѣ того Рдуръ наслалъ большой снѣгъ въ ростъ человѣка, но при соединеніи трехъ рѣкъ, гдѣ стоялъ баныкъ Томбы, смотритъ Аку-Чотонъ: свѣтлое солнце; снѣгъ растаялъ. Рдуръ послалъ тогда птицу Чунъ-ченъ-гарву. Гэсэръ говоритъ матери: «Завтра придетъ ко мнѣ гость. Ты вымой руки водой и бѣлой водой (т. е. смѣсью воды съ молокомъ), положи меня на чистое блюдо, поднеси ему и посоветуй прямо проглотить, не разжевавъ». Чунъ-ченъ-гарву прилетѣла; мать все такъ сдѣлала, какъ сказалъ Гэсэръ и проситъ птицу не жевать, а прямо проглотить ребенка. «Да что тутъ и жевать-то? говоритъ Чунъ-ченъ-гарву. Такая маленькая вещь легко пройдетъ черезъ мое горло и не разжеванная». Птица проглотила Гэсэра. Гэсэръ, очутившись внутри птицы, схватилъ ее сердце и убилъ ее. Тогда Рдуръ посылаетъ

¹⁾ Баныкъ, черная палатка, обыкновенное жилище кочевыхъ тангутовъ.
II.

на Гэсэра собаку Рдурги-чимы-камбырь. Гэсэрь говорит матери: «Ну, теперь съѣсть меня собака! Не знаю средства избѣжать гибели. Положи меня на землю». Онъ сдѣлалъ изъ травы дэрису лукъ и стрѣлу, изъ конскаго волоса тетиву, выстрѣлилъ и убилъ собаку.

Теперь, Гэсэрь думаетъ, надо жениться. Онъ посылаетъ трехъ птицъ порухъ (ворона), пыхти (голубя) и чига (сороку) искать невѣсту. Чига и пыхти не нашли невѣсты, а воронъ нашелъ дѣвицу Нчжигму, у которой каждый волосъ состоялъ изъ трехъ суставовъ: первый суставъ золотой, второй серебряный, а третій изъ камня ою ¹⁾. Воронъ прилетѣлъ къ Гэсэру, но не спускается на землю. Гэсэрь спрашиваетъ: «Что не спускаешься, воронъ?» Воронъ отвѣчаетъ: «Я много леталъ, усталъ, хочу ѣсть мяса, гульнъ, гульнъ!» Гэсэрь убилъ барана, положилъ мясо на степи; воронъ все такъ и не спускается. Гэсэрь убилъ корову и всю тушу выложилъ на степи, но и тогда воронъ не спустился. «Чего же тебѣ надо?» спрашиваетъ Гэсэрь. Воронъ отвѣчаетъ: «Спустишь, если ты убьешь лошадь Чжиланъ, гульнъ, гульнъ!» Нѣтъ, говоритъ Гэсэрь. Этого сдѣлать нельзя. Другой такой лошади нѣтъ на свѣтѣ. «Ну, такъ я не спущусь», говоритъ воронъ. Тогда Гэсэрь взялъ лукъ и хочетъ застрѣлить ворона. Воронъ испугался и спустился.

Гэсэрь поѣхалъ къ невѣстѣ. На немъ была худая, изорванная шуба. Нчжигму спрашиваетъ: «Который мой женихъ?» Ей указываютъ на одѣтаго въ худую шубу: «Вотъ твой женихъ Мангнай Шилö» (такое было прежнее имя Гэсэра). Нчжигму посмотрѣла на его худую шубу и говоритъ: «Нѣтъ, это не мой женихъ! Я за такого худого не пойду!»

У Гэсэра было двѣ жены. Одну увезъ Рдурь. Гэсэрь ѣдетъ возвращать жену. На пути онъ встрѣчаетъ два камня Палынъ-котыгъ, которые сходятся и расходятся. Онъ говоритъ имъ: «Вы мало расходитесь; на моей родинѣ есть Палынъ-котыгъ; тѣ хорошия Палынъ-котыгъ; они далеко расходятся». Камни послушались Гэсэра и далеко разошлись и когда ударились, то только хвостъ отсѣкли у лошади проѣзжавшаго между ними Гэсэра. Гэсэрь ѣдетъ далѣе и встрѣчаетъ гору изъ семи ступеней; она называется Рдурги-Ларгу. Гэсэрь думаетъ, что невозможно переѣхать черезъ эту гору. Но конь говоритъ ему: «Я могу перескочить черезъ эту гору, ты только по разу ударь меня на каждой ступени да не бери съ собой никакого камня». Стегнулъ Гэсэрь коня, конь на одну ступень взлетѣлъ; еще стегнулъ разъ, конь еще на одну ступень взлетѣлъ. Въ седьмой разъ Гэсэрь ударилъ коня и конь взлетѣлъ на самую верхушку горы, но тутъ вдругъ началъ умирать. «Не взялъ ли ты какой-нибудь камень?» спрашиваетъ конь Гэсэра. Гэсэрь говоритъ, что дѣйствительно взялъ только брусокъ ножъ поточить. Конь умеръ. Гэсэрь снялъ кожу, снималъ кости и сложилъ ихъ, на нихъ сложилъ мясо, прикрылъ все это шкурой и легъ спать, прикрывшись шубой, воротъ на ноги, подолъ на голову. Во снѣ онъ услышалъ, будто конь заржалъ; потомъ будто конь скребетъ копытомъ. Виѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, какъ будто что-то тяжелое по-

¹⁾ Ою—бирюза.

валилось на ноги. Гэсэръ пробудился, смотреть, конь стоит и говоритъ ему: «Это я билъ копытомъ. Что ты не пробуждался. Прибѣгала Рдурева корова Рдурги-Лхайгъ и навалила тебѣ на ноги; если бѣ воротъ шубы былъ на головѣ, она навалила бы тебѣ на голову и ты задохся бы». Гэсэръ хотѣлъ сбросить наваленное съ шубы, но у него силы не хватило и онъ отрѣзалъ воротъ шубы ножомъ. По этому-то китайцы носятъ платье безъ ворота.

Гэсэръ подѣзжаетъ въ Рдуреву царству. Пастухъ пасетъ скотъ; Гэсэръ убилъ его, одѣлся въ его платье и пошелъ въ домъ Рдура. На дорогѣ стоитъ маленькая женщина; онъ спросилъ у ней, какъ загоняютъ скотъ у Рдура. Та говоритъ: «Пастухъ только крикнетъ: демба и пр. и каждая скотина сама заходитъ въ тотъ дворъ, въ который нужно». Такъ Гэсэръ и сдѣлалъ, и пришелъ въ домъ Рдура. Въ домѣ Рдура на потолокъ висѣли кости четырехъ человѣкъ и одной лошади.

Жена Гэсэра, увезенная Рдуремъ, выкопала девятиэтажную яму, спустила въ нее Гэсэра, сверху положила рѣшето; поверхъ рѣшета положила перья, собранныя ею со всѣхъ птицъ. Приѣхалъ Рдуръ и говоритъ, что онъ носомъ слышитъ запахъ человѣка. Жена отвѣчаетъ, что она сама человѣкъ и что это онъ слышитъ ея запахъ. Рдуръ не вѣритъ и бросаетъ кости. На костяхъ выпадаетъ, что приѣхалъ человѣкъ и находится за десятью горами, и что онъ остановился на многоглазой горѣ, на которой живутъ всякія птицы. Далекъ, сказалъ Рдуръ и легъ спать. Жена говоритъ Гэсэру: «Когда Рдуръ ляжетъ спать, изъ верхушки его сердца будетъ выходить огонь; около огня будетъ летать пчела; это будетъ значить, что Рдуръ еще не заснулъ. Когда пчела перестанетъ летать, это будетъ значить, что Рдуръ спитъ. Въ это время пускай стрѣлу!» Гэсэръ пустилъ первую стрѣлу, оперенную перьями птицы шихчжа; стрѣла не попала въ Рдура, а только ударилась въ стѣну. Отъ звона ея Рдуръ проснулся и спрашиваетъ жену: «Что это за звонъ?» Жена отвѣчаетъ: «Это я уронила ковшъ въ золотое ведро». «А ну, говоритъ Рдуръ, брось еще разъ ковшъ въ золотое ведро». Жена бросила. Раздался звонъ; Рдуръ сказалъ: «Похожій звукъ!» успокоился и снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ вторую стрѣлу, оперенную перьями птицы лыхчжа. Стрѣла опять ударилась только въ стѣну. Рдуръ проснулся и спрашиваетъ: «Что это за звонъ?» Жена говоритъ: «Это я уронила ковшъ въ серебряное ведро». «А ну, брось еще разъ ковшъ въ серебряное ведро!» Жена бросила, раздался звонъ. «Дѣйствительно, похоже!» сказалъ Рдуръ, успокоился и вновь заснулъ. Въ третій разъ Гэсэръ пустилъ стрѣлу, оперенную перьями птицы угпа (совы). Эта стрѣла попала въ Рдура. Рдуръ говоритъ: «Приѣхалъ человѣкъ». Жена отвѣчаетъ: «Дѣйствительно приѣхалъ, но садитесь прежде чай пить, а потомъ будете бороться». Напились они чаю и стали готовиться къ борьбѣ. Жена подъ Рдура подсыпала гороху, а подъ Гэсэра золы; Рдурю на ноги надѣла желѣзныя путы, а Гэсэру путы изъ травы дэрсу. Рдуръ спрашиваетъ, почему она такъ сдѣлала и она объяснила: «Если подуетъ вѣтеръ, то горохъ будетъ только перекатываться съ мѣста на мѣсто и весело бываетъ смотрѣть, какъ пестрый горохъ катается. А если вѣтеръ дунетъ на золу, онъ унесетъ ея всю прочь»

зола вещь не прочная; пусть и Гэсэръ будетъ такъ же не проченъ. Желѣзо на твоихъ ногахъ это значить, пусть ты будешь крѣпокъ, какъ желѣзо; а трава на ногахъ Гэсэра значить, пусть Гэсэръ будетъ слабъ, какъ трава». Потомъ Рдуръ и Гэсэръ стали бороться—Гэсэръ поднялъ Рдуря подъ небо; здѣсь они увидѣли журавля; Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на горло журавля» (караку)! Потомъ Гэсэръ опустился съ Рдуремъ подъ землю; здѣсь они увидѣли крота (шило нигмѣ); Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на глаза крота!» Потомъ они вернулись на землю въ Рдуревъ домъ и здѣсь продолжали бороться. Горохъ раскатился подъ ногами Рдуря и онъ упалъ. Гэсэръ убилъ его. Тогда прилетѣла ворона (гата) и говоритъ: «Взрѣжь животь! Въ немъ еще есть другая голова; если еѣ не убьешь, Рдуръ снова оживеть».

Послѣ этого Гэсэръ отправляется въ Ламъ. Жена варитъ вино, выпивъ котораго, Гэсэръ забываетъ, что долженъ ѣхать въ Ламъ. Въ это время три царя Хоръ-Банда-чжи-чжаву, Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву и Хоръ-Курныгъ-чжи-чжаву пошли съ войскомъ на Ламъ. Три брата Гэсэра Хамами-Чжачи-Чикыръ, Ану-Гали-Гванченъ и Сани-угб-Тари увидѣли три горы: желтую, бѣлую и черную. Хамами-Чжачи-Чикыръ спрашиваетъ: «Что это за горы?» Сани-угб-тари отвѣчаетъ: «Это войско трехъ хорскихъ царей. Хамами-Чжачи-Чикыръ и Ану-Гали-Гванченъ испугались и говорятъ: «Надо возвратиться домой!» Но Тари говоритъ: «Нѣтъ, нужно встрѣтить войско и вступить съ нимъ въ бой». Тогда другіе два брата согласились, втроемъ поѣхали на встрѣчу хорскому войску и отогнали ихъ табуны.

Самбарча ¹⁾).

Бурятскій вариантъ.

(Абай Гэхэръ Богдо ханъ).

Западные тэнгэри—пятьдесятъ пять тэнгэри ²⁾; старшій изъ нихъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, который имѣетъ три сына. Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ ³⁾,

¹⁾ Неграмотный тангутъ изъ деревни Гамака въ долинѣ Ительголь.—По словамъ Самбарчи, пять тангутскихъ деревень Гамака, Чжатуни, Дамбисиръ, Тумучи и Риминъ, расположенныя въ долинѣ р. Ительголь (къ з. отъ Саничуани), поклоняются Гэсэру-Магжичжаву; въ каждой изъ этихъ деревень есть лсаганъ (кумирня) и въ ней изображеніе Гэсэра. Гдѣ культъ Гэсэра, тамъ не нуждаются въ содѣйствіи хоней (санаспа) для укрощенія грозовыхъ тучъ. Въ лсаганѣ деревни Гамака въ серединѣ изображенъ Гэсэръ; направо отъ него, если смотрѣть отъ входа, Ан-Шугму, женщина съ синимъ лицомъ, сидящая на лошади; это бурханъ горы Ан-Шонгри; налѣво отъ Гэсэра Ан-Цоэнъ, по китайски Ньянь-ньянь, женщина, сидящая на драконѣ (нчжугъ); это бурханъ всего хребта, который тянется отъ Уй-цзана до Саничуани и прерывается у переправы близъ деревни Чомчомъ. Едва ли эта идея о горахъ, которыя непрерывно идутъ отъ Лассы до Желтой рѣки и тутъ прерываются, не находится во внутреннемъ отношеніи съ представленіемъ о погонѣ, гнавшей изъ Лассы за убійцей царя Ландармы и остановленной Желтой рѣкой. Что одухотвореніе горъ въ Тибетѣ существуетъ, на это указываютъ и другіе факты; напр. высокимъ пикамъ придается названіе амуни, «старецъ». Вѣроятно, есть легенды о битвахъ горъ, о женитьбѣ ихъ и пр., какъ въ нашемъ Алтайѣ. Повѣрье объ озерѣ Дангра и горѣ около него напоминаетъ сѣверное о Косоголѣ (Эджъ, «мать») и Мунко-сардыкѣ (Шоно-нониъ, предокъ—волеъ).

²⁾ То-есть такъ называемые Табинъ-табинъ-тэнгэри (55 тэнгэри) считаются западными тэнгэринами.

³⁾ Другіе говорятъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса Ами-Сахидавъ; третьи говорятъ Заса-Шухэръ-Аха.—

средній Бѣхо-Бѣлгэтэ¹⁾ и младшій Шингисъ-Шерэтэ-Богдо²⁾. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 1003 бѣлыхъ бурхановъ³⁾; старшую надъ 1003 бѣлыми бурханами, какъ мать сидящую надъ 55 тэнгэринами на верхнемъ небѣ (т. е. живущую), на млечномъ пути (на «швѣ неба») бабушку Манзанъ-Гѣрмѣ⁴⁾; на вершинѣ горы Алтанъ-Ула⁵⁾, золотую мельницу, которая, стоя, вертится; на вершинѣ горы Саганъ-Мѣнгѣнъ-Ула⁶⁾ бѣлую серебрянную козулю, съ бѣлою серебряною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Саганъ-Мѣнгѣнъ-Ула, ходя, пасется или пощипливаетъ (траву); на верхушкѣ горы Гули-Мѣнгѣнъ-Ула⁷⁾ желто-мѣдно-серебрянную лисицу, съ желто-мѣдно-серебряною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Гули-Мѣнгѣнъ-Ула, ходя, понюхиваетъ; на вершинѣ — Зэтъ-Мѣнгѣнъ-Ула⁸⁾ красно-мѣдно-серебрянную собаку, съ красно-мѣдно-серебряною цѣпью, которая, ходя вокругъ верхушки горы Зэтъ-Мѣнгѣнъ-Ула, полавиваетъ; бурхана Шибѣгэни-Сагана⁹⁾, Эсэгэ-маланъ-тэнгэри, Таянши-Тарха-Ламу¹⁰⁾, 33 Болуръ-Саганъ-тэнгэриновъ¹¹⁾, трехъ Алтанъ-тэнгэри¹²⁾, трехъ сестеръ Хонуръ-Бурханъ, трехъ Халхинъ-тэнгэри¹³⁾, трехъ Эмэршинъ-тэнгэри¹⁴⁾, трехъ Дѣлѣнъ-тэнгэри¹⁵⁾, Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Кромѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій 1000 вѣковъ, темно-гнѣдаго коня, величиною съ гору, острое копьё съ чернемъ изъ чернаго дерева, чисто-серебрянный колчанъ съ стрѣлами и желтый лукъ Бухаръ съ серебряннымъ футляромъ, съ тринадцатю узлами петлю Торъ-Саганъ, и три доспѣха; наружный доспѣхъ Дѣглѣдши-Хара; подъ этимъ второй доспѣхъ, какъ уголь черный; если его скинуть и поставить, то сколько бы тысячъ войскъ ни было на ногахъ, истребляетъ всѣхъ до конца; въ ненастье, продолжающееся семьдесятъ лѣтъ, не промокаетъ насквозь; оконечники семидесяти стрѣлъ

Говорятъ также, что Заса-Шухэръ-Аха есть старшій сынъ Саганъ-эхэ-жаната Саргалъ-Ноенъ-Хана. Въ бурятскомъ языкѣ два звука х; одинъ изъ нихъ, который въ нарѣчїяхъ переходитъ въ с, мы будемъ обозначать курсивомъ. Такимъ образомъ жаната въ другомъ нарѣчїи будетъ саната.

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ Удэ-Бутѣдѣк; онъ былъ законодатель и судья.

²⁾ Другой рассказчикъ говоритъ Тогосъ-Сокто, а иные говорятъ еще Эрхэ-Билектэ, который написалъ законъ, какъ управлять народами. Билектэ—знающій, свѣдущій, имѣющій способность. Эрхэлхэ «баловать». Эрхэ-билектэ говорятъ про человѣка нѣжнаго воспитанїа.

³⁾ Иные говорятъ 1000 бѣлыхъ бурхановъ, Минганъ-саганъ-бурханъ.

⁴⁾ Обыкновенно называютъ ее Манзанъ-Гѣрмѣ-ѣтѣдѣ.

⁵⁾ Алтанъ-Ула—Золотая Ула или просто золотая гора. Ула высокая гора.

⁶⁾ Саганъ-Мѣнгѣнъ-Ула—бѣло-серебряная гора; иногда называютъ просто Мѣнгѣтѣ-Ула.

⁷⁾ Гули-Мѣнгѣнъ-Ула—желто-мѣдная серебряная гора. Гули—желтая мѣдь.

⁸⁾ Зэтъ-Мѣнгѣнъ-Ула—красно-мѣдно-серебряная гора. Красная мѣдь—зэтъ.

⁹⁾ Иные говорятъ, что Шибѣгэни-Саганъ-бурхановъ было три, а нѣкоторые говорятъ Шибѣгэни-Саганъ-Бурхана вовсе не было, а Ханъ-Тюрмасъ имѣлъ Голто-Саганъ-Бурхана.

¹⁰⁾ Этого ламы вовсе не встрѣчается въ другихъ сказанїяхъ, а иные говорятъ были три Соржи-Ламы.

¹¹⁾ Слово болуръ происходитъ отъ слова болохо—шаманить; саганъ—бѣлый.

¹²⁾ Алтанъ—золото; слѣдовательно Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ трехъ золотыхъ тэнгэри, а другой рассказчикъ говоритъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ одного Гуанъ-Саганъ-тэнгэри (гуанъ—трихъ годичный) и Дононъ-Саганъ-тэнгэри (дононъ—четырехъ годичный).

¹³⁾ Халхинъ—вѣтеръ; три Халхинъ-тэнгэри—три вѣтренныхъ тэнгэрина.

¹⁴⁾ Эмэршинъ—южный вѣтеръ; три эмэршинъ-тэнгэри—три южныхъ вѣтренныхъ тэнгэрина.

¹⁵⁾ Дѣлѣнъ—пламя, слѣдовательно три пламенные тэнгэрина.

не могут прошибить его насквозь; самый нижній доспѣхъ съ 87 пуговицами, съ солнечными красивыми лучами, доспѣхъ по имени Наринъ-Уланъ. На голову надѣвать Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ какъ звѣзда, спускающая лучи, бѣлую шапку; кромѣ того онъ имѣетъ верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами.

Восточные тэнгэри—сорокъ четыре тэнгэри; самый старшій изъ нихъ Ата-Уланъ-тэнгэри, который имѣетъ трехъ красивыхъ сыновей: самый старшій и большой сынъ, имѣющій бѣлую книгу дорликъ, Саганъ-Зурха-Моргонъ ¹⁾; средній большой сынъ, имѣющій желтую книгу дорликъ, Шара-Зурха-Моргонъ ²⁾; самый младшій сынъ, имѣющій черную книгу дорликъ, Хара-Зурха-Моргонъ ³⁾. Ата-Уланъ-тэнгэри имѣетъ: семь черныхъ тэнгэриновъ, трехъ Бурьтакъ-тэнгэриновъ ⁴⁾, трехъ Бурэнъ-тэнгэриновъ ⁵⁾, трехъ Мананъ-тэнгэриновъ ⁶⁾ и трехъ Хиру-тэнгэри ⁷⁾.

Срединное небо Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгэри ⁸⁾ не подчиняется ни западнымъ 55 тэнгэринамъ, ни восточнымъ 44 тэнгэринамъ. Оно находится между ними и служитъ границею между ними. По словамъ нѣкоторыхъ бурятъ, Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри имѣетъ одну дочь, которую зовутъ Сэсэкъ-Ногонъ-Абаха ⁹⁾.

Одинъ изъ западныхъ пятидесяти пяти тэнгэриновъ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри, имѣетъ одну дочь Наранъ-Гохонъ-Абаха ¹⁰⁾, у которой заболѣла голова, отчего она легла на постель, положивъ высокія подушки и постлавъ широкія перины.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ Таянши-ламѣ, который находится подъ вѣдѣніемъ Эсэгэ-маланъ-тэнгэри. По пріѣздѣ къ Таянши-ламѣ, Тисонъ-саганъ-тэнгэри остановился у серебрянаго столба, привязалъ къ нему своего коня и входитъ въ серебряный дворецъ; отворивъ перламутрово-серебряную дверь, перешагнувъ серебряный порогъ безъ сора ¹¹⁾, вошедши во внутренность дворца, какъ пуговкой, кивая головой кланяется, ногу въ колѣнѣ сгибая, кланяется (т. е. кланяется, ставъ на колѣни). Таянши-Лама сидитъ на серебряномъ престолѣ, который не трясется, и читаетъ бѣлыя священныя книги. Онъ спрашиваетъ у Писонъ-саганъ-тэнгэрина: «Что тебѣ нужно? зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ, Писонъ-саганъ-тэнгэри? ты не сидишь-ли голодный ¹²⁾ и спина твоя не замерзла-ли?» Такъ спрашиваетъ Таянши-лама Писонъ-са-

¹⁾ Саганъ—бѣлый, моргонъ—мѣткій. Другой рассказчикъ сказалъ, что старшій сынъ Ата-Ула-тэнгэри имѣющій черное облако дорогу и черную книгу дорликъ, Хара-Гэрэлтэ.

²⁾ Шара—желтый. Другой рассказчикъ сказалъ: средній сынъ, имѣющій синее облако дорогу, синюю книгу дорликъ, Хѣхѣ-Гэрэлтэ.

³⁾ По другому рассказчику младшій сынъ, имѣющій желтое облако дорогу, желтую книгу дорликъ, Шара-Гэрэлтэ.

⁴⁾ Бурьтакъ—нечистый.

⁵⁾ Бурэнъ—осенній и зимній туманъ; слѣдовательно онъ имѣетъ трехъ тэнгэриновъ осеннихъ и зимнихъ тумановъ.

⁶⁾ Мананъ—лѣтній туманъ, слѣдовательно трехъ тэнгэриновъ лѣтнихъ тумановъ.

⁷⁾ Хиру—внѣй.

⁸⁾ Сэгэнъ—свѣтло-голубой, сэбдэкъ—твердый, аккуратный. Напримѣръ, буряты говорятъ сэбдэкъ-хунъ—твердый и аккуратный человекъ.

⁹⁾ Сэсэкъ—цвѣтокъ, ногонъ—трава.

¹⁰⁾ Наранъ—солнце, гошонъ—красота необыкновенная, абаха—дѣвица высокаго происхожденія.

¹¹⁾ Бок-угэй алхахо, перешагнувъ, не насоривши.

¹²⁾ Обыкновенно говорятъ: «ротъ твой не голоденъ-ли?»

ганъ-тэнгэрина. Писонъ-саганъ-тэнгэри отвѣчаетъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не замерзла. У единственной моей, на колѣняхъ воспитанной, дочери Наранъ-Гохонъ-Абахай заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больная. Я пріѣхалъ просить васъ посмотрѣть въ старшей, бѣлой священной книгѣ, что нужно сдѣлать, чтобы она выздоровѣла».

Тогда Таянши-лама ¹⁾ открываетъ старѣйшую, бѣлую священную книгу, смотритъ въ нее, читаетъ и говоритъ: «Съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣляется ночь и утро, какъ горностаѣ бѣлый, жаворонокъ подымется вверхъ, напѣвая пѣсню; онъ подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣлосинихъ облаковъ; въ это время онъ будетъ пѣть пѣсню; серебряный клювъ сжимаемая, будетъ пѣть; загнутыми серебрянными крыльями махая, будетъ пѣть; материнское бѣлое священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть; старшее бѣлое священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь величиною, еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь, въ это время надо прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не допустивъ) до земли и обернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-гохонъ-абахай; если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью, растопыривъ крылья и будетъ лежать; а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть». Такъ говорилъ Таянши-лама.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри спрашиваетъ у Таянши-ламы: «Чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой прекрасной птички?» Тогда Таянши-лама говоритъ: «Можетъ попасть въ этого жаворонка только одинъ средній сынъ Ханъ-тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-бэлгэтэ; другой никто не можетъ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами выходитъ на улицу; по выходѣ отъ Таянши-ламы, сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ къ среднему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, къ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу Бохо-Бэлгэтэя, онъ остановился у серебряннаго столба, привазалъ къ нему шелковые поводья своего коня и входитъ во дворецъ; перламутрово-серебрянную дверь отворилъ складно—хорошо, серебрянный порогъ перешагнулъ безъ сора, войдя во внутренность дворца, стоитъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланяется. Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, сидя на бѣло-серебрянномъ престолѣ, спрашиваетъ у Писонъ-Саганъ-тэнгэри: «За какимъ дѣломъ пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ: «У единственной моей дочери Наранъ-Гохонъ-Абаха заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больна. Тогда я обратился къ Таянши-ламѣ и просилъ его открыть старшую бѣлую священную книгу и посмотрѣть въ ней; Таянши-лама, открывши старшую бѣлую священную книгу, прочи-

¹⁾ Иные говорятъ, что Писонъ-саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Голто-саганъ-бурханамъ.

талъ: когда съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣлится ночь и утро (т. е. между ночью и утромъ), какъ горностаѣ бѣлый, жаворонокъ подымется вверхъ, напѣвая пѣсню; когда подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣло-синихъ облаковъ и въ это время будетъ пѣть, серебрянный клювъ сжимая, будетъ пѣть, загнутыми серебрянными крыльями махая, будетъ пѣть; материнское бѣлое и священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть, старшее, бѣлое и священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь, величиною; еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь,—въ это время нужно прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не допустивъ) до земли и завернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-Гохонъ-Абахай. Если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью и будетъ лежать, растопыривъ крылья, а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть. Я спросилъ, чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой красивой птички, тогда Таянши-лама сказалъ, что только вы можете попасть и прострѣлить, а другой никто не можетъ».

Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Бохо-Бэлгэтэ говоритъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрину. «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка стрѣлою. Выше меня есть старшій братъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ; тотъ сумѣетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла». Эти слова говоря, молвилъ онъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ старшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Хабата-Хасаръ-Моргону, согласно словамъ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу, привязавъ коня къ серебрянному столбу, входитъ во дворецъ, въ которомъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ сидитъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Хабата-Хасаръ-Моргонъ. Кланяется ему Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ, сидя на престолѣ, спрашиваетъ его: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри рассказалъ слова Таянши-ламы. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ ему: «Нѣтъ, я не сумѣю; въ этого жаворонка можетъ попасть только средній братъ Бохо-Бэлгэтэ». Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ ему, что онъ былъ у Бохо-Бэлгэтэ и Бохо Бэлгэтэ сказалъ, что онъ не можетъ попасть въ этого жаворонка. «Если кто сумѣетъ попасть, то это только вы можете». Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: Самый младшій братъ мой Шингисъ-Ширетэ-Богдо можетъ быть сумѣетъ попасть въ этого жаворонка.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца Хабата-Хасаръ-Моргона и поѣхалъ къ самому младшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, къ Шингисъ-Ширетэ-Богдо; пріѣхавши къ бѣло-серебрянному дворцу, привязалъ своего коня къ серебрянному столбу, а самъ входитъ во дворецъ и кланяется Шингисъ-Ширетэ-Богдо. Младшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина сидитъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ и спрашиваетъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрина: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Тогда Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ слова

Таянгиши-ламы и что оба старшіе брата отказались, а старшій братъ Хабата-Хасарь-Моргонъ сказалъ, что въ этого жаворонка можетъ попасть только младшій братъ. Тогда Шингисъ-Ширетэ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если кто можетъ попасть, то это средній братъ мой Бохо-Бэлгэтэ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри послѣ этого обратно пріѣхалъ къ Бохо-Бэлгэтэ и говоритъ ему: «Всѣ говорятъ, одинъ только вы можете попасть въ этого жаворонка, а другой никто».

Тогда Бохо-Бэлгэтэ опять говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если старшій братъ и младшій братъ не могутъ попасть, то я какъ могу попасть?»

Писонъ-Саганъ-тэнгэри пріѣхалъ обратно домой; отворивъ золотой подвалъ, выкатилъ изъ него три бочки вина; это вино привезъ къ Бохо-Бэлгэтэ. Пріѣхавъ къ Бохо-Бэлгэтэ и входя во дворецъ, кланяется ему; послѣ этого выпоилъ ему одну бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ одну бочку вина, то это едва замѣтно стало на его глазахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему вторую бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ вторую бочку, едва замѣтно стало на устахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему третью бочку вина; когда онъ выпилъ третью бочку, то сдѣлался порядочно пьянымъ; спереди посмотрѣть, былъ похожъ на красную гору; на губы и ротъ посмотрѣть, точно былъ похожъ на человѣка; сзади посмотрѣть, былъ похожъ на высокую гору; въ такомъ видѣ онъ сидѣлъ, смѣялся раскатисто наравнѣ съ десятью человѣками и также говорилъ наравнѣ съ двадцатью человѣками. Послѣ этого Бохо-Бэлгэтэ говоритъ: «Ну, теперь поѣзжай домой; завтра утромъ буду стрѣлять въ этого жаворонка и привезу тебѣ».

Писонъ-Саганъ тэнгэри послѣ этого уѣхалъ домой. На другое утро, т. е. между ночью и утромъ, Бохо-Бэлгэтэ пробудился и, вставъ съ постели безъ кушака на распашку въ одной шубѣ, взявъ стрѣлу и лукъ, выходитъ на улицу; большую и золотую землю постепенно кругомъ разсматривалъ, обширную большую землю вокругъ осматривалъ, чтобы увидѣть жаворонка. Въ это время съ долины обширной земли, какъ горностаи, бѣлый жаворонокъ поднялся вверхъ, махая загнутыми серебрянными крыльями и запѣлъ. Этотъ красивый жаворонокъ постепенно поднимался все выше и выше подъ самое синѣющее небо и поднялся далеко выше бѣло-синихъ облаковъ; серебрянный клювъ сжимая, пѣлъ; двумя большими и красивыми крыльями махая, пѣлъ, материнское бѣлое священное писаніе ¹⁾ къ груди притягивая, пѣлъ, старшее бѣлое священное писаніе ²⁾ на спину притягивая, пѣлъ; когда чуть видно его стало, какъ съ вошь величиною, и еле-еле видно стало, какъ маленькую вошь, тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, говоря: «Настало самое подходящее время стрѣлять мушкетеръ-человѣку!» Сквозь дверь пролетающую громадную черную стрѣлу приложилъ къ тетивѣ лука, сильно натянулъ лукъ до спины и остановился; когда дотянулъ тетиву до оконеч-

¹⁾ Эхэ-саганъ-номъ.

²⁾ Аха-саганъ-номъ.

ника стрѣлы. Потомъ говоритъ: «Если присуждено выздороветь дочери Писонъ-Саганъ-тэнгэри, Наранъ-Гохонъ-Абахай, то въ этого красиваго жаворонка попади, отъ праваго красиваго крыла три маховыя пера отрѣзавъ, уходи; если не присуждено ей выздороветь, то безъ извѣстія иди!» Сказавъ эти слова, Бохо-Бэлгэтэ выстрѣлилъ изъ лука ¹⁾; стрѣла полетѣла вверхъ со свистомъ и пѣніемъ, отъ которыхъ тряслась земля и дрожало небо. Этотъ жаворонокъ, не зная, продолжалъ свое пѣніе; въ это время прилетѣла стрѣла и попала въ правое красивое крыло, отрѣзала три первыя маховыя пера и пролетѣла далѣе. Этотъ жаворонокъ безъ трехъ первыихъ маховыхъ перьевъ праваго крыла не могъ продолжать пѣніе, почему постепенно спустился внизъ, продолжая пѣть. Бохо-Бэлгэтэ не допустилъ жаворонка до земли, поймалъ его на ладони и завернулъ въ бѣлую матерію. Послѣ этого онъ пришелъ домой; потомъ поѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри и отвезъ къ нему обѣщаннаго жаворонка.

Бохо-Бэлгэтэ, пріѣхавъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри, привезеннаго жаворонка положилъ на голову дѣвицы Наранъ-Гохонъ-Абахай; прекрасный жаворонокъ распростеръ свои крылья и приложился грудью къ головѣ дѣвицы; она выздоровѣла, встаетъ съ постели и говоритъ, что долго лежала больною. Она попрежнему стала здоровою и красивою.

Когда Наранъ-Гохонъ-Абаха выздоровѣла, она начала ходить плавно-степенно, отчего выросли тоненькія травы; она гибко-плавно ходила, отчего овцы и агнята кричали. Она поставила золотой столъ, на него поставила превкусную пищу; поставила серебряный столъ, на него поставила настоящую вкусную пищу и потомъ подносила крѣпкое вино; такимъ образомъ она угощала Бохо-Бэлгэтэ, который поѣдалъ превкусную пищу и выпивалъ крѣпкое вино.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри сильно обрадовался; онъ, не помня, садится и не помня, встаетъ; потомъ говоритъ: «Бохо-Бэлгэтэ, дѣйствительно ты мѣтокъ и быстръ; съ этого времени будешь называться не Бохо-Бэлгэтэ, а Моргонъ-Төгѳлторъ» ²⁾.

Моргонъ-Төгѳлторъ, выпивши вино, сдѣлался немного пьянымъ; тогда онъ разговаривался; о прежнемъ времени онъ рассказывалъ краснорѣчиво и, изъ прошлаго времени собирая, рассказывалъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ Моргонъ-Төгѳлтору: «Что хочешь, того проси и возьми съ собою: половину золота и серебра моего и половину разнаго скота».

Тогда Моргонъ-Төгѳлторъ говоритъ: «Мнѣ ничего не нужно теперъ, а впоследствии пусть вы выполните мою просьбу, которую попрошу сдѣлать».

Послѣ этого Моргонъ-Төгѳлторъ уѣхалъ домой.

¹⁾ Нѣкоторые буряты говорятъ, что Бохо-Бэлгэтэ этого жаворонка стрѣлялъ на землѣ во время талгана «Лусудуй», на который пріѣхалъ со своимъ отцомъ Ханъ-Гурмасъ-тэнгэриномъ, и также во время этого талгана поборолъ силача земного «Газари-Ганикъ-бохо».

²⁾ Төгѳлторъ отъ төгѳт, «близнецъ».

Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри всѣмъ подчиненнымъ пятидесяти пяти западнымъ тэнгэринамъ далъ приказаніе пріѣхать; всѣ западные тэнгэрины собрались у Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри. Онъ говоритъ собравшимся тэнгэринамъ: «Такъ какъ дней очень много и годъ длинный (т. е. продолжительный), то будете у меня пировать и веселиться для препровожденія времени!» Всѣ пятьдесятъ пять западныхъ тэнгэриновъ согласились. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сдѣлалъ большой пиръ; всѣ собравшіеся тэнгэри начали пировать и веселиться. Во время этого пира и веселья Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ прочимъ тэнгэринамъ: «На такой прекрасный пиръ и веселье пригласимте Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри и пошлемте за нимъ трехъ быстрыхъ пословъ».

Западные пятьдесятъ пять тэнгэри сказали: «Сказанное вѣрно и задуманное подходяще! нужно послать трехъ быстрыхъ посланниковъ пригласить Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри».

Тогда въ черную желѣзную повозку запрягли трехъ карихъ иноходцевъ и на нихъ послали трехъ быстрыхъ пословъ пригласить Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри на пиръ Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри.

Три быстрые посла на трехъ карихъ иноходцахъ въ желѣзной повозкѣ поѣхали къ Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри; когда они ѣхали по дорогѣ, самый старшій изъ восточныхъ сорока четырехъ тэнгэриновъ, Ата-Уланъ-тэнгэри, узнавъ, что западные пятьдесятъ пять тэнгэрина съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ прислали трехъ быстрыхъ пословъ за Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри приглашать его къ себѣ на пиръ и взять въ свое подчиненіе,—говоритъ: «Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 55 тэнгэриновъ, и еще хочетъ взять Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри, а я имѣю только 44 тэнгэри; поэтому Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэрина долженъ взять я, а не Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, у котораго 11-ю тэнгэринами и такъ больше, чѣмъ у меня». Съ этими словами Ата-Уланъ-тэнгэри поскорѣе приготовилъ тоже трехъ быстрыхъ пословъ, для которыхъ запрягли въ черную желѣзную повозку трехъ карихъ иноходцевъ; и тоже послалъ ихъ пригласить къ себѣ Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри. Три быстрые посла Ата-Уланъ-тэнгэри тоже поѣхали.

По три посланника западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ въ одинъ разъ поѣхали къ бѣло-серебряному дворцу Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри, они одновременно выѣзжали изъ повозокъ и вошли во дворецъ; посланники западныхъ тэнгэриновъ остановились на правой сторонѣ двери, а посланники восточныхъ тэнгэриновъ остановились на лѣвой сторонѣ двери.

Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри сидитъ на серебряномъ престолѣ и спрашиваетъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхали?»

Тогда три быстрые посла отъ западныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ послали западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, которые пируютъ у Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, пригласить васъ на этотъ пиръ!»

Потомъ три быстрые посла отъ восточныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ тоже послали пригласить васъ къ Ата-Уланъ-тэнгэрину!»

Тогда Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри сильно разсердился и говоритъ посламъ западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ: «Я ни къ кому не поѣду; я бабочкѣ никогда

не дѣлалъ зла и червяка не обижалъ, живу, никому не дѣлая зла и никого не обижая; если хотятъ взять меня, то пусть возьметъ тотъ, который побѣдитъ другого; я пойду къ побѣдителю!» Съ этими словами отправилъ быстрыхъ пословъ западныхъ и восточныхъ тэнгериновъ.

Три быстрые посла западныхъ тэнгериновъ уѣхали обратно, къ западнымъ тэнгеринамъ и сказали слова Сэгэнь-Сэбдэнь-тэнгери.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери сказалъ западнымъ пятидесяти пяти тэнгеринамъ, что нужно изъ-за Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгери ¹⁾ воевать съ восточными тэнгеринами. Послѣ этого западные тэнгерины разѣхались съ пира. Другіе три быстрые посла сказали тѣ же слова Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгерина и восточнымъ тэнгеринамъ; Ата-Ула-тэнгери тоже рѣшился воевать съ западными тэнгеринами изъ-за Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгери, которымъ долженъ владѣть побѣдитель.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, когда кончился пиръ, началъ приготовляться къ войнѣ съ восточнымъ старшимъ тэнгериномъ Ата-Уланомъ; онъ приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сыновьямъ, которые и начали собираться; Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери приказалъ также приготовиться къ войнѣ тремъ Халхинъ-тэнгеринамъ, тремъ Эмершинъ-тэнгеринамъ и тремъ Дѳлѳнь-тэнгеринамъ. Всѣ они вполне приготовились къ войнѣ.

Самый старшій тэнгери надъ восточными тэнгеринами, Ата-Уланъ-тэнгери, тоже началъ приготовляться къ войнѣ съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгериномъ. Ата-Уланъ-тэнгери приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сынамъ и также тремъ Бѳрѳнь-тэнгери, тремъ Мананъ-тэнгеринамъ и тремъ Хиру-тэнгери, — всѣ они тоже вполне приготовились къ войнѣ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору и поѣхалъ къ востоку; онъ ѣхалъ впереди, а за нимъ поѣхали три сына его, три Халхинъ-тэнгери, три Эмершинъ-тэнгери и три Дѳлѳнь-тэнгери.

Ата-Уланъ-тэнгери тоже сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ западу впереди, а за нимъ три сына его, три Бѳрѳнь-тэнгери, три Мананъ-тэнгери и три Хиру-тэнгери.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери и Ата-Уланъ-тэнгери сѣхались около дворца Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгери на половинномъ разстояніи; къ мѣсту пріѣхали въ одно и то же время, — никто никого не опередилъ.

Восточный тэнгери, Ата-Уланъ, говоритъ западному Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери: «Ты имѣешь 55 тэнгериновъ и такъ уже у тебя много ихъ, а у меня только 44 тэнгерина, болѣе нѣтъ; у тебя одиннадцатью тэнгеринами болѣе, чѣмъ у меня; Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгерина долженъ взять я, такъ какъ у меня меньше». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери говоритъ: «Будемъ воевать; кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ возьметъ къ себѣ Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгери».

¹⁾ Иные говорятъ, что война между западными и восточными тэнгеринами произошла изъ-за дочери Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгерина, Сэсэкъ-ногонъ-абаха, которою хотѣли владѣть и западные 55 тэнгерина и восточные 44 тэнгерина.

И такъ они согласились воевать между собою изъ-за Сэгэнь-Сэбдэкъ-тэнгэри; его возьметъ побѣдитель.

Восточный Ата-Уланъ-тэнгэри и западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри вырѣшили, чтобы сначала воевали три Халхинъ-тэнгэри съ тремя Бөрөнъ-тэнгэри.

Три Бөрөнъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать; жеребята отъ матерей терались и птицы отъ гнѣзда терались.—Тогда три Халхинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Халхинъ-тэнгэрина и три Бөрөнъ-тэнгэрина воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Халхинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ трехъ Боронъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили; три Халхинъ-тэнгэрина съ неба выдули въ нижнюю землю трехъ Бөрөнъ-тэнгэриновъ, говоря: «На нижней землѣ будете на вершинѣ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря». Три Бөрөнъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились на вершинахъ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря ¹⁾).

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говорить: «Первая побѣда за нами».

Потомъ три Эмершинъ-тэнгэри съ тремя Мананъ-тэнгэринами начали воевать.—Три Мананъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать: жеребята терали матерей и птицы отъ гнѣзда терались. Тогда три Эмершинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Эмершинъ-тэнгэрина съ тремя Мананъ-тэнгэринами воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Эмершинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Мананъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили. Три Эмершинъ-тэнгэрина съ неба выдули своихъ противниковъ въ нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете туманить вдоль долгой и большой пади и на подошвахъ высокихъ горъ». Три Мананъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились вдоль долгой и широкой пади на подошвахъ высокихъ горъ ²⁾).

Тогда западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говорить: «Вторая побѣда наша! мои тэнгэрины побѣдили!»

Потомъ три Дѳлѳнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами начали воевать. Три Хиру-тэнгэри сдѣлали такой сильный иней, что всѣ растенія на небѣ замерли и также животныя стали мерзнуть. Тогда три Дѳлѳнъ-тэнгэрина впустили пламя и начали таять иней. Три Дѳлѳнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Дѳлѳнъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Хиру-

¹⁾ По словамъ бурятъ, на землѣ съ этого времени появился зимній туманъ на поверхности воды и на вершинѣ высокихъ горъ; прежде не было; это потому, что три Бөрөнъ-тэнгэрина были съ неба выдуты на землю.

²⁾ Съ этого времени на землѣ появился лѣтній туманъ, а прежде до этого времени не было. Земные люди не знали ни лѣтнихъ, ни зимнихъ тумановъ.

тэнгериновъ, и наконецъ, окончательно побѣдили и всѣ иней растаяли. Три Дѣлѣнъ-тэнгерины съ неба выбросили Хиру-тэнгериновъ на нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете инеями передъ восходомъ солнца, отъ котораго растаете».—Три Хиру-тэнгери, побѣжденные и выброшенные съ неба на землю, спустились на нижнюю землю, гдѣ и остановились; передъ восходомъ солнца на землю падали инеями, послѣ восхода солнца таяли. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери сильно обрадовался и говоритъ: «Третья побѣда за нами».

Послѣ тэнгериновъ настала очередь трехъ сыновъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери и трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгери. Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери начали воевать съ тремя сыновьями Ата-Уланъ-тэнгери; старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса-тэнгери началъ воевать съ старшимъ сыномъ Ата-Уланъ-тэнгери, средній сынъ съ среднимъ сыномъ, и младшій сынъ съ младшимъ сыномъ; они воевали въ продолженіи трехъ сутокъ; впередъ упираясь ногами, дѣлали красныя горы, и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы, но никто не могъ побѣдить; если къ верблюду бросить, равнымъ-равно воюютъ, если къ лошади бросить, дѣйствительно равно воюютъ; въ продолженіи шести сутокъ воюютъ, по прошествіи шести сутокъ три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери начали побѣждать трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгери и наконецъ окончательно побѣдили трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгери.

Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери своими острыми копьями съ чернемъ изъ чернаго дерева закололи трехъ сыновей Ата-Уланъ-тэнгери и сбросили ихъ съ неба на нижнюю землю. Тогда три сына Ата-Уланъ-тэнгери, сброшенные съ неба на землю, спустились на южной сторонѣ, откуда восходитъ солнце; когда падали на землю, то они говорили: «Будемъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока отверстіе желѣзнаго стремени не прорвется и до тѣхъ поръ, пока родившіяся дѣти начнутъ носить колчаны».—Когда они упали на землю, то сдѣлались тремя царями Шарабудовыхъ: старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ ¹⁾, средній Шара-Гэрэлтэ-ханъ ²⁾ и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ ³⁾; эти цари имѣли много тысячъ подданныхъ, какъ земля, многочисленныхъ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери сильно обрадовался и говоритъ: «Четвертая побѣда за нами».

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери говоритъ къ Ата-Уланъ-тэнгерину: «Теперь воевать будемъ мы сами!» и спрашиваетъ: «Какъ будемъ воевать, силою плеча ⁴⁾ или силою большого пальца?» ⁵⁾).

Ата-Уланъ-тэнгери говоритъ: «Будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери съ восточнымъ Ата-Уланъ-тэн-

¹⁾ Саган-Гэрэлтэ-ханъ—бѣлый свѣтлый царь.

²⁾ Шара-Гэрэлтэ-ханъ—желтый свѣтлый царь.

³⁾ Хара-Гэрэлтэ-ханъ—черный свѣтлый царь.—Стекло—гэрэлъ, слѣдовательно: бѣлый стеклянный царь, желто-стеклянный царь и черно-стеклянный царь. Или слово гэрэлъ происходитъ отъ слова гэрэлхэн—прозрачный, тогда можно перевести: прозрачно-бѣлый царь, прозрачно-желтый царь и прозрачно-черный царь.

⁴⁾ Силою плеча—значить бороться.

⁵⁾ Силою большого пальца, т. е. стрѣлять другъ въ друга стрѣлою.

гэриномъ начали воевать силою плеча; они воевали впродолженіи трехъ сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору, назадъ упирались ногами, большія горы дѣлали; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; если къ верблюду сбросить, равнымъ равно воевали, а если къ лошади сбросить, дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри началъ побѣждать своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри; притягивая его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнущь, и отгаливая назадъ, какъ сухое дерево, ломалъ,—и наконецъ окончательно побѣдилъ. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри свалилъ на землю своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри и выдернулъ съ праваго бока изъ ноженъ серебромъ оправленный мечъ, который въ крови человѣка не дѣлается мягкимъ, въ костяхъ не тупится и скованъ изъ чистаго и вѣрпкаго булата. Этимъ мечемъ онъ ударилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри и разрубилъ пополамъ; потомъ острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ нижнюю часть тѣла и сбросилъ съ неба на нижнюю землю.

Нижняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, направилась прямо въ сѣверо-западную сторону и на пути сдѣлалась человѣкомъ, если колоть острыми орудіями, то безъ крови, и если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни; обратившись въ такое чудовище мангатхай, которое звали Лобсоголдой¹⁾, она упала на землю.—Лобсоголдой, падая, на пути говорилъ: «Буду преслѣдовать всѣхъ потомковъ, происшедшихъ отъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, до тѣхъ поръ, пока ушко не прорвется у желѣзнаго стремени!» Такъ грозя, упалъ на землю.

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ верхнюю часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри и тоже сбросилъ съ неба внизъ на землю.

Верхняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, на пути между небомъ и землею начала заставлять десять большихъ волшебствъ на ладони бѣгать, двадцать большихъ волшебствъ заставила бѣгать на пальцахъ; въ это время на спинѣ сдѣлала десять тысячъ глазъ изъ десяти тысячъ звѣздъ ночного неба, на передней сторонѣ сдѣлала четыре тысячи глазъ²⁾ изъ четырехъ тысячъ звѣздъ ночного неба; направилась прямо на восточную сторону, гдѣ хотѣла спуститься на землю, называемую Хонинъ-Хотонъ³⁾; придавивъ ее, спустилась и сдѣлалась царемъ Галь-Дѣлмѣ-ханомъ съ 1003 большими волшебствами⁴⁾.

Западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годового жеребенка закололи!» Такъ какъ западный Хахъ-Тюрмасъ-тэнгэри побѣдилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, то взялъ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри. Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри возвратился обратно домой съ тремя сыновьями, тремя алхинъ-тэнгэринами, тремя Эмэршинъ-тэнгэринами, и тремя Дѣлѣнъ-тэнгэ-

¹⁾ Обыкновенно буряты называютъ Лобсоголдой-хара-мангатха, или просто Лобсоголдой.

²⁾ Другіе говорятъ: на передней сторонѣ сдѣлала множество тысячъ-тысячъ глазъ.

³⁾ Хонинъ—овца, хотонъ—желудочный;—«овечье—желудочная».

⁴⁾ Галь—огонь, Дѣлмѣ—происходить отъ дѣлѣн—пламя, слѣдовательно—огонь пламенный ханъ.

ринами. По приѣздѣ домой Хадъ-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ 55 тэнгэриновъ и Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри и вмѣстѣ съ ними устроилъ большой пиръ и веселье, продолжавшееся девять дней и девять ночей; на десятый день едва разошлись.

Такимъ образомъ самый старшій восточный Ата-Уланъ-тэнгэри съ тремя сыновьями, тремя Бөрөнъ-тэнгэринами, тремя Мананъ-тэнгэринами и тремя Хиру-тэнгэринами съ неба сброшены на землю. Съ тысяча тремя большими волшебствами Галь-Дёлмё-ханъ сталъ жить въ странѣ Хонинъ-Хотонъ и сдѣлался могущественнымъ царемъ. Галь-Дёлмё-Ханъ подружился съ альбинскими альбинами, сдѣлалъ ихъ своими друзьями. Потомъ Галь-Дёлмё-Ханъ говорить: «На землѣ есть люди, которыхъ сотворили западные 55 тэнгэрина; они имъ покровительствуютъ. Этимъ людямъ нужно вредить и посылать на нихъ разныя болѣзни, чтобы они сильно умирали».

На землѣ были люди, сотворенные западными пятидесятью пятью тэнгэринами. На землѣ были три царства Тугушинскія ¹⁾ (Тугушин-гурбан-хадут); старшій царь былъ, имѣющій соловаго коня, съ просѣдю голову, бѣлую шелковую шубу и добродѣтельный нравъ, Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ ²⁾; средній царь былъ скрытое отгадывающій, трудное достигающій и бѣлое отъ чернаго раздѣляющій (т. е. правое отъ неправаго раздѣляющій), Затъ-Шухэръ-ханъ; младшій царь былъ, имѣющій сиваго жеребца, царь съ черными думами (т. е. завистливый) Сута-Ноёнъ-ханъ ³⁾; они имѣли многочисленныхъ подданныхъ, и управляли ими благополучно. Земные люди жили хорошо, дружно и не знали никакихъ болѣзней.

Галь-Дёлмё-ханъ послалъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей разныхъ альбиновъ, чтобы они вредили имъ и причиняли разныя болѣзни, отъ которыхъ помирали бы подданные Тугушинскихъ трехъ царей. Галь-Дёлмё-ханъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей послалъ 100 бѣлыхъ альбиновъ, 100 желтыхъ альбиновъ, 100 синихъ альбиновъ и 100 черныхъ альбиновъ ⁴⁾. 100 бѣлыхъ альбиновъ въ бѣлыхъ одеждахъ остановились на бѣломъ морѣ (саганъ-дала); они имѣли сто бѣлыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по бѣлому морю, имѣли сто бѣлыхъ котловъ, въ которыхъ варили бѣлыхъ вшей ⁵⁾ и ѣли; 100 желтыхъ альбиновъ въ желтыхъ одеждахъ остановились на желтомъ морѣ (шара-дала); они имѣли сто соловыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по желтому морю, имѣли сто желтыхъ котловъ, въ которыхъ варили желтыхъ вшей ⁶⁾ и ѣли; 100 синихъ альбиновъ въ синихъ одеждахъ остановились на синемъ морѣ (хбхб-дала); эти альбины имѣли сто синихъ

¹⁾ Другіе говорятъ Тёгёшинскіе три царя (Тёгёшин гурбан-хан). Иные говорятъ Дёгёхи-гурбан-хадут (Тёгётскіе три царя).

²⁾ Обыкновенно буряты говорятъ саган-схэ-ланата Сарагал-Ноен-абага.

³⁾ Обыкновенно буряты говорятъ «хара схэ-ланата Хара-Сутан-абага».

⁴⁾ Другой сазалъ: 700 альбиновъ, а большинство говорятъ, девять альбиновъ.

⁵⁾ Бѣлый деготь—пища.

⁶⁾ Желтый деготь—пища.

лошадей, на которых ѣздили по синему морю, имѣли сто синихъ котловъ, въ которыхъ варили синихъ вшей ¹⁾ и ѣли. 100 черныхъ альбиновъ остановились на черномъ морѣ (хара-дала); они имѣли сто черныхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по черному морю; имѣли сто черныхъ котловъ, въ которыхъ варили черныхъ вшей ²⁾ и ѣли. Всѣ эти бѣлые, желтые, синіе и черные альбины стали дѣлать зло: текуція рѣки изъ источниковъ стали высыхать и текли отравою и разными червями ³⁾; растущія травы съ корня засохли и растущія деревья съ вершины стали засыхать; въ маленькихъ чашкахъ вода стала по 5, а въ большихъ по 10 (?).

Съ этого времени разныя болѣзни сильно распространялись на людей, умирало каждый день по 100 человекъ и по 100 лошадей. Тогда Тугушинскіе три царя сильно удивились и сильно опечалились. Говорятъ между собою: «Что такое случилось? прежде не было такого несчастья, а нынѣ откуда взялось? отъ высокаго неба такъ присуждено, или отъ обширной земли?» Такъ говорили между собою Тугушинскіе три царя и долго совѣтовались, какъ прекратить это несчастье и разныя болѣзни, отъ которыхъ люди сильно умираютъ; если такъ будутъ умирать, то и всѣ вымрутъ. Наконецъ, старшій царь Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ и средній царь Затъ-Шухэръ-ханъ, скрытое отгадывающій и трудное достигающій, говорятъ: «Восточные тэнгерины спустились на землю и посылаютъ эти разныя болѣзни. Чтобы прекратить ихъ, нужно дать знать западнымъ пятидесяти пяти тэнгеринамъ и Ханъ-Тюрмасъ-тэнгерину; они наши создавшіе создатели и творившіе творцы».

Послѣ этого Тугушинскіе три царя приказали собрать отъ подданныхъ слюни и слезы. Начали отъ лежащихъ людей слюни и слезы собирать половинными поваренками; отъ стоящихъ людей собирали разбитыми поваренками ⁴⁾; когда собрали достаточное количество слюнь и слезъ, то пригласили шаманку Шарханъ, которая безошибочно узнаетъ жареное мясо. Шаманка Шарханъ съ помощью этихъ собранныхъ слюнь и слезъ совершила обрядъ сасали барьха ⁵⁾; при этомъ шаманка Шарханъ говорила: «Западные пятьдесятъ пять тэнгериновъ и самый старшій Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, вы, которые на землѣ создали людей! Насъ создавшіе создатели и творившіе творцы! смотрите на насъ и исцѣлите насъ отъ болѣзней; пусть эти слюни и слезы подымутся на небо и прильнутъ къ дворцу Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери!» Съ этими словами собранныя слюни и слезы бросили вверхъ. Этимъ кончилось сасали барьха. Брошенная слюни и слезы поднялись на небо и попали въ юго-западный уголъ бѣло-серебрянаго дворца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, отчего уголъ бѣло-серебрянаго дворца раскололся и дворецъ пошатнулся къ юго-западу.

¹⁾ Синій деготь—пища.

²⁾ Черный деготь—пища.

³⁾ До этого въ рѣкахъ не было разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ.

⁴⁾ Нѣкоторые говорятъ, что когда безмужною вдову бабу Билэхэнъ и безъ родителей мальчика начали бить жестоко, то они плакали и кашляли; тогда ихъ слюни и слезы собрали въ разбитой поваренкѣ. Нынѣ буряты говорятъ, что слезы безмужней вдовы и сиротъ ядовиты, т. е. что ихъ безвинно заставляютъ плакать и обижать очень грѣшно.

⁵⁾ Религіозный обрядъ сасали барьха, по словамъ нѣкоторыхъ буряты, заимствованъ отсюда и съ сего времени наблюдается бурятами.

Тогда Хань-Тюрмасъ-тэнгэри, выйдя изъ бѣло-серебрянаго дворца, смотритъ, отчего раскололся уголь его бѣло-серебрянаго дворца и пошатнулся къ юго-западу. Хань-Тюрмасъ-тэнгэри видитъ, что на углу его дворца прилипли очень отвратительныя слюни и слезы и что отъ нихъ раскололся уголь и пошатнулся дворець. Хань-Тюрмасъ-тэнгэри сильно удивился и говоритъ: «Что за чудо и откуда взялись такія отвратительныя слюни и слезы?»

Послѣ этого Хань-Тюрмасъ-тэнгэри осѣдлалъ своего темно-гнѣдаго коня, величиною съ гору, чисто серебрянымъ сѣдломъ и, положивъ шелковый потникъ, серебряною уздою обуздалъ коня и шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу; потомъ вошелъ во дворець, одѣлся какъ слѣдуетъ и вновь вышелъ изъ дворца.

Хань-Тюрмасъ-тэнгэри, сѣвъ на темно-гнѣдаго коня, поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ¹⁾); пріѣхавши, остановился около серебрянаго столба, слѣзъ съ коня, шелковымъ поводомъ привязалъ его къ серебряному столбу, снялъ, какъ звѣзда бѣлую, шапку и съ низкими поклонами приблизился къ бѣло-серебряному дворцу; перламутрово-серебряную дверь ея отворилъ осторожно и складно, серебряный порогъ перешагнувъ безъ сора, входя во дворець онъ какъ пуговкой, головой кивая, кланяется, въ колѣнѣ ногу согнувъ, кланяется. Тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ, сидящая на бѣло-серебряномъ престолѣ, говоритъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ? ротъ твой не голоденъ ли и спина твоя не мерзнетъ ли?»

Хань-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не мерзнетъ; я пріѣхалъ спросить у васъ совѣта. Сегодня утромъ юго-западный уголь моего бѣло-серебрянаго дворца вдругъ раскололся и дворець пошатнулся къ юго-западу; когда я вышелъ изъ дворца и посмотрѣлъ, то увидѣлъ очень отвратительныя слюни и слезы, которыя прилипли къ юго-западному углу моего дворца». Тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ говоритъ: «Ты воевалъ съ восточнымъ тэнгэриномъ Ата-Уланъ-тэнгэриномъ и съ тремя его сыновьями, побѣдилъ ихъ и сбросилъ съ неба на нижнюю землю. Верхняя часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри на землѣ сдѣлалась Галь-Дѳлмѳ-ханомъ, съ 1003 волшебствами; онъ вредитъ и посылаетъ разныя болѣзни на земныхъ людей, которыхъ создали западныя тэнгэрины и которымъ они покровительствуютъ; земные люди, прося помощи, бросили наверхъ собранныя слюни и слезы отъ больныхъ людей, которые сильно помираютъ». Хань-Тюрмасъ-тэнгэри спросилъ, какъ помочь земнымъ людямъ, чтобы они не болѣли и не умирали сильно. Тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ говоритъ Хань-Тюрмасъ-тэнгэрину: «Ты имѣешь трехъ сыновей, изъ нихъ одного сына долженъ послать на землю, тогда только моръ прекратится». Послѣ этого Хань-Тюрмасъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца и, сѣвъ на коня, пріѣхалъ домой обратно.

По пріѣздѣ Хань-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ пятьдесятъ-пять

¹⁾ Здѣсь рассказчики разнo говорятъ; одни, что Хань-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ узнавать о случившемся къ тремъ Голто-Саганъ-бурханамъ, и они рассказали ему, отчего это случилось, а другіе говорятъ Хань-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ Шибогэни-саганъ-бурхану, и отъ этого бурхана узналъ настоящую причину о случившемся обстоятельстве; еще говорятъ, что Хань-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Соржи-ламанъ воровать о случившемся; а иные говорятъ, что Хань-Тюрмасъ-тэнгэри воровать поѣхалъ къ Галиши-лаиѳ.

тэнгериновъ и говорить имъ: «Внизу на землѣ созданные нами люди сильно умираютъ отъ разныхъ болѣзней, насылаемыхъ восточнымъ тэнгериномъ Ата-Уланъ-тэнгери, сброшеннымъ мною на землю, и бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ сказала мнѣ, что нужно на землю послать одного моего сына, изъ трехъ моихъ сыновей. Котораго изъ нихъ послать на землю на выручку земныхъ людей?»

Тогда прочіе западные тэнгерины говорятъ: «Сказанное подходяще и дума правдоподобная; одного вашего сына нужно послать на землю; тогда прекратятся разныя болѣзни, и люди перестанутъ сильно помирать». Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери говоритъ старшему сыну Хабата-Хасаръ-моргону: «Ты спустишься на землю». Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-моргонъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери! я твое имя опозорю на землѣ, моложе меня есть два младшіе брата; пусть изъ нихъ ктонибудь спустится на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери говоритъ среднему сыну Моргонъ-Тѳгѳлтору: «Ты спустишься на землю». Средній сынъ Моргонъ-Тѳгѳлторъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери! выше меня есть старшій братъ и моложе меня есть младшій братъ; пусть они спустятся на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери говоритъ младшему сыну Шингисъ-Ширѳтѳ-Богдо: «Ты спустишься на землю». Младшій сынъ Шингисъ-Ширѳтѳ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери! выше меня есть два старшіе брата, пусть они спустятся на землю».

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери опять поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ¹⁾, кланяется и спрашиваетъ ее: «Котораго сына послать на землю? всѣ трое отказались спуститься на землю». Бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ сказала: «На землю можетъ спуститься только средній твой сынъ Моргонъ-Тѳгѳлторъ, который долженъ будто родиться на землѣ, потому что небесный человекъ на землѣ долго не можетъ жить и сила его сильно убавится; тогда онъ не будетъ въ состояніи воевать съ восточными тэнгериными на землѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери пріѣхалъ домой.

По пріѣздѣ домой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери сказалъ западнымъ тэнгеринымъ, что бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ сказала, на землю можетъ спуститься только средній сынъ Моргонъ-Тѳгѳлторъ, который на землѣ долженъ родиться, какъ земной человекъ. Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери съ прочими западными тэнгериными начали принуждать спуститься на землю Моргонъ-Тѳгѳлтора, по приказанію бабушки Манзанъ-Гѳрмѳ.

Средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, Моргонъ-Тѳгѳлторъ, говоритъ: «На нижней землѣ тринадцать сѣверныхъ царей, они очень сильные цари; и южные двадцать три тоже очень сильные; войны на землѣ бывають очень сильныя и большія и при томъ мстительныя; внизу летающія птицы большія ловятъ маленькихъ и ѣдятъ, а маленькія ѣдятъ большихъ; рыбы въ водахъ большія ѣдятъ маленькихъ и въ лѣсахъ звѣри большіе ѣдятъ маленькихъ. Въ такую трудную страну я не

¹⁾ Нѣкоторые говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, когда поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ, то на пути заѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгери, у котораго напился до пьяна вина и ночевалъ. На другое утро поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ, побоялся заходить, думалъ она будетъ сердиться—спросилъ черезъ стражку: «Котораго сына послать на землю?» Тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ сказала: «Послать средняго сына Моргонъ-Тѳгѳлтора».

могу спуститься, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! твое имя я опозорю тамъ. Западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ! и ваше имя я опозорю тамъ!»

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ прочими западными тэнгэринами говорятъ: «Кромѣ тебя некому спуститься на землю, другого человѣка нѣтъ, а потому непремѣнно ты долженъ спуститься на землю». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ отцу своему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочимъ западнымъ тэнгэринамъ: «Если вы все дадите то, что я попрошу, тогда я спущусь на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «Все дадимъ то, что попросишь». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ все оружіе и три доспѣха, которые носишь!» Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ»! Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ тысячу вѣковъ смѣшивающій бѣлый камень Эрдэни и волшебное черное дерево, которыя носите при себѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ съ тринадцатю узлами петлю Торъ-Саганъ и верховой вьуть съ 88 узлами и 99 пуговицами, которые у тебя есть». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ своего темно-гнѣдого коня со всѣми сбруями, которыя имѣешь». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Все прошу отъ моего отца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; теперь пусть тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина дадутъ мнѣ по одному старшему сыну, изъ которыхъ я сдѣлаю себѣ тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ». Тогда тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, дайте мнѣ моихъ трехъ старшихъ сестеръ тетокъ Хонуръ-Бурханъ; можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда за мной будутъ смотрѣть и выручать отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Төгёлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, дадите ли мнѣ моего старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона? можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда онъ за мной будетъ смотрѣть и выручать меня отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ «дадимъ». Такимъ образомъ Моргонъ-Төгёлторъ получилъ все то, что просилъ.

Когда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Моргонъ-Төгёлторъ, получилъ все то, началъ собираться спуститься съ неба на землю. Западные тридцать три Болуръ-Саганъ-тэнгэри дали ему по одному старшему сыну, которые сдѣлались тридцатю тремя батарами; имена ихъ:

Самый старшій батаръ, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій сѣраго коня, Буди-Уланъ батаръ ¹⁾. За этимъ сынъ Бамбада-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій

¹⁾ Другой сказалъ: старшій батаръ сынъ Боролгонъ-Саганъ-тэнгэрина Буданъ-шумаръ-батаръ; третій сказалъ: Буданъ-шумаръ-батаръ, сынъ Луса-тэнгэрина.

совсѣмъ черного коня, Бахи-Хара-батаръ ¹⁾). За этимъ сынъ Зурулгу-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій на всѣхъ шести сторонахъ большіе пальцы, одною стрѣлою убивающій 6000 человекъ въ одинъ разъ, Жоргоджихо-батаръ. За этимъ имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня, съ бѣлымъ dospѣхомъ дукту и острое острие, Эржинъ-шумаръ-батаръ. За этимъ громко кричащій, какъ крикъ тысячи изюбрей въ одинъ разъ, вдругъ громко кричащій, какъ крикъ 50 лосудуевъ въ одинъ разъ; если одинъ разъ крикнетъ, то люди въ обморокъ падаютъ, если во второй разъ крикнетъ, то совсѣмъ умираютъ и если крикнетъ третій разъ, то все въ пухъ и прахъ разлетается; сынъ Лосана, Лосанъ-Шумаръ-батаръ ²⁾). За этимъ, на мѣстности Наянта растущихъ восемьдесятъ разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, указательнымъ пальцемъ испѣляющій и на мѣстности Ерентэ растущихъ девяносто разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, большимъ пальцемъ вылѣчивающій, оживляющій мертвыхъ и бѣдныхъ дѣлающій богатыми, Хугэнъ-Эмшинъ-батаръ ³⁾). За этимъ тринадцати-лѣтній Анзанъ-Шумаръ-батаръ ⁴⁾). За этимъ имѣющій красный камень—питье и красно-чалаго коня, Улгу-Уланъ-батаръ. За этимъ имѣющій черный камень—умѣнье и темно-гнѣдого коня, Харасага-Хара-батаръ. За этимъ идутъ девять кузнечныхъ батаровъ ⁵⁾ которые занимаются кузнечнымъ искусствомъ; старшій изъ нихъ большой мѣховой батаръ. За этимъ малый мѣховой батаръ. За этимъ Сулмарши-батаръ ⁶⁾). За этимъ Хинсаши-батаръ ⁷⁾). За этимъ большой молотобойный батаръ. За этимъ малый молотобойный батаръ. За этимъ большой клещевый батаръ. За этимъ малый клещевый батаръ. За этимъ подпилочный батаръ. За этимъ Эрхэ-Анзанъ батаръ, пятнадцати лѣтъ, сынъ неба. За этимъ Ехонъ Уленши батаръ ⁸⁾, которые занимаются кроеніемъ и шитьемъ ⁹⁾).

Потомъ Моргонъ-Төгѳлторъ получилъ 300 передовыхъ войскъ.

Послѣ этого средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина началъ собираться спуститься на землю; тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ тоже стали собираться; когда все было готово, Моргонъ-Төгѳлторъ съ тридцатью тремя батарами и съ тремя стами передовыхъ войскъ сѣли на коней и стали спускаться съ неба на землю.

¹⁾ Другой сказалъ просто сынъ Гамбахинъ-Бахи-Хара-батаръ.

²⁾ Другой сказалъ, что у него былъ одинъ батаръ Галь-Вадаргата, который кричалъ огнемъ и палилъ.

³⁾ Другой сказалъ Хугэнъ-Эмши-батаръ.

⁴⁾ Другой сказалъ Эрхэ-Анзанъ-батаръ,—а другіе говорятъ Анзанъ-Бэрхэ-батаръ.

⁵⁾ Рассказчикъ не могъ сказать имена всѣхъ кузнечныхъ батаровъ (ехон дархаши-батаръ) и только поименовалъ ихъ такъ: большой мѣховой батаръ, малый мѣховой батаръ и т. д.

⁶⁾ Сулмаръ—это инструментъ для дѣланія отверстій.

⁷⁾ Хинса кузнечный инструментъ, которымъ изъ огня достаютъ раскаленное желѣзо.

⁸⁾ Ехонъ Уленши батаръ—занимаются кроеніемъ, шитьемъ, сученіемъ нитокъ и пр.; по словамъ бурятъ есть батаръ, который специально занимается сученіемъ волосяныхъ нитокъ и волосяныхъ веревокъ и проч.; также есть батари, которые занимаются разными столярными искусствами; есть батари, которые занимаются дѣланіемъ стрѣлъ и луковъ, но рассказчики не могли рассказать подробно о нихъ, хотя утверждали о существованіи такихъ батаровъ.

⁹⁾ Имена остальныхъ батаровъ рассказчикъ не могъ вспомнить и отказался назвать ихъ.

Когда Мёргонь-Төгөлтөр, спускаясь съ неба, остановился между небомъ и землей, тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи желтый шелковый платокъ и три раза махнулъ имъ по солнцу; тогда между небомъ и землею таинственнымъ образомъ явилась золотая земля Шатакъ. На этой золотой землѣ онъ оставилъ своихъ тридцать трехъ батаровъ, триста переходныхъ войскъ, темно-гнѣдого коня и прочіе предметы изъ оружія и доспѣховъ.

Самъ Мёргонь-Төгөлтөр спустился на землю. Спустившись, пришелъ къ бѣлому морю и на берегу его остановился; здѣсь онъ изъ коры дерева сдѣлалъ бѣлаго годовалаго жеребенка. Этого жеребенка онъ оживилъ, а самъ сдѣлался бѣлымъ альбиномъ съ бѣлою одеждою и съ бѣлымъ котломъ и, сѣвъ на бѣлаго жеребенка, поѣхалъ по бѣлому морю. Мёргонь-Төгөлтөр въ видѣ бѣлаго альбина встрѣтился со ста бѣлыми альбинами и, остановившись, говоритъ имъ: «здравствуйте, братья»¹⁾. Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ спрашиваютъ: «Кто ты таковой и откуда пріѣхалъ?»

Мёргонь-Төгөлтөр отвѣчаетъ: «Меня послалъ съ 1003 волшебствами Галь-Дөлмѣ-Ханъ и приказалъ мнѣ присоединиться къ вамъ и сдѣлаться вашими друзьями; кромѣ того ускорить распространеніе болѣзней на людей. Скоро спустится съ неба на землю средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мёргонь-Төгөлтөр». Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ говорятъ: «Если ты долженъ присоединиться и подружиться съ нами, то по этому морю въ одинъ мигъ объѣдешь иноходью и возвратишься на это мѣсто». Мёргонь-Төгөлтөр съ помощію своихъ волшебныхъ силъ повернулъ глаза ста бѣлымъ альбинамъ и въ это время въ одинъ мигъ повернулъ жеребенка и говоритъ имъ: «Я объѣхалъ по бѣлому морю и теперь ваша очередь, братья!» Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ поѣхали иноходью по бѣлому морю, какъ вѣтеръ быстро и легко понеслись. Мёргонь-Төгөлтөр немного отсталъ отъ нихъ, потомъ взялъ смѣшивающій тысячи вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, ударилъ имъ бѣлое море, и разсѣвъ его до дна; сто бѣлыхъ альбиновъ упали на дно моря; тогда онъ волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ по бѣлому морю надъ ста бѣлыми альбинами и сказалъ: «Никогда не выходите изъ бѣлаго моря и живите въ морѣ, сдѣлавшись водяными духами»²⁾.

Послѣ этого Мёргонь-Төгөлтөр пріѣхалъ къ желтому морю, на берегу котораго изъ коры дерева сдѣлалъ соловаго годового жеребенка. Этого жеребенка оживилъ, а самъ обратился въ желтаго альбина, съ желтою одеждою и съ желтымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по желтому морю на встрѣчу ста желтымъ альбинамъ, и поступилъ съ ними такъ же, какъ съ бѣлыми альбинами.

Послѣ этого Мёргонь-Төгөлтөр пріѣхалъ къ синему морю, на берегу его

¹⁾ Вар. Мёргонь-Төгөлтөр на берегу бѣлаго моря, обратившись въ бѣлаго альбина на бѣломъ годоваломъ жеребенкѣ, со ста бѣлыми вшами, поджидалъ семьсотъ бѣлыхъ альбиновъ; когда альбины пріѣхали къ нему, онъ сказалъ имъ: «Галь-Дөлмѣ-Ханъ послалъ меня присоединиться къ вамъ; онъ послалъ семь сотъ бѣлыхъ вшей». Послѣ этого сварили вшей и, наѣвшись, поѣхали по бѣлому морю. Другіе говорятъ, что Мёргонь-Төгөлтөр поджидалъ девять бѣлыхъ альбиновъ.

²⁾ По словамъ бурятъ, съ этого времени появились въ водѣ водяные; прежде не было ихъ въ водахъ. Сто бѣлыхъ альбиновъ съ этого времени живутъ въ водѣ и топятъ людей; души утопленниковъ тоже дѣлаются водяными.

изъ коры дерева сдѣлалъ сиваго годового жеребенка, этого жеребенка оживилъ, а самъ сдѣлался синимъ альбиномъ съ синею одеждою и съ синимъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по синему морю на встрѣчу ста синимъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми и желтыми альбинами.

Потомъ Мѳргѳнъ-Тѳгѳлтѳръ пріѣхалъ къ черному морю, на берегу его изъ коры дерева сдѣлалъ чернаго годового жеребенка; этого жеребенка оживилъ, и самъ сдѣлался чернымъ альбиномъ съ черною одеждою и съ чернымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по черному морю на встрѣчу ста чернымъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми альбинами, желтыми альбинами и синими альбинами.

Послѣ этого Мѳргѳнъ-Тѳгѳлтѳръ обратно поднялся на золотую землю Шатавъ и остановился на ней.

На землѣ Тугушинскіе три царя узнали, что несчастія и разныя болѣзни могутъ прекратиться, но для этого нужно поймать очень красивую дѣвицу, сломать ей одну ногу, одну руку и выколоть одинъ глазъ; потомъ нужно посадить ее на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію, въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ травы, дать ей черную корову, съ чернымъ чаемъ¹⁾ и съ чернымъ сломаннымъ котломъ, приставить къ ней худого и стараго старика Сѳнгѳлѳна, который бы варилъ ей пищу. Тогда только настанетъ доброе и старое время.

Тугушинскіе три царя начали искать очень красивую дѣвицу и нашли ее; дочь Собонъ-Саганъ-Ноѳна оказалась очень красивою; ее называли Угинъ-Саганъ-Абахай. Дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай поймали и насильно привели, чтобы посадить на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію.

Средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тѳнгѳрина, Мѳргѳнъ-Тѳгѳлтѳръ, одну дочь Писонъ-Саганъ-тѳнгѳрина, Наранъ-Гохонъ-Абахай, спустилъ на землю на вершинѣ горы Оргиль-Ула въ бѣлосеребряномъ дворцѣ; она спустилась на землю и жила въ этомъ дворцѣ.

Когда пойманную дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай, дочь Собонъ-Саганъ-Ноѳна привели, то она говоритъ: «На вершинѣ горы Оргиль-Ула живетъ дочь тѳнгѳрина дѣвица Тѳбѳкъ-Ногонъ-Абаха²⁾, очень красивая; она далеко красивѣе меня; моя красота противъ дочери тѳнгѳрина ничтожна; приведите эту красивую дѣвицу Тѳбѳкъ-Ногонъ-Абахай!» Тогда Сута Ноѳнъ-ханъ говоритъ: «Нужно посмотрѣть, дѣйствительно-ли на вершинѣ горы Оргиль-Ула живетъ такая красивая дѣвица». Онъ выдернулъ свою стрѣлу три раза подъ черною сукою, которая должна была щелкаться и, поймавъ сиваго своего жеребца, поѣхалъ на немъ на гору Оргиль-Ула; когда Сута-Ноѳнъ-Ханъ, поднявшись на гору, подѣзжалъ къ бѣло-серебря-

¹⁾ Т. е. чай безъ молока.

²⁾ Дѣвицу Наранъ-Гохонъ-Абахай на землѣ начали называть Тѳбѳкъ-Ногонъ-Абаха; другой сказалъ Тобоно-Гохонъ-Абаха.

ному дворцу, Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай узнала это и, обратившись въ сѣро-пестраго жаворонка, поднялась на верхъ.

Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ, увидѣвши это, нечистою стрѣлою выстрѣлилъ выше сѣро-пестраго жаворонка; нечистая стрѣла полетѣла надъ сѣро-пестрымъ жаворонкомъ; жаворонокъ, сдѣлавшись нечистымъ, упалъ на землю; упавъ, онъ обратился въ красивую дѣвицу¹⁾; Сута-Ноёнъ-ханъ поймалъ ее и привезъ домой.

Когда привезли дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, то начали сравнивать, поставивъ ее рядомъ съ Угинъ-Гохонъ-Абахай, которая изъ нихъ красивѣе; обѣ онѣ оказались равной красоты, нельзя было выбрать и сказать, что одна изъ нихъ красивѣе другой.

Тогда Угинъ-Гохонъ-Абахай говоритъ: «Ай, собаки! это небесный человѣкъ; онъ сдѣлался нечистымъ. Возьмите воды изъ источниковъ девяти ключей и возьмите въ большой тайгѣ верескъ²⁾ и ими вымойте ее до чиста; тогда она по прежнему будетъ очень красивая дѣвица; теперь она сдѣлалась нечистою, а потому красота ея уменьшилась». Послѣ этого привезли воды изъ источниковъ девяти ключей и вереску изъ большой тайги, и вымыли ими дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай; она сдѣлалась тогда по прежнему чистою и очень красивою дѣвицею; несравненно красивѣе стала, чѣмъ дѣвица Угинъ-Гохонъ-Абахай, которую послѣ этого отпустили домой.

Эту небесную дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай привели къ разстану трехъ дорогъ, гдѣ ей сломали одну ногу, одну руку и выкололи одинъ глазъ; послѣ этого сдѣлали изъ травъ шалашикъ, въ который ее и посадили къ злу и несчастью; ей дали одну черную корову, чернаго чая и черный разбитый котелъ; оставили при ней худого и стараго старика Сѣнгѣлѣна для приготовленія пищи. Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай лежитъ въ шалашикѣ, а худой и старый старикъ Сѣнгѣлѣнъ приготовляетъ ей пищу.

Однажды Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай ночью спитъ; въ это время ей будто показалось, что одѣяло раза два и три кто-то поднялъ и дверь шалашика скрипнула. Она разбудилась отъ этого, открыла глаза и смотритъ; выколотый глазъ совсѣмъ выздоровѣлъ по прежнему; она сломанную руку пошевелила, рука тоже совсѣмъ выздоровѣла по прежнему; тогда она пошевелила сломанную ногу, нога тоже совсѣмъ выздоровѣла. Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай встала съ постели, одѣвшись, выбѣжала на улицу, гдѣ въ это время выпалъ такой небольшой снѣгъ, что на немъ будутъ замѣтны слѣды сороки. На снѣгу она видитъ человѣческій слѣдъ длиною въ аршинъ; разстоянiе каждаго шага въ сажень; она побѣжала по этому слѣду и прибѣжала на вершину горы Оргиль-Ула къ бѣло-серебряному дворцу; смотреть въ щель надъ дверью и видеть во дворцѣ этомъ стоящаго и

¹⁾ Другой сказаль, что на вершинѣ горы Оргиль-Ула въ живой водѣ (мѣхѣнъ-хара-уханъ) купались три дочери Эсэгъ-Маланъ-тѣнгѣри; время ихъ купанія подкараулили и выстрѣлили нечистою стрѣлою надъ одною дочерью Эсэгъ-Маланъ-тѣнгѣрина; двѣ поднялись на небо обратно, а одна средняя дочь, сдѣлавшись нечистою, осталась на землѣ; ее поймали, привели и посадили на разстану трехъ дорогъ къ злу и несчастiю.

²⁾ Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ (*Juniperus*).

страживающаго съ ноги прилипшій снѣгъ Шибэгэни-Саганъ-Бурхана. Онъ говорить: «Въ не особенно важномъ мѣстѣ ноги свои промочилъ»¹⁾).

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, увидѣвъ это, обратно спустилась съ вершины горы Оргилъ-Ула, пришла въ свой шалашикъ, и сидитъ; въ это время внутри ея живота что-то шумитъ и бурчитъ; потомъ извнутри ея сталъ слышенъ говоръ многихъ людей. Кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми свою шапку!» Тогда Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла свою шапку; въ это время одна дѣвица съ золотую грудью и серебряною задницею съ головы ея поднялась на верхъ; дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не могла поймать ее; она поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми правую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла правую руку; въ это время изъ подъ мышцы поднялась на верхъ одна дѣвица съ золотую грудью и серебряною задницею²⁾, и эту она никакъ не могла поймать; эта дѣвица также поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мама, мама! подыми лѣвую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла лѣвую руку; въ это время изъ подъ мышцы поднялась на верхъ дѣвица съ золотую грудью и серебряною задницею, которую она опять никакъ не могла поймать; и эта дѣвица поднялась на верхъ, какъ первая двѣ.

Потомъ опять изнутри слышится голосъ: «Мама, мама! роди меня!» Послѣ этого дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай родила мальчика, который однимъ глазомъ смотрѣлъ, одинъ глазъ зацурилъ; въ одной рукѣ держалъ петлю Торъ-Саганъ-урха съ тринадцатью узлами, а въ другой рукѣ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій сто вѣговъ. Мальчикъ родился ужасно сопливый и притомъ началъ сильно дристать и марать свою мать; въ шалашикѣ сдѣлалась ужасная вонь; мальчикъ этотъ началъ сильно плавать и реветъ.

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не можетъ убрать изверженія ребенка; не можетъ сидѣть въ страшной воннѣ и никакъ не сможетъ унять, чтобы ребенокъ не плакалъ. Родившійся мальчикъ пуще прежняго мараетъ свою мать соплями и сильно дрищетъ; нѣтъ никакой возможности терпѣть вонь; плачетъ такъ громко, что небо трясется и земля дрожить; мать никакъ не можетъ управиться съ мальчикомъ и унять его. Наконецъ, выведенная изъ терпѣннн, она вынесла мальчика на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и говоритъ: «Остался самый худой и сопливый». Съ этими словами она вычистила всѣ изверженія ребенка.

Новорожденный ребенокъ, лежа на улицѣ, плачетъ и говоритъ: «Я не видывалъ, чтобы худого сына бросали, а бросаютъ худую кожу». Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай опять выходитъ на улицу, беретъ ребенка и приноситъ его въ шалашикъ. Ребенокъ опять мараетъ свою мать соплями, дрищетъ пуще прежняго и въ шалашикѣ опять сдѣлалъ такую вонь, что сидѣть невозможно; по прежнему пла-

¹⁾ Инне говорятъ: «За пустое дѣло промочилъ свою обувь».

²⁾ Алтан сэжитэ, мѳнгѳи бѳхѳтѳ.

четь и кричить, ни какъ она не могла унять его. Тогда она опять вынесла ребенка на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и сидеть тамъ; ребенокъ по прежнему громко плачетъ, лежа на улицѣ.

Въ это время съ 1003 волшебствами Галь-Дѳлмѳ-ханъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что на землѣ родился средний сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Мѳргѳнъ-Тѳгѳлтѳръ, который еще ребенкомъ лежитъ и плачетъ. Галь-Дѳлмѳ-ханъ посылаетъ пчелу, величиною съ трехъ-годового бычка и говоритъ: «Въ тѣлѣ мясо еще мягко и кости въ тѣлѣ съ хрящами; иди, высоси изъ головы мозгъ!»

Новорожденный этотъ ребенокъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что къ нему послана пчела, величиною съ трехгодового бычка; онъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Саганъ натянулъ выше себя и лежитъ. Около полуночи посланная пчела прилетаетъ къ лежащему ребенку, чтобы высосать мозгъ изъ его головы; она хотѣла сѣсть на ребенка, но запуталась въ петлѣ Торъ-Саганъ. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такую большою будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни разрубилъ эту пчелу на маленькіе куски; эти куски полетѣли пчелами ¹⁾). Потомъ этотъ ребенокъ опять легъ; лежитъ, плачетъ и говоритъ: «Одну ночь ночевалъ, одного врага побѣдилъ!»

Въ другую ночь Галь-Дѳлмѳ-ханъ посылаетъ змѣю Абарга, величиною съ бочку, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи приходитъ змѣя Абарга; подойдя къ ребенку, и она также запуталась въ петлю Торъ-Саганъ, никакъ не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такую большою будешь ходить, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни эту змѣю разрубилъ на маленькіе куски; эти куски поползли на разныя стороны маленькими змѣями ²⁾). Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Двѣ ночи ночевалъ, двухъ враговъ побѣдилъ».

Въ третью ночь Галь-Дѳлмѳ-ханъ послалъ осу ³⁾), величиною съ трехгодового бычка, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи прилетаетъ оса, величиною съ трехгодового бычка, чтобы высосать новорожденному ребенку мозгъ, но запуталась въ петлю Торъ-Саганъ и не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ вскочилъ на ноги и говоритъ: «Если ты такимъ большимъ будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни онъ разрубилъ эту осу на маленькіе куски; эти разрубленные куски улетѣли въ разныя стороны маленькими осами.

¹⁾ По словамъ бурятъ, прежде пчелы были большія, величиною съ трехъ-годового бычка, но Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ ихъ разрубилъ на маленькіе куски, отчего нынѣшнія пчелы такія маленькія и сдѣлались.

²⁾ По словамъ бурятъ, прежде змѣи были большія, но Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ уменьшилъ ихъ; съ этого времени змѣи стали маленькія.

³⁾ Другіе говорятъ, посланъ былъ комаръ величиною съ трехъ-годового бычка.

Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Три ночи ночевалъ, трехъ враговъ побѣдилъ!»

Такъ плача, лежалъ новорожденный мальчикъ. На другой день Сарагаль-Ноёнъ-ханъ верхомъ на конѣ осматривалъ табуны лошадей; въ это время онъ увидѣлъ плачущаго ребенка около шалашика; онъ слѣзъ съ коня и взялъ ребенка, положилъ въ пазуху и обратно поѣхалъ домой¹⁾. Этотъ ребенокъ на пути началъ марать Сарагаль-Ноёнъ-хана своими соплями и сильно началъ плакать; потомъ началъ дристать въ пазухѣ его и всего его замаралъ своимъ жидкимъ изверженіемъ; сдѣлалась страшная вонь; тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ вынулъ найденнаго ребенка изъ пазухи и сталъ держать его сзади себя; въ это время задулъ южный вѣтеръ сзади его и сдѣлалась страшная вонь; царь не могъ далѣе ѣхать; тогда онъ этого ребенка сталъ держать впереди, но ребенокъ по прежнему сталъ дристать и марать его; въ это время задулъ сѣверный вѣтеръ, тоже сдѣлалась нестерпимая вонь. Сарагаль-Ноёнъ-ханъ едва, едва доѣхалъ до дома, держа этого сопливаго и дристливаго ребенка то спереди, то сзади. Царь довезъ ребенка до своего дома. Ребенокъ сталъ скоро выростать; ему дали имя Нюхата-Зургай; онъ сталъ ходить и бѣгать на улицу и обратно въ юрту.

Однажды Сарагаль-Ноёнъ-ханъ пригласилъ къ себѣ другихъ двухъ царей и подчиненныхъ чиновниковъ на пиръ, и мальчика Нюхата-Зургай, хорошенько накормивъ, спряталъ въ юртѣ за баранами²⁾, чтобы онъ оттуда не выходилъ. Когда всѣ приглашенные гости собрались на пиръ и начали пировать, въ это время за баранами поднялся сильный гулъ; Нюхата-Зургай началъ дристать; жидкость потекла къ двери какъ рѣва, поднялась страшная вонь; собравшіеся гости отъ этой вони, кто схвативши носъ, кто схвативши ротъ, бѣгутъ къ двери; около двери поскользнувшись отъ грязи, сдѣланной Нюхата-Зургаемъ, всѣ попадали, замарались въ ней и выбѣжали на улицу. Здѣсь они всю одежду сняли съ себя, бросили на землю, а сами ушли домой безъ одежды. Нюхата-Зургай выходитъ изъ-за барановъ; Сарагаль-Ноёнъ-ханъ говоритъ ему: «Я тебѣ велѣлъ сидѣть смирно и не дристать. Зачѣмъ задристалъ? всѣхъ гостей выгналъ и замаралъ!» Нюхата-Зургай говоритъ «Что буду дѣлать, когда не могу удержаться». Потомъ Нюхата-Зургай выходитъ на улицу, начинаетъ чистить брошенные одежды и говоритъ: «Теперь я имѣю много одеждъ!» Послѣ этого Сарагаль-Ноёнъ-ханъ посылаетъ своихъ двухъ сыновей съ Нюхата-Зургаемъ пасти семьдесятъ красныхъ телятъ на степи; эти три мальчика угнали на степь семьдесятъ красныхъ телятъ и пасутъ ихъ. Нюхата-Зурга говоритъ двумъ мальчикамъ: «Давайте, заколемте одного теленка, и будемте ѣсть его мясо». Эти два мальчика говорятъ: «Нѣтъ, отецъ будетъ сердиться. Мы боимся колоть теленка!» Нюхата-Зургай говоритъ: «Я устрою такъ, что не будетъ знать

¹⁾ Дѣвица Тѣбекъ-Ногонъ-Абаха далѣе вовсе не упоминается, какъ мать ребенка; нѣкоторые буряты говорили, что она поднялась обратно на небо; а другіе говорили, что они вовсе не знаютъ, куда она дѣвалась.—Большинство говоритъ, что она дочь тэнгэрина, и потому обратно поднялась на небо, потому что Моргонъ-Тоголтору она болѣе не нужна была.

²⁾ Бараны—деревянная подставка подъ сундуками.

нашъ отецъ». Тогда эти два мальчика спрашиваютъ Нюхата-Зурга: «Какъ ты устроишь, чтобы отецъ не узналъ?» Нюхата-Зурга говоритъ: «Я такъ сдѣлаю, что отецъ нашъ ничего не узнаетъ». Послѣ этого Нюхата-Зурга поймалъ одного теленка за хвостъ, ударилъ объ землю, потомъ изъ кожи выдернулъ мясо; а въ кожу теленка закинулъ травы и свиснулъ: теленокъ всталъ и убѣжалъ къ другимъ телятамъ; потомъ всѣ трое развели огонь, изжарили на немъ мясо теленка и все съѣли, а бабки раздѣлили между собою и играютъ ими. Вечеромъ телятъ пригнали домой. Съ этого времени каждый день они выгоняли семьдесятъ красныхъ телятъ на степь пасти и каждый день кололи по одному теленку; мясо его ѣли, а бабками всѣ трое играли; вечеромъ телятъ пригоняли домой. Семьдесятъ дней они пасли телятъ и каждый разъ кололи по одному теленку; такимъ образомъ закололи всѣхъ семьдесятъ красныхъ телятъ. Когда закололи послѣдняго теленка и мясо его съѣли, то Нюхата-Зурга говоритъ тѣмъ двумъ мальчикамъ: «Мнѣ болѣе не нужны бабки, и вы возьмите ихъ себѣ и раздѣлите между собою поровну». Тѣ два мальчика взяли бабки и раздѣлили между собою поровну и положили въ пазуху. Послѣ этого семьдесятъ красныхъ телятъ пригнали домой. Когда мальчики пришли домой, ихъ стали кормить; Нюхата-Зурга началъ ѣсть, а тѣ два мальчика не ѣдятъ, сидятъ такъ. Тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ спрашиваетъ у своихъ двухъ сыновей: «Отчего не ѣдите, что тамъ на степи ѣли?» Нюхата-Зурга говоритъ: «Отецъ, отецъ! они каждый день по одному теленку колятъ и ѣдятъ мясо, а мнѣ не даютъ; сегодня послѣдняго теленка закололи и съѣли, а бабками играютъ». Тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ выходитъ на улицу и смотритъ телятъ, которые всѣ стоятъ живые; онъ подошелъ къ одному теленку и ударилъ его тростью; тогда всѣ теленки упали и оказалось, что шкуры ихъ набиты травою. Сарагаль-Ноёнъ-ханъ сильно удивился и говоритъ тремъ мальчикамъ: «Кто изъ васъ дѣлаетъ это?» Три мальчика указываютъ другъ на друга. Ничего онъ не можетъ добиться.

На другое утро Сарагаль-Ноёнъ-ханъ хочетъ испытать этихъ трехъ мальчиковъ; для этого онъ посадилъ старшаго своего сына съ собою вмѣстѣ; они поѣхали на красномъ порозѣ безъ повода; вотъ они ѣдутъ по краямъ пашни, на которой посѣянъ хлѣбъ. Сарагаль-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему старшему сыну: «Эти пашни китайцевъ, которые пахутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ красного пороза прокололъ шиломъ, которое было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, бросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагаль-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ, а старшій его сынъ, подумавъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать; поплакавъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ ничего не можетъ сдѣлать». Послѣ этого онъ приходитъ вслѣдъ за сыномъ домой.

На другое утро Сарагаль-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода и за собою посадилъ младшаго сына; они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посѣянъ хлѣбъ. Сарагаль-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему младшему сыну: «Эти пашни китайскія; эти китайцы пахутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагаль-Ноёнъ-ханъ прокололъ красного пороза

пиломъ, которое, какъ и въ первый разъ, было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ; а младшій сынъ, какъ и старшій его братъ, подумалъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать и, поплававъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ тоже ничего не можетъ сдѣлать, какъ и старшій его братъ». Послѣ этого онъ приходитъ домой вслѣдъ за сыномъ.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода, посадивъ съ собою Нюхата-Зура¹⁾; они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посеянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ Нюхата-Зура: «Это пашни китайцевъ, которые пахутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ прокололъ пиломъ красного пороза; красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ.

Тогда Нюхата-Зура, немного поплававъ, говоритъ: «Отецъ мой умеръ. Что говорилъ отецъ мой? если-бы китайцы на нашей землѣ не пахали, то откуда-бы выросли хлѣба; если-бы хлѣба не было, то откуда-бы вылетѣла тетеря; если-бы тетеря не вылетѣла, то красный порозъ не испугался-бы; если-бы красный порозъ не испугался, то отецъ мой не упалъ-бы; если-бы отецъ мой не упалъ, то не умеръ-бы. Всему этому виноваты китайцы, которые на нашей землѣ посеяли хлѣбъ; я пойду къ китайцамъ, и буду требовать отъ нихъ, чтобы они оживили моего отца». Послѣ этого Нюхата-Зура побѣжалъ въ китайскій городъ и потягался съ китайцами. Китайцы остались виновными; судъ приказалъ имъ оживить отца Нюхата-Зура. Тогда виновные китайцы предложили Нюхата-Зура золота и серебра на семидесяти верблюдахъ, Нюхата-Зура согласился и, взявъ золото и серебро на семидесяти верблюдахъ, приходитъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ; Нюхата-Зура хочетъ сжечь тѣло отца; для этого онъ, собравъ сухія березовыя деревья, положилъ ихъ вокругъ Сарагалъ-Ноёнъ-хана и поджогъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ вскочилъ на ноги и хочетъ выйти изъ огня. Нюхата-Зура говоритъ: «Отецъ, отецъ! что ты дѣлаешь? Когда умершіе воскресаютъ? это считается худымъ предзнаменованіемъ, большимъ грѣхомъ и отъ этого потомству бываетъ жутко». Говоря эти слова, Нюхата-Зура обратно толкаетъ въ огонь Сарагалъ-Ноёнъ-хана. Потомъ онъ выпустилъ его изъ огня. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ сказалъ Нюхата-Зура, что онъ вовсе не умеръ, а шутилъ съ нимъ.

Послѣ этого Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ съ Нюхата-Зура пригналъ домой семьдесятъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ; дорогой Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ думаетъ, что всѣхъ телятъ закололъ этотъ Нюхата-Зура, а не другіе его два сына. Когда пріѣхали домой, то по прежнему стали жить.

Послѣ этого подданные Сарагалъ-Ноёнъ-хана собрались на зэгэтэ-аба²⁾ въ

¹⁾ Въ рукописи г. Хангалова мѣстами стоятъ Зурга, или Зургай, мѣстами Зура.

Ред.

²⁾ Зэгэтэ-аба—облава на звѣрей.

числѣ трехъ сотъ человекъ; и Нюхата-Зура просится съ ними на зэгэтэ-аба и началъ также собираться. Собрался совсѣмъ и поѣхалъ съ тремя стами человекъ на зэгэтэ-аба по обширной степи; Нюхата-Зура ѣхалъ позади другихъ. Когда они ѣхали, то на пути Нюхата-Зура, сидя на конѣ, началъ дристать, а потомъ сдѣлалъ сѣверный вѣтеръ, который дуетъ сюда; впереди ѣхавшіе триста зэгэтэ-облашниковъ никакъ не могли ѣхать далѣе отъ страшной вони, и пустили Нюхата-Зура ѣхать впереди. Нюхата-Зура поѣхалъ впереди зэгэтэ-облашниковъ и опять началъ дристать, и заставилъ дуть южный вѣтеръ; опять триста зэгэтэ-облашниковъ не могли ѣхать отъ страшной вони и вовсе прогнали отъ себя Нюхата-Зура.

Тогда Нюхата-Зура поѣхалъ отдѣльно отъ трехсотъ зэгэтэ-облашниковъ; когда уѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, то взялъ смѣшивающій тысячу вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, и началъ грызть его на лѣвыхъ коренныхъ зубахъ; тогда вдругъ состояніе погоды измѣнилось, небо покрылось облаками, пошелъ кровавый дождь, каменный градъ, послѣ этого пошелъ большой снѣгъ, который упалъ до нижнихъ сучковъ деревьевъ. Эти триста зэгэтэ-облашниковъ сильно замерзли отъ снѣга и не могутъ придумать, что дѣлать; въ это время вспомнили о Нюхата-Зура, послали за нимъ одного человека посмотрѣть его, чтобы онъ не замерзъ. Посланный пріѣхалъ посмотрѣть Нюхата-Зура и видитъ, что онъ, разобравъ сѣдло, разжигаетъ огонь; потомъ онъ сломалъ стрѣлы и лукъ, и ими тоже подтапливаетъ; развелъ большой костеръ, грѣется около него и поговариваетъ: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ, а когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы». Посланный, увидѣвъ разведенный огонь и услышавъ слова Нюхата-Зура, поѣхалъ обратно къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облашникамъ и рассказываетъ имъ, что Нюхата-Зура, сломавъ сѣдло, лукъ и стрѣлы, развелъ большой огонь и самъ грѣется, приговаривая: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ и когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы».

Тогда триста зэгэтэ-облашниковъ опять послали одного человека, который бы выпросилъ огня у Нюхата-Зура и привезъ имъ; посланный пріѣхалъ и просить огня у Нюхата-Зура; онъ не даетъ огня и говоритъ: «Вы меня прогнали, а вамъ не дамъ огня!» Когда посланный сильно началъ просить, тогда Нюхата-Зура далъ огня посланному, и тотъ привезъ огонь и отдалъ тремъ-стамъ зэгэтэ-облашникамъ. Триста зэгэтэ-облашниковъ сломали всѣ сѣдла, луки и стрѣлы, и начали ими топить и развели огонь; всѣ они грѣются около огня. Нюхата-Зура, узнавъ, что триста зэгэтэ-облашниковъ сожгли всѣ свои сѣдла, луки и стрѣлы, взялъ бѣлый камень Эрдэни и началъ грызть его на правыхъ коренныхъ зубахъ; тогда небо вдругъ очистилось отъ облаковъ и стало очень жарко; снѣгъ скоро весь растаялъ, по прежнему стало тепло.

Тогда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облашникамъ, и поѣхалъ съ ними далѣе; когда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ одной пади, то на конѣ перескочилъ черезъ эту падь и сдѣлался съ сѣдломъ, которымъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ далѣе. Триста-зэгэтэ-облашниковъ скакали, скакали черезъ эту падь, не могли

найти сѣдла, а потому поѣхали далѣе (безъ сѣделъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ второй пади, перескочилъ черезъ нее и сдѣлался съ лукомъ; взявъ его, поѣхалъ далѣе. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти лукъ, а потому поѣхали далѣе (безъ луковъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ третьей пади, перескочилъ черезъ нее, сдѣлался со стрѣлами и поѣхалъ далѣе охотиться на звѣрей. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти стрѣлъ, а потому, перемучившись, поѣхали обратно домой безъ сѣделъ, луковъ и стрѣлъ; домой пріѣхали голодные и усталые. Въ колодезѣ родившійся съ волшебствами Нюхата-Зура забавляется надъ этими зэгэтэ-облавщиками. Нюхата-Зура, поохотившись на звѣрей и настрѣлявъ ихъ множество, обратно пріѣхалъ домой.

Сута-Ноёнъ-ханъ началъ собираться и приготовляться ѣхать искать себѣ жену; онъ поймалъ своего сиваго жеребца, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ и обуздаль серебряною уздою, шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу, а самъ ушелъ одѣваться. Тогда Нюхата-Зура говоритъ: «Я тоже поѣду съ тобою искать себѣ жену!» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я одинъ поѣду; ты гдѣ со мною будешь ѣхать? только будешь мѣшать по дорогѣ». Сута-Ноёнъ-ханъ поѣхалъ одинъ. Нюхата-Зургай по дорогѣ догналъ Сута-Ноёнъ-хана; оба они поѣхали прямо къ сѣверу;—ѣхали, ѣхали и выѣхали на такое разстояніе, на какое нужно ѣхать сто годовъ; оба они пріѣхали къ дворцу Тумэ-Уланъ-хана, остановились и слѣзли съ коней, а поводья привязали къ серебряному столбу; сами вошли въ бѣло-серебряный дворецъ; входя, Сута-Ноёнъ-ханъ здороваается съ Тумэ-Уланъ-ханомъ по-царски и садится на правой сторонѣ, а Нюхата-Зура остановился около двери и, поздорововавшись, садится около двери.

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ спрашиваетъ у Сута-Ноёнъ-хана: «Откуда и куда ѣдете?». Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я съ южной стороны; живу на разстояніи ѣзды ста годовъ, я одинъ изъ трехъ царей Тугушинскихъ Сута-Ноёнъ-ханъ; я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Тѣмбѣнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура говоритъ, сидя около двери: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Завтра утромъ узнаемъ, за кого выдать мою дочь».

На другое утро рано царь Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ бить въ золотой барабанъ, собирать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собирать южныхъ подданныхъ. По приказанію царя, били въ золотой барабанъ, собрали сѣверныхъ подданныхъ и били въ серебряный барабанъ, собрали южныхъ подданныхъ; когда всѣ подданные собрались, Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ поставить мѣты: первая мѣта будетъ семьдесятъ возовъ дровъ, вторая черныи камень величиною съ быка и третья золотая кругленькая пластинка съ отверстіемъ въ серединѣ. Когда всѣ эти мѣты были поставлены, Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Кто попадетъ сразу одною стрѣлою во всѣ эти три мѣты, за того отдамъ свою дочь замужъ».

Многіе пробовали стрѣлять, но ихъ стрѣлы не долетали. Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла разбросала семьдесятъ возовъ дровъ и осталась

тамъ. Сута-Ноёнъ-хану очень стало стыдно, что стрѣла его упала у первой мѣты. Нюхата-Зура протолкался между людьми, марая ихъ своими соплями; всѣ люди надъ нимъ смѣются. Нюхата-Зура говоритъ царю Тумэ-Уланъ-хану. «Кто бы то ни былъ, всякій ли можетъ стрѣлять въ эту мѣту? и если онъ попадетъ, то отдадите ли свою дочь замужъ за того, кто бы онъ ни былъ?» Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Можно; отдамъ!» Нюхата-Зура взялъ свой лукъ и стрѣлу и выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла попала въ первую мѣту въ семьдесятъ возовъ дровъ, и такъ разбила ихъ, что трудно было найти щепку, чтобы поколупать между зубами; стрѣла попала и во вторую мѣту, и раздробила ее на маленькіе куски, такъ что трудно было найти камень для кремня; наконецъ стрѣла попала и въ третью мѣту; прорвавъ отверстіе въ ней, она вылетѣла. Нюхата-Зура отъ радости бѣгаетъ взадъ и впередъ, марая людей своими соплями и говоритъ: «Побѣда за мной!»

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты, какъ старикъ, будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ будетъ зятемъ». Послѣ этого Тумэ-Уланъ-ханъ устроилъ большой пиръ на девять сутокъ и веселый пиръ на восемь сутокъ, на девятая сутки едва, едва гости разъѣхались.

Нюхата-Зура женили на дѣвицѣ Тѣмѣнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура со своею женою Тѣмѣнъ-Жаргаланъ-Абахай пріѣхали домой; на пути онъ все дристалъ и маралъ свою жену; она едва могла выносить страшную вонь. Онъ постоянно маралъ свою жену своими соплями и когда ложился спать съ нею и дристалъ на постели, Тѣмѣнъ-Жаргаланъ-Абахай должна была безпрестанно чистить ее. Нѣкоторое время спустя по пріѣздѣ, Сута-Ноёнъ-ханъ опять собирается ѣхать искать себѣ жену; Нюхата-Зура тоже собирается ѣхать съ нимъ. Сута-Ноёнъ-ханъ никакъ не могъ оставить Нюхата-Зуры; поѣхали оба къ тремъ ламамъ Соржи, у которыхъ была необыкновенно красивая дѣвица, Урма-Гохонъ-Абаха. Пріѣхавъ къ горѣ Мѣнгѣтѣ-Ула, они поднялись на вершину ея и тамъ пріѣхали къ бѣло-серебряному дворцу; на улицѣ къ серебряному столбу привязали своихъ лошадей, а сами вошли во дворецъ къ тремъ ламамъ Соржи. Сута-Ноёнъ-ханъ поздоровался съ ними по царски, поклонился имъ, какъ царица, и садится на правую сторону дворца. Нюхата-Зура остановился около двери и, поздоровавшись съ ними, садится около двери.

Три ламы Соржи спрашиваютъ у Сута-Ноёнъ-Хана: «По какому дѣлу пріѣхалъ?» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Нюхата-Зура сидя около двери, тоже говоритъ: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Тогда три ламы Соржи говорятъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты человѣкъ старый, ты будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ пусть будетъ нашимъ зятемъ; за него отдадимъ нашу дочь Урма-Гохонъ-Абахай». Нюхата-Зура высваталъ за себя дѣвицу Урма-Гохонъ-Абахай, на которой тутъ же и женился.

Послѣ женитьбы Нюхата-Зура пріѣхалъ домой со своею женою Урма-Гохонъ-Абахай; по дорогѣ онъ маралъ ее своими соплями и началъ дристать, дѣлая страш-

ную вонь; такимъ образомъ Нюхата-Зура пріѣхалъ домой и началъ жить съ двумя женами. Сута-Ноёнъ-ханъ пріѣхалъ домой одинъ, какъ уѣхалъ одинъ.

Нюхата-Зура имѣлъ теперь двухъ прекрасныхъ женъ, съ которыми спалъ вмѣстѣ и ночью постоянно ихъ маралъ своими соплями и дристалъ подъ ними; онѣ принуждены были постоянно чистить нечистоты своего мужа.

Потомъ Нюхата-Зура каждую ночь сталъ теряться; когда двѣ жены спали, онъ вставалъ и уходилъ куда-то неизвѣстно. Эти двѣ жены Нюхата-Зуры сильно дивились, куда уходитъ онъ каждую ночь; а потомъ стали прастъ шерсть и напрядли клубокъ величиною съ человѣческую голову. На слѣдующую ночь, когда ложились спать, онѣ незамѣтнымъ образомъ одинъ конецъ шерсти пришили къ шубѣ Нюхата-Зура, а потомъ легли спать. Когда двѣ жены заснули, Нюхата-Зура всталъ потихоньку и, надѣвъ шубу, ушелъ изъ дома. Эти двѣ жены ночью разбудились; Нюхата-Зура уже не было въ постели; тогда онѣ встали, вышли изъ дома и пошли по слѣдамъ Нюхата-Зура по шерсти, которую пришили къ подолу его. Онѣ пришли къ горѣ Оргиль-Ула, поднялись на вершину ея и видятъ бѣло-серебряный дворецъ; пришли къ дворцу и видятъ щель надъ дверью; посмотрѣли въ щель и видятъ во дворцѣ около двери на колѣняхъ кланяется и молится большой человѣкъ, величиною съ гору, а къ подолу его пришита шерсть; тогда онѣ узнали въ этомъ человѣкѣ своего мужа Нюхата-Зура; далѣе онѣ видятъ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидятъ три Шибэгэни-бурхана ¹⁾, которые читаютъ бѣлое священное писаніе. Послѣ этого эти двѣ жены Нюхата-Зурга пришли обратно домой.

Послѣ этого, величиною съ гору, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ получилъ благословеніе отъ трехъ Шибэгэни-бурхановъ и имя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и пріѣхалъ домой; по пріѣздѣ онъ говоритъ своимъ двумъ прекраснымъ женамъ, что благодаря имъ, его силы немного уменьшились; потому что, когда онѣ глядѣли въ щель надъ дверью, то онъ немного на нихъ взглянулъ. И говоритъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли туда? Не нужно было приходите и мѣшать моимъ молитвамъ».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вошелъ въ настоящее тѣло и принялъ настоящую свою наружность. Потомъ онъ на устьѣ большой пади Хатанъ съ помощью тринадцати волшебствъ сдѣлалъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба; въ серединѣ большой пади Хатанъ сдѣлалъ тоже бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба.

Въ дворцѣ на устьѣ большой пади Хатанъ стала жить старшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Тѣмбѣнъ-Жаргаланъ-хатанъ, дочь царя Тумэ-Уланъ-хана; въ дворцѣ въ серединѣ пади Хатанъ стала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-хатанъ, дочь трехъ Соржи-ламъ.

Тугушинскіе три царя Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ, Зать-Шухэръ-ханъ и завистливый Сута-Ноёнъ-ханъ сдѣлались тремя дядями Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и стали называться: дядя Сарагалъ-Ноёнъ, дядя Зать-Шухэръ и завистливый дядя Сута-Ноёнъ ²⁾. Они стали такъ жить.

¹⁾ Нѣкоторые говорятъ, что сидѣли три ламы Соржи.

²⁾ Обыкновенно называютъ Хара-Сутанъ.

Оставленныхъ между небомъ и землею на золотой землѣ Шатакъ тридцать трехъ батаровъ, триста передовыхъ войскъ и прочихъ съ этой земли Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустилъ на землю; тридцать трехъ батаровъ оставилъ у старшей жены Тѣмѣнъ-Жаргаланъ, которая должна была кормить этихъ батаровъ, а триста передовыхъ войскъ оставилъ у младшей жены Урма-Гохонъ-хатуны; этихъ она должна была кормить.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлался на сѣверной сторонѣ старшимъ царемъ надъ тринадцатю царями и на южной сторонѣ старшимъ царемъ надъ двадцатю тремя царями. Какъ ножикъ, опасныхъ враговъ побѣждая, онъ родился; десять опаснѣйшихъ враговъ Атагатуйскихъ побѣждая, онъ родился; приходящихъ враговъ встрѣчая, родился и выходящихъ враговъ провожая, родился. Большую падь Хатанъ сдѣлавши мѣстомъ жительства, родился; большую падь Нажинъ скотскимъ выпускомъ сдѣлавши, родился; въ большой мѣстности Мѣрѣнъ, на берегу моря Мѣнко, на подошвѣ горы Ханъ-Ула и въ большой пади Хатанъ счастливо сталъ жить.

Послѣ этого однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говорить своимъ двумъ прекраснымъ женамъ: «Надоѣло ѣсть скотское мясо, которое въ зубахъ воняетъ, а мясо звѣрей припомнилось!» Сказавъ, онъ началъ собираться на охоту,—поймалъ темно-гнѣдого коня, величиною съ гору; темно-гнѣдого коня поймалъ серебряной уздою, какъ ребро сдѣланною; осѣдалъ чисто серебрянымъ сѣдломъ, подложилъ шелковый потникъ и шелковые поводья привязалъ къ серебряному столбу; потомъ онъ входитъ во дворецъ, одѣвается въ шелковыя шубы; сверху онъ надѣлъ доспѣхи, потомъ навѣсилъ себѣ на правую сторону изъ чистаго булата сдѣланную саблю, потомъ надѣлъ на себя кожанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; когда совсѣмъ приготовился, то вышелъ на улицу и, сѣвъ на коня, уѣхалъ на охоту. Приѣхавши на мѣсто охоты, онъ охотился на звѣрей; въ это время ему попался другой охотникъ, который ѣхалъ на рыжемъ конѣ, какъ кровь красномъ; этотъ неизвѣстный охотникъ былъ молодой и очень красивый человекъ, былъ такой красивый, что нельзя было на него смотрѣть прямо въ лицо; зубы были величиною съ лопаты, щеки были алма, глаза были большіе пѣгіе, коса была черная и въ обхватъ толщиною.

Этотъ охотникъ, приѣхавши, началъ стрѣлять звѣрей прежде, нежели успѣвалъ стрѣлять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; убивъ звѣрей, онъ привязывалъ ихъ къ сѣдлу и уѣзжалъ далѣе отъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и думаетъ: «Это что за чудеса и что это за хитрость? на этой землѣ не было такого человекъ, который бы лучше меня стрѣлялъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погнался за этимъ охотникомъ: за нимъ гонится кругомъ трехъгодичнаго міра три раза, кругомъ четырехъгодичнаго міра четыре раза, не можетъ догнать. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный морозъ, что отъ мороза растрескивались рога быковъ; этотъ охотникъ говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлалась прохлада!» Надѣвъ на себя лѣтнюю шелковую шубу

и немного вспотѣвъ, ѣдетъ. Видя это, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій навозъ кипѣлъ. Этотъ охотникъ опять говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлался холодъ!» Надѣвъ на себя зимнюю шелковую шубу и немного покуржавѣвъ, ѣдетъ на конѣ; Аба-Гэхэръ-Богдо-ханъ никакъ не можетъ помѣшать ему. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этого охотника гонитъ кругомъ восьми сторонъ ночного неба и кругомъ четырехъ сторонъ всего міра и не можетъ догнать; наконецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ догонять этого охотника, но охотникъ прибѣжалъ къ желтому морю, вскочилъ въ него съ конемъ и потерялся.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязавъ его къ бояркѣ¹⁾, а самъ вскочилъ въ желтое море вслѣдъ за этимъ охотникомъ.

Вскочивъ въ воду, онъ видитъ дверь; поймавшись за ручку двери, онъ отворилъ ее и входитъ; за этою дверью оказалась тоже земля, которая ни чѣмъ не отличалась отъ верхней. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился внизъ на вершину одной высокой горы; съ этой высокой горы видитъ, что внизу на подошвѣ этой высокой горы стоитъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до неба. На дворѣ этого дворца, онъ видитъ, стоитъ привязанный рыжій конь, какъ кровь красный; тогда онъ спустился съ горы, подходитъ къ дворцу и смотритъ въ щель надъ дверью; внутри дворца на правой сторонѣ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старикъ, который въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; рядомъ съ другой стороны, тоже на престолѣ, сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старуха, тоже въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; на лѣвой сторонѣ дворца стоитъ необыкновенно красивая дѣвица, которая сортируетъ убитыхъ звѣрей: что подлежитъ къ выдѣлкѣ, то бросаетъ въ одну сторону для выдѣлки, а что подлежитъ къ пищѣ, то бросаетъ въ другую сторону для пищи; такъ стоя, она говоритъ: «Отецъ, отецъ! я была на верхней землѣ, гдѣ охотилась на звѣрей, которыхъ тамъ очень много и лучше нашихъ». А потомъ она рассказываетъ все случившееся во время охоты, какъ гонялся за нею на темно-гнѣдомъ конѣ другой охотникъ, какъ гора большой человѣкъ и какъ она вскочила въ желтое море и спустилась на свою землю. Потомъ она спрашиваетъ у отца: «Какъ ты говорилъ мнѣ, что на нашей землѣ и на верхней землѣ нѣтъ коня, который догналъ бы моего рыжаго коня, а этотъ темно-гнѣдой конь въ концѣ началъ догонять меня?»

Тогда Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ своей дочери: «Зачѣмъ ты поднялась на верхнюю землю, она чужая, а чужія земли опасны. Достаточно тебѣ охотиться на своей землѣ. Твоего рыжаго коня можетъ догнать только темно-гнѣдой конь западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, а другіе не могутъ; лучше тебя можетъ стрѣлять только средній сынъ западнаго Тюрмасъ-тэнгэри Моргонъ-Тоголторъ. Развѣ онъ спустился на верхнюю землю и съ нимъ ты встрѣтилась на охотѣ? Прежде, когда я былъ молодымъ, то встрѣтился съ западнымъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ»

¹⁾ Другіе говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ воткнулъ въ землю свою стрѣлу и къ ней привязавъ свою лошадь. Боярка сиб. областное—боляршиникъ.

на зэгэтэ-аба; тогда я съ нимъ просваталъ тебя за средняго его сына и мы смѣнились бѣло-серебряными ганзами ¹⁾ другъ съ другомъ и кромѣ того по рожну мяса, смѣнивъ, съѣли. Должно полагать, это твой женихъ».

Единственная дочь Уха-Лобсонъ-хана, Алма-Моргонъ-Абахай разсердилась на своего отца и выбѣжала изъ дворца. Тогда стоявшій снаружи около двери Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ схватилъ ее за правую руку и удержалъ ее; она отбивалась отъ него, но не могла. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ съ Алма-Моргонъ-Абахай; она перестала сердиться; входя въ дверь, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ здоровается съ царемъ Уханъ-Лобсонъ-ханомъ по-царски и кланяется, какъ царица.

Царь Уха-Лобсонъ говоритъ: «Сюда, сюда садитесь!» и указалъ имъ на правой сторонѣ дворца. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ садится на правой сторонѣ дворца. Царь Уха-Лобсонъ говоритъ своей дочери: «Дорожному человѣку нужно подать пить». Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ въ чашеѣ подала питье Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ взялъ и выпилъ. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали угощать, поставили золотой столъ, на которомъ поставили превкусную пищу и потомъ поставили серебряный столъ, на которомъ поставили настоящую пищу; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣстъ эту пищу; потомъ подавали крѣпкое вино.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ разговаривать съ царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ о настоящемъ и прошломъ. Онъ говоритъ Уха-Лобсонъ-хану: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Уха-Лобсонъ-ханъ соглашается выдать свою дочь за Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ: «Сказано правда и задумано вѣрно».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ женился на дочери Уха-Лобсонъ-хана и жилъ у него; въ это время Алма-Моргонъ-хатунъ накормила своего мужа одуряющею пищею; съѣвъ ее, Абай-Гэхэръ-ханъ одурѣлъ и забылъ уѣхать домой, а жилъ у Уха-Лобсонъ-хана со своею женою Алма-Моргонъ-хатаной. У нея отъ него родился сынъ ²⁾.

Хѣнуръ-Бурханъ, три старшія сестры Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на небѣ, говорятъ другъ другу: «Что-то не слышно топота темно-гнѣдого коня и не слышно кряканья Абай-Гэхэръ-Богдо-хана?» Эти три сестры Хѣнуръ-Бурханъ спустились на землю въ большой пади Хатанъ и нашли въ ней теплый слѣдъ его; по этому слѣду начали слѣдить, напали на холодный слѣдъ, по которому тоже начали искать Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Искали кругомъ трехъ-годичной земли три раза и кругомъ четырехъ-годичной земли четыре раза; вокругъ ночного неба восемь разъ и по четыремъ сторонамъ обширной земли и, наконецъ, пришли въ желтому морю ³⁾; на берегу этого моря нашли темно-гнѣдого коня, привязаннаго за боярку. Темно-гнѣдой конь сдѣлался величиною съ годового жеребенка и стоитъ, уперши морду въ землю. Три сестры Хѣнуръ-Бурханъ темно-гнѣдого коня отпустили, чтобы онъ поправился; потомъ сами вошли въ желтое море, отворивъ дверь, спусти-

¹⁾ Ганза—грубка для куренія табаку.

²⁾ Другіе говорятъ, что у Алма-Моргонъ-хатунъ родилась дочь.

³⁾ По другому разсказу, къ черному морю.

лись на нижнюю землю, тамъ обратились въ три прекрасныя птички и прилетѣли къ дворцу царя Уха-Лобсонъ-хана; въ это время сынъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана игралъ на улицѣ; онъ, увидѣвъ этихъ прекрасныхъ птичекъ, хотѣлъ поймать ихъ, но не могъ; тогда онъ крикнулъ: «Отецъ, отецъ! выходи и поймай мнѣ этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, хочетъ поймать этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ, но никакъ не можетъ поймать; эти птички улетали недалеко и садились снова, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, желая поймать ихъ и гоняясь за ними, ушелъ далеко въ степь; эти птички заманили его на разстояніе трехъ-дневнаго хода; а потомъ обратились въ трехъ сестеръ Хѳнуръ-Бурханъ, и ударили его въ правую щеку; тогда онъ началъ блевать чернымъ-черно; послѣ этого онъ ударили его въ лѣвую щеку; тогда онъ тоже началъ блевать разнообразными веществами. Потомъ пришелъ въ прежнее состояніе и поправился совсѣмъ отъ помраченія.

Тогда три сестры Хѳнуръ-Бурханъ говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Зачѣмъ ты позабылъ о своихъ домашнихъ, которые тебя совсѣмъ потеряли и не могутъ дожидаться? поскорѣе возвращайся домой!» Послѣ этихъ словъ онъ поднялся на небо обратно.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто-бы проснулся отъ долгаго сна и все забытое вспомнилъ; онъ учитъ своего маленькаго сына, по приходѣ домой плавать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбра¹⁾ не можетъ помѣститься въ котлѣ!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ со своимъ маленькимъ сыномъ приходитъ домой; тогда мальчикъ началъ плавать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбра не можетъ помѣститься въ котлѣ».

Тогда царь Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ: «Нашъ зять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ хочетъ ѣхать домой. Человѣкъ, имѣющій родину, хочетъ возвратиться на родину и человѣкъ, имѣющій воду, хочетъ возвратиться къ своимъ водамъ!» Потомъ царь Уха-Лобсонъ-ханъ зятю своему далъ половину своего скота и половину золота и серебра и проводилъ его на родину.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, взявъ свою жену Алма-Моргонъ-хатанъ, сына и половину разнаго скота, золота и серебра, отданныхъ ему царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ, поднялся на верхнюю землю и пріѣхалъ на свою родину, въ большую падь Хатанъ и на вершинѣ ея выстроилъ бѣло-серебряный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ начала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сталъ жить съ тремя женами, бывая у нихъ по очереди; старшая жена Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ стала жить въ устьѣ большой пади Хатанъ, средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ жила въ срединѣ пади Хатанъ, а младшая жена Алма-Моргонъ-хатанъ жила на вершинѣ пади Хатанъ. Такъ жили счастливо.

¹⁾ Изюбрь—областное русское слово: «олень».

На сѣверной сторонѣ въ лѣсахъ появился лѣсной пестрый левъ Окторъ ¹⁾ такой громадной величины, что большою верхнею челюстью онъ хваталъ до высокаго неба и бороздилъ его верхнею челюстью, а нижнею большою челюстью бороздилъ обширную землю; этотъ громадной величины пестрый левъ, ходя, проглатывалъ все, что встрѣчалось на пути; большія таежныя деревья проглатывалъ съ вершиною и большія лѣсныя деревья проглатывалъ съ корнями. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и говорить: «Это чье чудовище и откуда появилось на этихъ мѣстахъ?» ²⁾

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ приготовляться съ тридцатью тремя батарами противъ пестраго льва Октора; кончивъ свои приготовления, они, сѣвъ на коней, поѣхали на сѣверную сторону, гдѣ появился пестрый левъ Окторъ и проглатывалъ все, что встрѣчалось ему на пути. По дорогѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами поднялись на вершину одной высокой горы и посматривали съ нея кругомъ въ даль; въ это время они увидѣли, что пестрый левъ Окторъ идетъ по направленію къ югу и прямо къ нимъ; верхняя челюсть его хватаетъ до высокаго неба и бороздитъ его, а нижняя челюсть бороздитъ обширную землю; такъ идя, левъ проглатывалъ въ себя множество людей, разнаго скота, звѣрей и деревьевъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ, смотря съ вершины высокой горы, сильно удивился и говорить: «Это чье чудовище? отъ высокаго неба чудовище или отъ обширной земли чудовище? на этой мѣстности не было такого чудовища!» Такъ онъ говорилъ своимъ тридцати тремъ батарамъ.

Пестрый левъ Окторъ въ это время все приближался къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и его тридцати тремъ батарамъ, которые стояли на вершинѣ высокой горы; когда пестрый левъ приблизился къ нимъ, то началъ ихъ втягивать въ себя; они съ трудомъ удерживались на своихъ мѣстахъ; чтобъ удержаться, они къ переднимъ подоламъ привязали камни величиною съ жеребенка, а къ заднимъ подоламъ привязали камни величиною съ овцу; такъ едва, едва держались на мѣстахъ; но не смотря на это, они отдѣлились отъ земли и полетѣли по воздуху въ ротъ пестраго льва Октора.

Сынъ Бомборинъ-саганъ-тэнгэриа, Буда-Уланъ-батаръ, прицѣпился къ одной сторонѣ рта, а имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня и бѣлый доспѣхъ дугу Эржинъ-Шумаръ-батаръ прицѣпился къ другой сторонѣ рта; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ влетѣлъ прямо въ ротъ и внутрь пестраго льва Октора. Влетая внутрь чудовища, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ на пути воткнулъ острое черное копьё съ чернемъ изъ чернаго дерева однимъ концомъ въ гортань, а другимъ концомъ уперся въ нижнюю челюсть; отъ этого пестрый левъ Окторъ не могъ разжевать его и остался съ разинутымъ ртомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, влетѣвъ внутрь льва, началъ тамъ искать сердце;

¹⁾ По бурятски «Ойю-Окторъ-эрэнъ-баръ». А другіе говорятъ таежный пестрый левъ Тахигаръ («Тагинъ-тахигаръ-эрэнъ-баръ»).

²⁾ Разказчикъ Пѣшковъ-Тучиниловъ объяснилъ мнѣ, что этого льва послали западные тэнгэрини, чтобы испробовать силы и умѣнье Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, побѣдить онъ этого льва или нѣтъ.

наше ль и разрубилъ его саблей изъ чистаго булата. Тогда пестрый левъ Окторъ пропалъ съ разинутымъ ртомъ.

Когда пропалъ пестрый левъ Окторъ, то Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ 33 батарами вышли изъ внутри этого льва, а за ними вышли всѣ проглоченные люди, разный скотъ и звѣри, которые ушли, восхваляя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, говоря: «Во вѣки вѣковъ до окончаніи міра побѣждай своихъ враговъ и коли годовалыхъ жеребенковъ!»

Потомъ 33 батара начали снимать шкуру съ пестраго льва Октора; изъ снятой шкуры вышло 33 батарамъ на шубы, изъ кожи головы пестраго льва вышло на шапки 33 батарамъ и изъ кожи съ четырехъ ногъ пестраго льва вышло на унты 33 батарамъ. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи!» Потомъ пріѣхали обратно домой и живутъ по прежнему.

У Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на мѣстности, въ такъ называемой большой пади Найжинъ, паслись восемь тысячъ конныхъ табуновъ, въ которыхъ одна большая пѣгая кобыла, въ продолженіи восьми лѣтъ, не жеребилась, и сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ (арбинъ), толщиною въ восемь пальцевъ. Эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ въ большую падь Найжинъ и разрѣзалъ брюхо большой пѣгой кобылы, въ восемь пальцевъ толщиною жиръ на брюхѣ разостлалъ на обѣ стороны, а потомъ на этотъ жиръ поставилъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Саганъ. На вершинѣ большой пади Найжинъ имѣли гнѣздо съ птенцами птицы отецъ харабсаръ и мать харабсаръ. Около полуночи, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ сновидѣніе находящейся на вершинѣ большой пади Найжинъ птицѣ отцу харабсару; видитъ харабсаръ сонъ—въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ. И будто онъ, птица отецъ харабсаръ прилетѣлъ, сѣлъ на концѣ малыхъ реберъ и клюнулъ одинъ разъ. И отъ этого птица отецъ харабсаръ разбудилась.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, пославъ птицѣ отцу харабсару такое сновидѣніе, самъ обратился въ конскій пометъ и лежитъ подъ трехгодичными старыми и сухими травами (гурбан-жили-хурхагдан). Птица отецъ харабсаръ разбудилась послѣ полуночи и говоритъ матери харабсару. «Я видѣлъ сонъ; въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ; я прилетѣлъ и, сѣвъ на концѣ малыхъ реберъ, одинъ разъ клюнулъ и разбудился».

Тогда птица мать харабсаръ говоритъ отцу харабсару: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ имѣеть тринадцать разныхъ волшебствъ; не знаешь, которое изъ его волшебствъ. Лучше перестань и не лети туда». Тогда птица отецъ харабсаръ говоритъ: «Нѣтъ, не перестану. Увидѣвъ такой прекрасный сонъ, оставить нельзя; нужно полетѣть и посмотрѣть». Между ночью и утромъ отецъ харабсаръ полетѣлъ внизъ по большой пади Найжинъ, въ которой дѣйствительно видитъ изъ далека, что большая гнѣгая кобыла лежитъ съ распоротымъ брюхомъ, и жиръ бѣлѣеть издалека; увидѣвъ это, онъ говоритъ: «Ахъ, кончай мозгъ! какое ядовитое сновидѣнiе!» Сказавъ эти слова, онъ полетѣлъ поскорѣе; прилетѣвши, сѣлъ на концѣ короткихъ реберъ, одинъ разъ клюнулъ бѣлый жиръ и въ это время запутался въ петлю Торъ-Саганъ съ тринадцатью узлами; никакъ не можетъ вырваться.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, лежавшій подъ трех-годичными старыми травами, обратившись въ конскій пометь, выскочилъ оттуда и говоритъ: «Безрогаго ворышку, тебя, наконецъ я поймалъ въ руки и привязалъ за сѣдломъ; съ прежняго времени пропадали кобылы жирнѣе и суше этой, но никакого не оставалось остатка, и все пропадало; все ты поѣдалъ, ничего не оставляя!» Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ взялъ верховой вкуть съ 88 узлами и 99 пуговицами, и началъ имъ бить птицу отца харабсара, которая отъ боли начала плакать, какъ козелъ и кричать, какъ маленькая козуля. Этотъ крикъ и плачь услышала птица мать харабсаръ и прилетѣла посмотрѣть. Прилетѣвъ, она видитъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ бьетъ отца харабсара и тотъ плачетъ и кричитъ; мать харабсаръ говоритъ: «Я тебѣ говорила, не летай сюда; пусть тебя хорошенько побьетъ». Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ бить сильнѣе прежняго; отецъ харабсаръ пуще прежняго началъ плакать и кричать. Птица мать харабсаръ, пожалѣвъ отца харабсара, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Отпусти отца харабсара!» Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ матери харабсару: «Мнѣ нужно одну ложку молока отъ твоего праваго сосца и по одной ложкѣ слезы изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ. Когда дашь это, тогда только отпущу отца харабсара.»

Птица мать Харабсаръ улетѣла къ гнѣзду, гдѣ начала бить двухъ птенцовъ харабсаровъ; они начали плакать; она едва, едва собрала по одной ложкѣ слезъ изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ, а потомъ подоила свой правый сосецъ и выдоила одну ложку молока, полетѣла и отдала все это Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Получивъ отъ птицы матери харабсаръ одну ложку молока и двѣ ложки слезы, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ распоролъ правый носъ птицѣ отцу харабсару и взялъ одну ложку крови; послѣ чего отпустилъ отца харабсара на свободу, сказавши ему: «Теперь эту кобылу можешь поѣсть!» а самъ приѣхалъ домой обратно.

У китайскаго царя Гумэнь-хана умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; китайскій царь Гумэнь-ханъ сильно оплакивалъ ее и всѣмъ подданнымъ своимъ сдѣлалъ строгое приказанiе, чтобы они наравнѣ съ нимъ оплакивали свою повойную царя Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; дома сидящiе люди должны были оплакивать сюда

дома, а на степи бывшіе люди должны были оплакивать, стоя на степи. Тогда всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнь-хана начали оплакивать свою умершую царицу; кто сидѣлъ дома, тѣ сидя оплакивали, и кто ходилъ по степи, тѣ стоя оплакивали; такимъ образомъ всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнь-хана все хозяйство и работы оставили, оплакивая свою покойную царицу. Самъ же китайскій царь Гумэнь-ханъ день и ночь оплакивалъ свою покойную жену, лежа и обнявши ее и не вставалъ. Всѣ подданные китайскаго царя сильно убыточились и раззорялись постепенно; тогда всѣ они потихоньку украдкою отъ своего царя начали совѣтоваться между собою, что сдѣлать съ своимъ царемъ, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе; нѣкоторые подданные говорятъ, нужно послать къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану и у него просить совѣта, просить чтобы онъ выручилъ ихъ отъ этой бѣды, другіе согласились съ ними; тогда подданные китайскаго царя начали изъ своей среды выбирать, кто-бы могъ доѣхать къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану и попросить его защиты и выручки изъ этой бѣды. Они выбрали изъ семи сыновей чернаго кузнеца Хожира, которые всѣ семеро были черными кузнецами¹⁾, младшаго сына кузнеца Хаталза-Хара. Онъ началъ собираться въ путь, и собравшись, поѣхалъ къ Абай-Гэхэрь-Богдо-хану. Черный кузнецъ Хаталза-Хара долго ѣхалъ и наконецъ едва, едва доѣхалъ до бѣло-серебрянаго дворца на вершинѣ большой пади Хатань, гдѣ находился Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ; когда онъ вошелъ во дворецъ, Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ сидѣлъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; входя, черный кузнецъ Хаталза-Хара началъ кланяться; какъ пуговицею, головою кивая, кланяется; въ колѣнѣ ногу нагибая, кланяется.

Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда ѣхавши человекъ ты и по какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ?» Черный кузнецъ Хаталза-Хара говоритъ: «Меня послали къ вамъ подданные китайскаго царя Гумэнь-хана, просить вашей помощи и совѣта, что нужно дѣлать, чтобы избавиться отъ бѣды, которая у насъ случилась; у нашего царя Гумэнь-хана умерла его жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; нашъ царь оплакиваетъ ее сильно и сдѣлалъ строгое приказаніе всѣмъ подданнымъ, чтобы они тоже оплакивали свою царицу; сидящіе люди дома, тѣ должны оплакивать свою царицу, сидя дома, и на степи бывшіе люди должны оплакивать свою царицу, стоя на степи; всѣ подданные бросили свои хозяйства и работы и оплакиваютъ свою царицу, Гомо-Сэсэкъ-хатану; всѣ подданные нашего царя сильно изубытились и раззорились; вотъ почему меня послали къ вамъ просить помощи».

Тогда Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ говоритъ: «Мнѣ нужны отъ сыновей Хожира, отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ отрубленные головы; тогда только поѣду на помощь къ китайскимъ подданнымъ въ ихъ бѣдѣ».

Черный кузнецъ Хаталза-Хара, услышавъ слова Абай-Гэхэрь-Богдо-хана, сильно испугался. Пріѣхавъ обратно домой, онъ сказалъ подданнымъ китайскаго царя, что Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ не хочетъ пріѣхать къ нимъ. Потомъ однажды ночью онъ говоритъ своей женѣ: «Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ сказалъ мнѣ, что нужны

¹⁾ О черныхъ кузнецахъ см. Записки Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этногр., т. II, в. 1, стр. 41. II.

отрубленные головы наших семи братьевъ черныхъ кузнецовъ; если наши головы отрубятъ и пошлютъ къ нему, то онъ прїѣдетъ помогать». Выдавъ тайну своей женѣ, онъ наказалъ ей, чтобы она никому не рассказывала это. Жена чернаго кузнеца Хаталза-Хара сказала одной женѣ старшаго брата своего мужа и просила ее не говорить никому; а эта послѣдняя сказала другой; такимъ образомъ всѣ жены семи черныхъ кузнецовъ Хожира узнали тайну; послѣдняя, по секрету, передала одной своей хорошей прїятельницѣ, та тоже въ свою очередь передала своей хорошей знакомой прїятельницѣ; такимъ образомъ этотъ секретъ узнали подданные и чиновники китайскаго царя Гуманъ-хана. Они собрались и поймали всѣхъ семь братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира; всѣмъ имъ отрубили головы и послали ихъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану съ Зудакъ-Шара-батаромъ, ѣдущимъ на ста коняхъ.

Ѣдущій на ста коняхъ Зудакъ-Шара-батаръ, взявши семь отрубленныхъ головъ отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, поѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ ѣхалъ очень долго; по дорогѣ всѣ сто коней устали и пропали отъ долгой ѣзды; когда всѣ сто коней пропали, Зудакъ-Шара-батаръ далѣе пошелъ пѣшкомъ; отъ долгой ходьбы износились на его ногахъ унты; онъ продолжаетъ далѣе свой путь босикомъ; отъ долгой ходьбы у него на ногахъ стирается мясо; онъ идетъ далѣе кровавыми шагами; наконецъ, на ногахъ стерлось все мясо; онъ идетъ, ступая голыми и бѣлыми костями; едва, едва доходитъ онъ на вершину большой пади Найжинъ; тутъ онъ остановился у пропавшей кобылы, и ѣсть ея мясо, лежа. Въ это время къ Зудакъ-Шара-батару подѣзжаетъ одинъ изъ 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и спрашиваетъ у лежащаго человѣка: «Кто ты такой и откуда идешь?» Зудакъ-Шара-батаръ рассказалъ о себѣ все, что съ нимъ случилось и что подданные китайскаго царя Гуманъ-хана послали отрубленные головы отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира. Батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана тутъ же вылѣчилъ Зудакъ-Шара-батара и привелъ его къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; Зудакъ-Шара-батаръ отдалъ ему семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посланныя семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира получилъ и говоритъ Зудакъ-Шара-батару: «Ты поѣзжай домой, а я за тобой прїѣду».

Полученныя семь головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ варить въ семи мѣдныхъ котлахъ, чтобы вычистить ихъ хорошенько; вычистивъ ихъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ чашки, оправилъ эти чашки золотомъ и серебромъ; изъ этихъ семи головъ образовалось семь очень красивыхъ чашекъ; онъ налилъ въ нихъ крѣпкое вино.

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ¹⁾ эти семь вызолоченныхъ и высеребранныхъ

¹⁾ Другіе говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ эти чашки съ виномъ съ земли бросилъ на небо со словами: «Упадите на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гѣрмѣ!» Эти брошенные чашки упали на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гѣрмѣ; выйдя на улицу, она увидѣла эти чашки, взяла ихъ въ руки, начала разсматривать, потомъ начала пробовать вино и выпила все вино изъ семи чашекъ; сдѣлалась пьяною; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поднялся на небо и вошелъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гѣрмѣ. }

чашекъ съ крѣпкимъ виномъ положилъ въ пазуху и поднялся на небо къ бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ. Поднявшись на небо, входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, въ которомъ живетъ бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ; она сидитъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ кланяется ей, какъ пуговкой головой кивая, и въ колѣнѣ ногу нагибая. Бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ спрашиваетъ у него: «Земной внукъ мой, зачѣмъ прѣхалъ ко мнѣ и что тебѣ нужно?». Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ: «Я поднялся на небо къ вамъ, чтобы угостить васъ крѣпкимъ виномъ, приготовленнымъ вашими внучатыми невѣстками». Послѣ этого Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ изъ пазухи вынимаетъ семь вызолоченныхъ и высеребренныхъ чашекъ съ крѣпкимъ виномъ и угощаетъ свою бабушку, Манзанъ-Гѳрмѳ. Она, выпивши крѣпкое вино изъ семи чашекъ, сдѣлалась пьяною.

Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гѳрмѳ: «Китайскій царь Гумѣнъ-ханъ сказалъ мнѣ, что у него есть на вершинѣ Алтанъ-Ула золотая мельница (алтанъ-теръме), которая, стоя, вертится; на вершинѣ Саганъ-Мѳнгѳнъ-Ула бѣлая серебряная козуля съ бѣло-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Саганъ-Мѳнгѳнъ-Ула ходя, пасется или пощипливаетъ травку; на вершинѣ Гули-Мѳнгѳнъ-Ула желто-мѣдно-серебряная лисица съ желто-мѣдно-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Гули-Мѳнгѳнъ-Ула ходя, понюхиваетъ и на вершинѣ Зѣтъ-Мѳнгѳнъ-Ула красно-мѣдная-серебряная собака, съ красно-мѣдно-серебряною цѣпью, ходя вокругъ верхушки Зѣтъ-Мѳнгѳнъ-Ула полавиваетъ».

Бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ говоритъ: «Этихъ эрдѣни у китайскаго царя Гумѣнъ-хана вовсе нѣтъ, и откуда у него они будутъ? а они находятся у меня!» Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Гдѣ у васъ находятся эти эрдѣни, которыхъ я не видывалъ?» Бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ говоритъ, что эти эрдѣни у ней находятся въ сундукѣ. Потомъ она, немного опьянѣвъ, легла спать; тогда Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ потихоньку, во время сна бабушки Манзанъ-Гѳрмѳ, укралъ у нея ключи отъ сундука, украденнымъ ключомъ отворилъ сундукъ и взялъ изъ него эрдѣни ¹⁾; взявъ эрдѣни, началъ спускаться на землю.

Бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ пробудилась отъ сна, встала и говоритъ: «Тотъ молодецъ мой, что сдѣлавши, спустился на землю?» Говоря эти слова, она отворила свой сундукъ и видитъ, что эрдѣни уже украдены Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханомъ; тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ выходитъ на улицу и видитъ, что Абай-Гѳхѳръ-Богдо-ханъ спускается на землю и находится между небомъ и землею. Она сильно разсердилась, что онъ у нея укралъ эрдѣни и прокляла его, говоря: «Если ты меня обокралъ, то безъ доли богатства и безъ дѣтей погибни! прямо къ востоку лети въ страну альбиновъ, во дворъ провалища Альбинъ-тама, гдѣ, спотынувшись, пади!» Послѣ этого бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ семь чашекъ изъ семи головъ черныхъ кузнецовъ бросила, говоря: «На небѣ показывайте время года и ночи». Эти брошенные чашки на небѣ образовали созвѣздіе Большую Медвѣдицу (Долонъ-Обгѳдъ).

¹⁾ Иные говорятъ, что въ числѣ эрдѣни были жили вшей «бохѳни шѳрмѳхѳнъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ непреодолимо и безъ удержу улетѣлъ прямо къ востоку по направленію въ страну альбиновъ. Тогда бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ, смотрѣвшая вслѣдъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, пожалѣла его и говоритъ: «Глупенькаго и худенькаго внука своего я черезчуръ сильно проклѣла». Она подоила молоко отъ правой груди и бросила вслѣдъ за нимъ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, опомнившись отъ помраченія, возвратился къ своему дому; а брошенное бабушкою Манзанъ-Гѳрмѳ молоко на небѣ сдѣлалось Млечнымъ путемъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой и попрежнему сталъ жить и думать. Послѣ этого онъ собрался ѣхать къ китайскому царю Гумэнь-хану и взялъ съ собою всѣ свои эрдэни.

Китайскій царь по прежнему оплакивалъ свою умершую жену Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, а также оплакивали ее и всѣ подданные китайскаго царя. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощью своихъ волшебствъ, когда Гумэнь-ханъ спалъ, обнявши свою умершую жену, укралъ ее и велѣлъ похоронить, а на мѣсто Гомо-Сэсэкъ-хатуны положилъ черную суку, которая должна была цениться. Китайскій царь Гумэнь-ханъ, пробудился и видитъ: лежитъ, обнявши черную суку, которая оценилась; онъ сильно испугался и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя суку со щенятами и началъ выбрасывать ихъ на улицу. Онъ говорилъ: «Умершій человекъ, если долго лежитъ, то дѣлается такимъ отвратительнымъ». Такъ, стоя, рассуждалъ онъ.

Въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ къ китайскому царю Гумэнь-хану; ханъ рассказываетъ ему о случившемся, что у него умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, которую онъ долго оплакивалъ, а теперь, когда онъ пробудился, то увидѣлъ себя лежащимъ, обнявши оценившуюся черную суку. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ китайскому царю Гумэнь-хану: «Умершаго человека долго оплакивать бываетъ грѣхъ и впоследствии не счастливо».

Китайскій царь Гумэнь-ханъ сильно разсердился на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ ему: «Ты пріѣхалъ ко мнѣ меня учить и надо мной распоразаться». Послѣ этого онъ приказалъ своимъ подданнымъ бросить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ одну тама ¹⁾; такихъ тама у китайскаго царя были девять: 1) вшивый тама ²⁾, 2) тама маленькихъ вшей ³⁾, 3) змѣиный тама ⁴⁾, 4) лягушечій тама ⁵⁾, 5) червячій тама ⁶⁾, 6) огненный тама ⁷⁾, 7) морозный тама ⁸⁾, 8) дегтарный тама ⁹⁾ и 9) жучій тама ¹⁰⁾.

Подданные китайскаго царя увели Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и бросили его во вшивый тама; онъ упалъ въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію одного эрдэни ¹¹⁾ наполнилъ вшивый тама и волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ сверху;

¹⁾ Тама—адъ.

²⁾ Бѳхѳни-тама.

³⁾ Хюрхани-тама.

⁴⁾ Могонь-тама.

⁵⁾ Баханъ-тама.

⁶⁾ Хорховъ-тама.

⁷⁾ Галь-тама (или говорятъ Галь-нурма-тама).

⁸⁾ Хү-гүни-тама.

⁹⁾ Дабирханъ-тама.

¹⁰⁾ Сохонъ-тама.

¹¹⁾ Съ помощію вшивыхъ жель.

таютъ материнское большое бѣлое священное писаніе. Эти три ламы Соржи послали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ быстрого посла, чтобы онъ пріѣхалъ поклониться имъ и получить благословеніе отъ нихъ. Быстрый посолъ отъ трехъ ламъ Соржи пріѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и сказалъ ему, что на вершину Оргиль-Ула спустились съ неба три ламы Соржи; они его просятъ пріѣхать къ нимъ поклониться и получить благословеніе. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ впередъ себя послалъ человѣка, который бы поднялся на вершину Оргиль-Ула, вошелъ бы въ бѣлосеребряный дворецъ и, ставъ во дворцѣ, смотрѣлъ бы на трехъ ламъ Соржи, пока не пріѣдетъ самъ Абай-Гэхэръ-Богдо; когда самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣдетъ ко дворцу и крикнетъ громко, то, если дѣйствительно они три ламы Соржи, они по прежнему будутъ читать священное писаніе, а если это не они, то, когда онъ крикнетъ громко, они упадутъ съ престола. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ самъ; поднявшись на вершину Оргиль-Ула и подѣхавъ къ бѣло-серебряному дворцу, крикнулъ громко; тогда три мнимые ламы Соржи упали съ престола, опять сѣли на престолъ и читаютъ по прежнему священное писаніе. Посланный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ человѣкъ, увидѣвъ это, выходитъ изъ дворца сказать ему; но когда онъ говорилъ, то ошибся, и вмѣсто того, чтобы сказать «упали», сказалъ «не упали»; потому что Лобсогой черезъ свои волшебства повернулъ языкъ этому человѣку. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ въ бѣло-серебряный дворецъ и начинаетъ кланяться тремъ ламамъ Соржи, читающимъ священное писаніе; послѣ поклоненія Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подходитъ къ тремъ ламамъ Соржи получить ихъ благословеніе; мнимые три ламы Соржи своими священными писаніями дотронулись до головы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; вслѣдствіе этого онъ сдѣлался нечистымъ; тогда они обратили его въ неустающаго осла. Послѣ того Лобсогой снова сдѣлался Лобсогоемъ, громко смѣялся и рѣчисто говорилъ: «Наконецъ-то я тебя поймалъ въ руки мои и за сѣдломъ привязалъ». Послѣ этого Лобсогой обратившемуся въ неустающаго осла Абай-Гэхэръ-Богдо-хану желѣзнымъ треногомъ стреножилъ ноги и желѣзной уздой обуздалъ этого осла, и повелъ домой. По пріѣздѣ домой, Лобсогой на этомъ ослѣ каждый день пахалъ сорокъ десятинъ земли и билъ его желѣзнымъ молотомъ; а ночью запиралъ его въ желѣзный амбаръ.

Домашніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана узнали о случившемся несчастіи, что онъ черезъ обманъ обращенъ Лобсогоемъ въ неустающаго осла и уведенъ. Тогда три прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана послали быстрого посла къ тремъ ламамъ Соржи ¹⁾ просить у нихъ совѣта и извѣстить ихъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обращенъ въ осла и уведенъ Лобсогоемъ. Три ламы Соржи, почитавъ священное писаніе, сказали посланному, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто не можетъ. Посланный посолъ пріѣхалъ и сказалъ, что три ламы Соржи сказали, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить отъ Лобсогоя только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто.

¹⁾ Иные говорятъ къ тремъ Голто-Саганъ-Бурханамъ.

Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ начала собираться въ путь-дорогу до Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Она сѣла на тоненькаго рыжаго коня и поѣхала къ сѣверо-западу въ сторону Лобсогая. Алма-Моргонъ-хатанъ сперва поѣхала къ Енхобой, къ тремъ старшимъ сестрамъ Лобсогая; обратившись въ черную муху, она прилетѣла къ дому старшей сестры Лобсогая Енхобой и старалась выслѣдить ея привычки, характеръ и волшебства; когда все узнала, она улетѣла на трехдневное разстояніе и тамъ съ помощію своихъ волшебствъ сдѣлала черную и желѣзную телегу, точь въ точь, какъ у старшей сестры Лобсогая, потомъ сдѣлала трехъ черныхъ иноходцевъ, точь въ точь какъ у старшей сестры Лобсогая и сама обратилась въ старшую сестру Лобсогая, Енхобой; поѣхала на этой телегѣ и на этихъ черныхъ иноходцахъ къ Лобсогаю.

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ, обратившись въ старшую сестру Енхобой, приѣхала къ Лобсогаю, онъ встрѣтилъ свою сестру на улицѣ и ввелъ въ домъ. Сестра Лобсогая говоритъ ему: «Дитя мое, ты непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ; наконецъ-то Абай-Гэхэръ-Богдо-хана поймали въ руки наши и привязали за сѣдломъ». Она хвалила своего младшаго брата Лобсогая, а потомъ стала просить его, чтобы онъ отдалъ ей этого неутомимаго осла; она хочетъ на немъ пахать землю.

Тогда Лобсогаемъ говоритъ своей старшей сестрѣ Енхобой: «Нѣтъ, не дамъ тебѣ осла; ты не сумѣешь его держать и отпустишь». Старшая сестра Енхобой сильно разсердилась и говоритъ: «Если-бы я не дала тебѣ свои нечистые штаны, то ты не поймалъ-бы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, а теперь ты его не даешь мнѣ. Съ этого времени будь ты безъ моей помощи!» Съ этими словами она выбѣжала на улицу и захлопнула дверь.

Тогда Лобсогаемъ думаетъ, что старшую сестру Енхобой нельзя гнѣвить, надо отдать ей осла; онъ выходитъ на улицу и говоритъ сестрѣ: «Возми неутомимаго осла, паши на немъ землю, но только не отпускай!» Лобсогаемъ отдалъ старшей сестрѣ неутомимаго осла; старшая сестра Енхобой крѣпко привязала неутомимаго осла за желѣзною телегою и поѣхала домой.

Тогда Лобсогаемъ чернаго ворона Хонъ послалъ за сестрой слѣдить: если она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой, то она прямо поѣдетъ домой, а если это кто-нибудь другой, то поѣдетъ по другому направленію; Алма-Моргонъ-хатанъ, узнавъ о посланномъ черномъ воронѣ Хонъ, съ помощію волшебства повернула оба глаза черному ворону Хонъ, а также и языкъ; черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ Лобсогаю обратно и говоритъ, что Енхобой уѣхала прямо домой. Лобсогаемъ послалъ другого чернаго ворона Хонъ слѣдить за ней, но Алма-Моргонъ-хатанъ съ этимъ чернымъ ворономъ Хонъ сдѣлала то же, какъ и съ первымъ. Лобсогаемъ въ третій разъ послалъ еще одного чернаго ворона Хонъ, съ которымъ Алма-Моргонъ-хатанъ сдѣлала то же, что съ первымъ и вторымъ; тогда Лобсогаемъ успокоился, думая, что она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой.

Алма-Моргонъ-хатанъ, отъѣхавъ на трехдневное разстояніе, снова обратилась въ Алма-Моргонъ-хатану и ударила въ правую щеку Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда

онъ началъ блевать чернымъ-черно; потомъ она ударила его въ лѣвую щеку; онъ началъ блевать разнообразными веществами; послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ изъ осла обратился снова въ человѣка; тогда Алма-Моргонъ-хатанъ взяла воды изъ источниковъ девяти ключей и взяла изъ большой тайги верескъ и ими начала мыть Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда только онъ пришелъ вполне въ прежнее состояніе, принялъ настоящій свой видъ и вошелъ въ настоящее тѣло.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхали домой. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ 33 батарами и 300 передовыми войсками сдѣлалъ большой пиръ и веселье; въ первые дни гуляли и веселились у младшей жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, у Алма-Моргонъ-хатаны; потомъ ихъ пригласила къ себѣ средняя жена Абай-Гэхэра, Урма-Гохонъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились, а потомъ ихъ пригласила старшая жена Абай-Гэхэра, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились; на девятый день едва, едва разошлись.

Послѣ этого гулянья и веселья къ Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ приходитъ завистливый дядя Сута-Ноёнъ и говорить ей: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тебя отдалъ мнѣ». Тогда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ кривнула одного батара и сказала ему: «Дядя Сута-Ноёнъ опьянѣлъ, уложите его спать». Одинъ изъ батаровъ увелъ Сута-Ноёна и уложилъ спать. Черезъ нѣкоторое время Сута-Ноёнъ опять приходитъ и говорить то же самое; Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ опять велѣла уложить его спать. Немного погода Сута-Ноёнъ въ третій разъ приходитъ и говорить то же самое. Тогда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ сильно разсердилась на Сута-Ноёна; призвала батаровъ и велѣла имъ побить его хорошенько и выбросить его на улицу. Пришедшіе батары хорошенько побили Сута-Ноёна и выбросили его на улицу, чтобы онъ впередъ не дѣлалъ этого. Сута-Ноёнъ сильно разсердился на Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатану и хотѣлъ отомстить ей.

(Война съ Лобсогоемъ)¹⁾.

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ привезла домой Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и начала его мыть водою, взятою изъ источниковъ девяти ключей, и пихтовою корою, взятою изъ девяти таёгъ, тогда онъ пришелъ въ прежнее состояніе и обратился въ человѣка; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно исхудалъ и истощился и поправился только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Тогда онъ началъ собираться. Вышелъ на вершину горы Мѳрѳнъ-Ула, сдѣлалъ тутъ жертвоприношеніе западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; въ продолженіи девяти дней и ночей молился. Послѣ девяти дней и ночей Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился съ вершины горы Мѳрѳнъ-Ула и пришелъ домой. Здѣсь онъ пригласилъ своихъ 33 батаровъ, 300 передовыхъ войскъ и дядю Сарагаль-Ноёна, и началъ съ

¹⁾ Нѣкоторые буряты рассказываютъ о войнѣ съ Лобсогоемъ вслѣдъ за рассказомъ объ обращеніи Гэхэра въ осла; другіе же говорятъ, что эта война была послѣ.

ними пировать; пировалъ въ продолженіи девяти сутокъ. Послѣ девяти сутокъ разошлись по домамъ. Передъ этимъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ 33 батарамъ, чтобъ они собирались въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ѣхать войною воевать съ Лобсогоемъ. 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, услыхавъ это, сильно обрадовались. Когда прошли три мѣсяца, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ собираться на войну съ Лобсогоемъ; всѣ 33 батара собрались и были готовы. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ, что ему, кромѣ 33 батаровъ, никто не нуженъ; остальные только въ дорогѣ будутъ мѣшать ему. Когда всѣ собрались въ дорогу, Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ: «Я тоже поѣду; вы съ Лобсогоемъ будете воевать, а не знаете всѣхъ волшебствъ и хитростей у трехъ старшихъ Лобсогоевыхъ сестеръ, Енхобой». Алма-Моргонъ-хатанъ осѣдлала своего рыжаго коня, привязала его къ серебряному столбу краснымъ шелковымъ поводомъ и вошла во дворецъ; сплела въ обхватъ черную и длинную косу и приняла прежній дѣвичій видъ; одѣвшись, на дѣла на себя волчанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; потомъ поѣхала съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ и 33 батарами; всѣ они поѣхали прямо въ сѣверо-западную сторону, гдѣ живетъ Лобсогой. Они ѣхали, ѣхали и пріѣхали въ страну Бирдиктынъ, по которой поѣхали далѣе и разсѣкли одну изъ трехъ падей Дибэнь; когда они поѣхали поперекъ самой правой пади Дибэнь, передъ ними поперекъ дороги пробѣжали три дикіе быка. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Эти три дикіе быка, три сестры Лобсогоя; онѣ васъ обманули бы безъ меня; этихъ трехъ быковъ непременно нужно убить и догонять ихъ». Сказавъ это, Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила и убила одного дикаго быка, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выстрѣлилъ и убилъ другого дикаго быка, а за третьимъ дикимъ быкомъ погнались вверхъ по пади Дибэнь; не могли догнать, погнались до вершины пади Дибэнь. Прибѣжавъ на вершину пади Дибэнь, дикій быкъ вбѣжалъ въ одинъ дворецъ и сдѣлался сестрою Лобсогоя, Енхобой; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня и входитъ во дворецъ; только онъ вошелъ во дворецъ, какъ старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, проглотила его.

Проглоченный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, входя внутрь Енхобой, старшей сестры Лобсогоя, взялъ маленькій желтенькій ножикъ, давящій подъ большимъ пальцемъ (эрхэ доро дарама шара хумама) и этимъ ножомъ распоролъ желудокъ у Енхобой и вышелъ изъ ея желудка; потомъ началъ пилить тѣмъ же ножомъ сердце Енхобой. Она начала кричать, стонать и говорить: «Не убей меня, отпусти живой», и давать клятву. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ей: «Укажи жизнь и душу Лобсогоя какъ его убить, тогда отпущу тебя живою».

Старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Братъ мой Лобсогой неумертвимъ и безъ жизни; если раздѣлишь его по кусочку по ртамы пестрой сороки, тогда онъ не умретъ, и если раздѣлишь по кусочкамъ по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда онъ не умретъ, и будетъ живымъ; развѣ только побѣдишь, тогда удержишь его». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выпилилъ сердце у Енхобой и, распоровъ ея брюхо, вышелъ изъ ея утробы. Тогда вмѣстѣ съ Алма-Моргонъ-хатаной они убили старшую сестру Лобсогоя, Енхобой, и тѣло

ея сожгли на кострѣ, оставшіяся кости разбросали на всѣ четыре стороны. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхалъ обратно къ 33 батарамъ; пріѣхавъ, видятъ, что 33 батара двухъ убитыхъ дикихъ быковъ сжигаютъ на огнѣ. Кости этихъ быковъ и оставшіяся пепель разбросали на всѣ четыре стороны.

Поѣхали они далѣе и разсѣкли три пади Дибэнь; ѣдутъ по странѣ Бирдиктынь; въ это время Лобсогой узналъ, что къ нему съ войною пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами. Онъ не медля и торопливо собрался и поѣхалъ на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. На дорогѣ Лобсогой встрѣтился съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ; онъ спрашиваетъ его: «Старше тринадцати хановъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ куда ѣдешь?» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Къ тринадцати ханамъ вредящему, мучителю Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Ёду, живущему въ странѣ Бирдиктынь, старшему мангатхаю Лобсогою, котораго хочу убить». Тогда Лобсогой говоритъ: «Называемый Лобсогоемъ это я; ты меня не убьешь; если раздѣлишь меня по кусочку по ртамы пестрой сороки, тогда я не умру; если раздѣлишь по кусочку по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда я не умру. Я неумертвимъ и безъ жизни, никогда меня не убьешь». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Лобсогою: «Какъ будемъ воевать, силою большого пальца или силою плеча?» Лобсогой говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Силою большого пальца не убьемъ другъ друга, а будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Лобсогой слѣзли съ коней и начали бороться между собою; когда они боролись и воевали силою плеча, они воевали ровно, никто никого не могъ побѣдить; они впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору и назадъ упирались (пинались) ногами и дѣлали большія горы; если бросить къ верблюду, то равнымъ равно воевали, а если бросить къ коню, то дѣйствительно равно воевали. Тогда 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли въ тысячу обхватовъ бѣлую хлопчатобумажную веревку, сдѣлали изъ нея петлю и бросили къ ногамъ Лобсогоя; когда въ этой петлѣ запутались ноги Лобсогоя, 33 батара потянули веревку; веревка на нѣсколько частей разорвалась. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ 33 батарамъ: «Этою веревкою ничего не можете, оставьте!» Потомъ Алма-Моргонъ-хатанъ начинаетъ читать свою книгу, «заяни шара худар» и говоритъ: «Я буду стрѣлять изъ лука стрѣлою въ самыя жизненные мѣста, тогда у Лобсогоя убудеть его волшебства и силы». Алма-Моргонъ-хатанъ начала изъ лука стрѣлять стрѣлою въ самыя жизненные мѣста у Лобсогоя; силы у него постепенно начали убывать и ослабѣвать.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ неумертвимаго Лобсогоя свалилъ на землю и давить его, но никакъ не можетъ убить. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ тащить Лобсогоя по землѣ къ готовой каменной тамѣ въ странѣ Бирдиктынь; одну ногу Лобсогоя привязалъ къ хвосту своего темно-гнѣдаго коня, величиною съ гору, а за другую ногу тащилъ самъ; Алма-Моргонъ-хатанъ въ это время все стрѣляла изъ лука стрѣлою въ Лобсогоя. Такъ Лобсогоя приволокли по землѣ къ каменному тамѣ, бросили его въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ волшебнымъ чернымъ деревомъ

погладилъ сверху и сказалъ: «До окончанія тысячи вѣковъ отсюда не выходи» (минган галаби мултара сара эндэхэн бу гара). Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдоханъ съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ сдѣлалъ каменнаго батара (шунун батар) и приказалъ ему: «До окончанія тысячи вѣковъ этого Лобсогоя не выпускай изъ этой каменнаго тамы, а если будетъ выходить, то сверху бей его по головѣ желѣзнымъ молотомъ!» Онъ далъ этому каменному батару большой желѣзный молотъ, чтобы бить по головѣ Лобсогоя.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдоханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхали къ дворцу Лобсогоя; изъ дворца взяли золото и серебро, и дворецъ сожгли; потомъ весь скотъ Лобсогоя угнали; обратно на пути были во дворцахъ у трехъ старшихъ сестеръ Лобсогоя, Енхобой; изъ дворцовъ сестеръ тоже взяли золото и серебро, а дворцы сожгли. Абай-Гэхэръ-Богдоханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами пріѣхали домой и устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и ночей.

(Вариантъ о войнѣ съ Лобсогоемъ).

Когда Абай-Гэхэръ-Богдоханъ приносилъ жертвоприношеніе пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину, въ то время западные тэнгерины научили Абай-Гэхэръ-Богдохана какъ воевать съ Лобсогоемъ и побѣдить его многочисленное войско. Они научили его слѣдующимъ образомъ: «Когда пріѣдешь въ страну Лобсогоя, то на встрѣчу тебѣ выйдетъ многочисленное войско Лобсогоя; это войско никакъ нельзя побѣдить; всѣ убитые снова встаютъ и воюютъ. Войска Лобсогоя сдѣлапы изъ семидесяти разныхъ цвѣтовъ; потому они непобѣдимы. Встрѣтившись съ нимъ, нужно передъ нимъ сдѣлать свое каменное изображеніе, стрѣляющее изъ лука стрѣлою. Войско Лобсогоя, пріѣхавъ, начнетъ стрѣлять въ это твое каменное изображеніе; въ это время нужно зайти сзади и тамъ оторвать цвѣтокъ (разскащикъ не зналъ названія цвѣтка и также подробностей этого разсказа), тогда это войско Лобсогоя вдругъ исчезнетъ и будетъ такимъ образомъ побѣждено. Послѣ этого пріѣдетъ самъ Лобсогой и будетъ бороться съ твоимъ каменнымъ изображеніемъ и устанетъ». Такъ научили западные тэнгерины Абай-Гэхэръ-Богдохана.

Послѣ жертвоприношенія Абай-Гэхэръ-Богдоханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхалъ къ Лобсогою; когда они пріѣхали въ страну Лобсогоя, многочисленное войско Лобсогоя выѣхало на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдохану и хотѣло воевать съ нимъ. Абай-Гэхэръ-Богдоханъ и Алма-Моргонъ-хатана, съ помощію своихъ волшебствъ, сдѣлали свои каменные изображенія, сидящія на лошадахъ и стрѣляющія стрѣлами изъ лука. Когда пріѣхало многочисленное войско Лобсогоя, то оно начало стрѣлять изъ лука стрѣлами и рубить каменные изображенія Абай-Гэхэръ-Богдохана и Алма-Моргонъ-хатаны; въ это самое время Абай-Гэхэръ-Богдоханъ подѣхалъ сзади этого многочисленнаго войска и оторвалъ ука-

занный цвѣтокъ; въ это время все многочисленное войско Лобсогоя исчезло. Послѣ этого пріѣхалъ самъ Лобсогой, который тоже, не зная, началъ стрѣлять и рубить каменное изображеніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и Алма-Морюнъ-хатаны и наконецъ началъ бороться; въ этой борьбѣ Лобсогой сильно утомился; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вышелъ и побѣдилъ Лобсогоя ¹⁾).

Завистливый дядя Сута-Ноёнъ во чтобы то ни стало хотѣлъ отомстить Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ; для этого онъ обратился къ восточнымъ альбиномъ. Завистливый дядя Сута-Ноёнъ закололъ чернаго барана, кровь и немного мяса отъ него взялъ съ собою и поѣхалъ въ страну альбиновъ просить совѣта у нихъ, какъ отомстить Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ, которая не согласилась на его предложеніе и велѣла повололтъ его и выбросить на улицу. Когда завистливый дядя Сута-Ноёнъ пріѣхалъ въ страну альбиновъ, на альбинскую степь, гдѣ находится альбинъ-тама, около отверстія этого тама онъ остановился и началъ призывать альбиновъ, бросая привезенное мясо въ альбинъ-тама. Онъ призывалъ ихъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но альбины къ нему не приходили; тогда онъ призывалъ еще въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины и тогда не явились; онъ еще призывалъ въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины, какъ и прежде, не явились ему; тогда завистливый Сута-Ноёнъ разсердился на альбиновъ; оставшееся мясо выбросилъ въ альбина-тама и говоритъ: «Развѣ присуждено альбинскимъ альбинамъ погибнуть и альбинъ-тамѣ наполниться!»

Тогда изъ альбинъ-тама выскочили четыре альбина, которые хотѣли завистливаго Сута-Ноёна разорвать на четыре части. Завистливый Сута-Ноёнъ говоритъ четыремъ альбинамъ: «Постойте, у колотаго животнаго кровь пускаютъ и у умирающаго человѣка спрашиваютъ слова его!» Альбинскіе альбины спрашиваютъ: «Что тебѣ нужно и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?» Завистливый дядя Сута-Ноёнъ рассказываетъ причину своего пріѣзда, и проситъ совѣта отъ четырехъ альбиновъ, какъ отомстить старшей женѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ. Тогда четыре альбина дали завистливому Сута-Ноёну три щепотки черной земли и говорятъ: «Когда пріѣдешь домой, то заколи три черныхъ барана, въ кровь ихъ положи эту черную землю, а кровь налей въ желудки барановъ; послѣ этого три желудка, налитые кровью, положи въ унты, а одинъ желудокъ привяжи къ шубѣ; когда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ второпяхъ надѣнетъ унты и шубу, то кровь выльется на землю и потечетъ въ очагъ; тогда ты отомстишь Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ».

Завистливый Сута-Ноёнъ, взявши три щепотки черной земли отъ четырехъ альбиновъ, пріѣхалъ обратно домой; по пріѣздѣ закололъ трехъ черныхъ барановъ и взялъ отъ нихъ кровь, во взятую кровь высыпалъ три щепотки черной земли; потомъ кровь влилъ въ три желудка; послѣ этого ночью, когда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-

¹⁾ По словамъ бурятъ, это каменное изображеніе есть въ Тибетѣ.

хатана легла спать, завистливый Сута-Ноёнъ потихоньку вошелъ въ бѣло-серебряный дворецъ и два желудка крови положилъ въ унты, а одинъ желудокъ съ кровью привязалъ къ воротнику шубы и самъ вышелъ на улицу. Потомъ Сута-Ноёнъ нарочно отпустилъ сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя мимо дворца: «Сто красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана разбудилась и говоритъ: «Не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать». И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Двѣсти красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана пробудилась и говоритъ то же, что не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать. И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Триста красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ пробудилась и встаетъ; она беретъ свои унты, надѣваетъ на ноги и беретъ шубу, надѣваетъ на себя; въ это время пролилась кровь изъ трехъ желудковъ и течетъ въ очагъ; кровь, попавши въ очагъ, сгорѣла въ огнѣ, а паръ и запахъ отъ крови выходитъ черезъ отверстіе дворца на улицу; образовался желтый туманъ и пошелъ по направленію къ вершинѣ большой пади Хатанъ.

Этотъ желтый туманъ достигъ до вершины большой пади Хатанъ, черезъ отверстіе бѣло-серебрянаго дворца, вошелъ во дворецъ и Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во время сна вдохнулъ этотъ желтый туманъ въ себя черезъ носъ; желтый туманъ, обратившись въ желтую болѣзнь, втянулся въ мозгъ его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ утромъ всталъ съ сильной головою болью; захворалъ и легъ на постель. Сильно заболѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ къ тремъ ламамъ Соржи спросить, отчего онъ заболѣлъ. Посланный пріѣхалъ къ тремъ ламамъ Соржи ¹⁾ и спросилъ, отчего заболѣлъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Три ламы Соржи открыли большое и бѣлое священное писаніе, и видятъ въ немъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ заболѣлъ отъ своей старшей прекрасной жены Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; если не выгнать ее къ злу и несчастію, то не выздоровѣетъ, а умретъ. Посланный пріѣхалъ и передалъ слова трехъ ламъ Соржи Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, а тотъ сказалъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга не прогоню къ злу и несчастію и лучше умру!»

Эти слова Абай-Гэхэръ-Богдо-хана донесли до Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаны; услышавъ ихъ, она сказала: «Чѣмъ погубить съ гору большого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, лучше уйду я. И въ чужбинѣ много дѣвицъ!» Съ этими словами украдкой начала собираться Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; она нарочно напоила до пьяна 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы они не замѣтили ея поѣздки. Напивъ ихъ, она уѣхала прямо къ востоку; 33 батара, узнавши что она поѣхала, жалѣя и любя ее, поѣхали за ней. Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ начала упрашивать 33 батаровъ возвратиться домой. Тридцать три батара отвѣтили ей: «Куда поѣдешь

¹⁾ Иные говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ спрашивать на небо.

ты, мы поѣдемъ туда и гдѣ будешь жить и мы будемъ жить тамъ». Тогда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ оторвала и разбросала маржаны съ одного ожерелья и сказала: «Наполните одинъ лугъ!» Маржаны съ этого ожерелья наполнили одинъ лугъ; потомъ она оторвала и разбросала маржаны съ другого ожерелья, эти маржаны тоже наполнили одинъ лугъ; тогда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ попросила 33 батаровъ собрать эти разбросанные маржаны. Тридцать три батара, всѣ пьяные, начали собирать эти разбросанные маржаны на двухъ лугахъ. Въ это время, пока 33 батара собирали разбросанные маржаны, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ незамѣтно уѣхала далѣе; она ѣхала, ѣхала и пріѣхала на Шажатыйскую степь; проѣхавъ ее, она пріѣхала на Хэрэтуйскую степь; проѣхавъ и эту, наконецъ пріѣхала въ страну мангатхаевъ, гдѣ ее встрѣтилъ пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай; встрѣтивши ее, говоритъ ей: «Хорошій человекъ по желанію и сама пріѣхала?»

Тогда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Абай-Гэхэръ-Богдо-хана считая еще малымъ и глупымъ, а пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая считая красивымъ и умнымъ, сама пріѣхала къ тебѣ».

Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ слова Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатаны, сильно обрадовался; нѣкоторыя головы его начали смѣяться, другія говорили, прочія начали пѣть пѣсни и рассказывать сказки.

Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ, смотря на пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, улыбалась, а отвернувшись плакала. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай съ Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатаной пріѣхалъ домой и сталъ съ ней жить.

Послѣ того какъ Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ уѣхала въ страну мангатхаевъ, черезъ нѣкоторое время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выздоровѣлъ совсѣмъ отъ болѣзни; послѣ выздоровленія онъ началъ собираться ѣхать за Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатаной, чтобы привезти ее обратно домой. Онъ говорилъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатану привезу обратно домой». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на коня, поѣхалъ прямо къ востоку въ страну мангатхаевъ; онъ долго ѣхалъ, ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ въ страну мангатхаевъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій пометъ сталъ кипѣть, а самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обратился въ двухъ маленькхъ мальчиковъ, которые стрѣляли въ мѣту.

Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай говоритъ своей женѣ Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Это жаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ скоро пріѣдетъ; я теперь пойду купаться въ желтое море». Онъ ушелъ къ желтому морю, и купается въ немъ; въ это время къ желтому морю приходятъ два мальчика и между собою спорятъ; одинъ говоритъ: «я буду впередъ стрѣлять въ мѣту», а другой говоритъ: «нѣтъ я». А купавшійся пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ ихъ споры и говоритъ имъ: «Попадайте въ мой указательный палецъ! кто попадетъ, тотъ будетъ хорошій мальчикъ!» Эти два мальчика говорятъ ему: «Наши стрѣлы не вѣрно летаютъ; мы боимся, что попадемъ въ ваши головы». Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-Мангатхай поднялъ вверхъ указательный палецъ и говоритъ мальчикамъ: «Стрѣляйте».

Одинъ изъ мальчиковъ прямо намѣтился въ самый срединный бѣлый глазъ и выстрѣлилъ; стрѣла Абай-Гэхэръ-Богдо-хана прямо попала въ самый срединный и бѣлый глазъ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая; онъ схватился за средній глазъ, выбѣжалъ изъ воды и хотѣлъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ, но они разбѣжались; никакъ не могъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ. Послѣ этого пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай прибѣжалъ домой и говоритъ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Жена, жена! смотри-ка въ самый средній и бѣлый глазъ, въ который выстрѣлили стрѣлою два мальчика; достань-ка ихъ стрѣлу! она тамъ сидитъ». Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ посмотрѣла въ самый средній и бѣлый глазъ и видитъ стрѣлу Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; она эту стрѣлу еще задвинула далѣе. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай пуще прежняго началъ охать и кричать; боль не даетъ дотрогиваться до глаза. Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Трудно достать стрѣлу, которая далеко ушла; нужно твои руки и ноги привязать бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ; тогда только можно достать». Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай согласился, чтобы его привязали бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ. Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ взяла бѣлую хлопчато-бумажную веревку въ тысячу обхватовъ, крѣпко привязала ею ноги и руки пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, а потомъ призываетъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ входитъ въ домъ мангатхая и вырубаетъ ему всѣ пятнадцать головъ; пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай умеръ; его вытащили на улицу и сожгли на костре; оставшійся пепелъ и кости разбросали на всѣ стороны.

Послѣ этого Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ своего мужа Абай-Гэхэръ-Богдо-хана накормила одуряющею пищею; съѣвъ ее, онъ одурѣлъ; съ нимъ сдѣлалось умопомраченіе и онъ позабылъ ѣхать обратно домой; и жилъ въ домѣ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая съ своею Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаною долгое время.

Въ то время, когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находился въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной, которая кормила его одуряющею пищею, на южной сторонѣ живущіе три царя—Шарабуловы, старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, средній царь Шара-Гэрэлтэ-ханъ и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ, имѣющіе многотысячныхъ какъ земля, многочисленныхъ, подданныхъ, задумали женить своего младшаго царя Хара-Гэрэлтэ-хана, который не былъ женатъ. Для этого послали посломъ чернаго ворона Хонъ, облетать всю землю и разыскать самую красивую женщину на свѣтѣ, на которой бы могъ жениться Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланный тремя царями Шарабуловыми черный воронъ Хонъ, облетая всю землю и разыскивая самую красивую женщину, прилетѣлъ въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго была очень красивая дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха; она играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ; увидѣлъ это, посланный черный воронъ Хонъ и полетѣлъ въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; прилетѣвъ сюда, онъ началъ

поправляться отъ сильной усталости; въ это время увидѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-Абахай, которая выходила изъ бѣло-серебряннаго дворца и опять обратно входила во дворець. Этого посланнаго чернаго ворона Хонъ увидѣлъ дядя Сарагалъ-Ноёнъ; онъ приходитъ къ тридцати тремъ батарамъ и говоритъ имъ: «У насъ летаетъ черный воронъ Хонъ, у котораго ногти отъ ходьбы притупились и крылья отъ летанія износились; этотъ воронъ посланная птица, ее нужно убить». Черный воронъ Хонъ, узнавъ объ этомъ, поскорѣе улетѣлъ въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ; а 33 батара не могли разыскать этого ворона, чтобы убить его.

Посланный черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ имъ: «Я облетѣлъ всю землю и видѣлъ всѣхъ красивыхъ женщинъ; дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-сэсэкъ-Абаха очень красива собою, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что не хорошо для царской дочери; кромѣ того видѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай, красивѣе которой не видалъ женщинъ; когда она ходитъ, то тѣло просвѣчивается сквозъ платья и сквозъ мясо просвѣчиваются кости; такой красивой женщины не видалъ на этой землѣ. А самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмонъ-Жаргаланъ-хатаной, которая окормила его одуряющею пищею и онъ позабылъ возвратиться домой». Тогда три царя Шарабуловы не повѣрили словамъ чернаго ворона Хонъ, а послали другого посла, черную птицу Дибэнь-хара, которой поручили облетать всю землю и высмотрѣть очень красивыхъ женщинъ, нѣтъ ли такой, на которой бы могъ жениться младшій царь Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланная птица Дибэнь-хара полетѣла вокругъ земли и долго летала съ одного мѣста на другое, прилетѣла въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго увидѣла его дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха, которая опять играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ. Послѣ этого птица Дибэнь-хара полетѣла въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; когда прилетѣла въ большую падь Хатанъ, то сѣла на бѣло-серебрянный дворець жены Урма-Гохонъ-Абахай. Когда эта птица Дибэнь-хара сѣла на дворець, то концы обонхъ крыльевъ хватали до земли. Урма-Гохонъ-Абахай сильно удивилась, откуда могла прилетѣть такая большая и черная птица; когда узнали 33 батара, они прибѣжали стрѣлять эту неизвѣстную птицу. Птица Дибэнь-хара полетѣла по направленію въ царству трехъ царей Шарабуловыхъ. Одинъ изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана вслѣдъ за птицей Дибэнь-хара выстрѣлилъ стрѣлою, которая будто попала въ эту птицу, но ничего не было видно; тогда поѣхали посмотреть; видятъ, что стрѣла попала въ одно перо въ крылѣ и отсѣкла его. Это перо едва, едва привезли домой на телегѣ на трехъ лошадяхъ.

Птица Дибэнь-хара прилетѣла въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ, начала кружиться надъ царскими дворцами и не садится. Тогда три царя Шарабуловы закололи домашнихъ животныхъ, и мясо ихъ выбросили на улицу, чтобы птица Дибэнь-хара спустилась и поѣла мяса; но птица Дибэнь-хара не спустилась, а все кружилась вверху. Тогда три царя Шарабуловы опять закололи раз-

ныхъ звѣрей и мясо ихъ выбросили на улицу для птицы Дибѣнь-хара; но птица все-таки не спускается внизъ, и все кружится вверху. Наконецъ три царя Шарабуловы, видя, что птица Дибѣнь-хара не спускается внизъ, убили человѣка и мясо его выбросили на улицу; птица Дибѣнь-хара спустилась внизъ, сѣла на человѣческое мясо и начала его ѣсть. Когда птица Дибѣнь-хара наѣлась до сыта, она говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Я облетѣла всю землю и сильно устала; кромѣ того меня чуть-чуть не убили 33 батара Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана. Дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-Сѣсѣкъ-Абаха, очень красива, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что для царской дочери не хорошо; кромѣ того я видѣла среднюю прекрасную жену Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай; красивѣе ея я не видала женщинъ на этой землѣ, а самого Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана дома нѣтъ, онъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тѣмонъ-Жаргаланъ-хатаной.

Послѣ этого два царя Шара-Гѣрѣлтѣ-ханъ и Хара-Гѣрѣлтѣ-ханъ начали собираться идти съ войскомъ за Урма-Гохонъ-Абахай, чтобы привести ее и женить на ней Хара-Гѣрѣлтѣ-хана. Саганъ-Гѣрѣлтѣ-ханъ не согласился идти съ войскомъ на Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана, боясь, что онъ всѣхъ троихъ ихъ побѣдитъ и убьетъ; онъ говорилъ своимъ братьямъ: «Идти войной на Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана очень опасно и онъ непобѣдимъ на этой землѣ». Не смотря на это, два брата Шара-Гѣрѣлтѣ-ханъ и Хара-Гѣрѣлтѣ-ханъ, каждый изъ нихъ, собрали по десяти тысячъ войска и поѣхали за Урма-Гохонъ-Абахай. Этими войсками предводительствовалъ Хурѣ-Хара-батаръ, имѣющій человѣческую кровь питьемъ. Саганъ-Гѣрѣлтѣ-ханъ не послалъ войска. Передъ отъѣздомъ Хара-Гѣрѣлтѣ-ханъ три раза противъ солнца махнулъ верховымъ ¹⁾ на подданныхъ Саганъ-Гѣрѣлтѣ-хана, говоря: «Пусть каждый день умираетъ по сту человѣкъ и по сту коней». Съ этого времени подданные Саганъ-Гѣрѣлтѣ-хана начали умирать по сту человѣкъ и по сту коней каждый день. Тогда Саганъ-Гѣрѣлтѣ-ханъ собралъ десять тысячъ войска и послалъ подъ предводительствомъ Ута-Мангила-батара вслѣдъ за своими братьями, которые поѣхали отбивать Урма-Гохонъ-Абахай. Съ этого времени у Саганъ-Гѣрѣлтѣ-хана перестали умирать каждый день по сту человѣкъ и по сту коней.

Два царя Шарабуловы, Шара-Гѣрѣлтѣ-ханъ и Хара-Гѣрѣлтѣ-ханъ, съ тремястами тысячъ войска, подъ предводительствомъ Хурѣ-Хара-батара и Ута-Мангила-батара, ѣхали, ѣхали и доѣхали до царства Абай-Гѣхѣрь-Богдо-хана. Въ это время пятнадцатилѣтній Эрхѣ-Анзанъ-батаръ игралъ, перескакивая съ горы на гору и увидалъ трехсоттысячное войско двухъ царей Шарабуловыхъ. Увидавши такое множество войска, Эрхѣ-Анзанъ-батаръ сильно удивился и думаетъ, откуда могло придти такое множество войска. Потомъ онъ смотритъ черезъ верховой кнутъ, войско въ кнутъ не помѣщается; тогда вынулъ лукъ и смотритъ въ лукъ, но войско и въ лукъ не помѣщается. Эрхѣ-Анзанъ-батаръ говоритъ: «Приходящее войско надо встрѣчать и уходящее надо провожать». Съ этими словами Эрхѣ-Анзанъ-батаръ спустился съ

¹⁾ Кнутомъ? Въ рукописи г. Хангалова повидимому тутъ пропускъ. Г. П.
II.

горы, подъѣхалъ къ войскамъ трехъ царей Шарабуловыхъ и началъ въ нихъ стрѣлять стрѣлою: одинъ разъ выстрѣлилъ—повалилъ сто человѣкъ, два раза выстрѣлилъ—повалилъ двѣсти человѣкъ. Въ это время къ нему подъѣзжаетъ Ута-Мангила-батаръ и говоритъ: «Мы поѣхали войною не къ вамъ, а къ Шахага-Номонъ-хану. Ты зачѣмъ насъ убиваешь? Лучше стрѣлай, вонъ за тобой летаютъ пять лебедей».

Тогда Эрхэ-Анзанъ-батаръ повернулся посмотреть на этихъ пять лебедей; въ это время Ута-Мангила-батаръ насквозь прострѣлилъ стрѣлою Эрхэ-Анзанъ-батара. Падая съ коня, онъ схватилъ прилетѣвшую стрѣлу и говоритъ: «Ихъѣнцѣ остріе не знаютъ своихъ хозяевъ!» Съ этими словами онъ выстрѣлилъ въ Ута-Мангила-батара; батаръ на конѣ побѣжалъ отъ стрѣлы; онъ прятался отъ стрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и за горами, стрѣла гналась за нимъ и начала догонять; тогда онъ вѣхалъ въ средину своего многочисленнаго войска, обратился въ древесный пенекъ, засохшій семьдесятъ лѣтъ назадъ; стрѣла начала кружиться надъ многочисленнымъ войскомъ и наконецъ нашла Ута-Мангила-батара, обратившагося древеснымъ пнемъ; она упала на него и раздробила на мелкіе куски, такъ что нельзя было сдѣлать лучины. Такимъ образомъ Ута-Мангилай-батаръ умеръ.

Эрхэ-Анзанъ-батаръ, упавши съ коня, лежалъ въ продолженіи трехъ сутокъ едва живой на степи; въ это время около него пролетѣла пестрая сорока, которую онъ просилъ слетать къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказать имъ, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи прострѣленный насквозь. Пестрая сорока говоритъ, что ей некогда слетать, она летитъ въ гнѣздо нести яйца. Эрхэ-Анзанъ-батаръ проклялъ пеструю сороку, говоря: «Всегда гнѣздись на кустахъ и гнѣздо твое пусть постоянно раззоряютъ маленькія дѣти и птицы» ¹⁾. Потомъ около Эрхэ-Анзанъ-батара леталъ черный воронъ; батаръ просилъ ворона сказать прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи прострѣленный насквозь. Черный воронъ, по словамъ его, прилетѣлъ къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказалъ: «Къ вамъ пришло множество войска, а Эрхэ-Анзанъ-батаръ лежитъ на степи прострѣленный, чуть живой.» Когда отъ чернаго ворона услышали это всѣ остальные батары Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, они поскорѣе собрались и пріѣхали на мѣсто войны, гдѣ и нашли лежащаго Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ былъ еще живой. По пріѣздѣ Хугэль-Эмши-батаръ большимъ пальцемъ выгнѣчилъ, а мизинцемъ изгнѣчилъ Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Послѣ этого всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взошли на одну высокую гору и остановились на вершинѣ ея противъ многочисленнаго войска трехъ царей Шарабуловыхъ; оттуда они поочередно спускались къ непріятельскимъ войскамъ, одинъ разъ выстрѣливъ, валили по сту человѣкъ, два раза выстрѣливъ, валили по двѣсти человѣкъ; послѣ этого изъ непріятельскаго стана они угнали сто лучшихъ ло-

¹⁾ Вслѣдствіе этого проклятія нинѣ сороки гнѣздятся на кустахъ, и гнѣзда ихъ раззоряютъ и дѣти и птицы.

шадей; пригнавъ ихъ на вершину горы, кололи ихъ, мясо дѣлили между собою и ѣли, а завистливый Сута-Ноёнъ свой пай спряталъ подъ ногой и говоритъ, что ему не достало; впоследствии это обнаружилось. Такимъ образомъ каждый разъ батареи спускались съ горы на неприятелей, убивали ихъ и угоняли по сту лучшихъ лошадей, кололи ихъ и мясо между собой дѣлили. Наконецъ пришла очередь завистливаго Сута-Ноёна; онъ спустился, укралъ у неприятеля сто лошадей топчихъ и хромыхъ и гонитъ ихъ; неприятели, узнавши, погнались за завистливымъ Сута-Ноёномъ и начали догонять его; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору барсука; оттуда его выгнали и погнались за нимъ, опять начали догонять; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору тарбагана ¹⁾; его поймали неприятели и начали жестоко бить. Сута-Ноёнъ говоритъ имъ: «Не бейте меня, я укажу вамъ, какъ побѣдить тридцать трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; иначе вы ихъ не побѣдите, они всѣхъ васъ убьютъ; они никогда не устаютъ; кромѣ того, если будете колоть, то они безъ крови и если будете стрѣлять стрѣлою, то они безъ жизни; такихъ людей не побѣдите, хотя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана дома нѣтъ; если вы мнѣ дадите сто лошадей сухихъ и хромыхъ, то я ихъ погоню и скажу имъ, что вы испугались ихъ и ушли домой; тогда они возвратятся домой, будутъ гулять и веселиться и напьются пьяными; тогда вы придете, пьяныхъ убьете и возьмете съ собой Урма-Гохонъ-хатану, а теперь спрячьтесь куда нибудь».

Тогда неприятели отпустили завистливаго Сута-Ноёна, дали ему сто сухихъ и хромыхъ лошадей. Сута-Ноёнъ этихъ сто сухихъ и хромыхъ лошадей пригналъ на вершину горы къ тридцати тремъ батареямъ и говоритъ имъ, что онъ пригналъ свой пай; всѣ неприятели, испугавшись ихъ, ушли, а онъ собралъ оставленныхъ неприятелями сухихъ и хромыхъ сто лошадей.

Тогда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана повѣрили словамъ завистливаго Сута-Ноёна и пріѣхали домой, начали гулять и веселиться съ радости, что они прогнали неприятельскія войска, и напились пьяными. Когда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана напились пьяными, въ это время многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ пришло и окружило три раза бѣло-серебряный дворецъ Урмай-Гохонъ-Абахай; тридцать три пьяные батара сѣли на коней и начали воевать съ неприятелями. Когда стрѣляли изъ лука стрѣлою, то дѣлали дорогу и когда, сильно натянувши, стрѣляли, то дѣлали просторно, а нѣкоторые саблями рубили на обѣ стороны; въ одну сторону махали, сто человекъ валили, въ другую сторону махали, другихъ двѣсти человекъ валили; такимъ образомъ убивали множество людей, кровь текла ручьемъ и изъ мяса образовались бугры; во время этой войны тридцати тремъ батареямъ захотѣлось пить воды, но такъ какъ они были пьяны, то по ошибкѣ выпили кровь убитыхъ людей и, сдѣлавшись нечистыми, упали, обратясь въ большіе черные камни. Тогда младшая прекрасная жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Алма-Моргонъ-хатанъ, начала стрѣлять въ неприятелей; когда она стрѣляла изъ лука стрѣлою, то дѣлала большую дорогу, и когда,

¹⁾ Сурва.

сильно натянувши лукъ, стрѣляла, то дѣлала большой просторъ; Алма-Моргонъ-хатанъ долго стрѣляла и убила множество непріятельскихъ войскъ, кровь людей текла ручьями и изъ мяса людей образовались бугры. Алма-Моргонъ-хатанъ не могла прикончить многочисленное войско непріятелей и наконецъ сѣла на тонкаго рыжаго коня и убѣжала отъ непріятелей, вскочила въ желтое море и ушла къ своему отцу Уха-Лобсонъ-хану.

Послѣ этого непріятельское войско окружило дворецъ Урма-Гохонъ-Абахай, которая вооружилась саблею и стала около двери; всѣхъ входившихъ разрубала пополамъ; никакъ не могли поймать ее; въ это время приходитъ завистливый Сута-Ноёнъ и говоритъ непріятелямъ: «Вы сразу бросайтесь помногу людей во дворецъ, не успѣть всѣхъ васъ разрубить пополамъ, а если такъ будете, то она всѣхъ васъ вырубить». Тогда непріятели сразу бросились во дворецъ толпой, Урма-Гохонъ-Абахай не успѣла всѣхъ разрубить пополамъ; тогда её поймали. Когда поймали Урма-Гохонъ-Абахай, посадили ее въ желѣзную телегу, запряженную тремя черными иноходцами и увезли. Изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Эрхэ-Анзанъ-батара, напившись человѣческой крови и сдѣлавшись нечистымъ, поползъ къ желтому морю пить воду; въ это время ему отрубили голову, и взяли ее съ собою. Когда непріятели ѣхали обратно домой, то голову Эрхэ-Анзанъ-батара воткнули на копьё и играли ею. На пути Урма-Гохонъ-Абахай проситъ голову Эрхэ-Анзанъ-батара посмотрѣть; она сказала имъ: «Одной сидѣть на долгомъ пути скучно; отъ скуки я буду играть головою Эрхэ-Анзанъ-батара». Тогда ей отдали голову Эрхэ-Анзанъ-батара. Урма-Гохонъ-Абахай, взявши голову Эрхэ-Анзанъ-батара, говоритъ: «Подымись на верхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, къ старшему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину и упади на крыльцо у бабушки Манзанъ-Г'ёрмё». Съ этими словами она бросила вверхъ голову пятнадцатилѣтняго Эрхэ-Анзанъ-батара; голова поднялась вверхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ къ старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасу, и упала на крыльцо у бабушки Манзанъ-Г'ёрмё.

Когда два царя Шарабуловы, Шара-Гэрэлтэ- и Хара-Гэрэлтэ-ханы съ своими многочисленными войсками увезли Урма-Гохонъ-Абахай, дядя Сарагалъ-Ноёнъ пѣлъ пѣсню:

По русски.

Гэхэр Богдо Хани
Гэртэ угэгин яхаби,
Мангатхани уранда орожи
Эрью тэнэк болхон
Иде идехэши яхаби.
Гушан гурбан батари
Хоктуражи унаха яхаби,
Алма-Моргон Хатани
Алба угэгин яхаби,
Шарабали гурбан хадуги
Унэр багин яхаби.
Урма-Гохон хатани
Хайн хахон яхаби,

Гэхэръ-Богдо-хана
Дома не было—что подѣлаешь?—
Уѣхавши въ страну мангатхаевъ,
Сдѣлался дуракомъ и глупцомъ,
Съѣвши пищу—что подѣлаешь?—
Тридцать три батара
Упали пьяными—что подѣлаешь?
Алма-Моргонъ-хатана
Не податная—что подѣлаешь?
У трехъ царей Шарабуловыхъ
Множество богатства—что подѣлаешь?
Урма-Гохонъ-хатана
Хороша и красива—что подѣлаешь?

нижнюю землю; подъѣзжаетъ къ бѣло-серебрянному дворцу Ухай-Лобсонъ-хана; на улицу изъ дворца выходитъ его маленькій сынъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ его: «Что дѣлаетъ твоя мать?» Мальчикъ отвѣтилъ своему отцу, что мать его борется съ какимъ-то чернымъ и кривымъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему сыну: «Если твоя мать выйдетъ и спроситъ, куда я поѣхалъ, покажи къ югу, и если еще спроситъ, то покажи къ востоку». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во весь махъ помчался къ сѣверу. Немного погодя изъ дворца выбѣгаетъ Алма-Моргонъ-хатанъ съ лукомъ и стрѣлою и спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ югу. Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ югу, не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она второй разъ спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ востоку; Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ востоку; тоже не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она смотритъ къ западу; тамъ тоже не видно его и наконецъ она смотритъ къ сѣверу, и видитъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ перескочилъ черезъ одну высокую гору; въ это время Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣла ея попала въ красную кисть на его шапкѣ и отсѣкла ее. Тогда она разсердилась пуще прежняго и говоритъ: «Если не попала въ величину съ гору Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, то пусть всѣ женщины съ этого времени не стрѣляютъ изъ лука стрѣлою; которая будетъ стрѣлять, у той пусть отсѣчется большой палецъ и плечи ¹⁾». Потомъ она разломала лукъ и стрѣлы и бросила, а своего сына за то, что онъ показалъ не вѣрно, разорвавъ пополамъ на двѣ части, бросила привязаннымъ льву и медвѣдю, которые его и съѣли.

Когда у Алмы-Моргонъ-хатаны прошелъ гнѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ возвратился къ ней и они помирились; но сына уже не могли воскресить, такъ какъ левъ и медвѣдь съѣли его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной поднялись на верхнюю землю и пріѣхали домой. Алма-Моргонъ-хатана стала жить въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ на вершинѣ большой пади Хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Чей сынъ чужое похищаетъ и уводитъ? какой человѣкъ долженъ терпѣть похищеніе и уводъ и сидитъ дома?» Такъ говоря, собирался въ путь Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; онъ надѣлъ на себя три доспѣха, все нужное оружіе навѣсилъ на себя; съ гору величиною темно-гнѣдого коня осѣдлалъ чисто серебрянымъ сѣдломъ, подложивъ шелковый потникъ. Потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ къ дядѣ Сута-Ноёну. Пріѣхавъ къ дядѣ, онъ, стоя на улицѣ, крикнулъ: «Выходи сюда!»

Тогда дядя Сута-Ноёнъ, испугавшись Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, спрятался подъ кроватью. Стряпка его кричитъ: «Дядя ушелъ въ падь кровати, совсѣмъ его не видно». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ подъ кровати и стряпку свою ударилъ одинъ разъ, а потомъ спрятался за баранами ²⁾. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять зоветъ

¹⁾ Вслѣдствіе этого нынѣ, по словамъ бурятъ, женщины изъ лука не стрѣляютъ; а прежде стрѣляли изъ лука наравнѣ съ мужчинами.

²⁾ Баранами у нынѣшнихъ балаганскихъ бурятъ называются деревянныя подстановки, на которыхъ кладутъ ящики и сундуки.

дядю Сута-Ноёна: «Выходи сюда!» Стряпка Сута-Ноёна кричить: «Дядя ушелъ въ падь баранную и совсѣмъ его не видать». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ барановъ; опять стряпку свою ударилъ одинъ разъ и спрятался въ башалакъ¹⁾).

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязалъ его и входитъ въ юрту, подходитъ къ башалаку, садится на немъ. Дядя Сута-Ноёнъ не могъ выдержатъ; ему стало больно; онъ началъ шевелиться и кряхтѣть. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто испугался, вскочилъ на ноги и говоритъ «Не зналъ! не найдя на чемъ садиться, слѣзъ на своего дядю!» Дядя Сута-Ноёнъ вышелъ изъ башалака.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему дядѣ Сута-Ноёну: «Вду воевать съ тремя царями Шарабуловыми, пріѣхалъ за тобою, дядя!»

Дядя Сута-Ноёнъ говоритъ: «сказанное правда, вздумано подходящее». Съ этими словами дядя Сута-Ноёнъ началъ собираться; повѣсилъ на себя свой ножикъ, съ глухаринными перьями стрѣлы воткнулъ въ хадакъ²⁾ и надѣлъ на себя; изъ шкуръ козульихъ доху надѣлъ на себя; сѣвъ на сиваго жеребца, поѣхалъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ на южную сторону къ тремъ царямъ Шарабуловымъ, а дядя Сута-Ноёнъ ѣдетъ за нимъ. Они ѣхали и ѣхали; потихоньку ѣхали, величиною съ чашки землю выбрасывали назадъ копытами лошадей; скоро, скоро ѣхали, величиною съ корзины землю выбрасывали назадъ копытами. Поѣхали далѣе по одной большой пади; во время этой ѣзды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тринадцать своихъ волшебствъ заставилъ на ладони бѣгать и двадцать три волшебства заставилъ бѣгать на пальцахъ; съ помощію этихъ волшебствъ величиною съ быка черный камень обратилъ въ козулье мясо и бросилъ на дорогѣ впереди; мимо этого мяса Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавши, дядя Сута-Ноёнъ увидѣлъ мясо и кричитъ: «На дорогѣ лежитъ козулье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ему: «Возьми! на долгій путь пригодится тебѣ поѣсть, хорошій харчъ нашелся». Дядя Сута-Ноёнъ, соскочивъ съ коня, поднялъ козулье мясо, и привязалъ къ сѣдлу; сильно обрадовался и поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ овцу черный камень обратилъ въ заячье мясо и бросилъ впереди на дорогѣ: опять проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши это мясо, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ заячье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Возьми, на дальній путь пригодится тебѣ поѣсть! хорошій харчъ нашелся!». Дядя Сута-Ноёнъ, сильно обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ мясо и привязалъ къ сѣдлу; послѣ этого, сѣвъ на коня, поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ жеребенка черный камень обратилъ въ кисть, которую носила на шеѣ лошадь Урма-Гохонъ-хатаны и бросилъ впереди на дорогѣ; опять онъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши эту кисть, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ кисть съ коня Урма-Гохонъ-

¹⁾ Башалакъ—кожаный мѣшокъ.

²⁾ Хадакъ побуртени калчанъ.

хатаны». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говорить: «Прежде ѣхавши, потеряла ее; возьми эту кисть, отнесешь ей!» Дядя Сута-Ноёнъ, обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ эту кисть и привязалъ къ сѣдлу.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говорить дядѣ Сута-Ноёну: «Эту кисть отвези обратно невѣстѣ своей, Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ». Онъ слѣзъ съ коня, подходитъ къ коню дяди Сута-Ноёну и говорить дядѣ: «Всѣ эти вещи ты по дорогѣ потеряешь, я привяжу ихъ къ тебѣ крѣпче; тогда не потеряешь». Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ къ дядѣ Сута-Ноёну спереди крѣпко на крѣпко привязалъ козулье мясо, а сзади (т. е. на спинѣ) привязалъ ему заячье мясо, и найденную кисть привязалъ къ сѣдлу. Потомъ говорить ему: «Теперь благополучно поѣзжай обратно домой». Дядя Сута-Ноёнъ поѣхалъ обратно домой, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе. Когда дяди Сута-Ноёна не видно стало, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, съ помощью своихъ волшебствъ, козулье и заячье мясо и кисть снова обратилъ въ камни; спереди привязанное козулье мясо обратилось въ черный камень величиною съ быка, который началъ давить дядю Сута-Ноёна спереди; сзади привязанное заячье мясо обратилось въ черный камень величиною съ овцу, который началъ давить сзади, а кисть, привязанная къ сѣдлу, обратилась въ черный камень величиною съ жеребенка, который началъ давить коня. Эти камни такъ сильно давили завистливаго дядю Сута-Ноёна, такъ до крови давили его тѣло, что онъ измучился дорогой и выбился изъ силъ; Сута-Ноёнъ никакъ не могъ скоро ѣхать, всю дорогу ѣхалъ медленно; послѣ долгаго мученія и страданія едва, едва живой онъ доѣхалъ до дому; когда дядя Сута-Ноёнъ вошелъ въ свою юрту и легъ, эти камни исчезли.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе; ѣхалъ и ѣхалъ прямо на южную сторону, откуда восходитъ солнце, по направленію къ царству трехъ царей Шарабуловыхъ, которые имѣютъ какъ земля многочисленное множество подданныхъ. По дорогѣ думаетъ: «Спняные мои мстители и ртовые мои непріатели!» Такъ онъ говорилъ. Во время ѣзды тринадцать своихъ волшебствъ онъ на ладони заставилъ бѣгать и двадцать три свои волшебства на пальцахъ заставилъ бѣгать; съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ гору темно-гнѣдаго коня обратилъ въ кремень и положилъ въ огниво, а самъ сдѣлался маленькимъ ребенкомъ въ желѣзной люлькѣ (тёмёръ ёргё), перенесся по воздуху и лежитъ подъ окномъ Хара-Гэрэлтэ-хана.

На другое утро, когда всталъ Хара-Гэрэлтэ-ханъ, подъ окномъ его бѣло-серебрянаго дворца плачетъ маленькій ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Хара-Гэрэлтэ-ханъ выходитъ на улицу и беретъ лежащаго подъ окномъ маленькаго ребенка въ желѣзной люлькѣ и говорить: «Наши создатели, восточные сорокъ четыре тэнгэрина, послали намъ ребенка, воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ!» Такъ говоря, сильно радовался и благодарилъ своихъ создателей.

Хара-Гэрэлтэ-ханъ этого ребенка въ желѣзной люлькѣ хорошо воспитывалъ, ребенокъ съ каждымъ днемъ вырасталъ все болѣе и болѣе; послѣ каждой проходившей ночи онъ дѣлался толще, послѣ трехъ ночей ребенокъ этотъ не можетъ помѣститься въ кожѣ трехгодовалаго барана, а послѣ четырехъ ночей не можетъ помѣститься въ кожѣ четырехгодовалаго барана. Три царя Шарабуловы радуются, что послан-

ный ихъ бурханами создателями ребенокъ по волѣ бурхановъ растетъ такъ скоро, чтобы воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ.

Ребенку дали имя «найденный находка Олзомохонъ». Подданные трехъ царей Шарабуровыхъ собрались и начали стрѣлять изъ лука стрѣлами въ мѣту (хур харбаха); въ это время сдѣлали большой пиръ и веселье. Тогда мальчикъ Олзомохонъ смотритъ на эту стрѣльбу и на большой пиръ; на этой стрѣльбѣ силою, ловкостью и мѣткостью отличается отъ всѣхъ Ута-Манжилай-батаръ ¹⁾. Олзомохонъ говоритъ, стоя, Ута-Манжилай-батару: »Сильнѣ тебя тутъ нѣтъ человѣка, будемъ пробовать свои силы, возьмемъ сразу три лука Манзанъ и будемъ тянуть, кто изъ насъ болѣе потянетъ». Ута-Манжилай-батаръ говоритъ: «Вздумалъ надо мной пошутить мальчикъ Олзомохонъ; ты что, я даже одному батару Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, пятнадцатилѣтнему Эрхэ-Анзанъ-батару, отсѣкъ голову, когда выстрѣлилъ въ него стрѣлою». Послѣ этого Ута-Манжилай-батаръ взялъ три лука Манзанъ, началъ тянуть ихъ, но никакъ не можетъ натянуть. Тогда мальчикъ Олзомохонъ взялъ эти три лука Манзанъ и сразу всѣ натянулъ и сломалъ пополамъ. Ута-Манжилай-батару передъ всѣмъ собравшимся народомъ сильно стало стыдно, что онъ не могъ натянуть три лука Манзанъ и сломать ихъ; тогда онъ сильно разсердился на мальчика Олзомохона и говоритъ: «Возьму мальчика Олзомохона за волосы и брошу на землю, такъ что онъ пойдетъ въ землю и не видать его будетъ!» Съ этими словами Ута-Манжилай-батаръ схватилъ за волосы мальчика Олзомохона и хотѣлъ бросить на землю. Мальчикъ Олзомохонъ тоже схватилъ за волосы Ута-Манжилай-батара и бросилъ его на землю такъ сильно, что онъ ушелъ въ землю, уши вытянулись вверхъ и мизинецъ едва, едва видно было изъ земли. Множество народа, бывшего здѣсь, начали выкапывать изъ земли Ута-Манжилай-батара, кто топоромъ, кто большимъ ножомъ. Потомъ всѣ подданные трехъ царей Шарабуровыхъ разошлись по домамъ.

Хара Гэрэлтэ-Ханъ приведенную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-хатану, заперъ въ желѣзный амбаръ и кормилъ ее тамъ черезъ жолобъ, проведенный въ амбаръ. Урмай-Гохонъ-хатанъ не согласилась выходить замужъ за Хара-Гэрэлтэ-Хана; вотъ почему онъ ее заперъ въ желѣзный амбаръ и держалъ ее тамъ. Однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ (т. е. Олзомохонъ) свой золотой перстень, расписанный кругомъ, опустилъ въ жолобъ; этотъ перстень покатился въ желѣзный амбаръ. Урма-Гохонъ-хатанъ взяла этотъ перстень и, узнавши его, сильно обрадовалась, что пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, чтобы освободить ее.

Мальчикъ Олзомохонъ выросъ большой и говоритъ тремъ царямъ Шарабуровымъ, что онъ выросъ большой и можетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, онъ проситъ, чтобы ему собрали войско. Хара-Гэрэлтэ-ханъ, Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону, онъ поѣхалъ съ этимъ войскомъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Когда Олзомохонъ пріѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ на просторную и бѣлую степь, на

¹⁾ Тотъ самый, конечно, который выше былъ подъ именемъ Ута-Мангила-батара. Г. II.

поляну между бѣлыми березами, то все многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ уничтожилъ (т. е. убилъ). Послѣ этого опять пріѣхалъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ: «Дѣйствительно,—мозгъ возьми его!—Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ силенъ и могучъ, всѣ мои войска уничтожилъ, я едва, едва остался одинъ и пріѣхалъ домой; соберите еще войско, я поѣду съ нимъ воевать».—Такъ говорилъ Олзомохонъ.

Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону. Олзомохонъ опять поѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ; пріѣхалъ на прежнее мѣсто, все войско опять уничтожилъ, а самъ пріѣхалъ обратно и говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Едва, едва остался цѣль и пріѣхалъ домой; опять соберите мнѣ войско, я поѣду воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ». Такъ говорилъ онъ. Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско, но на этотъ разъ собрали моложе 70 лѣтъ и постарше 7 лѣтъ, и это войско отдали Олзомохону. Олзомохонъ съ этимъ многочисленнымъ войскомъ поѣхалъ на прежнее мѣсто, гдѣ его все опять уничтожилъ.

Послѣ этого Олзомохонъ обратился въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; обратившись въ прежнее состояніе, изъ огня взялъ кремень и бросилъ на землю; тогда изъ кремня образовался величиною съ гору темно-гнѣдой конь. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, пріѣхалъ къ Хара-Гэрэлтэ-хану и говоритъ: «Желавшій чужого, кромѣ своего, глодавшій шейные позвонки свои, непріятель мой!» Взявши его за сѣдые волосы, началъ бить вкнутомъ и добилъ его до смерти.

Убивъ Хара-Гэрэлтэ-хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ Шара-Гэрэлтэ-хану; его тоже началъ бить вкнутомъ, билъ, билъ, и до смерти добилъ.

Убивъ Шара-Гэрэлтэ-Хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ старшему Саганъ-Гэрэлтэ-хану. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ началъ кланяться и просить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы онъ его оставилъ живымъ. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланялся и въ колѣнѣ ногу нагибая кланялся, и въ это время говорилъ: «Ай, собаки! хозяинъ Богдо, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ! Я передъ вами не виновенъ, я говорилъ своимъ братьямъ: не найдя (другого мѣста) ѣхать, ѣдете противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! вздумали воевать противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! я даже отказался отправить свое войско противъ тебя; тогда два младшіе брата сильно разсердились на меня и поѣхали; передъ отъѣздомъ прокляли моихъ подданныхъ, которые сильно стали умирать; тогда только послалъ и я свое войско». Такъ говоря, кланялся Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ оставилъ живымъ Саганъ-Гэрэлтэ-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разломалъ желѣзный анбаръ, выпустилъ изъ него свою жену Урма-Гохонъ-хатану, и привелъ ее въ прежнее тѣло и въ прежнюю красоту. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ оставшихся подданныхъ и весь скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана взялъ съ собою домой. Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой, всѣхъ приведенныхъ подданныхъ и скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана помѣстилъ по мѣстамъ, а Урма-Гохонъ-

хатану поселилъ попрежнему въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ по прежнему сталъ жить счастливо у своихъ трехъ прекрасныхъ женъ поочередно; такъ жили и наслаждались счастьемъ.

Живущихъ на срединѣ земли восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра ¹⁾ крайніе на восточной сторонѣ города проглатывающій и передніе города берущій въ ротъ, еще далѣе къ востоку живущій въ странѣ Альбатынь и на мѣстности Хонинъ-хотонъ, если колотъ то безъ крови, а если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни, создавшійся съ тысячею тремя большими волшебствами, на спинной сторонѣ имѣющій десять тысячъ глазъ и на передней сторонѣ четыре тысячи глазъ, Галь-Дѣлмѣнъ-ханъ, — такъ проглатывалъ подданныхъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, что противъ такого его нашествія ничего не могли предпринять и остановить его.

Въ срединѣ земли живущіе восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра начали совѣтоваться между собою; били въ золотой барабанъ, собирали подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ и били въ серебряный барабанъ, собирали подданныхъ на южной сторонѣ живущихъ. Когда всѣ подданные собрались и стояли, эти ханы и начальники говорятъ имъ: «Этакъ сидя будемъ всѣ проглочены Галь-Дѣлмѣнъ-ханомъ. Надо искать помощи и спасенія отъ него, иначе всѣхъ насъ проглотитъ; прямо на западной сторонѣ и на стогодовое разстояніе ѣзды въ странѣ называемой Моронъ, на берегу моря Мѣнхѣ, на подошвѣ горы Ханъ-Ула въ большой пади Хатанъ живетъ на сѣверной сторонѣ старше тринадцати хановъ, побѣждающій непобѣдимыхъ враговъ и на южной старше двадцати трехъ хановъ, какъ ножикъ ядовитыхъ враговъ побѣждающій, создавшійся Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; нужно послать человѣка и попробовать просить его о помощи». Такъ говорили своимъ подданнымъ восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра. Изъ ста человѣкъ выбирали и выбрали Зодо-Шара-батара; изъ ста лошадей выбирали и выбрали трехъ черныхъ иноходцевъ. Выбранныхъ трехъ черныхъ иноходцевъ запрягли въ желѣзную телегу, посадили Зодо-Шара-батара и отправили прямо на западъ въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану.

Зодо-Шара-батаръ поѣхалъ прямо на западную сторону; онъ все ѣхалъ и ѣхалъ и доѣхалъ до половины разстоянія стогодовой ѣзды; тогда три черные иноходца устали; Зодо-Шара-батаръ бросилъ ихъ и далѣе пошелъ пѣшкомъ, передніе подолы заткнулъ назади, а задніе подолы заткнулъ на бедрахъ и пошелъ пѣшкомъ; онъ шелъ и шелъ; едва, едва шелъ, сильно усталъ и проголодался и дошелъ до высокой горы Оргиль-Ула, на которую едва поднялся, стоитъ на вершинѣ горы Оргиль-Ула, смотритъ оттуда на всѣ стороны и видитъ въ большой пади Хатанъ стоятъ три бѣло-серебрянные дворца, вышиною до высокаго ночного неба, четырехугольные высокіе до денного неба; эти три дворца стоятъ и блестятъ; въ нихъ живутъ три

¹⁾ Бугоръ „добунъ“: Добуни долонъ ханъ.

прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Когда увидѣлъ эти дворцы Зодо-Шара-батаръ, онъ, стоя, сильно испугался; въ это время подъѣзжаетъ къ нему не мужчина, а чудовище; одинъ изъ прекрасныхъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, съ горы на гору перескакивая, пріѣхалъ; подъѣхавъ къ Зодо-Шара-батару, онъ оказался ужасно большимъ и сильнымъ, однимъ глазомъ смотритъ на небо, а другимъ глазомъ смотритъ на землю; онъ крикнулъ на Зодо-Шара-батара, стоя на лошади: «Изъ какихъ падей человекъ? питае вода гдѣ? и въ какой странѣ живешь?» Такъ онъ спрашивалъ.

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны, въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра, выбранный изъ ста человекъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ. Крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галь-Дѳлмѳнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану просить его помощи и покровительства».

Тогда этотъ батаръ говоритъ: «ну, поѣдемъ!» Они пріѣхали на вершину большой пади Хатанъ къ бѳло-серебрянному дворцу Алма-Моргонъ-хатаны, гдѣ былъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Когда пріѣхали къ бѳло-серебрянному дворцу, батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говоритъ: «Нашъ хозяинъ тутъ!»

Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворецъ, гдѣ стоятъ два прекрасные батара; они спрашиваютъ его: «Изъ какихъ ты странъ и откуда и куда ѣдешь?» Зодо-Шара-батаръ говоритъ свое дѳло; два прекрасные батара впустили его во дворецъ. Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сидитъ на бѳло-серебрянномъ престолѣ; Зодо-Шара-батаръ кланяется Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, стоя около двери. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда, изъ какихъ странъ и зачѳмъ сюда пріѣхалъ?»

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны; въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра выбранный изъ ста человекъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ; крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галь-Дѳлмѳнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра просить вашей помощи и покровительства». Такъ говоря, онъ кланялся.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Я къ нему ѣхать войной не могу! Галь-Дѳлмѳнъ-ханъ, если колоть, то безъ крови, если стрѣлять стрѣлою, то безъ жизни. Кромѣ того онъ имѣетъ тысячу три волшебства; а я имѣю только тринадцать волшебствъ». Такъ сказавъ, отпустилъ его. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ беретъ книгу «заяни шара хударъ» и читаетъ, сидя на бѳло-серебрянномъ престолѣ; въ этой книгѣ говорится, что онъ будетъ побѣжденъ Галь-Дѳлмѳнъ-ханомъ, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что онъ побѣдитъ Галь-Дѳлмѳнъ-хана. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился тому, что въ этой книгѣ написано: то что будетъ побѣжденъ, то что самъ побѣдитъ.

Зодо-Шара-батаръ вышелъ изъ дворца на дворъ, гдѣ его встрѣтили два батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгерина, Буда-Уланъ-батаръ и

Эржинъ-Шумаръ-батаръ, и спрашиваютъ его: «Что сказалъ хозяинъ нашъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ?» Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ, что не можетъ ѣхать къ Галь-Дѳлмѳнъ-хану войною». Эти два прекрасные батара сильно разсердились, входятъ во дворецъ и говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Мы спустились на землю съ тѳмъ, чтобы сѳверные тринадцать хановъ подчинились намъ; непобѳдимыхъ враговъ мы должны побѳдить и южные двадцать три хана должны подчиниться намъ; какъ ножи въ ядовитыхъ враговъ мы должны побѳдить; эти дни многи и годъ длиненъ; силу большого пальца гдѳ выкажемъ и силу плеча гдѳ попробуемъ? такое прекрасное веселье и препровожденіе времени зачѳмъ отказалъ?» Такъ говоря, держали рѳчь.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этимъ двумъ прекраснымъ батарамъ говоритъ: «Приготовьтесь къ войнѳ!» Эти батара сильно обрадовались и выходятъ изъ дворца; они сказали и прочимъ батарамъ; всѳ они начали приготовляться: оторванное приставляли и разорванное зашивали. На другое утро тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли все оружіе, сѳли на коней и выѳхали на чистое поле, и начали стрѳлять тамъ изъ лука стрѳлами, говоря: «У Галь-Дѳлмѳнъ-хана такого-то батара такъ будемъ стрѳлять и убьемъ, и этого батара такъ будемъ стрѳлять и убьемъ!» Такъ они, стрѳляя, скакали на лошадахъ; отъ этого гора Ханъ-Ула звенѳла, въ большой пади Хатанъ раздавалось эхо, съ песчаной горы (Элхэтэ-Ула) поднялась пыль, гора Олѳстѳ-Ула тряслась и на морѳ Мѳнхѳ поднялись волны. Дома сидящій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, испугавшись, говоритъ: «Ко мнѳ такъ сидящему Галь-Дѳлмѳнъ-ханъ пріѳхалъ съ войскомъ!» Скорѳе взявши оружіе, выходитъ на улицу, садится на темно-гнѳдого, величиною съ гору, коня и выѳзжаетъ. На подошвѳ горы Олѳстѳ-Ула промелькнулъ верхомъ на конѳ Эржинъ-Шумаръ-батаръ; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, подумавъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ увидѳлъ что нибудь, за нимъ поскакалъ на гору Олѳстѳ-Ула; когда онъ поднялся на гору, то видитъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ стряхиваетъ землю съ зѳн'а стрѳлы¹⁾.

Эржинъ-Шумаръ-батаръ отрывисто смѳется и рѳчисто говоритъ: «Хозяинъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, что дѳлаешь? ужели это твои умъ и мысли?» Такъ говоря, онъ спрашиваетъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-хану за свою ошибку стыдно стало. Онъ возвратился домой. Послѳ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ приказалъ въ продолженіи трехъ дней приготовиться къ дальнему пути; когда прошли три дня, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ одѳлся, сверхъ одежды надѳлъ на себя всѳ три доспѳха и навѳсилъ на себя все нужное къ войнѳ оружіе; всѳ тридцать три батара точно такъ же приготовились къ поѳздкѳ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, садится на темно-гнѳдого, величиною съ гору, коня и ѳдетъ; тридцать три батара тоже поѳхали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Они поѳхали прямо къ востоку; ѳхали, ѳхали и доѳхали до восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, живущихъ въ срединѳ земли; пріѳхали и видятъ, что въ царствѳ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра ничего не осталось; Галь-Дѳлмѳнъ-

¹⁾ Зѳнъ—косточка на концѳ стрѳлы.

ханъ окончилъ все; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они жили, выросъ пырей до доски сѣдла, черный воронъ покрививаетъ и желтая лисица понюхиваетъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ тридцати тремъ батарамъ: «Къ сѣренькому слѣду пріѣхали». Послѣ этого они поѣхали далѣе. Ѣхали, ѣхали и доѣхали до одной высокой горы, поднялись на вершину ея и смотрятъ на всѣ стороны, не видно-ли издали чего-нибудь. Вдали виднѣется царство Галь-Дѳлмѳ-хана на ровной мѣстности; дворцы его виднѣются и блестятъ издали; поближе сюда виднѣются его чубарые табуны, до тысячи головъ на одномъ лугу пасутся. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ двухъ своихъ быстрыхъ батаровъ пригнать табуны. Два быстрые батара спустились съ этой высокой горы, поѣхали къ табунамъ, и пригнали два или три табуна къ горѣ, но за ними погнались два батара Галь-Дѳлмѳ-хана; они догнали ихъ; тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана двухъ батаровъ Галь-Дѳлмѳ-хана сдернули съ коней, привязали къ сѣдламъ внизъ головой на правой сторонѣ коней и на коней крикнули: «Побѣгите къ воротамъ Галь-Дѳлмѳ-хана и станьте тамъ!» а сами табуны пригнали на вершину высокой горы. Они закололи пригнанныхъ лошадей и ѣли мясо ихъ. Эти два коня съ батарами, привязанными внизъ головою, прибѣжали къ воротамъ Галь-Дѳлмѳ-хана и остановились. Галь-Дѳлмѳ-ханъ выходитъ изъ дворца и видитъ своихъ двухъ батаровъ, привязанныхъ внизъ головою; онъ сильно разсердился на нихъ, взявъ ихъ съ сѣдла, оторвалъ имъ головы, бросилъ и сказалъ: «Безъ васъ буду жить!» Потомъ Галь-Дѳлмѳ-ханъ говоритъ: «Живущій на западной сторонѣ съ тринадцатю волшебствами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ ко мнѣ воевать!» Послѣ этого Галь-Дѳлмѳ-ханъ, кончивъ приготовленія, поѣхалъ, взявъ съ собою сорокъ два батара; они поднялись на вершину высокой горы и подѣхали къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, поздорововались съ нимъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галь-Дѳлмѳ-ханъ вырѣшили впередъ заставить воевать по два ихъ батара.

Два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ двумъ батарамъ Галь-Дѳлмѳ-хана: «Вы на своей землѣ, впередъ начинайте!» Такъ говоря, стояли. Тогда два батара Галь-Дѳлмѳ-хана говорятъ: «Сказанное правда и дума вѣрна!» Они отѣхали; взявши лукъ и стрѣлы, выстрѣлили въ двухъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣлы попали въ нихъ, но отскочили назадъ и упали на землю. Тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ: «Теперь наша очередь стрѣлять въ васъ». Съ этими словами они взяли свои стрѣлы и луки и выстрѣлили въ двухъ батаровъ Галь-Дѳлмѳ-хана; стрѣлы ихъ попали въ двухъ батаровъ Галь-Дѳлмѳ-хана и разсѣли ихъ пополамъ; эти два батара свалились на землю съ коней и умерли. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галь-Дѳлмѳ-хану: «Первая побѣда за нами!» Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо хана начали воевать съ остальными сорока батарами Галь-Дѳлмѳ-хана. Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ теченіи менѣе дня времени истребили всѣхъ сорокъ батаровъ Галь-Дѳлмѳ-хана. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галь-Дѳлмѳ-хану: «Вторая побѣда за нами!»

Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэрь-Богдо-хана начали воевать съ несмѣтно-многочисленными войсками Галь-Дѳлмѳ-хана, которымъ конца и краю не было видно; тридцать три батара Абай-Гэхэрь-Богдо-хана въ одну сторону рубили саблями, одну сотню людей убивали; въ обѣ стороны рубили, двѣ сотни людей убивали; такимъ образомъ они сдѣлали костяные бугры изъ человѣческихъ костей и сдѣлали кровавое море изъ человѣческой крови; такъ продолжали воевать тридцать три батара Абай-Гэхэрь-Богдо-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ и Галь-Дѳлмѳ-ханъ вдвоемъ другъ у друга спрашиваютъ: «Какъ намъ воевать, силою-ли большого пальца или силою плеча?» и вырѣшили воевать силою плеча и попробовать силы. Такъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ съ Галь-Дѳлмѳ-ханомъ начали воевать силою плеча; они боролись другъ съ другомъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; впередъ упираясь ногами, дѣлали красную гору и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не могъ побѣдить; если ихъ сбросить къ верблюду, равнымъ равно воевали, а если сбросить къ лошади, то дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ Галь-Дѳлмѳ-ханъ началъ побѣждать своего противника Абай-Гэхэрь-Богдо-хана; онъ притягивалъ его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнулъ, и отталкивалъ назадъ, какъ сухое дерево ломалъ; у Абай-Гэхэрь-Богдо-хана всѣ тринадцать волшебствъ кончились, а у Галь-Дѳлмѳ-хана только что начинаютъ тысяча три волшебства кипѣть и онъ дѣлается сильнѣе прежняго. Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ началъ кричать, какъ козель и плакать, какъ маленькая козуля.

Тридцать три батара Абай-Гэхэрь-Богдо-хана на голову истребили все многочисленное войско Галь-Дѳлмѳ-хана; послѣ этого тридцать два батара поѣхали къ дворцу Галь-Дѳлмѳ-хана, а Эржинъ-Шумаръ-батаръ поднялся на высокую гору, на которой воевали Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ съ Галь-Дѳлмѳ-ханомъ. Онъ былъ весь въ крови, сѣдло его сдѣлалось краснымъ отъ крови и бѣлая лошадь его сдѣлалась отъ крови рыжею; когда Эржинъ-Шумаръ-батаръ подѣхалъ къ борющимся, то видитъ, что хозяинъ его Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ совсѣмъ обезсилѣлъ, кричитъ, какъ козель и плачетъ, какъ маленькая козуля. Эржинъ-Шумаръ-батаръ соскочилъ съ коня, подбѣжалъ съ одной стороны и ничего не можетъ помочь; подбѣжалъ съ другой стороны, тоже ничего не можетъ помочь; когда ничего не могъ сдѣлать, то началъ звать на помощь, громко крича: «Творившіе насъ творцы наши! создавшіе насъ, создатели наши, западные тэнгерины, пятьдесятъ пять тэнгериновъ, старшій и большой тэнгери, Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери, отецъ нашъ, выручи! бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ наша, выручи»¹⁾! Такъ звалъ и кричалъ Эржинъ-Шумаръ-батаръ. Этотъ крикъ и зовъ Эржинъ-Шумаръ-батара услышали западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери и бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ. Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгери и бабушка Манзанъ-Гѳрмѳ поскорѣе на землю послали старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона на выручку Абай-Гэхэрь-Богдо-хана. Хабата-Хасаръ-Моргонъ поскорѣе спустился

¹⁾ Другіе говорятъ, что это призываніе дѣлалъ самъ Абай-Гэхэрь-Богдо-ханъ.

съ неба на землю; остановившись между землею и небомъ, онъ беретъ книгу «заанишара-хударъ» и читаетъ ее; въ этой книгѣ пишется, что до смерти Абай-Гэхэръ-Богдо-хана осталось только три часа; когда эти три часа пройдутъ, то онъ умретъ. Хабата-Хасаръ-Моргонъ читаетъ далѣе, гдѣ находится душа Галь-Дöлмö-хана. Въ этой книгѣ пишется, что душа Галь-Дöлмö-хана находится на спинѣ въ самомъ большомъ бѣломъ глазу, который находится въ самой серединѣ между десятью тысячами глазъ.

Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ беретъ свою стрѣлу и лукъ; стрѣлу прикладываетъ къ луку и натягиваетъ лукъ, въ это время говорить: «У Галь-Дöлмö-хана въ самый средній бѣлый глазъ попади и совсѣмъ выколи съ душою!» Такъ сказавъ, онъ выстрѣлилъ; стрѣла полетѣла внизъ на землю со свистомъ и пѣніемъ, отъ чего высокое небо тряслось и земля дрожала. Галь-Дöлмö-ханъ большимъ знаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ; тогда, бросивъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, убѣжалъ по направленію къ горѣ Хиралжинъ; если Галь-Дöлмö-ханъ убѣжитъ за гору Хиралжинъ, то бываетъ ни кѣмъ непобѣдимъ и бессмертенъ. Галь-Дöлмö-ханъ еще не добѣжалъ до горы Хиралжинъ, а стрѣла Хабата-Хасаръ-Моргона догнала его и попала въ самый средній бѣлый глазъ, проколола его и вылетѣла насквозь.

Тогда Галь-Дöлмö-ханъ падаетъ на землю распростертый и умираетъ; мизинецъ одной руки попалъ за гору Хиралжинъ; остался живымъ и шевелится. Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ». Послѣ этого Хабата-Хасаръ-Моргонъ спустился на землю и Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большимъ пальцемъ вылѣчилъ и указательнымъ пальцемъ врачевалъ; привелъ въ прежнее состояніе и тѣло. Потомъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Я, небесный человѣкъ, поднимусь на небо, а вы земные люди оставайтесь на землѣ счастливо». Съ этими словами онъ поднялся на небо.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Эржинъ-Шумаръ-батаромъ пріѣхали на то мѣсто, гдѣ умеръ Галь-Дöлмö-ханъ. Тѣло Галь-Дöлмö-хана сожгли на костре; оставшіяся пепель березовою лопатою бросили къ сѣверу по южному вѣтру и осиновою лопатою бросили къ югу по сѣверному вѣтру. Потомъ пріѣхали къ дворцу Галь-Дöлмö-хана, входятъ во дворецъ; тамъ 32 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана ссорятся между собою изъ-за жены Галь-Дöлмö-хана; каждому изъ нихъ хочется на ней жениться. Жена Галь-Дöлмö-хана, Наринъ-Гохонъ-хатанъ, была необыкновенно красивая. Она ходила тихо-плавно, отъ чего выросли тоненькія травы; а гибко плавно ходила, овцы и ягняты кричали. Она угощала ихъ¹⁾, въ это время говорила: «Непобѣдимаго врага моего побѣдили и неумертвимаго умертвили!» Такъ говоря, она сильно радовалась.

Въ это время у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана лѣвое бедро давящая, въ крови недѣлающаяся мягкою и, рубить не тупящаяся изъ чистой стали сабля сама выскочила изъ ноженъ и воткнулась въ землю острымъ концомъ на далекомъ разстояніи. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣдетъ, беретъ свою саблю и думаетъ, что такое узнала моя сабля,

¹⁾ Т. е. Гэсэра и его батаровъ. Г. II.

что выскочила изъ ноженъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ жену Галь-Дѳлмѳ-хана, Наринъ-Гохонъ-хатану, съ головы до ногъ разсѣкъ пополамъ; тогда Наринъ-Гохонъ-хатана упала на обѣ стороны разсѣченная; изнутри ея выходитъ семимѣсячный мальчикъ и мѣдно серебрянную стрѣлу треть подпилкомъ, а стрѣла звенить. Въ это время онъ говоритъ: «Послѣ семи мѣсяцевъ пріѣхавшій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погибни (кончайся)! трехъ мѣсяцевъ не докончившій отецъ и мать погибни (кончайся)!» Такъ говоря, сидѣлъ семимѣсячный мальчикъ и продолжалъ дѣлать стрѣлу свою. Тогда его начали рубить саблями, но сабли его не брали; начали стрѣлять въ него стрѣлами, но и стрѣлы его тоже не брали его; мальчикъ сидѣлъ и звенѣлъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ желѣзный анбаръ, посадилъ въ него этого семимѣсячнаго ребенка и призвалъ четырехъ кузнецовъ; эти кузнецы съ четырехъ сторонъ начали дуть мѣхами на желѣзный анбаръ. Желѣзный анбаръ началъ калиться съ четырехъ сторонъ и совсѣмъ накалился до красна. Тогда этотъ семимѣсячный мальчикъ говоритъ: «Ай, мозгъ побери! здѣсь тепло и прохладно сидѣть, какъ въ золотой утробѣ матери! пусть Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, такъ стоя, окончитъ три мои мѣсяца». Такъ говоря, сидѣлъ и продолжалъ дѣлать свою стрѣлу. Тогда пуще прежняго начали калить и дуть на желѣзный анбаръ; желѣзо перекалилось, начало расплавляться и потекло на всѣ стороны; тогда только этотъ мальчикъ раскалился до красна и началъ таять; растаявши, обратился въ свинецъ и ушелъ въ землю.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи!»

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ подданныхъ и разныхъ скотъ Галь-Дѳлмѳ-хана взялъ съ собой и пріѣхалъ домой съ своими тридцатью тремя батареями; по пріѣздѣ домой устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и девять ночей и на десятый день едва, едва разошлись по домамъ.

Они живутъ счастливо, наслаждаясь счастьемъ¹⁾.

Я помѣстилъ здѣсь свои записи тангутской версiи Гэсэра, слышанныя мною въ Амдо и записъ бурятской версiи, сдѣланную г. Хангаловымъ въ Балаганскомъ округѣ Иркутской губерніи. Жители Амдо, тангуты, какъ мнѣ передавали, поютъ Гэсэра на свадьбахъ, подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента. Старикъ Ами-Салунъ, отъ котораго записана моя первая тангутская версiя, тоже нѣкоторыя мѣста пѣлъ. Кажется, часть его налагается всегда провой и поются только нѣкоторыя отрывки. Ами-Салунъ передавалъ сказку по тангутски, лама Сэрэнъ пересказывалъ ее мнѣ помонгольски.

Кромѣ тангутской версiи, я слышалъ также одну передачу монгольскую и одну олѣтскую (съ оз. Хухунора). Монгольскаго Гэсэра рассказывалъ мнѣ Пунцукъ, родомъ изъ Ордоса (хошуна Ушинъ); онъ былъ грамотный, читывалъ Гэсэра по печатанному экземпляру. Рассказъ его почти не отличался отъ того Гэсэра, котораго перевелъ Шмидтъ. Отмѣчу только слѣдующее. Кузнецъ, который получалъ роковое порученіе идти посломъ къ Гэсэру, у Пунцука титуловался: саба угэй саргылъ сабдыкъ хѳцзюгуръ тарханъ. Конь, который спустился къ Гэсэру съ неба и на ко-

¹⁾ Обыкновенно буряты, доканчивая сказку, говорятъ: «ан хужи ашта бурханда тушибѣ!»

торомъ онъ совершаетъ свои дѣла, у Пунцука назывался: Билигинъ гэръ моря; у Шмидта magisches braunes Pferd; гэръ значитъ гнѣдой, а не бурый; бурый по монгольски курюнь. У Радлова (Proben, I, 427) въ отрывкѣ, записанномъ у сойотовъ на р. Караколѣ, въ китайскихъ предѣлахъ, спускающійся съ неба конь героя Пагай-Джуру (т. е. Гэсэра) названъ Piliging chär das Pferd. Въ алтайскихъ сказаніяхъ упоминается Тюрунь-Музыкай-бурканъ; онъ убилъ морское чудовище Андалма, которое можетъ быть то же, что бурятское Галь-Дблмѣ-ханъ, которое было убито Гэсэромъ. Эпитетъ Тюрунь-музыкай: Бильгыннъ-кере-атту, т. е. «съ лошадей Бильгыннъ-кере»; см. Вербницкаго: «О происхожденіи Эрлика» въ Томск. губ. вѣдом., 1859 г., № 14, стр. 116. Въмѣсто клятвы въ Шмидтовскомъ вариантѣ Гэсэръ заставляетъ побѣжденныхъ имъ лизать кровь, выступающую изъ укола, который онъ дѣлаетъ на своемъ мизинцѣ; у Пунцука клянущиеся лизутъ саблю Гэсэра (ср. съ клятвой посредствомъ лизанія стрѣлы; см. Фишеръ, Сибирск. Истор., 421; Галсгунскій, Ойратскіе законы, 143). Въмѣсто Рогмо-гоа (Rogmo Goa) Пунцукуъ прозвищемъ Ругъ-могой.

Хухунорскіе олеты и ёгуры около Ганьчжоу и Су-чжоу рассказываютъ Гэсэра въ тангутской редакціи. Въ Гумбумѣ я слышалъ Гэсэра отъ одной олѣтки. Рассказъ ея отъ тибетскаго отличался только въ мелочахъ. Въмѣсто Рдура она ставила двѣнадцатиголоваго (арбалъ хонрѣ толгойтой) Атгыръ-Хара-Мууса. По ея рассказу, Гэсэръ, вернувъ жену отъ Атгыра, не ослѣпъ а вѣки его разрослись и спустились на глаза. Когда они въ степи заголодали, Гэсэрова жена должна была деревянными столбами подпирать вѣки, пока онъ натягивалъ лукъ, чтобъ убить дзѣрѣ (ковулю).

Кромѣ записей, лично мною сдѣланныхъ въ видѣ конспектовъ, я приобрѣлъ въ Амдо тибетскую рукопись, содержащую сказаніе о Гэсэрѣ. Зимую въ Сань-чуанн, я принялся хлопотать чтобъ для меня былъ переписанъ тибетскій Гэсэръ, но эти хлопоты не удалсь; только въ концѣ зимы мнѣ предложили старую готовую рукопись; я купилъ ее, но такъ какъ въ ней недоставало нѣсколькихъ листовъ, то былъ нанятъ лама дополнить ее. Хотя недостающіе листы были написаны, но не всѣ. Рукопись эта приобрѣтена въ тангутскомъ монастырѣ Гонгрча, лежащемъ въ долинѣ Итель-голь къ з. отъ Сань-чуанн. Она передана мною въ Импер. Публичную бібліотеку въ Петербургѣ. Этотъ экземпляръ Гэсэра, если не ошибаюсь, второй въ Европѣ. Первый былъ вывезенъ въ Европу г. Шлагинтвейтомъ, но тоже не полный. Покойный академикъ Шифнеръ хлопоталъ о приобретеніи Гэсэра для нашей Академіи Наукъ; съ этою цѣлью онъ переписывался съ Яшке, выселившимся вмѣстѣ съ другими менонитами изъ нашей Новороссіи въ Кашмиръ изучившимъ тибетскій языкъ и составившимъ тибетскій словарь; долго хлопоты Яшке не имѣли ни какого результата, но наконецъ ему удалось найти и купить рукопись у тангутскаго монаха вѣры бонбо. Рукопись была отправлена въ Петербургъ, но Шифнеръ ее не получилъ; она затерялась въ дорогѣ. Переписка между Шифнеромъ и Яшке напечатана въ Bulletin'ѣ Академіи Наукъ; нашлась ли рукопись, мнѣ неизвѣстно.

Г. Хангаловъ къ своей рукописи присоединилъ вступленіе, которое помѣщается ниже:

У балаганскихъ бурятъ съ незапамятныхъ временъ устно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе сказка объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Обыкновенно буряты называютъ эту сказку «Гэхэръ-ханъ» или «Богдо-Гэхэръ-ханъ», но большею частію говорятъ «Абай-Гэхэри тужи» (исторія Абай-Гэхэра), иногда говорятъ «Абай-Гэхэръ-хани тужи»; а полное названіе будетъ «Абай Гэхэръ-богдо-ханъ». Сказка «Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ» между другими бурятскими сказками занимаетъ первое мѣсто; знающіе ее бурятскіе рассказчики пользуются между бурятами почетомъ. При всякомъ удобномъ случаѣ буряты въ зимнія долгія ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, или же другую какую нибудь. Бурятскій рассказчикъ рассказываетъ, а все семейство бурятъ и собравшіеся сосѣди слушаютъ сказку съ большимъ вниманіемъ. Сказки у бурятъ говорятся нараспѣвъ съ рифмами; кто не можетъ пѣть, тотъ говоритъ словами безъ пѣнія. До чего достигаетъ уваженіе бурятъ къ рассказчикамъ сказокъ, можно видѣть изъ народной поговорки: онтохи хунъ олбокъ пудушка дѣре; души хунъ, дубунъ дѣре, «говорящій сказки человекъ (рассказчикъ) на перинѣ и подушкѣ, а поющій (пѣвецъ человекъ) на бугрѣ». Буряты говорятъ, что въ «твердые годы» (тяжелые годы) кату жилде, въ тѣ годы, когда свирѣпствуютъ болѣзни, рассказывать сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана считаютъ очень полезнымъ, потому что нечистые духи, насылающіе на людей равныя болѣзни, будто бы боятся сказки объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Иногда буряту, ѣдущему въ темную ночь по безлюдной степи, становится жутко; тогда онъ нацѣнаетъ, для отогнанія нечистыхъ духовъ, на распѣвъ мурмыкать

сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана. Если, собираясь в дальний путь, придется слушать сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана, это считается хорошим признаком; дорога будет благополучная и дела будут успешны. В прежние времена зимние долгие ночи часто проводили за слушанием сказок, что составляло развлечение буряты; ныне сказки оставлены; вместо них появились другие роды препровождения времени, карты, пьянство и пустое балагурство.

По словам буряты, если хороший рассказчик говорит сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана, то он кончает ее в 9 дней и ночей, т. е. в 9 суток. Если рассказчик не пропустит ничего, то в награду ему спускается с неба верховая лошадь в полной сбруе для верховой езды; передают, что как-то раз один буряты рассказывал сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана в продолжении 9 суток; в конце сказки с неба спустился уже верховой конь в полной сбруе для верховой езды, но к несчастью рассказчик пропустил сказать, что Абай-Гэхэр-богдо-хан на пень дерева положил верховой коня; какой-то невидимый человек сказал тогда: «хорошо сказана сказка, но только пропущен верховой конь, положенный Абай-Гэхэр-богдо-ханом на пень дерева». Тотчас же конь, спустившийся с неба, поднялся обратно вверх.

Буряты говорят, что сказка про Абай-Гэхэр-богдо-хана имеет девять ветвей (ехонг хала). 1 ветвь: борьба западных и восточных тэнгеринов, победа западного тэнгери, сошествие на землю Абай-Гэхэр-богдо-хана, рождение его на земле, малолетство его на земле и женитьба его на Тэмбонь-Жарголань-хатань и на Урма-Гоохонь-хатань. 2 ветвь: охота на зверей и женитьба на Алма-Моргонь-хатань. 3 ветвь: лесной пестрый лев Окторь. 4 ветвь: китайский хань Гунь. 5 ветвь: Лобсогой, который через обман и хитрость обратил Абай-Гэхэр-богдо-хана в осла; освобождение его Алма-Моргонь-хатаню от Лобсогой. 6 ветвь: кони завистливого дяди Хара-Сута-нойна, болельщик Абай-Гэхэр-богдо-хана, выздоровление, поездка Абай-Гэхэр-богдо-хана к пятнадцатоголовому Абарга-Сэсэг-Мангатхаю, и убийство последнего. 7 ветвь: возвращение Абай-Гэхэр-богдо-хана из страны Мангатхая домой; поездка за Алма-Моргонь-хатаню, воскресение тридцати трех батаров, поездка к трем царям Шарабуловым, война, победа и возвращение. 8 ветвь: война с Галь-Долмо-ханом и 9 ветвь: будто бы последняя война с Лобсогоем и победа над ним; эту последнюю ветвь, рассказ о войне Абай-Гэхэр-богдо-хана с Лобсогоем, мой рассказчик Пётров-Тупимильов не знает. Другие же буряты говорят, что все выше перечисленное только три ветви, следовательно тут еще шести не хватает; вообще говорят очень разное; остальные ветви будто бы состоят из рассказов о богатырях и ханах, которые в то время жили на земле. Обыкновенно рассказчик, сказав какую нибудь болель или менее длинную сказку об одном таком богатыре, прибавит, что эта сказка есть одна из ветвей «Абай-Гэхэр-богдо-хана»; таким образом ветвей у «Абай-Гэхэр-богдо-хана» будет не девять, а десятки и сотни, если собрать все. Некоторые буряты говорят, что девять ветвей «Абай-Гэхэр-богдо-хана» произошли следующим образом: сперва начал воевать один какой-то батарь или хань с Мангатхаем. Этот сказочный богатырь или хань начал побуждать своего противника Мангатхая; последний будто бы начал звать своего покровителя Лобсогой и Лобсогой, на зов Мангатхая, пришел; обратившись в большого серого волка, он начал гнать богатыря или батара, победившего Мангатхая, вокруг одной высокой горы; тогда батарь или хань в свою очередь зовет своего покровителя, другого болель сильного батара, который, приехав, обращает своего любимца в шагай (кость бабку), и, положив в карман, сам начинает воевать с большим серым волком; но он не может победить и наконец обращается в бегство, начинает скакать вокруг горы, как и первый батарь, а волк гонится за ним; в это время второй батарь начинает звать на помощь третьего батара или хана, тот тоже приезжает; также обратив предыдущего батара в шагай и положив его в карман, он зовет с большим серым волком, но волк начинает побуждать и этого вновь приехавшего батара. Этот последний тоже начинает скакать вокруг горы, а волк гонится за ним. Тогда этот батарь начинает звать нового батара или хана посылить себя на помощь; новый батарь или хань тоже приезжает, но с ним происходит то же самое, что и с первыми; таким образом эти батары и ханы звали друг друга на помощь и наконец последний девятый батарь или хань вступает в битву, но и он оказывается слабосильным в борьбе с большим серым волком; он также начинает звать себя на помощь другого батара, но на этот раз призывается уже сам Абай-Гэхэр-богдо-хань. Абай-Гэхэр-богдо-хань приехал на зов, звавшего на помощь батара обратив в шагай, положив его в карман, и поскакал во

крутъ горы. Потомъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, поймавъ большого сѣраго волка за уши, бросилъ его на землю; волкъ опять сдѣлался Лобсогоемъ. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ съ Лобсогоемъ начали воевать. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, побѣдивъ Лобсогоя, вынулъ изъ кармана шагай и бросилъ на землю; шагай вновь обратился въ богатыря; этотъ богатырь въ свою очередь изъ своего кармана вынулъ шагай и бросилъ, и другой богатырь принялъ свой настоящій видъ. Такимъ образомъ всѣ девять шагаевъ были обращены вновь въ богатырей.

По словамъ бурятъ, Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но никакъ не могъ убить его. Одни говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ каменный тама, изъ камня сдѣлалъ большого батара, далъ ему большой желѣзный молотъ, и наказалъ, когда Лобсогой покажется изъ тама, бить его по головѣ; другіе буряты говорятъ, будто бы Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ глубокую яму, на отверстіе ямы поставилъ двухъ своихъ батаровъ съ большими желѣзными молотами; когда Лобсогой показывается изъ ямы, то два батара Абай-Гэхэръ-богдо-хана бьютъ по головѣ Лобсогоя желѣзными молотами; тогда Лобсогой опять падаетъ въ яму; отъ этого происходитъ землетрясеніе и глухой гулъ подъ землей. Нѣкоторые буряты говорятъ, что будто Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ мальчиковъ (число мальчиковъ неизвѣстно), которые изъ лука стрѣлами постоянно стрѣляютъ въ Лобсогоя, когда онъ показывается изъ ямы; такимъ образомъ они обезсиливаютъ Лобсогоя и онъ обратно уходитъ въ яму, т. е. падаетъ. Еще вариантъ: говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но не могъ убить и вслѣдствіе этого придавилъ его тремя горами, а потомъ, чтобы Лобсогой не свалилъ съ себя эти три горы и не вышелъ изъ подъ нихъ, эти три горы съ Лобсогоемъ воткнулъ въ землю, т. е. пригвоздилъ своимъ копьемъ, отчего Лобсогой не можетъ выйти изъ подъ этихъ горъ. Къ этому разсказу нѣкоторые прибавляютъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ создалъ одного сильнаго батара, который будто бы приколачиваетъ копье въ землю желѣзнымъ молотомъ. Варианты разсказовъ о Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ неисчерпаемы. По словамъ бурятъ, когда кончится міръ и будетъ галабъ, Лобсогой опять встанетъ и будетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ; на этотъ разъ Лобсогой побѣдитъ Абай-Гэхэръ-богдо-хана.

Буряты говорятъ и спорятъ убѣжденно, что въ прежнее время Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ дѣйствительно жилъ на землѣ; въ подтвержденіе этого указываютъ на слѣды его земной жизни. Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ воевалъ съ Лобсогоемъ и стрѣлялъ въ него стрѣлами, будто бы одна стрѣла Абай-Гэхэръ-богдо-хана попала въ гору Елонъ-Тѳрѳнъ и разсѣкла ее; это мѣсто буряты обыкновенно называютъ Тѳрѳни аманъ или Тѳрѳни хѳтѳль (ротъ Тѳрѳна или проходъ Тѳрѳна). Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ поднялъ стрѣлу съ земли и стряхнулъ съ нея землю, то земля, упавшая изъ косточки стрѣлы (звѣзъ) образовала гору Оксогоръ. Въ Вильширскомъ инокрѣскомъ вѣдомствѣ тоже есть двѣ горы, будто бы прострѣленные Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ, который, по словамъ бурятъ, выстрѣлилъ съ южной стороны; первая прострѣленная гора называется Мухуръ-Уланъ (или Хара-хушунъ), а вторая Удактай; когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ прострѣлилъ стрѣлою эти двѣ горы, то образовались проходы (хѳтѳль) и изъ вынудой стрѣлою изъ этихъ горъ земли образовалась новая гора въ Улейскомъ инокрѣскомъ вѣдомствѣ, тоже подъ названіемъ Оксогоръ.

Кромѣ того буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, сваливши Лобсогоя на землю и взявши его за ноги, волокъ по землѣ; вслѣдствіе этого образовалось одиннадцать падей; самая средняя падь большая, по краямъ по пяти небольшихъ падей. Средняя большая падь образовалась отъ тѣла Лобсогоя, а по краямъ по пяти небольшихъ падей образовались отъ пальцевъ Лобсогоя; будто бы своими пальцами Лобсогой выбороздилъ землю.

Въ Тункѣ есть остатки отъ сожженнаго дворца Галъ-Дѳлмѳ-хана; тутъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ съ помощію девяти небесныхъ кузнецовъ (тэнгэрни ехонъ дархадъ) раскалывалъ сына Галъ-Дѳлмѳ-хана, отчего дворецъ Галъ-Дѳлмѳ-хана расплавился и образовалась гора камней и желѣзныхъ шлаковъ¹⁾. Буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ жилъ въ теплой странѣ (дуланъ газаръ) Тибетъ, а Галъ-Дѳлмѳ-ханъ и Лобсогой жили на этихъ мѣстахъ, т. е. въ Иркутской губерніи.

Бурятская сказка Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ мною записана со словъ разсказчиковъ Пѣткова Тушмилова и моего отца Николая Хангалова; разсказывая, они оговаривались, что давно не

¹⁾ Вѣроятно тункинскіе базальты. Г. П.

говорили эту сказку; от других бурят, напимѣръ отъ Онгой Чупкинова, Хабхуная и прочихъ, я воспользовался только отрывочными дополненіями и именами дѣствующихъ лицъ.

М. Хангаловъ.

Нѣкоторыя черты Гэсэра сходны съ халхаскимъ сказаніемъ объ Абутай или Абутай-сайнгъ-ханѣ (Очерки сѣв. зап. Монг. IV, 332—341).

1) На Абутая Далай-лама высылаетъ собакъ.—На Гэсэра Чотонъ высылаетъ собакъ.

2) Абутай саблей раскрываетъ парныя чашки, въ которыя спрятался Далай-лама.—Гэсэръ вскрываетъ тулугъ, въ которомъ скрывается Аку-Чотонъ.

3) Абутай прячетъ помогающую ему женщину въ яму. Гаданье даетъ возвращенныя показанія объ обстановкѣ сидящаго въ ямѣ.—Жена прячетъ Гэсэра въ яму. Гаданье даетъ возвращенныя показанія.

4) Абутай добываетъ Дзу-Эрдени.—Гэсэръ похищаетъ у матери эрдени.

5) Остановленное движеніе на перевалѣ; отсѣченіе зада у статуи бога.—Задержанное движеніе на перевалѣ (стр. 13, 42); отсѣченіе ворота у шубы (стр. 43).

Гэсэру соответствуетъ въ халхаскомъ сказаніи Абутай, Чотону—Далай-лама. Судя по эпизоду на перевалѣ, часть былинны о Гэсэрѣ была первоначально рассказомъ о добываніи «драгоценности» (эрдени), приносящей благосостояніе. Приостановленное движеніе встрѣчается въ сказаніяхъ о Кодду-бурханѣ (конь по колѣна вязнетъ въ землю; Оч., IV, 424), о живомъ богѣ (ibid., 333, 335, 339, 340), о Джу-рембучи (см. ниже № 27), о Шантиварманѣ и Авалокитешварѣ (Васильевъ, Буддизмъ, III, Дараната, стр. 147 и 160), о Борми-ярыжѣ (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 26), о шаманѣ Уриерѣ (Этн. Сборн., IV, 298), о хотанской статуѣ (Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 45), о Чингисовой погребальной колесницѣ (Сананъ-Сэцрэнъ, Gesch. d. Ost. Mong., 107; Алтанъ Тобчи, стр. 146; см. также ниже, № 55), о триумфальной колесницѣ Урджянъ-рембучи (№ 36); о трупѣ Ватирава (Сборн. свѣд. о кавказск. горахъ, в. V, стр. 27—35). Ср. также Оч., IV, 804, 883.

Къ нѣкоторымъ изъ этихъ сказаній привязано начало культа, прибытіе въ край божественнаго изображенія и построеніе перваго монастыря.

Рассказъ Даранаты о поѣздѣ Шантивармана за богомъ Авалокитешварой переданъ такимъ образомъ: Царь Шубасара увидѣлъ во снѣ, что если онъ пошлетъ упасаку Шантивармана, отшельничающаго въ горахъ Пундаварданъ, въ Поталу съ приглашеніемъ Авалокитешвары и если богъ придетъ, то морь отъ дракона прекратится и наступитъ благоденствіе. Шантиварманъ получаетъ отъ царя письмо къ богу и ожерелье или четки въ подарокъ и отправляется въ Поталу. Прежде въ Поталу былъ подземный ходъ, по которому Шантиварманъ и прошелъ. Въ настоящее время это мѣсто занято моремъ и путь прекратился (не отступало ли море только на то время, пока проходилъ Шантиварманъ?). На пути Шантиварманъ встрѣчаетъ препятствія, но преодоливаетъ ихъ вслѣдствіе молитвъ богинямъ Тарѣ и Брикурти. Наконецъ онъ достигаетъ горы Поталы и видитъ храмъ. Тутъ онъ живетъ цѣлый мѣсяцъ, проводя время въ молитвѣ. Наконецъ является какая-то женщина и проводитъ его черезъ многочисленныя залы храма. Въ концѣ храма онъ видитъ пять боговъ, передаетъ четки ¹⁾ и письмо царя и приглашаетъ ихъ прийти на Джампудвину. Богъ Авалокитешвара даетъ ему пана, т. е. денегъ и говоритъ, что съ ними онъ можетъ возвратиться домой и гдѣ деньги выйдутъ, тамъ богъ и явится. Пошелъ упасака домой, но увидѣвъ горы Пундуварданъ, такъ обрадовался, что не поберегъ денегъ и издержалъ ихъ тутъ всѣ. Авалокитешвара или пять боговъ явились ему на деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, но не пошелъ далѣе въ глубь страны. На мѣстѣ появленія бога Шантиварманъ построилъ храмъ Касарпана. Это слово, говоритъ Дараната, переводятъ двояко: 1) ходящій по вѣсдуху и 2) деньги, издержанныя на пищу. Халхаское сказаніе объ Абутай, намъ кажется, есть вариантъ сказанія о Шантиварманѣ и та же тема введена и въ повѣсть о Гэсэрѣ.

Сходныя черты въ Гэсэрѣ съ сказаніями о Чингисѣ или Темучинѣ:

1) Угонъ лошадей (Алтанъ Тобчи, 128; Сананъ-Сэцрэнъ, 69).

2) Проживаніе послѣ похода въ полѣ съ женщиной и забвеніе оставленной дома жены (Алтанъ Тобчи, 135; Сананъ-Сэцрэнъ, 77).

¹⁾ Четки фигурируютъ также въ сказаніяхъ объ Абатаѣ (Оч., IV, 384).

3) По народнымъ разсказамъ Чингисъ сынъ Хормусты; Гэсэръ также сынъ Хормусты (въ бурятск. Хань-Тюрмаса).

Эти эпизоды, можетъ быть, указываютъ на то, что въ древности Чингисъ и Гэсэръ были синонимы, что существовали сказанія, въ которыхъ употреблялось парное Чингисъ-Гэсэръ, которое и теперь еще можно слышать отъ урянхайцевъ на Улу-хемъ (Чингисъ-Кэсэръ-кайраканъ: Оч., IV, 819; ср. также Чингисъ-Хаджиръ-60, Учен. Зап. Казанск. унив., 1846, III, 69; Березинъ, Вибл. восточ. историковъ, т. I, стр. 19 татарск. цифрами).

Разсказъ о продолжительномъ отсутствіи Чингиса изъ дома и о забвеніи старой жены помещенъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 135; Чингисъ названъ въ разсказѣ Богдо-Эдзэномъ); угонь лошадей тамъ же (стр. 128; восемь соловыхъ мериновъ), у Сананъ-Сэцэна (восемь соловыхъ), стр. 69 и въ Юань-чао-ми-ши (стр. 45; восемь сивыхъ мериновъ). Ср. также въ Оч., IV, 406: Сентенъ-хунъ-тайджи угоняетъ семь буланныхъ лошадей у своего отца. На связи Гэсэра съ Чингисомъ указываетъ и появленіе въ сказаніяхъ о томъ и другомъ лицѣ эпизодовъ о Тарханѣ и его головахъ (см. примѣчанія къ № 54 и Оч., IV, 290 и слѣд.). Лѣтописи называютъ одного изъ братьевъ Чингиса Хасаромъ; по Рашидъ-Эддину Хасаръ имѣлъ прозвище Хабуту, «искусный стрѣлокъ». По свидѣтельству г. Позднѣва, одна изъ монгольскихъ лѣтописей (Ихэ монголъ ундусунъ алтанъ тобчи) то, что изъ другихъ лѣтописей извѣстно о Темучинѣ-Чингисѣ, приписываетъ Хасару (Монгольская лѣтопись Эрденійнъ Эрхэ, 1883, Спб., стр. XXVIII). Рашидъ Эддинъ говоритъ, что Хасаръ значитъ «левъ»; почему-то г. Березинъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что Рашидъ-Эддинъ отождествлялъ имена Хасаръ и Гэсэръ. (Труды Вост. Отд. Имп. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 197). Въ восточныхъ лѣтописяхъ, переведенныхъ на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующіе эпизоды, которые какъ будто напоминаютъ Гэсэра: 1) Хасаръ стрѣляетъ въ сороку, что вызываетъ неудовольствіе со стороны Чингиса; Гэсэръ стрѣляетъ въ рябчика (Schmidt, Die Thaten, 33), послѣ чего Зотынъ-нойонъ падаетъ съ испугавшагося быка; въ Оч., IV, 260, выстрѣлъ, связанный съ именемъ Гэсэра и съ темой паденія съ лошади, сдѣланъ по сорокѣ. 2) Въ разсказѣ о Чингисѣ Хасаръ убиваетъ старуху, которая сидѣла на городской стѣнѣ и наводила моръ на солдатъ Чингиса (Алтанъ-Тобчи, 142; Сананъ-Сэцэнь, 101). Ср. съ разсказомъ о старухѣ ан-дурсы (стр. 18), а также съ старухой на стѣнѣ (стр. 36) въ тангутскомъ вариантѣ А.

О Хасарѣ у Рашидъ-Эддина (I. с., стр. 64) сказано: «Сила его была такова, что взиравши человека обѣими руками, переламывалъ пополамъ подобно деревянной стрѣлѣ». Но то же самое сказано и о Хутула-каанѣ (стр. 40), который обрисованъ еще болѣе былинными чертами: «Монгольскіе стихотворцы сложили въ похвалу его много пѣснопѣній. Крикъ его былъ слышенъ за семь холмовъ. Пятерня его похожа на лапу медвѣдя; онъ безъ труда переламывалъ человека на двое, какъ деревянную стрѣлу. Ночью онъ спалъ у костра ногой; горячіе угли падали на него и жгли, онъ не обращалъ на то вниманія, а проснувшись, думалъ, что кусаетъ вошь. Заравъ сѣдалъ барана и выпивалъ котель кумыса». Вѣроятно разсказъ, помещенный Рашидъ-Эддиномъ далѣе, есть забытая теперь былина (одно изъ пѣснопѣній). Равнодушіе Хутула-хана къ обжогамъ напоминаетъ записанное нами преданіе о Сартактаѣ (въ алтайскихъ сказаніяхъ это имя спаривается: Сартактай-Кэсэръ Radloff, Proben, I, 188; Оч., IV, 286), который волковъ, грызущихъ его ноги во время сна, принималъ за комаровъ (Оч., IV, 287). Не былъ ли этотъ Хутула-ханъ синонимъ Гэсэра (Хасара?).

Обзоръ темъ, связанныхъ съ именами Гэсэръ и Хасаръ, заставляетъ подозрѣвать тождество этихъ персонажей, но возможно ли допустить фонетическую связь между двумя именами, не знаемъ.

Въ монгольскихъ и тюркскихъ сказкахъ встрѣчается пара собакъ, которая упоминается также и въ толкованіяхъ къ созвѣдію Орионъ. Вотъ версія именъ этихъ собакъ: Асыръ и Басыръ (Оч., IV, 399, 670), Хасыръ и Басыръ (ib., 284, 505, 514), Казаръ и Пазаръ (Radloff, Proben, II, 394—396 и 410). Въ бурятскихъ сказкахъ эти собаки называются Агыръ и Вагыръ. Важность того обстоятельства, что эти имена введены въ легенды о созвѣдіи Орионъ, почувствуется въ томъ случаѣ, если окажется, что въ основѣ сказанія о Гэсэрѣ лежатъ звѣздныя мифы. Въ записанномъ мною въ Ордосѣ монгольскомъ вариантѣ Гэсэръ во время службы у широнгольскихъ царей скрывается подъ именемъ Кусуръ олоксонъ Ольджебай. По объясненію рассказчика Пунцука это значило: «на степи или въ полѣ найденный Ольджебай». Какъ въ монгольскомъ маньчжурскомъ текстѣ читается это имя, не знаю. У Шмидта: (Die Thaten Bogda Gesser Chan's, 1839, S. Ptb., S. 253): «auf Erde aufgerafte Oldschibai». Erde, «земля» по монгольски «гадаръ». Можетъ

быть сложное: Гадварь-олоксонь-ольджебай было составлено изъ именъ Гесэра: третье олоксонь («найденный») можетъ быть Олакчинъ, Улакчинъ, форма, которая также встрѣчается въ турецкихъ сказкахъ. См. «Фуртскія сказки», въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла Им. Рус. Геогр. Общ., Иркут., 1889 г., т. I, в. 1, стр. 140.

Турецкія параллели:

а) Гесэръ и киргизскій Козу-курпешъ (Radloff, Proben, III, 263; исторія происходитъ во времена какого-то Огшѳл-бет'я):

1) Гесэръ является къ царю служить подъ видомъ пастуха, спитъ сначала между овцами, а потомъ въ одномъ покоѣ съ дочерью царя.—Козу-курпешъ является къ Сарыбаю служить подъ видомъ овечьего пастуха; дочь Сарыбая на ночь беретъ его въ свою юрту.

2) Гесэръ заставляетъ открыть тайну, гдѣ найти коня, прижавъ руку матери къ горячему ячменю.—Козу-курпешъ заставляетъ мать сказать, гдѣ найти суженую невѣсту Баянъ-сулу прижавъ руку матери къ горячему ячменю.

3) Въ отсутствіе Гесэра его имѣніе захватываетъ Чотонъ; Гесэръ бросаетъ врага въ яму и освобождаетъ родителей.—Въ отсутствіе Козу-курпеша его имѣніемъ овладѣваетъ Джеды-бай¹⁾,

4) Сорока носитъ письма.—Жаворонокъ носитъ письма.

Уравниеніе именъ будетъ такое: Гесэръ = Козу-курпешъ, Нгаре-олу = Баянъ-сулу, Чотонъ-ака = Джедыбай. Нгаре-олу ср. съ Наранъ-Сулу, у Радлова, Proben, III, 321.

У Кувльджинскихъ таранчей есть сказка Бозу кѳгрѳsch (Radloff, Proben, VI, 211). Начало: выстрѣлъ по воронѣ; кровь на снѣгу; сходно съ рассказомъ о Чингисѣ на охотѣ (см. № 56). Бозу-кѳрпешъ идетъ искать дѣвицу; встрѣча съ паршивоголовымъ, котораго онъ убиваетъ, воткнувъ въ яму годовую и одѣвается въ его платье; это единственная черта, сходная съ Козу-курпешемъ, Далѣе не сходно; дѣвица оказывается умной, какъ въ турецкихъ сказкахъ о Джиренъ-пешенѣ, Настоящій Козу-курпешъ у таранчей это сказка о Таји-расча и Сора-шенім (Proben, VI, 236). Отцы дѣтой Акъ-ханъ и Кара-ханъ (вмѣсто киргизскихъ Сары-бая и Карабая); кончается сказка тѣмъ, что кяфиръ (вмѣсто Кодара киргизскихъ вариантовъ) убиваетъ Тѣджи, послѣ чего Сора, разсыпая перлы по степи, увлекаетъ соаульныхъ дѣвушекъ къ могилѣ Тѣджи, оплакиваетъ его и умираетъ. На могилѣ Тѣджи вырастаетъ тополь, на могилѣ Сора рововый кустъ; кяфиръ ведетъ себя похоронить между ними; тутъ выросла колючка, которая мѣшаетъ и колется, когда тополь и кустъ хотятъ привѣтствовать другъ друга. Въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Археолог. Общ., т. VIII, 1877, стр. 138, въ ст. И. Н. Верезина: «Н. О. Костылецкій» передается содержаніе былинны Козу-курпешъ, вѣроятно вариантъ изъ подъ Кокчетава; конецъ былинны: на могилѣ Козу и Баянъ-сулу выросло два тополя, а между ними поросло терніемъ; «Кодаръ (это онъ въ видѣ тернія) и по смерти явился разлучникомъ нашихъ любовниковъ» (стр. 145). Параллель эпизоду съ пастухомъ находится въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ. Онъ убиваетъ пилигрима, одѣвается въ его платье приходитъ на свадьбу царя Марлобруна съ Дружневной и проситъ милостыню во здравіе Бовы подобно Гесэру, просящему милостыню у Рогмо-гоа²⁾. Киргизская сказка о Тайирѣ и Сѳрѣ (Radloff, Proben, IV, 341) также есть вариантъ Козу-курпеша: обѣтъ отцевъ породниться, преждевременная смерть отца жениха-мальчика, игра въ бабки, горячій ячмень, смерть отъ соперника (Карабатыра), оплакиваніе невѣстой, разбрасываніе перловъ, смерть на трупѣ жениха, паденіе на ножъ; обнимающіеся тополи на могилѣ. Но вставленъ эпизодъ: отецъ невѣсты заключаетъ Тайира въ ящикъ и бросаетъ въ море; ящикъ ловятъ три царскія дочери. Другой Тайиръ (въ томъ же томѣ) имѣетъ совершенно другой сюжетъ, но онъ также брошенъ въ воду.

б) Киргизская сказка Ерь-гокчу (Radloff, Proben, III, 112): У Уака сынъ Камбаръ, у Камбара Ерь-гокчу. Онъ убитъ въ войнѣ съ Джангбыршы. (Это случилось послѣ смерти какого-то Огшѳл-бет'я). У него остался сынъ Ковай. Ковай поднимается на высокую гѣстницу, осматриваетъ съ нея положеніе дѣлъ, идетъ къ матери, говорить, что отецъ его убитъ и что онъ долженъ ѣхать. Мать отговариваетъ, ссылаясь на его малолѣтство. Ковай силой заставляетъ пастуха

¹⁾ Такъ въ рукописномъ вариантѣ, доставленномъ изъ Омска на сѣздѣ ориенталистовъ, бывшій въ Петербургѣ. Рукопись хранится въ архивѣ Имп. Русск. Геогр. Общества.

²⁾ Въ урянхайской сказкѣ богатырь Ерь-Сару убиваетъ пастуха Бузнкай-гаракая и самъ принимаетъ видъ убитаго. Выше было уже приведено имя Тюрмъ-музнкай, конь и противникъ котораго носятъ тѣже имена, какъ конь и противникъ Гесэра. Въ тангутской Гесэръ убиваетъ пастуха, когда идетъ въ домъ Рдуря (см. стр. 48).

Джепекъ-бая сказать, гдѣ ему найдти годнаго коня и посредствомъ хитрости ловить его. Въ городѣ Джангыршы'я желѣзный домъ изъ семи желѣзныхъ стѣнъ; внутри его скованный конь и мальчикъ, котораго выкармливаютъ молокомъ сорока коровъ. Конь Козая съ разбѣгу разбиваетъ желѣзныя стѣны, и Козай убиваетъ коня; Козаевъ конь настаиваетъ, чтобъ онъ убилъ и мальчика, Козай убиваетъ и мальчика; за тѣмъ Козай возвращается домой и женится на дѣвѣцѣ Бота-кызы. Наѣзжаетъ сынъ Джангыршы'я Темиръ-бай и ранитъ копьемъ Козая. Козай умеръ, но Бота-кызы воскрешаетъ его. Конь учитъ его, какъ убить Темиръ-бая; онъ весь стальной, кромѣ горла; его можно убить только ночью, перерѣзавъ горло, что и дѣлаетъ Козай.

Тутъ отголоски сказаній объ Ирнъ-сайнѣ и Гэсэрѣ. Высматриваніе враговъ съ вершины лѣстницы есть въ Ирнъ-сайнѣ (Оч., IV, 446; ср. также въ греческой повѣсти объ Армури; А. Н. Веселовскій, Южн. Выпны, III, стр. 4); ловля коня въ Ирнъ-сайнѣ (Оч., IV, 438) и Гэсэрѣ; вынужденіе пастуха сказать, гдѣ найдти коня—въ Гэсэрѣ. Конь Джангыршы'я въ желѣзномъ домѣ это Кала-мэмбырь тангутскаго варианта Гэсэра; Темиръ-бай это желѣзный Асынь, у котораго также только одно горло уязвимо. Убиваніе мальчика въ Гэсэрѣ перенесено въ конецъ хорской (ширайгольской) войны; это сынъ Рогмо-гоа. Можно дополнить киргизскую сказку; вѣроятно въ полной редакціи описывалось, какъ Козай съ копьемъ Темиръ-бая въ тѣлѣ разъяжалъ по стѣнѣ—тема, въ Ирнъ-сайнѣ отнесенная къ нему самому, въ Гэсэрѣ къ богатырю Мунко.

Имя Ерь-Гокчи (Aghola Oergöktshi Büke) встрѣчается въ монгольскомъ Гэсэрѣ (Schmidt, Die Thaten, 258); это противникъ Гэсэра, вступающій съ нимъ въ борьбу. Ерь-гочку встрѣчается въ генеалогическихъ преданіяхъ киргизъ; поколѣніе Уакъ считаетъ Ерь-гочку своимъ предкомъ (Оч., II, 158). У туркменъ есть и поколѣнія, которыя называются Ерь-кюкча, Акъ-кюкча и Кара-кюкча (Галкинъ, Этнограф. и истор. матеріалы по Средней Азии, Спб. 1868, стр. 8)¹⁾. У урянхайцевъ на Улухемѣ Гочу-ашакъ, т. е. «старикъ Гочу» есть тотъ именскій стрѣлокъ, который преслѣдуетъ трехъ маралухъ, учъ-мыйгакъ, т. е. совѣздіе Орионъ (слѣдовательно то же, что въ другихъ тюрко-монгольскихъ вариантахъ Коготай, Когулдэй, Коголь-найманъ, Хоходой и Сагатай). Въ монгольскихъ же преданіяхъ мы не встрѣчали имени Ерь-гочку, кромѣ книжныхъ сказаній (въ Гэсэрѣ и въ Юань-чао-ми-ши; въ послѣдней Кокочу; Труды Пек. дух. мисс., IV, 134; Зап. И. Арх. Общ., XIV, 158; ср. Оч., IV, 789) и народныхъ бурятскихъ (Кохоче, Хохосо; Оч., IV, 206; Записки Вост. Сиб. Отд. по этн., т. I, в. 1, стр. 126). Ни въ халхаскихъ, ни въ южнотомонгольскихъ сказаніяхъ имѣ этой формы не встрѣчалось.

Здѣсь мы натываемся на факты, которые трудно примирить съ принятымъ мнѣніемъ о происхожденіи Гэсэра изъ Тибета. Нахожденіе Гэсэровскихъ темъ у киргизъ, конечно, можетъ быть примирено съ этимъ мнѣніемъ двумя предположеніями или 1) предположеніемъ, что киргизы заимствовали эти темы отъ монголовъ, изъ вторыхъ рукъ или 2) предположеніемъ, что киргизы получили ихъ прямо изъ Тибета, т. е. помимо монголовъ. Нахожденіе темы о Джангыршы'евомъ конѣ и о желѣзномъ Темиръ-бай, при отсутствіи этой темы у монголовъ, заставляетъ остановиться на второмъ предположеніи. Появленіе въ связи съ Гэсэромъ имени Ерь-Гокчу въ киргизской сказкѣ также не колеблетъ эту гипотезу; турки могли вставить въ тибетскую сказку свое излюбленное имя. Но появленіе Ерь-Гокчу и въ монгольской версіи вызываетъ недоумѣніе; мало распространенное и никогда не встрѣчающееся у монголовъ вполне въ этомъ видѣ, это имя не могло быть внесено въ сказаніе самими монголами. Очевидно, оно пришло къ монголамъ извнѣ вмѣстѣ съ древнѣйшей чуждой редакціей.

Легче эти факты объяснятся, если мы примемъ, что Гэсэръ первоначально принадлежалъ тюркамъ, напримѣръ уйгурамъ. Уйгуры могли передать сказку и монголамъ и тангутамъ; къ тангутамъ дошла редакція съ Кала-мэмбыромъ, но безъ Ерь-Гокчу; къ монголамъ съ Ерь-Гокчу, но безъ Кала-мэмбыра. Тюркскія племена, родственныя уйгурамъ, также имѣли свои версіи, и въ нихъ сохранились оба имени и Ерь-Гокчу и Кала-мэмбырь. Ниже будутъ еще указаны факты, способные поддержать мнѣніе о тюркскомъ (уйгурскомъ?) происхожденіи Гэсэра.

в) Параллели между Гэсэромъ и тюркской сказкой Акъ-Кобокъ (Radloff, Proben, IV, 61).

1) Гэсэръ хочеть выйдти изъ утробы матери черезъ ея темя, но мать указываетъ ему

¹⁾ Подобно этому, у селенгинскихъ бурятъ есть поколѣніе Бурте-чино; имя предка всего монгольскаго народа, извѣстное намъ изъ книжнаго сказанія, здѣсь является именемъ небольшого поколѣнія (см. Памяти. кн. Ирк. губ. на 1881 г.).

для опис. мѣсти. и пл. Кавк., XII, 17). получаетъ отъ великана огонь; Абатай получаетъ отъ Далай-ламы изображение бога, которое было зарыто (спрятано) въ пепель (огонь?).

Сосрыко и Тотырешъ (Сборн., V, 53) должны выѣхать на составаніе. Сатана, мать Сосрыко, навязываетъ на хвостъ коню сына колокольцы; конь подъ Тотырешемъ вѣбѣлся, разнесъ и убилъ Тотыреша. Ср. съ эпизодомъ о испуганномъ быкѣ въ Гесэрѣ, сбросившемъ съ себя Саргалъ-ноёнъ-хана (ср. Die Thaten, 33; Очерки, VI, 250). Въ одномъ изъ сказаній о Сосрыко является имя Сартакъ (Ахсартагъ; Сборникъ св. о кавк. горц., V, 2), форма, которая во внутренней Азии спаривается съ формой Кэзэръ (Сартактай-Кэзэръ). См. Оч., IV, 286, 840.

Святогоръ примѣриваетъ гробъ по своему тѣлу, ложится въ него, и гробъ запечатывается на вѣки. Святогоръ совѣтуетъ Ильѣ муромцу прислонить голову къ гробу, но еслибъ Илья послушался, онъ умеръ бы. Акъ-кобокъ наѣзжаетъ на вырытую могилу, кидаетъ въ нее свой панцырь и, убѣдившись, что могила приготовлена для него, ложится въ нее. Его погребаютъ ¹⁾. Коварный совѣтъ противника также есть, но онъ приведенъ отдѣльно, ранѣе. Умирающій Мангушъ совѣтуетъ Акъ-кобоку наклониться, но тотъ не послушался, а то бы умеръ. Этой оэирисовской темѣ нѣтъ въ Гесэрѣ, но что она могла быть въ прежнихъ редакціяхъ, факты, располагающіе вѣрить въ это, есть. Черты мѣла объ Оэирисѣ въ раздробленномъ видѣ и въ цѣломъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ сказкахъ Монголіи и Сибири; ср. Очерки, IV, стр. 563, сказка качинскихъ татаръ о Хангаваѣ; въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, сказка «Алтанъ-сэсэкъ и его сестра» (гробъ съ покойникомъ, врубленный въ рогъ оленя, стр. 59). Въ Гесэрѣ есть эпизодъ о Кала-мэмбырѣ, который упалъ въ море (не брошенъ ли Желѣзнымъ Асыномъ?); мясо съ его костей свалилось, но его мать, Ане-гома, собираетъ свалившееся мясо, подобно тому, какъ Чечинъ-кызы собираетъ кости Хангавая. Передъ своей борьбой съ Асыномъ Каламэмбыръ встрѣтилъ человека ²⁾ съ ношей, съ желѣзнымъ ящикомъ, въ которомъ былъ скрытъ Желѣзный Асынъ; этотъ эпизодъ однако не развился ни въ рассказъ о земной тягѣ, ни въ примѣриваніе гроба. Мутилизация въ сказкѣ о Хангаваѣ передана въ видѣ того, что Чечинъ-кызы не находитъ одного сустава, потерявшагося въ морѣ. Ср. въ сказаніи о Ельбекъ-ханѣ; у него отстрѣленъ мивинецъ (Алт. Тобчи, 157; Санаанъ-Сэцэнгъ, 143); но надъ Чингисомъ было совершено оскотленіе ³⁾; эта черта въ Чингисѣ дополняется опущеніемъ въ море; онъ или его мать, беременная имъ, въ бочкѣ брошены въ море (Radloff, Proben, III, 83). Другой рассказъ о Чингисѣ: онъ самъ прыгаетъ въ водѣ; но и этотъ эпизодъ, повидимому, принималъ видъ насильственного погруженія въ воду; ср. киргизское преданіе о Есекенѣ (Оч., II, 149). Впрочемъ сидѣніе Чингиса въ водѣ не влечетъ за собой смерти.

Кодонъ протыкаетъ копьемъ тѣло Акъ-Кобока насевозъ. Израненный и продырявленный копьевыми ранами, Кобокъ напоминаетъ Муногъ въ Гесэрѣ и Ирнъ-сайна (Оч., IV, 449), которые со стрѣлой или копьемъ въ груди разлѣзжаютъ по степи. (Жалобы и обращенія Муногъ къ животнымъ ср. съ картиной умирающаго Сосрыко, Сборн. о кавказск. горцахъ, V, 9). У Рашидъ-аддина, II, 39: Хаданъ-бахадуръ и Моторъ-бахадуръ устроили поединокъ на мѣстѣ Беранъ-сенгданъ; Хаданъ прокололъ Мотора. Моторъ долго страдалъ; потомъ еще сразились въ мѣстѣ Юла-илакъ и Керъ-илакъ. У Радлова, Proben, IV, 66 въ сказкѣ объ Акъ-кобокѣ упоминаются мѣста «большая вода Kürlak» и «большая вода Scharlak».

Эти формы: Хаданъ, Кодонъ, Кидонъ (у Радлова Ködön kan, IV, 69; Ködön pi, I, 226; Kidañ chan, IV, 182), Котанъ можно еще умножить; въ Монголіи я записалъ былинку о Хаданъ-даюгъ и Ховугу (Оч., II, 386), которая можетъ быть принята за варіантъ тюркской объ Акъ-кобокѣ; въ Алтаѣ г. Радловъ записалъ еще одинъ варіантъ ея же, въ которомъ герой называется Адынъ-торо-алактай (Radl., Proben, I, 286). Сюжетъ ихъ тотъ же, что въ русской былинѣ о

¹⁾ Я думаю, что были редакціи, которыя заставляли ложиться въ гробъ не Кобока, а Кидана. Это на томъ основаніи, что тобольскіе татары древнія чудскія могилы и другіе остатки древности приписываютъ народу киданъ, а объ этихъ могилахъ самое распространенное повѣрье, что онѣ сложены людьми, которые сами себя зарыли въ землю. О приведенномъ татарскомъ преданіи см. у Миллера, Опис. Сибирск. царства, стр. 11 и 12. Легенда о заранѣ приготовленной могилѣ у киргизъ отнесена къ Хорхуту; см. Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. IV (Сиб., 1859); стр. 283; ср. Очерки, IV, 847. По одному показанію это святой, по другому первый шаманъ.

²⁾ Человѣкъ этотъ названъ китайцемъ. Не потому ли, что въ тюркской редакціи стояло Киданъ?

³⁾ О сближеніи Чингиса съ Ельбекъ-ханомъ см. ниже въ примѣчаніяхъ къ № 56.

по тюркски значить «бѣлая борода»; Оч., IV, 435; см. также *ibid.*, стр. 416). Два богатыря Сабаръ и Уланъ-хонгоръ на конѣ Арангула заворачиваютъ табунъ въ то время, какъ онъ переплывалъ море; они убиваютъ семь богатырей Замбалъ-хана, отрубаютъ имъ головы и привязываютъ къ ихъ конямъ, и этихъ коней направляютъ за море.

Угонъ лошадей включенъ также въ легенду о Чжумынѣ (о. Иакинѣ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азии, II, 55). Но ближе всего къ редакціи Гесера угонъ описанъ въ дюрбютской былинѣ объ Ирнѣ-сайнѣ (Оч., IV, 444); тутъ разсказывается (какъ и въ тангутскомъ сказаніи, стр. 17) и то, что одна лошадь притворяется слабой, отстаетъ отъ табуна и старается возвратиться домой.

Ср. также кавказское сказаніе объ угонѣ лошадей у Тлебицы (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, в. XII (Тифлисъ, 1891), стр. 51). Нарты подъ предводительствомъ князя Несренжаке (въ другихъ вариантахъ Насранжаке) пришли къ Идылю, чтобы отогнать табунъ Тлебицы, пасущіеся за рѣкой, но не знаютъ брода. Мальчикъ Ашемезъ узнаетъ во время игры въ бабки, что отецъ его убитъ; онъ открываетъ имя убійцы, заставляя мать сказать тайну, зажавъ ей руки съ горячимъ ячменемъ; это Тлебица. Ашемезъ указываетъ нартамъ бродъ и принимаетъ участіе въ угонѣ лошадей. Одинъ конь успѣваетъ вырваться и тщетны усилія нартовъ завернуть его. Конь убѣгаетъ къ Тлебицѣ, который садится на него и выѣзжаетъ на встрѣчу Ашемезу. Происходитъ поединокъ. У Тлебицы жена Бедуху, отъ дыханія которой заживаютъ раны какъ у Тлебицы, такъ и у коня. Ср. съ тангутской ан-дурсы.

Муравья (стр. 2); см. № 92; о царѣ муравьевъ см. Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 36, 42, 119. Царь муравьевъ въ сборникѣ Рыбникова (IV, 245) отмѣченъ Л. Н. Майковымъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1868, май, стр. 630).

Шулмусъ въ качествѣ повивальной бабки (Die Thaten, S. 18; Очерки, IV, 252). Мой ордосскій разсказчикъ называлъ этого шулмуса: Ямаганъ-шолмо. Ямаганъ не эмэгэцъ ли, «старуха»? Мѣсяцъ и солнце во время затмѣнія поглощаютъ злой духъ, по повѣрью аларскихъ бурятъ Раха-шолмо (Вост. Об., 1887, № 50, стр. 13). Не приписывалось ли той же Раха-шолмо и исцеленіе мѣсяца во время новолунія, которое въ сказаніяхъ представляется въ видѣ родовъ?

Гесеръ въ горѣ Чика-арасу (стр. 6). Въ киргизской сказкѣ въ горѣ у чудовища ежъ, керпекъ-шешенъ (Оч., II, 146); въ бурятской также ежъ, заря-азарга (Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы о шаманствѣ въ Извѣст. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2 стр. 21, 22). Ср. также №№ 11 и 51 (Уйленъ ханъ и Суу-хунъ-ву). Въ другой киргизской сказкѣ байгусъ (сова) спасаетъ птицъ предложеніемъ свить веревку изъ масла и поймать лучъ, тема, находящаяся и въ бурятскомъ сказаніи о Заря-азарга (ежъ). Уйленъ-ханъ ср. съ монгольскимъ уйлъ, «сова». Въ бурятской сказкѣ разсказывается: идетъ Заря-азарга (ср. Джоро-Гесеръ-ханъ) между быкамі и быки разбѣжались, увидѣвъ ежа; за это онъ осудилъ ихъ вѣчно носить тяжести и быть подъ ярмомъ; подходитъ Заря-азарга къ табуну лошадей и лошади, испугавшись, разбѣжались; Заря-азара осуждаетъ ихъ носить на головѣ узду, на шеѣ хомутъ, на спинѣ сѣдло и на ногахъ путы и возить человекъ и тяжести (Агапитовъ и Хангаловъ, *ibid.*, 58). Это, очевидно, легенда о первомъ укрощеніи домашнихъ животныхъ; въ Оч., II, 167: укрощеніе верблюда (темень) приписано безъимянному хану, ставшему потомъ гэгэномъ, который первый прохлѣлъ ему въ носъ буль. Ср. № 29: верблюда укрощаетъ Абатай.

У о. Иакинѣ (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азии, II, 55, 98) исторія о Чжумынѣ: Фукойскій государь женился на дочери божества Хэ-бо (бога рѣки) и заперъ ее въ комнатѣ, но отъ солнечнаго луча она зачала и родила яицо, которое бросили собакамъ и свиньямъ, но онѣ его не тронули; яицо бросили на дорогу, но лошади его обходили; бросили яицо въ поле, птицы его прикрывали пухомъ. Царь отдалъ яицо матери; изъ него вылупился мальчикъ Чжумынъ. См. о немъ выше на этой же страницѣ и ниже примѣчанія къ № 72; ср. также съ № 23 (Егъ-Таму-ицо), въ Оч. IV, № 181 (Хэрэкъ-Кирвэсъ, стр. 602) и въ настоящемъ изданіи, въ тангутскомъ вариантѣ Гесера, 38 и 48. Можетъ быть танецъ двухъ масокъ аваръ во время цама¹⁾, изображающій, какъ намъ говорили въ Амдо, въючку животнаго, находится въ связи съ легендой о первомъ укрощеніи животныхъ, которое древній человекъ вѣроятно приписывалъ божеству.

Добываніе богатырскаго коня Гесеромъ (стр. 8) имѣетъ свои параллели въ сказкахъ о

¹⁾ Цамъ—буддйская религиозная пляска.

Иринъ-сайнъ (Оч., IV, 438), въ русской обь Урусланъ Зальазаровичъ и въ бурятской о Ханъ-Гужиръ (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 63). Конь Уруслана Зальазаровича назывался «вѣщій Арашъ», «отъ водяныхъ коней прироженіе»... Во внутренней Азіи жили повѣрья обь особой породѣ лошадей; обь этомъ см. у о. Іакинѣа, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, II, стр. 4 и 22. Въ государствѣ Даванъ въ городѣ Эрши были прекрасныя лошади, назыв. аргамаки. Эти лошади имѣли кровавый потъ и происходили отъ породы небесныхъ лошадей. Въ Ханъ-шу-инъ-и сказано: Въ Давани высокія горы. На этихъ горахъ водятся лошади, которыхъ невозможно достать; почему выбираютъ пятишерстныхъ кобылицъ и пускаютъ при подошвѣ горъ для случки съ горными. Отъ этихъ кобылицъ рождаются жеребята съ кровавымъ потомъ и потому называются жеребятами породы небесныхъ лошадей. Даванскій государь не далъ китайскому императору этихъ лошадей и потому былъ посланъ генералъ Ли-гуанъ-ли съ большимъ войскомъ потребовать небесныхъ лошадей; генералу было дано имя Эрши-гянь-гунъ (Эршескій); т. е. онъ долженъ былъ дойти до города Эрши и взять лошадей. Ли-гуанъ-ли достигъ до столицы Даванскаго царя, осадилъ ее и отвелъ воду отъ города. Даванцы выдали ему лошадей небесной породы. Во время отсутствія Ли-гуанъ-ли его жена была обвинена въ колдовствѣ и его семейство было посажено въ темницу. Ли-гуанъ-ли или, какъ пишетъ о. Іакинѣа, Эршескій остался въ Монголіи, гдѣ хуннскій шаньюй Хулугу женилъ его на своей дочери и оставилъ при себѣ; прежній любимецъ хана Вэй-люй долженъ былъ уступить ему свое мѣсто, но потомъ ему удалось подорвать благосклонность хана къ Эрши. Случилось, что заболѣла мать царя; возхвъ, подученный Вэй-люемъ, сказалъ, будто бы по вдохновенію прежнихъ шаньюевъ, что взявъ Эрши въ плѣнъ, слѣдовало принести ему жертву. Вслѣдствіе этого «законали Эршескаго, чтобъ принести жертву ему». Сряду нѣсколько мѣсяцевъ шелъ снѣгъ, произошли вслѣдствіе этого падежъ скота и болѣзни между людьми и хлѣбъ не созрѣвалъ. «Шаньюй пришелъ въ страхъ и построилъ храмъ для жертвоприношенія Эршескому» (стр. 55).

О тѣхъ же коняхъ, повидимому, говорится по поводу царства Тухоло (ibid., стр. 255): На сѣверѣ есть гора Поли. Въ пещерѣ на южной ея сторонѣ есть божественный конь. Жители пригоняютъ къ горѣ части кобылицъ и отъ этихъ кобылицъ происходятъ потокровныя лошади.

Въ позднѣйшее время подобное повѣрье связывается съ оз. Хуху-норъ: Въ древности озеро славилось превосходными пестрыми лошадьми драконовой породы, разведениемъ которой специально занимались Тогонцы, по свѣдѣніямъ исторіи Вэй; однако порода эта прекратилась еще при Суйской династіи. Тогда сдѣлали попытку пустить кобылицъ на острова озера, но прихода не получилось. Успенскій, «Страна Куканоръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI (Спб., 1880), стр. 64. Потье, въ примѣчаніяхъ къ Марко-поло, приводитъ китайское извѣстіе о чудесахъ западныхъ странъ, доставленное въ Монголію вѣстникомъ царевича Гулагу послѣ завоеванія Персіи: «Есть родъ лошади-дракона (loing-tchoing-mâ); ее производятъ западное море; она имѣетъ чешую и рога. Когда кобыла имѣетъ жеребенка, ее не пускаютъ вмѣстѣ съ морскими лошадьми, потому что послѣднія уводятъ ихъ въ море». Pauthier, Le Livre Marco Polo, I, introduction, CXLVIII.

Эти рассказы относятся, можетъ быть, къ настоящимъ аргам азамъ, но къ нимъ примѣшаны повѣрья о свойствахъ сказочныхъ богатырскихъ лошадей въ родѣ той огненной Янь-чжи-ма, на которой могъ ѣздить только китайскій герой Гуанъ-инъ (Гуанъ-лао-ѣ).

Гэсеръ подбросилъ колючку подъ ноги коня Чотона (стр. 8); конь охромѣлъ и Чотонъ отсталъ. Ср. въ Очеркахъ, IV, 421: Эртене-мергенъ портитъ ногу коня своего брата Атучи-Аксага-ашака. Атучи принужденъ отстать. Въ башкирской сказкѣ шестьдесятъ товарищей вколачиваютъ 60 гвоздей въ ноги коню богатыря Туляка (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, смѣсь, стр. 66).

Употребленіе стрѣлъ вмѣсто дровъ (стр. 12, 70; Die Thaten, 74) рассказывается также въ сказаніи о Шуно (Записки Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 36; Оч., IV, 309).

Гэсеръ въ ямѣ у очага въ домѣ Дыря (стр. 25, 39 и 43); ср. со сказкой о хитромъ Тарданахъ у Радова, Гробен, I, 28 и другими сходными.

Противникъ, обманомъ принужденный оглянуться и убитый въ это время (эпизодъ о Каламъбырѣ и Желѣзномъ Асынѣ, стр. 21), встрѣчается въ рассказѣ о Гуанъ-лао-ѣ, см. № 54 и въ бурятск. сказкахъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 34).

Эпизодъ съ коровой и вопросы: ты чего боишься? (стр. 23) ср. съ сказкой о Балынъ-сенге, Оч., IV, 241 и 243.

Гэсэръ накорнилъ Чжарсея однимъ ребромъ мыши (стр. 33): Въ Шиндтовскомъ Гэсэрѣ (Die Thaten, стран. 58) и въ сказкѣ Вулотъ-хуре, Оч., IV, № 114, та же тема получила иной видъ.

Гэсэръ въ концѣ сказки слѣпнеть (стр. 37); слѣпота въ соединеніи съ осконзленіемъ часто является въ сказаніяхъ о кровосмѣшеніи. Встрѣча съ дочерью Кунингъ-джаву и разломанная серьга не указываютъ ли на то, что Гэсэръ и эта царевна были братъ и сестра? Впрочемъ проще предположить, что дочь Кунинга была жена Гэсэра, которую онъ отыскивалъ.

Смерть Гэсэра отъ настуха Кала-мэмбыра (стр. 38) не мотивирована. Можетъ быть этотъ эпизодъ былъ прежде ближе къ рассказу о смерти Козая отъ Темиръ-бая (Radloff, Proben, III, 128).

Подобно тому, какъ рядомъ съ Чингисъ-ханомъ-Темучиномъ встрѣчается форма Урусъ, Барсъ, въ монгольскихъ вариантахъ Гэсэра (такъ наприм. въ вариантѣ, который и слышалъ въ Ордосѣ) упоминается богатырь Барсъ. Въ Шиндикурѣ глава XXIII содержитъ рассказъ о матери Гэсэра; сказка кончается заявленіемъ, что она родила четырехъ сыновей; одинъ изъ нихъ Гэсэръ, другой Барсъ-Ирбисъ (Этн. Сб., VI, стр. 102).

Одна изъ жёнъ Гэсэра въ монгольскомъ вариантѣ называется Тумель-джиргалагъ; Тумель встрѣчается и въ новѣйшихъ сказкахъ; въ тюркской сказкѣ небесная дѣва Тэмель-ногонъ жена богатыря Кэрваса (Оч., IV, 613); въ бурятскихъ космогоническихъ преданіяхъ небожитель (тэнгиръ) Гужиръ имѣетъ женою небесную дѣву Тумь-Ногонъ-духъ (Агапатовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 3). Сказку о Гужирѣ я сблизилъ съ Гэсэромъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, помѣщенной въ «Вѣсти. Европ.», сент. 1890 г.

Въ тангутскомъ вариантѣ упоминается Желѣзный Асынъ; по нашему мнѣнію, это Темиръ-бай киргизской сказки (Radloff, Proben, III, 128). Темиръ-бай убиваетъ Козая; если выправить тангутскій текстъ по киргизскому, т. е. если въ Гэсэрѣ видѣть Козая, а враждебныя Козаю силы, Джангбыршы'я и Темиръ-бая, представить замѣненными Кала-мэмбыромъ, то слѣдовало бы сказать, что Кала-мэмбырь убилъ Гэсэра. Можетъ быть Кала-мэмбырь и Желѣзный Асынъ есть раздвоеніе одного и того же персонажа.

Кала-мэмбырь есть одинъ изъ трехъ братьевъ Гэсэра. Въ тюркскихъ сказкахъ упоминаются три брата: Амурсана, Темирсана (Тамурсана) и Шуно (Radloff, Proben, I, 206; Оч., IV, 667); въ сказкѣ объ этихъ братьяхъ содержится тема о богатырѣ, посаженномъ въ погребъ или яму; это заточеніе богатыря мотивировано ястиѣ, тѣмъ въ эпизодѣ о Кала-мэмбырѣ.

Тема о уязвимости одного только небольшого пятна на тѣлѣ связана съ именами: Темиръ-могусъ (Оч., IV, 378; уязвимое мѣсто пуля; тутъ же рядомъ другая форма: Амьрга-могусъ); Галданъ-бошко, *ibid.*, 410; Анъ-Аджьрга (въ якутской сказкѣ; уязвимо мѣсто противъ сердца; см. Живая Старина, II, стр. 176). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 607: Хэрэкъ-кирвасъ убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ), у котораго уязвимы только два пятна, одно на лбу, другое между стегнами. Повидному этотъ-то Темиръ-сынъ и явился въ тангутской верси подъ именемъ Желѣзнаго Асына. Это свидѣтельствуетъ о тюркскомъ происхожденіи тангутскаго Гэсэра. Полярная звѣзда у хухунорскихъ ольтовъ называется Алтынъ-хасынъ, у волжскихъ калмыковъ алтынъ-гасунъ, «золотой козь»; но у другихъ степныхъ народовъ та же звѣзда называется «желѣзный козь», что по олетси будетъ теуръ-хасынъ. Вѣроятно Желѣзный Асынъ, обратившійся въ камень посреди моря, есть не что иное, какъ Полярная звѣзда, Теуръ-хасынъ.

Въ имени Мэмбырь б можетъ быть вставное. Широнголь-монголы слово амьраху, «отдохнуть», произносятъ амьраху; буряты и халхасы гору Сумеру назыв. Сумбуръ; киргизы монгольское суме, «храмъ» произносятъ сумбе. Если сообразно съ этимъ исправить имя Кала-мэмбырь, мы получимъ Кала-мэмьрь. Въ киргизскихъ преданіяхъ есть форма Мамьрь-ханъ; мы сблизали ее съ алтайской бобьрганъ (Оч., IV, 802), «летяга»; въ киргизскомъ преданіи, Мамьрь-ханъ бросаетъ въ воду своего врага Есекеня. Не было-ли въ тюркскихъ сказкахъ темы: Есекенъ бросаетъ въ воду Мамьрь-хана? Въ тангутскомъ Гэсэрѣ Кала-мэмбырь превращается въ скалу, которая стоитъ на берегу моря (океана?) и караулитъ, чтобъ оно не вышло изъ береговъ. Въ другихъ сказаніяхъ эта черта находится въ связи съ представленіями о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ (См. Liebrecht, Zur Volkakunde, S. 103; Очерки, IV, 763). Мой рассказчикъ Гэсэра, тангутъ Ами-Салунъ, говорилъ, что эту скалу указываютъ на дорогѣ изъ Амдо въ Ласу. Это несомнѣнно та гора, которая указывается со словъ одного китайскаго географическаго сочи-

ненія о. Іакниомъ (Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, ч. II, стр. 181) около озера, дающихъ начало Желтой рѣкѣ и которая называется Алтань-гасу-цилу; китайскій авторъ переводитъ: гасу значитъ Полярная звѣзда, цилу «камень». Желѣзный Асынъ, по словамъ Ами-Салуна, теперь виденъ подъ образомъ скалы въ серединѣ озера. Очевидно, тутъ имѣемъ тему въ родѣ бурятской о Шаманскомъ камнѣ въ истокахъ Ангары (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 109) и тангутской объ островѣ на озерѣ Хухунорѣ; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ скала служитъ затычкой, удерживающей наліаніе воды изъ нѣдръ земли. Полярная звѣзда въ осетинскомъ называется Аксакъ-Темуръ, въ киргизскомъ Темиръ-казыкъ «желѣзный колъ». Объ Аксакъ-Темурѣ есть осетинскія, о Темуръ-ленгѣ восточныя сказанія: это сынъ (царя), котораго отецъ въ дѣтствѣ увѣчитъ, чтобъ убавить его необыкновенную быстроту въ бѣгѣ, или по другой причинѣ (см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. «Ингуши», стр. 20; Radloff, Proben, IV, 307; Гакстаузенъ, Закавказскій край, I, 158). Подобная тема и о Шуно (Radloff, Proben., I, 206; Оч. IV, 309), братѣ Темиръ-санн. Повидимому Шуно и Темиръ-сана раздвоеніе одного и того же имени. Если второй членъ сана есть не что иное, какъ шумо, то все парное (темиръ-шумо) въ переводѣ будетъ значитъ «желѣзный волеъ».

Эпизодъ о черепичной крышѣ (стр. 81) ср. съ рассказомъ въ Бодиморѣ, переведеннымъ Шмидтомъ (Gesch. d. Ost-Mongolen, S.-Pb., 1829, стр. 342). Дара-эка приглашаетъ тибетскаго царя Сронцзанъ-Гомбо войти въ дверь ея дворца, но царь видитъ передъ собой разлившуюся воду и не смѣетъ двинуться впередъ. Дара бросаетъ на мнимую поверхность кольцо; оно покатилося, какъ по льду. Оказалось, что земля передъ дверями дворца была обращена въ хрусталь.

Вставленный въ тангутскій вариантъ В (стр. 40) рассказъ о Гэсэрѣ, проглоченномъ и проходящемъ изъ утробы Самба-гарву въ утробу оленя, явился вѣроятно подъ влияніемъ сказки о мальчикѣ съ палочкѣ (монгольскій вариантъ ея помѣщенъ въ Очеркахъ, IV, 923). О параллеляхъ этой сказки съ именемъ о Гермесѣ и о приуроченіи ея героя къ одной изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы см. въ статьѣ Гастона Париса (Gaston Paris, Le Petit Poucet) въ *Mémoires de la société de linguistique de Paris*, T. I, fascicule 4 (Paris, 1871), стр. 372. Темы Гермеса въ Гэсэрѣ: 1) Гэсэръ ребенокъ дѣлаетъ лукъ и стрѣлу изъ несоотвѣтственнаго матеріала (см. выше стр. 42); это можно приравнять къ дѣланію струннаго музыкальнаго инструмента; 2) циничское поведеніе на рукахъ царя (въ бурятскомъ вариантѣ).

Pıgıvavas и Urvaci (см. Pischel u. Geldner, *Vedische Studien*, Stuttgart, 1889): Viçvavasi и гандарвы хотятъ разлучить Пурураваса и Урваши; съ этою цѣлью они воруютъ ночью ягненка, привязаннаго у ложа Урваши; жена слышитъ шумъ, будитъ мужа, но онъ боится встать, потому что Урваши не разлучается съ нимъ только подъ условіемъ, чтобъ онъ не показывался ей нагимъ. Гандарвы воруютъ другого ягненка; Пуруравасъ встаетъ съ ложа, гандарвы производятъ молнію и освѣщаютъ нагое тѣло Пурураваса. Урваши исчезаетъ. Въ монгольской версіи: Гэсэръ посѣщаетъ своихъ женъ (изъ которыхъ одна назыв. Тюмень-Джиргаланъ) только ночью. Чотонъ хочетъ разлучить ихъ; совѣтъ, что для этого сдѣлать, онъ получаетъ отъ духа пещеры. Чотонъ подговариваетъ одного пастуха и тотъ подвѣшиваетъ сначала къ дверямъ три посуды съ кровью, виномъ и кислымъ молокомъ, затѣмъ ночью, когда были потушены лампы, кричитъ: «госпожа! толята сосутъ!» Сколько? спрашиваетъ Тюмень-Джиргаланъ. На отвѣты пастуха сначала «сто», потомъ «тысяча», она не встаетъ. Но когда онъ говоритъ: «все», она бросается въ дверь. Жидкости проливаются и она должна оставить Гэсэра (Die Thaten, 115—119). Въ народныхъ монгольскихъ рассказахъ тема о ночныхъ посѣщеніяхъ стоитъ въ связи съ летучей мышью (Оч., IV, 174, 175).

Имена летучей мыши ни въ турецкихъ, ни въ монгольскихъ нарѣчіяхъ не даютъ формы, очень близкой къ имени жены Гэсэра Тюмень-джиргаланъ или къ его собственному имени. На Енисей встрѣчается турецкое джергашъ; западнѣе въ Алтаѣ джерганатъ; это послѣднее распространяется на в. до Волги (арганатъ у каз. татаръ). По бурятски летучая мышь урмушѣ или хурмушѣ; у якутовъ ишмичи. Въ тангутскомъ сказаніи (см. ниже, № 87) ночной посѣтитель Орлонъ, посѣщаемая женщина Плеяды (сл. съ примѣчаніемъ къ этому №). Джорканатъ по алтайскому сказанію (повидимому первый) шаманъ (Оч., IV, 169); по якутскому первый шаманъ Аргыль (Ив. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 3—4, стр. 64); распаденіе Аргыля на гады сближаетъ эту фигуру съ Плеядами (по якутски Юргаль), о которыхъ подобное рассказывается въ монгольскихъ сказаніяхъ (Очерки, IV, 203). По бурятски аргаланъ «левъ» и «слонъ» (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., по этн., т. I, в. 1, стр. 119; в. 2, стр. 72).

Еще въ своихъ Очеркахъ, IV, я указалъ на вставку въ сказаніи о Гэсэрѣ изъ животнаго эпоса о летучей мыши; именно жены Гэсэра, желая узнать, куда онъ удаляется ежедневно, находятъ его въ обществѣ боговъ по ниткѣ, привязанной къ его одеждѣ; такимъ же образомъ жена летучей мыши, посѣщающей свою подругу только по ночамъ, по привязанной ниткѣ узнаетъ ее въ собраніи птицъ. Можетъ быть въ связи съ этой вставкой стоять нѣкоторыя имена, встрѣчающіяся въ Гэсэрѣ: Мандванъ-Гөрмѣ, Ханъ-Тюрмасъ. Именемъ Мандванъ-Гөрмѣ называется бабушка Гэсэра; оно похоже на Андвунъ-Хурумчи (Очерки, IV, 244), имя хитраго обманщика въ бурятскихъ сказкахъ, второй членъ котораго близокъ къ бурятскому имени летучей мыши: хурмуше¹⁾. Ханъ-Тюрмасъ повидимому то же, что монгольское Хормусту, являющееся у южносибирскихъ тюрковъ въ видѣ Гурбустень-ханъ, Курбустанъ или Учъ-Курбустанъ. Тюркское учъ, «три» явилось тутъ можетъ быть подъ влияніемъ гурбу, «три» по монгольски²⁾. Не назывался ли самъ Гэсэръ именемъ, подобнымъ Хурмуше? Въ тюркскихъ сказкахъ встрѣчаются сложныя: Козу-Курпешъ, Хэрэкъ-Кирвесъ; и то и другое имя въ связи съ темами, имѣющими отношеніе къ Гэсеру. Относительно Кэрэкъ-Кирвеса см. мою статью: «Монгольскія параллели» въ Этн. Обзор., кн. VIII (1891), стр. 163.

Богдо-Гэсэръ и сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ (см. статью А. Н. Веселовскаго: «Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ», Славянскій Сборникъ, III, Спб, 1876, стр. 122). Параллели: 1) Змѣя, свернувшаяся кольцомъ вокругъ каравана (стр. 11) ср. съ городской стѣной Вавилона въ видѣ змѣя. 2) Мечу-самосѣку соответствуетъ колчанъ съ семью стрѣлами, оставленный Богдо-Гэсеромъ для защиты жены (стр. 18); еще ближе къ этому мечу будетъ сабля кулеме-салме, которую для защиты жены оставляетъ Эртене-мергенъ въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 424); ср. также съ саблей Богдо-Гэсэра, которая сама вылетаетъ изъ ноженъ во время его войны съ Дѣлмѣ-ханомъ (стр. 112). 3) Пустой, вымершій Вавилонъ; замершее царство Гумэнъ-хана. 4) Послы достаютъ изъ мертваго Вавилона сердоликову краблицу и знаменіе; для этого приходится лѣзть по лѣстницѣ; при возвращеніи происходитъ приключеніе; послы падаютъ отъ испуга въ безматствѣ. Богдо-Гэсэръ поднимается по лѣстницѣ на небо, чтобы добыть драгоцѣнности. Онъ закинуть въ страну альбиновъ³⁾ осердившейся владѣтельницей похищенныхъ зрени. 5) Рогъ съ опьяняющимъ напиткомъ. Семь чашъ съ виномъ, поднесенныя Гэсеромъ обладательницѣ драгоцѣнностей.—Въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ можно различить три эпизода: 1) дѣтство Находъ-Осора, 2) хожденіе за драгоцѣнностями и 3) войну Находъ-Осора съ Траклинскими или Долматинскими царями. 2-й эпизодъ будетъ соответствовать главѣ Гэсэра о Гумэнъ-ханѣ. 3-й—война съ Траклинскими царями—войнѣ съ тремя ширайгольскими или хорскими царями, или войнѣ съ царемъ Дѣлмѣ. Дѣтство Гэсэра не представляетъ сходства съ дѣтствомъ Находъ-Осора, но одна сходная черта отыскивается въ бурятскомъ вариантѣ. Онъ найденнышъ. Мать выбрасываетъ ребенка Гэсэра на степь и сама удаляется; его находятъ Сарагалъ-ханъ. Нѣтъ дерева (сосны), совы и козы около найденнаго ребенка. Повѣсть, давая этимологию Находъ-Осора, говоритъ, что осоръ значитъ сова. Ср. хаджиръ, большая и сильная птица изъ рода коршуновъ; Банзаровъ, Черная вѣра въ Учв.Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 69. У Будагова, стр. 7: качыръ, родъ орла, баснослови. птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ. Въ Очеркахъ, IV, 162; II, 143: орелъ по урянхайски: асыръ. Банзаровъ думалъ, что эта птица считалась символомъ Чингисъ-хана на основаніи одной рукописи, въ которой Чингисъ названъ: Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри (см. Березинъ, Библи. вост. истор., Шейбаниада, стр. 19 тат. цифр.). О Чингисѣ, найденномъ младенцемъ подъ деревомъ, см. Очерки, IV, 229.

Эпизода о борьбѣ Гэсэра съ Галь-Дѣлмѣ-ханомъ въ Thaten нѣтъ, но онъ есть у Бергмана (Benjam. Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmücken, Riga, 1804, Th., III, S. 252—279). Въмѣсто Галь-Дѣлмѣ у Бергмана Angdulmanchan; у него сто рукъ и сто глазъ. Убиваетъ его Sässä Schikäg, выстрѣливъ ему въ глазъ, въ которомъ заключалась его душа. Алтайцы знаютъ Анъ-

¹⁾ Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и Таанъ-ханѣ является женскій персонажъ Гурбесу. Сказаніе заставляетъ своихъ героев называть ее «мать Гурбесу». Мать по монгольски эджи.

²⁾ Съ монгольскимъ Хормусту нѣкоторые ориенталисты сближаютъ алтайское курмосъ. Въ алтайскихъ сказаніяхъ есть Камъ-Курмѣсъ (Оч., IV, 328).

³⁾ Альбины какіе-то злыя существа; ср. выше стр. 56 и 62; у Шмидта въ Die Thaten, 37, это Alwina; о «семи альбинахъ» говоритъ Гомбоевъ въ примѣчаніи къ Шиддикуру (Этн. Сб., VI, 87). Душа готовящагося сдѣлаться чернымъ шаманомъ, обучается у Эрленъ-хана въ альбани-сулганѣ (Агапитовъ и Хангаловъ, Материалы, стр. 45).

далма, морское чудовище, которое было убито Тюрунь-Музыкаемъ (Вербицкий, Словарь алтайск. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 21 и 103); Тюрунь-Музыкай или Юрунь-Музыкай, для борьбы съ Ангь-далма-моосомъ, сошелъ на землю и родился отъ дѣвицы Ерке-Шудунъ. Галь-Дѣлмо уязвимъ только въ одинъ глазъ; Галданъ, въ сказаніи о монастырѣ Эрдэни-дэу (Оч., IV, 410), уязвимъ только въ одно мѣсто на животѣ; какъ будто въ прежнихъ редакціяхъ на мѣстѣ Галдана стоялъ Галь-Дѣлмо. Сказаніе о монастырѣ Эрдэни-дэу, кажется, есть сказаніе о похищеніи или добываніи эрдэни. Въ русскихъ сказкахъ человѣкъ, похитившій изъ мертваго города скипетръ, державу и панахицу, попадаетъ потомъ къ одноглазому великану (Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, стр. 26; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. 3 (Витебскъ 1887), стр. 205; Добровольскій, Смоленскій сборникъ, ч. I, (Спб. 1891), стр. 150), который называется лихо одноглазое, Дѣдъ Шкуротѣтъ, Козьма Кривой.

Дѣлмо ср. съ тюркомонгольскими именами Зарницы (Венеры): Цолмонъ, Солмонъ, Солбонъ. Бурятское сказаніе приписываетъ Солбону увозъ чужой невѣсты (Агап. и Ханг., Матеріалы, стр. 3). Не было ли той же темы и въ рассказѣ о Дѣлмо?

Смерть отъ выстрѣла, сдѣланнаго по глазамъ, рассказывается также въ бурятской сказкѣ. Тасъ-хара стрѣляетъ въ глаза старухи, находившіяся у ней на колѣнахъ. Содержаніе рассказа слѣдующее: Чингисъ-ханъ, по случаю пролившейся на землю крови у подстрѣленной лисицы, узнаетъ о существованіи красавицы жены Шудурмана и идетъ отобрать ее. Но у Шудурмана есть ворчунья черная старуха (харалши хара хамата), отъ ворчанья которой отваливаются отъ скалъ каменные глыбы. Она замѣняетъ царю войско. Убить ее можетъ Тасъ-хара, но его нѣтъ при Чингисъ-ханѣ; онъ брошенъ ханомъ въ восьмидесятисаженную яму за то, что убилъ сороку вмѣсто павлина. Тасъ-хара освобожденъ, стрѣляетъ въ старуху, попадаетъ въ глаза на колѣнахъ и убиваетъ ее (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ, вмѣсто Шудурмана, тибетскій царь Шудургу, вмѣсто Тасъ-Хара Хасаръ. Хасаръ также не въ милости за то, что вмѣсто совы убилъ сороку; по приказанію хана онъ привязанъ къ оградѣ. На встрѣчу Чингисова войска отъ Шудургу-хана выходитъ старуха ракша и умерщвляетъ людей и лошадей посредствомъ заклинаній. Хасаръ освобожденъ, стрѣляетъ въ колѣно старухи и убиваетъ ее (Алт. Тобчи, стр. 140—143). У Сананъ Сэпэна эта старая волшебница названа Чага Слалг и сказано, что она стояла на городской стѣнѣ (стр. 101).

Убіеніе старухи находится въ бурятскихъ сказаніяхъ о походѣ Чингиса къ Солнечному царю и о Шуно. Въ первомъ, помѣщенномъ въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 130—132, у Солнечнаго царя (соответствующаго Наранъ-хану № 56 нашего собранія), дочь котораго хочетъ полонить Чингисъ, есть старуха, которая на разстояніи девяти ночей поражаетъ смертью, однимъ своимъ словомъ. У Чингиса есть стрѣлокъ, который имѣетъ силу выдать стрѣлу на разстояніе ста ночей. Но онъ прогнѣвилъ хана, убилъ орла, парившаго надъ войскомъ и покровительствовавшаго ему; такъ должно было царю врагами стрѣлка, и ханъ приказалъ закопать стрѣлка въ землю по горло. Вспомнили объ немъ, выгребли его изъ земли. Стрѣлокъ убилъ старуху. О глазахъ не говорится, имени стрѣлка не приведено, но по всѣмъ чертамъ, это тотъ же эпизодъ, что и предыдущій.

Въ рассказѣ о Шоно нѣтъ ни Чингиса, ни добыванія женщины. Шоно сызъ Хунъ-тайжи; братья по зависти клеветаютъ на Шоно; отецъ велитъ посадить Шоно въ тюрьму. Во время одного затруднительнаго обстоятельства вспомнили о Шоно и освободили изъ тюрьмы. Шоно удаляется на службу къ Арнынъ-Саганъ-хану, который ведетъ войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; у послѣдняго есть старуха колдовка, отъ колдовства которой глыбы отъ скалъ откалываются. Шоно убиваетъ ее выстрѣломъ по колѣнамъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 36—49 и 135). Въ одномъ изъ вариантовъ, вмѣсто старухи, царица вражескаго войска (ibid., стр. 136).

Очевидно, всѣ четыре стрѣлка: Тасъ-Хара, Хасаръ, Шоно и безъименный стрѣлокъ одинъ и тотъ же персонажъ. Всѣ они навлекаютъ гнѣвъ царя и попадаютъ за это подъ наказаніе; почти во всѣхъ они терпятъ несправедливо, потому что оклеветаны; Шоно оклеветанъ братьями; Тасъ-хара недоброжелателями; въ рассказѣ о Хасарѣ тоже проглядываетъ эта черта; о поведеніи Хасара докладываетъ хану въ искаженномъ видѣ какой-то рабъ¹⁾. Всѣ четверо наказаны;

¹⁾ Алт. Тобчи, 141: Боголь-Мечинъ (Мечинъ, созв. Плеяды), донесъ Чингису на Хасара, что онъ II.

Хасаръ привязанъ къ оградѣ, какъ рассказываетъ Алтанъ-Тобчи, или просто скованъ, какъ у Сананъ-Сэцэна; оба источника говорятъ, что къ нему приставлено четыре караульщика; Тасъ-хара брошенъ въ глубокую яму, Шуно посаженъ въ тюрьму, а безымянный стрѣлокъ закопанъ въ землю по горло (какъ Алтынъ-хатысынъ, см. ч. I, стр. 123, или какъ въ русской былинѣ старшина сорока каликъ).

Къ этимъ четыремъ тождественнымъ стрѣлкамъ присоединяется и пятый, Гэсэръ, поразившій Дблмѣ-хана въ глазъ. Въ рассказахъ объ этихъ стрѣлкахъ старуха волшебница насылаетъ смерть на своихъ противниковъ издали, посредствомъ однихъ заклинаній. Въ тибетскомъ Гэсэрѣ такой насылающей смерть издали старухи нѣтъ; вмѣсто нея старуха ай-дурсы, которая кропле-ніемъ водою оживляетъ своихъ убитыхъ воиновъ (см. выше стр. 18); ея войско не убываетъ и бой становится не ровный¹⁾. Въ преданіи о городѣ Кара-бадырѣ смерть издали насылаетъ сама царица осажденнаго города (см. № 75); она вращаетъ какое-то смертоносное знамя²⁾. Отсюда слѣдуетъ, что волшебница есть та самая женщина, которую добываетъ осаждающій царь. Въ рассказѣ о Шудургу она раздвоилась на жену Шудургу и на старуху; въ Гэсэрѣ тоже: Нчжугму и ай-дурсы. Или можетъ быть даже и на три: Нчжугму, ай-дурсы и ту женщину, которую Гэсэръ встрѣчаетъ на городской стѣнѣ. На то, что эта женщина понималась какъ одно лицо съ главнымъ женскимъ персонажемъ сказанія, указываетъ рассказъ о залястѣ, который мы выше уже сблизили съ рассказомъ о Цаганъ-дара-эка изъ Бодимора (см. выше, стр. 127). Жена Чингиса, утонувшая въ Хатунъ-гольѣ, т. е. бывшая жена царя Шудургу, была воплощеніе Цаганъ-дары, какъ думаетъ ордосскій народъ. Это народное мнѣніе подтверждается сравненіемъ рассказа о женѣ Шудургу съ сказаніемъ объ Окниъ-тэнгри, грозномъ видоизмѣненіи Цаганъ-дары (см. примѣчанія къ № 56).

Гэсэръ не сидитъ въ ямѣ, подобно другимъ стрѣлкамъ. Въ сказаніи о Гэсэрѣ заточникомъ является другое лицо: Кала-мэмбырь. Здѣсь двѣ темы: заточенье и бой съ волшебницей разъединены и раздѣлены между двумя лицами. Къ Кала-мэмбыру отнесена одна только тема заточенія, но при немъ изъ второй темы осталось окаменѣніе. Шоно проклятъ умирающей старухой и превращается въ черный камень (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 49 и 136); Кала-мэмбырь также обращается въ камень.

Г. Стасовъ сблизилъ Шуно съ Ильей Муромцемъ; но онъ ограничивался одной темой — сидѣніемъ въ ямѣ. Можно прибавить другую — смерть Соловья, который издали убивалъ людей однимъ своимъ свистомъ. Пораженіе въ глазъ также присвоивается рассказу о Соловьѣ, хотя смерть его послѣдовала по другому случаю.

Эпизодъ объ Ильѣ вставленъ въ былинку о набѣгѣ на Кіевъ царя Калина, подобно тому, какъ рассказъ о Кала-мэмбырѣ вставленъ въ рассказъ о нашествіи хорскихъ царей на вотчину Гэсэра. Эти двѣ войны могутъ быть сблизены: битва русскихъ богатырей съ татарами и битва богатырей Гэсэра съ ширай-голами (хорами тангутскаго варианта); обѣ кончаются тѣмъ, что богатыри окаменѣваютъ (стр. 99).

Братья Шуно въ нѣкоторыхъ вариантахъ рассказа о немъ называются Темирсана и Амурсана (Очерки, IV, 298; ср. также 224 и 898). Темирсана можетъ быть то же, что темиръ-сынъ, «жизненный олень», о которомъ сказано выше (стр. 126) и вмѣстѣ съ тѣмъ Темиръ-гасунъ, «железный колъ»; то есть Полярная звѣзда, потому что можно подозревать, что она называлась такимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ рассказъ о Шуно въ ямѣ или, еще лучше, о стрѣлкѣ, закопанномъ въ землю по горло, есть мифъ о Полярной звѣздѣ (см. примѣч. къ № 88).

Къ стр. 94: Дочь Самба-гарву не оглянулась, когда женихъ повезъ ее изъ родительскаго дома. Здѣсь указаніе на обычай, требующій оглянуться. Въ другихъ случаяхъ запрещается оглядываться. Г. Батаровъ, замѣтки котораго помѣщены въ Зап. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, сообщилъ мнѣ въ письмѣ, что у бурятъ существуетъ обычай: невеста не должна

будучи навеселѣ, держать за руки жену Чингиса, Хулану. Этотъ рассказъ не стоитъ въ связи съ эпизодомъ о постигшей Хасара карѣ, но не вследствие ли этой клеветы Хасаръ былъ привязанъ къ стѣнѣ?

¹⁾ Ср. съ кавказскимъ рассказомъ о Бедуху, женѣ Глебицы, которая своимъ дыханіемъ исцѣляетъ раны своихъ приверженцевъ (Сборн. матер. для оп. кѣств. и плем. Кавказа, в. XII, стр. 55 и 56).

²⁾ Въ преданіи о разореніи Эрдэни-дзу (Очерки, IV, 410) также соединены двѣ темы: единственная уязвимая точка (на животѣ Галдана) и орудіе, отъ обращенія котораго въ лагерь противниковъ происходитъ смерть.

оглядываться назадъ, когда ее отвозятъ изъ родительскаго дома. Ср. Radloff, Proben, IV, 449; Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 142. Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858, ч. XXIV, смѣсь, стр. 71.

2. а. ИРИНЪ-САЙНЪ-АЛТЫНЪ-ГОРГОЛТАЙ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время былъ одинъ славный витязь (сайнъ ери) Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай. Однажды онъ отправился на Алтай, чтобы возжечь тринадцать сановъ ¹⁾. (Ѣдучи), въ переднихъ звѣрей онъ, крича, впереди стрѣлялъ, въ заднихъ, крича, сзади стрѣлялъ. (Въ это время) въ табунѣ одна сѣрая лошадь (борогчинъ гу) родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами, по девяти вершковъ длиной (иринто битей юсунъ-тѣ чикитей). Великій, великій крикъ издавая, онъ вернулся домой. Мать спрашиваетъ: Что за причина, что ты такъ кричишь? «Ай!» говоритъ Иринъ-сайнъ матери: «сѣрая кобыла родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами по девяти вершковъ. Обрадовавшись, я сильно кричалъ». (Мать говорить:) «Это для моего сына долженъ былъ родиться такой жеребенокъ. Бережно ѣзди на немъ!»

Однажды Иринъ-сайнъ на охотѣ настрѣлялъ разныхъ звѣрей, сдѣлалъ изъ нихъ правильный четырехугольный вьюкъ, навьючилъ (на своего коня) ровнѣхонько на обѣ стороны (тебъ текши тѣбъ тѣрбельджинъ ачигадъ), вернулся домой. «Эй, снимите звѣрей съ коня на землю!» закричалъ онъ. Изъ дома никто на его крикъ не вышелъ. Тогда онъ и съ правой и съ лѣвой стороны коня вьюки сбросилъ на землю, раскидалъ и такъ ихъ оставилъ, самъ вошелъ въ юрту. Черноглазая (хара нюдунту) говоритъ: «Я хотѣла выйдти, снять вьюки, но прекрасная «хатуна», мать твоя заболѣла». Утирая ротъ соболинымъ рукавомъ, широкимъ какъ дебиръ ²⁾, онъ сказалъ: «Сегодня ли рано или завтра поздно, мать моя должна умереть! Нѣтъ ли какого средства помочь (аргатай тосатай ягунъ би)?» Мать говоритъ: «Въ сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, живутъ три брата Атхаръ-хара-мангс'ы. Нужно девяносто девять лѣтъ, чтобы до нихъ доѣхать. Внутреннее сердце (голто дзюрку) младшаго изъ нихъ (отхонъ хара мангсъ) имѣетъ цѣлебное свойство. Если мать твоя поѣстъ его, она выздоровѣетъ». Поѣхалъ Иринъ-сайнъ. Годичное пространство ѣзды сокращая въ мѣсячное, мѣсячное сокращая въ дневное, онъ ѣхалъ. Густой лѣсъ загородилъ ему дорогу. Онъ спрашиваетъ у коня, какъ имъ пробѣхать. «Стрѣлай изъ лука!» сказалъ конь. Иринъ-сайнъ пустилъ стрѣлу; въ лѣсу образовалась дорога шириной, чтобы завьюченный верблюдъ могъ пройти; по этой до-

¹⁾ Санъ—курево изъ можжевельника въ честь боговъ.

²⁾ Дебиръ—войлокъ, которымъ покрывается верхъ юрты.

рогъ Иринъ-сайнъ проѣхалъ далѣе. Великое море загородило имъ путь. «Тутъ какимъ средствомъ проѣдемъ?» спрашиваетъ Иринъ-сайнъ у своего коня. Конь говоритъ: «Выдери изъ моего хвоста одинъ волосъ, положи его на воду и скажи: будь мостомъ!» Иринъ-сайнъ выдернулъ изъ хвоста лошади волосъ, положилъ его на воду и сказалъ: будь мостомъ! Волосъ сдѣлался мостомъ и Иринъ-сайнъ переѣхалъ на другую сторону моря. За моремъ, тамъ, гдѣ небо достигаетъ предѣла, стояли три большія бѣлыя юрты. Иринъ-сайнъ вошелъ въ одну изъ этихъ юртъ. Тамъ была прекрасная женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она не отвѣтила. На западномъ ханѣ ¹⁾ было веретено. Онъ ткнулъ ее веретеномъ въ задъ. Женщина сказала: «Я жена старшаго хара-мангыса!» Рано утромъ, по выходѣ солнца, Иринъ-сайнъ достигъ средней юрты; въ ней также была прекрасная женщина. Онъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не сказала. Онъ взялъ веретено и ткнулъ её въ задъ. Она сказала ему: «Я жена средняго хара-мангыса! Онъ въ полдень домой придетъ!» Иринъ-сайнъ доѣхалъ до передней юрты; и въ ней также красивая женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не отвѣтила. Но когда онъ и её ткнулъ веретеномъ, она отвѣчала: «Я жена младшаго хара-мангыса! Вечеромъ онъ пріѣдетъ, съ дождемъ и свистомъ вѣтра, съ громомъ, какъ отъ тысячи драконовъ, верхней губой обнимая небесную ширь, нижней губой обнимая земную ширь и проглатывая завьюченныхъ верблюдовъ съ юртами и людьми вмѣстѣ» (боро боро боргонъ урусаръ сэръ сэръ салкисыгаръ мингынъ лунъ дагу гарысыгаръ дэдъ урулъ тэнгриинъ кырысу хомурсыгаръ додъ урулъ гаджирѣнъ кырысу хомурсыгаръ айляръ кумунъ ачагаръ темеге цзальгисгаръ). Въѣхавъ на гору Болдзотѣнъ-ула ²⁾, Иринъ-сайнъ убилъ старшаго хара-мангыса (или хара мангысъ). Когда пріѣхалъ средній хара-мангысъ (донду хара мангысъ), Иринъ-сайнъ убилъ и его. Когда пріѣхалъ младшій хара-мангысъ (бага хара мангысъ), Иринъ-сайнъ выстрѣлилъ по нему, но не могъ убить. Десять сутокъ они, схватившись, боролись, безъ перевѣса на чьей-либо сторонѣ; двадцать сутокъ они, схватившись, боролись, но перевѣса ни на чьей сторонѣ нѣтъ. Тогда лошадь Иринъ-сайна прибѣжала къ нему и говоритъ: «Твоя сила ослабла! сила мангыса прибыла!» Иринъ-сайнъ говоритъ коню: «Скорѣе, какъ можно, укажи, что дѣлать?» Конь говоритъ: «Если ты просунешь руку за спину мангыса, тамъ найдешь поперегъ (лежащую) тетиву (конделенъ хобчи). Если перервешь её, тогда убьешь мангыса!» Иринъ-сайнъ такъ и сдѣлалъ; перервалъ шерсть мангыса (мангысэнъ ногусыгъ), разрубилъ ребра и раскрылъ утробу мангыса, въ которой мучились люди, проглоченные съ верблюдами, съ вьюками и съ юртами. Ихъ мученія прекратились.

Взявъ сердце мангыса, Иринъ-сайнъ поѣхалъ домой. Пріѣхавъ къ тремъ женщинамъ, онъ велѣлъ имъ ѣхать вслѣдъ за собой. Гдѣ будетъ кривая дорога, тамъ велѣлъ имъ останавливаться на ночлегъ, гдѣ прямая дорога, тамъ ѣхать впередъ.

¹⁾ Ханъ—юрточная рѣшетка, по киргизски кереге.

²⁾ Болдзо—сборное мѣсто, сборище.

Проѣхавъ густой лѣсъ, пріѣхали къ морю. Лошадь говоритъ: «Я проѣду, но ты вѣрѣче стисни» (твой колѣна). Когда конь бѣжалъ по водѣ, четыре копыта его отгнили въ морской водѣ. Иринъ-сайнъ привязалъ ихъ къ ногамъ лошади шелкомъ, но проѣхалъ еще годъ и лошадь умерла. Взваливъ сердце мангыса на спину, Иринъ-сайнъ пошелъ домой пѣшкомъ. Пришедши въ землю своей матери, онъ отдалъ ей сердце. Мать отдала сердце мангыса Гучжигенъ-гомбу, зятю Дзамбу-дзерликъ-хана (Дзамбу дзерликъ ханай кургунъ гучжигенъ гомбу). Гучжигенъ-гомбу, съѣвъ сердце, сдѣлался очень сильнымъ. Онъ схватился бороться съ Иринъ-сайномъ. Десять сутокъ боролись, двадцать сутокъ боролись, остались равными въ борьбѣ. «Ай, черноглазая (ай хара нидунту)! подо мной насыпь муки, подъ врагомъ насыпь жельзнаго гороху». Она насыпала муки подъ Гучжигенъ-гомбу и жельзнаго гороху подъ Иринъ-сайна. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай, поскользнувшись, упалъ. Тотчасъ Гучжигенъ-гомбу придавилъ его и убилъ; выкопалъ яму въ семьдесятъ сажень глубиной и въ ней придавилъ Иринъ-сайна.

Пріѣхали три небесныхъ дагине (тэнгриинъ гурбунъ дагине абагай). Одна изъ нихъ перешагнула черезъ Иринъ-сайна и сказала: «кости и мясо будьте цѣлы!» другая перешагнула и сказала: «кости и кожа будьте цѣлы!» третья перешагнула и сказала: «душа и тѣло будьте цѣлы!» Иринъ-сайнъ проснулся и говоритъ: «Какъ я долго спалъ» (би ямыръ ики нойрисэксэнъ билэ)! Дагине сказали: «Твоя мать и твой младшій братъ Гучжигенъ-гомбу выкопали яму, глубиною въ семьдесятъ сажень, бросили тебя въ нее и придавили!» Пошелъ Иринъ-сайнъ къ табунамъ, спрашиваетъ: «Чьи эти табуны?» Ему отвѣчаютъ: «Прежде это были табуны Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтая, а теперь стали Гучжигенъ-гомбу, зятю Дзамбу-дзерликъ-хана». Иринъ-сайнъ убилъ Гучжигенъ-гомбу, взялъ свою мать, черноглазую хатуну, забралъ имущество и вернулся въ свой домъ.

Монголь-халха изъ хошуна Тачжи-урянской въ восточномъ Алтай.

6. ИРИНЪ-САЙНЪ-ГУНЫНЪ-ХАРА.

(Монгольскій разсказъ).

Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара, сынъ завѣдующаго серединой запада Боду-тюбъ-хана, имѣлъ сивую лошадь Уйлинъ¹⁾, три золотыхъ родника, три сандальныхъ дерева, младшаго брата Явей-чагана, мачиху, тринадцать горъ и пеструю саврасую кобылу (барунъ тубигъ ечжилекчи Боду тюбъ ханай ху Иринъ сайнъ гунынъ хара уйлинъ хуху моритай гурбынъ алтынъ булыктай гурбынъ зандынъ модотай Явей чаганъ дуутей ниге хойту еджитей арбанъ гурбынъ олытай тарлунъ хулакчи гуутей).

¹⁾ Уйлинъ—облачную.

Рано, рано (по утрамъ) онъ выѣзжалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Однажды онъ выѣхалъ дѣлать санъ, его увидѣла перебродившая черезъ воду царевна, дочь Уртай-шара-хана (Уртай-шара ханай гунъча) и сказала отцу: «Сынъ Боду-тюбъ-хана Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара на тринадцати горахъ разложилъ санъ и поетъ духовныя пѣсни». Уртай-шара-ханъ пріѣхалъ къ Иринъ-сайну и говорить: «Поѣдемъ завтра вдвоемъ на сборный сѣрый холмъ (больчжотэнъ боро тологой) и поиграемъ!» Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара вернулся домой. На завтра рано онъ отправился къ тринадцати горамъ, сдѣлалъ санъ, пропѣлъ духовныя пѣсни и сидитъ; гунъча Уртай-шара-хана увидѣла его. Когда Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара поѣхалъ къ сборному сѣрому холму и Уртай-шара-ханъ также пріѣхалъ туда. Во время игры (борьбы?) Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара убилъ Уртай-шара-хана. Убивши, онъ вырылъ яму въ девять сажень (юсунъ алда худуеъ), бросилъ въ нее Уртай-шара-хана и скалой придавилъ отверстіе ямы, а пестро-саврасой кобылѣ (тарлунъ хулакчи гу) заказалъ, если Уртай-шара-ханъ вылѣзетъ изъ ямы, дать объ этомъ знать топотомъ копытъ. Тогда, думаетъ, я убью мать. Послѣ этого Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара вернулся домой, а на завтра опять поѣхалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Его мачиха пошла сзади его, дошла до сборнаго сѣраго холма, смотритъ и видитъ въ одной горной впадинѣ (нигенъ тухумду) стоитъ пестрая саврасая кобыла. Зачѣмъ она здѣсь? думаетъ она. Въ это время изъ ямы послышался человѣческій голосъ: «Накорми душу» (ами ассира)! Мачиха сняла съ ямы камень, вынула Уртай-шара-хана, привела домой и спрятала въ ящикъ. Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара пришелъ домой. Мачиха обыкновенно зажаривала кусокъ мяса и давала ему (когда онъ возвращался. На этотъ разъ) она не зажарила для него мяса. Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара говорить ей: «Мать, мать! ты жарила для меня кусокъ мяса. А теперь что же?» Мачиха говорить: «Не нужно жарить кусокъ мяса. Я умираю!»

Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара говорить: «Мать, мать! Откуда можно достать лекарство, какой лекарь можетъ помочь? если пригласимъ лекаря, да у него нѣтъ хорошаго лекарства, или если найдете лекарство, да отъ него не будетъ пользы, то гдѣ найти пользу?» Мать говорить: «Въ девяносто девяти мѣсяцахъ ѣзды отсюда есть земля; тамъ есть Индеръ-хара-мангусъ; его легкія и печень помогутъ мнѣ». Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара взялъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, сѣлъ на гнѣдую лошадь Кебысь¹⁾ и, землю въ девять мѣсяцевъ ѣзды въ девять дней проѣзжая, землю въ девять дней въ девять часовъ проѣзжая, доѣхалъ до Индеръ-хара-мангуса, убилъ его, добылъ его легкія и печень и сидитъ. Прилетѣла одна птица и прокричала: возьми большой палецъ! возьми большой палецъ! (ерх' бчи! ерх' бчи!). Иринъ-сайнъ-гунънъ-хара думаетъ, что значать эти слова. Онъ отрѣзалъ у мангуса одинъ большой палецъ, изъ него вышла дѣвица; отрѣзалъ другой большой палецъ, изъ него вышла другая дѣвица. Взявъ съ собою тѣхъ двухъ женщинъ, а также легкія и печень мангуса, онъ вернулся домой и передалъ

¹⁾ Въ бурятскомъ кибнѣ, «быстрый». Есть бурятская пѣсня, въ которой поется: кибнѣ, кибнѣ джоро, «быстрый, быстрый иноходецъ».

мангысовы легкія и печень матери. Мать Иринъ-сайна солгала, что она заболѣла, и украдкой отъ него передала печень и легкія Уртай-шара-хану, который отъ нихъ выздоровѣлъ. Въ намѣреніи погубить Иринъ-сайна, мать послала его къ океану (хата далай) привести оттуда оленя самца (ерь богу). Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара пріѣхалъ къ берегу океана; когда онъ готовился убить оленя, оленуха (емь богу) пріѣжала и убила самого Иринъ-сайна. Двѣ дѣвицы увидѣли во снѣ, что Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара умеръ и отправились на берегъ океана. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара лежитъ мертвый на берегу моря. Двѣ дѣвицы положили на него печень мангыса, Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара всталъ живой. Убивши одного оленя, онъ вмѣстѣ съ двумя женщинами съѣлъ его; потомъ убилъ Уртай-шара-хана, взялъ весь его народъ и вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Лвей-чаганомъ и двумя женщинами зажилъ счастливо.

Лама Ратна-бала, родомъ изъ Ордоса, хошуна вана.

Теперь мы имѣемъ пять вариантовъ сказки объ Иринъ-сайнѣ: алтайскій (Оч. с. з. Монг., IV, 427), дюрбютскій (Оч., II, 429), два халхаскскихъ, одинъ изъ Заинъ-шабинской земли (Оч., II, 178), другой изъ хошуна Тайчжи-урянкай, и одинъ ордосскій. Два вновь записанные варианта содержать тему, которой въ прежде записанныхъ не встрѣчалось; такъ какъ мѣстности, въ которыхъ они записаны, очень удалены одна отъ другой (не менѣе тысячи верстъ), то соединеніе съ этой темой имени Иринъ-сайна не можетъ быть вмѣнено произволу рассказчика; варианты съ такимъ содержаніемъ, надо полагать, древни.

Въ Оч., IV, 916 я сопоставилъ имя Иринъ съ Эртэне или Эртэ. Въ алтайскомъ вариантѣ Иринъ-шайнъ ѣдетъ къ Ерлику за жиракы, въ залогъ оставляетъ Ерлику своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ хозяина, везущаго жиракы; въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 421) Эртэне-мергенъ ѣдетъ къ Сорчжи-башни за Колду-бурханомъ, оставляетъ въ залогъ своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ своего хозяина, везущаго бурхана. Въ генеалогическихъ преданіяхъ племени Хото-гайту замѣщаются формы: Иринъ-сайнъ-уланъ-хунъ-тайджи и Эртэ-сайнъ-хунъ-тайджи; мы сопоставили эти формы съ Рашидъ-эдиновскимъ: Джерке Линъ-гунъ, и такимъ образомъ свели форму Иринъ съ формами Эртэ и Джерке. Въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается также форма Эркэ (Эркэ-хара, братъ Вана кирейтскаго; Эркэ, по мнѣнію о. Палладія, центральное лицо въ культѣ религіозной секты въ Монголіи въ средніе вѣка, известной подъ именемъ Эркауль или Архаунъ). Въ живомъ монгольскомъ фольклорѣ форма Эркэ не встрѣчена въ соединеніи съ членомъ сайнъ взаимнѣ Эртэ или Иринъ, но она въ одной легендѣ поставлена въ связь съ темой о зарытіи въ землю, а именно въ легендѣ о суркѣ (см. № 92); Эрке-мергенъ зарывается въ землю. Въ киргизской сказкѣ (Radloff, Proben, III, 321) съ именемъ Аларъ-Эркемъ соединена тема о измѣнницѣ сестрѣ и опущенномъ въ яму братѣ.

Тема бросанія богатыря въ яму есть въ сказкахъ, помѣщенныхъ въ Очеркахъ, IV, №№ 146 и 147; обѣ сходны между собой и въ нѣкоторыхъ чертахъ представляютъ сходство съ Иринъ-сайномъ (№ 137): 1) Смерть Хоролдай-мергена въ родѣ смерти Мангыса; Дзалута ¹⁾ дѣлаетъ дзду (грозу, непогоду), какъ и Иринъ-сайнъ. 2) Иринъ-сайнъ возвращаетъ увезенную Мангысомъ мать, потомъ ѣдетъ за своей невѣстой; Дзалута возвращаетъ увезенную Мангысомъ жену и достаетъ невѣсту своему сыну. 3) Въ обѣихъ сказкахъ упоминаются письма, оставленные на мѣстѣ разоренной родины. 4) Въ Иринъ-сайнѣ одинъ изъ соискателей невѣсты называется Тэнгринъ-ху-темаръ-бѣсъ ²⁾; въ Дзалута-мергенѣ это два лица, два отдѣльных соискателя: Тэнгринъ-ху-

¹⁾ Дзала—кисть на шапкѣ; дзалатай—имѣющій кисть на шапкѣ.

²⁾ Тэнгринъ-ху, «сынъ неба».

Шли купцы и нашли въ степи мальчика, играющаго у волчьей норы съ 4 волчатами. Спросили его, кто онъ. Онъ сказалъ, что эти четыре волченка его братья, а его отецъ и мать, волкъ и волчица, ушли на добычу. Глава купцовъ взялъ мальчика и далъ ему имя Шялъ. Купцы расположились на ночлегъ у одной рѣчки. По этой рѣчкѣ въ это время охотился Амагасадѣкчи, сынъ царицы Чечекъ-бучюкчи. Онъ подѣхалъ къ каравану. Въ это время два волка бѣгаютъ кругомъ каравана и воютъ. Глава каравана говоритъ: «Шялъ! ты знаешь по волчи. Что говорятъ волки?» Шялъ говоритъ: «Это мои родители. Они говорятъ, что ночью по рѣчкѣ поплыветъ мертвое тѣло и что въ его бедра заключаются молоръ-эрдени». Амагасадѣкчи, подслушавъ эти слова, поймалъ мертвое тѣло и вырѣзалъ изъ него эрдени. На другой день караванъ сдѣлалъ переходъ и вновь ночевалъ на рѣчкѣ. Опять волки сообщаютъ Шялу, что въ рѣчкѣ прибудетъ вода и затопитъ то мѣсто, гдѣ стоитъ караванъ. Люди встали, навьючили половину товаровъ и перенесли ихъ на высокое мѣсто, потомъ отправились за остальными товарами. Въ это время Амагасадѣкчи подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежали перенесенные товары и на всѣхъ нихъ паложилъ печати своего отца, потомъ пошелъ къ Ли-хагану и сказалъ, что эти купцы разграбили домъ его отца. Царь велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму и потомъ казнить. Но Амагасадѣкчи уговорилъ его отпустить ихъ и только взялъ Шяла.

Амагасадѣкчи и Шялъ вдвоемъ отправляются въ бывшее царство Байрмагаста. Входятъ въ одинъ домъ, живущіе въ немъ плачутъ. Они разспрашиваютъ, о чемъ плачутъ люди; тѣ говорятъ, что шолмо въ числѣ 500 съѣдаютъ ежедневно по 500 человѣкъ; сегодня назначено идти на съѣденіе единственному сыну той семьи, въ домъ которой вошли Амагасадѣкчи и Шялъ. Амагасадѣкчи беретъ заступитъ мѣсто этого человѣка, велитъ приготовить 500 лонху вина и ставитъ ихъ во дворцѣ отца. Приходятъ 500 шолмо, набрасываются на вино, напиваются пьяными и Амагасадѣкчи убиваетъ ихъ.

Пунсукъ-нема, ордосскій лама.

По сравненію съ другими народными сказками можно предположить, что первоначальная редакція заставляла младшую жену сдѣлать уговоръ съ богатыремъ Шолмо (т. е. Шолмономъ), что она лишитъ мужа земной оболочки и вступитъ въ бракъ съ Шолмо. Спаиванію мужа виномъ, какъ въ другихъ сказкахъ, здѣсь нѣтъ; оно перенесено въ конецъ сказки. Въ сказкѣ, помѣщенной въ Оч., IV, 237 тоже что-то сжигается, послѣ чего мужъ умираетъ, а жена отдается другому. Лишеніе земной оболочки ср. съ рассказомъ о Гасэрѣ, который по хитрости жены обращается въ осла, т. е. земная его жизнь прекращается. Конецъ сказки (Амагасадѣкчи предлагаетъ себя вмѣсто обреченнаго въ жертву) ср. съ № 115 въ Оч., IV, 395, гдѣ мальчикъ обреченъ Ордынь-чигкуру, и съ повѣрьями о замѣщеніи жертвы. См. ниже примѣч. къ № 8. Жена Гасэра, Тюженъ-джиргаланъ идетъ добровольно къ Мангысу, чтобы избавить мужа отъ чаръ (Schmidt, Die Thaten. 119). Въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 169) шаманъ Джерканатъ долженъ совершить путешествіе въ царство тѣней и тамъ остаться вмѣсто заболѣвшаго канскаго сына. Этого Джерканата мы сблизали съ шаманомъ Джиркыломъ (Оч., IV, 761).

Въ Очеркахъ II, 154 вв. Бэгоръ-Меджитъ стоитъ Гыгерь-Меджитъ. Ср. съ бурятскими Гихоръ-ханъ им. Гасэръ-ханъ и съ именами собакъ (стр. 118), въ которыхъ инициалы г, к, х замѣщаются инициаломъ с.

Въ тибетской провинціи Амдо, не смотря на постоянные распросы, я не могъ отыскать тибетскаго варианта сказки Аржи-боржи: ламы тангуты, бывавшіе въ Халхѣ, убѣдили меня, что эта сказка имѣетъ распространеніе только въ сѣверной Монголіи и что они только тамъ о ней впервые услышали: тѣ тангуты, которые не бывали въ Монголіи, отзывались невѣдѣніемъ объ этой сказкѣ. Слѣдовательно, если эта сказка не сѣвернаго происхожденія, а индійскаго, то она пришла въ Монголію не черезъ Тибетъ и тибетскую письменность, а путемъ западниці. Или тибетская письменность утратила ее?

4. АДЖИНТАЙ-МЕРГЕНЬ-ХАНЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время (ичжурь-чакту) былъ одинъ ханъ по имени Аджинтай-мергенъ-ханъ. У него былъ черный верблюдъ жеребецъ (хара-буурѣ), савраснй конь (хула-моринъ), черное ружье (хара-бо), жена, сынъ и дочь. Онъ жилъ въ трехъ юртахъ.

У Боролтай-хана было два тушемкли¹⁾, которые ежедневно были обязаны убивать для него двухъ будене (по мнѣнію разсказчика, зайцев), которыхъ онъ и съѣдалъ жареными. Однажды тушемкли убили двухъ будене²⁾ и вышли къ тремъ юртамъ; они зашли въ одну изъ нихъ, чтобы жарить будене. Аджинтай въ это время не случилось дома: въ юртѣ оставалась только его жена. Она была такая красавица, что охотники, сидя у огня, не сводили съ нея глазъ и сожгли жареное. Замѣтивъ это, они заплакали. Женщина спрашиваетъ ихъ, что значатъ ихъ слезы. Они отвѣчаютъ, что они, взглядывшись на нее, сожгли жаркое и теперь боются, что Боролтай-ханъ велитъ казнить ихъ. Она говоритъ имъ, что она поправитъ дѣло. Она взяла талкану съ правой стороны юрты и желтаго масла (ширатосу) съ лѣвой и съѣла два будене; стали ихъ жарить и вышли настоящіе будене. Тушемкли подали жаркое Боролтай-хану: ханъ ѣлъ, ѣлъ, сынъ сталъ, а не съѣлъ будене; отдалъ тушемклимъ, тѣ ѣли и тоже не доѣли, отдали другинь; 500 чирковъ ѣли будене и всѣ насытились. Боролтай-ханъ спрашиваетъ: «Что это за будене такіа? Прежде двухъ будене мнѣ одному едва хватало, теперь сколько народу насытилось?» Тушемкли разсказали, какъ было дѣло.

Боролтай-ханъ поѣхалъ самъ посмотреть красавицу. Увидѣвъ ее, онъ захотѣлъ присвоить красавицу себѣ и предложилъ Аджинтай-мергенъ-хану побороться съ условіемъ, что кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ и станетъ обладателемъ красивой жены Аджинтай-мергенъ-хана. Стали бороться. Жена Аджинтая подсыпала подъ ноги мужа гороху, подъ ноги Боролтай-хана золу. Аджинтай-мергенъ-ханъ ухватилъ Боролтай-хана схватилъ его и заперъ въ ящикъ. Поймалъ черного верблюда,

¹⁾ Тушемкли — савранцы.

²⁾ Будене — зайцы.

Аджинтай вырвалъ часть хвоста у своей лошади, бросилъ, стала цѣлая лошадь; отщипнулъ отъ своего сѣдла, бросилъ, стало цѣлое сѣдло. Взялъ того человѣка въ товарищи, ѣдутъ втроемъ и встрѣчаютъ человѣка, который горы переставляетъ: которыя на западѣ, тѣ ставитъ на востокѣ, которыя на востокѣ, тѣ ставитъ на западѣ. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ Аджинтай. «Я умѣю горы переставлять», отвѣчаетъ тотъ. Аджинтай создаетъ ему лошадь и сѣдло, какъ и предыдущимъ, беретъ его въ товарищи и ѣдетъ далѣе вчетверомъ. Встрѣчаютъ человѣка, который пинкомъ скалы спшибаетъ. Аджинтай дѣлаетъ ему лошадь и сѣдло и тоже беретъ въ товарищи. ѣдутъ теперь впятеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который слушаетъ, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» Тотъ отвѣчаетъ, что онъ можетъ слышать, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай и этому далъ лошадь и сѣдло. ѣдутъ вшестеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который держитъ гору подъ мышкой. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ его Аджинтай. «Я умѣю власть горы подъ мышку». Аджинтай даетъ ему лошадь и сѣдло, беретъ въ товарищи и ѣдетъ далѣе всемеромъ.

Пріѣхалъ Аджинтай-мергенъ-ханъ къ Боролтай-хану всемеромъ и предлагаетъ ему объ закладъ побиться. Боролтай-ханъ соглашается и говоритъ, что на завтра можно на первый разъ устроить бѣгъ. «Я, говоритъ Боролтай-ханъ, пушу тысячу лошадей; а ты сколько?» «А я одного человѣка», говоритъ Аджинтай-ханъ, и выставилъ человѣка, догоняющаго дикую козу. Лошади Боролтай-хана побѣжали, а тотъ человѣкъ еще остался на мѣстѣ. Лошади возвращаются къ ханской ставкѣ, смотреть, а человѣкъ Аджинтай-хана давно уже прибѣжалъ и сидитъ на мѣстѣ. Одинъ закладъ (морь) выигралъ Аджинтай.

На другой день назначили бороться. Боролтай-ханъ выставилъ борца, влѣво изъ его рта течетъ бѣлая слюна, вправо красная кровь. Аджинтай выставилъ человѣка, который пинкомъ ноги сковыриваетъ скалы. Начали бороться и человѣкъ Аджинтая зашибъ борца, выставленнаго Боролтай-ханомъ.

Послѣ того Боролтай-ханъ говоритъ Аджинтай-хану: «Ну теперь присядь; станемъ пировать!» Вошли въ пятиэтажный домъ; тамъ налѣво поставлены ядовитыя кушанья, направо неядовитыя. Человѣкъ, который умѣлъ слушать, что дѣлается подъ землею и на небѣ, говоритъ Аджинтай-мергенъ-хану, что тѣ яства, передъ которыми его посадили, ядовитыя, а передъ которыми сѣлъ Боролтай-ханъ здоровыя. Тогда человѣкъ, умѣющій переставлять горы, переставилъ яства; ядовитыя поставилъ противъ Боролтай-хана, неядовитыя противъ Аджинтая. Боролтай, видя, что онъ не могъ отравить Аджинтая, велѣлъ чирикамъ окружить домъ, въ которомъ сидѣлъ Аджинтай и поджечь его снизу. Домъ загорѣлся. Человѣкъ, выпивавшій море, сидѣлъ все время съ полнымъ ртомъ и когда ему предлагали пить чай или ѣсть, онъ притворялся, будто у него болятъ зубы. Когда начался пожаръ, онъ открылъ ротъ и вылилъ на него цѣлое море воды; огонь потухъ. Тогда человѣкъ, державшій гору подъ мышкой, бросилъ её и задавилъ ею всѣхъ чириковъ Боролтай-хана и его самого.

и укралъ нашего быка! Нужно его схватить и допытать!» Братья слѣзли, схватили человѣка и начали его бить, допрашивая, не онъ ли укралъ быка. Сначала тотъ увѣрялъ, что онъ знать не знаетъ сиваго быка, но потомъ, боясь, что его убьютъ до смерти, сказалъ, что онъ угналъ быка, что онъ имъ за одного быка отдастъ двадцать одного быка, только бы его отпустили. Братья отпустили его. Тогда тотъ человѣкъ повелъ ихъ судиться къ нойону или къ хану. Ханъ спросилъ истца: уводилъ ли онъ быка. Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ и что принялъ на себя этотъ грѣхъ только изъ боязни, что его убьютъ. Ханъ спросилъ отвѣтчиковъ, видѣли ли они своими глазами, какъ тотъ уводилъ быка. Братья отвѣчали: «Нѣтъ, не видали, но думаемъ, что это онъ сдѣлалъ». Тогда ханъ повелъ ихъ въ поле, что-то взявъ въ горсть и, укрывая вещь между ладонями, спросилъ братьевъ: «Что у меня за вещь въ рукахъ?» Старшій братъ отвѣчалъ ему: «Что-то красное». Средній отвѣчалъ, «Красное и цѣпкое» (уланъ болодъ синджетей байна). Младшій сказалъ: «Красный цѣпкій жужубъ» (уланъ болодъ синджетей болбыло чыбыгы байна). Ханъ раскрылъ горсть; въ ней дѣйствительно былъ жужубъ. Ханъ снова пошелъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ братьевъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то живое!» Средній сказалъ: «Что-то многоногое» (амитай болодъ олонъ кельтей байна)! Младшій сказалъ: «Живой многоногий черный воючий червякъ» (амитай болодъ олонъ кельтей болбыло хараунгетей умухэй хорхо)! Ханъ снова сходилъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то коричневое!» Средній сказалъ: «Что-то вогнутое» (улабырь унгетей болодъ хонгюртей байна)! А младшій сказалъ: «Ковшъ изъ сандалнаго дерева» (улабырь болодъ хонгюртей болони зандынъмодо хуръ шинага). Тогда ханъ присудилъ, чтобы истецъ заплатилъ отвѣтчикамъ восемьдесятъ одного быка (юсунъ юса наннъ нигъ). Братья ушли. Тогда ханъ послалъ тушюмилей (вельможъ) подслушать, что братья будутъ говорить. Тушюмили подошли къ жилищу братьевъ и слушаютъ. Тѣ говорятъ: «Ханъ, сидящій на престолѣ, не настоящій ханъ, не царской крови! Злой ханъ!» Послѣ того хана убили, на его мѣсто посадили старшаго брата изъ трехъ, а двухъ младшихъ сдѣлали большими тушюмилями.

Очиръ, монголь изъ Ордоса, хошуна двасыка.

Судъ изъ-за быка; ср. Lassen, Indische Alterthumskunde, Leipzig, 1867, Buch II, S. 623; см. также Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 103 (бурятская сказка Гургулданнъ-гурбунъ-сысынъ) и т. II, в. 2, стр. 20. Число: юсунъ юса наннъ нигъ см. въ сказкѣ о Мани-Ветыръ-ханѣ (Оч., IV, 525). Начало сказки (уговоръ братьевъ относительно деревьевъ) ср. съ началомъ перваго разсказа въ Шиддикурѣ (Этн. Сб., VI, стр. 11), а также съ № 7 настоящаго собранія, но въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ не три, а шесть деревьевъ.

днимается и опускается безъ боязни только около того мѣста, гдѣ сидитъ ханьша. Тогда ханъ велѣлъ всѣмъ отойти въ сторону и идти за птицей одной ханьшѣ. Ханьша подошла къ птицѣ; тогда молодой человѣкъ, сидѣвшій въ птицѣ, бывшій мужъ ханьши, отворилъ окно и пригласилъ ханьшу войти въ его домъ. Какъ только ханьша вошла въ окно, птица поднялась и полетѣла, и опустилась только тамъ, гдѣ оставались шесть товарищей. Красивая женщина вышла изъ птицы. Увидѣвъ красавицу, всякому изъ шести товарищей хотѣлось сдѣлать ее своей женой. Всякій сталъ доказывать свое право присвоить ее. Плотникъ говорилъ: «Кабы я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы красавицы отъ хана!» Художникъ говорилъ: «Кабы я не раскрасилъ птицы, ханъ не захотѣлъ бы ее поймать и не послалъ бы за ней ханьшу!» Молодой человѣкъ, бывшій ея мужъ, говорилъ: «Кабы я ее не нашелъ, вы бы ничего объ ней не знали и не слышали!» Раздробитель камней говорилъ: «Если бы не я, то камень и до сихъ поръ лежалъ бы надъ ямой!» Лекаръ говорилъ: «Не я бы, то не воскресъ бы напѣ умершій товарищъ, и птица не умѣла бы летать». Такъ споря между собою, они стали тянуть женщину каждый въ свою сторону и разорвали ее на части. Тогда женщина сказала имъ: «Не ссорьтесь! Я удалюсь на луну, а вы станьте звѣздами!» Пятна на лунѣ это и есть дѣвица; шесть звѣздъ Мечинъ (Плеяды) — шесть эльбичиновъ. Каждый годъ Плеяды шесть разъ съ луной встрѣчаются (такона). Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) укралъ одну звѣзду у Мечина; эта украденная звѣзда находится теперь въ хвостѣ Долонъ-бурхана; это и есть тотъ молодой человѣкъ, который былъ убитъ ханомъ и потомъ воскрешенъ.

Записано отъ хухунорской олѣтки, хошуна чинъ-хай-вана.

Поѣздка на деревянной Гарудѣ составляетъ содержаніе пятаго разсказа Панчатантры «Ткачъ подъ видомъ Вишну» (Benfey, Panchatantra, Leipzig, 1859, Th. II, 48 и Th. I, 159). Ткачъ влюбляется въ проѣхавшую мимо царевну; его другъ плотникъ доставляетъ ему возможность посѣщать ее; онъ дѣлаетъ деревянную Гаруду, и садитъ на нее ткача, придавъ ему знаки шести рука о бога Вишну. Имя Вишну встрѣчается и въ вступительномъ разсказѣ Панчатантры; сборникъ начинается разсказомъ о царѣ, имѣвшемъ трехъ глупыхъ сыновей, которыхъ беретъ научить мудрости мудрецъ Вишнусарманъ; во вступительномъ разсказѣ Шиддикура царскій сынъ отданъ въ обученіе семи чародѣямъ; устный разсказъ, который мы слышали въ Монголіи, кончается указаніемъ на Б. Медвѣдицу (Оч. IV, 198): Амынь-цаганъ-бюрю разбитъ на семь кусковъ, которые стали звѣздами этого созвѣздія; въ напечатанномъ Гомбоевымъ переводѣ Шиддикура (Эти. Сб., VI, 144) это семь буддъ (по монгольски долонъ будда, по тюркски джеты будда).—Покровителемъ гонимаго отрока въ кавказскихъ сказаніяхъ (Оч., IV, 714, 735) является созвѣздіе В. Медвѣдица, а не Плеяды (монг. Мечинъ, Мышинъ).—Бенфей (Pantsch., I, 31) сближаетъ Вишнусармана съ Вишнугуптой, министромъ царя Чандрагупты, образцомъ государственнаго человѣка; если, говорить онъ, Вишнусарманъ и не есть синонимъ съ Вишнугуптой, то все таки это имя выбрано рассказчикомъ, чтобы напомнить о великомъ мастерѣ въ политикѣ. Въ тюркскихъ преданіяхъ у Рашидъ-эддина такимъ представленіямъ соответствуетъ Джиркылъ (см. примѣчанія къ № 86 о Плеядахъ). Ср. также тюркскіе разсказы о Джиренъ-шешенѣ и его глупомъ сынѣ (Radloff, Prob., I, 197; IV, 201; Оч., II, 158; IV, 362 и 364). Джиренъ-шешенъ, министръ Асъ-Джанибекъ-хана (Оч., II, 153); въ сказаніи Иссыкъ-кульскихъ Киргизъ Джанибекъ-ханъ царь съ ослиными ушами. Джиркылъ былъ министръ Огузъ-хана, т. е. Выка-хана; не было ли объ Огузъ-ханѣ сказанія въ родѣ тибетскаго о Ландармѣ? Сборникъ Радлова знаетъ Ось-Джанибекъ-хана (Radloff, Prob., III, 89); сл. съ примѣч. къ № 27.

Спрашивают его братья, за что ханъ велѣлъ бросить его въ яму. Младшій братъ разсказалъ, что онъ нашель здѣсь красавицу, которая приняла его къ себѣ въ мужа, что объ ней узналъ ханъ и захотѣлъ её отнять у него; посланное ханомъ войско бросило его въ яму, а красавицу увело. Тогда братья порѣшили возвратить жену своему младшему брату.

Братъ, научившійся плотничному мастерству, сдѣлалъ птицу изъ дерева; живописецъ окрасилъ ее; изучившій номъ, читая его, оживилъ ее. Внутрь птицы посадили младшаго брата и птица полетѣла въ царскій городъ. Царь увидѣлъ, что какая-то птица вьется надъ дворцомъ, крикнулъ царицу; смотрятъ, но поймать не могутъ. Выслали войско ловить птицу; за войскомъ пошли царь и царица. Птица не даетъ себя поймать, а все старается подлетѣть поближе къ царицѣ. Замѣтивъ это, одинъ придворный говоритъ: «Не умѣючи ловимъ! Этакъ намъ никогда ее не поймать! А нужно войско совсѣмъ не посылать, послать же одну царицу въ поле. Видите, птица все старается ближе къ ней сѣсть». Такъ и сдѣлали, войско отослали въ городъ, а въ поле отправили одну царицу. Станетъ царица подходить къ сидящей птицѣ, птица снимется, отлетитъ подальше и опять сядетъ. Увела царицу далеко отъ города и сѣла. Изъ птицы высунулся прежній мужъ царицы и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она вернуться къ нему. Царица говоритъ ему, что она все время, пока жила у царя, тосковала объ немъ и рада вернуться къ нему. Тогда молодой человекъ подпустилъ царицу къ себѣ и предложилъ ей сѣсть въ птицу. Царица сѣла и птица полетѣла. Когда птица опустилась на землю, гдѣ находились пятеро братьевъ, царица вышла изъ нея. Только она вышла, какъ всѣ пятеро братьевъ стали спорить изъ-за нея. Одинъ говоритъ: я возьму! другой говоритъ: я возьму! Плотникъ говоритъ: «Если бъ я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы царицы, и потому ее слѣдуетъ отдать мнѣ!» Живописецъ говоритъ: «Если бъ я не раскрасилъ ее, царь и войско не признали бы ее за птицу!» Изучившій номъ говоритъ: «Если бъ я не оживилъ ее, птица не могла бы летать!» Младшій братъ говоритъ: «Если бъ я не нашель ее, вы бы вовсе о ней не знали!» Раздробитель говоритъ: «Если бъ я не раздробилъ камень, то ты бы и до сихъ поръ лежалъ въ ямѣ». Кузнецъ говоритъ: «А если бъ я не сковалъ желѣзный шестъ, тебѣ не раздробить бы камень!» Стали спорить, схватили ее, стали тащить и разорвали на части.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

Вторая половина этой сказки, также какъ и № 6 (Долонъ эльбичинъ), представляетъ сходство съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ (Maaré, Contes égyptiens, Paris, 1882): удивительная жизнь съ дѣвицей, унесенный вѣтромъ портретъ (вмѣсто волосъ, унесенныхъ рѣкой, какъ въ египетской сказкѣ, а также въ Шиддикуръ и Оч., IV, 240), плѣненіе дѣвицы царемъ, гибель ея друга и спасеніе его братьями (вмѣсто одного брата). Герой сказки «Шестъ деревьевъ» соответствуетъ Bitiou египетской сказки (въ прежнихъ чтеніяхъ Batou или Satu; Huzson, La chaîne traditionnelle, Paris, 1874; Wolf's Zeitschrift für Deutsche Mythologie, IV, 232). Уносимые рѣкой волосы и навлекаемое этимъ обстоятельствомъ нашествіе царя въ вершины рѣки сводитъ этотъ циклъ сказокъ съ разсказомъ № 49 (Туванабжу). Долина, въ которой жилъ Bitiou съ своей подругой, названа «долиной акацій»; душа его была скрыта въ цвѣтѣхъ дерева акаціи. Египто-

логи сближают Vitou с Озирисомъ (см. у Масперо и Гюссона въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ). На многихъ памятникахъ, говоритъ Гюссонъ, встрѣчаются изображенія Озирисова дерева. Одно изъ нихъ имѣетъ на своихъ вѣтвяхъ птицу Уеппои (Фениксъ), а надъ деревомъ написано Ва-еп-Асаг, «душа Озириса» (Husson, La chaîne, p. 90).

Въ №№ 6 и 7 настоящаго собранія «дѣва рѣчной долины» не содѣйствуетъ гибели своего друга и послѣ увоза продолжаетъ относиться къ нему дружески. Въ послѣдней главѣ Шиджура, перев. Гомбоева, (Этн. Сб., VI) она даже учитъ своего друга, какъ поступать, чтобъ имъ вновь соединиться. Въ Оч., IV, 240, враждебнаго отношенія также нѣтъ, но тайна, какимъ средствомъ можетъ быть погубленъ юноша, вывѣдывается отъ его подруги черезъ него самого; нужно бросить въ огонь черный четырехугольникъ, висѣвшій у дымника. Этотъ четырехугольникъ соотвѣтствуетъ цвѣтку акаціи, въ который была заключена душа Битью въ египетскомъ романѣ; въ послѣднемъ женщина по увозѣ становится враждебною своему прежнему другу.

8. а. ДОЧЬ ВОДЯНАГО ЦАРЯ.

(Тангутскій).

Жили старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ, который рубилъ дрова, продавалъ и на вырученныя деньги кормилъ родителей. Но этихъ денегъ не хватало. Онъ говоритъ себѣ: «Нѣтъ, такъ жить нельзя! Пойду искать, не добуду ли больше». Оставивъ родителямъ денегъ, онъ отправился по дорогѣ. На встрѣчу ему бѣжитъ вихорь; молодой человекъ ударилъ по вихрю своимъ посохомъ, на землѣ остался башмакъ, а вихорь убѣжалъ въ горы и ушелъ въ нору. Молодой человекъ надѣлъ башмакъ на посохъ, вошелъ въ городъ и кричитъ: «Башмакъ продаю!» Уличный народъ разглядѣлъ башмакъ, доложили царю. Царь призвалъ молодого человека во дворецъ, спрашиваетъ: гдѣ взялъ башмакъ? Молодой человекъ разсказалъ, какъ онъ ударилъ посохомъ по вихрю, какъ вихорь убѣжалъ въ горы, а на землѣ остался башмакъ. Куда ушелъ вихорь? спрашиваетъ царь. Молодой человекъ отвѣчаетъ: «Я видѣлъ, какъ онъ ушелъ въ нору». Царь говоритъ: «Это моя дочь, похищенная у меня. Не хватитъ ли у тебя силъ и умѣнья возвратить ее мнѣ?» Молодой человекъ думаетъ: «Не знаю, съумѣю ли это сдѣлать». Однако онъ былъ человекъ бѣдный, рѣшился попробовать.

Онъ взялъ съ собою ратниковъ съ веревкой и отправился къ норѣ. На веревкѣ его спустили въ нору; онъ видитъ, лежитъ гза (чудовище, покрытое ртами и глазами по всему тѣлу) и спитъ. Подлѣ него находится дѣвица красавица. Онъ привязалъ дѣвицу къ веревкѣ; ратники вытянули ее изъ норы; потомъ ратники думаютъ, если вынуть изъ норы и молодого человека, то пожалуй гза погонится за нимъ и тоже вылѣзетъ изъ норы; они оставили молодого человека въ норѣ и заткнули ее камнемъ. Оставшись на днѣ норы, молодой человекъ пошелъ вдоль ея и нашелъ лежащаго дракона (иджунъ). Драконъ говоритъ ему: «Побудь при мнѣ, пока выздоровѣетъ моя изломанная рука¹⁾; питайся тѣмъ, что будетъ выходить

¹⁾ Разсказчикъ объяснилъ, что изломалъ руку дракону бонбоцзы, шаманъ, бросивъ въ воздушное пространство доржки или пращей, когда драконъ дѣлалъ грозу. Тангутскіе шаманы для укрощенія грозы бросаютъ въ тучу или огни или особо приготовленныя пелюзы.

изъ моего рта; а когда выздоровѣю, я вынесу тебя изъ норы». Молодой человѣкъ послушался; когда драконъ выздоровѣлъ, онъ положилъ молодого человѣка себѣ на спину, вынесъ изъ норы и отнесъ къ Водяному царю Улы-гсыгла-рэнчину. Царь говоритъ молодому человѣку: «Ты спасъ мою дочь! Проси чего хочешь». По совету дракона,—а это и была сама дочь Водяного царя,—молодой человѣкъ сказалъ царю: «Мнѣ ничего не надо, ни серебра, ни золота, а дай мнѣ вонъ тотъ кусокъ дерева и черного осла». Пожалѣлъ царь кусокъ дерева,—потому что отдать его, значило отдать дочь,—но все таки отдалъ. Поѣхалъ молодой человѣкъ и думаетъ дорогой: «Не глупо ли я сдѣлалъ! Кабы попросилъ золота и серебра, могъ бы купить хлѣба и мяса; теперь я проголодался, а за этотъ кусокъ дерева кто что дастъ». Съ горя онъ легъ спать. Проснулся, видитъ, лежитъ онъ въ прекрасномъ домѣ; въ домѣ отличное убранство, на столахъ стоитъ всякая вкусная ѣда. «Ѣсть или нѣтъ?» спрашиваетъ себя молодой человѣкъ. «Ну, если умереть, пусть умру!» сказалъ онъ и поѣлъ. Снова легъ спать.

Поѣхалъ молодой человѣкъ дальше и во всю дорогу каждый день съ нимъ совершается такое превращеніе. Приѣхалъ къ матери, рассказалъ ей, что съ нимъ случилось; какъ онъ попалъ въ нору, какъ драконъ вынесъ его изъ норы, какъ Водяной царь предложилъ ему просить, чего онъ хочетъ и какъ онъ выпросилъ кусокъ дерева и черного осла. «Не глупый ли ты?» говоритъ ему мать. «Что съ этимъ деревомъ дѣлать?» Легли спать. Встаютъ, всякая ѣда готова. Сынъ спрашиваетъ у матери: «Будешь ли ты это ѣсть?» Мать говоритъ: «Умереть, такъ пусть умру! поѣмъ». Поѣла. И такъ каждый день стало случаться; проснутся утромъ, всякая ѣда уже готова. Сынъ говоритъ матери: «Надо посмотрѣть, откуда это все берется». Онъ притворился спящимъ. Изъ дерева вышла прекрасная женщина и начала стирать и убирать въ домѣ, потомъ снова ушла въ ящикъ. Молодой человѣкъ въ другой разъ притворился, и когда женщина вышла изъ дерева, онъ схватилъ это дерево и бросилъ въ огонь. Сталъ онъ жить послѣ этого съ красавицей; всего у нихъ вдоволь.

Мужъ говоритъ женѣ: «Приглашу царя къ себѣ въ гости? Теперь у насъ найдется, съ чѣмъ принять царя!» Не приглашай! говоритъ жена. Но мужъ не послушалъ, поѣхалъ къ царю, зоветъ его къ себѣ въ гости. Царь говоритъ: «Поѣду, если ты устроишь мостъ отъ моего дома до твоего». Мужъ возвращается къ женѣ, передаетъ ей царскія слова. Жена говоритъ, это еще не бѣда. Дала ему пачку иголокъ и учить: «Поѣзжай и разсыпь вдоль дороги, а подѣхавъ къ царской ставкѣ, взгляни назадъ». Мужъ такъ и сдѣлалъ, рассыпалъ иголки, оглянулся,—во всю дорогу готовый мостъ. Приходитъ къ царю и говоритъ: «Я мостъ сдѣлалъ. Теперь поѣзжай ко мнѣ!» «Нѣтъ», говоритъ царь. «Сначала разсади по всей дорогѣ фруктовыхъ деревья и пусть они цвѣтутъ и несутъ зрѣлые плоды. Тогда я къ тебѣ приѣду». Мужъ возвращается домой, передаетъ женѣ новое приказаніе царя. Жена говоритъ: это не бѣда! Дала мужу косточки изъ фруктовъ и велитъ разсадить вдоль дороги, а доведши до царской ставки, оглянуться. Онъ разсадилъ косточки, оглянулся,—по всей дорогѣ стоятъ деревья въ зелени, цвѣтутъ и увѣ-

шаны плодами. Входитъ къ царю и говоритъ, что онъ разсадилъ деревья по всей дорогѣ, деревья стоятъ въ цвѣту и въ плодахъ, опять зоветъ царя въ гости. Но царь не ѣдетъ, а еще задаетъ задачу: «разстели по всей дорогѣ войлока поочередно красные и бѣлые». Мужъ передаетъ царскій приказъ женѣ. Жена даетъ ему два пучка шерсти, одинъ бѣлый, другой красный и велитъ разбросать вдоль дороги и оглянуться. Мужъ исполнилъ совѣтъ жены, оглянулся—дорога готова, устлана поочередно красными и бѣлыми войлоками. Когда онъ сказалъ объ этомъ царю, царь думаетъ: «У него въ домѣ есть какая-то хитрая вещь. Теперь надо къ нему ѣхать».

Жена совѣтуетъ мужу: «Долго не задерживай царя! угости и отпусти скорѣе». Потомъ она сняла съ себя свое красивое лицо, положила подъ подошву своей ноги, придавила башмакомъ. Царь вошелъ въ юрту къ молодому человѣку, указываетъ на женщину и спрашиваетъ: «Это кто у тебя?» «Это моя жена», отвѣчаетъ тотъ. Сталъ онъ угощать царя, пустился въ разговоры, не отпускаетъ царя. Чай весь уже выпили, не чѣмъ угощать царя. Мужъ говоритъ женѣ: «Вари новый чай!» Та будто не слышитъ. Онъ въ другой разъ уже не такъ спокойно сказалъ, а закричалъ, чтобъ она варила. Но она притворилась, будто опять не слыхала. Тогда онъ въ третій разъ съ сердцемъ крикнулъ: «Дочь Водяного, вари чай!» Она тоже осердилась и вскочила съ мѣста; лицо изъ подъ башмака и выскочило. «Это что за красавица?» спрашиваетъ царь. «Это моя жена», говоритъ молодой человѣкъ. «Нѣтъ!» говоритъ царь; «это не твоя жена, а моя. Выпустимъ собакъ твою и мою другъ на друга, и если твоя мою съѣстъ, жена твоей останется, если же моя твою съѣстъ, я уведу твою жену къ себѣ». Жена говоритъ мужу: «У моей матери есть небольшая собачка. Иди къ матери и скажи: твоя дочь проситъ у тебя маленькую собачку». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и та дала ему собачку. Несетъ онъ ее и думаетъ, у царя собака большая, гдѣ этой загрызть ту. Жена опять велитъ ему: «Иди на перевалъ и сядь тамъ; когда ханская собака прибѣжитъ къ тебѣ, выпусти собачку и скажи: съѣшь большую ханскую собаку!» Мужъ сдѣлалъ по совѣту жены; когда ханская собака прибѣжала, онъ выпустилъ маленькую собачку и сказалъ: «Съѣшь большую ханскую собаку!» Собачка бросилась на горло большой собакѣ и сразу загрызла ее. Ханъ говоритъ мужу красавицы: «Пусть твои ратники срываютъ гору; и мои ратники будутъ срывать такую же, равную ей. Чьи ратники скорѣе сроятъ гору, того и будетъ жена». Жена учитъ мужа: «Иди къ моей матери и скажи, что я зову мою тетку и мою младшую сестру». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и привелъ тетку жены и младшую сестру жены. Ханъ выставилъ цѣлое войско, у мужа красавицы всего два помощника. Ханъ говоритъ ему: «Ну гдѣ же тебѣ тагаться со мною? Теперь я уведу твою жену, а тебя велю казнить». Гора у ханскихъ ратниковъ уже замѣтно убавилась; мужъ красавицы копаетъ одинъ и только небольшое мѣсто скопалъ; товарищи не торопятся ему помогать. Онъ кричитъ имъ: «Помогайте скорѣе! Смотрите, у хана гора уже убыла, а я одинъ что сдѣлаю». Тетка жены его и младшая ея сестра подошли, подсунули двѣ лопаты съ двухъ сторонъ, сквырнули гору и бросили въ сторону. Ханскіе ратники разинули ротъ. А! кричатъ.

Ханъ опять говоритъ: «Пусть твои ратники и мои сойдутся и подерутся; если мои твоихъ перебьютъ, жена моя; если твои моихъ перебьютъ, останется твоею». Жена учитъ мужа: «Пойди къ моей матери и попроси ящикъ съ войскомъ». Мужъ пришелъ къ матери своей жены и говоритъ, что дочь просить у ней ящикъ съ войскомъ. Мать говоритъ: «Въ худое мѣсто моя дочь попала, коли требуетъ ящикъ. Возьми и дорогой не открывай». Взялъ онъ ящикъ и пошелъ домой. Дорогой сѣлъ подъ большой камень отдохнуть и думаетъ: дай открою, посмотрю! Приоткрылъ, изъ ящика лѣзутъ ножи и кричатъ: кого убить? кого убить? Человѣкъ говоритъ: «Этотъ камень!» Ножи бросились на камень, искрошили его въ песокъ и улетѣли назадъ къ матери его жены. Принесъ онъ ящикъ къ женѣ; та взяла ящикъ въ руки и говоритъ: «Да онъ пустой! Ты вѣрно открылъ его дорогой?» Открылъ, признается мужъ. Всѣ ратники изъ ящика возвратились домой. «Ступай опять къ матери, велитъ жена, и скажи, что ящикъ пустой». Пришелъ онъ къ матери своей жены, просить вновь наполнить ящикъ. «А ты на кого напустилъ ножи?» спрашиваетъ она. На камень, отвѣчаетъ онъ. «То-то они тупы!» Она вновь наточила ножи, уложила ихъ въ ящикъ и подала ему. Идетъ онъ домой и радуется; теперь царскому войску не справиться. Жена ему совѣтуетъ: «Иди на переваль, сядь и жди. Когда ханское войско подойдетъ, ты отвори ящикъ. Ножи закричатъ: кого бить? Ты скажи: Царское войско и хана убейте!» Сѣлъ онъ на переваль и ждетъ. Царь идетъ съ войскомъ и говоритъ: «Теперь-то я убью тебя и заберу твою жену! Смотри, сколько у меня войска! а у тебя и оружія никакого нѣтъ!» Войско идетъ на переваль, трубачи трубятъ. Только подошли къ мужу красавицу, онъ открылъ ящикъ. Ножи высочили, кричатъ: кого бить? кого бить? Онъ говоритъ: Царское войско и царя убейте! Ножи бросились на войско, всѣхъ ратныхъ людей перебили и самого царя убили. Мужъ красавицы сѣлъ на царскій престолъ и сталъ царствовать.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ Дуи.

6. ШАЦГАЙ-ХАНЪ (ЦАРЬ-СОРОКА).

(Монгольскій).

Одинъ царь имѣлъ единственнаго сына. Однажды отецъ сказалъ своему сыну: «Ты бы пошелъ изъ дому и научился бы какому-нибудь полезному дѣлу». Сынъ пошелъ и выучился играть на хурѣ¹⁾. Когда онъ вернулся, отецъ спросилъ его, чему онъ выучился. Сынъ сказалъ, что онъ научился играть на хурѣ. Отецъ осердился на сына. «Дѣти другихъ отцовъ выучиваются читать книги, ковать желѣзо,

¹⁾ Струнный инструментъ со смычкомъ, въ родѣ скрипки.

мени сжегъ мою шкуру! Не вышло еще мнѣ время оставить еѣ! Теперь станеть отнимать меня у тебя Шацгай-хань.»

Къ югу отъ юрты, въ которой жилъ мальчикъ, былъ колодезь. Къ этому колодезю наѣхалъ Шацгай-хань, охотясь за звѣрями. Застрѣлили всего только двухъ будене-оготона¹⁾ и ханъ послалъ въ сосѣднюю юрту зажарить ихъ. Два человѣка изъ его свиты вошли въ юрту, гдѣ жилъ мальчикъ съ дѣвицей и положили въ огонь дичь, да заглядѣлись на красивую дѣвицу и сожгли мясо. «Что теперь дѣлать? говорятъ. Ханъ отрубить намъ голову, когда увидитъ, что мы, вмѣсто мяса, принесли уголь!» Дѣвица говоритъ имъ: «Не тужите! У меня есть двѣ будене-оготона; я зажарю ихъ, вмѣсто сгорѣвшихъ. Вы выйдите изъ юрты и ходите вокругъ нея; когда вы три раза обойдете еѣ кругомъ, войдите—мясо будетъ готово.» Люди вышли и, обойдя юрту три раза, вновь вошли. Мясо было готово. Взяли они его и отправились къ хану. Ханъ и тысяча человѣкъ его свиты цѣлый день ѣли двухъ будене-оготона и не съѣли всего. Ханъ призвалъ двухъ человѣкъ, ходившихъ жарить мясо, и говоритъ имъ: «Это не тѣ будене-оготона, которыя я далъ вамъ. Это мясо необыкновенно вкусно и сколько его ни ѣдятъ, все не могутъ кончить. Вы мнѣ не сказали правду. Если не скажете правду теперь, откуда взяли это мясо, я отрублю вамъ головы!» Тогда тѣ два человѣка рассказали, что они вошли съ оготона въ сосѣднюю юрту, въ которой живетъ мальчикъ съ дѣвицей; они такъ засмотрѣлись на красивую дѣвицу, когда жарили мясо, что не замѣтили, какъ мясо сгорѣло; они испугались ханскаго гнѣва и не знали что дѣлать; тогда дѣвица сжалилась надъ ними и изжарила, вмѣсто сгорѣвшихъ, двѣ свои будене-оготона и вотъ это-то мясо ханъ теперь и ѣлъ. Тогда ханъ послалъ ихъ позвать мальчика, который живетъ въ юртѣ. Дѣвица говоритъ мальчику: «Шацгай-хань пришлетъ людей звать тебя; ты иди къ нему. Когда ханъ спроситъ тебя, что за женщина съ тобой живетъ, ты отвѣчай ему: это моя жена! Потомъ ханъ будетъ требовать, чтобъ ты отдалъ меня ему. Ты согласишься, но подъ условіемъ сдѣлать три завлада (мѣрь табиху). А когда ханъ спроситъ, какіе завлады, ты скажи, что сначала ты спрячешься, пусть ханъ тебя ищетъ, потомъ пусть ханъ спрячется, ты будешь искать хана. Если ты проиграешь завлады, ты отдашь меня хану; если ханъ проиграеть, онъ долженъ отдать тебѣ свой престолъ (шире) и тамгу!» Мальчикъ отправился къ хану съ присланными за нимъ людьми. Ханъ спросилъ его: «Что это за женщина, которая съ тобой живетъ?» «Это моя жена!» говоритъ мальчикъ. «Отдай ее мнѣ!» говоритъ ханъ. Мальчикъ говоритъ, что онъ согласенъ отдать подъ три завлада. «Если я буду прятаться, говоритъ мальчикъ, и ты меня отыщешь, а ты будешь прятаться, а я не отыщу, тогда моя жена будетъ твоей, ханъ. А если ты меня не отыщешь, а я тебя отыщу, тогда ты долженъ отдать мнѣ твой престолъ и твою тамгу. Согласенъ ли ты на это, ханъ?» Ханъ согласился и послалъ мальчика домой прятаться. Жена мальчика обратила его въ наперстокъ (урупчи), надѣла себѣ на руку и шьетъ. Приѣхалъ ханъ, искалъ, искалъ, не на-

¹⁾ Будене—перепелка; оготона—сѣноставка, *Lagomys*.

опять спрашивает мальчик хана. «Нѣтъ, еще погоди! Вотъ здѣсь есть токумъ ¹⁾, наполненный водой. Вскипяти въ немъ воду и тогда я отдамъ тебѣ мой престолъ и тамгу». «Схожу сначала въ свою юрту!» сказалъ мальчикъ. Жена учитъ его: «Возьми два хомылына ²⁾, разломи каждый пополамъ, зажги ихъ концы и положи эти четыре куска на четырехъ сторонахъ токума. Когда вода закипитъ, ханъ велитъ тебѣ пройти взадъ и впередъ черезъ кипящую воду. Когда ты будешь идти въ водѣ, говори: хошуай! Когда выйдешь изъ воды, скажи хану: я два раза прошелъ по водѣ; теперь ты пройди хоть разъ!» Мальчикъ нашелъ два хомылына, разломилъ ихъ пополамъ, зажегъ ихъ концы и одинъ кусокъ положилъ на западномъ концѣ озера, другой на востокъ, третій на сѣверѣ и четвертый на югѣ. Вдругъ середина озера закипѣла. Ханъ говоритъ мальчику: «Если правда на твоей сторонѣ, то ты пройдеши черезъ озеро и вернешься опять сюда!» Мальчикъ вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и перешелъ озеро. Потомъ опять вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и вышелъ назадъ. И говоритъ хану: «Я перешелъ черезъ озеро два раза; теперь ты перейди черезъ него хоть одинъ разъ!» Ханъ подумалъ: «Онъ простой человекъ и перешелъ два раза. Я ханъ. Неужели у меня не хватитъ силы перейти одинъ разъ!» Онъ вошелъ въ воду, дошелъ до середины озера и тутъ развалился (урѹсчи). Послѣ этого нойонъ, начальствовавшій надъ тысячею чириковъ ³⁾, стоявшихъ вокругъ озера, говоритъ мальчику: «Что это за вещь хошуай, которую ты поминалъ, проходя по озеру! Благодаря ей, ты не сварился въ водѣ. Дай, я посмотрю еѣ!» Мальчикъ говоритъ: «Эта вещь у меня дома; сейчасъ принесу!» Самъ пошелъ домой къ женѣ и говоритъ: «Нойонъ проситъ показать ему хошуай, а я не знаю, гдѣ ее взять». Жена дала ему красный бобъ и говоритъ: «Положи его на раскрытую ладонь и каждому чиріку покажи его, и скажи: вотъ хошуай! вотъ хошуай! (хошуай ене! хошуай ене!) Потомъ ладонь подними вверхъ и скажи: вонъ—гдѣ хошуай!» (хошуай тере!) Мальчикъ вышелъ изъ юрты, держа на ладони красный бобъ, подошелъ къ нойону, поднесъ къ нему свою ладонь и говоритъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ подошелъ поочередно къ каждому чиріку, неся на открытой ладони бобъ и передъ каждымъ сказалъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ поднялъ ладонь въ воздухъ и крикнулъ: «Вонъ онъ хошуай!» Красный бобъ поднялся въ воздухъ и оттуда посыпался желѣзный градъ (темуръ мендуръ), который перебилъ всѣхъ чириковъ, убилъ и нойона. Мальчикъ сѣлъ на престолъ Шацгай-хана и сталъ жить со своей женой весело и наслаждаясь.

Пунсукъ, ордосскій монголъ изъ хошуна Ушинъ.

Ср. съ содержаніемъ сказокъ въ Очеркахъ, IV, №№ 131 и 154 (стр. 412 и 519). Въ первой, сойотской, герой называется Ульберге или Ольберге; мудрая жена—дочь Пори-хана (царя волка); противникъ героя, отнимающій жену, сынъ Карабты-хана. Въ монгольской (№ 154) мудрая жена дочь Лусай-хана, какъ и въ новомъ вариантѣ. Ср. также съ №№ 95, а и 160. Въ этихъ обонхъ

¹⁾ Токумъ—впадина въ земной поверхности.

²⁾ Хомылынь—шарообразный конскій пометъ.

³⁾ Чирикъ—солдатъ.

благодѣтельные подарки герой получаетъ отъ Шацгай-хана. Въ Шиддикурѣ въ гл. V (Этн. Сб., VI, стр. 35—40) герой былъ брошенъ въ море въ жертву царю драконовъ; послѣдній относится къ нему благосклонно и высаживаетъ его на берегъ; женится герой однако на дочери земного царя, а не царя драконовъ. Въ гл. XXIII герой получаетъ невѣсту отъ живущаго въ водѣ царя драконовъ Цаганъ-Лабай-тѣткучки; она сначала скрывается подъ видомъ суки; онъ сжигаетъ ея шкуру и дѣлаетъ это напрасно; теперь она должна удалиться; когда она купалась, волосы ея упали въ воду и были отнесены внизъ по рѣкѣ; царь, жившій въ низовьѣ рѣки, узналъ объ ея существованіи и увезъ ее. По совѣту жены, другъ ея одѣлся въ сорочій ярмакъ, пришелъ въ царскую резиденцію и началъ плясать въ народѣ. Царица, при видѣ плясуна, улыбнулась; царь высказываетъ ей упрекъ, что ранѣе, сколько она ни жила съ царемъ, она не улыбалась; она говоритъ, что если-бъ царь одѣлся въ то же сорочье платье и принялся плясать, она тоже улыбалась бы. Царь позвалъ плясуна, надѣлъ его сорочье платье, спустился внизъ къ народу и сталъ плясать. Тогда царица отдала приказаніе убить царя, а прежняго мужа посадила на престолъ. У нихъ родилось четыре сына; одинъ изъ нихъ Гэсэръ-ханъ. Сказка съ самаго начала заговариваетъ о пляскѣ и пѣвнн; вельможа спасаетъ одного приговореннаго къ смерти совѣтомъ царю не казнить: «если мы казнимъ этого человѣка, то къ намъ не придутъ ни плясуны, ни пѣвцы». Причиной бѣгства героя изъ царскаго дворца и дальнѣйшихъ его приключеній было появленіе предъ царемъ сначала плясуна, потомъ пѣвца.

Въ ордосской сказкѣ Шацгай это царь, отбирающій жену у человѣка; въ халхаскихъ (Оч., IV, № 95 и 160)—царь, дающій волшебные подарки. Въ XXIII гл. Шиддикура плясунъ одѣтъ въ сорочье платье—не самъ ли Шацгай-ханъ?

Шацгай по монгол. «сорока». Не замѣнилось ли этимъ именемъ какое-нибудь другое тюркское? Въ тюркскомъ фольклорѣ Сибири есть имена Садагай (Литер. Сборн., изд. «Вост. Об.», Спб., 1885, стр. 343), Джетыганъ (совз. Больш. Медвѣдица) и друг. Банзаровъ упоминаетъ Дзетку-хана которому монголы поклонялись (Банзаровъ, Черн. вѣра и др. ст., Спб., 1891, стр. 21). Джатаганъ—родъ гуслей у тюрковъ южной Сибири; у калмыковъ ятга (Нефедьевъ, Подр. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 219).

9. ДОНЧЖИ-МОЛУМЪ-ЭРДЕНИ.

(Монгольскій рассказъ).

Былъ Дончжи-молумъ-эрдени; онъ былъ семьсотъ двадцати одного года отъ роду. Съ нимъ жили жена его Тунъ-могай-хара-нюдунъ¹⁾ и ея младшая сестра Цасунъ-цаганъ²⁾; онъ пасъ семьсотъ лошадей. Въ низахъ же жилъ длинный, длиною семь сажень, Шяра-бокѣ³⁾; онъ пасъ семьсотъ желтыхъ верблюдовъ. Дончжи-молумъ-эрдени сидѣлъ (однажды) на холмѣ Болдзотенъ-боро-тологоѣ. Верблюжій жеребецъ изъ стада Уту-шяра-бокѣ боролся съ гнѣдымъ жеребцомъ Дончжи-молума. На лучахъ вечерняго солнца жеребецъ изломалъ у верблюда бедро передней лопатки (атхымылъ чумугъ) и, изувѣчивъ атлантовъ позвонокъ (амынъ кудзю), потащилъ его. На завтра Уту-шяра-бокѣ и Дончжи-молумъ вдвоемъ начали бороться.

¹⁾ Могай — «змѣя»; хара-нюдунъ — «черный глазъ».

²⁾ Цасунъ цаганъ — «снѣжнобѣлая».

³⁾ Въ текстѣ: доро доро гадзыренъ долонъ алда уту шяра бокѣ. Подъ именемъ доро гадзыръ «низкой земли» хухонорскіе олѣты разумѣютъ монгольскую плоскость къ сѣв. отъ Нань-шаня. Шяра—желтый, бокѣ — силачь.

На вечернихъ лучахъ солнца Дончжи-молумъ изломалъ плечевую кость (атхамылъ чумугъ) у Шяра-бокѣ, изувѣчилъ у него шейный позвонокъ и потащилъ его. Выкопалъ яму въ девять сажень глубиной и бросилъ его туда. Содравъ съ верблюда шкуру, заткнулъ ею отверстіе ямы; возвратился домой. Говорить женщинамъ: «На Болдзотень-боро-тологой не ходите! вокругъ юрты три раза не обходите!» И самъ отправился. Младшая сестра его Цасунъ-цаганъ обошла три раза вокругъ юрты и пошла на Болдзотень-боро-тологой; какой-то человѣкъ кричитъ. Бѣгомъ прибѣжала, въ ямѣ (видитъ) Уту-шяра-бокѣ сидитъ. Она сѣверныя дрова (арюнь тулѣ) на спинѣ наносила, южныя деревья (бълкони модо) на спинѣ наносила, зажгла огонь, топтала его. Не могла добыть. Вырвавъ волосы, положила. Добыла (богатыря?), возвратилась въ свой домъ и довольная сидитъ (сайханъ сучжи). Въ это время пріѣхалъ Дончжи-молумъ. Сѣверныхъ звѣрей на сѣверѣ набилъ, южныхъ звѣрей на югѣ набилъ, изъ мяса обонъ ¹⁾ сложилъ, крови море стоитъ. Домой пріѣхалъ, говоритъ: «Цасунъ-цаганъ, сестра моя! мясо сложи на землю!» «До твоего ли мяса! моя старшая сестра заболѣла и умираетъ!» Дончжи-молумъ заплакалъ. Ахая и охая, онъ отправился въ одному большому ламѣ и просилъ у него наставленія. (Тотъ сказалъ:) «Иди и убей небеснаго сиваго быка (тэнгринъ коку буху)! Нужно достать кровь его сердца». Сѣвши на Молочно-бѣлую лошадь, Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, ѣдетъ онъ, сопровождаемый двумя птицами Харидынь и Нестынь, сопровождаемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣдетъ онъ до того, что желѣзныя стремяна износились, родимое тѣло состарѣлось (хѣнь цаганъ моринъ унучжи хургунъ цаганъ моринъ хошилычжи харидынь нестынь хоиръ шибоганъ дахуульчжи харчинъ барчинъ хоиръ нохогонъ дахуульчжи ябучжи тюмуръ дѣрѣ сэтгыртыль ябучжи тѣрсунъ бии кокшюртунъ ябучжи). Черезъ сорокъ дней доѣхалъ до сиваго быка (коку буху). «Тебѣ эти большіе рога не годятся; мнѣ эта большая шапка не годится. Снимемъ!» ²⁾ говоритъ (Дончжи-молумъ быку). Молодецъ (вубюнъ), снявъ свою шапку, положилъ. Корова (укуръ) рогами своими въ горячей водѣ поболтала, потомъ объ камень сбила ихъ. «Тебѣ этотъ большой хвостъ не годится; мнѣ эта подвязка къ кося не годится. Снимемъ!» Корова хвостомъ своимъ поболтала въ горячей водѣ и взмахомъ о камень отбила его. «Тебѣ этотъ большой языкъ не годится, мнѣ это орудіе (джибсыкъ; рассказчикъ пояснилъ: «ножь») не годится. Снимемъ!» Корова поболтала своимъ языкомъ въ горячей водѣ и стала лизать камень. «Тебѣ эти большіе четыре копыта не годятся; мнѣ эти сапоги изъ чудной юфти не годятся (нада энэ ике дзектѣ булгаринъ кутусу мухай). Снимемъ!» Корова потоптала горячій огонь, стрѣлу изъ волчана воткнула и сняла копыта. Молодецъ снялъ сапоги и положилъ. На завтра онъ взялъ свою шапку и надѣлъ; корова хочетъ надѣть свои рога; они не стоятъ. Молодецъ зашлепъ свои подвязки въ воду; корова хочетъ привѣсить свой хвостъ, онъ не держится. Молодецъ взялъ ножъ и вложилъ въ ножны; корова положила въ ротъ языкъ; не держится. Моло-

¹⁾ Обонъ — куча камней.

²⁾ Тагда энэ ике убюръ мухай нада энэ ике малахай мухай; абчкнкі!

дець надѣль сапоги; корова подвѣсила свои копыта; они не держатся. На завтра молодець убилъ быка и взялъ сердце съ кровью. Три мѣсяца кочевали явившіяся (изъ утробы быка) животныя. Такое преступное животное было этотъ быкъ. Сѣвъ на Солнце-бѣломолочную лошадь (нара хѳнъ цаганъ моринъ), Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, поѣхалъ онъ, сопровождаемый двумя птицами Харидыкъ и Нестыкъ, сопровождаемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣхалъ до того, что скалы сошлись въ тѣснину, ѣхалъ до того, что трава буту¹⁾ потемнѣла (или потускнѣла); ѣхалъ до того, что львиныя стремена стерлись (хада хада хабцылтыль ябучжи буту буту бурьгүльтыль ябучжи арслынъ дѳрѳ сѣтыртыль ябучжи). Приѣхалъ къ ящерице-бѣлымъ юртамъ²⁾. Двѣ дѣвицы сварили чай и подали ему. Одна дѣвица связала мѣшокъ, вынула изъ него сердце съ кровью, положила въ него овечье сердце съ кровью. Донджи-молумъ приѣхалъ домой и говоритъ своимъ женщинамъ: «Сварите бѣлый чай и постелите бѣлый войлокъ». Женщины сварили бѣлый ядовитый чай и постлали бѣлый ядовитый войлокъ. Донджи-молумъ выпилъ три чашки и упалъ. Потомъ пришелъ Уту-шяра-бокѳ и убилъ его³⁾. Взялъ обѣихъ женщинъ и отправился. Онъ хотѣлъ взять также Бѣломолочную лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь, но не могъ поймать ихъ. Онѣ сказали: «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Уту-шяра-бокѳ хотѣлъ поймать двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ, но не могъ ихъ поймать; хотѣлъ взять собакъ Харчинъ и Барчинъ, но не могъ поймать. Хотѣлъ увезти колчанъ Алтынъ-аргуй, но силы не хватило. «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая въ солнечные дни въ тѣни стояли, въ вѣтряные дни за защитой стояли. Птицы Харидыкъ и Нестыкъ, летая подъ небомъ, ни одного пера не сронили; двѣ собаки Харчинъ и Барчинъ, бѣгая по землѣ, когтистымъ⁴⁾ ни одна не послужила пищей. Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая побѣжали къ двумъ видѣннымъ дѣвицамъ; прибѣжавши, стали ржать и кататься по землѣ, давая знать дѣвицамъ! что для нихъ наступилъ часъ ѣхать. Дѣвицы сѣли на лошадей, поѣхали и приѣхали къ хозяину лошадей. Двѣ дѣвицы сердце, внутренности (цзурюкъ гѣдисенъ) разбили, кровь изъ сердца взяли, выбросили; сердце и кровь небеснаго сиваго быка положили. Одна была хубулганъ богини Ногонъ-дареке, другая была хубулганъ богини Цаганъ-дареке⁵⁾. Хубулганъ богини Ногонъ-дареке, произнося: встань! взмахнула правымъ рукавомъ три раза, взмахнула лѣвымъ рукавомъ три раза. Хубулганъ богини Цаганъ-дареке лѣвымъ рукавомъ взмахнула два раза, правымъ рукавомъ взмахнула два раза. Махая, онѣ говорили: «Семьсотъ двадцати одного году отъ роду Донджи-молумъ-эрдени встань!» Послѣ этого онѣ уѣхали. Донджи-молумъ

¹⁾ Буту — «кипець» (*Festuca ovina*).

²⁾ Въ текстѣ: гурбыль цаганъ герьте причжи. Гурбыль — «ящерица». Но въ другихъ сказкахъ гурбалъ цаганъ герь, т. е. «три бѣлыхъ юрты». Гурбула — «трое».

³⁾ Послѣ этого въ текстѣ находится еще мѣсто, которое я не могъ перевести: Тунъ могой хатунни цзурюкннъ хагильчжи цасунъ цаганъ дююни цѳсунъ хагильчжи амнини Гѣсырь-богдо-ханъ бостыкъ гилъ.

⁴⁾ Хумустай — «когтистый», т. е. хищный звѣрь.

⁵⁾ Тутъ опущена не переведенная фраза: Ногонъ дарекенъ хубулганъ амнини Гѣсырь-богдо-ханъ мѳнъ больчжи.

всталъ и говоритъ: «Какъ я заснул!» «Какое спалъ! Тебя Уту-шяра-бокѡ и двѣ женщины убили и уѣхали. Мы вшестеромъ сидѣли и тебя берегли. Двѣ дѣвицы, пріѣхавъ, вложили въ тебя жизнь и уѣхали». Послѣ того вставъ, онъ сѣлъ на Молочно-бѣлую лошадь, и ведя въ поводу Ягненко-бѣлую лошадь, поѣхалъ. Пріѣхалъ въ землю Уту-шяра-бокѡ. Садакъ Алтынъ-аргуй спряталъ въ мѣшокъ, Молочно-бѣлую лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь спряталъ въ мѣшокъ, двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ въ огнившую сумочку (кэтэ) положилъ, двухъ собакъ Харчинъ и Барчинъ въ огнившую сумочку положилъ, вошелъ въ юрту Уту-шяра-бокѡ и говоритъ новость женщинамъ: «Я пришелъ черезъ родину семьсотъ двадцатиднолѣтняго Дончжи-молумъ-эрдени; въ костяхъ Дончжи-молума глазныя ямы земля наполнила; черезъ отверстія въ костяхъ сучжи ¹⁾ трава проросла!» Женщины обрадовались; угощаютъ его ханскимъ кушаньемъ, подаютъ ему кумысу. Вечеромъ ханъ пріѣхалъ. Женщины говорятъ ему: «Этотъ молодецъ хороша вѣсти тебѣ привезъ!» Ханъ очень обрадовался. Ханъ говоритъ ему: «Молодецъ въ безрукавомъ плащѣ безъ пріятныхъ словъ въ рѣчи (ха уга тагатай ганцы уга кемилетай кубюнъ ²⁾)! Завтра пойдемъ стрѣлять сквозь бокъ золотого верблюда» (тэменинъ сюбэ сэтэ). Молодецъ пошелъ и зашелъ къ одной старухѣ: «Ты прежде ли, во время Дончжи-молума, наслаждалась, или теперь наслаждаешься?» «Теперь наслажденія нѣту и прежде его не знала!» Пошелъ дальше, зашелъ къ старику: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, какъ будешь теперь наслаждаться!» Пошелъ далѣе, зашелъ къ одной дѣвицѣ: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждалась или теперь наслаждаешься?» «Теперь не наслаждаюсь, откуда въ прежнее время возьмется наслажденіе!» Пошелъ далѣе, встрѣтилъ юношу: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, теперь откуда возьмется наслажденіе?» Дончжи-молумъ пошелъ и прострѣлилъ насквозь бокъ золотого верблюда (алтынъ тэменъ). Послѣ того нойонъ говоритъ ему: «Мы сядемъ вмѣстѣ на красномъ мысѣ (уланъ хамырту). Ты стрѣлай сквозь бисеръ моей сережки!» Этотъ юноша выстрѣлилъ и перешибъ ему всю шею. Потомъ онъ ту старуху убилъ и взвалилъ себѣ на плечи, того старика взялъ съ собой, ту дѣвицу убилъ, того юношу взялъ и пошелъ. Пришелъ въ домъ Уту-шяра-бокѡ; двѣ женщины плачутъ. Разрубивъ двухъ женщинъ на семьдесятъ частей, привязалъ ихъ къ хвостамъ семидесяти жеребятъ. И послѣ того наслаждался, пребывая вмѣстѣ съ двумя хубулганами богинь Ногонъ-дареке и Цаганъ-дареке

Записано въ Гумбумѣ отъ хухунорской олѣтки.

Ср. въ Очеркахъ, II, съ халхаской сказкой «Ховугу и Хадынъ-дэюгу» (стр. 175). Братъ, погибающій отъ коварства сестры, Ховугу. Его оживляютъ три дѣвицы, которыя и халхаскимъ сказочникомъ крайняго сѣвера Монголіи (съ караульной линіи) названы: Цаганъ-дариху, Ногонъ-

¹⁾ Тазовая кость.

²⁾ Въ бурятскомъ языкѣ есть выраженіе хага яга «изрѣдка»; тагатай «пріятное». Кемилитъ — такъ называются въ Ордосѣ и на Хухунорѣ войлочные бѣлые плащи, надѣваемые въ дождливую погоду.

дариху и Нарь-ханджитъ. Въ бурятской сказкѣ, впрочемъ съ другимъ сюжетомъ, воскресительницами убитаго богатыря называются три дочери Эсэгэ-малана (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 32 и 49); въ алтайской (Radloff, Prob., I, 12), по содержанию сходной съ бурятской,—двѣ дѣвицы, одна дочь солнца, другая дочь мѣсяца; въ якутской подобнаго же содержанія (тѣ же «Записки», т. I, в. 3, стр. 77 и 78) три дѣвицы: дочери солнца, мѣсяца и Плеядъ. Въ халхасской сказкѣ добывается сердце змѣи Абрэкъ могай; въ олѣтской сердце коровы. Шмидтъ къ своему переводу Сананъ-сэчэна (Gesch. d. Ost-Mong., S. 447) приложилъ переводъ сказки о Эрдени-хараликѣ (воплощеніи бога Арья-Бало); этотъ Эрдени ѣдетъ за сердцемъ быка Куринъ-Ракша; но коварной сестры (или матери) нѣтъ; вѣроятно эта подробность выпала при буддѣйской обработкѣ сюжета.

Эпизодъ съ коровою о. съ сходнымъ эпизодомъ въ тангутскомъ Гесэрѣ, стр. 24.

10. ХОРУЛЬДЕЙ-МЕРГЕНЬ-БОГДО.

(Монгольскій).

За тринадцатю восточными горами былъ Хорульдей-мергенъ-богдо. У него была сивая лошадь Облако и изъ семидесяти коровьихъ шкуръ сдѣланный лукъ Тартагай (блинъ хуху моритей талынъ ухуринъ тартагай номутай). Онъ высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и, сѣвши на свою сивую лошадь Облако, и взявши лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, поѣхалъ за ней. Ему встрѣтился черный человѣкъ, ѣхавшій на черномъ верблюдѣ жеребцѣ, одѣтый въ черную пречерную шубу и имѣвшій черное пречерное лицо. Этотъ человѣкъ спросилъ у Хорульдея-богдо: «Юноша съ пламенемъ въ лицѣ, съ огнемъ въ глазахъ (нюртенъ чжокто нюдунденъ галтай ху), куда ты поѣхалъ?» Богдо отвѣчалъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатю восточными горами. Я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь за ней ѣду». Чернолицый человѣкъ говоритъ ему: «Въ западной сторонѣ отъ враждебныхъ силъ и хищныхъ звѣрей¹⁾ очень опасно. Тебѣ туда ѣхать невозможно». Хорульдей-мергенъ-богдо на это сказалъ ему: «Враговъ врагамъ не отдаютъ, хищныхъ звѣрей хищнымъ звѣрямъ не отдаютъ»²⁾. Сказавъ это, Хорульдей-богдо поѣхалъ далѣе. Встрѣчается ему желтолицый человѣкъ, ѣдущій на желтомъ верблюдѣ самцѣ, и одѣтый въ желтую шубу и спрашиваетъ: «Ты изъ какой стороны человѣкъ, куда ѣдешь?» Хорульдей-богдо отвѣчаетъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатю восточными горами; я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь ѣду взять еѣ». Желтолицый человѣкъ говоритъ: «Въ западной сторонѣ враги опасны, хищные звѣри люты. Тебѣ ѣхать туда невозможно!» Хорульдей-богдо говоритъ: «Враговъ врагамъ не отдаютъ! звѣрей звѣрямъ не отдаютъ!» Сказавши такъ, повернулся и поѣхалъ. Ѣдетъ, а возлѣ одной юрты два человѣка борются. Подѣхавъ, Хорульдей-

¹⁾ Барунга дэюкту дайсуунъ тахууль аратунъ соѣтуунъ кечу байна; аратунъ соѣтуунъ «хищные звѣри», собственно значить «съ коренными зубами и клыками», «зубастые—клыкастые».

²⁾ Дайсуунъ тахуулигъ дайсуунъ абдыкзуга, аратынъ соѣтуунигъ аратынъ соѣтуунда абдыкъ уга.

богдо спрашиваетъ ихъ: «Вы, двое, зачѣмъ боретесь?» Тѣ два человѣка говорятъ: «Про насъ говорятъ: сильные, пресильные! теперь мы хотимъ узнать свою силу». Хорульдей-богдо говоритъ имъ: «Если вы очень сильные, поборемтесь!» Хорульдей-богдо сталъ бороться съ тѣми двумя людьми и одного изъ нихъ, ударивъ, вогналъ въ землю по уши, другого всади́лъ въ землю, только голова высунулась. Тѣ два человѣка говорятъ: «Мы двое будемъ тебѣ товарищами, вытяни насъ обоихъ изъ земли!» Хорульдей-богдо сказалъ: «Если вы двое хотите быть моими товарищами, пусть будетъ такъ!» Сказавъ это, онъ вытянулъ тѣхъ двоихъ людей, взялъ ихъ къ себѣ и поѣхалъ. Ъхали, ѣхали и пріѣхали къ колодезю Падма-хана. Пріѣхавши, Хорульдей-богдо убилъ одного оленя. Убивъ, говоритъ тѣмъ двоимъ: «Сварите мясо этого оленя! Я лягу спать! Когда мясо сварится, позовите меня! Я пробужусь и поѣмъ!» Сказавши такъ, заснулъ. Тѣ два человѣка сварили то мясо, взяли наваръ (шулю) и вылили на пупъ Хорульдею-богдо. Хорульдей-богдо умеръ. Тѣ два человѣка хотѣли поймать сивую лошадь Облако, и не могли поймать; хотѣли взять лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, и у нихъ силъ не хватило. Хотѣли взять мясо оленя, и тоже силъ не хватило. Отъѣхавши, тѣ два человѣка къ Падма-хану. Пришедши, говорятъ ему: «Мы твои зятя! мы твою трехлѣтнюю дочь высватали, и теперь пришли взять её». Падма-ханъ сказалъ: «Нѣтъ, вы не зятя мои! Если вы зятя, то ложитесь спать на семь слоевъ желтыхъ подушекъ (долонъ табхуръ шара талбыкдаръ) и закройте́сь семью слоями желтыхъ шелковыхъ одѣялъ. Если вы завтра рано будете живы, вы мои зятя! Если вы будете мертвы, вы не зятя мои!» Назавтра рано вставши, посмотрѣли, (тѣ два человѣка) умерли. Ихъ выбросили.

Сивая лошадь Облако, взявъ съ неба арикшанъ, принесла и вылила на Хорульдею-богдо. Хорульдей-богдо ожилъ. Оживъ, сѣвъ на сивую лошадь Облако, взявъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пріѣхалъ къ Падма-хану. Падма-ханъ сказалъ: «Пока ты ѣхалъ, мою дочь Индэръ-хара-мангысъ унесъ. Теперь нѣтъ возможности» (возвратить её). Хорульдей-богдо говоритъ: «Я поѣду и привезу!» Падма-ханъ говоритъ: «Невозможно! Если ты поѣдешь, тебя убьютъ! Тебѣ теперь ѣхать нельзя!» Хорульдей-богдо говоритъ: «Нужды нѣтъ, я поѣду. Отецъ мой! взойди на ту большую гору и садь на ней. Я сражусь съ Индэръ-хара-мангысомъ. Если я буду мертвъ, у тебя, сидящаго на этой горѣ, по ребрамъ выступитъ и потечетъ красная кровь; если я убью Индэръ-хара-мангыса, по ребрамъ потечетъ черная кровь. Ты тутъ сиди, а я привезу женщину!» Хорульдей-богдо поѣхалъ. Пріѣхалъ и говоритъ Индэръ-хара-мангысу: «Теперь я женщину возьму! Чѣмъ ты хочешь состязаться: силой ли мужа или остріемъ стрѣлы?»¹⁾ Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Остріемъ стрѣлы!» Индэръ-хара-мангысъ взялъ мечъ, началъ рубить Хорульдею-богдо, мечъ изломался. Сколько ни повторялъ удары меча, всѣ мечи изломались. Тогда Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Моя

¹⁾ Чжерь чжебинъ сайнаръ дайлагчу байну, еринъ сайнаръ дайлагчу байну? Джеби, цзебе—наконечникъ стрѣлы; джерь, дзеръ—частица усиленія, въ родѣ хабъ-хара, чернехонько. Сайнаръ—«добротой», «достоинствомъ».

битва теперь окончилась. Теперь ты сражайся!» Хорульдей-богдо взял лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пустилъ стрѣлу и разрѣзалъ тѣло мангыса, взялъ женщину и пріѣхалъ къ Падма-хану. Сѣлъ на престолъ Падма-хана и наслаждался спокойствіемъ.

Ратна-бала, лама изъ Ордоса.

II. УЙЛЕНЬ-ХАНЪ ¹⁾.

(Монгольскій).

Нѣкогда жилъ Уйлень-ханъ, у котораго ворота были изъ дерева шинъ-ши (или рунъ-ши), верхнія ворота изъ золота шиджиръ, привратникъ у воротъ былъ стѣпанъ (шарикомъ на шапкѣ)..... позади его дома у него былъ тоганъ (храмъ), въ которомъ были сильные боги (хорме шуусэнь, «поднявшіе подолъ», т. е. докшиты). У хана была супруга Наранъ-гериль. Ночью ханьша увидѣла сонъ, будто подушка на престолѣ подвинулась; какой-то вредъ хану предвѣщаетъ. (Ханьша) говоритъ Уйлень-хану: «Я видѣла во снѣ, что подушка двинулась на ханскомъ престолѣ; какой-то вредъ предвѣщаетъ. Я такой сонъ о тебѣ видѣла!» Уйлень-ханъ говоритъ: «Жена! принеси книгу о моей душѣ. Я посмотрю». Въ этой душевной книгѣ онъ увидѣлъ: «Есть лошадь Едзинъ-хола».

Поймавши лошадь, привязали ее къ дереву зазданъ, положили на нее потниви. Ханъ надѣлъ шапку. Лошадь говоритъ (хану): «Есть тридцатидвухголовый Гуна-хара мангысъ. Взявъ пятьсотъ чириковъ съ джанъ-джюномъ, иди на него». Уйлень-ханъ-взялъ пятьсотъ чириковъ и отправился. Сколько дней проѣхалъ, доѣхалъ до вершины Боро-тологой. Туда прибѣжалъ тигръ, у котораго грудь была изъ золотого серебра, нижняя часть тѣла изъ серебра бори. Отъ роду джанъ-джюнь не видывалъ такого тигра; хороша ли, худа ли эта вещь, не знаетъ и вернулся. Этотъ тигръ три раза оглянулъ горы, натанулъ пятицвѣтную радугу и убѣжалъ. Уйлень-ханъ заплакалъ: «Есть ли средство убить этого тигра? Вы куда хотите, ступайте, а я одиночкой пойду». Когда онъ сидѣлъ на высокой горѣ, пришелъ какой-то хара-хунъ (простой человѣкъ); туловище (его) богатырское, сидитъ, точно птица беркутъ, огниво (у него) булатное, по имени Лють-хара-хунъ-абагай. «Здоровъ ли?» Уйлень-ханъ: «Сижу здоровъ!» Тотъ хара-хунъ спрашиваетъ Уйлень-хана: «Ты куда поѣхалъ?» Уйлень-ханъ говоритъ: «Я поѣхалъ воевать съ тридцатидвухголовымъ Гуна-хара-мангысомъ». Тотъ хара-хунъ спрашиваетъ Уйлень-хана: «Ты сколько шиди имѣешь? сколько хубильгановъ имѣешь?» Уйлень-ханъ говоритъ: «Я не имѣю ни шиди, ни хубильгановъ». Уйлень-ханъ спрашиваетъ хара-

¹⁾ Уйлень-ханъ—Облачный ханъ.

хуна: «Ты сколько имѣешь шиди и хубильгановъ?» Тотъ хара-хунъ говоритъ: «Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ мой старшій братъ. Мое имя Хара-иленъ. Мой старшій братъ горой, такъ горой можетъ сдѣлаться, облакомъ, такъ облакомъ, утесомъ, такъ утесомъ. Мы (съ братомъ) имѣемъ пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ»¹⁾. Уйленъ-ханъ говоритъ: «Ты поѣзжай, скажи своему брату: завтра рано до восхода солнца пусть придетъ побороться!» Хара-иленъ (говоритъ): «Хорошо! Я скажу брату». Хара-иленъ пошелъ, говоритъ брату: «Есть могучій Уйленъ-ханъ. Я боюсь его!» Старшій братъ говоритъ: «Хорошо! поборемся!» На завтра утромъ до восхода солнца тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ и Хара-иленъ и съ ними пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ всѣ разомъ пришли. На юго-восточной сторонѣ не то облако, не то гора! что такое заслонило долину?

Хара-иленъ говоритъ: «У Уйленъ-хана есть старшая сестра!» Хара-иленъ ее испугался. Уйленъ-ханъ спрашиваетъ: «Я ли издалева пришедшій начну сраженье, ты ли изъ недалека пришедшій начнешь?» Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ говоритъ: «Я, изъ недалека пришедшій, напередъ стану сражаться!» Съ утра натягивалъ лукъ, въ полдень спустилъ стрѣлу. Стрѣла прямо въ сердце Уйленъ-хана угадала. Кровь бросилась ключомъ. Круглый камень взялъ и заткнулъ (рану), плоскимъ камнемъ прикрылъ. Уйленъ-ханъ, вставши, натянулъ лукъ; съ полдня къ вечеру выстрѣлилъ; мангысъ пригнулся и сдѣлался каменной горой. Уйленъ-ханъ прибилъ всѣхъ чириковъ и китайцевъ. Мангысъ говоритъ: «Уйленъ-ханъ! Я въ тебя дуну!» Уйленъ-ханъ говоритъ: дунь. Гуна-хара-мангысъ открылъ ротъ. Уйленъ-ханъ вскочилъ (ему) въ ротъ и сѣлъ, сложивши руки, сзади зубовъ, спереди горла. Ни проглотить его не можетъ, ни выплюнуть не можетъ. Гуна-хара-мангысъ покорился Уйленъ-хану. Уйленъ-ханъ изъ нутра (мангыса) говоритъ: «Предсказаніе матери сбылось (собственно: увидѣлъ) — не истребленъ! Отцовское гаданье сбылось (увидѣлъ) — не убитъ!» Вышедши, убилъ (мангыса), одну душу Ерликъ-хану отдалъ, другую Бурхану-бавши. Вернулся домой и зажилъ счастливо.

Омолонъ, ордосскій монголь хошуна Ушинъ; сынъ китайки.

12. МЕДЖИТЪ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ Ушинъ (въ Ордосѣ) былъ Ушинъ-да. Въ то же время въ хошунѣ былъ воръ Меджитъ. Люди ушинскаго да поймали Меджита и привели передъ да. Да сказалъ ему: «У китайскаго хана въ Пекинѣ есть два мула; одинъ пробѣгаетъ въ день 800 ли, другой 1000 ли. Если ты украдешь ихъ, то я прощу тебѣ всѣ

¹⁾ Въ текстѣ: шоронъ туменъ чирикъ бутанъ туменъ китатъ.

твой вины». Меджитъ сказалъ: «Хорошо, сдѣлаю!» Да велѣлъ отпустить его на волю и Меджитъ уѣхалъ въ Пекинъ. Онъ прожилъ тамъ три года, стараясь перезнакомиться какъ можно съ большимъ числомъ людей. Вызнавъ, что нужно, онъ сѣлъ на мула, пробѣгавшаго 800 ли и уѣжалъ изъ Пекина. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ была пашня, онъ остановился на ночлегъ, а мула привязалъ къ колу. За нимъ была послана погоня. Меджитъ увидѣлъ большую пыль; онъ подумалъ: «Какая большая пыль! это наверно бѣжитъ мулъ, пробѣгающій 1000 ли въ день». Онъ взялъ въ руки мотыгу, которою вооружены воздѣлываютъ пашню, и брусокъ; на голову надѣлъ крестьянскую соломенную шляпу съ огромными полями, сѣлъ на землю и точитъ мотыгу. Человекъ на мулѣ пробѣгающемъ 1000 ли въ день, подбѣжалъ къ нему и узналъ мула, пробѣгавшаго 800 ли въ день, привязаннаго къ колу. Онъ, не узнавъ Меджита, говоритъ: «Этотъ ханскій мулъ, пробѣгающій 800 ли въ день; онъ былъ украденъ изъ ханской конюшни и я посланъ отыскать вора. Не знаешь ли ты, кто на немъ прѣхалъ и куда ушелъ?» Меджитъ отвѣчалъ: «Не знаю, что за человекъ прѣхалъ на мулѣ, но видѣлъ, что онъ ушелъ въ домъ позади меня». Человекъ, прѣхавшій въ погоню, привязалъ мула, пробѣгающаго въ день 1000 ли, къ другому колу, къ тому же колу, къ которому былъ привязанъ мулъ, украденный Меджитомъ, и пѣшкомъ пошелъ въ указанный домъ. Въ это время Меджитъ бросилъ на землю мотыгу, брусокъ и шляпу, сѣлъ на одного изъ муловъ, другого взялъ въ поводъ и уѣжалъ. Прибывъ въ кошунъ Ушинъ, онъ передалъ украденныхъ муловъ ушинскому да. Да говоритъ: «Какъ же я буду ѣздить на нихъ? Какъ только я на такомъ мулѣ куда-нибудь выѣду, сейчасъ же узнаютъ, что это выкраденный у Едженъ-хана мулъ». Меджитъ говоритъ: «Есть у меня средство». Онъ взялъ овечьей шерсти, обвилъ ею подругу, свернулъ послѣднюю въ бунтъ, положилъ въ котелъ, наполненный водой и сталъ кипятить воду. Потомъ этотъ горячій комъ приложилъ ко лбу мула; на выжженномъ мѣстѣ шерсть выпала и на мѣстѣ старой черной шерсти выросла бѣлая. Потомъ онъ обмоталъ туго, претуго ноги мула выше копыта; и тутъ шерсть вывалилась и выросла новая, бѣлая. Послѣ этого Ушинъ-да поѣхалъ въ Пекинъ. Ханскіе люди смотрятъ и говорятъ: «Какъ будто ханскіе мулы, но у тѣхъ не было бѣлыхъ лысинъ на лбу и бѣлыхъ ногъ». И не рѣшились отнять муловъ. Послѣ этого Ушинъ-да сказалъ Меджиту: «Даю тебѣ полную свободу воровать, только воруй въ дальней сторонѣ и не воруй въ Ордосѣ».

Очиръ, монголь изъ Ордоса.

Ср. Гыгерь-Меджитъ (Багерь-меджидъ, Бикарь-Мадзиди) въ Очерк., II, 54; Мечи-хуаръ, воръ (Очерки, IV, 361). О созвѣздіи Мечинъ или Мэчитъ (Плеяды) рассказывается, что одна изъ его звѣздъ украдена (Оч., II, 125; IV, 193, 194, 200).

13. БАЛЫНЪ-СЕНГЕ.

(Монгольскіе).

а. Одинъ лама сдѣлалъ бурхана и понесъ его въ Менгу-чжу въ мѣшиѣ за плечами, чтобы попросить Далай-ламу освятить его. Дорогой онъ видитъ въ сторонѣ сидить человѣкъ. Это былъ Палынъ-сенге ¹⁾. «Куда идешь?» спрашиваетъ Палынъ-сенге ламу. «Въ Менгу-чжу». «Что несешь?» «Бурхана». «Зачѣмъ?» «Хочу просить Далай-ламу освятить его». «Дай, я освящу». Взялъ бурхана у ламы, помочился, омоченную землю началъ брать въ горсть и бросать въ полость, которая внутри бурхана, и приговаривалъ: Далай-лама талага тайяръ хамту нійляга. Лама снова положилъ бурхана въ мѣшокъ и пошелъ далѣе. Приходитъ въ Менгу-чжу, поклонился Далай-ламѣ. Далай-лама спрашиваетъ: «Что у тебя въ мѣшиѣ за плечами?» «Бурханъ, котораго я сдѣлалъ и хотѣлъ просить тебя освятить». «Дай его сюда!» Лама подалъ бурхана. Далай-лама посмотрѣлъ ему въ полость, поворожалъ и говоритъ: «Да онъ уже освященъ! Кто тебѣ его освятить?» «Какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ». «А какъ онъ его освящалъ?» «Помочился, сталъ выдать омоченную землю въ бурхана и приговаривалъ: далай-лама талага тайяръ хамту нійляга». «О, это хорошо, хорошо!» сказалъ Далай-лама. «Этотъ лама великій лама, повыше меня!»

Пунсукъ изъ Ордоса.

б. Однажды Балынъ-са шелъ по дорогѣ и несъ на головѣ котелъ. Ему встрѣтился человѣкъ и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» «Мое имя Балынъ-са», отвѣтилъ Балынъ-са. «А, это ты, знаменитый враль! Соври-ка мнѣ чтонибудь!» А самъ думаетъ, не обмануть меня Балынъ-сѣ. Балынъ-са говоритъ: «Некогда мнѣ шутить. Собирается гроза! Хочетъ быть градъ». Тотъ забылъ, что не нужно вѣрить Балынъ-сѣ и взглянулъ на небо. Небо чисто.

Пунсукъ, монголь изъ Ордоса.

в. Одна женщина съ корзиной за спиной ходила по степи и собирала сабуромъ аргаль ²⁾. Встрѣтился ей Балынъ-са и говоритъ: «Ходишь и не посмотришь назадъ! Сзади у тебя подолъ шубы горитъ!» Женщина схватилась за подолъ; шуба цѣла.

Пунсукъ изъ Ордоса.

¹⁾ По словамъ рассказчика, это тибетское имя; помонгольски онъ называется Ухунъ кара-баданъ.

²⁾ Аргаль — коровій пометъ. Сабуръ пятипалаая деревянная вилка, употребляемая собирательницами аргала для подхватыванія его съ земли, чтобы положить его въ корзину.

г. Балынъ-сенге проходилъ мимо человѣка, сѣяшаго хлѣбъ, и спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» Тотъ въ насмѣшку отвѣтилъ: «Сѣю чутусы!» «Ну пусть же у тебя уродаются чутусы!» сказалъ Балынъ-сенге. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто хлѣба, на всемъ полѣ уродились чутусы. Бѣдный пахарь, оставшись безъ пропитанія, заплакалъ, пошелъ за Балынъ-сенге и, догнавъ его, говорить: «Я согрѣшилъ, сказалъ тебѣ худо! Прости! Скажи, не знаешь ли какого средства поправить мое положеніе!» Балынъ-сенге говорить: «Иди въ монастырь (хитъ) чаугунцзей¹⁾ и продай имъ чутусы!» Тотъ такъ и сдѣлалъ, продалъ. Одна изъ чаугунцзей, державшая чутусъ въ ящикѣ, была позвана въ какую-то юрту читать номъ; окончивъ чтеніе, вечеромъ чаугунца стала собираться въ монастырь; её стали упрашивать остаться почевать. «Нельзя!» говорить она. «Я оставила въ своей кельѣ номъ въ ящикѣ». Хозяева юрты говорятъ ей, что пошлютъ за ящикомъ свою дочь. Чаугунца говорить дѣвицѣ: «Когда будешь нести, не отрывай ящика!» Дѣвушка не утерпѣла, дорогой открыла ящикъ, увидѣла чутусъ и вскрикнула: «ахъ!» Чутусъ выскочилъ изъ ящика и упалъ къ ней въ подолъ. Дѣвушка испугалась и пустилась бѣжать. Бѣжала, бѣжала, наконецъ отъ усталости упала и вздохнула: «охъ!» Чутусъ выпалъ изъ ея подола, она схватила палку, принялась бить его; разбила его на части. Вернулась домой, рассказала, что у чаугунцзей въ ящикахъ, вмѣсто нома, хранятся чутусы. Ханъ велѣлъ всѣмъ чаугунцзамъ этого хита отрубить головы.

Ратна-бала.

д. Балынъ-сенге пришелъ на одну свадьбу. Ему дали бѣлую лошадь и говорятъ: «Сходи и пригласи бакши, пусть пріѣдетъ на свадьбу на этой лошади». Балынъ-сенге пригласилъ бакши, посадилъ его на лошадь, а самъ идетъ сзади. Дорогой бакши сошелъ съ лошади помочиться и сѣлъ на валявшейся на степи кости сучжи. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ наддасо! Кость прилипла къ задницѣ бакши; не можетъ онъ её оторвать отъ себя и спрашиваетъ у Балынъ-сенге: «Не знаешь ли средства отдѣлить кость отъ моего тѣла?» Балынъ-сенге говорить: «Понюхай у хвоста лошади?» Бакши сталъ нюхать. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ наддасо! И бакши носомъ прилипъ къ хвосту лошади. Идутъ такъ: впереди лошадь, за ней бакши, за нимъ кость сучжи. Когда пришли въ юрту, гдѣ была свадьба, народъ озлился на Балынъ-сенге и сталъ его бить. Кто примется его бить, Балынъ-сенге скажетъ: гадзаръ наддасо! У того подошвы ногъ и прилипнуть къ землѣ. Всѣ такимъ родомъ прилипли, не могутъ сдвинуться съ мѣста. Тогда они взмолились Балыну-сенге и поднесли ему большой серебряный мандалъ. Онъ отлѣпилъ ихъ всѣхъ.

Онъ же.

¹⁾ Чаугунца, собственно убасанца — монахиня.

О Балынъ-сенге см. Очерки, IV, 241—243. Ср. также въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, в. 2, стр. 58 (сказка о Анагуй-ухарѣ). Въ одномъ вариантѣ (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге похищаетъ душу, уже вынутую Ерликѣмъ изъ тѣла человѣка; въ бурятской легендѣ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 87) Моргонъ хара похищаетъ душу, которая была уже вынута изъ тѣла Эсэгэ-маланомъ. Тамъ же (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге вымѣниваетъ у Ерлика быка; ср. съ рассказомъ о томъ, какъ Молонтей или Молонтою вымѣниваетъ быка у Ерлика (Оч., IV, 266; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 20; ср. также Извѣстія того же Отдѣла, XII, № 4—5, стр. 65: см. Молонтою Уланъ-Хурхынъ, а вмѣсто Ерлика—Буха-ноинъ). Но въ рассказѣ о старикѣ Хоредѣ (тѣ же Записки, т. I, в. 1, стр. 4) обманутымъ опять является Эсэгэ-Маланъ. Можетъ быть въ монгольскихъ вариантахъ имя съ обманываемаго персонажа было перенесено на обманщика, при чемъ Маланъ превратилось въ Балынъ, а Эсэгэ въ Сенге (ср. версія имени отца Чингисъ-хана: Эсугей и Исунке).

Балынъ-сенге смѣщаетъ Ерлика (изображаемаго съ бычьей головой; Оч., IV, 242). Ср. этотъ рассказъ съ окончаніемъ XXIII гл. Шиддикура въ переводѣ Гомбоева и съ окончаніемъ тангутской легенды о царѣ съ бычьей головой Лангъ-дармѣ (см. ниже №№ 27 и 37), котораго убиваетъ плясунъ Валь-Дорджи или Лалунъ-Валь-Дорджи. Въ сказкѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій (Gesch. d. Ost. Mong., S. 451) быка убиваетъ Эрдени-Хараликъ; ср. въ нашемъ № 9: Эрдени убиваетъ корову. Эрдени-Хараликъ есть воплощеніе бога Арья-Бало. Не слѣдуетъ ли видѣть того же Арья-Бало и въ Валь-Дорджи и въ Балынъ-сенге. Сказаніе о Лангъ-дармѣ приурочено къ Поталѣ (въ Лассѣ), гдѣ находится резиденція Далай-ламы, почитаемая воплощеніемъ бодисатвы Арья-Бало; гора названа такъ въ параллель другой настоящей (мѣстеческой или небесной) Поталы, которая есть дѣйствительная резиденція Арья-Бало. Если Лангъ-дармѣ есть видимая резиденція бодисатвы Арья-Бало, то не естественно ли будетъ предположить, что содержаніемъ легенды объ этой мѣстности должны быть славные подвиги пребывающаго на горѣ бога Арья-Бало? Другими словами: не слѣдуетъ ли легенду о Лангъ-дармѣ отнести къ числу легендъ объ Арья-Бало, въ подвигѣ плясуна монаха видѣть дѣйствіе самого бога, сокрушающаго мѣстнаго пнеона, и въ имени монаха испорченное имя Арья-Бало? Бодисатва Арья-Бало изображается обыкновенно съ лукомъ и стрѣлами.

14. АКУ-РТОМБА.

(Тангутскій).

Аку-ртомба родился въ странѣ Гуйцзынь¹⁾. Однажды онъ одѣлся въ платье монахини и пришелъ въ женскій монастырь. Одна монахиня родила. Гебкуй думаетъ: «Нужно осмотрѣть монахинь; между ними есть кто-то отецъ ребенка. Но какъ это сдѣлать? Раздѣть всѣхъ, выйдетъ соблазнъ». Гебкуй велѣла сестрамъ вырыть яму, легла въ неѣ и велѣла сестрамъ перешагивать черезъ яму. Аку-ртомба посредствомъ петли сѣмѣлъ замаскировать свой полъ. Всѣ монахини прошли мимо гебкуя, но отецъ ребенка не былъ открытъ. Аку-ртомба притворно горачится и говоритъ, что еще разъ нужно заставить всѣхъ перешагивать черезъ яму. На этотъ разъ петля измѣнила и обманщикъ былъ открытъ. Монахини сначала принялись бить Аку-ртомбу, потомъ спрашиваютъ: какою смертю его убить, хорошей или худой. Гебкуй говоритъ: «Конечно худой! онъ внесъ развратъ въ монастырь и

¹⁾ Т. е. Уй-цзанъ.

одну монахиню сдѣлалъ матерью!» Гебуей присудила оскотить его; къ тѣлу Аку-ртомбы приерѣпили ремни и монахини, раздѣлившись на двѣ партіи, стали тянуть за ремни, однѣ въ одну сторону, другія въ другую. Но Аку-ртомба обмазался масломъ, выскользнулъ изъ ремня и побѣжалъ; его схватили было за платье, но онъ оставилъ платье въ рукахъ монахинь и убѣжалъ нагой.

Дорогой онъ увидѣлъ мальчика, который держалъ лошадь. «Что ты нагой?» спрашиваетъ мальчикъ Аку-ртомбу. «Въ женскомъ монастырѣ бьютъ и раздѣваютъ до нага всѣхъ, кто придетъ», солгалъ Аку-ртомба. «Не правда!» говоритъ мальчикъ. «Испытай на себѣ, коли не вѣришь». «Пойду, испытаю, а ты пока поддержи мою лошадь». Хорошо, поддержи, говоритъ Аку-ртомба. Мальчикъ ушелъ въ монастырь, а Аку-ртомба сѣлъ на его лошадь и побѣжалъ. Вернулся мальчикъ, ни лошади, ни караульщика нѣтъ. Пустился онъ догонять обманщика. Аку-ртомба стоитъ около тарчука ¹⁾ близъ мужскаго монастыря, держитъ топоръ въ рукѣ, а самъ смотритъ на вершину тарчука. «Ты что?» спрашиваетъ мальчикъ. «Ламы велѣли караулить, не пошевелится ли верхушка; если тронется, велѣли срубить тарчукъ». А моя лошадь? «Она цѣла». Возврати, коли цѣла. «Да нельзя отойти! Развѣ ты постоишь вмѣсто меня, пока я бѣгаю за лошадью?» Хорошо, бѣги! говоритъ мальчикъ, взялъ топоръ и сталъ подъ тарчукомъ, а Аку-ртомба ушелъ. Дунулъ вѣтеръ, верхушка тарчука качнулась; мальчикъ началъ рубить его и срубилъ, тарчукъ упалъ на землю. Прибѣжали ламы, давай его бить.

Аку-ртомба пришелъ въ городъ, промѣнялъ лошадь на коралловыя чѣтки. Приходитъ къ одной женщинѣ, у которой была дочь, и говоритъ ей: «Позволь ночевать съ твоей дочерью, за это я отдамъ тебѣ коралловое мани». «Хорошо», говоритъ мать дѣвицы; «ночуй!» «Только съ условіемъ», говоритъ Аку-ртомба: «если твоя дочь сдѣлаетъ неприличіе, я кораллы не отдамъ». Старуха жарила ячмень и все караулила спавшую дочь. Когда та пошевелилась, старуха подумала: «Вотъ грѣхъ случится! пропадутъ кораллы!» И прижала къ тѣлу дочери пучкомъ шерсти, которымъ обтираютъ внутри котла. Шерсть была горячая и обожгла тѣло дѣвицы. Дѣвица съ испугу согрѣшила. Аку-ртомба ушелъ, не отдавши кораллы. Приходитъ къ другой женщинѣ, которая жила со снохой, и обѣщаетъ отдать ей кораллы, если она позволитъ ему переночевать со снохой. Женщина соглашается, но съ условіемъ, чтобы онъ кораллы отдалъ впередъ. Аку-ртомба отдалъ кораллы, и его положили со снохой во дворѣ. Ночью пріѣхалъ сынъ женщины. Она говоритъ Аку-ртомбѣ: «Уходи, пріѣхалъ мужъ моей снохи!» «Ну да какъ же!» говоритъ Аку-ртомба. «Я кораллы отдалъ не даромъ. Я здѣсь намѣренъ прожить дня три или четыре». Старуха упрашиваетъ его взять кораллы назадъ, только уйдти. Аку-ртомба взялъ кораллы и ушелъ.

Встрѣчаетъ онъ въ полѣ пахаря и говоритъ ему: «Я твой младшій братъ!» «Не слыхалъ, говоритъ пахарь, что у меня есть братъ. А коли братъ, такъ иди въ мой домъ; узнаешь его по черной лошади, привязанной на дворѣ. Если заста-

¹⁾ Тарчукъ—мачта съ привѣшенными къ ней флагами, исписанными молитвами.

нешь мою жену, вели напоить тебя чаемъ; а не будетъ ея дома, такъ самъ свари; въ правомъ углу стоитъ ящикъ съ рсамбой¹⁾, въ лѣвомъ съ масломъ». Аку-ртомба пришелъ въ домъ пахаря и говоритъ его женѣ: «Я младшій братъ твоего мужа, видѣлъ его въ полѣ; онъ велѣлъ тебѣ напоить меня чаемъ, а на случай, если тебя не застану, научилъ въ какомъ ящикѣ найти масло, въ какомъ рсамбу». Жена пахаря сварила чай и напоила Аку-ртомбу. Напившись, онъ говоритъ ей: «Твой мужъ велѣлъ дать мнѣ вашу лошадь съѣздить въ одно мѣсто». Она дала лошадь дала и сѣдло. Аку-ртомба сѣлъ на лошадь, выпросилъ на дорогу еще колобокъ масла и уѣхалъ. Приѣхалъ мужъ, спрашиваетъ: «Былъ братъ?» «Былъ и уѣхалъ; я напоила его чаемъ и дала ему лошадь съ сѣдломъ, какъ ты велѣлъ». Тутъ онъ догадался, что обмануть, собралъ родственниковъ и всю свою деревню и пустился въ погоню. Спрашиваетъ по дорогѣ: «Проѣзжалъ здѣсь человекъ на черной лошади?» «Проѣзжалъ, да на не совсѣмъ черной, а на черной съ бѣлой головой». Аку-ртомба вымазалъ лобъ лошади масломъ, которое ему дала на дорогу женщина. Хозяинъ лошади думаетъ: «Это не онъ! лошадь не моя!» не поѣхалъ дальше и вернулся домой.

Ами-салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Стояніе Аку-ртомбы у тарчука ср. съ мѣстомъ въ Очеркахъ, IV, стр. 236: Ганци-Ментышъ, привязанный къ дереву, обманываетъ горбатаго старика, гнавшаго тысячу барановъ и мѣняется съ нимъ мѣстомъ. Порученіе караулить, не будетъ ли двигаться мачта, ср. съ обязанностями летучей мыши, которая держитъ скалу, чтобъ она не сдвинулась съ мѣста и не перегубила бы народъ (Оч., IV, 175, вар. в). Ср. съ примѣчаніями ниже къ № 88, т. е. къ Полярной звѣздѣ. Тема объ окраскѣ лошади облегчаетъ сближеніе Аку-ртомбу (= Балынъ-сенге) съ Балъ-дорджи, убійцей царя Лангъ-дармы. См. примѣчанія къ № 27.

15. ВОРОЛТАЙ ҮБҮГҮНЪ.

(Монгольскій).

Былъ Боролтай убүгүнъ (старикъ Боролтай); у него было семь бурсѣрыхъ овецъ (долонъ борлокъ хони). Однажды приходитъ къ нему волчица (чхоно) и говоритъ: «Я съѣмъ твоихъ овецъ!» Но въ это время она увидѣла, что изъ верхняго отверстія юрты, въ которой жилъ Боролтай-убүгүнъ, вышелъ большой дымъ. Волчица спросила его: «Что это у тебя за дымъ?» Боролтай убүгүнъ отвѣчалъ: «У меня ночуетъ большой нойонъ, который приѣхалъ сюда стрѣлять лукавыхъ рыжихъ лисицъ (джельбынъ шари унюге) и волковъ (чхоно). Волчица говоритъ: «Я приведу тебѣ семьсотъ бурсѣрыхъ овецъ, только не говори нойону обо мнѣ. И

¹⁾ Рсамба — ячменная мука.

споконнаго мѣсяца выйду!»! Старуха ушла отъ него. Одинъ хорошій день выждавъ, вновь пришла. Ховатай-убугунъ въ этотъ хорошій день споконнаго мѣсяца вышелъ и на высокомъ мѣстѣ сдѣлалъ урь-санъ (воскуреніе). Мангусъ-эмегенъ пришла; Ховатай-убугуна спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ?» Мое имя Ховатай. «Чѣмъ ты занимаешься?» Я старикъ, поѣдающій мангысовъ. Мангысъ говоритъ: «Завтра рано, раньше восхода солнца, мы двое на этомъ хребтѣ устроимъ мѣсто и испытаемъ, кто сильнѣе. Сильный пусть съѣстъ слабого!» Хорошо! сказала Ховатай-убугунъ и вернулся домой. Дома убилъ козла, мясо съѣлъ, а гудже (желудокъ) закопалъ подъ горой. Назавтра рано, ранѣе восхода солнца, Ховатай-убугунъ и мангысъ-эмегенъ пришли (на хребетъ). Мангысъ-эмегенъ готовитъ мѣсто. Ховатай-убугунъ выдавилъ изъ козьяго желудка бась (содержимое) и говоритъ: «Вотъ бась изъ горы бась. Теперь я тебя съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ испугалась. Ховатай-убугунъ погнался за ней сзади. Гонясь, дошелъ до дома. Мангысъ-эмегенъ, боясь (Ховатай-убугуна), говоритъ: «Я тебѣ нищу сварю! Ты какую пищу ѣшь?» Я съѣдаю мясо семидесяти коровъ.—Мангысъ-эмегенъ гдѣ гдѣ ни собрала семьдесятъ коровъ, сварила мясо. Мангысъ-эмегенъ спрашиваетъ: «Дядя Ховатай! ты гдѣ будешь кушать?» Я на берегу Хатунъ-гола покушаю! — Мангысъ-эмегенъ все мясо семидесяти коровъ подняла и отнесла на берегъ Хатунъ-гола. Ховатай-убугунъ одинъ кусокъ попробовалъ: безъ соли. Говоритъ: «Мясо не солоно. Я тебя (буквально: твое мясо) съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ пошла за солью. Когда она ушла, Ховатай-убугунъ все мясо семидесяти коровъ побросалъ въ Хатунъ-голь. Одно плечо (оставилъ и) грызеть. Мангысъ-эмегенъ принесла мѣшокъ соли. Ховатай-убугунъ (говоритъ): «Я мясо семидесяти коровъ на степь бросилъ. Ты теперь принесла соль. (Ты опоздала и я) теперь тебя самое съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ опять покорила и говоритъ: «Сколько у меня въ домѣ есть серебра, денегъ, все тебѣ отдамъ!» «Если ты дѣйствительно хочешь отдать (свое серебро), то, поднявъ на спину, принеси въ мой домъ!» говоритъ Ховатай-убугунъ. Мангысъ-эмегенъ подняла на плечи серебра, сколько можно вмѣстить въ три дома, и пошла впередъ. Ховатай-убугунъ сзади идетъ. Дорогой, идя въ гору, мангысъ-эмегенъ (не вытерпѣла, и) выпустила звукъ. Духъ ударилъ въ (носъ) Ховатай-убугуна и онъ упалъ въ оврагъ между двумя ярами. Ховатай-убугунъ былъ хитеръ, ухватился за кустъ полни (шябыкъ). Мангысъ-эмегенъ оглянулась, видитъ: Ховатай-убугунъ держится за кустъ шябыка. «Дядя! ты что держишься за шябыкъ?» Я хочу заткнуть твой задъ!—Мангысъ-эмегенъ опять покорила и говоритъ: «Съ этого времени не буду выпускать духъ!» Ховатай-убугунъ говоритъ: «Если не будешь, то вытани меня изъ оврага!» Мангысъ-эмегенъ вытянула его вновь на гору. Ховатай-убугунъ, пришедши домой, говоритъ старухѣ: «Мангысову голову ты сварилъ потомъ, а теперь сvari мангысово сердце! Я эту мангысъ-эмегенъ покормлю!» Испугавшись этихъ словъ, мангысъ-эмегенъ убѣжала. Сколько земли пробѣжала, встрѣтила лисицу. Лисица спрашиваетъ: «Ты чего испугалась?» «Ховатай-убугунъ чуть-чуть было не съѣлъ меня; сколько дней (эта опасность угрожала мнѣ)». Лисица говоритъ: «Ховатай-убугунъ никогда не выходилъ изъ дому. Я не допущу

сѣлъ и сталъ сѣтѣхонекъ. Идутъ опять дальше и приходятъ къ двумъ горамъ, которыя сходятся и расходятся. Опять овца велитъ мальчику сѣсть на нее и проскочила между горами въ то время, какъ онѣ разошлись. Идутъ далѣе. Опять овца спрашиваетъ, не проголодался ли мальчикъ и опять велитъ ему отрѣзать маленький кусокъ отъ ея хвоста. Затѣмъ они приходятъ къ городу, въ которомъ было пятьсотъ щенковъ (табынъ джонъ каба). Овца говоритъ: «Здѣсь есть пятьсотъ злыхъ собакъ, поэтому прямо въ городъ войти нельзя. Остановимся на горкѣ и ты покричи!» Взошли на небольшую горку и мальчикъ началъ кричать. На его крикъ пришли пятьсотъ человекъ, у каждаго по желѣзному песту на плечѣ. Спрашиваютъ мальчика: «Ты что кричишь?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «Боясь пройти мимо собакъ. Покарауйте ихъ!» Каждый изъ этихъ пятисотъ человекъ поймалъ по собакѣ и привязалъ къ желѣзному песту. Мальчикъ прошелъ съ овцой благополучно. Когда собакъ отпустили, онѣ были уже такъ далеко, что собаки ихъ не догнали.

Далѣе они пришли въ городъ, въ которомъ жилъ ханъ. Овца говоритъ: «Мы не будемъ входить въ городъ, а сначала проживемъ дня два или три у одной старухи шибгунцзы (монахини), которая пасетъ ханскихъ овецъ». Овца учитъ мальчика: «Вырви три волоса изъ меня и иди въ городъ, держа ихъ передъ собой. Если будутъ покупать, не продавай менѣе, какъ за три лана серебра». Мальчикъ вырвалъ три волоса и пошелъ въ городъ; подходитъ китаецъ, спрашиваетъ, что стоятъ волосы. Мальчикъ говоритъ: «Менѣе, чѣмъ за три лана не продамъ!» Китаецъ немедленно вынимаетъ три лана, отдаетъ мальчику и беретъ волосы. Мальчикъ вернулся къ овцѣ; овца говоритъ: «Теперь ты иди въ городъ, зайди въ дянъ и тамъ потребуй себѣ ѣды, чаю и вина, наѣшься и напейся!» «А ты сама чѣмъ будешь сыта?» спрашиваетъ мальчикъ. «А мнѣ купи немного травы и брось!» Мальчикъ купилъ травы, бросилъ овцѣ, а самъ пошелъ въ городъ и тамъ наѣлся и напился. На другой день овца велитъ снова вырвать изъ нея нѣсколько волосъ и продать въ городъ за пять ланъ. Опять мальчику встрѣтился китаецъ, который далъ ему за волосы пять ланъ. Опять овца посылаетъ его въ дянъ и учитъ: «Мимо тебя будутъ проходить сто дѣвицъ; каждая будетъ махать зеленымъ платкомъ; самая задняя царевна (гунъчжу), переднія простыя дѣвицы. Когда самая задняя будетъ проходить мимо тебя, ты вырви у нея платокъ». Мальчикъ пошелъ въ дянъ и спросилъ себѣ ѣсть. Въ это время мимо него стали проходить сто дѣвицъ; каждая изъ нихъ имѣла въ рукѣ зеленый платокъ и помахивала имъ. Когда самая задняя стала проходить мимо мальчика, она взмахнула платкомъ и задѣла имъ по головѣ мальчика. Онъ схватилъ платокъ и вырвалъ. Царевна оглянулась и прошла далѣе. Послѣ этого она заболѣла. Царь призывалъ разныхъ врачей, но никто не можетъ вылечить царевну. Тогда овца говоритъ мальчику: «Купи книгу, надѣнь ламское платье и вмѣстѣ пойдемъ вслѣдъ за ханскими баранами подъ городскую стѣну». Царь, грустя по больной дочери, вышелъ на городскую стѣну и увидѣлъ оттуда мальчика съ книгой. Онъ говоритъ вельможамъ: «Вотъ еще какой-то человекъ! Не можетъ ли онъ вылечить моей дочери? Позовите его!» Вельможи говорятъ: «Это шатающійся худой

ложи въ ящикъ, въ которомъ лежатъ бурханы». Овца умерла; царь снялъ съ нея шкуру и мясо положилъ въ ящикъ вмѣстѣ съ бурханами. Ночью пришло множество мышей; слышно было, какъ онѣ бѣгаютъ и грызутъ. Царь поймалъ главную изъ нихъ и спрашиваетъ: «Вы зачѣмъ пришли грызть ящикъ, въ который я положилъ мясо овцы?» Мыши говорятъ: «Мы тѣ самыя мыши, которыхъ ты переловилъ въ юртѣ, когда однажды ночевалъ въ ней. Вмѣсто того, чтобъ убить насъ, ты насъ отпустилъ на волю. Теперь мы тебѣ построимъ стеклянный дворецъ!» Онѣ построили стеклянный дворецъ и царь переселился въ него со своей молодой царицей.

Ратна-бала, 17 лѣтній лама монголь
изъ Ордоса, хошуна вана.

19. ТЕНЕКЪ-ХУ.

(Монгольскій).

У одного богатаго человѣка былъ глупый сынъ, у котораго была очень умная жена. Сынъ богатаго человѣка былъ до такой степени глупъ, что не зналъ мѣры ни ѣдѣ, ни сну. Ъсть начнеть, ѣсть до тѣхъ поръ, пока жена не укажетъ, что онъ наѣлся и пора блюдо съ ѣдой отставить. Ляжетъ спать, спитъ и не встаетъ съ постели, пока жена не скажетъ, что нужно вставать. Однажды отецъ говоритъ ему: «Пойди въ степь и спроси у хамхака ¹⁾, куда онъ катится?» Тенекъ-ху пошелъ вслѣдъ за хамхакомъ. Спрашиваетъ у хамхака, куда онъ катится; тотъ не отвѣчаетъ, а катится впередъ. Ходилъ, ходилъ за нимъ Тенекъ-ху ²⁾, наконецъ схватилъ его руками; сухой хамхакъ раскрошился въ его рукахъ. Пошелъ Тенекъ-ху домой; на пути выходитъ къ нему его жена и спрашиваетъ, куда онъ ходилъ. Тенекъ-ху говоритъ, что отецъ послалъ его спросить у хамхака, куда хамхакъ катится, но хамхакъ катился впередъ безъ отвѣта, а когда онъ схватилъ его руками, хамхакъ раскрошился. Жена сказала ему: «Скажи отцу: ару гадзаръ ургула унтэсумодо кислѣ тала гадзаръ танкэглыя токумъ гадзаръ нотуглыя гечжи ябуджи байна», т. е. (я) выросъ на сѣверной сторонѣ (горы?), (мои) корни вырвались (изъ земли); иду въ равнинѣ улечься, въ котловинѣ поселиться!» Тенекъ-ху приходитъ къ отцу и приноситъ отвѣтъ. Отецъ спрашиваетъ его: «Кто тебя научилъ такъ отвѣтить?» «Жена», говоритъ Тенекъ-ху. Въ другой разъ отецъ опять посылаетъ Тенекъ-ху спросить у вороны (хирэ), куда она летаетъ. Пошелъ Тенекъ-ху ходить за вороной, ходилъ за ней цѣлый день, много мѣста выходилъ, спрашивая ее много разъ, куда она летаетъ, ворона отвѣта не дала. Уставши, пошелъ онъ домой. Встрѣчаетъ его жена и спрашиваетъ: «Куда ходилъ?»

¹⁾ Schanginia или другое растеніе изъ сем. солянковыхъ.

²⁾ Тенекъ — глупый; ху — сынъ.

20. ТЕНЕ-ХУ.

(Китайскій).

Былъ когда-то Тене-ханъ (глупый царь). А сзади его дома жилъ Тене-ху (глупый парень), который заснетъ, такъ спитъ цѣлый мѣсяцъ, вздумаетъ поѣсть, такъ ведро каши съѣдаетъ. Вотъ такой парень былъ. Мать этого Тене-ху говоритъ ему: «Сынъ мой! я тебѣ сварю одно ведро каши. Ты слоди, принеси мнѣ одну вязанку дровъ». Сынъ говоритъ: «Поѣвши, я принесу вязанку».

На берегу (рѣки) Хатуна одинъ человѣкъ изловилъ большую въ 30 джировъ рыбу. Тотъ Тене-ху тому человѣку говоритъ: «Ты эту рыбу опусти въ этотъ Хатунъ. Я тебѣ двадцать вязанокъ дровъ наношу!» Тотъ человѣкъ: «Если ты мнѣ двадцать вязанокъ дровъ принесешь, я эту рыбу отпущу». Тотъ Тене-ху отпустилъ рыбу и легъ спать.

Та рыба была третья дочь Лосунъ-хана. (Она) говоритъ Лосунъ-хану: «Въ то время, какъ я подъ видомъ большой рыбы ходила въ Хатунъ, одинъ человѣкъ изловилъ меня. Тене-ху, живущій сзади дома Тене-хана, купилъ меня за двадцать вязанокъ дровъ и отпустилъ меня въ Хатунъ. Милостью того Тене-ху я жива осталась. Чѣмъ я поблагодарю того Тене-ху?» Лосунъ-ханъ отецъ послалъ нѣсколько человѣкъ привести того Тене-ху. Лосунъ-ханъ говоритъ: «Ты моей дочери жизнь спасъ. Я тебѣ серебра и золота хочу дать!» Тене-ху говоритъ: «Я ни серебра, ни золота не возьму. Я желалъ бы только получить увеличеніе силы! Получить такую силу, чтобы могъ поднять вязанку дровъ, которая наполнила бы домъ изъ пяти покоевъ!» Лосунъ-ханъ сказалъ: «Ты теперь можешь идти! На берегу Хатуна лежитъ вязанка дровъ, которая можетъ наполнить домъ изъ пяти покоевъ. Ты подними и отнеси!»

Тене-ху, вышедши (отъ Лосунъ-хана), поднялъ ту вязанку и пошелъ. Тене-ханъ вышелъ изъ дверей (своего дома). Жена Тене-хана была на улицѣ; тотъ Тене-ху несетъ огромную вязанку дровъ. (Жена Тене-хана) пришла и говоритъ хану: «Сзади дома живущій Тене-ху поднялъ вязанку дровъ, способную наполнить домъ изъ пяти покоевъ». Тене-ханъ, услышавъ (эти слова), говоритъ ханьшѣ: «Вы съ Тене-ху вдвоемъ сошлись! Я васъ завяжу въ синюю шкуру»¹⁾. Завязалъ ханьшу и Тене-ху въ синюю шкуру, бросилъ въ пески. Когда шкура засохла, брошенный въ песчаные бугры Тене-ху говоритъ: «Синяя шкура! Будь домою въ пять покоевъ!» Домъ изъ пяти покоевъ сдѣлался. Живетъ (онъ) въ домѣ трое сутокъ.

Тене-ханъ говоритъ двумъ нойонамъ: «Тене-ху и ханьша умерли уже или нѣтъ? Идите, посмотрите!» Два нойона пошли посмотрѣть, синяя шкура преврати-

¹⁾ Рассказчикъ употребилъ слово «синяя» вмѣсто китайскаго выраженія «зеленая шкура», т. е. сирая. По китайски словомъ «зеленый» передаютъ понятіе о сиромъ.

лась въ домъ изъ пяти покоевъ. Такого дома у самого хана никогда не бывало. Посмотрѣвъ, вернулись два нойона, говорятъ Тене-хану: «Синяя шкура превратилась въ домъ изъ пяти покоевъ! Такого дома у самого хана нѣтъ! Въ немъ Тене-ху вдвоемъ съ ханьшей живутъ». Тене-ханъ сейчасъ же даетъ двумъ нойонамъ пятьсотъ чириковъ и посылаетъ ихъ убить Тене-ху и ханьшу. Пошли нойоны. Тене-ху увидѣлъ, что два нойона съ пятьюстами чириковъ пришли. Тене-ху говоритъ: «Пятьсотъ чириковъ станьте козлами! ханъ стань козлухой!» Стали пятьсотъ чириковъ козлами, ханъ сдѣлался козлухой, побѣжали. Два нойона поклонились головой Тене-ху и говорятъ: «Возстанови хана! Ханъ, вновь ставши живымъ, отдастъ тебѣ престолъ.» Тене-ху сказалъ: «Пятьсотъ козловъ станьте чириками, козлуха стань ханомъ!» Сказалъ и чирики стали чириками, ханъ сталъ ханомъ. Тене-ханъ говоритъ: «Я передаю тебѣ престолъ! Отдаю тебѣ тамгу! Ты садись ханомъ! Я твоимъ поданнымъ буду!» Тене-ху сталъ ханомъ, а жена Тене-хана стала его женой. Тене-ху и ханьша стали вдвоемъ жить и наслаждаться.

Омолонъ, ордосскій монголь хошуна
Ушинъ, сынъ монгола и китайки.

21. ТРИ БОЛЬШИХЪ УГОДЬЯ.

(Гурба ихятей тоса¹⁾).

(Монгольскій).

Былъ въ старину старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ. Старикъ началъ высылать сына изъ дому. Сынъ спрашиваетъ: «Ава, ава! куда же я пойду?» «Иди, говоритъ отецъ, въ сторону, гдѣ солнце всходитъ». Мальчикъ сдѣлалъ семь шаговъ по направленію, гдѣ солнце всходитъ, и вернулся, спрашиваетъ у матери: «Еджи, еджи! куда мнѣ идти?» «Иди, говоритъ мать, въ сторону, гдѣ солнце заходитъ». Пошелъ мальчикъ въ сторону, гдѣ солнце заходитъ. Шелъ до полдень, дошелъ до богатаго аила, зашелъ въ юрту. Тутъ его напоили чаемъ. Пошелъ далѣе, стало смеркаться; онъ вышелъ въ тухумъ²⁾, гдѣ много ходило коровъ. Сайханъ-ху (прекрасный мальчикъ) думаетъ: «Дай пойду туда, куда коровы пойдутъ. Навѣрно онѣ выведутъ меня въ какой-нибудь аилъ. Тамъ и заночую». Идетъ за коровами; коровы вывели его опять къ тому же аилу, въ которомъ онъ уже пилъ чай въ полдень. Онъ думаетъ: «Во второй разъ не пойду въ этотъ аилъ, а ночью между коровами; а ночью украду одну изъ коровъ, сяду на нее верхомъ и уѣду!» Когда стемнѣлось, онъ усмотрѣлъ пеструю корову и вскочилъ на нее; испуганная корова понеслась, Сайханъ-ху едва держится. Сказалъ онъ цѣлую ночь; когда стало свѣ-

¹⁾ Тоса—польза, угодые.

²⁾ Тухумъ—впадина въ земной поверхности.

татъ, онъ осмотрълся и видитъ, что подъ нимъ не корова, а тигръ (баръ). Испугался Сайханъ-ху. Видитъ, впереди два дерева вѣтвями сходятся; думаетъ, когда тигръ будетъ пробѣгать подъ деревьями, ухватусь за вѣтви и отстану отъ него. Началъ Сайханъ-ху погонять этимъ способомъ тигра. Скакалъ, скакалъ и прискакалъ къ городу, въ которомъ цари не держались; выберутъ сегодня царя, а наавтра онъ умретъ, на его мѣсто выберутъ другого, а черезъ день и этотъ умретъ. Тогда народъ обратился къ одному большому ламѣ съ вопросомъ, гдѣ имъ найти царя, который бы удержался въ живыхъ. Лама говоритъ: «Тотъ вамъ будетъ царемъ, который прїѣдетъ съ востока на тигръ, погоняя его головой змѣи Абырга-могай!» Сайханъ-ху не замѣтилъ, что онъ оторвалъ не вѣтвь, а голову змѣи Абырга-могай, сидѣвшей на деревѣ. «Да есть ли средство его поймать?» спрашиваютъ люди. Лама говоритъ: «Сдѣлайте петлю и накиньте на него, когда онъ будетъ пробѣгать мимо!» Люди сдѣлали петлю и накинули на скакавшаго на тигръ Сайханъ-ху; петля угодила ему на шею. Сдернули они Сайханъ-ху съ тигра на землю; падая, онъ схватился за хвостъ тигра, хотѣлъ удержаться, но хвостъ оторвался и тигръ убѣжалъ. Посадили Сайханъ-ху на царство и говорятъ ему: «У насъ кто-то хлѣбъ на пашнѣ поѣдаетъ; не приходится намъ самимъ имъ пользоваться». Царь говоритъ: «Ведите меня, я посмотрю!» Вывели его въ степь; тамъ стоитъ высокое дерево. Смотритъ царь и видитъ: нѣсколько тигровъ стали одинъ на другого; верхній пришелся противъ вѣтвей и ѣстъ яблоки. Самый же нижній тигръ былъ безъ хвоста; царь узналъ въ немъ тигра, на которомъ прїѣхалъ и закричалъ: «Ты кудный! ты что тутъ дѣлаешь!» Тигръ узналъ его голосъ, испугался и выскочилъ; всѣ тигры попадали и ушиблись до смерти, а безхвостый тигръ убѣжалъ. Послѣ этого никто не сталъ поѣдать хлѣбъ на пашнѣ.

Отецъ этого Сайханъ-ху за это время обѣднѣлъ; нечѣмъ ему стало кормить свою старуху. Однажды онъ подстрѣлилъ гуся, изломалъ ему ногу и поймалъ его. Гусь говоритъ: «Ты меня не убивай! Я за то дамъ тебѣ три угодыя» (гурба ихтей госу хія). Старикъ, держа гуся на своей груди, идетъ къ старухѣ и кричитъ: «Что тебѣ лучше, три разныхъ угодыя или гусь?» Старуха отвѣчаетъ: «Три угодыя лучше». Старикъ отпустилъ гуся; гусь, хромя, пошелъ прочь, старикъ за нимъ. Дошелъ гусь до берега моря, нырнулъ въ воду и скрылся. Заплакалъ старикъ, пришелъ къ старухѣ, ругаетъ ее и говоритъ: «Вотъ ты сказала, три угодыя лучше! А теперь ни трехъ угодій нѣтъ, ни гуся! Лучше бы не слушала тебя, такъ были бы мы съ ѣдой». Старуха говоритъ: «Не горюй! иди снова къ морю и проси угодыя!» Пришелъ старикъ къ морскому берегу, плачетъ. Изъ воды вышелъ бородатый старикъ, спрашиваетъ: «О чемъ плачешь?» Старикъ рассказываетъ, что онъ, бѣдный человекъ, не имѣющій ѣды, зашибъ гуся; гусь просилъ отпустить его, обѣщая дать три угодыя, и обманулъ, ушелъ въ воду. Бородатый старикъ говоритъ: «Это не гусь, а Лосунъ-ханъ. Сядишь ко мнѣ на загривокъ, я свесу тебя къ нему. Когда ты придеши къ нему, онъ тебя спроситъ: что тебѣ дать, серебра или золота? ты скажи, не надо мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла, хамугу хара ельджигъ». Сѣлъ старикъ на бородатаго старика и поѣхалъ въ

море. Когда онъ прибылъ во дворець, Лосунъ-ханъ спрашиваетъ его: «Что тебѣ дать, серебра или золота»? Старикъ говоритъ; Не нужно мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла». Лосунъ-ханъ далъ ему осла. Ведетъ старикъ осла и жалѣетъ, что не взялъ вмѣсто него серебра либо золота. Сталъ старикъ съ досады палкой толкать осла въ задъ, осель началъ сорить и сорить не какъ другіе ослы, а золотомъ: Обрадовался старикъ, собралъ золото и пошелъ въ дянъ ¹⁾, потребовалъ себѣ ѣсть и водки, опьянѣлъ и разболталъ, что его осель сорить золотомъ. Китаецъ, хозяинъ дана, напоилъ старика еще сильнѣе и выбросилъ на улицу, а осла подмѣнилъ. Проснулся старикъ, взялъ подмѣненного осла и пошелъ домой; кричить старухѣ издали: «Старуха! веду тебѣ хорошаго осла! Только станешь его толкать въ задъ, онъ начнетъ сорить золотомъ». Старуха вышла изъ юрты, начала толкать въ задъ осла, осель не сорить золотомъ; сорить попросту. «Ты грязными руками его толкаешь»? говоритъ старикъ. «Пойди, вымой ихъ хорошенько!» Старуха вымыла руки, начала толкать възадъ осла; все таки осель сорить простымъ пометомъ, а не золотомъ. Догадался старикъ, что ему въ дянѣ подмѣнили другого осла. Старуха говоритъ ему: «Иди теперь къ морю за вторымъ угодемъ!» Пришелъ старикъ къ морю. Опять вышелъ бородатый старикъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ нужно»? Старикъ говоритъ: «Гусь, котораго я подшибъ, обѣщаль мнѣ три угоды. Я одно взялъ; теперь пришелъ за вторымъ!» Бородатый старикъ говоритъ ему: «Садись мнѣ на загривокъ! Если Лосунъ-ханъ спроситъ тебя: что тебѣ, золота или серебра? скажи: ни серебра, ни золота мнѣ не нужно, а дай мнѣ изломанный чайникъ, балбырхай цаху». Далъ ханъ старику изломанный чайникъ, вышелъ съ нимъ старикъ изъ моря и жалѣетъ, зачѣмъ, дескать, я попросилъ такую негодную вещь. Идетъ старикъ, проголодался, поставилъ изломанный чайникъ на землю; онъ закипѣлъ и въ немъ очутилась бута (варево). Обрадовался старикъ, поѣлъ и принесъ чайникъ домой. Стали они теперь со старухой съ ѣдой, заправились и побогатѣли. Старикъ говоритъ старухѣ: «Позову къ себѣ въ гости хана!» Позвалъ, угощаетъ хана. При разставаньи старикъ спрашиваетъ хана, какой ему сдѣлать подарокъ. Ханъ говоритъ: «Ничего не нужно, кромѣ изломаннаго чайника». Долженъ былъ старикъ отдать чайникъ, а самъ пошелъ въ третій разъ къ морю. Вышелъ бородатый старикъ и совѣтуетъ просить пай (кости). Получивъ пай, старикъ вышелъ изъ моря; пришелъ въ дянъ, въ которомъ ему подмѣнили осла и думаетъ, поиграю здѣсь въ кости. Бросилъ кости и сказалъ: «ша!» Выскочили изъ костей люди и спрашиваютъ: «Кого бить» (ю шану)? Старикъ говоритъ: «Кромѣ черпаго паршиваго осла, всѣхъ бейте!» Принялись люди бить, перебили всѣхъ до смерти. Взялъ старикъ осла, привелъ домой. Потомъ думаетъ, «Пойду, накажу хана!» Пришелъ къ хану, сказалъ: «ша!» и бросилъ кости. Кого бить? спрашиваютъ выскочившіе изъ костей люди. «Кромѣ изломаннаго чайника, бейте все!» Перебили люди хана и всѣхъ его людей. Взялъ старикъ изломанный чайникъ и вернулся домой.

¹⁾ Дянъ—гостинница.

Сынъ его, ставшій царемъ, пришелъ навѣдаться о родителяхъ. Старикъ былъ коварный (му саналтай); онъ говоритъ сыну: «Давай, поиграемъ въ кости!» Сынъ согласился. Когда старикъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ сыну: «Напрасно ты согласился играть! У него хитрыя кости!» Старуха подмѣнила кости, сыновнины кости подложила старику, а стариковы сыну. Бросилъ старикъ кости и сказалъ: «ша!» Кости не трогаются. Онъ собралъ ихъ и вновь бросилъ. «Ша!» Кости не трогаются. Онъ въ третій разъ: «Ша!» То же самое. Старикъ осердился, вышелъ изъ юрты и съ горя повѣсился на деревѣ. Сынъ взялъ свою мать, чернаго паршиваго осла и изломанный чайникъ и возвратился въ свой ханскій городъ.

Пунсукъ, ордосскій монголь хошуна Ушинъ.

22. БОРОЛТАЙ-ХУ.

(Монгольскій).

Въ старину былъ Боролтай-ху; у него было десять тысячъ сѣрыхъ овецъ, одна сѣрая юрта, быстрая сѣрая лошадь и быстрая бѣлая лошадь¹⁾. Однажды онъ тасъ своихъ десять тысячъ сѣрыхъ овецъ; въ это время родился бѣлый ягненокъ. Боролтай-ху вернулся домой, чтобы завернуть ягненка въ бѣлый войлокъ и положить. Тогда Ханъ-хурмустенъ-тэнгиръ послалъ двухъ птицъ тасъ, чтобы онѣ взяли у ягненка два его глаза. Тасы взяли два глаза у ягненка и пошли. Боролтай-ху догадался, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ, погнался за тасами, схватилъ ихъ, сбилъ у нихъ ихъ мѣдные клювы, надѣлъ на нихъ роговые клювы и отпустилъ. Тогда Ханъ-хурмустенъ-ханъ послалъ двухъ собакъ: Азыръ и Базыръ и сказалъ имъ: «У Боролтая-ху есть двѣ лошади, онѣ спятъ, быстрая сѣрая, привязанная за голову, быстрая бѣлая, привязанная за ноги. Вы идите и съѣшьте быструю сѣрую лошадь!» Боролтай-ху угадалъ желаніе Ханъ-хурмустенъ-хана, сѣрую быструю лошадь привязалъ за ноги, бѣлую быструю лошадь привязалъ за голову и лежитъ, спитъ. Двѣ собаки Азыръ и Базыръ пришли, съѣли бѣлую быструю лошадь, привязанную за голову и побѣжали. Боролтай-ху проснулся, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ погнался за собаками Азыромъ и Базыромъ, снялъ съ нихъ шкуры отъ носа до сухожилья въ пяткахъ²⁾ и отпустилъ. Ханъ-хурмустенъ ханъ сказалъ семи птицамъ попугаямъ (долонъ тоту шубуганъ): «Идите къ Боролтаю-ху и черезъ верхнее отверстіе юрты (тоноръ) спустите ему ядъ!» Боролтай-ху

¹⁾ Въ текстѣ: «кэйскуръ боро мори» и «кэйскуръ чагаъ мори». Кэй—«вѣтеръ». Кэйску довтолку—«сканать во весь опоръ».

²⁾ Въ текстѣ: «сариснъ хамырсынъ сариснъ борбо хурьтнъ шуладъ»; сариснъ-хамиръ—кожа на носу собаки, не покрытая шерстью; борбо—сухожилье въ пяткѣ; сариснъ борбо—мѣсто надъ пяткой, у собаки скудно покрытое шерстью.

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1, стр. 4: вмѣсто Борогтая, старикъ Хоредой; им. Хань-хурмустенъ-хана Эсэгэ-малана; послы Эсэгэ-малана: двѣ вороны, девять волковъ, девять шума. Въ Очеркахъ. IV, № 153, стр. 517: Бороцзой-обогоиъ и Хань-Хормусти: вмѣсто девяти попугаевъ, семь чертей (дологъ чыкуръ). Въ книжныхъ сказаніяхъ Харитай (Хоридой?) отецъ женщины Аланъ-гоа; въ бурятскихъ преданіяхъ Хоридой сынъ Аланъ-гоа: такое сопоставленіе именъ намекаетъ на отношенія бурятскаго Хоридоя къ книжному. Въ книжномъ сказаніи сынъ Аланъ-гоа, вмѣсто Хоридоя, названъ Бодончаромъ, который также обдѣленъ братьями, удаляется и ведетъ одинокую жизнь охотника, какъ и бурятскій Хоридой. Повидному въ сказкахъ имена Бородай, Хоридой и Бодончаръ замѣшались. О Бородаѣ, кромѣ сюжета о хитромъ его поведеніи съ Хормустой, есть еще рассказъ о томъ, какъ лисица женитъ его на ханской дочери. Въ этой сказкѣ также герой является одинокимъ сиротой, промышленникомъ охотой: въ ней также является Хормусту-ханъ. Въ русскихъ вариантахъ этой сказки сирота называется Бухтанъ Бухтановичъ, вмѣсто Хормусты или Эсэгэ-малана царь Громъ и царица Моланья. Въ болгарскомъ вариантѣ сирота называется Воденичаръ (См. Оч., II, прил., стр. 53; Зап. Вост. Сиб. Отд., I с., стр. 143 и слѣд.). Монгольской версіи этой сказки съ именемъ Бодончара не записано: можно только усматривать намеки на ея существованіе. Нѣкоторые книжныя сказанія смѣшиваютъ Бодончара съ Темучиномъ, котораго преданіе называется сыномъ Хормусты: наприм. грузинскій царевичъ Вакухъ о Thingizъ (Чингисъ-ханъ?), предѣ Тимерлана, рассказываетъ исторію Бодонджара (Brosset, Hist. de la Georgie, P. I. I. II. p. 650). Подъ видомъ лисцы въ сказкѣ является, вѣроятно, высшее покровительствующее существо. Гэсэру мать его также является въ видѣ лисцы (см. выше, стр. 19).

Бурятскія легенды связываютъ имя Хоридоя съ темой о стрѣлянн въ трехъ дѣвъ-лебедей (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 114 и слѣд.). Въ бурятскомъ сказаніи мать Гэсэра небесная дѣва (см. выше, стр. 63): въ одномъ вариантѣ она повидному лебедь-дѣва (стр. 64, подстроч. примѣч.): не будетъ ли поэтому Бодончаръ (Бодон-джаръ, Бодон-царъ) версіей имени Богдо-Гэсэръ? Родивъ Гэсэра, мать бросаетъ его: ребенка находятъ Сарагалъ-ханъ. Не достаетъ дерева и сидящей на немъ совы, чтобы отождествить этотъ эпизодъ съ сказаніемъ о найденншѣ (Чингисъ, Цоросъ. Охунъ-Бодунъ: см. Очерки, II, 161: 173; IV, 229, 325, 326).

23. ЁГЪ-ТАМУ-НЦО.

(Тангутскій).

У царя было двѣ дочери Нгулыггунъ (серебряная царевна) и Бсэрлыггунъ (золотая царевна) и служанка Ёгъ-таму-нцо. У серебряной царевны были серебряное ведро и серебряный ковшъ, у золотой царевны золотое ведро и золотой ковшъ, у Ёгъ-таму-нцо деревянное ведро и деревянный ковшъ. Служанка говоритъ царевнамъ: «Давайте играть! бросимъ наши ведра и ковши на воду и посмотримъ чья посуда будетъ сверху». Царевны согласились и всѣ трое бросили свою посуду на воду. Золотые и серебряные ведра и ковши утонули, одни деревянные сверху плаваютъ. Царевны говорятъ служанкѣ: «Иди къ отцу и спроси, что тебѣ нужно: Бсэрлыггунъ и Нгулыггунъ или золотыя и серебряныя ведра и ковши?» Служанка пошла къ царю и царь сказалъ ей: «Ведра и ковши я могу опять приказать сковать, но другихъ дѣтей не найду. Возьми рсамбы¹⁾ и масла, навьючь на лошадь, отправляйся къ моимъ дочерямъ и скажи имъ, чтобъ скорѣе возвращались въ родительскій домъ». Служанка дорогой рсамбу и масло съѣла, пріѣхала къ

¹⁾ Рсамба — ячменная мука.

царевнамъ и говорить имъ: «Царь осердился на васъ и сказалъ: «мнѣ ведра и ковши золотые нужныѣ». Онъ далъ мнѣ лошадь, немного рсамбы безъ масла и велѣлъ передать вамъ приказъ уѣзжать изъ его царства». Служанка сказала царевнамъ, что теперь она старше ихъ и приказала имъ отдать ей свое богатое платье. Переодѣлись, служанка надѣла платье царевенъ, царевны надѣли платье служанки, сѣли всѣ трое на одну лошадь, впереди Ёгъ-тамунцо, въ серединѣ Нгулыггунъ, сзади Ксэрлыггунъ и поѣхали. Дорогой встрѣчаютъ ихъ царскій сынъ. Ёгъ-тамунцо спрашиваетъ его: яга яга кангъ якка шѳра шѳра кангъ шѳрка рчжаву чжама кангъ янги, т. е.¹⁾, которой варить пищу для царя? Царскій сынъ отвѣчаетъ: передняя, красивая средняя, а варить пищу для царя задней. Тогда Ёгъ-тамунцо приказала дѣвицамъ пересѣсть; Ксэрлыггунъ посадила на переднее мѣсто, а сама сѣла на заднее, и опять спрашиваетъ царскаго сына: которая красивая? которая? которой варить пищу для царя? Царскій сынъ говоритъ: «. задняя, красивѣе средняя, а варить царю пищу передней». Потомъ царскій сынъ говоритъ: «Я пуцу стрѣлу и на которую изъ васъ трехъ стрѣла упадетъ, той и варить пищу». Выстрѣливъ, стрѣла легла передъ царевной Ксэрлыггунъ. Ёгъ-тамунцо перехватила стрѣлу и положила подлѣ себя. Подходить царскій сынъ, видитъ, стрѣла лежитъ передъ Ёгъ-тамунцо и говоритъ: «Нечего дѣлать! если стрѣла указала на тебя, то ты вари пищу!» Продолжая путь далѣе, они подѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Ёгъ-тамунцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла:

Нгулыггунъ рарца ре
Ксэрлыггунъ ицона ре
Егъ-тамунцо хомджи ре²⁾.

Утопленная Ксэрлыггунъ въ озерѣ нашла дворецъ Улыгсыгла-рэнчина и стала жить въ довольствѣ. Когда пѣнне сестры доходило до ея ушей, она выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса и приговаривала: «Все здѣсь въ полѣ сѣдай! Во дворецъ ничего не уноси!» Однажды Нгулыггунъ положила кусокъ за пазуху и забыла. Когда стала во дворцѣ раздѣваться, кусокъ упалъ на полъ; Нгулыггунъ не замѣтила этого. Ёгъ-тамунцо нашла кусокъ и спрашиваетъ Нгулыггунъ: «Откуда взяла кусокъ?» Нгулыггунъ сказала, что ей дали товарищи пастухи. Царица опросила всѣхъ пастуховъ; тѣ говорятъ, что никто не давалъ. Снова царица спрашиваетъ Нгулыггунъ, откуда у нея взялся кусокъ и та призналась, что она ходитъ каждый день на берегъ озера, поетъ:

Нгулыггунъ рарца ре
Ксэрлыггунъ ицона ре
Егъ-тамунцо хомджи ре.

Сестра выходитъ изъ воды и даетъ ей куски хлѣба и мяса.

¹⁾ Точки означаютъ мѣста, которыя мой переводчикъ, лама Сэрэнъ, оставилъ безъ перевода.

²⁾ Смыслъ стиховъ кажется такой: Нгулыггунъ пастушкой стала, Ксэрлыггунъ въ озерѣ находится, Егъ-тамунцо царицей стала.

Егъ-тамунцо на слѣдующій день оставила Нгулыггунъ сидѣть дома, а сама пошла пасти овецъ съ товаркой, взяла сошникъ (тонгучигъ), развела огонь на аргалъ и накалила сошникъ, потомъ подошла къ берегу и говоритъ:

Нгулыггунъ рареза ре
Бсэрлыггунъ ивола ре
Егъ-тамунцо хонджи ва.

Бсэрлыггунъ вышла изъ воды съ мясомъ и хлѣбомъ. Егъ-тамунцо разсѣла ей голову накаленнымъ сошникомъ: Бсэрлыггунъ ушла въ воду; вся вода въ озерѣ покраснѣла отъ крови. На другой день Нгулыггунъ приходитъ къ озеру, зоветъ сестру; сестра не показывается, семь дней напрасно звала ее Нгулыггунъ, наконецъ она вышла изъ воды съ завязанной головой и говоритъ: «Сядь на меня, я унесу тебя къ себѣ!» Нгулыггунъ не рѣшается идти въ воду. Тогда Бсэрлыггунъ сказала ей: «Я боюсь къ тебѣ выходить! ты хочешь убить меня. Если ты не хочешь идти въ воду, то тебѣ больше меня не видать».

Нгулыггунъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Егъ-тамунцо велѣла подбросить его подъ овецъ; всѣ овцы разбѣжались испугавшись ребенка; тогда Егъ-тамунцо велѣла подбросить ребенка подъ лошадей, и лошади разбѣжались; подбросили ребенка подъ коровъ и коровы разбѣжались. Егъ-тамунцо приказала въ овечьемъ дворѣ вырыть яму и завалить ребенка живого аргаломъ, а Нгулыггунъ, вмѣсто ребенка, подбросить щенка и сказала царю: «Нгулыггунъ родила щенка!» На могилѣ законнаго ребенка выросъ цвѣтокъ (метикъ бана). Овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! Ты не ходи въ степь; я буду пасти овецъ вмѣсто тебя». Нгулыггунъ перестала ходить въ степь; овцы ходятъ за пѣгимъ ягненкомъ, сами пасутся и сами возвращаются домой. Ягненокъ опять говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! скажи про меня Егъ-тамунцо, что этого ягненка нужно зарѣзать. Онъ все уводитъ стадо то въ гору, то въ воду. Когда мясо мое съѣдятъ, всѣ кости цѣлыя и поломанныя собери и положи въ пещерѣ». Нгулыггунъ сказала Егъ-тамунцо: «Этого пѣгаго ягненка нужно зарѣзать! Онъ уводитъ овецъ то въ гору, то въ воду?» «Ты лжешь! вѣрно ты мяса поѣсть захотѣла!» сказала Егъ-тамунцо и пошла сама пасти овецъ. Ягненокъ увелъ стадо сначала въ горы, а потомъ завелъ ихъ въ воду. Замучилась Егъ-тамунцо, возвращая стадо и говоритъ Нгулыггунъ: «Правду ты говорила! надо этого ягненка зарѣзать». Зарѣзали ягненка; Нгулыггунъ собрала всѣ его кости цѣлыя и поломанныя и положила въ пещерѣ. Черезъ семь дней въ пещерѣ появился маленькій лама. Нгулыггунъ стала ловить мальчика, поймала, но онъ развалился; опять стали однѣ кости. Черезъ семь дней опять въ пещерѣ появился лама уже постарше. Нгулыггунъ вновь стала ловить его и онъ опять развалился на кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился молодой взрослый лама. Стала ловить Нгулыггунъ и поймала. Лама говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! иди къ царю и скажи, что въ пещерѣ родился лама!» Царь пошелъ въ пещеру и взялъ съ собой царицу Егъ-тамунцо. Царица съѣла подлѣ лама, а Нгулыггунъ при входѣ въ пещеру у порога. Лама сказалъ ей: «Мать! сядь подлѣ меня!» Нгулыггунъ встала

и пошла впередъ, но царица закричала: «Не пускай ее садиться близко! Вшей напустить!» Лама сказалъ Нгулыггунъ: «Мать! плюнь на мою руку!» Нгулыггунъ плюнула. Лама съѣлъ слюну, остатки ея вытеръ о темя, щеки и бороду, и сказалъ: «Слюна эта вкусна, какъ молоко моей матери!» «Попробуй-ка моей слюны», говоритъ ламѣ Ёгъ-тамунцо, «моя будетъ вкуснѣе, чѣмъ слюна служанки». «Нѣтъ», говоритъ Ёгъ-тамунцо, «твоей не хочу».

Потомъ лама бросилъ тарелку вверхъ и спросилъ ее: «Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксэрлыггунъ въ озеро?» Ёгъ-тамунцо, отвѣчала тарелка. «Когда Ксэрлыггунъ вышла къ сестрѣ съ хлѣбомъ и мясомъ, кто тебѣ разрубилъ голову?» Ёгъ-тамунцо. «Когда у Нгулыггунъ родился полузолотой, полусеребряный сынъ, не велѣла-ли его Ёгъ-тамунцо закопать въ землю и завалить аргаломъ?» Велѣла. «Когда на этой могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?» Съѣла. «Не родила ли овца пѣгаго ягненка?» Родила. «Не приказала ли Ёгъ-тамунцо зарѣзать этого ягненка?» Приказала. «Не собрала ли Нгулыггунъ кости этого ягненка?» Собрала. «Не положила ли ихъ въ пещеру?» Положила. «Не родился ли изъ этихъ костей лама, который сидитъ рядомъ съ царицей?» Народился.

Царь понялъ, что лама его сынъ, погубленный царицей. Онъ велѣлъ привязать еѣ къ семи лошадямъ и размыкать.

Ами-салунъ.

Это тангутскій вариантъ сказки объ Ердені-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго и помѣщенной имъ при переводѣ лѣтописи Сананъ-сэчэна (*Gesch. d. Ost-Mong.*, S. 425—488; *Оч.*, IV, 886). Въ монгольскомъ вариантѣ царевна и двѣ служанки; сходство кончается послѣ выхода царевны замужъ за встрѣченнаго принца. Монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что Ердені-Хараликъ былъ воплощеніе бога Арья-бало; поэтому и тангутскій вариантъ представляется возможнымъ принять за рассказъ о явленіи на землѣ бога Арья-бало. Лама, чудесно явившійся въ пещерѣ, и есть богъ Арья-бало. Китайцы отождествляютъ съ монгольскимъ Арья-бало свое божество Гуань-инь-пусу, которому они присвоиваютъ женскій полъ. Женскія фигуры Гуань-инь-пусу монголы отождествляютъ не съ Арья-бало, а съ богиней Цаганъ-дарихе, о которой въ *Оч.*, IV, 319 помѣщена легенда, представляющая ее оговоренной женой.

А. Н. Веселовскій (*Южно-русс. былины*, 388) занимался темой объ оговоренной сестрѣ или женѣ, встрѣчающейся въ былинахъ, пѣсняхъ и сказкахъ (оговорщиномъ между прочимъ является Алѣша поповичъ, поповичъ Раковичъ); сказку объ оговоренной женѣ, которая продается купцамъ и на чужбинѣ дѣлается царемъ, онъ сближаетъ съ сказкой о Данилѣ безчастномъ и Лебеди-птицѣ, красной дѣвицѣ. Сказка кончается тѣмъ, что Лебедь строитъ пышный дворецъ для приема царя гостя, угощаетъ его, но утромъ царь пробуждается и видитъ себя среди болота въ пустынѣ. Въ Шиддикурѣ (*Этн. Сб.*, VI, гл. XI, стр. 55) эта жѣ тема развита нѣсколько иначе и стоитъ въ связи съ статуей бога Арья-бало. Монголы имѣютъ сказку о женѣ, выручающей мужа своими искусными работами въ родѣ жены Данилы безчастнаго; монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что жена эта не кто иной, какъ Цаганъ-ханъ, персонажъ, въ умахъ монголовъ сливающійся съ Цаганъ-дарихе (*Оч.*, II, 174).

Бросаніе ведеръ въ воду, чтобы узнать, кому быть старшимъ, ср. съ темой пинанія кочекъ съ рѣчного берега въ сказаніи о Темучинѣ (см. *Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн.*, т. I, в. 1, стр. 145). Въ этомъ послѣднемъ сказаніи пинаніе кочекъ имѣетъ видъ клятвы, въ тангутской бросаніе ведеръ имѣетъ видъ гаданія; главенство выпадаетъ Тамунцо. Лама въ тангутской сказкѣ даетъ себя поймать въ пещерѣ только послѣ 3-го раза; Темучинъ, спрятавшійся въ тѣснину

или въ лёсъ отъ преслѣдователей, выходятъ только послѣ 3-й попытки выйти изъ нея (Алт. Тобчи, стр. 10; Юань-чао-ми-ши, 41). Тамунцо бросаетъ дѣвushку въ воду; её, выходящую изъ воды, посящаетъ сестра; въ сказкѣ о Ерьсару на берегъ озера, въ которое брошенъ ребенокъ, ходитъ мать его. Есть сказанія о Шингисѣ (т. е. Темучинѣ), брошенномъ въ воду (Radloff, Proben, III, 82); въ книжномъ сказаніи Темучинъ самъ прычетъ въ воду; его находятъ тамъ Сурганъ (Алт. Тобчи, стр. 127; Сананъ-Сэцэнъ, стр. 67).

Тамунцо велитъ ребенка преслѣдуемой царевны подбросить подъ овецъ, подъ лошадей, подъ коровъ, но животныя разбѣгаются, оставляя ребенка невредимымъ; ср. подобный рассказъ съ корейскимъ рассказомъ о Чжуминѣ (О. Іакинѣ, Собраніе свѣд. о народахъ Средн. Азіи, ч. II, стр. 55) и съ бурятской легендой о ежѣ Заря-азарга (Агапитовъ и Хангаловъ: «Матеріалы о шаманствѣ», стр. 21, 22).

Егъ-тамунцо и сказка о Хангаваѣ или Хангамаѣ (Оч., IV, 583): 1) въ обѣихъ сказкахъ есть брошенные въ воду; 2) въ Хангаваѣ сестра собираетъ кости убитаго брата и онъ воскресаетъ; въ тангутской сказкѣ мать собираетъ кости ягненка, въ которомъ воплощалась душа ея сына, и онъ воскресаетъ; 3) въ тангутской сказкѣ мать два раза ловитъ ребенка неудачно и только въ третій изловляетъ; этого въ Хангаваѣ нѣтъ, но есть въ урянхайской о Ерьсару (Оч., IV, 341), которая имѣетъ нѣкоторыя сходныя черты съ Хангаваемъ; врагъ Хангавага называется Ирсьсару.

Появленіе ламы въ пещерѣ (первое проявленіе божества на землѣ?) ср. съ Хотанской легендой о раганѣ, явившемся близъ города Хотана. Вотъ этотъ рассказъ по Абель Ремюза (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 23): Прежде король Ютяна (т. е. Хотана) не былъ приверженцемъ Будды. Купецъ привелъ нищаго по имени Би-лу-женя (Pi-lou-tchen; по догадкѣ ориенталистовъ, Вайрочана или Бирюцана) или, какъ исторія его называетъ, Lou-tchen. Онъ остановился къ ю. отъ города подъ миндальнымъ деревомъ, а купецъ пошелъ искать короля. Король не безъ гнѣва узналъ объ этомъ, но все таки пожелалъ самъ увидѣть Вилуженя. Послѣдній, увидѣвъ его, сказалъ: «Юлай (т. е. Татагата) повелѣлъ мнѣ идти къ тебѣ и возвѣстить его волю; ты долженъ построить зданіе въ честь Fou-реп Fou-thou. Если ты это сдѣлаешь, насладишься вѣчнымъ блаженствомъ». Король пожелалъ увидѣть Будду, Би-лу-женъ позвонилъ, чтобы навѣстить бога. Будда послалъ своего сына Lo-heou-lo и тотъ явился въ воздухѣ. Король простерся и въ память того построилъ храмъ, гдѣ былъ изображенъ Ло-хеу-ло. Въ зданіи есть сандаля Pi tchi fo, не замѣнявшаяся доселѣ. Она не изъ кожи и не изъ шелку; неизвѣстно, изъ чего.

Другой вариантъ (ibid., p. 41): Къ ю. отъ города (Хотана) находится цаяланъ, который построенъ королемъ въ честь архана (агахан) Pi lou tchena. Прежде буддизма здѣсь не было. Арханъ пришелъ изъ Кашмира, поселился въ лёсу и пребывалъ тамъ сидя. Нѣкто, пораженный его видомъ и платьемъ, доложилъ царю и тотъ пошелъ увидѣть его. По совѣту архана король построилъ цаяланъ и сказалъ: «Вотъ монастырь готовъ, а гдѣ же Будда?» «Будда близко», отвѣчалъ арханъ. И король увидѣлъ Будду въ воздухѣ; онъ спустился и вручилъ королю молотъ, какъ знакъ власти (le marteau, destiné à servir de signal).

Третій (ib., p. 50): Къ в. отъ города (Хотана) лежитъ монастырь So ma jo. Тутъ виденъ источникъ, который струится на высотѣ болѣе 100 чл. Есть много драгоцѣнныхъ каменныхъ дщицъ и реликвій, бросающихъ божественный свѣтъ. Нѣкогда раганъ пришелъ изъ отдаленныхъ странъ и поселился въ лёсу, который прежде тутъ былъ. Его божественныя качества свидѣтельствовались свѣтомъ, который онъ распространялъ. Король увидѣлъ изъ своего павильона этотъ свѣтъ и отправился посмотреть его. Раганъ посоветовалъ построить монастырь; сюда перенесли шели (кости Будды). Ихъ нужно было помѣстить подъ источникомъ. Когда ихъ доставили въ драгоцѣнныхъ вазахъ, раганъ принялъ источникъ въ горсть своей правой руки и задержалъ струю; вырыли яму, уложили шели и раганъ отпустилъ струю; ни одна капля не пролилась.

Можетъ быть о томъ же раганѣ рассказываетъ и другая хотанская легенда (ib., p. 61): Жители города Ho lao lo kia были богаты, преданы удовольствіямъ и дурнымъ наклонностямъ и не думали почитать бога, находившагося среди нихъ. Пришелъ одинъ раганъ и поклонился статуѣ. Жители, удивленные странностью и костюмомъ пришельца, побѣждали сказать о томъ королю, который велѣлъ закопать рагана въ песокъ. Покрыли тѣло рагана пескомъ до высоты рта и не давали ему ни пить, ни ѣсть. Нашелся человекъ, который всегда оказывалъ глубокое уваженіе статуѣ; увидя рагана въ его положеніи, онъ тайно принесъ ему пищу. Раганъ, прежде чѣмъ уйти, сказалъ ему: «Семь дней будетъ падать дождь изъ камней и песку, который покроетъ го-

причинѣ его удивленія Алтанъ-ханъ разсказалъ, что въ прежнее время онъ былъ боленъ болѣзною ногъ, которая называется толай; какъ средство унять боль, ему рекомендовали класть ноги въ разрыванный животъ свѣжеубитой лошади. Когда ханъ сдѣлалъ этотъ опытъ, боль утихла, онъ невольно взглянулъ вверхъ и увидѣлъ на небѣ бѣлаго человѣка, который ему сказалъ: «ханъ какъ ты сильно грѣшишь!» и исчезъ. Теперь ханъ убѣдился, что этотъ бѣлый человѣкъ былъ не кто иной, какъ хутухта Соднамъ Джемпо (*Gesch. d. Ost. Mong.*, 229).

Шаманъ Бутъ-тэнгри или Тѣбъ-тэнгери и у Рашидъ-аддина и въ Юань-чао-ми-ши принадлежить къ поколѣнію Ханъ-хотанъ; Рашидъ-аддинъ (I, 158) объясняетъ это имя преданіемъ, что предокъ этого поколѣнія былъ большеносый. Но это объясненіе не совпадаетъ съ лексическими данными; г. Березинъ поэтому догадывался, что такое объясненіе намекало на монгольское слово хоттунъ, «пеликанъ» (*Труды Вост. Отд. И. Арх. Общ.*, ч. V. стр. 284). У Абульгази (*Histoire des Mogols et des tatares par Aboul-ghazi, trad. Desmaisons, Spb., 1874, p. 54*) вмѣсто Рашидъ-аддиновскихъ хонъ-хотановъ стоитъ Qong qomâg; Абульгази даетъ слѣдующую этимологію: qong значитъ «большой»; теперь большая ворона назыв. qong-qarqa. Qomâg значитъ «носъ». Предокъ Конгюмаровъ имѣлъ большой носъ и ему дали прозвище Конгъ-комаръ—«Вольшой» на языкѣ калмыцкихъ тюрковъ—чонъ; «носъ» по монгольски хамаръ, на языкѣ широнголовъ кабаръ (въ Саньчуани) или хаваръ (въ округѣ города У-инъ-бу).

Хотанскій раганъ, засыпанный пескомъ, можетъ быть есть вѣстникъ объ угрожающемъ истребленіи, пришедшій спасти одного благочестиваго. Это можетъ быть самъ тотъ богъ, статуи котораго стояла въ городѣ и пользовалась уваженіемъ только одного спасеннаго раганомъ. Въ южной Сибири гибель аринскаго племени предупреждается змѣей (Миллеръ, *Сибир. Ист.*, стр. 40). Змѣя учитъ аринца, которому она благоволяетъ, обложить свой домъ золой; это и спасаетъ его отъ наболенія. Въ сказаніи о Рахъ у Садовникова (*Сам. ск. и пред.*, № 99, вар. б) сатана сообщаетъ Раху, что черти боятся богородской травы. Рахъ обкладываетъ свой домъ богородской травой и избѣгаетъ погибели. Ср. Гулагу, чтобы спасти аргуновъ отъ гибели при взятіи Багдада, научаетъ ихъ выставить у своихъ домовъ знаки (*Marco Polo, by colonel Youl, vol. I, p. 280*). О китайскомъ праздникѣ у-й-танъ-ву см. ч. I, стр. 9; *Annales du Musée Guimet, Paris, T. XII, p. 388*. О празднованіи юрьсъ-сара (въ концѣ мая или началѣ іюня) у волжскихъ калмыковъ см. у Нефедьева, *Подробн. свѣд. о волжск. калм.*, Спб., 1834 стр. 164; хурулы и кибитки украшаются зеленью изъ травы и древесныхъ вѣтвей. У Кеппена: *ürüs saaga* (Koeppen, *Die Religion des Buddha. Berlin, 1857, Band I, S. 577*); у Банзарова: урусъ-сара (Черная вѣра, Спб. 1891, 38).

Въ сказкѣ объ Эрдені-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ и упомянутой выше, отецъ несчастной царевны называется Тегусъ Твокти; у Сананъ-Сэцэна (*Gesch. d. Ost. Mong.*, S. 15) упоминается царь Твоктсазун-Дашірукен, у котораго сынъ Ердені-сага. Въ Ордосѣ одинъ монголъ именемъ Тогусъ-цокту называлъ мнѣ того вора, который укралъ у Чингисъ-хана золотой приволокъ (см. ч. I, стр. 123, и ниже, № 56); имя Тогусъ-цокту встрѣчается и въ гимнѣ въ честь Чингиса, который я слышалъ въ Ордосѣ и который вѣроятно шаманскаго происхожденія. Въ монгольскомъ вариантѣ Гесера (*Die Thaten, 3—6*) Тегүс Твокти младшій сынъ Хормусты, братъ средняго, спустившагося на землю подъ именемъ Гесера. Дорджи Банзаровъ (Черная вѣра, Спб. 1891, стр. 21), указываетъ на существованіе книги, въ которой описывается жертвоприношеніе въ честь горы: Тегусъ-цокту Монахана (т. е. Муни-улы, въ сѣверу отъ Ордоса).

24. БОЛЬНАЯ ДОЧЬ.

(Монгольскій).

Два бѣдныхъ человѣка шли съ котомками на плечахъ собирать милостыню. Они остановились въ одномъ пустомъ сумѣ (храмѣ) ночевать. Къ этому сумѣ собрались тигръ, лисица, волкъ и ворона (хире). Тигръ спрашиваетъ лисицу: «Ты куда завтра побѣжишь?» Лисица говорить: «У одного бѣднаго человѣка заболѣла дочь.

шею узелокъ съ зерномъ и отпустила. Черезъ три года гусь вернулся и закричалъ: куаръ! куаръ! Сноха открыла узелокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Въ немъ одна зола.

Лама-гебзуй изъ монастыря Лачжа-суме
въ Сань-чуани; родомъ Барга-солонъ ¹⁾.

26. КОЗЕЛЬ (УХАНА).

(Монгольскій).

Нѣкогда былъ богатый человѣкъ. Повалился къ нему тигръ; верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, всѣхъ ѣсть. Хозяинъ отправилъ на дорогу, по которой приходилъ тигръ, одного верблюда самца, одного жеребца, одного пороза, одного барана и заказалъ имъ, какъ говорить съ тигромъ. Верблюду сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я ханъ верблюжій!» Жеребцу сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я лошадиный ханъ!» Коровѣ сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я коровій ханъ!» И барану сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я овечій ханъ!» Потомъ богатый человѣкъ спрашиваетъ возла: «Ты гдѣ станешь?» Козель говоритъ: «Я самъ найду мѣсто статы! Ты не безпокойся!»

Тигръ подошелъ къ верблюду и спрашиваетъ: «Ты кто?» Тотъ (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я верблюжій верблюженокъ!» Тигръ съѣлъ его. Подошелъ къ лошади и спрашиваетъ ее: «Ты кто?» Лошадь (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я лошадиный жеребеночекъ!» Тигръ съѣлъ ее. Подошелъ къ порозу и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Порозъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я коровій теленокъ». Съѣвши его, тигръ подошелъ къ барану и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Баранъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я овечій агненокъ!» Тигръ съѣлъ его.

Затѣмъ тигръ пришелъ къ возлу. спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Козель не испугался и отвѣчаетъ: «Я небесное ружье, земная пушка!» Тигръ опять спрашиваетъ: «У тебя что на головѣ торчитъ?» Козель говоритъ: «Это у меня два ножа, которыми я убиваю тигровъ!» Тигръ опять спрашиваетъ: «А это что у тебя за мѣшокъ, болтающійся подъ брюхомъ?» Козель говоритъ: «А это мѣшокъ съ солью, которою я солю тигрово мясо, когда ѣмъ его!» Услышавъ эти слова, тигръ испугался. Поднявшись, тигръ пустился бѣжать. Козель за нимъ сзади погнался. Тигръ забѣжалъ на ледъ; козель на льду поскользнулся и упалъ. Его тазовая кость изломалась; подняться не можетъ. Посыпались изъ него хорголы ²⁾. Козель говоритъ: «Эхъ, мои четки рассыпались! Если бъ не это (несчастье), поймалъ бы я тигра и съѣлъ его!» Тигръ убѣжалъ, а козель сталъ жить счастливо.

Пунсувъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

¹⁾ Изъ окрестностей г. Хайлара въ сѣверной Монголи.

²⁾ Хорголь—овечій и козій помегъ.

II.

ЛЕГЕНДЫ.

это была выдумка, то вторые, зная, что ихъ предшественники казнены, не стали бы повторять ихъ слова». Онъ позвалъ Оки-гари-тамбу и объявилъ ему, что отдаетъ за тибетскаго царя свою дочь. Собирая её замужъ, царь спросилъ, что она желаетъ получить въ приданое. Дочери не хотѣлось ѣхать въ тибетскую землю. Она отвѣчала отцу: «Ни золота, ни серебра, ни драгоценностей я не желаю; дай мнѣ только солнце, луну и звѣзды съ неба и весь шелкъ, который хранится въ твоей казнѣ». Царь призвалъ Оки-гари-тамбу и говоритъ: «Моя дочь проситъ въ приданое невозможнаго; она проситъ солнце, луну и звѣзды съ неба и весь шелкъ, какой есть въ моей казнѣ. Шелкъ я могу отдать; это въ моей власти; но какъ я могу достать солнце, луну и звѣзды съ неба? А дочь моя безъ этого подарка не ѣдетъ изъ моего царства». Оки-гари-тамба говоритъ царю: «Я придумалъ средство, какъ это устроить. Сдѣлай золотое солнце, похожее на настоящее солнце; сдѣлай серебряный мѣсяцъ, похожій на настоящій мѣсяцъ и уложи ихъ въ красные ящики; сожги шелкъ и золу тоже ссыпь въ красный ящикъ и все это отдай дочери и скажи, что тутъ по приѣздѣ въ землю тибетскаго царя она все найдетъ: и солнце и луну и шелкъ». Такъ царь и сдѣлалъ. Оки-гари-тамба получилъ царскую дочь и повезъ её въ Тибетъ. Къ сѣверу отъ Шира-хото (мѣстность не далеко отъ Синина и Донкыра) есть мѣстность Рдо-нирда; тутъ есть перевалъ. Когда поднялись на перевалъ, царевна объявила, что она не хочетъ ѣхать далѣе и намѣрена вернуться домой къ родителямъ. Тогда Оки-гари-тамба сказалъ ей: «Что скучаешь о родителяхъ? Знаешь ли ты, какъ они мало о тебѣ думаютъ и заботятся? Посмотри въ своихъ ящикахъ, съ какими фальшивыми подарками они тебя отпустили!» Она раскрыла ящики и увидѣла поддѣльные свѣтила и золу вмѣсто шелку. «Дурно же они обо мнѣ думали!» сказала царевна и согласилась ѣхать далѣе. Дорогой Оки-гари-тамбѣ пришла мысль не отдавать царевну тибетскому царю, а взять её замужъ за своего сына. Онъ придумалъ хитрость; онъ увѣрилъ царевну, что при дворѣ тибетскаго царя сильно воняетъ и совѣтовалъ ей въ присутствіи тибетскаго царя прикрывать носъ. А прибывъ въ Лассу, сказалъ царю, что привезъ царевну, но что она съ порокомъ, что у нея нѣтъ носа, отчего она постоянно прикрывается рукавомъ. Когда царевну ввели къ царю, она прикрыла носъ, и царь повѣрилъ словамъ Оки-гари-тамбы. Но потомъ царь узналъ, что онъ обманутъ и велѣлъ вырвать глаза у Оки-гари-тамбы.

Когда путники прибыли въ мѣстность Ксармыгъ-танъ, недалеко отъ Лассы, Джу-рембучи ¹⁾ вышла встрѣтить богиня Амыръ-тамыръ (которую изображаютъ съ чашей львинаго молока); Джаву-рембучи (такъ тангуты называютъ Далай-ламу) вышелъ на встрѣчу босой и устлалъ путь Джу-рембучи травой кушъ; богъ Шикпа-дорджи вышелъ также босой и вынесъ чжачу (жидкость для умыванія тѣла).

Послѣ того джаву ²⁾ Сунсаръ-гамбу задумалъ строить Лассу; тутъ прежде было озеро; на немъ хотѣли утвердить постройку; на поверхность воды клали камни, на

¹⁾ Рембучи — драгоценность, сокровище.

²⁾ Джаву — царь.

плясать передъ царемъ и вдругъ вынулъ изъ рукава лукъ, пустилъ въ царя стрѣлу и убилъ его, а самъ бѣжалъ изъ дворца. За нимъ въ погоню бросились два царскіе лумбу. Салунъ-хоръ-дорджи бѣжалъ въ нынѣшнюю саларскую землю; здѣсь, между деревнями Цзонтонъ (Дондонъ) и Та-са-пу, на берегу Желтой рѣки, есть слѣдъ, гдѣ сидѣлъ Салунъ-хоръ-дорджи¹⁾. Здѣсь его догнали тибетскіе лумбу, но онъ бѣжалъ на озеро Шинъ-ся-норъ²⁾. Около этого озера есть пещера. Гешю спрятался въ ней. Когда лумбу подошли къ пещерѣ, они увидѣли, что входъ въ неё затканъ паутиной паука. Они сказали: «Очевидно его нѣтъ въ этой пещерѣ; если бы онъ вошелъ въ неё, то паутина не была бы цѣлою». И они отправились искать его въ другомъ мѣстѣ. А Салунъ-хоръ-дорджи обратился въ бурхана, который и теперь находится въ пещерѣ.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ мѣстности Дуй.

6. НОГОНЪ-ДАРИХЭ.

(Монгольскій).

Тибетскій царь Юнло-донжу узналъ, что у китайскаго хана есть красивая дочь Ногонъ-дарихэ и послалъ своего вельможу (лумбу) Гвардамбу привезти ее. Лумбу Гвардамба отправился въ китайскую землю; приѣзжаетъ въ столицу китайскаго хана и проситъ его отдать дочь за тибетскаго царя. Ханъ согласился, вывелъ передъ Гвардамбой Ногонъ-дарихэ вмѣстѣ съ 20 ея подругами (смджи), всего 21 дѣвицу и предложилъ ему узнать, которая изъ этихъ дѣвицъ царевна. «Если узнаешь», говоритъ ханъ, «отдамъ тебѣ свою дочь, а не узнаешь, не отдамъ». Гвардамба не можетъ узнать. У Ногонъ-дарихэ была служанка (болъ вухунъ); она была жадная до серебра. Лумбу Гвардамба сталъ просить ее рассказать, какъ узнать Ногонъ-дарихэ, обѣщая за это наградить ее серебромъ. Служанка говоритъ ему, что она сказала бы, но боится, потому что у китайскаго хана есть такіе ворожеи (джурхайчи), что сейчасъ откроютъ, кто указалъ Ногонъ-дарихэ. Лумбу Гвардамба сказалъ ей, что бояться нечего, что онъ придумалъ хитрость, посредствомъ которой можно обмануть джурхайчѣвъ. Онъ посоветовалъ ей спуститься въ яму, въ которой обыкновенно хранятъ зимой овощи, на голову надѣть желѣзный шлемъ (толга), на ноги желѣзные сошники, въ ротъ взять мѣдную бурю (трубу), на плеча навинуть шкуру птицы съ врыльями и въ этомъ видѣ черезъ трубу выдать тайну о царевнѣ. Служанка все такъ и сдѣлала, и черезъ трубу рассказала лумбу Гвардамбѣ, въ какомъ платьѣ Ногонъ-дарихэ, какое у ней лицо, волосы,

¹⁾ Другое преданіе этотъ же слѣдъ приписываетъ богатырю Кусэрю; см. ниже № 72, а также I часть этого изданія, стр. 176.

²⁾ Озеро лежитъ къ югу отъ Дондонской тѣсины на Желтой рѣкѣ; см. I часть, стр. 177.

глаза и пр. Тогда лумбу Гвардамба указалъ хану, которую изъ 21 дѣвиць онъ желаетъ взять. Ханъ осердился и велѣлъ созвать всѣхъ джурхайчи, чтобъ они посмотрѣли въ свои книги. Тѣ посмотрѣли и говорятъ: «Сказалъ о Ногонъ-дарихѣ человекъ, имѣющій желѣзную голову, птичье туловище, желѣзные башмаки и мѣдный клювъ и живущій въ ямѣ» (тумуръ тулогойтѣй джесъ хоншуутѣй шибо битей тумуръ шяхатай). «Гдѣ же бываютъ люди такого вида?» сказалъ ханъ. «Все лгутъ ваши книги! Сожгите ихъ въ огнѣ!» Книги бросили въ огонь и сожгли. Ханъ отдалъ Ногонъ-дарихѣ лумбу Гвардамбѣ и тотъ повезъ ее къ тибетскому царю (тубутень-ханъ). Дорогой лумбу Гвардамба говоритъ китайской принцессѣ: «Тибетскій царь, его вельможи и народъ ѣдятъ много мяса и сала и потому всѣ воюючи; когда войдешь къ царю, закрывай носъ!» А приѣхавъ въ столицу тибетскаго царя, сказалъ ему, что царевну привезъ, но она съ изъязомъ; китайскій ханъ и его народъ ѣдятъ много овощей и овощной червь (ногонъ хоргай) отѣлъ у царевны носъ. Гвардамба думалъ, что царь откажется взять безносую царевну; онъ захотѣлъ взять царевну замужъ за своего сына. Привели Ногонъ-дарихѣ къ царю; та закрываетъ носъ рукавомъ. Царь, оставшись наединѣ съ царевной, спрашиваетъ ее, отчего у ней нѣтъ носа. Царевна говоритъ, что у нея есть носъ. Царь попросилъ показать и она отняла рукавъ отъ лица. Тогда царь увидѣлъ передъ собой удивительную красавицу. Онъ осердился на лумбу Гвардамбу за то, что тотъ хотѣлъ обмануть его, велѣлъ натереть ему глаза солью и сослать въ ссылку съ отцомъ, матерью и всей семьей въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Хуху-норъ.

Женившись на Ногонъ-дарихѣ, тибетскій царь задумалъ построить Менгу-джу въ странѣ Уй-сынъ¹⁾; три года возводили зданіе, но оно упало; не могли придумать средства, какъ укрѣпить стѣны. Тогда умные ламы (ихи эрдемтай лама) подумали: «Въ странѣ Амдо вѣроятно найдется художникъ (мергенъ), который съумѣетъ построить Менгу-джу». Они пошли въ Амдо молиться амдосскимъ богамъ; но сколько ни молились, не могли ничего узнать. Тогда они вспомнили, что въ Амдо былъ сосланъ хитрый лумбу Гвардамба. Они пошли къ нему; онъ жилъ въ одиночествѣ и бѣдности. Вошли ламы въ палатку лумбу Гвардамбы и обмѣнялись трубками. Лумбу Гвардамба спрашиваетъ ихъ: «Куда ходили?» «Ходили въ Амдо молиться богамъ», отвѣчаютъ ламы. «Что, не слыхали ли, построили или нѣтъ Менгу-джу?» опять спрашиваетъ лумбу Гвардамба. «Нѣтъ», отвѣчаютъ ламы. «Три года строили стѣны и онѣ упали». «Да и не построить», говоритъ Гвардамба, «потому что на этомъ мѣстѣ находится пупъ моря» (далаинъ вуйсынъ). «А есть ли какое-нибудь средство построить Менгу-джу?» спрашиваютъ ламы. «Есть. Нужно возить камень, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ и покропить молокомъ бѣлой возы». Ламы пошли прочь. Дорогой они увидѣли брошенную худую бычью подпругу (олынъ); они были бѣдные люди, подобрали подпругу и сдѣлали изъ нея перевязь черезъ плечо, чтобы легче нести свой запасъ. Когда они ушли, лумбу Гвардамба спохва-

¹⁾ Монголы именуютъ Менгу-джу, «вѣчнымъ джу» зовутъ Лассу или Поталу; Уй-сынъ, правильнѣе Уй-цзанъ, та тибетская провинція, къ которой находится Ласса.

тился, что онъ выдалъ тайну, которую не слѣдовало бы выдавать. Онъ говоритъ своему сыну, который пасъ отцовскій скотъ: «Бѣги скорѣе и догони ламъ, которые были у меня въ гостяхъ. Они вынули изъ меня мой умъ и унесли его. Убей ихъ и возврати мой умъ (олу)!» Юноша догналъ ламъ и говоритъ: «Вы украли нашу подпругу» (олынъ). Ламы говорятъ ему: «Мы не украли; а увидѣвъ её на степи, подумали, что она брошена, какъ негодная, и подобрали. Возьми, если она тебѣ нужна». Сынъ лумбу Гвардамбы вернулся съ подпругой къ отцу. Тотъ спрашиваетъ: «Что, видѣлъ ламъ?» Видѣлъ. «Убилъ ихъ?» Нѣтъ. «Ахъ, зачѣмъ же ты не убилъ ихъ?» Молодой человѣкъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ ихъ убивать? Они бѣдные и несчастные люди, при томъ же подпругу отдали назадъ. Да и что стоитъ подпруга? простая веревка! серебра вѣдь на ней нѣтъ!» И самъ при этомъ подумалъ: «Что случилось съ моимъ отцомъ? онъ старъ, глазъ нѣтъ, а дума у него злая!» Лумбу Гвардамба говоритъ сыну: «Ты ничего не знаешь! Они вынули изъ меня мой умъ; теперь они построятъ Менгу-джу. Собирай скорѣе скотъ, коровъ, овецъ, лошадей и погонимъ отсюда прочь. Теперь здѣсь нельзя жить; здѣсь выступитъ вода». Они собрали скотъ и погнали; между тѣмъ начала выступать вода. На мѣстѣ, гдѣ жилъ лумбу Гвардамба, образовалось озеро; оно теперь называется Хуху-норъ. Тибетскому царю удалось наконецъ построить Менгу-джу, благодаря открытію средства. Покропили молокомъ бѣлой козы и начали возить камни, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ. Построивъ Менгу-джу, сказали орѣль бѣлой козѣ, молокомъ которой кропили, а сивому быку орѣль сказать забыли. Сивый быкъ (хуху-буха) осердился и упрекнулъ ламъ: «Я возилъ камни, возилъ глину, возилъ лѣсъ, шерсть съ меня свалилась, спина моя стерлась, а вы забыли меня. Смотрите же, я отомщу за себя; возрожусь сыномъ тибетскаго царя и перебью всѣхъ ламъ.» И дѣйствительно впоследствии душа быка возродилась въ царѣ Ландармѣ, который гналъ и убивалъ ламъ.

Санданъ-джимба, родомъ широнголь изъ Саны-чуани ¹⁾).

В. МЕНГУ-ДЖУ.

(Монгольскій).

Построили Менгу-джу, но она упала. До трехъ разъ её строили и она все падала. Наконецъ кто-то сказалъ, что только одинъ Ха-тамба-лама знаетъ, какъ построить Менгу-джу. Пошли два человѣка искать Ха-тамбу, пришли къ нему. Хатамба спрашиваетъ: «Куда идете?» «Идемъ домой; ходили на поклоненіе въ Менгу-джу». «Да развѣ построили Менгу-джу?» «Построили». «Э, врете. Менгу-

¹⁾ Старикъ 70 лѣтъ, неграмотный; вариантъ Санданъ-джимбы, судя потому, что каламбуръ составленъ изъ слова «подпруга», заимствованъ имъ у тангутовъ.

ванъ удивился уму ламбы Гвардамбы, но все таки не отдалъ ему своей дочери, а вывелъ передъ нимъ двадцать одну дѣвицу, похожихъ одна на другую и велѣлъ угадать, которая изъ нихъ Ногонъ-дарихе. Ламба Гвардамба не зналъ, какъ быть; не можетъ угадать. Служанка царевны говоритъ ему, что она указала бы признаки, по которымъ можно открыть царевну въ толпѣ ея подругъ, но боится; у царя такіе хитрые цзурхайчи, что отероютъ, кто выдалъ тайну. Ламба Гвардамба говоритъ, что онъ знаетъ хитрость, какъ обмануть цзурхайчьевъ. Онъ велѣлъ ей сѣсть въ корчагу (канъ) съ водой, врытую въ землю; у краевъ корчаги расположилъ три камня; въ ротъ ей далъ бишвуръ (мѣдную трубу), на ноги надѣлъ сошники, и женщина, черезъ мѣдную трубу, сказала ему: «Въ рукахъ Ногонъ-дарихе всегда есть цвѣтокъ, но онъ невидимъ для людей. Но надъ цвѣткомъ будетъ летать пчела». Тогда ламба Гвардамба пошелъ во дворецъ и показалъ на ту дѣвицу, надъ которой летала пчела. Царь догадался, что кто-то выдалъ тайну, созвалъ цзурхайчи и велѣлъ имъ отереть измѣнника. Цзурхайчи почитали въ своихъ книгахъ и объявили Танъ-вану, что тайну выдала тысячеглазая женщина ¹⁾, имѣющая жемчужныя ноги и мѣдный носъ и сидящая въ морѣ (далай), лежащемъ между трехъ скалъ. Танъ-ванъ сказалъ: «Такихъ людей нѣтъ!» И велѣлъ всѣ цзурхайчьевы книги сжечь. Послѣ этого онъ долженъ былъ отдать царевну ламбѣ Гвардамбѣ, который повезъ её въ Тибетъ. Дорогой онъ задумалъ не отдавать царевну тибетскому царю, а сдѣлать её женой своего сына. Онъ увѣрилъ царевну, что тибетскій царь вонючій, что ей не вытерпѣть его вони, если въ присутствіи его она не будетъ закрывать свой носъ, а царя увѣрилъ, что царевна безноса. Царь увидѣлъ, что царевна закрывается, повѣрилъ Гвардамбѣ и отказался отъ нея. Однажды царь, осматривая строящійся храмъ, увидѣлъ въ зеркало лицо царевны и убѣдился, что его обманули, будто у царевны нѣтъ носа. Онъ осердился на ламбу Гвардамбу и велѣлъ ослѣпить его, заставивъ смотрѣть на отраженіе солнца въ зеркалѣ и сослалъ его въ мѣстность, гдѣ нынѣ озеро Хуху-норъ. Прежде тамъ этого озера еще не было; былъ только колодезь. При ламбѣ Гвардамбѣ былъ одинъ шаби ²⁾, который ежедневно ходилъ въ колодезь за водой и по совѣту ламбы Гвардамбы, взявъ утромъ воды, каждый разъ прикрывалъ отверстіе камнемъ; въ противномъ случаѣ вода пошла бы черезъ край.

Тибетскій царь началъ строить Менгу-джу и не можетъ докончить постройку. Что ни построятъ, вновь падаетъ. Тутъ вспомнили о великомъ умѣ ламбы Гвардамбы и послали въ нему двухъ вельможъ, переодѣтыхъ нищими ламами, будто бы отправившимися на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Эти вельможи были родомъ изъ Амдо. Мнимые странники обошли всю страну, прошли черезъ Амдо, обошли и всѣ страны, лежащія за предѣлами Амдо, но не нашли ламбы Гвардамбы и грустные возвращались въ Тибетъ. На обратномъ пути они опять проходили черезъ Амдо. Однажды они утомились и, увидѣвъ въ долинѣ палатку, вошли въ неё; въ палаткѣ

¹⁾ Очевидно въ совѣтѣ Гвардамбы прокинуто рѣшето, которымъ женщина должна была прикрыть свое лицо.

²⁾ Шаби—ученикъ.

щиной и она одержала верхъ. Получивъ разрѣшеніе, она принялась строить субурганъ. Она купила слона и осла; на осла ѣздили, куда было нужно, на слонѣ возили камень и глину. Когда субурганъ былъ возведенъ, спустился богъ Осрунь-бурханъ, чтобы сдѣлать освященіе. Собрались камы, начали святить субурганъ; самъ Осрунь-бурханъ сказалъ благословеніе. При этомъ «тысяча бурхановъ», минганъ-бурханъ вошли въ субурганъ и вселились въ него. Три сына во время молитвы испросили каждый исполненіе своихъ желаній; одинъ пожелалъ быть царемъ, другой святымъ, третій обладателемъ людей. Первый потомъ родился царемъ Сронцванъ-Гамбо, второй далай-ламой, о третьемъ рассказчикъ забылъ. Слона и осла не упомянули въ благословеніи; слонъ пригрѣшилъ потомъ вредить вѣрѣ, а осла хотѣлъ помогать ему. И это исполнилось.

Легенда о Джуну распадается на двѣ части; одна—рассказъ о привозѣ Джуну въ Тибетъ; другая—рассказъ о построеніи Лассы (точнѣе о построеніи монастыря Лабрана¹⁾ въ Лассѣ) Каждая часть имѣетъ свои варианты, которые развиваются въ отдѣльныя сказки.

Сначала остановимся на первой части легенды.

Подъ именемъ джуну, дау или цау у сѣверныхъ буддистовъ извѣстна статуя Будды, сдѣланная изъ сандалнаго дерева во время жизни Будды на землѣ. Сѣверные буддисты насчитываютъ три такихъ дау; по крайней мѣрѣ столько джуну мы можемъ насчитать по книгѣ г. Позднѣва (Очерки быта будд. монаст., Спб., 1887, стр. 45); одна находится въ Пекинѣ, двѣ въ Тибетѣ, въ окрестностяхъ Лассы. О пекинской дау лѣтъ семь тому назадъ А. О. Ивановскій сообщилъ новыя свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ одной монгольской рукописи (Legende de la statue de Buddha, fait en bois de tchandana, extrait du Muséon, Louvain, 1883).

Китайская легенда о происхожденіи джуну рассказываетъ слѣдующее: Когда у Будды умерла мать и возродилась въ странѣ 33 тэгривъ, Будда послѣдовалъ за нею. Утиана, король Варанаси, скучая долгимъ отсутствіемъ Будды, просилъ Мутгальвани съ 32 художниками отправиться въ страну тэгривъ и изготовить статую Будды. Художники сдѣлали статую изъ гоширна, т. е. изъ вышшаго сорта сандалнаго дерева. Впослѣдствіи Будда, спустившись на землю своеручно благословилъ статую. Спустя много лѣтъ, статуя была перенесена изъ Индіи въ королевство Ли или Khio-ki (Tcheu-tchi) въ Тибетъ. Во время китайской династіи Цинъ, китайскій генералъ, завоевавшій нѣкоторыя мелкія королевства въ Индіи, овладѣлъ статуей Будды и отвезъ ее въ Сычуань, заставивъ за статуей слѣдовать пандита Ghoumaga-chngi. Въ Сычуани генералъ узналъ, что императоръ умеръ и въ государствѣ начались смуты. Тогда онъ, по совѣту пандита, перевезъ статую въ городъ Лянъ-чжоу (на р. Ша-хэ). Впослѣдствіи она была перенесена въ Чанъ-ань (Сиань-фу) и другіе города и наконецъ въ Пекинъ, гдѣ находится и понынѣ.

Рассказъ о тибетскихъ дау находимъ у Кеппена (Kerpen, Die Religion Buddha, II B., Berlin, 1859, S. 62—64). Тибетскій царь Сронцванъ высваталъ двухъ женъ, китайскую и непальскую царевенъ, «Зеленую и Бѣлую Дара-экэ». Послѣдняя согласилась поѣхать въ страну, не простиженную религіей, только подъ условіемъ, если ей позволятъ взять съ собою какой-нибудь чудотворный образъ Будды. Ей это было позволено и она взяла фигуры боговъ и книги. Когда она ѣхала черезъ горы, въ опасныхъ мѣстахъ боги сходили съ вьючныхъ животныхъ и шли пѣшкомъ. Китайская царевна также привезла фигуры боговъ и книги. Для сохраненія святыхъ двухъ царицъ были выстроены два первыхъ монастыря въ Лассѣ: Лабранъ и Рамоче. Тщетно демоны мѣшали постройкѣ, поднимали воду озера и смывали плоды дневныхъ трудовъ. Статуя Авалоккешвары, возникшая сама собою, испустила лучъ изъ сердца и указала тѣмъ мѣсто для монастыря, а лучъ изъ глаза одного изъ изображеній Будды сожегъ ядовитое дерево, въ которомъ жили демоны и прогналъ ихъ. Воды также должны были принять другое направленіе и образовади озеро Хухуноръ. Статуи, привезенныя царевнами, называются по тибетски tsch'o, по монгольски dsch'i. Монастырь Лабранъ китайцы называютъ Та schaо zu (Та-чжао-сы), «храмъ великаго джуну»; монголы называютъ его Джуну-Эрдэни (S. 334).

И китайская и тибетская легенды связываютъ съ привозомъ статуи исторію введенія буддизма въ страну. Монгольская легенда о введеніи буддизма въ Монголію сложена также сходно съ легендой о привозѣ Джуну въ Тибетъ. Абатай-ханъ привозитъ изъ Лассы въ Халху статую бога Гомбутура (Очерки, IV, 332); сходныя черты: узнаваніе подлиннаго лица или предмета въ ряду другихъ съ тождественнымъ внѣшнимъ видомъ, выдача тайны женщиной, мѣры, принятыя къ

¹⁾ Лабранъ или лабринъ—дворецъ, въ которомъ живетъ гэгэнъ. См. у г. Позднѣва, Очерки быта буддиск. монастырей, Спб., 1887, стр. 484.

тому, чтобы вѣщунны не могли открыть виновницу раскрытія тайны, остановка на перевалѣ. По возвращеніи въ Халху, Абатай построилъ для привезенной статуи монастырь, который называется Эрдэни-дау (Эрдэни-цао), а въ одномъ изъ записанныхъ нами вариантовъ привезенная статуя называется Эрдэни-дау. Этихъ чертъ достаточно для доказательства, что одинъ и тотъ же сюжетъ послужилъ основаніемъ для легенды о введеніи буддизма какъ въ Тибетъ, такъ и въ Монголію.

Въ лѣтописи Саманъ-Сэцэна (*Gesch. d. Ost. Mongol.*, 253) Галдзаго-Абатай вывезъ отъ Далай-ламы образъ не Гомбугура; а Ваджрадани ¹⁾. О Галдзу-Абуте у Пржевальскаго «Третье Путеш.», стр. 281.

Эрдэни. Эрдэни по монгольски значитъ «драгоцѣнность», то же, что по тангутски рембучи ²⁾. Кромѣ сказанія объ Абатаѣ, добывающемъ Эрдэни (собственно Эрдэни-дао или живого бога Гомбугура), тема о добываніи драгоцѣнности (эрдэни) находится еще въ слѣдующихъ монгольскихъ сказаніяхъ. Гигаръ-Меджитъ вырѣзываетъ эрдэни изъ трупа, который плыветъ по рѣкѣ; обладатель этого эрдэни долженъ стать царемъ (Очерки, II, 156). Въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Вогдорѣ два мальчика вырѣзываютъ эрдэни изъ плывущаго по рѣкѣ младенца (Очерки, IV, 262). Галданъ, ханъ олетскій, выколуцываетъ эрдэни изъ статуи Гомбугура въ монастырѣ Эрдэни-дау, основанномъ Абатаемъ (Очерки, IV, 410). Въ Очеркахъ же, IV, 401, въ сказкѣ № 118 герой ея добываетъ отъ Оролынъ-чяркура цаганъ-эрдэни, вещество, залечивающее рапы, и палочку, отъ повертыванія которой падаютъ мертвыми звѣри и люди ³⁾. Нѣкоторыя подробности этой сказки повидимому вліяли на легенду о монастырѣ Эрдэни-дау. Такъ въ одной изъ легендъ объ этомъ монастырѣ говорится, что у Галдана, осаждавшаго монастырь, было такое орудіе, отъ повертыванія котораго противники валились мертвыми (Очерки, IV, 410). Другую подробность находимъ въ разсказѣ Жербилона о Галданѣ (*Du Halde, Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, tome IV, p. 47—49*); Жербилонъ разсказываетъ о ханѣ, который во время похода заболѣлъ оспой и былъ оставленъ въ степи, войско же снялось и ушло. Въ сказкѣ № 118 мальчикъ, герой ея, также оставленъ одинъ на сѣденіе тигру, а остальное войско также уходитъ. Брошенный въ степи, ханъ Жербилона есть Оичонъ, братъ Галдана. Смерть этого-то Оичона, по одному изъ вариантовъ легенды, и послужила причиной нашествія Галдана на монастырь Эрдэни-дау. Повидимому Жербилонъ записалъ разсказъ, въ которомъ на историческое событіе наносились черты изъ сказки ⁴⁾.

Есть сказки, въ которыхъ имя Эрдэни придается не добываемому предмету, а самому герою. Въ сказкѣ № 132 (Очерки, IV, стр. 416) Эртнемергенъ добываетъ, подобно Абатаю, «живого бога», который тутъ названъ Колду-бурханомъ. Въ monkъ «Очеркахъ» въ сказкѣ № 113 (стр. 367) Эртэнъ-эргэ образовался изъ нечаянно отрѣзаннаго человѣческаго пальца, завернутаго въ зачѣю шкурку и положеннаго на мѣстѣ, гдѣ находится цаганъ-онгонъ (Эргэ ср. съ Эркэ-мергеномъ (см. ниже легенду о суркѣ, № 92), который отрѣзываетъ себѣ палецъ). Эртэнъ-эргэ добываетъ золотыя крылья птицы Канъ-Кереде. Есть монгольскій разсказъ о самой птицѣ Ханъ-Гариде (Очерки, IV, 183), что она приноситъ дерево дзанданъ (сюжетъ въ родѣ нашего объ орлахъ, приносящихъ камень іакиней ⁵⁾).

¹⁾ Передавая его, лама сказалъ: «Этотъ образъ божественнаго скиптроносца находился въ одномъ домѣ со многими другими изображеніями Будды; вспыхнулъ огонь и все сжегъ, за исключеніемъ этой иконы, почему она считается очень благословенною».

²⁾ Буддйскій терминъ «три драгоцѣнности». по санскритски *tri ratna*, въ монгольскомъ будетъ гурбанъ эрдэни, въ китайскомъ санъ-бао.

³⁾ Оролынъ вѣроятно то же, что бурятское Эрлэнъ-ханъ (т. е. Эрликъ-ханъ). Ср. также хорло, «колесо звѣри». Не повліяло ли представленіе вращающагося хорло на созданіе сказочнаго орудія смерти?

⁴⁾ Въ сказкѣ № 95, помѣщенной въ Очеркахъ (IV, 357) отъ Шацгай-хана добывается атбашъ-эрдэни, которое все даетъ: вино, молоко, лошадь и пр. Слово атбашъ, по тюрски «лошадиная голова», указываетъ на тюрское происхожденіе сказки. Въ сказкѣ № 160 (Очерки, IV, 535) сѣдненное крылышко дѣлаетъ двухъ братьевъ счастливыми; одинъ изъ братьевъ получаетъ отъ Шацгай-хана дабу, которая, развертываясь, доставляетъ обѣдъ. Въ сказкѣ № 142 (Очерки, IV, 499) герой добываетъ гурбы-эрдэни, «три драгоцѣнности». Членъ гурбы, гурбанъ не есть ли архаизмъ, который только позднѣе обратился въ числительное «три»? гурбанъ эрдэни не понималось ли, какъ «драгоцѣнность Гурбанъ?».

⁵⁾ Литературу этой темы см. у Youl'я, *Marco Polo by Youl*, 1874, V. II, p. 349. Разсказъ большею частью о діамантѣ или іакиней, у Геродота о сиппашомъ. Ср. съ алтайскимъ сказаніемъ о томъ, какъ

Шмидт перевел монгольскую легенду об Эрдене-Харалике¹⁾ (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 425—487), который привозит послѣ многихъ приключеній дѣвицу D'akinis Dschhapa-Goschja, приносящую счастье странѣ, въ которой она находится. По комментарію самой редакціи, эта сказка есть исторія воплощенія бодисатвы Арья-Бало, т. е. Авалокитешвары, рассказъ о которомъ и о Шантиварманѣ мы привели выше на стр. 117.

Въ другихъ сказкахъ Эрдене женское имя. Въ сказкѣ Го-Чикиту (Bergmann, Streifereien, IV, стр. 20) именемъ Эрдене-цэцэкъ²⁾ называется царевна, которая вмѣстѣ съ братомъ своимъ терпитъ гоненіе отъ маchia³⁾. Братъ ея называется Го-Чикиту или Ойо-Чикиту. Въ записанныхъ мною вариантахъ (№ 60 въ Очеркахъ, IV, 283) гоненію подвергаются два брата царевни Эрдене-абахай-цэцэкъ и Аю-чикиты или (№ 60, вар. б, стр. 285) Абахай-цэцэкъ и Шоло-донть⁴⁾. Имя абахай чаще всего дается въ сказкахъ дѣвицамъ; такъ въ бурятскихъ и ордосскихъ сказкахъ; цэцэкъ также приличіе женщинѣ.

Форма Абахай, кромѣ сказки № 60, встрѣчается еще въ Очеркахъ, IV, въ №№ 114 и 146; въ № 114 Булотъ-хуре стрѣляетъ въ козулю и ранитъ ее, но она обращается въ лебедя и улетаетъ. Это была Абахай-дагине, т. е. небесная дѣва Абахай. Булотъ-хуре ѣдетъ искать ее и находитъ. Начало сказки напоминаетъ урянхайскую о Тунгъ-Каратты-ханѣ, отыскивающимъ улетѣвшую Самбай-дагине (Очерки, IV, 373), дархатскую о Мани-ветыр-ханѣ, отыскивающимъ улетѣвшую небесную дѣву (ibid., 523) и тибетскую о Суданѣ; послѣднюю можно сближать съ классическимъ мифомъ объ Ифигеніи (см. Очерки, IV, 921). Въ тибетской сказкѣ упоминается лань; но она не отождествляется съ женщиной, которая и здѣсь, какъ и въ классическомъ мифѣ, обречена на закланіе. Сказка о Булотъ-хуре ближе къ классическому мифу тѣмъ, что исчезающая дѣва Абахай является въ видѣ козули и вслѣдъ за выстрѣломъ стрѣлки исчезаетъ. Имя Абахай встрѣчается еще въ сказкѣ № 146 (Оч., IV, 503); это Булгунъ-Абахай-ципинъ, коварная сестра Двалута-мергена; конецъ сказки похожъ на конецъ сказки № 114. Дочь Вана кирейскаго, за которую сватался Чингисъ-ханъ, или которую Ванъ самъ за него хотѣлъ отдать, называлась Ибаху (Юань-чао-ми-ши, 98); у Рашидъ-Эддина (I, 100 и 193) Абага-биге или Абага-биге племянница Вана. Не рассказывалось ли о Чингисъ-ханѣ сказки, въ которой онъ игралъ роль Двалута-мергена, а Ибаху роль женщины Абахай?

Въ монгольской грамматикѣ Бобровникова (Грамм. монг.-калм. языка, 1849, Казань, стр. 352) жена Чингисъ-хана названа Бурте-эртени. Форма Буртэ, Буртё встрѣчается также въ разныхъ бурятскихъ преданіяхъ. По однимъ изъ нихъ, Хортою, сынъ Хоридоя, принесъ изъ Монголіи въ бурятскую землю огонь Буртё (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 28; Записки того же Отдѣла по этн., т. I, в. 2, стр. 125; Очерки с. в. Монгол., IV, стр. 120; въ послѣднемъ случаѣ Буртынь вм. Буртё). Въ другомъ бурятскомъ преданіи у Бурте-убугуна (т. е. у старика Буртэ) было два сына: Хоредой и Хортоцъ; оба они бѣжали изъ Монголіи на сѣверъ; затрудняясь взять съ собой дряхлаго отца и жалѣя оставить его въ Монголіи, они отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ огону. Этого огня и теперь дѣлаютъ буряты, рода Хангинъ, ведущіе свой родъ отъ лебедя (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 125). Мы сближаемъ это преданіе съ лѣтописными рассказами о меркитскомъ царѣ Тохта-биги и о татарскомъ ханѣ Тохту; см. ниже примѣчанія къ сказанію о Цок-

мѣсяцъ уносить Жельбегеня вмѣстѣ съ деревомъ. Алтайское жельбегенъ ср. съ киргизскимъ джалмаусъ (см. Очерки, IV, 766; не отсюда ли алмысъ, «злой духъ?»).

¹⁾ Хараликъ ср. съ бурятскимъ хара, «луна».

²⁾ Цэцэкъ цѣцокъ по монгольски.

³⁾ Въ вариантѣ сказки о гонимыхъ братьяхъ въ Шиддикурѣ (Этногр. Сб., VI, стр. 85) одинъ братъ названъ лучомъ солнца (Наранъ-Гэрэлъ), а другой лучомъ луны (Саранъ-Гэрэлъ); то же самое повидному и въ киргизской сказкѣ о царѣ Гарыкулѣ (Очерки, IV, 818), потому что царевичъ названъ Ширинъ, а въ эпизодѣ монгольской сказки Арджи-Борджи, который можно сближать съ киргизской сказкой, Ширину соответствуетъ Саранъ, что по монгольски значитъ луна.

⁴⁾ Въ бурятской сказкѣ (Очерки, IV, 279, сказка № 59) гонимый царевичъ называется Ойо-ондохонъ Олотъ, т. е. «въ лѣсу найденный Олотъ». Ойо-ондохонъ можетъ быть припоминаніе формы Ой-халтагай, которая встрѣчается въ Алтанъ-Тобчи, стр. 70. Хонтыгъ-эмегенъ, «вечерняя зарница» по урянхайски. Бергманъ говоритъ, что сказка объ Ойо-Чикиту есть рассказъ о воплощеніи бодисатвы Хонджима т. е., Авалокитешвары, или Арья-Бало.

обстоятельство, что въ орхонской долинь, къ которой приурочена легенда объ Абатай, приурочена также и другая, о невѣстѣ монголькѣ, просватанной за китайскаго императора. За то, что эта легенда есть отрывокъ изъ легенды о привоѣ «живого бога», говорить то, что съ отъѣздомъ невѣсты уносятся изъ страны и все счастье, подобно тому, какъ съ отвоомъ живого бога Эртене-мергеню за нимъ уходитъ весь скотъ изъ прежняго мѣстопребыванія бога. Повидимому имя невѣсты было Эрдени, потому что легенда о ней приурочена къ горѣ Эрдени-ума. Отсутствие этой темы въ сказаніи объ Абатай понятно; когда легенда получила буддйскую окраску, эта черта должна была выпасть. Вмѣсто дѣвицы, Абатай доставляетъ въ Монголію ламу; см. Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 239).

Буса и паукъ (стр. 203). Въ тюркск. сказкѣ у г. Радлова (Proben, IV, 261) удохъ приноситъ пророку Салома извѣстіе о красивой Balchiya и затѣмъ отправляется сватать ее. Она даетъ ему запечатанный ящикъ, наполненный просверленными кораллами. Пророку Салома предстоитъ задача навѣдывать бусы на шнуръ, не распечатывая ящика. Эту задачу исполняетъ червь, который протачиваетъ отверстіе и входитъ внутрь ящика. Ср. въ былинѣ о Волхѣ Сеславичѣ: «Въ подворотнѣ мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти».

Въ тангутскомъ сказаніи угадывается среди сходныхъ дѣвицъ царевна-невѣста; въ монгольскомъ, при сходныхъ условіяхъ, «живой богъ». Отсюда вытекаетъ тождество дѣвицы и божества; въ монгольскомъ сказаніи мы подозреваемъ, что подъ статуей Эрдени-дау слѣдуетъ разумѣть дѣвицу невѣсту. Нашъ тангутскій рассказчикъ также какъ будто китайской царевнѣ придавалъ имя Джу-рембучи. Теперь подъ именемъ дау извѣстны статуи Будды, т. е. мужская фигура, но можетъ быть Будда занялъ мѣсто Арья-Вало, который у китайцевъ является чаще въ видѣ женской фигуры.

Китайская царевна была Дара-эка. Старуха привратница не была ли также она сама, временно принимавшая этотъ видъ, чтобы содѣйствовать своему отъѣзду въ Тибетъ, подобно тому, какъ дакина, за которою ѣдетъ Эртене-мергенъ (Очерки, IV, 418), является ему сначала также въ видѣ безобразной старухи? то же самое кажется и въ сказкѣ о Эрдени-хараликѣ у Шмидта (Gesch. d. Ost. Mongol., 425—488). Шантиварману у Даранаты проникнуть въ храмъ на горѣ Поталѣ помогаетъ богиня Тара—эпиводе, повидимому соответствующій затруднительному положенію тибетскаго вельможи въ китайскомъ дворцѣ. Жена Рдура сама помогаетъ Гесэру освободить ее отъ Рдура; рассказъ о томъ, какъ она укрываетъ Гесэра отъ Рдура, своими подробностями напоминаетъ рассказъ о старухѣ, выдавшей тайну китайскаго дворца. Тѣ же черты (объясненіе гудѣнія стрѣлы паденіемъ веретена) встрѣчаются въ преданіи о женѣ Лутусы, которое въ свою очередь напоминаетъ легенду о богинѣ Оккни-тэнгри, суровомъ воплощеніи Цагань-дара-эка.

Китайская царевна остановилась на перевалѣ и оглянулась на родину. Случай пріостановленнаго движенія перечислены выше на стр. 117. Въ монгольскомъ сказаніи провожкая статуя на перевалѣ остановилась и далѣе не идетъ; Абатай отсѣкаетъ часть и ѣдетъ далѣе; монастырь строится не на мѣстѣ остановки бога. Но въ легендѣ о Шантиварманѣ (у Даранаты) храмъ строится тамъ, гдѣ остановился богъ (Авалокитешвара т. е. Арья Вало). Также и въ хотанской легендѣ, и у Шмидта въ легендѣ о Дара-эка (Gesch. d. Ost. Mong., 341); колесница съ богами остановилась въ мѣстности Рамоче; тутъ и былъ построенъ въ честь ихъ храмъ. О запрещеніи оглядываться назадъ см. въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 142. Я обращался къ г. Баторову, природному буряту, съ вопросомъ, не становится ли въ обязанность невѣстѣ, когда ее везутъ въ домъ жениха, не оглядываться назадъ и получить отвѣтъ, что такой обычай дѣйствительно существуетъ у бурятъ,—невѣста не должна оглядываться. Въ тюркской сказкѣ у Радлова (Proben, IV, 449) князь выдалъ дочь замужъ; она проситъ въ приданое коня Цзаль-куйрука, который стоялъ подъ семью слоями земли въ желѣзномъ стойлѣ. За Цзаль-куйрукомъ уходитъ весь скотъ отца. Князь догоняетъ дочь и проситъ ее оглянуться; дочь оглядывается и часть скота возвращается; еще разъ оглядывается по просьбѣ отца и еще часть скота возвращается. И только треть скота ушла за ней, потому что на третій призывъ отца она не оглянулась. Ср. также сходную тему въ башкирской сказкѣ о Тулякѣ (Вѣсти. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, въ смѣси ст. Льва Суходольскаго «Легенда о Тулякѣ», стр. 65—71).

Въ тибетскомъ вариантѣ Гесэра (см. выше стр. 41) отецъ упрекаетъ дочь за то, что она, отъѣзжая, не обернулась назадъ.

Ордосскій католическій миссіонеръ г. Стойнакеръ рассказывалъ намъ, что во время засухи

Кромѣ Хуху-нора, Тере-нора и Иссыкъ-куля тема о разливѣ приурочивалась повидимому и ко многимъ другимъ озерамъ; о Байкалѣ, кромѣ неяснаго намека въ одной легендѣ (см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 94—106: воды озера бросаются отнимать похищаемое у него дитя), въ другой есть и прямое указаніе на разливъ; см. Записки же, тотъ же томъ, в. 1, стр. 109: сынъ-неба ударилъ по скалѣ плетью; изъ образовавшейся щели потекла вода, которая начинаетъ заливать долину; сынъ неба удаляется на вершину горы Сымыръ, бросаетъ оттуда камень и попадаетъ въ отверстіе, изъ котораго наливалась вода; наводненіе прекратилось; брошенный сыномъ неба камень это теперешній Шаманскій камень въ Ангарскихъ воротахъ.

Намеки на разливъ озера мы находимъ также и въ легендахъ, приуроченныхъ къ окрестностямъ озера Зайсана. Къ в. отъ озера находится гора Калмы-тологой; объ ней киргизская легенда въ двухъ редакціяхъ; отецъ съ сыномъ, давши обѣтъ не прикасаться къ женамъ, подняли эту гору и понесли ее, чтобъ «запрудить Иртышъ и затопить всю долину»; но сынъ нарушилъ обѣтъ; по одной редакціи на другой день они не могли уже болѣе поднять гору, по другой подняли, но она опустилась и покрыла ихъ на вѣки (см. Сибирскій Вѣстникъ, газета, изд. въ Томскѣ, 1890, № 40; кромѣ того мои Очерки, IV, 893 и Очерки, II, прим. 86 къ гл. V). Тема о брошенномъ камнѣ приурочена къ другой горѣ. А. А. Ивановскій сообщилъ мнѣ нѣсколько записей этой легенды, сдѣланныхъ для него среди зайсанскихъ киргизъ. Вотъ одна изъ нихъ. Не далеко отъ города Кокбектовъ Зайсанск. уѣзда находится гора Уртенъ-тагъ; къ югозападу отъ этой горы до рѣчекъ Базаръ и Богасъ простирается ровная степь, въ центрѣ которой стоитъ конусообразная, одинокая сопка, называемая киргизами Кендыкъ-тюбе ¹⁾, или Урчукъ-тюбе. Киргизы говорятъ, что эта сопка веретено (урчукъ) старухи. Великанша-старуха имѣла пять ковъ, которыхъ она пасла всегда сама. Однажды, пася своихъ ковъ, старуха усѣлась на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай. Въ это время на одну изъ ея ковъ, бродившихъ по степи, напалъ волкъ. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила въ волка веретено, которое она держала въ рукахъ, прядя пряжу. Веретено это упало на то самое мѣсто, гдѣ теперь стоитъ сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши. Со старухой великаншей преданіе связываетъ Айдагула. По мнѣнію однихъ, великанша была женою Айдагула, а по мнѣнію другихъ просто нечистой женщиной. До сихъ поръ между двумя киргизскими родами Наймано-муруновцами и Тусла-токмакцами идетъ горячій споръ о томъ, какой версіи легенды отдать предпочтеніе. Объ Айдагулѣ киргизы рассказываютъ слѣдующее. Одна изъ вершинъ Тарбагатая носитъ названіе Тазъ-тагъ, что означаетъ въ переводѣ «лысая гора» или «голая вершина». Тазъ-тагъ выдается изъ ряда прочихъ своею высотой и красивой конусообразной формой. На самой верхушкѣ Тазъ-тага виднѣтся издали шапкообразная скала, въ которой, по легендѣ, находится домъ одного богатыря, живущаго, по убѣжденію киргизовъ, еще и теперь. Когда-то на этой вершинѣ жилъ богатырь Айдагулъ въ своемъ теремѣ, построенномъ изъ камня въ отвѣсной скалѣ. Айдагулъ не ходилъ, а леталъ. Ему все было доступно; богатства его были неисчерпаемы. Каждый годъ весною въ честь этого богатыря киргизы приносятъ и понынѣ жертву, ставшую даже обязательною. Обязательность жертвы киргизы объясняютъ такъ: однажды случилась на скотѣ повальная болѣзнь, отъ которой пало много скота. Въ это время одному изъ аксакаловъ (почтенныхъ стариковъ) явился во снѣ Айдагулъ и сказалъ, чтобы старикъ завтра рано утромъ, собравъ старыхъ и малыхъ, пошелъ съ ними къ подошвѣ Тазъ-тага, гдѣ и принесть бы по барану отъ каждого въ жертву. Вставъ утромъ, старикъ собралъ всѣхъ и, взявъ съ собою по барану отъ каждого, отправился къ тому мѣсту, которое ему указалъ богатырь Айдагулъ. Съ утра у подошвы Тазъ-тага стояло въ этотъ день шумное пиршество, кончившееся вечеромъ байгой (бѣгомъ). Послѣ принесенія жертвы скотская болѣзнь прекратилась и съ того дня принесеніе жертвы въ честь богатыря Айдагула обязательно совершается киргизами каждый годъ у подошвы Тазъ-тага. Киргизы вѣрятъ, что казна Айдагула и самъ онъ до сихъ поръ тамъ, въ скалѣ. Они говорятъ, что проѣзжающіе мимо Тазъ-тага живущіе вблизи этой вершины слышатъ ночью глухой человѣческой стонъ, исходящій изъ-подъ горы: это Айдагулъ молится за благополучіе киргизовъ. Эти легенды записаны были для г. Иванова отъ киргизъ Терсъ-айрыковской волости (въ Тарбагатаѣ). Слѣдующую легенду о горѣ Сауръ (восточное продолженіе Тарбагатая) сообщилъ мнѣ г. Корниловъ, слышавшій ее также отъ зайсанскихъ киргизъ. Былъ какой-то алыпъ (великанъ), который хотѣлъ запрудить Иртышъ

¹⁾ Кендыкъ—по киргизски «пупъ», а также затчка въ посудѣ. Кендыкъ-пеше повивальная бабка.

въ переводѣ будетъ значить «летяга»: о летягѣ же записаны легенды на тему о наложеніи на нее оковъ (Оч., IV, 233). Не рассказывалось ли и здѣсь о заложеномъ подъ горой богатырѣ, какъ о горѣ Саурѣ? Подлѣ горы протекаетъ рѣка Катунь; Обь (соединенный потокъ Катунн и Бии) и вообще большую рѣку алтайцы зовутъ Уйма-р-джумарь, Уйма-р-нйма-р (Вербницкій, Словарь алт. яз. Казань, 1884, стр. 402). Мы подозреваемъ, что съ Бобирганомъ была связана эсхатологическая легенда въ родѣ той, какая рассказана выше о горѣ Саурѣ и что это послѣднее имя (Саурь, Субурь, Сымурь) здѣсь, можетъ быть, явилось именемъ рѣки: Умарь, Джумарь. Къ верхней части долины Катунн дѣйствительно приурочена легенда о богатырѣ Сартактаѣ, собравшемся мостить черезъ нее мостъ (Очерки, IV, 236).

Мы прослѣдили распространеніе легенды по поверхности Средней Азии: она частью рассказывается и теперь, частью повидимому рассказывалась въ прежнее время объ озерѣ Хухунорѣ (и городѣ Лассѣ), о рѣкѣ Орхонѣ, объ озерѣ Байкалѣ, Тере-норѣ, Зайсанѣ, Иссык-кулѣ, объ окрестностяхъ города Хотана. На сѣверномъ пути расселенія легенды самымъ западнымъ пунктомъ ея приуроченія оказывается Зайсанъ; западнѣе, изъ киргизской степи и изъ южной Россіи мы не имѣемъ подобной легенды и только встрѣчаемся съ нею на Босфорѣ, гдѣ тема разлива приурочена къ Константинополю въ эсхатологическомъ рассказѣ Андрея юродиваго.

Хотя между Зайсаномъ и Босфоромъ промежутокъ большой, но дальнѣйшее собраніе мѣстныхъ преданій и сличеніе собраннаго можетъ быть и здѣсь указать вѣднѣе расселенія этой легенды. Въ киргизской степи на данномъ пути находится множество озеръ, но легенды объ нихъ не были еще записываемы. Западнѣе около Каспія находимъ зайсанскую легенду приуроченную къ горѣ Богдо, лежащей около Баскунчатскаго озера. Вотъ что рассказываютъ волжскіе калмыки: два праведника несли эту гору изъ Чжунгаріи съ намѣреніемъ положить у самой Волги, но не донесли; одинъ изъ несшихъ прогнѣвилъ боговъ какимъ-то предосудительнымъ помышленіемъ и гора опустилась, подавивъ нечестиваго и обогрившись его кровью.¹⁾ Вотъ отчего одинъ бокъ горы красный (красная глина); другой же бокъ, который несъ другой праведникъ, остался бѣлымъ (гипсъ и алебастръ: см. Нефедьевъ, Подробн. Свѣдѣнія о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 34). Это очевидно зайсанская легенда о Сартактаѣ или о богатырѣ, заключенномъ въ гору Саурѣ. Она принесена сюда калмыками съ береговъ Зайсана въ позднѣйшее время, то есть въ XVII ст. Но вѣроятно и предшествующія расселенія среднеазиатскихъ ордъ, совершавшіяся отъ V до XIII вѣка, такимъ же образомъ могли приносить сюда среднеазиатскія легенды и отлагать ихъ на мѣстной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ къ югу отъ Астрахани, въ горахъ Кавказа мы встрѣчаемъ легенду о богатырѣ Амираѣ, заключенномъ въ гору и стоящемъ въ связи съ эсхатологическими сюжетами, подобно тому богатырю, который заключенъ въ горѣ Саурѣ. Не отраженіе ли этой же легенды малорусское преданіе о могилѣ Савурѣ (Драгомановъ и Антоновичъ, Малорусск. нар. пред. и рассказы, стр. 232); сюжетъ ея: проходившіе чумаки выдержали ратовище, которое было воткнуто около могилы; появляется рѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея не было, и при томъ такая глубокая, что люди не находятъ брода черезъ нее; впрочемъ появленіе рѣки не поставлено въ прямую связь съ отверстаемъ, въ которомъ сидѣлъ конецъ ратовища, и кромѣ того это была рѣка не настоящая, а призрачная. Въ южной Россіи, именно въ Донскомъ войскѣ есть и другая могила съ сходнымъ именемъ, именно Саура (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, Од., 1887; т. IV, стр. 73), но объ ней легенды не сообщаются.

Легенда о гибели Константинополя изложена въ житіи Андрея юродиваго (Макаріевскія Четвертинныя, Спб. 1870, стр. 209—216) въ такомъ видѣ. Константинополю до кончины міра бояться нечего, никто не сдѣлаетъ ему зла, потому что онъ «вданъ бо есть даромъ Богородицы, да никто же не можетъ отнять его отъ честныхъ рукъ ея». Передъ концомъ міра Господь посадитъ царя отъ нищеты. Время будетъ блаженное, бѣдныхъ не будетъ, господствовать будутъ правда и миръ, мечи и стрѣлы перекуются на серпы и косы. Этотъ царь процарствуетъ 32 года. Послѣ него будетъ царь нечестивый, затѣмъ третій царь будетъ «осель лють и отмѣтникъ Іисусъ Христовъ», который обратится въ языческую вѣру, подниметъ гоненіе на святыхъ, пожжетъ церкви и т. п. Послѣ него будетъ съ годъ царствовать одинъ добрый царь, потомъ «три бестудни уноши» будутъ владѣть вкупѣ, устроятъ сѣчу между собою и убьютъ другъ друга. Послѣ этой распри будетъ такое запустѣніе, что семь женъ будутъ искать одного мужа и не найдутъ, уцѣлѣвшія

¹⁾ Ср. съ рассказами объ Абатаѣ и о недонесенной имъ до мѣста статуѣ бога, о Шантварманѣ, не донесшемъ до мѣста Авалокитешвару, и пр. См. выше стр. 117 и ниже, № 29.

жигень-чикту (ельджигенъ монг. «осель»; чикту можетъ быть цокту «бѣшеный», «лютый»; см. Очерки, IV, 296) и особенно въ киргивской легендѣ объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и царѣ Джанибекѣ.

Легенды о построеніи храма или дворца изъ Средней Азии мы имѣемъ четыре: 1) о построеніи Менгу-цау, 2) о построеніи Гесэромъ Энгирехвинъ-джу (Die Thaten, 46); 3) бурятскую о построеніи Бэджинъ-сулгана (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIX, в. 3 (1888, стр. 22) и 4) о построеніи башни въ Schangung Gassur (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., S. 33 и 39). Во всѣхъ четырехъ нѣтъ намека на камень шамиръ или его суррогаты. Не послужитъ ли это указаніемъ, что западная версія легенды съ этой темой, но съ отсутствіемъ этой подробности, нужно отнести на счетъ сѣверной дороги (т. е. по сѣверную сторону Каспія), а отъ талмудической легенды производятъ только версія съ шамиромъ?

Черты сходства Ласской легенды съ дуалистической легендой о сотвореніи міра:

1) Построеніе храма производится на водѣ («пупъ моря»).—Построеніе земли производится на водѣ.

2) Требуется искусство укрѣпить поверхность жидкой стихіи.—Нужно сгустить воду или настлать на ней твердую кору (Манджурія съ этой цѣлью превращается въ черепаху).

3) Царь не можетъ построить; требуется помощь или совѣтъ хитраго человѣка.—Богъ не можетъ построить; требуется помощь ловкаго дьявола.

4) Матеріалъ, который настлается на поверхность воды, доставляется пестрымъ быкомъ.—Матеріалъ (земля), который настлается на воду, доставляется въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 218) Ерликомъ; Ерликъ представляется ѣдящимъ на быкѣ, id. 71, 245; на статуяхъ онъ изображается съ бычьей головой¹⁾.

5) По окончаніи постройки участникъ ея, доставившій строительный матеріалъ (т. е. быкъ), обиженъ и заявляетъ объ этомъ.—По окончаніи строенія земли участникъ въ этомъ дѣлѣ, доставившій строительный матеріалъ (т. е. Ерликъ), вступаетъ въ споръ (Оч., IV, 219; Восточн. Обзор., 1882, № 7). У Шашкова («Шаманство въ Сибири» въ Запискахъ И. Русск. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) рассказана повидимому тунгусская легенда о Бугѣ (буга потунгусскіи «богъ»), создавшемъ міръ, заимствованная изъ Сибирск. Вѣстника 1822 г., (ч. XIX, стр. 33). Все было покрыто водою. Буга послалъ на эту воду огонь, который сожегъ часть ея. Послѣ этого образовалась твердая земля. Сошедши на землю, Буга встрѣтился съ Бунинкою (сатаной) и тотъ сталъ присвоивать твореніе міра себѣ. Бунинка испортилъ у Буги 12 струнный гусли. Буга предложилъ Бунинкѣ вырастить сосну; у Буги изъ озера выросла прямая сосна, Бунинкина же сосна не могла стоять прямо. Бунинка призналъ превосходство Буги. Ср. съ монгольскими сказаніями о богахъ братьяхъ, спорящихъ изъ-за обладанія міромъ (Оч., IV, 269, 330; Восточн. Обзор., 1882, № 21 въ статьѣ г. Адрианова).

6) Быкъ обѣщаетъ отмстить; онъ возрождается царемъ и воздвигаетъ гоненіе на людей и преслѣдуетъ ихъ казнями.—Ерликъ становится подземнымъ царемъ; онъ насылаетъ смерть на людей. У Шашкова (въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2), Ерликъ дѣлаетъ это за то, что Чингисъ пустилъ въ него смертельную стрѣлу. По Шашкову Ерликъ былъ сынъ Чингиса, по Радлову (Вост. Об., 1882, № 7) онъ сынъ Ульгена, творца земли.

7) Колодезь въ долинѣ, въ которой жилъ грѣшный думбу Гвардамба, ототкнулся и изъ него повалила вода.—Ерликъ ткнулъ въ землю посохомъ и когда вынулъ его, полѣзли гады и змѣи и распространились по всей землѣ.

8) Наводненіе остановлено; богъ, принявъ видъ вороны, принесъ камень, и положилъ на отверстіе. Это теперь островъ на оз. Хухуноръ (Пржевальскій, Трет. Путеш., 317; Roxhill въ Century, 1891, январь, 350)²⁾.—Въ черемисской легендѣ кереметь прогрызъ отверстіе въ Новомъ ковчегѣ, но ужъ заткнулъ его своею головою.

¹⁾ Т. е. буддійскія изображенія Чой-чжала съ бычьей головой принимаются монголами за Ерлика.

²⁾ По Пржевальскому два острова; одинъ принесенъ богомъ, другой брошенъ злымъ духомъ. Рокхилъ приводитъ только китайское названіе острова: Lung-sh'ü tao, «островъ драконовыхъ жеребятъ». Это названіе основано на преданіи, что въ прешнія времена обитатели береговъ озера загнали на островъ по первому льду своихъ кобылъ, а передъ таяніемъ льда кобылы возвращались съ жеребятми, которые, пришедши въ возрастъ, пробѣгали триста миль въ день. The Century, январю 1891, p. 350.

Последній эпизодъ—объ убіеніи царя съ бычьей головой—ср. съ сказкой о Балынъ-сенге (Оч., IV, 242), съ послѣдней главой Шиддикура (Эти. Сб., VI, изд. Геогр. Общ.), и съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ. Ослѣпленіе думбу Гвардамбы можно принять за слѣдъ темы кровосмѣшенія, исчезнувшей изъ сказанія (ср. Едипъ, Кунала, сынъ Асоки). Не былъ ли Гвардамба младшій братъ Сронцзана, несправедливо заподозрѣнный въ связи съ женой царя или въ желаніи присвоить его невѣсту, или оклеветанный самой царицей и ослѣпленный по ея навѣсту, въ родѣ нашего калки Касьяна? Темы ослѣпленія въ египетской сказкѣ нѣтъ; въ ней есть, вмѣсто того, осклопленіе, которое совершаетъ надъ собою младшій братъ послѣ того, какъ бѣжалъ отъ старшаго. По словамъ Масперо, гораздо естественнѣе разсказывается въ исторіи о Combaos (Les contes populaires de l'Égypte ancienne, par G. Maspero, Paris, 1882, p. XVIII), гдѣ младшій братъ осклопляется ранѣе оклеветанія, такъ что удостовѣреніе осклопленія служитъ ему поводомъ къ оправданію въ клеветѣ. У Сюанъ-цзя есть разсказъ объ осклопленіи въ связи съ подозрѣніемъ въ кровосмѣшеніи, хотя и отнесенный не къ Хотану, а къ другому городу (St. Julien, *Memoire sur les contes occid. t. I, p. 8*). Сопоставляя тангутскую и египетскую сказки, думбу Гвардамбу придется приравнять къ Bitiou, Сронцзана къ Анпу, а Ландарму къ царю, отнявшему жену у Bitiou; при сопоставленіи же съ вариантомъ, записаннымъ нами (Оч., IV, 242), Гвардамба будетъ соответствовать двуздзукъ или Балынъ-сенге, Сронцзанъ—Вамба-шиту, а Ландарма—царю, отнявшему жену у двуздзукъ¹). Въ тангутской сказкѣ для убіенія царя введенъ новый персонажъ; не развилась ли сказка въ такомъ видѣ: Сронцзанъ и Ландарма было одно и то же лицо, а Гвардамба былъ младшій братъ Сронцзана, оклеветанный и ослѣпленный; онъ мститъ своему злому старшему брату и убиваетъ его? Такое предположеніе могло бы объяснить, почему связь между двумя частями тангутской легенды, въ настоящей редакціи совершенно внѣшняя, удерживается въ самостоятельномъ разсказываемыхъ вариантахъ о побѣдѣ за двѣ съ одной стороны и о постройкѣ царскаго дворца съ другой.

Вуратскій разсказъ о постройкѣ дворца Бажинъ сулганъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIX, № 3 (1888), стр. 22) ставитъ эту тему въ связь съ разсказомъ объ обычѣ умерщвлять стариковъ. Въ Александріи тема о старикѣ, обреченномъ смерти, находится въ связи съ побѣдой для отысканія животворной воды; и здѣсь та же связь между разсказомъ о постройкѣ дворца и побѣдой за источникомъ благоденствія.

Тибетское сказаніе и классическій мифъ о Минотаврѣ. Аены должны ежегодно поставлять въ жертву Минотаврѣ семь юношей и семь дѣвицъ; Ландармѣ по очереди поставлялись юноши и дѣвицы для бритья его головы, послѣ чего онъ приказывалъ казнить ихъ. Тезей, убійца быка Минотавра, соответствуетъ убійцѣ Ландармы, Балъ-дорчжи. Дѣвица Ариадна стоитъ на мѣстѣ невѣсты тибетскаго царя. Ариадна не дойшла до Аены; на островѣ Наксосѣ она заснула и Тезей оставляетъ ее тутъ, подобно тому, какъ Абатай, въ монгольскомъ сказаніи оставляетъ, половинку статуи (Эрдэни-дэу?) на перевалѣ; въ тибетскомъ вариантѣ эта тема ослаблена и является въ видѣ кратковременной приостановки на перевалѣ. Нить Ариадны можно видѣть въ той шелковой ниткѣ, которую тибетскій вельможа Гвардамбо долженъ пройти черезъ лабиринтъ внутри бусины.

Постройка лабиринта имѣетъ себѣ параллель въ постройкѣ Ласскаго лабрана; для первой потребовалась мудрость Дедала, для второй мудрость Гвардамбы: и въ классическомъ и въ тибетскомъ разсказѣ участвуетъ скалистый островъ, одиноко поднимающійся изъ воды, но исторія появленія острова различна. И здѣсь, то есть въ классическомъ мифѣ, мы имѣемъ смѣшеніе темъ изъ первой и второй половины тибетскаго сказанія; постройка лабиринта, истребитель людей Минотаврѣ, герой, убивающій его—это темы изъ второй половины. Увозъ Ариадны, нить Ариадны—темы изъ первой половины. Отецъ Тезея Эгей, отпуская сына, велѣлъ ему поднять на кораблѣ черные паруса, и, возвращаясь, въ случаѣ благоприятнаго исхода предпріятія, пережѣнить черные паруса на бѣлые. Въ нашемъ вариантѣ тибетскаго сказанія полного соответствія съ этой подробностью нѣтъ; но пережѣна цвѣта въ связи съ возвращеніемъ побѣдителя ала стоитъ въ легендѣ—лошадь мѣняетъ масть, черную на бѣлую.

Въ нашемъ вариантѣ убійца Ландармы избавляется отъ дальнѣйшаго преслѣдованія благодаря пауку (см. выше стр. 200); но у Шмидта (*Gesch. d. Ost-Mong.*, 364) и у насъ въ разсказѣ № 44 убійца Ландармы приписывается та же хитрость: окрашеніе бѣлаго коня въ черный цвѣтъ,

¹) Ландарма не гандарва ли, измѣненное домышленіемъ подъ влияніемъ образа быка—царя? глангъ «быкъ» по-тибетски.

сидитъ одинъ преступникъ, убившій челоѣка. Онъ долженъ быть казненъ. Ханъ! ты не казни его, а отпусти на волю и прикажи ему, пусть онъ поклоняется богу, а чтобъ люди знали его, вели ему обрить голову, перекинуть черезъ плечо оркимджи ¹⁾ и пусть онъ по звону колокола приходитъ въ суме ²⁾ молиться и живетъ милостыней». Ханъ одобрилъ совѣтъ, велѣлъ отпустить изъ тюрьмы убійцу, велѣлъ обрить ему голову и далъ ему имя: хэшанъ ³⁾.

Сантанъ-джимба.

Дзаанданъ по монгольски сандалное дерево. Исторія пекинской джу изъ сандалнаго дерева передана по статьѣ А. О. Ивановскаго въ примѣчаніи къ предыдущей статьѣ (см. выше стр. 206).

29. АБАТАЙ-САИНЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ велъ войну съ тибетскимъ царемъ (Тубуть онгуренъ ханъ); тибетскій царь сталъ просить мира и спрашиваетъ Абатай-саинъ-ноинъ-хана, что онъ потребуеть, чтобъ заключить миръ. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ сказалъ: «Отъ Банчень-эрдени я желаю взять амит'-дзо ⁴⁾, а отъ Далай-ламы его голову». И Банчень-эрдени и Далай-лама согласились дать то, что просилъ Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ. Когда Абатай пришелъ къ Банчень-эрдени просить амит'-дзо, Банчень-эрдени указалъ ему на рядъ боговъ и сказалъ, чтобъ онъ самъ отыскалъ, который изъ нихъ амит'-дзо. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ не знаетъ, какъ отличить амит'-дзо. Къ кому ни обратится съ распросами, всѣ отказываются, изъ боязни, что тибетскій царь отрубить голову. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ спрашиваетъ одну шибукчи (служанку), не знаетъ ли она. «Знаю», говоритъ шибукчи, «но боюсь сказать. У хана есть такіе люди, которые сейчасъ узнаютъ, кто сказалъ». Абатай говоритъ: «Я придумаю средство обмануть ихъ. Ты сядь въ котель, наполненный водой; я прикрою тебя бурхеремъ ⁵⁾, сверхъ его поставлю чашку съ водой; ты просунь въ устье бурхера мѣдную трубу и черезъ неё передай секретъ!» Такъ и сдѣлали. Шибукчи сказала: «Прикладывай руку къ груди каждой статуи; у амит'-дзо будетъ слышно, какъ стучитъ сердце». Когда Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ узналъ амит'-дзо, тибетскій ханъ сказалъ: «Это кто-нибудь выдалъ тайну!» Онъ призвалъ шарь-цзурхайчи и велѣлъ ему гадать. Шарь-цзурхайчи отвѣчалъ: «Выдала тайну женщина шибукчи съ бронзовой задницей, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ,

¹⁾ Оркимджи—кусокъ сукна, въ которое драпируютъ свой горсъ буддйскіе монахи.

²⁾ Суме—храмъ.

³⁾ Хэшанъ—китайское имя буддйскихъ монаховъ.

⁴⁾ Амиту—живой, одухотворенный.

⁵⁾ Колпакъ на винокуренный котель.

съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» (ширмынь ¹⁾) боксѣтай сюнь гедистай модонъ бѣтей ширмынь усунъ тарихтай дзесъ хошутай шибухченъ емъ хельчигоб). Ханъ осердился на вездорный отвѣтъ и велѣлъ шарь-цзурхайчи'я разорвать на части и бросить въ воду. За тѣмъ онъ призвалъ ламъ и имъ велѣлъ по-смотреть въ книгахъ. Ламы повторили слова ворожеи: «Выдала тайну женщина шибуечи съ бронзовымъ задомъ, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ, съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» ²⁾). Тогда царь подумалъ, что шарь-цзурхайчи былъ правъ. Онъ отдалъ амит'-дзо, но не хотѣлъ отдать голову Далай-ламы. Онъ окружилъ Далай-ламу солдатами. Въ это время Далай-лама умеръ. Тѣло его положили на костеръ и зажгли. Черепъ Далай-ламы отлетѣлъ и упалъ въ колѣни Абатай-сайнъ-ноинъ-хана. Ханъ быстро схватилъ его и тайкомъ передалъ назадъ себя своимъ слугамъ. Тѣ разрѣзали у верблюда кочку, заложили въ нее черепъ Далай-ламы, прикрыли кожей и зашили. Тибетскій царь велѣлъ обыскать караванъ Абатай-хана; осмотрѣли всѣ мѣшки, но черепа Далай-ламы не нашли. Абатай-сайнъ-ноинъ-ханъ отправился домой. Дорогой въ горахъ онъ увидѣлъ сарлыка; онъ поймалъ его и привелъ съ собой въ Халху. Съ этого времени стали въ Халхѣ разводить сарлыковъ. Тибетскіе ламы, недовольные тѣмъ, что Абатай-сайнъ-ноинъ-ханъ увезъ амит'-дзо и черепъ Далай-ламы, слѣпили изъ муки животное, въ которомъ одномъ вмѣстили свойства двѣнадцати животныхъ двѣнадцатилѣтнаго цикла; они дали ему туловище дракона, хвостъ змѣи, гриву лошади, губу зайца, задъ обезьяны, хохолъ курицы, животъ свиньи, копыто коровы, глазъ тигра, ухо мыши и когти собаки (лунъ бѣтей могоисте сультей мористе дельтей тулаисте урултай мечисте бохотой хонисте носутай тахесте урбюлюктей гахаисте гедистей ухуристе торутай баристе нюдудей хулугунаисте чивитей нохойсте хомустей). Звѣрь вышелъ страшный; ламы пустили его въ погоню за Абатай-сайнъ-ноинъ-ханомъ, но Абатай велѣлъ своимъ ламамъ читать номъ; этимъ чтеніемъ они укротили верблюда и сдѣлали изъ него смиренное вьючное животное.

Талай-чокуръ-ванъ есть потомокъ Абатай-сайнъ-хана, а о трехъ гэгэнахъ Заинъ-гэгэнь, Ламынъ-гэгэнь и Ширету-гэгэнь говорятъ, что это Шареголынъ Гурбанъ ханъ, «три хана шарегольскихъ».

Джамсэрэнъ, лама, изъ халхаскаго хошуна Талай-чукуръ-вана на Едерѣ.

См. Очерки, IV, 332—341; Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 238, У г. Повдѣева въ книгѣ «Монгольская лѣтопись», Спб., 1883, стр. 90. Если Абутай или Абатай дѣйствительно существовалъ, то значитъ народная легенда перенесена на историческое лицо. Почему легенда о введеніи буддизма прилеплась къ этому имени, объ этомъ должны сказать занимающіеся монгольской исторіей? Обыкновенно преданію дается такое толкованіе, что послѣ Чингисъ-хана буддизмъ въ

¹⁾ Ширама—потибетски бронза. Сообщ. А. А. Ивановскій.

²⁾ Это повидному загадка о вьюкуреномъ снарядѣ. Ср. съ монгольской загадкой: дурбуунъ эмегенъ ельгинъ еджи, нигенъ эмегенъ боксенъ еджи, «четыре старухи грудь грѣить, одна старуха задницу грѣить». Таганъ и котель.

Монголии палъ и что при Абатаѣ онъ вновь сталъ процвѣтать. Банзарову не нравилось такое объясненіе; онъ считалъ невѣроятнымъ, чтобъ народъ могъ забыть религію, если онъ ее уже исповѣдывалъ; чтобы не отвергнуть легенды о новомъ введеніи буддизма, Банзаровъ полагалъ, что при Чингисъ-ханѣ буддизмъ имѣлъ успѣхи болѣе при дворѣ и между знатью, нежели въ самомъ народѣ.

Вопросъ объ имени Абатаѣ рѣшается такъ: если Абатаѣ историческое лицо, то значить въ легендѣ прежде стояло другое имя, Абатаѣ вошло въ легенду случайно и этимологія его ни какого значенія для исторіи легенды не имѣетъ; если же имя Абатаѣ составляетъ неотдѣлимую принадлежность легенды, тогда историческое значеніе преданія объ Абатаѣ становится сомнительнымъ.

Монгольское преданіе объ Абатаѣ есть повтореніе легенды о Шантиварманѣ, рассказанной Даранатой; она уже указана нами выше на стр. 17-й. (Сходныя черты: 1) отдаленное странствованіе для приглашенія бога придти въ страну; 2) женщина выручаетъ Шантивармана изъ затрудненія, когда онъ достигъ мѣстопребыванія бога; (она указываетъ ему входъ въ жилище бога, который Шантиварманъ тщетно ищетъ; въ преданіи объ Абатаѣ выручающая его женщина названа привратницею; не представляетъ ли легенда о Шантиварманѣ переходъ отъ тангутскаго рассказа о сватанѣ китайской царевны и о бусинѣ съ кривымъ каналомъ внутри къ классическому мѣсту о лабиринтѣ?); 3) остановка бога на полупутѣ, не дошедши до страны. Въ монгольской легендѣ богъ остановился на перевалѣ: идея высокаго мѣстоположенія есть и въ сказаніи о Шантиварманѣ; богъ помѣстился на деревѣ. Четки (или ожерелье) въ монгольской легендѣ также упоминаются; см. Очерки, IV, 334 ¹).

Шантиварманъ доставилъ въ свою страну бога Авалокитешвару, т. е. Арья-Бало; поэтому можно думать, что и въ монгольскомъ рассказѣ первоначально стоялъ Арья-Бало вмѣсто Гомбогура или Эрдэни-цау. Арья-Бало, главный покровитель буддизма, болѣе, чѣмъ другая фигура, соотвѣтствуетъ мѣсту въ легендѣ о введеніи буддизма въ страну. Это ведетъ къ другому предположенію: Галданъ, напавшій на монастырь Эрдэни-цау (см. Очерки, IV, 410) выковыриваетъ драгоцѣнность (эрдэни) изъ чела Арья-Бало, а не какого-либо другого бога ²).

Въ рукахъ у Галдана какое-то вращающееся орудіе (Оч., I. с.); не стоитъ ли оно въ связи съ хорло, «колесомъ вѣры», которое соединено съ идеей о исповѣданіи буддизма? Первая проповѣдь Будды символизируется первыми оборотами вращающагося тысячерадіуснаго колеса. Хорло изображается на крышѣ каждаго буддійскаго храма, на переднемъ, т. е. на южномъ фасадѣ зданія, надъ входомъ въ храмъ. По сторонамъ хорло всегда находятся изображенія двухъ животныхъ въ родѣ ланей. Въ легендахъ о монастырѣ Эрдэни-цау упоминаются какія-то двѣ собаки, которыя лаютъ во время опасности, угрожающей монастырю (см. Очерки, IV, 410; въ Лассѣ то же свойство приписывается какому-то зонту; см. выше стр. 203). О лани, своимъ появленіемъ и колѣнопреклоненіемъ отвратившей нашествіе Чингисъ-хана на Индію, см. у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 89).

Ниже будетъ указано на темы, соединенныя съ именемъ Ончонъ; такъ назывался братъ Галдана. Въ передачѣ Гесэра, которую я слышалъ отъ ордоскаго монгола Пунцука, упоминался Анчинъ; это Андзанъ варианта, записаннаго Хангаловымъ (см. выше, стр. 98) и Naldson въ Thaten у Шмидта; ср. картину, какъ этотъ богатырь одиноко въ степи лежитъ раненый и ждетъ кончины, съ эпизодомъ о больномъ оспою, брошенномъ въ степи и оставшемся одинокимъ Ончономъ. Въ Алтанъ-Тобчи Анчи-анду-шира и Галдзагу-чингъ-тайши, во время похода Чингисъ-хана на Ваньчика дзурчискаго, спрудили воду въ рѣкѣ, чтобъ облегчить войску переправу (стр. 17); у Сананъ-Сэцэна (стр. 75) это сдѣлалъ Andun-Tsching-Taidschi. О. Палладій сообщаетъ, что Хасаръ, братъ Чингиса и Анчинъ, братъ Бортъ-(фучжинъ) получили въ удѣлъ урочище Кулъръ-Ундургинъ (Труд. пек. дух. мисс., IV, стр. 236, прим. 507).

О другихъ отношеніяхъ Галдана къ сказанію о Гесэрѣ см. выше, стр. 129. Эпизодъ объ Андзанѣ находится въ главѣ о ширайгольской или хорской войнѣ, которой въ русскомъ былинномъ эпосѣ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ татарскій наездъ на Кіевъ. Андзану или Анчину соотвѣтствуетъ Ермакъ или Михайло Даниловичъ; Данило Игнатъевичъ будетъ соотвѣтствовать Галдану. Галданъ былъ монахъ, но узнавъ о насильственной смерти своего брата Ончона, оставляетъ монастырь и беретъ въ руки мечъ. Въ тангутскомъ вариантѣ это кажется Кала-мембырь.

¹) На китайскихъ картинахъ, изображающихъ Гуань-инь-пую (Арья-Бало), голубь несетъ богинѣ четки.

²) У Даранаты (Schieffner, Tāranātha's Gesch. des Buddhismus, 1869, S. 157) богиня Дара сама принимаетъ украшения изъ своего изображенія и отдаетъ бѣдной невѣстѣ.

спросилъ его, гдѣ бы ему найти невѣсту. Діянчи говоритъ, что сюда на озеро приходитъ дѣвица, что её можно изловить только тѣмъ орудіемъ, которое онъ получилъ отъ старика на озерѣ, и поставилъ его за дерево. Этотъ человѣкъ увидѣлъ дѣвицу сквозь листья и, накинувъ на неё свою ловушку, поймалъ её за золотой браслетъ (алтынъ багы). Онъ привелъ её къ матери; та говоритъ: «Это небесная дѣва! Гдѣ тебѣ на ней жениться!» Юноша говоритъ матери: «Я слышалъ, что царевичъ Ямантака (по тибетски Джибджи) ищетъ жену, я отдамъ её ему». И онъ отвелъ дѣвицу къ Ямантакѣ. У хана, отца Ямантаки, былъ вельможа. Онъ говоритъ хану: «Ямантака женился на красавицѣ. Приличнѣе было бы эту дѣвицу тебѣ взять въ свои жены». Ханъ велѣлъ убить сына, чтобы присвоить его жену. Но дѣвица надѣла на свою голову золотой вѣнецъ съ цвѣтами, въ которомъ она была найдена на озерѣ и, взявъ царевича подъ мышку, поднялась съ нимъ; спустившись на озеро, она поставила царевича на землю, а сама улетѣла на небо, оставивъ царевичу золотой браслетъ. Царевичъ отправился искать её. Подошелъ къ двумъ бодающимся скаламъ; за ними источникъ, къ которому пришла съ золотымъ кувшиномъ младшая сестра (оркюнъ-дю) жены царевича. Онъ говоритъ ей: «Оглянись назадъ!» и когда дѣвушка отвернулась, онъ опустилъ её въ кувшинъ золотой браслетъ. Дѣвушка ушла. Поливая сестрѣ на руки, она приговаривала: «Мойся еще!» «Довольно, довольно!» говоритъ та, а эта все свое: «Еще, еще мойся!» И, обернувъ кувшинъ вверхъ дномъ, вылила остатки; браслетъ упалъ въ руки старшей царевны. Она говоритъ: «Мой мужъ пришелъ!» Послѣ этого она пошла къ отцу и сказала ему, что она спускалась на землю, гдѣ у нея былъ другъ, что этотъ другъ теперь пришелъ къ ней. Отецъ пожелалъ его видѣть и отдалъ за него свою дочь. Изъ двадцати дарихе это настоящая Ногонъ-дарихе (по тибетски Джолма нурму).

Дзундуй, широнголь, лама изъ Сань-чуани.

Посредствомъ накидыванія петли ловится также Самбай-дагине въ урянхайской сказкѣ о Тунгъ-Каратты-ханѣ (Очерки, IV, 373). Самбай¹⁾ улетаетъ, Каратты-ханъ ѣдетъ отыскивать её и возвращается. Имя Каратты-ханъ ср. съ вторымъ членомъ парнаго Алтанъ-Гартай, какъ въ одномъ вариантѣ названъ добыватель Гомбо-гуру, въ другихъ вариантахъ называемый Абатаомъ. Въ № 30 (Очерки, IV, 188) птица Гариде (Гаруда) приноситъ дерево зандинъ, т. е. сандалъ. Ср. съ греческ. именами дерева: сандалъ и замбалъ; въ Туркестанѣ сумбуль, Euringiam.

¹⁾ Самбай ср. съ китайскимъ сань-бао, «три драгоценности», то же, что помонгольски гурбанъ-врдэни.

Въ *Annales du Musée Guimet*, t. II, p. 188, помѣщена слѣдующая китайская легенда о Гуань-инь-пусѣ. Въ 2587 г. до Р. X. жилъ на западѣ царь Мiao-Tchoang; онъ отличался разумомъ и добродѣтелями; жена его называлась Рао Teh. Сорокъ лѣтъ онъ занималъ престолъ, а дѣтей не имѣлъ. Печалилась вмѣстѣ съ царемъ и царица и повзала его однажды пойти къ Горѣ Цвѣтовъ, гдѣ былъ образъ божества, одаренный такимъ могуществомъ, что прибѣганіе къ нему никогда не оставалось безъ послѣдствій. Царь поднесъ въ монастырь, гдѣ стоялъ образъ божества, большіе подарки и послѣ того царица три раза зачинала и родила трехъ дѣвицъ; младшая, которой дали имя Мiao Chen, «Прекрасная Добродѣтель», потомъ и сдѣлалась Гуань-инь-пусой. Между тѣмъ царь сталъ становиться старымъ и, не имѣя сына наследника, рѣшилъ выдать дочерей замужъ и одного изъ зятювъ объявить наследникомъ. Первыя двѣ дочери безпрекословно вышли замужъ, младшая отказалась; она хотѣла вести жизнь въ уединеніи, чтобы усовершенствоваться въ размышленіяхъ и достичь состоянія бодхи. Царь не хотѣлъ слышать объ этомъ и даже вошелъ въ ярость. Онъ велѣлъ сорвать съ царевны одежды и бичами прогнать ее въ лѣсъ и запереть тамъ, чтобы она умерла отъ голода. Тщетно придворныя дамы уговаривали ее вернуться во дворецъ. Она рѣшилась удалиться въ монастырь бѣлыхъ монаховъ. Царь не препятствовалъ, думая, что скучная монастырская жизнь образумитъ ее. Въ монастырѣ еѣ обременяли трудными работами, но ей помогали духи всякаго рода, даже тигры и птицы. Тогда царь приказалъ поджечь монастырь; монахини бросились спасаться, но Мiao-шенъ обратилась къ духу горъ съ молитвой и тотчасъ тучи и дождь потушили пожаръ. На царя это чудо не подействовало. Онъ приказалъ привести ее во дворецъ и устроилъ праздникъ, чтобы увлечь царевну прелестями жизни. Но когда и это не замѣнило намѣреній царевны, отецъ рѣшилъ обезглавить ее. Тогда духъ страны получалъ приказаніе отъ Неба наблюсти, чтобы тѣлу царевны не было сдѣлано никакого вреда и доставить ее въ адъ. Царевна была передана палачу, но когда онъ обнажилъ саблю, сабля внезапно наломалась; палачъ хотѣлъ проколоть тѣло царевны копьемъ, но невидимая рука разсѣкла его пополамъ. Палачу оставалось одно: удушить царевну. Во время исполненія этой послѣдней казни буря помрачила небо, и духъ, покровитель мѣста, принявъ видъ тигра, показался изъ лѣса; палачъ и люди разбѣжались. Тигръ положилъ трупъ на спину и унесъ его. Царь истолковалъ это чудо желаніемъ Неба показать, что оно само хотѣло наказать царевну за недостатокъ любви къ родителямъ.

Тѣло царевны осталось цѣло. Она очнулась въ области, гдѣ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, ни горъ, ни людей. Передъ ней явился юноша, окруженный сіяніемъ; онъ былъ посланъ Ямой, богомъ ада, и пригласилъ ее послѣдовать за нимъ въ адъ, чтобы видѣть муки грѣшниковъ. Повсюду, гдѣ она являлась, обнаруживалась сила ея милосердія и души, находившіяся въ мученіяхъ, толпами выходили на землю силою ея молитвъ. Царь ада тоже хотѣлъ слышать ея молитвы. Она согласилась произнести ихъ, но съ условіемъ, что всѣ души будутъ освобождены изъ ада. Яма, видя, что она разрушила его царство, поспѣшилъ отказаться отъ права на ея душу и велѣлъ, не теряя минуты, отвести ее на землю.

Проснувшись, она не знала, куда идти. Явился Сакіямунн, указавъ ей идти на гору Путо, и далъ ей персикъ, который долженъ предохранить ее отъ голода и жажды. Планета Венера велѣла мѣстному духу обратиться въ тигра и идти ей на встрѣчу; богъ повиновался и доставилъ царевну въ Путо. Здѣсь боги и богини возвели ее на тронъ. Сироту Ноан Chen Твайя набрали ей въ ученики; Мiao-шенъ приняла его только послѣ испытанія. Она приказала духамъ острова принять видъ разбойниковъ, которые будто бы окружили ее съ злымъ намѣреніемъ, сама притворилась испугавшеюся и бросилась со скалы въ пропасть. Шень-цай не задумался броситься вслѣдъ за ней, но она спасла ему жизнь своей чудотворной силой. Мiao-шенъ приобрѣла и ученицу, дочь царя дракона морей. Третій сынъ дракона плавалъ подъ видомъ рыбы, попалъ въ сѣти и былъ проданъ на базарѣ. Мiao-шенъ приказала Шень-цаю принять видъ человѣка и освободить плѣнника. За это царь драконовъ подарилъ Мiao-шенъ перлъ, который свѣтилъ ночью, чтобы она могла читать священныя книги, когда темно. Съ этой вѣстью онъ отправилъ къ ней свою дочь; Мiao-шенъ соединила ее съ Шень-цаемъ такъ, что они стали какъ бы братъ и сестра.

Небо въ наказаніе послало на Мiao-чжоана, отца царевны, ужасную болѣзнь. Его тѣло подверглось гніенію и покрылось прыщами и язвами. Мiao-шенъ узнала объ этомъ, не оставляя острова. Больной царь издавъ указъ призвать лучшихъ лѣкарей. Мiao-шенъ приняла видъ стараго жреца, пришла во дворецъ отца и объявила, что единственное лѣкарство, отъ котораго встанетъ царь, рука и глазъ одного изъ его близкихъ. Оба предмета находятся на островѣ. Путо Тотчасъ

живой богъ!» сказалъ Нингунэ. Послѣ того тотъ бурханъ такъ и остался со стрѣлой въ плечѣ.

Сантанъ-джимба.

Можетъ быть и съ приподнятымъ плечомъ? Случай движенія бога, застыившаго въ моментъ, когда оно было застигнуто человѣческимъ вниманіемъ: 1) Манджушри, слушая рѣчь Чандра-гомниа, повернулъ лицо въ сторону и, когда замѣтившіе это люди удивились, остался въ такомъ видѣ подъ именемъ «кривошеяго арья» (Васильевъ, Дараната, 157). 2) Авалокитешвара поучалъ Чандра-гомниа; Чандра-кirti отворилъ дверь, чтобъ взглянуть на бога; палецъ статуи остался вытянутымъ (ibid.).

Манджушри попросилъ у Еженъ-хана земли величиной съ одну ама ¹⁾ дабы ²⁾; Еженъ-ханъ далъ согласіе. Манджушри разостлалъ аму и она покрыла всѣ пять вершинъ у-тайскихъ горъ.

Онъ же.

Пржевальскій слышалъ въ Тибетѣ въ городѣ Синниѣ разсказъ: Во времена давнія, въ Тибетъ пришелъ какой-то иностранецъ и просилъ, чтобъ ему продали кусокъ земли, равный бычьей шкурѣ. Тибетцы согласились на это, заключили условіе и взяли деньги. Иностранецъ разрѣзалъ шкуру на тонкіе ремни, обложилъ ими порядочное пространство и объявилъ эту землю своею собственностью. Съ той поры тибетцы боятся пускать къ себѣ иностранцевъ (Третье путеш., 333). Поэтому, будто бы, они не пропустили Пржевальскаго въ Лассу. Разсказъ этотъ записанъ тамъ же, гдѣ Гюкь, Пржевальскій, Крейтнеръ и я слышали легенду о построеніи Лассы; вѣроятно онъ находится въ связи съ этой легендой. Разсказъ о бычьей кожѣ давно уже былъ записанъ у якутовъ (см. Миддендорфъ, Путеш. по Сибири, рус. изд., ч. II, отд. VI, в. 7, стр. 763; Очерки с. з. Монг. IV, 625; Худяковъ, Верхоянскій Сборн., Иркут., 1890, стр. 54; Извѣст. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XVIII, стр. 11); хитрымъ покупателемъ земли якутское преданіе выставило русскаго; вѣроятно это повзрѣвшее измѣненіе. Въ якутскомъ преданіи въ связи съ этой темой стоитъ имя Тыгынъ или Тызынъ: онъ обманутъ при покупкѣ земли. Въ Амдо нѣкогда существовало государство Тогонъ; оно было основано тунгусскимъ племенемъ Сянь-би, пришедшимъ сюда изъ Маньчжуріи; именемъ Тогонъ это тунгусское племя будто бы было названо впоследствии однимъ изъ его владѣльцевъ въ честь Тогона, основателя династіи; вѣроятно же Тогонъ былъ легендарный предокъ этого племени. Не эти ли Тогоны принесли съ собою въ Амдо легенду о бычьей кожѣ?

Разсказъ о бычьей кожѣ приуроченъ и къ Тобольску. вмѣсто Тызына Кёtsim-kan, т. е. Кучумъ (Padloff, Prob., IV, 11). Къ Тобольску же приурочена и тема о коварномъ спавнаніи веномъ мѣстнаго князя; вмѣсто якутскаго Тызына здѣсь татарскій князь Сейдякъ.

Разсказъ о бычьей кожѣ принадлежитъ къ группѣ легендъ о захватѣ и дѣлежѣ земли. Ср. легенды о трехъ братьяхъ-первонаселенникахъ (рѣшеніе спора выданіемъ комка земли черезъ рѣку и обманъ при этомъ; извѣстную мнѣ русскую литературу я указалъ въ Зап.-Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 145) и о спорѣ боговъ изъ-за обладанія міромъ. Въ послѣдней въ числѣ трехъ боговъ существенны собственно два: Майдари (Шянба) и Бурханъ-бакши; послѣдній выигрываетъ обманомъ (см. Очерки, IV, 269). Разсказъ этотъ входитъ въ составъ космогонической легенды, разобранной А. Н. Веселовскимъ (Разысканіе въ обл. русск. дух. стиховъ, гл. XI—XVII, 1889). Въ алтайской версіи этой легенды Ерликъ проситъ у творца земли уступить ему только то пространство, которое покрыто нижнимъ концомъ его посоха. Творецъ даетъ; Ерликъ отнимаетъ посохъ и изъ отверстія, которое было покрыто его концомъ, ползали гады, распоро-странившіеся по всей землѣ.

¹⁾ Квадратъ, оторванный отъ куска матеріи.

²⁾ Даба—бязь, бумажная ткань.

что волею послѣ поученія началъ гоняться за овцами, Бурханъ-багши сказалъ объ немъ: «Онъ тугоухій» (хата чикту)! Волка и теперь въ Ордосѣ зовутъ двумя именами: чоно и хата-чикту.

Пунцукъ, монголь изъ Ордоса.

35. а. МИЛЯРЪ АВА И ГОМБУ ДОРЧЖИ.

(Монгольскій).

Гомбу-дорчжи имѣлъ двухъ сыновей Нуи и Нунджу и собаку. Втроемъ они поѣхали на охоту и выгнали оленя. Олень выбѣжалъ къ пещерѣ, въ которой сидѣлъ Милляръ-ава, и легъ передъ нимъ. Милляръ-ава сталъ сидѣть неподвижно. Собака добѣжала до Милляръ-авы и также легла. Гомбу-дорчжи говоритъ: «Что это значитъ! Моя собака всегда бросалась и хватала оленя, а теперь онъ лежитъ и она лежитъ. Ты что за могучій человекъ?» спросилъ Гомбу-дорчжи у Милляръ-авы и при этомъ похвастался, что его стрѣла достигаетъ и неба и океана. Дѣти стали поддерживать отца подъ локти: Гомбу-дорчжи натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ небо. «Ниже!» сказали дѣти. Онъ направилъ стрѣлу въ землю. «Выше!» сказали дѣти. Гомбу-дорчжи направилъ стрѣлу въ середину и стрѣла пошла прямо къ Милляръ-авѣ, но возвратилась въ грудь Гомбу-дорчжи.

Пунсукъ, монголь изъ Ордоса.

Escaïgas, Mem. sur la Chine, p. 77: Хwei-таа былъ стрѣлокъ и гнался за оленемъ; животное укрѣпилось въ храмѣ и духовное лицо остановило охотника словами, что онъ долженъ, вмѣсто животнаго, себя убить. Стрѣлокъ сломалъ свой лукъ, обрѣлъ голову и сталъ монахомъ.

Ср. съ повѣстью о св. Власіи, который отшельничалъ въ горѣ Арате и исцѣлялъ звѣрей (Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ, т. I, 356).

б. МИЛЯРЪ-АВА.

(Монгольскій).

Были два старика Гомбу-лочжу, по монгольски Хара-ѳбугюнъ (черный старикъ), и Сэрмынъ-намджу, по монгольски Чаганъ-ѳбугюнъ (бѣлый старикъ); оба они не знали нома, подобно джерлику¹⁾; они не знали земледѣлія и питались листьями крапивы (халгый). Однажды, охотясь съ собаками за оленями, они наткнулись на мѣсто, гдѣ отшельничалъ Милляръ-ава. Милляръ-ава пытается убѣдить ихъ поклониться

¹⁾ Джерликъ — чортъ.

больше, что подъ лепесткомъ любого изъ нихъ могли отъ дождя укрыться 500 человекъ. Здѣсь же было озеро Нцу-памали. Матери и отца у Урджанъ-рембучи не было; онъ спустился съ неба на вершину горы Сандыгъ. На вершинѣ горы лежалъ камень Папаву-раншюнъ; это былъ его отецъ; озеро Нцу-памали было матерью Урджана. Камень Папаву спустился съ горы въ воду; вода закипѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вошелъ въ нее и изъ водоворота вышелъ бутонъ, въ которомъ сидѣлъ Урджанъ-рембучи. У этого цвѣтка было 19 лепестковъ. Урджанъ-рембучи вышелъ изъ цвѣтка, какъ изъ утробы матери. Имя этому цвѣтку во время рожденія Урджана было Цорки-дорчи.

Въ то время былъ царь Сахуръ-джалву; онъ схватилъ Урджана и хотѣлъ его убить. По приказанію царя привезли на 3000 яковъ дерева занданъ, сложили изъ него костеръ въ видѣ пустого въ серединѣ четырехугольника, на дрова положили масла; внутрь костра положили Урджанъ-рембучи, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Зажгли огонь, онъ горѣлъ одинъ годъ семь мѣсяцевъ; съ неба пошелъ въ середину костра дождь, дрова горять, а Урджану-рембучи никакого вреда отъ огня нѣтъ. Внѣ костра тоже шелъ большой дождь и кругомъ костра образовалось море. Сахуръ-джалву пришелъ посмотрѣть; видитъ, на небѣ появилась радуга. Внутри горящаго костра образовалось озеро, изъ центра котораго вышелъ цвѣтокъ и поднялъ на себѣ Урджана; сидитъ онъ въ видѣ прекраснаго шестнадцатилѣтняго юноши. «Это что за мальчикъ? изъ какого такого народа?» спрашиваетъ царь, издали вглядываясь удивленными глазами. Царь думаетъ: «Цѣлый годъ горѣлъ огонь, а этотъ человекъ не сгорѣлъ въ немъ! опять же отъ него пріятный аромат идетъ! Это бурханъ! я не зналъ этого ранѣ!» Онъ преклонился передъ богомъ, собралъ весь свой народъ и приказалъ ему тоже преклониться. Посадили Урджанъ-рембучи въ телегу, чтобы везти его съ почетомъ въ домъ царя; 500 человекъ не могутъ сдвинуть телегу. Сахуръ-джалву и всѣ его вельможи поклонились Урджану; бурханъ не движется. Тогда бурханъ Ртомба-Шихча-тоба сказалъ: «Вамъ нужно обмыться и прочесть номъ; тогда бурханъ двинется!» Народъ омылся, прочитали номъ и бурханъ сошелъ съ мѣста; его привезли во дворецъ.

Узнавъ объ этомъ царь Мертеки-джалву; онъ пришелъ съ большимъ войскомъ, чтобы отнять Урджана у Сахура; отнялъ, навязалъ Урджану на шею камень въ 500 фунтовъ и бросилъ его въ озеро. Водяные хозяева (по саньчуаньски улусы, по тангутски улу-чжалву) унесли его внизъ, узнали въ немъ Урджана и дали ему двадцать пять рембучи ¹⁾; взялъ ихъ Урджанъ-рембучи, вышелъ изъ воды и достигъ страны Самьи (Самъжи). Тутъ не было лѣсу ни ивы, ни другого дерева; былъ только одинъ столбъ. Изъ него онъ сдѣлалъ 108 суме по имени Учжа-дабчжалъ. Подъ столбомъ положилъ камень чернаго золота. Въ это время существовали хланджи; они дѣлали вредъ людямъ, наводили на нихъ морь, причиняли неурожаи. 1500 хланджей задумали ниспровергнуть всѣ монастыри и омбу. Царь Чжакыр-чжалву задумалъ взять Урджана; онъ привязалъ Урджана въ дереву, поднимавше-

¹⁾ Рембучи—сокровище, драгоценность.

рше онъ обыкновенно скрывалъ. Досталось идти дѣвушкѣ, единственной дочери одной женщины. Дѣвушка плачетъ и учитъ мать скатать ей колобокъ, замѣсивъ на своемъ молокѣ. Мать замѣсила на своемъ молокѣ рсамбу¹⁾, скатала изъ нея колобокъ и дала дочери. Когда дѣвушка стала брить царя, она вынула колобокъ и закусилъ его. Царь Ландеръ попросилъ у нея колобка. Она дала. Когда Ландеръ тоже поѣлъ колобка, дѣвушка начала плакать. «О чемъ ты плачешь?» спрашиваетъ её царь. Она говоритъ: «Ты меня убьешь, а мнѣ тебя жалко; ты мнѣ теперь все равно, какъ братъ, потому что ты съѣлъ колобокъ, замѣшанный на молокѣ моей матери». Царь сказалъ, что онъ не убьетъ её, но приказалъ ей молчать и сохранить въ тайнѣ, что у него на головѣ есть рога. Дѣвушка старалась хранить тайну и заболѣла. Призвали ламу, свѣдущаго въ леченіи болѣзней. Лама говорить, что болѣзнь произошла оттого, что дѣвушка скрываетъ какую-то тайну. Пусть выскажетъ и все пройдетъ, посоветовалъ лама. Дѣвушка говоритъ, что она не можетъ высказать свою тайну, потому что и въ этомъ случаѣ ей угрожаетъ смерть (т. е. казнь отъ царя Ландера). Тогда ей посоветовали сказать свою тайну въ разщелину городской стѣны. Такъ дѣвушка и сдѣлала; она нашла разщелину въ городской стѣнѣ, применила къ ней губами и сказала: «У царя Ландера на головѣ есть рога». Въ разщелинѣ выросъ тростникъ. Одинъ молодой человекъ срѣзалъ тростинку и сдѣлалъ изъ нея дудку; выйдя на вершину горы, онъ заигралъ въ дудку. Дудка спѣла: «У царя Ландера на головѣ рога!» Услышалъ эти слова Цагдуръ²⁾, который былъ въ это время на горѣ. Онъ подумалъ: «Этого рогатаго царя нужно убить!» Онъ надѣлъ на себя платье, которое ламы надѣваютъ во время чама³⁾, и маску съ бычьими рогами; въ широкіе рукава платья спряталъ лукъ и стрѣлы и началъ плясать передъ дворцомъ. Царь вышелъ изъ дворца посмотрѣть на плясуна. Цагдуръ пустилъ стрѣлу и убилъ Ландера въ лобъ, а самъ обратился въ бѣгство. За нимъ послали погоню. Цагдуръ прибѣжалъ сначала въ Тендыкъ, но здѣсь его стали догонять; онъ побѣжалъ въ Яндыкъ, но и здѣсь его стали догонять. Оттого эти мѣста и зовутся Тендыкъ-Яндыкъ⁴⁾. Тогда онъ бѣжалъ за Желтую рѣку; гдѣ онъ сидѣлъ на берегу, противъ деревни Джонтонъ⁵⁾, тамъ и теперь указываютъ слѣды его сидѣнья⁶⁾. Переправившись за рѣку, онъ достигъ озера Лхалунъ-нцо⁷⁾ и здѣсь скрылся въ пещерѣ. Паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру; люди, гнавшіеся за Цагдуromъ, подошли къ пещерѣ, увидѣли паутину во входѣ, подумали, что никто въ пещеру не входилъ, и прекратили свои поиски. Сердце его въ это время стучало.

(Тангутъ?).

¹⁾ Рсамба—ячменная мука.

²⁾ Цагдуръ тибетское имя бога, который помогол. назв. Очирвани.

³⁾ Чамъ—религіозная пляска.

⁴⁾ Горы на сѣв. берегу Желтой рѣки, къ з. отъ Саньчуани.

⁵⁾ Саларская деревня Дондонъ.

⁶⁾ Эти же углубленія въ скалѣ салары приписываются сидѣнью Кусэра.

⁷⁾ Это же озеро саньчуаньскіе широнголы называютъ Шинь-ся-норъ, салары зовутъ просто «озеромъ». Оно лежитъ на ю. отъ деревни Дондонъ. См. ч. I, стр. 177.

39. ЦЗОНКАВА.

(Тангутскій).

а. Сначала сходилъ на землю Майдере или Шянба и люди ему поклонялись, потомъ пришелъ Бурханъ-бакши или Томба-Шигпа-тува и наконецъ Цзонкава.

Прежде на мѣстѣ монастыря Гумбума никакихъ строеній не было; всѣ горы были покрыты лѣсомъ; мѣсто называлось Гарчикъ. Гдѣ нынѣ Алтынъ-суме (храмъ съ позолоченой кровлей), жили отецъ и мать Цзонкавы. Когда Цзонкава родился, послѣдъ зарыли въ землю около дома; на этомъ мѣстѣ выросло дерево зандынъ. Собравъ кровь отъ родовъ и землю, ея орошенную, выбросили подальше; тутъ выросло другое зандынъ, которое стоитъ въ нижнемъ концѣ монастыря. Когда ребенку минуло семь лѣтъ, ему постригли волосы и бросили; на этомъ мѣстѣ выросло третье зандынъ, которое стоитъ въ верхнемъ концѣ монастыря. Всего въ Гумбумѣ три зандына; вслѣдствіе этой легенды о Гумбумѣ говорятъ, что у него «мясные корни». Пришедши въ возрастъ, Цзонкава ушелъ жить въ монастырь Шячунъ, а изъ Шячуна ушелъ въ Галданъ (близъ Лассы). Онъ отличался большимъ носомъ, его звали поэтому амдо навучи, «большеносый амдосецъ». Двое ласскихъ ламъ пожелали испытать, дѣйствительно ли Цзонкава знаетъ номъ и пошли къ нему; дверь, въ которую пришлось входить, была низенькая; лама, шедшій впереди, задѣлъ шапкой за верхній косякъ двери; шапка упала; лама наклонился, чтобы поднять шапку. Сзади шедшій лама говоритъ про себя: «Мой товарищъ поклонился Цзонкавѣ; нужно и мнѣ поклониться». И онъ поклонился. Цзонкава захотѣлъ помочиться и вышелъ вонъ, не снявъ орхимджи. Ламы думаютъ: «Э, Цзонкава вовсе не знаетъ закона! Кто же, не снявъ орхимджи и не положивъ его въ приличное мѣсто, ходитъ мочиться!» Они выглянули въ двери; Цзонкава мочится безъ орхимджи, а орхимджи виситъ на рогахъ бурхана, который находился внѣ дома.

(Запис. въ Гумбумѣ отъ тангутск. ламы Вайди Нам-цзяла, род. изъ деревни Машинъ, близъ Гумбума).

б. Цзонкава родился на мѣстѣ, гдѣ нынѣ суме съ золотой крышей. Тутъ прежде былъ ключъ.

Подросши, Цзонкава отправился учиться въ обитель Шячунъ; тамъ его наставникомъ (бакши) былъ Чжочжунд-рембучи. Когда Цзонкава отсюда отправился въ Лассу изучать номъ, бакши приказалъ ему, взошедши на высокую гору, взглянуть назадъ. Цзонкава не исполнилъ приказанія и прошелъ въ Лассу весь путь, держа лицо впередъ. Бакши Чжочжунд-рембучи осердился и въ досадѣ началъ бить по стѣнамъ дома, въ которомъ жилъ Цзонкава. Всѣ деревянныя доски полетѣли въ небо черезъ отверстіе, которое было въ потолокъ. Въ испугѣ Чжочжунд-рембучи

что волкъ послѣ поученія началъ гоняться за овцами, Бурханъ-бакши сказалъ объ немъ: «Онъ тугоухій» (хата чигту)! Волка и теперь въ Ордосѣ зовутъ двумя именами: чоно и хата-чигту.

Пунцукъ, монголь изъ Ордоса.

35. а. МИЛЯРЪ АВА И ГОМБУ ДОРЧЖИ.

(Монгольскій).

Гомбу-дорчжи имѣлъ двухъ сыновей Нуи и Нунджу и собаку. Втроемъ они поѣхали на охоту и выгнали оленя. Олень выбѣжалъ къ пещерѣ, въ которой сидѣлъ Миляръ-ава, и легъ передъ нимъ. Миляръ-ава сталъ сидѣть неподвижно. Собака добѣжала до Миляръ-авы и также легла. Гомбу-дорчжи говоритъ: «Что это значить! Моя собака всегда бросалась и хватала оленя, а теперь онъ лежитъ и она лежитъ. Ты что за могучій человекъ?» спросилъ Гомбу-дорчжи у Миляръ-авы и при этомъ похвастался, что его стрѣла достигаетъ и неба и океана. Дѣти стали поддерживать отца подъ локти; Гомбу-дорчжи натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ небо. «Ниже!» сказали дѣти. Онъ направилъ стрѣлу въ землю. «Выше!» сказали дѣти. Гомбу-дорчжи направилъ стрѣлу въ середину и стрѣла пошла прямо къ Миляръ-авѣ, но возвратилась въ грудь Гомбу-дорчжи.

Пунсукъ, монголь изъ Ордоса.

Escaigas, Mem. sur la Chine, p. 77: Xwei-tsan былъ стрѣлокъ и гнался за оленемъ; животное укрылось въ храмъ и духовное лицо остановило охотника словами, что онъ долженъ, вмѣсто животнаго, себя убить. Стрѣлокъ сломалъ свой лукъ, обрилъ голову и сталъ монахомъ.

Ср. съ повѣстью о св. Власіи, который отшельничалъ въ горѣ Араче и исцѣлялъ звѣрей (Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ, т. I, 356).

б. МИЛЯРЪ-АВА.

(Монгольскій).

Были два старика Гомбу-лочжу, по монгольски Хара-ѳбугюнъ (черный старикъ), и Сэрынъ-намджу, по монгольски Чаганъ-ѳбугюнъ (бѣлый старикъ); оба они не знали нома, подобно джерлику¹⁾; они не знали земледѣлія и питались листьями крапивы (халгый). Однажды, охотясь съ собаками за оленями, они наткнулись на мѣсто, гдѣ отшельничалъ Миляръ-ава. Миляръ-ава пытается убѣдить ихъ поклониться

¹⁾ Джерликъ — чортъ.

большіе, что подъ лепесткомъ любого изъ нихъ могли отъ дождя укрыться 500 человекъ. Здѣсь же было озеро Нцу-памали. Матери и отца у Урджанъ-рембучи не было; онъ спустился съ неба на вершину горы Сандыгъ. На вершинѣ горы лежалъ камень Папаву-раншюнъ; это былъ его отецъ; озеро Нцу-памали было матерью Урджяна. Камень Папаву спустился съ горы въ воду; вода закипѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вошелъ въ нее и изъ водоворота вышелъ бутонъ, въ которомъ сидѣлъ Урджанъ-рембучи. У этого цвѣтка было 19 лепестковъ. Урджанъ-рембучи вышелъ изъ цвѣтка, какъ изъ утробы матери. Имя этому цвѣтку во время рожденія Урджяна было Цорки-дорчи.

Въ то время былъ царь Сахуръ-джалву; онъ схватилъ Урджяна и хотѣлъ его убить. По приказанію царя привезли на 3000 яковъ дерева занданъ, сложили изъ него костеръ въ видѣ пустого въ серединѣ четвероугольника, на дрова положили масла; внутрь костра положили Урджанъ-рембучи, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Зажгли огонь, онъ горѣлъ одинъ годъ семь мѣсяцевъ; съ неба пошелъ въ середину костра дождь, дрова горятъ, а Урджяну-рембучи никакого вреда отъ огня нѣтъ. Внѣ костра тоже шелъ большой дождь и кругомъ костра образовалось море. Сахуръ-джалву пришелъ посмотрѣть; видитъ, на небѣ появилась радуга. Внутри горящаго костра образовалось озеро, изъ центра котораго вышелъ цвѣтокъ и поднялъ на себѣ Урджяна; сидитъ онъ въ видѣ прекраснаго шестнадцатилѣтняго юноши. «Это что за мальчикъ? изъ какого такого народа?» спрашиваетъ царь, издали вглядываясь удивленными глазами. Царь думаетъ: «Цѣлый годъ горѣлъ огонь, а этотъ человекъ не сгорѣлъ въ немъ! опять же отъ него пріятный ароматъ идетъ! Это бурханъ! я не зналъ этого ранѣе!» Онъ преклонился передъ богомъ, собралъ весь свой народъ и приказалъ ему тоже преклониться. Посадили Урджанъ-рембучи въ телегу, чтобы везти его съ почетомъ въ домъ царя; 500 человекъ не могутъ сдвинуть телегу. Сахуръ-джалву и всѣ его вельможи поклонились Урджяну; бурханъ не движется. Тогда бурханъ Ртомба-Шихча-тоба сказалъ: «Вамъ нужно обмыться и прочесть номъ; тогда бурханъ двинется!» Народъ омылся, прочитали номъ и бурханъ сошелъ съ мѣста; его привезли во дворецъ.

Узналъ объ этомъ царь Мертеки-джалву; онъ пришелъ съ большимъ войскомъ, чтобы отнять Урджяна у Сахура; отнялъ, навязалъ Урджяну на шею камень въ 500 фунтовъ и бросилъ его въ озеро. Водяные хозяева (по саньчуаньски улусы, по тангутски улу-чжалву) унесли его внизъ, узнали въ немъ Урджяна и дали ему двадцать пять рембучи ¹⁾; взялъ ихъ Урджанъ-рембучи, вышелъ изъ воды и достигъ страны Самы (Самъжи). Тутъ не было лѣсу ни ивы, ни другого дерева; былъ только одинъ столбъ. Изъ него онъ сдѣлалъ 108 суме по имени Учжа-дабчжалъ. Подъ столбомъ положилъ камень чернаго золота. Въ это время существовали хланджи; они дѣлали вредъ людямъ, наводили на нихъ морь, причиняли неурожай. 1500 хланджей задумали ниспровергнуть всѣ монастыри и омбу. Царь Чжабыръ-чжалву задумалъ взять Урджяна; онъ привязалъ Урджяна къ дереву, поднимавше-

¹⁾ Рембучи — сокровище, драгоцѣнность.

рые онъ обыкновенно скрывалъ. Досталось идти дѣвушкѣ, единственной дочери одной женщины. Дѣвушка плачетъ и учитъ мать скатать ей колобокъ, замѣсивъ на своемъ молокѣ. Мать замѣсила на своемъ молокѣ рсамбу¹⁾, скатала изъ нея колобокъ и дала дочери. Когда дѣвушка стала брить царя, она вынула колобокъ и закусила его. Царь Ландеръ попросилъ у нея колобка. Она дала. Когда Ландеръ тоже поѣлъ колобка, дѣвушка начала плакать. «О чемъ ты плачешь?» спрашиваетъ её царь. Она говоритъ: «Ты меня убьешь, а мнѣ тебя жалко; ты мнѣ теперь все равно, какъ братъ, потому что ты съѣлъ колобокъ, замѣшанный на молокѣ моей матери». Царь сказалъ, что онъ не убьетъ её, но приказалъ ей молчать и сохранить въ тайнѣ, что у него на головѣ есть рога. Дѣвушка старалась хранить тайну и заболѣла. Призвали ламу, свѣдущаго въ леченіи болѣзней. Лама говоритъ, что болѣзнь произошла оттого, что дѣвушка скрываетъ какую-то тайну. Пусть выскажетъ и все пройдетъ, посоветовалъ лама. Дѣвушка говоритъ, что она не можетъ высказать свою тайну, потому что и въ этомъ случаѣ ей угрожаетъ смерть (т. е. казнь отъ царя Ландера). Тогда ей посоветовали сказать свою тайну въ разщелину городской стѣны. Такъ дѣвушка и сдѣлала; она нашла разщелину въ городской стѣнѣ, примкнула къ ней губами и сказала: «У царя Ландера на головѣ есть рога». Въ разщелинѣ выросъ тростникъ. Одинъ молодой человекъ срѣзалъ тростинку и сдѣлалъ изъ нея дудку; выйдя на вершину горы, онъ заигралъ въ дудку. Дудка свѣла: «У царя Ландера на головѣ рога!» Услышалъ эти слова Цагдуръ²⁾, который былъ въ это время на горѣ. Онъ подумалъ: «Этого рогатаго царя нужно убить!» Онъ надѣлъ на себя платье, которое ламы надѣваютъ во время чама³⁾, и маску съ бычьими рогами; въ широкіе рукава платья спряталъ лукъ и стрѣлы и началъ плясать передъ дворцомъ. Царь вышелъ изъ дворца посмотрѣть на плясуна. Цагдуръ пустилъ стрѣлу и убилъ Ландера въ лобъ, а самъ обратился въ бѣгство. За нимъ послали погоню. Цагдуръ прибѣжалъ сначала въ Тендыкъ, но здѣсь его стали догонять; онъ побѣжалъ въ Яндыкъ, но и здѣсь его стали догонять. Оттого эти мѣста и зовутся Тендыкъ-Яндыкъ⁴⁾. Тогда онъ бѣжалъ за Желтую рѣку; гдѣ онъ сидѣлъ на берегу, противъ деревни Джонтонъ⁵⁾, тамъ и теперь указываютъ слѣды его сидѣнья⁶⁾. Переправившись за рѣку, онъ достигъ озера Лхалунъ-нцо⁷⁾ и здѣсь скрылся въ пещерѣ. Паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру; люди, гнавшіеся за Цагдуромъ, подошли къ пещерѣ, увидѣли паутину во входѣ, подумали, что никто въ пещеру не входилъ, и прекратили свои поиски. Сердце его въ это время стучало.

(Тангутъ?).

¹⁾ Рсамба—ячменная мука.

²⁾ Цагдуръ тибетское имя бога, который по монгол. назыв. Очирвани.

³⁾ Чамъ—религіозная пляска.

⁴⁾ Горы на сѣв. берегу Желтой рѣки, къ з. отъ Саньчуани.

⁵⁾ Саларская деревня Дондонъ.

⁶⁾ Эти же углубленія въ скалѣ салары приписываются сидѣнью Кусэра.

⁷⁾ Это же озеро саньчуаньскіе широнголы называютъ Шинъ-ся-норъ, салары зовутъ просто «озеромъ». Оно лежитъ на ю. отъ деревни Дондонъ. См. ч. I, стр. 177.

По манджурскому преданію, вороны разъ спасли основателя царствующаго дома (тай-цзу) отъ неминуемой опасности быть убитымъ въ бѣгствѣ отъ преслѣдовавшихъ его непріятелей, прикрывъ его въ травѣ; въ память этого событія въ манджурскихъ домахъ ставятъ вѣху съ сосудомъ на верху, въ который кладутъ мясо для воронъ. Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. IV. (1871), статья о Палладіи «Дорожн. замѣтки отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Манджурію въ 1870 году», стр. 360. См. также ниже № 55 и примѣчанія къ нему.

38. Ш Я Н Б А.

(Тангутскій).

Въ одной пещерѣ спасался самбава (отшельникъ); около жилъ шянба (мясникъ), ежедневно занятый убиваніемъ барановъ. Однажды шянба хотѣлъ зарѣзать барана; онъ связалъ его и только потомъ замѣтилъ, что забылъ принести изъ дому посудину саба, въ которую цѣдятъ кровь. Онъ положилъ ножъ подлѣ барана и побѣждалъ за сабой. Принесши посудину, не находитъ ножа. Понскавши его напрасно, онъ развязалъ барана; когда баранъ всталъ, оказалось, что ножъ лежалъ подъ нимъ. Баранъ подползъ и прикрылъ его своимъ тѣломъ. Тронутый тѣмъ, что животное также боится смерти, какъ и человѣкъ, шянба пришелъ въ отчаяніе, когда припомнилъ, сколько животныхъ онъ заставилъ пережить тяжелыя минуты; онъ подошелъ къ скалѣ, стоявшей надъ рѣкой, бросился съ нея въ рѣку и утонулъ. Боги спустились въ воду, подняли его тѣло и вынесли на противоположный берегъ. Все это самбава видѣлъ изъ своей пещеры и говоритъ про себя: «Простой шянба сколько перерѣзалъ барановъ и, когда утопился, боги подняли его и перенесли на другой берегъ. Я, который такъ долго молился въ уединеніи, не буду ли выше его, если утоплюсь подобнымъ же образомъ?» Онъ тоже бросился со скалы, но убился и ушелъ на рѣчное дно. Онъ много молился, много перебиралъ четки, но не въ этомъ заслуга передъ богами; нужно имѣть хорошее сердце.

Лама Саранъ, родомъ широнголь изъ Сань-чуани.

Ср. Очерки, IV, 274: на небо поднимаются три прощенные людоеда (махачи); не слѣдуетъ ли поэтому въ Май-дари видѣть созвѣздіе Орионъ? *ibid.*, 260: кающійся махачи обращается въ Май-дари; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2 стр. 61 (семеро кающихся превращаются въ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы); тѣ же «Записки» т. I, в. 1, стр. 123.

Въ двухъ легендахъ Майдари (Шянба) представляется раскаявшимся людоедомъ, разбойникомъ или мясникомъ. Въ тангутскомъ вариантѣ Гесара шянба также людоедъ; см. выше, стр. 7: «семь человѣкоядцевъ Шянба».

У Даранаты (Васильевъ, Буддизмъ, III, 116) есть рассказъ объ отшельникѣ, который девять лѣтъ напрасно трудился, чтобъ удостоиться увидѣть бога Май-трея, и когда уже отчаялся и бросилъ трудъ, послѣ одного дѣла милосердія Май-трея явился ему.

39. ЦЗОНКАВА.

(Тангутскій).

а. Сначала сходилъ на землю Майдере или Шянба и люди ему поклонялись, потомъ пришелъ Бурханъ-бакши или Томба-Шигпа-тува и наконецъ Цзонкава.

Прежде на мѣстѣ монастыря Гумбума никакихъ строеній не было; всѣ горы были покрыты лѣсомъ; мѣсто называлось Гарчикъ. Гдѣ нынѣ Алтынъ-суме (храмъ съ позолоченой кровлей), жили отецъ и мать Цзонкавы. Когда Цзонкава родился, послѣдъ зарыли въ землю около дома; на этомъ мѣстѣ выросло дерево зандынъ. Собравъ кровь отъ родовъ и землю, ею орошенную, выбросили подальше; тутъ выросло другое зандынъ, которое стоитъ въ нижнемъ концѣ монастыря. Когда ребенку минуло семь лѣтъ, ему постригли волосы и бросили; на этомъ мѣстѣ выросло третье зандынъ, которое стоитъ въ верхнемъ концѣ монастыря. Всего въ Гумбумѣ три зандына; вслѣдствіе этой легенды о Гумбумѣ говорятъ, что у него «мясные корни». Пришедши въ возрастъ, Цзонкава ушелъ жить въ монастырь Шячунъ, а изъ Шячуна ушелъ въ Галданъ (близъ Лассы). Онъ отличался большимъ носомъ, его звали поэтому амдо навучи, «большеносый амдосецъ». Двое ласскихъ ламъ пожелали испытать, дѣйствительно ли Цзонкава знаетъ номъ и пошли къ нему; дверь, въ которую пришлось входить, была низенькая; лама, шедшій впереди, задѣлъ шапкой за верхній косякъ двери; шапка упала; лама наклонился, чтобы поднять шапку. Сзади шедшій лама говоритъ про себя: «Мой товарищъ поклонился Цзонкавѣ; нужно и мнѣ поклониться». И онъ поклонился. Цзонкава захотѣлъ помочиться и вышелъ вонъ, не снявъ орхимджи. Ламы думаютъ: «Э, Цзонкава вовсе не знаетъ закона! Кто же, не снявъ орхимджи и не положивъ его въ приличное мѣсто, ходитъ мочиться!» Они выглянули въ двери; Цзонкава мочится безъ орхимджи, а орхимджи виситъ на рогахъ бурхана, который находился внѣ дома.

(Запис. въ Гумбумѣ отъ тангутск. ламы Вайди Нам-
цяла, род. изъ деревни Машинъ, близъ Гумбума).

б. Цзонкава родился на мѣстѣ, гдѣ нынѣ суме съ золотой крышей. Тутъ прежде былъ ключъ.

Подросши, Цзонкава отправился учиться въ обитель Шячунъ; тамъ его наставникомъ (бакши) былъ Чжочжунд-рембучи. Когда Цзонкава отсюда отправился въ Лассу изучать номъ, бакши приказалъ ему, взошедши на высокую гору, взглянуть назадъ. Цзонкава не исполнилъ приказанія и прошелъ въ Лассу весь путь, держа лицо впередъ. Бакши Чжочжунд-рембучи осердился и въ досадѣ началъ бить по стѣнамъ дома, въ которомъ жилъ Цзонкава. Всѣ деревянныя доски полетѣли въ небо черезъ отверстіе, которое было въ потолкѣ. Въ испугѣ Чжочжунд-рембучи

Оба ламы стали шаби Джиламы. Джилама задумалъ построить монастырь на горѣ, на которой жилъ и говорить шаби: «Нужно прежде узнать средство, какъ построить суме, а узнать его можно только въ Дорчжитанѣ. Тамъ есть одинъ 80-ти лѣтній старикъ лама, живущій въ пещерѣ. Идите къ нему и спросите». Два шаби пришли къ тому ламѣ. Онъ спрашиваетъ ихъ: «Что, построили ли Галданъ?» «Построили», отвѣчаютъ шаби. «Не правду говорите!» говоритъ старикъ. «Что же, развѣ доили молоко у львицы!» «Доили», лгутъ шаби. «Неправду говорите! И землю возили на рыжемъ быкѣ» (шира буха)? «Возили», увѣряютъ шаби. «Все неправда!» Шаби ушли. По ихъ уходѣ старый лама говоритъ своему шаби: «Что я сдѣлалъ? Эти люди взяли у меня мой умъ! Иди и отними у нихъ его назадъ! Убей ихъ!» Шаби догнали ламъ и говорятъ: «Вы взяли у моего ламы умъ (ло)! Возвратите!» Тѣ сняли съ себя сдѣланную изъ бычьей шкуры подпругу (гло), которую они нашли дорогой и употребили вмѣсто пояса, и отдали ее посланцу. Шаби вернулся домой; лама спрашиваетъ: «Ну что, убилъ ихъ?» «Нѣтъ», говоритъ шаби, они возвратили украденную подпругу». Тутъ лама понялъ, что его шаби, вмѣсто слова «умъ», ло, понялъ «подпруга», гло и говоритъ: «Ахъ! теперь для красной вѣры пришелъ конецъ. Въ Галданѣ появился проповѣдникъ и теперь желтая вѣра распространится». Когда шаби принесли секретъ ламы, начали строить Галданъ. Отъ кропленія ливнинымъ молокомъ вода въ озерѣ, окружавшемъ Галданъ, заледенѣла и по льду стали возить землю и другіе матеріалы на рыжемъ быкѣ. Когда постройку кончили, Джилама собралъ всѣхъ плотниковъ, каменщиковъ и разныхъ мастеровъ, участвовавшихъ въ постройкѣ, и устроилъ имъ пиръ, благодарилъ ихъ и сказалъ: «Большія хлопоты вамъ были!» А рызаго быка пригласить на пиръ и забыли. Быкъ сказалъ, что онъ три вѣка будетъ разрушать желтую вѣру. Сначала быкъ возродился въ видѣ царя Ландармы, потомъ въ видѣ сининскаго амбана Нингуѣ ¹⁾, потомъ въ видѣ китайскаго генерала Хо-чжунъ-тана.

Во времена послѣдняго, китайскій императоръ пригласилъ къ себѣ въ Пекинъ гэгэна Джанджа-руви-дорчи. Во время угощенія гэгэну подали чашку буту, гэгэнъ выбросилъ буту на землю. Ханъ осердился и спросилъ, что это значитъ; гэгэнъ объяснилъ ему, что недалеко отъ Пекина въ городѣ Ша-хай пожаръ и что онъ бросилъ буту на огонь, чтобъ потушить его. Ханъ велѣлъ узнать, такъ ли это, и если окажется вѣрно, то обѣщалъ оставить Джанджа-гэгэна въ Пекинѣ. Оказалось, что гэгэнъ сказалъ правду. Когда гэгэнъ умеръ, генералъ Хо-чжунъ-танъ говоритъ хану: «Это былъ великій гэгэнъ! нужно для него построить субурганъ въ Утаѣ». Ханъ разрѣшилъ ему и генералъ поѣхалъ приводить приказаніе хана въ исполненіе. Онъ построилъ субурганъ ²⁾ и похоронилъ въ немъ гэгэна головой внизъ, ногами вверхъ. При этомъ онъ сказалъ: «При жизни я тебѣ ничего не могъ сдѣлать; по крайней мѣрѣ послѣ смерти сдѣлаю зло». На этомъ мѣстѣ образовалась курдэ (молитвенная мельница).

Лама Дзундуй, широнголъ изъ Саньчуани.

¹⁾ Нанъ-гэнъ-ю. См. выше, стр. 227.

²⁾ Субурганъ—башня, ступа.

40. ОБРАЗЪ ЦЗОНКАВЫ.

(Широнгольскій).

Цзонкава, построивъ монастырь Галданъ, остался тамъ жить. Думая, что мать его скучаетъ безъ него, онъ взялъ листъ бумаги и кровью изъ своихъ дѣсенъ нарисовалъ свой портретъ и послалъ его съ однимъ человѣкомъ къ матери, которая продолжала жить на его родинѣ (т. е. въ вершинѣ р. Силинъ-голъ, на которой стоитъ городъ Силинъ или Сининъ). Посоль дорогой посмотрѣлъ на портретъ; ему онъ понравился. Онъ сдѣлалъ съ него копію, и копію вручилъ матери, а подлинникъ оставилъ у себя въ монастырѣ Катигавѣ¹⁾. Когда мать развернула картину передъ собой, изображеніе, бывшее на ней, принесло: ама! «мать!» Подлинникъ остался въ монастырѣ Катигавѣ, гдѣ онъ и теперь находится.

Лама широнголъ изъ монастыря Уньча-суме.

Въ монастырѣ Катигавѣ жилъ одинъ лама; онъ занималъ должность нонсу²⁾. Однажды онъ отправился въ Менгу-чжу и зашелъ къ Зонкавѣ. Зонкава сказалъ ему: «Лѣта мои теперь большія; предпринять путешествіе на свиданіе съ матерью я не въ состояніи. Отвези ей мое изображеніе». И онъ нарисовалъ свой портретъ своей кровью и передалъ ламѣ. Лама Катигавѣ-нонсу, прибывъ на родину, не отдалъ изображенія Зонкавы его матери, а оставилъ его въ своемъ монастырѣ. Матери же передалъ копію, которую самъ сдѣлалъ. Эта копія, сдѣланная рукою Катигавѣ-нонсы, очутившись въ рукахъ матери Зонкавы, произнесла: «Мать! каково живешь?» Рисунокъ могъ только эти три слова сказать. Настоящій же, если бы очутился въ рукахъ матери, говорилъ бы съ нею три дня.

Лама Дзундуй, широнголъ.

41. ЧЖАЯНЪ-ЧЖАПША-СЭНЪ.

Три гэгэна Чжаянъ-чжапша-сэнъ, Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ и Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ были сыны одной матери, которую называли Маюла-чжолма. Къ нимъ присоединился четвертый товарищъ Алыкъ-дева-сэнъ. Вчетверомъ они оставили свою родину Чжагыръ-дорчжитанъ и отправились на сѣверъ. Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ поселился тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Рунву-гонченъ³⁾; остальные три това-

¹⁾ Катигавѣ находится въ Сань-чуани на Желтой рѣкѣ. См. указатель къ I тому.

²⁾ Казначей.

³⁾ Рунву—вѣроятно то же, что и Урунву; см. т. I, ч. II, стр. 227.

Тамджинь—богъ, изображенія котораго встрѣчаются въ буддйскихъ монастыряхъ Монголіи и Тибета. По одному показанію, записанному мною въ Ордосѣ, Тамчановъ (т. е. ихъ изображеній) пять, Тамчанъ-шконъ-нга: 1) Тамчанъ-дорчжи-легпа; онъ представляется ѣдущимъ на львѣ (танг. сэнгэ); это самый важный; 2) Тамчанъ-гварныгъ: представленъ ѣдущимъ на козлѣ; 3) Тамчанъ-норчжу; онъ ѣдетъ на верблюдѣ; 4) Тамчанъ-норлыгъ на птицѣ Галчи (по тангут. чунъ); 5) Тамчанъ-рчживу-чэмбу на медвѣдѣ (медвѣдъ по тангут. чи или чирдонъ).

Въ Саль-чуани, въ кумирнѣ монастыря Уньча-сюме я видѣлъ изображеніе Тамджина, ѣдущаго на козлѣ; мнѣ передавали, что ему поклоняются гурьтуны, родъ шамановъ, которые имѣются по одному при монастырѣ. Тамджинъ какъ бы патронъ гурьтуновъ. Силою молитвъ, обращенныхъ къ этому богу, можно привести человѣка въ особое гипнотическое состояніе. Молитвы можетъ читать всякій, лама или свѣтскій человѣкъ, лишь бы зналъ ихъ. Читающій бьетъ въ бубень. Противъ него сидитъ человѣкъ на колѣнахъ, и держитъ въ рукѣ пурьву или простую палку. Пурьву называется особое орудіе; это деревянный стержень или жезлъ, у котораго одинъ конецъ имѣетъ видъ очира, а другой видъ трехграннаго наконечника стрѣлы. Отъ чтенія молитвъ пурьву начинаетъ двигаться въ рукахъ держащаго его: движеніе постепенно усиливается и кончается тѣмъ, что пурьву трясется неустово и трясетъ самого человѣка. Впрочемъ есть люди, у которыхъ не удается вызвать тряску.

У Шлагинтвейта (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, London, 1863, p. 257) о пурьву сказано, что это слово значитъ буквально «гвоздь», «игла» и что это орудіе предотвращаетъ наводненіе злыхъ духовъ. Богъ Тамдинъ, защитникъ отъ злыхъ духовъ, изображается иногда въ видѣ одной головы, коронованной очиромъ; по сторонамъ головы два пурьву остріями внизъ: всѣ три фигуры, голова бога и два пурьву стоятъ на основаніи треугольника, вершина котораго обращена внизъ¹⁾. На стр. 289 пурьву (rhuḡbu) выдается за имя Юпитера и переводится «три гвоздя». Такое названіе приличнѣе Оріону, чѣмъ Юпитеру: три фигуры—голова и два пурьву—соотвѣтствуютъ тремъ звѣздамъ пояса, треугольникъ подъ ними трехъ нижнимъ звѣздамъ Оріона, расположеннымъ въ видѣ треугольника (вершиной впрочемъ къверху).

Отъ одного тангута, вѣры бонбо, ходившаго на поклоненіе въ Лассу, я записалъ показаніе, что въ южномъ Тибетѣ, на перевалѣ къ озеру Джарунъ лежатъ камень, который народомъ принимается за наковальню бога Тамджина (Разспросн. свѣд. о вост. Тибетѣ въ Извѣст. II. Р. Геогр. Общ. за 1887 г. (т. XXIII), кн. 4, стр. 13). Въ Монголіи отдѣльные камни иногда признаются за наковальню Чингисъ-хана (т. е. Темучина). См. Очерки, IV, 803.

О Тамджинъ-ханѣ см. ниже, № 63.

Относительно имени Тамчанъ А. О. Ивановскій сообщилъ мнѣ слѣдующую замѣтку: Это Хаинкирва или Хаигрива (санскр. слово), по тибетски рТа-мГринь, что можно читать Там-динъ, Там-чжинъ, Дам-динъ, Дам-цзинъ и т. д. Jäschke читаетъ Та-din. Первый видъ его Тамчанъ-дорчжи-легпа: дорчже—алмазъ; легпа хорошій. Второй: Т. гварныгъ; наг? черный: ср. Гвардамба (см. выше, стр. 200 — дамба храбрый, благородный, святой); гарнаг, имя лекарства. Третій: Т. норчжу: норъ — рГью (чжу)? нор «драгоценность», «богатство»: рГью — «источникъ»: источникъ богатства? есть имя богини Норчжунъма, «безпрерывное богатство». Четвертый: Т. норлыгъ; нор—лаг? т. е. «драгоценность въ рукѣ», «драгоценная рука». Для послѣдняго Тамчанъ-рчживу-чэмбу предлагаю: рЧжеу (рЧжево, рЧжеву) чэньбо «великій господинъ», «великій князь».

42. УНДУРЪ ГЭГЭНЪ.

(Бурятскій).

Ундуръ-гэгэнъ зналъ, что наступаетъ часъ смерти Банченъ-эрдени. Онъ отправился въ Тибетъ и въ семь дней достигъ резиденціи святаго. Когда послѣ захотѣли узнать, какимъ образомъ онъ успѣлъ такъ быстро совершить этотъ путь и

¹⁾ Ср. съ сказочной темой бурятъ: чтобъ напугать медвѣдя, на плечи человѣка прикрѣпляются два мотка шерстяныхъ нитокъ; см. въ Записк. Вост. сиб. Отд. II. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 87; в. 2, стр. 54.

стали спрашивать жителей по дорогѣ, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придорожные жители видѣли семь ѣдущихъ ламъ (Ундурь-гэгэнъ отправился со свитой изъ шести человекъ), въ другихъ же мѣстахъ людей не видали, а видѣли семь летящихъ ангировъ¹⁾. Прибывъ въ Тибетъ, Ундурь-гэгэнъ не засталъ уже святого въ живыхъ; три дня уже прошло, какъ онъ умеръ. Ундурь-гэгэнъ сталъ его звать и просить возвратиться къ земной жизни. Банченъ-эрдени возвратился въ свое тѣло и спросилъ гэгэна, зачѣмъ онъ его зоветъ. Ундурь-гэгэнъ сказалъ ему, что онъ пріѣхалъ получить совѣтъ, что ему дѣлать съ Халхаскимъ народомъ, который погрязаетъ въ грѣхахъ. Банченъ-эрдени сочинилъ ему особую молитву и вновь перешелъ въ нирвану. Эту молитву теперь читаютъ; она способствуетъ тому, чтобъ душа при смерти изъ тѣла выходила черезъ темя, а не чрезъ какую-нибудь другую часть тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ душа можетъ затеряться въ здѣшнемъ мірѣ, выйдя же изъ темени, она направляется въ верхнія сферы, въ рай. Обыкновенно чтеніе устраивается такъ: одинъ лама читаетъ, а другіе слушаютъ, преклонивъ голову къ землѣ. Отъ чтенія молитвы душа слушающаго направляется къ темени. Когда же человекъ будетъ умирать въ послѣдствіи, душа такого человека также направится къ темени, такъ какъ она привыкла уже къ этому пути.

Жигжидъ Галсановъ, бурятъ хоринскаго вѣдомства (дацанъ Шолоту).

Подъ именемъ Ундурь-гэгэна у монголовъ теперь извѣстенъ первый ургинскій хутукта, иначе первый богдо-гэгэнъ. Г. Позднѣевъ говоритъ, что ургинскихъ гэгэновъ до 1635 г. не было, что въ этомъ году въ семействѣ Тушету-хана родился мальчикъ, которому потомъ было суждено стать первымъ богдо-гэгэномъ; за тѣмъ г. Позднѣевъ говоритъ, что утвержденіе, будто линия богдо-гэгэновъ не возникла самостоятельно въ сѣверной Монголіи, будто рядъ этихъ хубильгановъ прежде являлся въ южной Монголіи и потомъ только одинъ изъ нихъ перенесъ свою резиденцію на сѣверъ и тѣмъ положилъ начало ряду сѣверно-монгольскихъ гэгэновъ, есть будто-бы вымыселъ европейскихъ ученыхъ. Какихъ именно, г. Позднѣевъ не упомянулъ (см. Позднѣевъ, Ургинскіе хутухты, Спб., 1879 г., стр. 5). Мы дѣйствительно нашли у Гюка рассказъ о томъ, что гуй-хуа-чепскій хубильганъ, послѣ одного политическаго инцидента, возродился на сѣверѣ Монголіи подъ именемъ Guison Tamba²⁾ (Huc, Souvenir d'un voyage dans la Tartarie, t. I, Paris, 1850, p. 186). Гюкъ конечно не выдумалъ этого извѣстія, а слышалъ его отъ монголовъ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ отличать Ундурь-гэгэна отъ перваго ургинскаго богдо-гэгэна. Рядъ ургинскихъ богдо-гэгэновъ дѣйствительно начинается съ хубильгана, родившагося въ семействѣ Тушету-хана въ 1635 году, но имя Ундурь-гэгэнъ могло существовать въ Монголіи и ранѣе. Можетъ быть оно придавалось иногда и гуй-хуа-ченскому гэгэну, а въ послѣдствіи было перенесено на ургинскаго богдо-гэгэна вмѣстѣ съ связанными съ нимъ легендами.

Въ существующихъ записанныхъ сказаніяхъ находятся три темы, связанныя съ именемъ Ундурь-гэгэна.

1) Болѣзнь Ундурь-гэгэна и избавленіе его отъ болѣзни замѣною живымъ человекомъ. Легенда записана г. Позднѣевымъ (Ургинскіе хутухты, стр. 36). Ундурь-гэгэнъ заболѣлъ; никакія лѣкарства не помогли ему; тогда ламы поняли, что болѣзнь наслана Ерику-ханомъ, который намѣтилъ взять душу Ундурь-гэгэна; бѣдствіе могло быть предотвращено только принесеніемъ въ жертву Ерику живого человека; это шаманское вѣрованіе; можетъ быть въ древности приносились дѣйствительныя человѣческія жертвы, въ позднѣйшее время онѣ замѣнились

¹⁾ Ангирь—красная утка.

²⁾ Guison Tamba есть конечно Джигдзунъ Дамба, какъ называется по тангутски богдо-гэгэнъ.

женѣ жестокомъ обрядомъ: назначеннаго въ жертву Ерлику человека взамятъ больного одѣвали въ платье больного и изгоняли изъ человѣческаго общества или покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ больной ¹⁾. Во время болѣзни Ундурь-гэгэна многіе князья стали жертвовать Ерлику взамятъ больного, своихъ людей; ихъ одѣвали въ платье, какое носилъ гэгэнъ, и за тѣмъ имъ было велѣно уйти въ лѣсистыя мѣста, и пока не умретъ гэгэнъ, не показываться. Когда гэгэнъ выздоровѣлъ, имъ было позволено возвратиться въ стойбища. Изъ нихъ образовалось племя дархатъ, которое составляетъ родъ крѣпостныхъ ургинскаго богдо-гэгэна. Объ этомъ обычаѣ см. выше, ч. I, стр. 134. Кромѣ дархатъ такое же происхождение отъ изгнаннаго въ степь въ жертву Ерлику приписывается кажется и урянхайцамъ и народу Урусъ (т. е. русскому); къ сожалѣнію, показанія объ этомъ были мною плохо записаны (Очерки, IV, 356).

Историкъ Миллеръ въ своей книгѣ «Описаніе Сибирск. царства», Спб., 1750, стр. 4—5 мѣстилъ такой рассказъ о Чингисъ-ханѣ: Былъ тангутскій ханъ Галданъ дугерь-ханъ, по монгольски Бадарингой-Цаганъ-тынгири. Онъ заболѣлъ; богъ явился ему въ видѣ ламы и сказалъ, что болѣзнь послана ему за невѣріе. Ханъ велѣлъ своему сыну и девяти своимъ знатнымъ слугамъ принять духовное званіе, но тѣ не захотѣли, бѣжали въ степь и овладѣли народомъ, а царевича, который прежде назывался Соту-богдо, сдѣлали ханомъ. При этомъ небольшая птица кричала: чингисъ! чингисъ! Поэтому и дали ему имя Чингисъ-ханъ. Это какъ бы версія легенды о царѣ, обреченномъ смерти и о замѣнѣ его человѣческой жертвой. Можетъ быть преданіе о Чингисѣ рассказывалось и ближе къ легендѣ объ Ундурь-гэгэнѣ. По распространенному въ Халхѣ преданію, Чингисъ былъ найденъ младенцемъ, лежащимъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова. Въ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, будущій вавилонскій царь Навуходоносоръ, найденъ младенцемъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова; этотъ рассказъ находится въ связи съ исторіей мора въ Вавилонѣ и изгнанія въ лѣсъ всѣхъ зараженныхъ. Алтайское сказаніе (Очерки, IV, 169): ханъ, у котораго заболѣлъ сынъ, недоволенъ шаманомъ Джерканатомъ, не захотѣвшимъ замѣнить собою больного и пойдти вмѣсто него въ царство мертвыхъ. Мы сблужали Джерканата съ другимъ шаманомъ Тарханомъ, а этого съ шаманомъ Тѣбъ-тангери, соперникомъ Чингисъ-хана. Тема объ усѣченной и проявляющей жизнь головѣ, связанная съ именемъ шамана Тархана, также отсылаетъ насъ къ Чингисъ-хановскимъ легендамъ (см. Очерки IV, 841). Джерканатъ въ другомъ алтайскомъ вариантѣ участвуетъ въ освобожденіи какого-то Темиръ-боко, прикованнаго въ царствѣ мертвыхъ (ibid., 173); чуть ли это не есть сынъ хана, ради котораго Джерканатъ спускается въ царство Ерлика. Имя Темиръ напоминаетъ первоначальное имя Чингисъ-хана Темучинъ, которое у мусульманскихъ историковъ является въ формѣ Темурчинъ. Кажется въ такомъ видѣ оно употреблялось и въ самой Монголіи. См. ниже, примѣч. къ № 56. Въ Юань-чао-ми-ши царевичъ Толуй идетъ въ замѣнъ больного Оготая, сына Чингисъ-хана; можетъ быть на Толуя рассказъ перенесенъ съ Чингисъ-хана.

Сказаніе о другѣ Чингиса Борчи, Боорчи или Богорчи, повидимому, также способно поддержать предположеніе, что о Чингисѣ говорилось то же, что объ Ундурь-гэгэнѣ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 129) рассказывается: Тайджигуты угнали изъ дома Темучина восемь соловыхъ меринковъ; Темучинъ погнался слѣдомъ и встрѣтилъ Кулукъ-Богурчию, сына Лаху-Баянова; Кулукъ-Богурчи вызвался быть товарищемъ. Когда они прибыли къ Тайджигутамъ и замѣтили около восьми соловыхъ лошадей, Темучинъ хотѣлъ одинъ войти въ кругъ, но Богурчи не согласился оставить его одного и они вдвоемъ отогнали темучиновыхъ лошадей. Когда они возвращались домой, Лаху-Баянъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ; «глядя на нихъ, онъ смѣялся, а обратившись въ сторону, плакалъ». Въ Очеркахъ (IV, 395—398) помѣщенъ рассказъ о мальчикѣ, который служилъ въ одномъ домѣ пастухомъ и укротилъ повадившагося конокрада, какого-то «ирея». За тѣмъ онъ входитъ въ одну юрту; при входѣ въ нее онъ замѣтилъ, что сидѣвшая въ юртѣ молодая женщина «взглянетъ на него, улыбнется; отвернется—плачетъ». Оказалось, что мужъ этой женщины, молодой вельможа, долженъ въ этотъ день идти на съѣденіе какому-то чудовищу Оролынъ-читкуру ²⁾. Мальчикъ вызвался идти вмѣсто обреченной жертвы; онъ былъ одѣтъ въ платье молодого вельможи и отведенъ къ чудовищу, которое, однако, само погибло отъ руки мальчика. За это мальчикъ

¹⁾ У калмыковъ такіе изгнанники называются андынъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 131).

²⁾ Т. е. Ерлику? Оролынъ ср. съ Эрлянъ-ханъ, бурятскимъ именемъ Ерлика.

Въ тѣхъ же Запискахъ В. С. Отдѣла, стр. 123, другой рассказъ объ ангирѣ; это буддйская легенда о кающемся разбойникѣ (человѣкоядцѣ, мясникѣ: см. выше № 38, а также Очерки, IV, 273); кающійся становится богомъ — это Майдари или Шянба¹⁾; лама отшельникъ, въ наказаніе за гордость своею святостью, улетаетъ подъ видомъ ангира. Въ южносибирскихъ легендахъ о сотвореніи міра ангиръ также противопоставляется богу Майдари; см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 139.

3) Сидѣнье въ скутанной юртѣ. Эта тема мнѣ встрѣтилась въ связи съ именемъ Нойонъ-хутухты, а не Ундурь-гэгэна, но ее можно отнести и къ Ундурь-гэгэну, или по крайней мѣрѣ къ богдо-гэгэну. Эпизодъ о Нойонъ-хутухту вставленъ въ рассказъ о Шидырванѣ (Очерки, II, 169); узнавъ, что Шидырванъ казненъ, Нойонъ-хутухту, принимавшій участіе въ заговорѣ Шидырвана, велѣлъ закрыть у своей юрты дымовое отверстіе и дверь, одѣлся съ ногъ до головы въ черное и сталъ читать молитвы. Когда онъ кончилъ, платье его пожелтѣло, только на шеѣ осталось черное; ср. съ № 63 ниже. Въ другихъ вариантахъ сказанія о Шидырванѣ союзникомъ его называется не Нойонъ-хутухту, а богдо-гэгэнь (см. Очерки, IV, 304). Сказочныя темы, отнесенныя къ богдо-гэгэнамъ, къ личностямъ историческимъ, весьма вѣроятно первоначально были связаны съ именемъ мифическаго Ундурь-гэгэна и перешли на богдо-гэгэновъ потому, что народъ смѣшалъ перваго богдо-гэгэна съ Ундурь-гэгэномъ.

Легенда о Тамджинѣ выдаетъ сидѣнье въ темной юртѣ за искупленіе грѣха братоубійства. См. ниже, № 63. Уединеніе послѣ подобнаго преступленія индійскія сказанія приписываютъ Индрѣ (цитаты заимствуемъ изъ *Revue de l'histoire des religions*, 1886, t. XIV, № 3). Рассказъ *Mahābhārata*'ы, стр. 294—297: *Tvaschtri*, врагъ Индры, создалъ трехголового *Viçvaçouira*'у, который числился въ ряду брамановъ. Индра своей молніей убилъ чудовище. Тогда *Tvaschtri* насылаетъ на Индру *Vritru*; Индра не можетъ побѣдить *Vritru*. По совѣту Вишну, онъ прибѣгаетъ къ хитрости; онъ договаривается съ *Vritru* объ условіяхъ битвы и самъ нарушаетъ ихъ и убиваетъ противника. Подавляемый сознаніемъ въ двухъ преступленіяхъ, браманубійствѣ и вл�твопреступничествѣ, Индра погружается на дно моря и остается тамъ въ теченіи тысячи лѣтъ.

Рассказъ *Bhāgavata-Pouāna*'ы, стр. 298: Висварупа, сынъ *Tvaschtri*, трехголовый, заботливый о своихъ предкахъ со стороны матери, далъ имъ участіе въ жертвахъ; это было причиною его ссоры съ Индрой. Индра отрубилъ ему три головы. *Tvaschtri*, чтобъ отмстить за сына, посылаетъ *Vritru*. *Vritru* проглотилъ Индру съ его слономъ, но Индра молніей разорвалъ ему брюхо и раздробилъ голову. Но это торжество не потушило въ немъ угрызений совѣсти, что онъ убилъ брамана, и онъ погрузился въ озеро *Mānasa* и пробылъ въ немъ тысячу лѣтъ.

Изъ *Mārkandeya-Pouāna*, 302: Сынъ *Tvaschtri* былъ нѣкогда убитъ молніей Индры. Индра, виновный въ убійствѣ брамана, былъ въ крайней печали. Онъ предпринялъ очищеніе грѣховъ, сложивъ съ себя блескъ чакры (*çakra*). Такимъ образомъ Чакра сталъ безъ блеска; его блескъ исчезъ въ покаяніи.

У Даранаты есть слѣдующій рассказъ: При царѣ Шилѣ тиртикъ Локаята не вѣритъ въ возможность перерожденій; нѣкто Чандрагоминъ, чтобъ убѣдить его, сказалъ, что онъ на дѣлѣ докажетъ это собственнымъ возрожденіемъ. Онъ сдѣлалъ себѣ знакъ на лбу, взялъ въ ротъ жемчужину и умеръ. Въ чьемъ семействѣ онъ долженъ переродиться, онъ предварительно указалъ. Царскіе послы пошли въ семейство Вишешака и нашли тамъ новорожденнаго съ тѣмъ же знакомъ на лбу и съ жемчужиной во рту. На трупѣ же знакъ на лбу и жемчужина исчезли. Мальчикъ сразу заговорилъ; испуганная мать прикрикнула на него и онъ замолчалъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. Только когда отцу пришлось рѣшать какую-то мудрую задачу, онъ вновь заговорилъ. Онъ женился на Дара, но такъ какъ это было имя богини, которая ему покровительствовала, то онъ оставилъ жену. Тогда тестъ велѣлъ положить его въ ящикъ и бросить въ Гангъ. Богиня Дара спасла его; она воздвигла среди рѣки островъ (Чандра-двипа), куда и причалилъ ящикъ. Имя Чандра-гомина сначала было просто Чандра, «луна», а потомъ, когда онъ сдѣлался упасаккой или гоминомъ, его стали звать Чандра-гоминъ (Васильевъ, Буддизмъ, III, 153). Первый эпизодъ о перерожденіи соотвѣтствуетъ рассказу объ удаленіи Ундурь-гэгэна изъ страны; знакъ на лбу и жем-

¹⁾ Въ русскихъ сказаніяхъ это Рахъ—разбойникъ, который обвиняется и въ кровосмѣшеніи (Садовниковъ, «Сказки Самарск. края, № 99). Въ легендѣ объ Асафѣ (Безсоновъ, «Калики Перехожія», стр. 238) повидимому грѣхъ кровосмѣшенія замѣненъ оскорбленіемъ покойницы въ гробу. Не отголосокъ ли этой же темы рассказъ о татѣ гробномъ въ легендѣ объ Андрѣ юродивомъ?

чужина замѣняютъ тѣ признаки, по которымъ Батырь-бѣли узналъ переродившагося Ундурь-гэгэна. Опущеніе въ ящикѣ въ воду напоминаетъ исторію Чингиса (см. Radloff, Proben, III, 82. Очерки, IV, 231). Странный поступокъ Чандра-гомина съ женой заставляетъ насъ подозрѣвать въ рассказѣ тему о кровосмѣшеніи: Чандра-гоминъ сынъ Дары; по незнанію онъ женится на ней, узнаетъ въ ней свою мать и оставляетъ ее; въ легендахъ о кровосмѣсителяхъ часто является тема объ опущеніи въ воду: мать опускаетъ ребенка въ воду; мать сама кидается въ воду, чтобы утонуть.

Совпаденія темъ о Чингисѣ и Ундурь-гэгэнѣ:

1) У Ундурь-гэгэна есть дархаты. При Чингись-хановой усыпальницѣ также состоитъ словіе тархатовъ (см. ч. I, стр. 121).

2) Къ Ундурь-гэгэну относится рассказъ о болѣзни и о замѣнѣ больного живыми людьми. Съ именемъ Чингись-хана, повидимому, были связаны подобныя же рассказы.

3) Ундурь-гэгэнъ (собственно богдо-гэгэнъ), удалившійся изъ родной страны, узнается по старымъ симпатіямъ (онъ играетъ, вылѣпивъ изъ глины верблюдовъ и изображая, какъ по Монголіи ходятъ караваны). Чингись-ханъ узнается по его старымъ вещамъ, къ которымъ онъ привыкъ во время прежней своей жизни.

4) Ундурь-гэгэнъ (собственно Нойонъ-хутухту) запирается въ темную юрту. Тамджинь-ханъ запирается въ темную юрту. Подъ Тамджиномъ можетъ быть скрывается Темучинъ, съ именемъ котораго связана тема о братоубійствѣ. Онъ убилъ брата Бектера. Кромѣ того онъ убилъ шамана Тѣбъ-тэнгэри, сына Мулика. Когда Есугай, отецъ Чингиса, умеръ, вдова его вошла въ домъ Мулика и Муликъ замѣнилъ Чингису отца, почему вѣроятно лѣтопись и называетъ его Муликъ-эчигэ, «отецъ Муликъ» (Рашидъ-аддинъ, II, 137). Такимъ образомъ Тѣбъ-тэнгэри приходится Чингису въ родѣ своднаго брата. Тѣло убитаго шамана было положено въ юрту, двери и дымовое отверстіе которой были закрыты; снаружи приставлена стража. Но на третій день тѣло шамана исчезло черезъ верхнее отверстіе юрты; это послѣднее чудо не есть ли замѣна чуда съ гэгэномъ, состоявшаго въ замѣнѣ чернаго (покаяннаго?) цвѣта платя желтымъ, т. е. свѣтлымъ? О самомъ Темучинѣ рассказывается, что онъ укрывался въ ущелья, заваленномъ камнемъ и пр.; см. примѣчанія къ № 63.

Жена Чингись-хана, по ордосскому повѣрью, была воплощеніемъ богини Дары. Такъ какъ есть поводъ догадываться, что о Чингисѣ рассказывалась кровосмѣсительная легенда въ родѣ легенды объ Андрѣ Критскомъ, то жена Дара можетъ быть была и его матерью. Въ рассказѣ Саянъ-Сэцэна о томъ далай-ламѣ, который возродился въ Монголіи, сказано, что мать его называлась Дара (Gesch. d. Ost-Mong., 257); легенда объ этомъ далай-ламѣ, жившемъ въ Монголіи, не есть ли отголосокъ легенды объ Ундурь-гэгэнѣ?

Сдается, что легенда объ Ундурь-гэгэнѣ жила въ Монголіи задолго до перваго ургинскаго богдо-гэгэна; она жила уже около эпохи Чингись-хана и его соперника Вана кирейтскаго (поколѣніе хирейтъ—произносится также и хрять—и теперь еще многочисленно въ Ордосѣ); да вѣроятно и еще ранѣе.

Не слѣдуетъ ли къ этому древнему Ундурь-гэгэну отнести то сообщеніе монгольской лѣтописи объ отношеніи перваго богдо-гэгэна къ Цэцэнъ-хану¹⁾, на которое указываетъ г. Позднѣвъ (Ургинскіе хутухты, стр. 6): «Биографія Ундурь-гэгэна почему-то ставитъ Сэцэнъ-хана въ самыя покровительственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія къ ребенку съ самыхъ первыхъ дней его рожденія: такимъ образомъ Сэцэнъ-ханъ въ первый же годъ рожденія ребенка даетъ ему свой титулъ гэгэна, даритъ подарки и выражаетъ ему чисто отеческую заботливость и любовь». Въ сказаніи о Чингись-ханѣ встрѣчается Дай-сэцэнъ; Эсугай передъ своей смертью отвѣтитъ къ нему малолѣтняго Темучина, изъ опасенія козней дала. Правда, мотивировано это тѣмъ, что Эсугай женитъ сына на дочери Дай-сэцэна. Но есть такія параллели: въ калмыцкой сказкѣ царевичъ Го-Чикитъ (воплощеніе Арья-Бало), гонимый махихой, убѣгаетъ и находитъ убѣжище у кутухты, гдѣ онъ и женится (Bergmann, Nomad. Streifereien, Riga, 1805). Въ Алтанъ-Тобчи мальчикъ Болхо спасенъ отъ смерти и отвезенъ къ Шигустей-кутухту, на дочери котораго и женится (Алт. Тобчи, 178). Не были ли эти легенды эпической передачей народнаго обычая приставлять

¹⁾ Цэцэнъ или сэцэнъ «мудрецъ»; въ этомъ же значеніи это слово и у киргизъ и произносится шешенъ. Буряты произносятъ сэсэнъ.

къ ребенку для отвращенія отъ него несчастія особаго покровителя? Такой обычай существуетъ у бурятъ; такими покровителями бывають шаманы, которые въ подобныхъ случаяхъ называются найджи, «друзьями дома». Объ нихъ см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II в. 2, стр. 24. Есть ли обыкновеніе отвозить ребенка, которому, думаютъ, что нибудь угрожаетъ дурное, къ другу-шаману, мнѣ разузнать не случилось¹⁾.

О далай-ламѣ, возродившемся вмѣсто Тибета въ Монголіи, у Сананъ-Сэцэна разсказывается такъ. Въ Монголіи тунюдами правилъ Алтанъ-хаганъ. Онъ узналъ о воплощеніи на землѣ бодисатвы Хоншима (Арья-Бало) въ лицѣ далай-ламы и отправилъ къ нему пословъ; далай-лама своимъ сверхъестественнымъ вѣденіемъ узналъ объ этомъ и отправился самъ въ Монголію. Когда Алтанъ-хаганъ увидѣлъ его, онъ узналъ въ немъ божественнаго посланника, котораго онъ уже ранѣе видѣлъ и который явился ему, чтобы прекратить звѣрскій способъ лѣченія больныхъ ногъ хана; съ этою цѣлью былъ разрѣзанъ животъ у лошади и больныя ноги вложены въ горячую утробу (Gesch. d. Ost-Mong., 229). Ср. съ разсказомъ о Цоктай-ханѣ, ниже, № 65. Повидимому разсказъ о поѣздкѣ далай-ламы первоначально имѣлъ видъ разсказа о поѣздкѣ для укрощенія царя челоуѣкоядца. Можетъ быть эти-то разсказы о далай-ламѣ въ Монголіи и есть легенда объ Ундуръ-гэгэнѣ.

Сананъ-Сэцэновскій разсказъ объ Алтанъ-хаганѣ и далай-ламѣ приуроченъ къ Гуй-хуа-чену. Къ этому же городу Юль приурочивалъ резиденцію Вана-кыреитскаго²⁾. Отсѣченная голова Вана также показываеетъ признаки жизни, какъ и голова Цоктая; см. ниже, № 65. Далай-лама Сананъ-сэцэна соотвѣтствуетъ Батыръ-моосу этого номера, который убилъ Цоктая и привезъ его голову. Въ разсказѣ о Ванѣ кыреитскомъ, вмѣсто одного убійцы, два; они убиваютъ его въ то время, когда онъ сошелъ съ лошади утолить жажду. Ср. съ смертью Тохтамыша въ сказкѣ ба-рабинскихъ татаръ (Radloff, Proben, III, 53).

Если имя Индэръ, встрѣчающееся въ сложномъ Индэръ-хара-мангысѣ (въ сказкѣ № 10, стр. 162) одного корня съ Ундуръ, то это значитъ, что съ послѣднимъ иногда соединилось понятіе о зломъ, вредномъ³⁾. Въ Монголіи встрѣчаются названія горъ Баянь-ундуръ, Индуръ-хамрханъ, Ундуръ-байсыхылынь (Очерки, I, 187, 364; IV, 232); ундуръ по монгольски «высокій». Но на стоверстной картѣ Сѣверной Азіи, составленной г. Большевымъ, въ Алашаньскомъ хребтѣ, вѣроятно по даннымъ Пржевальскаго, назначена гора Баянь-Цундуръ; на картѣ же, приложенной къ книгѣ Пржевальскаго: «Монголіи и страна тангутовъ», изд. 1875 г., та же гора значитъ подъ названіемъ Баянь-цумбуръ. Цумбуръ вѣроятно то же, что Сумбуръ, Сумеръ-ола, т. е. гора Сумеру. Алашанъ (шанъ по китайски «гора») въ древнихъ памятникахъ называется Калашанъ; сопоставленіе формъ Кала и Цумбуръ ср. съ парнымъ въ тангутскомъ Гэсэрѣ: Кала-мэмбуръ (см. выше, стр. 21).

43. МЕНГУ-ЧЖУ.

(Широнгольскій).

Далай-лама-гэгэнъ строилъ на горѣ Потала монастырь Лабранъ. Одинъ изъ плотниковъ, строившихъ зданіе, не вѣрилъ, что Далай-лама-гэгэнъ заплатитъ за работу; всѣ работавшіе были подданные гэгэна и ихъ работа, думалъ плотникъ, будетъ принята за натуральную повинность. Онъ поставилъ главную подпорку, на

¹⁾ Въ турецкой сказкѣ, записанной г. Адриановымъ (Оч., IV, 587) дѣвица Чечинъ собираетъ въ морѣ кости Хангавая и потомъ оживляетъ его. Въ финскомъ эпосѣ мать Леммингайна ищетъ потеряннаго сына, брошеннаго въ воду; обращается съ мольбой къ солнцу; собираетъ изъ воды кости сына и оживляетъ его. Св. Сисиній ищетъ потеряннаго младенца; вопрошаетъ солнце и луну (А. Н. Веселовскій, Разсказанія).

²⁾ Отыскивая эту резиденцію нужно также имѣть въ виду, что къ югу отъ Гуй-хуа-чена находятся развалины города Тохто-хото (см. ч. I, стр. 56).

³⁾ О значеніи ороchonскаго Андурі или Эндурі см. у В. П. Маргаритова въ брошюрѣ: «Объ орочахъ Императорской гавани», Спб., 1888, стр. 25.

бѣдущаго по противоположному берегу на бѣлой лошади, сказала: «Это не тотъ, за которымъ мы гнались! тотъ былъ на черной лошади, а этотъ на бѣлой». И вернулись. Лама укрылся въ пещерѣ; здѣсь тѣло его замерло, но сердце его продолжало биться. Горлица (кугушкѣ) насорила ему на лицо. Погоня вошла въ пещеру и увидѣвъ, что тѣло его неподвижно и что лицо даже покрыто птичьимъ пометомъ, сказала: «Онъ давно уже умеръ!» и удалилась.

Сантанъ-джимба.

Въ пещерѣ при монастырѣ Марцзанъ Лта-чинбу сидитъ одинокій бурханъ. Это былъ лама, бѣжавшій отъ тибетскаго царя Ландармы. Онъ бѣжалъ на бѣлой лошади, которую предварительно окрасилъ въ черный цвѣтъ. Переплывъ рѣку, лошадь вновь стала бѣлою. Люди, гнавшіеся за ламой, говорятъ: «Мы гнались за ламой на карей лошади, а этотъ лама ѣдетъ на бѣлой!» и не погнались за нимъ. Продолжая поиски, они нашли пещеру, въ которую скрылся лама и обмеръ въ сидячемъ положеніи; хуху шибо (голубь), летая въ пещерѣ, насорилъ на его лицо много пыли. Погоня говоритъ: «Много пыли на этомъ покойникѣ. Должно быть давно умеръ». И не тронули его. Этотъ бурханъ имѣетъ мясное тѣло (маха бнтай), но его мясо покрыто сверху глиной. Живущіе около монастыря тангуты присходятъ изъ страны Джуглунва, лежащей около Лассы, самъ же лама бурханъ былъ родомъ изъ горы Тандыкъ, къ западу отъ Санъ-чуани.

Лама широнголь.

45. ЛУМБУНЪ-ЧИМБО.

(Монгольскій).

Въ землѣ Уратовъ, въ западной части Иньшана, противъ сѣверозападнаго загиба Желтой рѣки, находится мѣстность Лумбунъ-чимбо. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ мѣстность въ сухой долинѣ Харганай, гдѣ находятся три пещеры. Внутри пещеры есть почитаемыя народомъ изображенія боговъ, на поклоненіе къ которымъ приходитъ много богомольцевъ. Самая большая пещера называется Икенъ-агуй; въ ней бываетъ хураль (богослуженіе); до 500 ламъ вмѣщается въ пещеру. Входъ въ пещеру обдѣланъ, какъ ворота храма. Внутри много статуй. Другая пещера называется Ердени-дзо; она лежитъ въ высокой горѣ; войдя въ отверстіе, идутъ сначала по горизонтальному полу, потомъ спускаются въ отвѣсный колодезь по деревянной лѣстницѣ, затѣмъ опять идутъ горизонтально. Въ этой нижней галлерей находится само собою явившееся (нерукотворное) изображеніе бога Лумбунъ-чимбо, сидящаго на престолѣ; правый кулакъ бога, держащій отвѣсно стоящій мечъ, покоится на правомъ колѣнѣ. Въ этой же галлерей указываютъ отверстіе, въ которое спускаютъ веревку до 5 сажень длиной и не мо-

47. НЬЮ-ТОУ-ШАНЬ.

(Монгольскій).

Южнѣ Нинъ-ся на Желтой рѣкѣ, на ея правомъ берегу лежитъ гора Нью-тоу-шань, «гора Коровья Голова»; монголы зовутъ ее Ухыръ-ола, «Коровья гора». Тамъ, гдѣ эта гора примыкаетъ къ самой Желтой рѣкѣ, есть группа болѣе чѣмъ изъ десяти монастырей. Всѣ они разрушены давно, до послѣдняго возстанія мусульманъ. Живущіе около китайскіе крестьяне въ развалинахъ монастырей держатъ телятъ и овецъ и хранятъ траву. Группа монастырей, находящихся на вершинѣ горы, называется Та-ши-тянь; отсюда идетъ дорога внизъ къ рѣкѣ. На вершинѣ горы находится холмъ, который называется Алтанъ-тугулъ, «Золотой теленокъ»; другой холмъ находится внизу на берегу рѣки и называется Алтанъ-унага, «Золотой жеребенокъ». Дорога приводитъ къ суме (монастырю), въ которомъ стоитъ субурга (башня); здѣсь есть хашаны (монахи). Монголы изъ Ордоса и Алашаня приходятъ поклоняться этой субургѣ въ 29 число бѣлаго мѣсяца (чаганъ сара). Монголы называютъ эту субургу Гума-сала—субурга. Войдя въ ворота сумы, поклонники обходятъ субургу вокругъ; внутрь субурги не входятъ. Хашаны рассказываютъ, что внутри ея есть другая субурга, которая виситъ на воздухѣ; основаніе ея не прикасается къ земной поверхности; эта внутренняя субурга спустилась съ неба. Когда она опустится и сядетъ на землю, Менгу-чжу (резиденція Далай-ламы) будетъ перенесена на здѣшнее мѣсто. Разрушеніе монастырей приписывается не военному разгрому, а тому, что гора, на которой стояли монастыри, перевернулась или, по крайней мѣрѣ, растрескалась и перевернулась (балбараджи). Поклонившись Гума-сала-субургѣ, монголы-паломники идутъ въ Алашань-китъ, гдѣ около этого времени устраивается чамъ (религіозная пляска) въ честь божества Меленъ-гуру.

Пунсукъ, ордосскій монголь.

Къ юго-западу отъ Хотана въ древности указывали гору Цюй-ши-линь-цзя, которая называлась «Бычьи рога», по двумъ отвѣснымъ скаламъ, между которыми былъ построенъ монастырь (Риттеръ, Землевѣдѣніе, Восточн. Туркестанъ, перев. Григорьева, в. 1, стр. 68). Другая древняя хотанская легенда рассказывала о городѣ Хо-лао-ло-цзя, развратные жители котораго были наказаны за неуваженіе священной статуи Будды (*ibid.*, 21); началась буря, потоки дождя наводнили страну и изрыли всю почву, городъ былъ засыпанъ песчанымъ дождемъ. Хотанскіе жители вѣрили, что удалившаяся тогда изъ города статуя перенесется въ храмъ драконовъ, когда «исполнится законъ Шакіевъ», т. е. по разрушеніи настоящаго порядка вселенной (*ibid.*, LI, примѣчаніе Григорьева, стр. 305). Третья хотанская легенда рассказываетъ объ архангѣ, который поднялъ ступу на ладони и опустилъ, не повредивъ сооруженія (Григорьевъ, Вост. Туркестанъ, 179). Висящую на воздухѣ башню ср. съ рассказомъ Марко-Поло о колоннѣ въ храмѣ, чудесно оставшейся висящею въ воздухѣ, хотя основаніе изъ подъ нея было выкуто (Joul, Marco Polo, vol. I, p. 192), а также см. выше, № 43. Въ числѣ вѣрованій алтайцевъ (Правосл. Соб., 1886, мартъ, ст. о Ландышева «Космогонія алтайцевъ», стр. 7) есть одно о горѣ Алтынъ-ту (Золотая гора), которая съ неба виситъ надъ землею и только на четверть не достигаетъ до земли.

Китайское повѣрье: Въ началѣ калпы (періода) лисица, обезьяна и заяцъ жили въ дружбѣ, не смотря на свою породу. Царь неба Чакра (Индра) подѣ видомъ старца отправился къ тремъ животнымъ просить пищи. Лисица поймала для него карпа, обезьяна собрала фрукты; заяцъ, въ отчаяніи, что онъ слабъ силами, бросился въ огонь. Старецъ взялъ сгорѣвшаго зайца и помѣстилъ на лунѣ, чтобы его великодушіе сохранить въ памяти людей. Annales du Musée Guimet, t. XI, Paris, 1886, p. 497.

Очерки, IV, 223: на вершинѣ горы Сумерь три суме, тридцать три тѣнгиря и дерево замбыдзандынъ¹⁾, плодами котораго питались тѣнгиря.

Объ оливкомъ, колоссальномъ деревѣ Оронъ-ганцханъ-модо (Урунъ-модонъ) см. въ Очеркахъ, II, 161; IV, 187, 326; Pautier, Le livre Marco Polo, I, 95.

Въ Очеркахъ, дерево Оронъ стоитъ въ связи съ легендой о мальчикѣ, найденномъ подѣ деревомъ; тутъ мальчикъ названъ Бодунтай; но при такихъ же условіяхъ найденъ и Чингисъ-ханъ, во времени котораго народная вѣра видитъ золотой вѣкъ. Старѣйшины, ищущіе младенца, въ которомъ, повидимому, воплощено счастье (кѣшнѣ), идутъ вверхъ по рѣкѣ. Душистые яблоки, сносимыя рѣчнымъ теченіемъ, ср. съ волосами, сносимыми рѣкой, въ XXIII гл. Шиддикура (въ египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ волоса душистые).

50. НЬЮ-ТОУ-ВАНЪ.

(Саньчуаньск. сказка).

Въ одномъ царствѣ былъ бурханъ Нью-тоу-ванъ²⁾, который наложилъ на царство дань, чтобы каждый годъ ему доставляли на съѣденіе мальчика и дѣвочку. Такъ и дѣлалось въ этомъ царствѣ; каждый годъ выбирали мальчика и дѣвочку, одѣвали ихъ въ хорошее платье, садили на престолъ, установленный разными вкусными печеньями и относили въ одну загородную кумирню. Тогда поднимались вѣтры, являлся Нью-тоу-ванъ, богъ съ бычьей головой, въ сопровожденіи многочисленныхъ ратниковъ, входилъ въ кумирню и пребывалъ тамъ. На другой день ходили осматривать кумирню и не находили отнесенныхъ дѣтей. Однажды въ ту страну приходятъ четыре бога: Сунъ-ву-кунъ, Тансынъ-лама, Са-ху-шанъ и Чуба-чже (последній съ свиной головой) и останавливаются въ одномъ домѣ на ночь. Сунъ-ву-кунъ замѣчаетъ, что хозяйка дома плачетъ. «О чемъ ты плачешь?» спрашиваетъ Сунъ-ву-кунъ. Женщина объясняетъ, что у нея одинъ только сынъ и тотъ завтра долженъ идти на съѣденіе бурхану Нью-тоу-вану; что, потерявъ единственнаго сына, она принуждена будетъ оставить свой домъ и выселиться, ища себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ. «Не плачь!» сказалъ ей Сунъ-ву-кунъ. «Я пойду на мѣсто твоего сына на съѣденіе Нью-тоу-вану».

Назавтра мальчика, сына этой женщины, и дѣвочку изъ другого дома одѣли въ новое хорошее платье, посадили на столъ и отнесли въ кумирню. Поднялся вѣтеръ и явился Нью-тоу-ванъ. Спрашиваетъ: «Что мнѣ тутъ приготовлено ѣсть?»

¹⁾ Дзандынъ—сандальное дерево; замбы—Eugenia Jambu.

²⁾ Китайскія слова: нью—«корова», тоу—«голова», ванъ—«царь».

51. СУНЪ-ВУ-КУНЪ.

(Широнгольскій).

Сунъ-ву-кунъ ¹⁾ былъ прежде докшинъ; его усмирилъ Со-чжи-ѣ или иначе Чи-чжа-лао-ѣ, а также Со-чжи-лунъ-ванъ. Послѣдній сидѣлъ въ цвѣткѣ. Сунъ-ву-кунъ подошелъ и сказалъ: «Какой прекрасный цвѣтокъ?» «Если прекрасный, сказалъ Со-чжи-ѣ, то садись въ него». Цвѣтокъ раскрылся, Со-чжи-ѣ вышелъ и Сунъ-ву-кунъ сѣлъ на его мѣсто. Тотчасъ же цвѣтокъ сомкнулъ свои лепестки и Сунъ-ву-кунъ не могъ изъ него выйти. Со-чжи-ѣ согласился растворить цвѣтокъ подъ условіемъ, если Сунъ-ву-кунъ перестанетъ быть докшиномъ ²⁾. Они пошли вдвоемъ и встрѣтили старуху, у которой была единственная дочь. Эта дѣвушка была обречена на сѣденіе чудовищу Чу-ба-дже ³⁾. Сунъ-ву-кунъ говоритъ, что онъ пойдетъ на сѣденіе Чу-ба-дже вмѣсто дѣвушки; одѣлся въ ея платье и отправился. Чу-ба-дже проглотилъ Сунъ-ву-куна; Сунъ-ву-кунъ, очутившись внутри чудовища, схватилъ его сердце и горло въ горсть и сжалъ. Чу-ба-дже взмолился, но Сунъ-ву-кунъ согласился отпустить сердце только подъ условіемъ, если Чу-ба-дже приметъ буддійскую вѣру.

Прежде въ Санъ-чуани горы были голы; травы не было. Народъ молился о дождѣ, который могъ бы вызвать растительность. Сунъ-ву-кунъ сказалъ: «Я самъ буду богомъ». Сѣлъ, какъ изображаются обыкновенно боги, и старается сохранить неподвижное положеніе. Ему захотѣлось помочиться. Народъ подставилъ чаши, говоря: «нашъ богъ льетъ аршанъ!» Попробовали жидкость на вкусъ и сказали: «Э, не вкусно» (э мухай)! Сунъ-ву-кунъ расхохотался. Тогда Ю-хуанъ-ѣ ⁴⁾ опрокинулъ свой сосудъ и пролилъ дождь на землю.

Лама широнголь изъ Санъчуани.

52. ЛЕГЕНДА О ВВЕДЕНІИ МУСУЛЬМАНСТВА ВЪ КИТАѢ.

(Саларскій).

Три товарища Анкасы-баба, Шисы-баба и Вейсы-баба отправились въ Китай съ цѣлью проповѣдывать мусульманскую вѣру. Дорогой двое умерли; въ Китай дошелъ одинъ Анкасы. Танъ-вану ⁵⁾ понравился новый законъ; онъ обмѣнялъ три тысячи китайцевъ-язычниковъ на тысячу хойху. Отъ этихъ послѣднихъ и про-

¹⁾ Монголы переводятъ это имя Мечинъ-бакши (обезьяна — учитель).

²⁾ Докшинъ — свирѣпый.

³⁾ Монголы переводятъ Гахай-бакши (свинья — учитель).

⁴⁾ По-монгольски боронъ етженъ, «хозяинъ дождя».

⁵⁾ Т. е. императору династїи Танъ.

только для трехъ человѣкъ сѣсть. Во время мусульманскаго возстанія тангуты сожгли часовню; теперь она вновь сдѣлана. Она находится выше деревень саларской Чагандасы и тангутской Гурчинь. Салары вклянутся именемъ Ангурь-шиха; такъ тангуты произносятъ: кубжюгъ! такъ салары: Ангурь-шихъ!

Саларь Хэйсы.

6. АНГУРЬ-ЛОНЧЖА.

Выше саларской деревни Чаганъ-тасы въ горѣ надъ Желтой рѣвкой есть изображеніе (?) бога Ангурь-лончжа, по-тангутски Амитаба. Ему повланяются и салары и тангуты. Этотъ Ангурь-лончжа имѣетъ способность перелетать по воздуху отсюда въ Самаркандъ и обратно.

Салары имѣютъ преданіе, что ихъ предки переселились сюда изъ Самарканда; когда ихъ выслали изъ этого города, имъ было приказано идти впередъ до тѣхъ поръ, пока будетъ идти верблюдъ, завьюченный ихъ пожитками и только тамъ остановиться, гдѣ онъ остановится. Верблюдъ остановился въ нынѣшней саларской территоріи; тутъ салары и поселились. Ангурь-шихъ не былъ ли однимъ изъ этихъ первоначальниковъ саларовъ? Ср. съ туркестанской легендой о святомъ Хакимъ-ата, который похороненъ въ мѣстности Бакырганъ-ата (Вельяминовъ-Зерновъ, Исслѣдов. о касим. царяхъ, Спб., 1864, ч. II, стр. 127); мѣсто названо было Бакырганомъ потому, что тутъ, если вѣрить преданію, самъ отъ себя остановился и заревѣлъ (бакырды) верблюдъ, который везъ Хакимъ-ату селиться. О выселеніи уйгуровъ на новую родину, преслѣдуемыхъ криками домашнихъ животныхъ: кочуй! кочуй! см. D'Osson, Hist. d. Mongols. t. I, 435; Radloff, Das Kudatku Bilik, S. Pб., 1891, S. XLIII; о титулахъ уйгурскихъ хановъ: Bukra—chan, Bugra-chan, ibid., XVIII.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ

О ЛИЦАХЪ И МѢСТНОСТЯХЪ.

54. ГУАНЬ-ЛАО-Ъ.

(Китайскій).

Кванъ-ло-ъ¹⁾ былъ на службѣ у царя Соо-со, у котораго была чудесная лошадь Янь-дже-ма²⁾; у нея изъ рта огонь шелъ, изъ задняго отверстія дымъ; она стояла въ желѣзномъ домѣ, поѣдала людей. Кванъ-ло-ъ сталъ просить царя Соо-со, чтобы онъ уволилъ его отъ службы и позволилъ возвратиться на родину. Соо-со спросилъ его, что онъ желаетъ получить въ награду за службу, серебра или шелку. Кванъ-ло-ъ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ лошади Янь-дже-ма. Народъ, видя Кванъ-ло-ъ разъяждающимъ спокойно на Янь-дже-ма, говорилъ: «Кто можетъ такого могущественнаго героя побѣдить?» На это Санъ-янъ, также бывший въ услуженіи у царя Соо-со, сказалъ, что онъ побѣдитъ Кванъ-ло-ъ. И Санъ-янъ погнался за Кванъ-ло-ъ. Увидѣвъ его, Кванъ-ло-ъ вскричалъ: «Ахъ, за мной гонятся два Санъ-яна!» На это Санъ-янъ сказалъ ему: «Санъ-янъ только одинъ я!» «Посмотри, за тобой еще чловѣкъ ѣдетъ». «Никого нѣтъ», отвѣчалъ Санъ-янъ. Но въ это время нѣкто, по имени Чанъ-хой, названный братъ Кванъ-ло-ъ, будучи въ городѣ, ударилъ три раза въ бубенъ. Санъ-янъ обернулся и въ это время Кванъ-ло-ъ отрубилъ ему голову.

Сантанъ-джимба.

Кванъ-ло-ъ, или по-монгольски Кэсырь, былъ сынъ дурныхъ родителей. Мать его была китайская монахиня (шибагунца) вольнаго поведенія. Связавшись съ какимъ-то неизвѣстнымъ, она родила ребенка и отъ стыда спрятала его въ древесное дупло. Китаецъ Чанъ-омоктай³⁾, не имѣвшій дѣтей, нашелъ его и подумалъ: «Это сынъ неба (тенгринъ ху); его родило дерево». И взялъ его въ себѣ на воспитаніе, вмѣсто сына. Кэсырь, пришедши въ возрастъ, подрался съ кѣмъ-то и убилъ своего противника; послѣ этого онъ бѣжалъ изъ города. Когда онъ проходилъ ворота, стража спросила его, какой онъ фамиліи? Кэсырь отъ страху не

¹⁾ Въ текстѣ удержано мѣстное произношеніе.

²⁾ Янь по-китайски «дымъ», ма «лошадь».

³⁾ Омокъ—родъ, поколѣніе. Чанъ-омоктай «изъ поколѣнія Чанъ».

рѣшился сказать своего имени и вмѣсто того, чтобъ сказать Чанъ-омоктай, какъ бы слѣдовало, сказалъ: Кванъ-омоктай. Дѣло происходило лѣтомъ и лицо Кэсыра отъ быстрого движенія раскраснѣлось. За нимъ были посланы два человека въ погоню; когда они спросили у приворотной стражи, не проходилъ ли здѣсь Чанъ-омоктай, тѣ отвѣчали, что нѣтъ, а проходилъ только краснолицый Кванъ-омоктай. Погоня вернулась. Родина Кэсыра въ См-чуанѣ, въ городѣ Пу-чжоу. Ему китайцы поклоняются подъ именемъ Кванъ-ло-ѣ и рисуютъ его съ краснымъ лицомъ и черной бородой. У Кванъ-ло-ѣ было два названныхъ брата Ли-пей (который былъ царемъ въ Ченъ-ду-фу) и Чанъ-хой. Нѣкогда было особое широнгольское царство; имъ управляли три широнгольскихъ хана. Кэсыръ убилъ этихъ хановъ и разрушилъ ихъ царство.

Сантанъ-джимба.

Когда Кванъ-ло-ѣ былъ убитъ, ханъ заболѣлъ и въ народѣ начался моръ. Этотъ моръ прекратился только послѣ того, какъ начали поклоняться Кванъ-ло-ѣ.

Старикъ Чай-и, широнголь
изъ дер. Чи-чжа.

Кашгарцы начали бунтоваться противъ Едженъ-хана и избрали себѣ своего хана, по имени Джангеръ. Китайцы старались усмирить мятежниковъ, но никакъ не могли; у нихъ не хватало силы. Тогда императоръ поклонился статуѣ Кванъ-ло-ѣ, которая стоитъ въ кумирнѣ у однихъ изъ пекинскихъ воротъ. Джангеръ, кашгарскій ханъ, во время битвы увидѣлъ Кванъ-ло-ѣ на небѣ съ грознымъ краснымъ лицомъ, ужаснулся и обратился въ бѣгство; за нимъ устремилось его войско и китайцы побѣдили. Въ тотъ самый день замѣтили, что у пекинской статуи Кванъ-ло-ѣ выступилъ потъ на лицѣ.

Сантанъ-джимба.

Смертельный ударъ во время поворота головы назадъ: Записки Вост. сб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 33, 34: «мангатхалъ» заставляеть своего противника, Гарьюлая обернуться назадъ и въ это время проглатываетъ его; сестра Гарьюлая такимъ же образомъ обманываетъ мангатхалъ. Просто отвороченная въ сторону голова во время борьбы: Очерки. IV, 265; гэгэнь Хуухунъ-хутухту (дѣвица-хутухту), отвернувъ голову, боролся съ шульмусомъ (алымъ духомъ); этотъ гэгэнь и на иконахъ изображается «съ загнутой къверху головой». Мечлиъ (Плеяды) гонятся за Идыганомъ (Большой Медвѣдцей), похитившимъ у нихъ звѣзду: Идыганъ убѣгаетъ, заворотивъ голову (Очерки. IV, 194). Верблюды на водоѣ поворачиваетъ голову то направо, то налѣво: смотреть. нейдетъ ли олень, который похитилъ у него рога (Оч., II, 168). Когда китайское посольство прибыло въ Индію за святою статуею и ему отказывали подъ разными предлогами, статуя, имѣвшая прежде лицо къ югу, обратилась къ востоку, по направленію къ Китаю какъ бы требуя, чтобъ ее отвезли туда (Nouveau Journal Asiatique. t. VII (1831), p. 171). Тема о застывшемъ движеніи: о Манджушри, обернувшемъ голову, чтобы разслушать слова Чандрагомина (Schiefner, Tāranātha's Geschichte des Buddhismus, S. Pb., 1869, S. 153); объ Авалокитешварѣ,

сказалъ ему Гуань-лао-й. Тотъ оглянулся и Гуань-лао-й отрубилъ ему голову. Три названные брата соединились въ городѣ и много пировали.

Послѣ того они втроемъ выѣзжаютъ изъ Гу-чена. Дорогой имъ встрѣчается богатырь; они приглашаютъ его съ собой. Затѣмъ встрѣчаютъ другого, затѣмъ третьяго. Такимъ родомъ составляется компанія изъ шести богатырей.

Есть еще замѣчательный эпизодъ въ Сань-го-ши: Гуань-лао-й ѣдетъ вдвоемъ съ Чигсаномъ, Гуань-лао-й впереди, Чигсанъ сзади. Чигсанъ замахивается на Гуань-лао-й; Гуань-лао-й видитъ это и упрекаетъ товарища. Удивленный, Чигсанъ спрашиваетъ: «Какъ ты видишь, когда я ѣду сзади?» Гуань-лао-й говоритъ: «Кромѣ глазъ спереди, у меня есть еще два глаза сзади».

55. ПАЙ-ЧЖАНЬ-ЧЖЮНЬ.

(Монгольскій).

Когда китайскій императоръ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ, здѣсь не было никакого города, была гладкая стена. Стояла на мѣстѣ города одна только кумирня Пхынъ-сунъ; въ ней жилъ хо-фо (гэгэнъ), котораго монголы почитали, какъ бога. Императоръ вошелъ въ обитель; при входѣ его гэгэнъ не всталъ съ престола, а остался въ сидячемъ положеніи. Бывшій съ императоромъ генералъ Пай-чжань-чжюнь былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ. И хотя императоръ говорилъ ему, что такое поведеніе гэгэну извинительно, потому что онъ не знаетъ, что передъ нимъ стоитъ императоръ, Пай-чжань-чжюнь все-таки не могъ сдержать своего негодованія, выхватилъ длинный кинжалъ и убилъ гэгэна. Оказалось, что подъ сѣдалищемъ гэгэна сидѣла большая черная лягушка, въ которой скрывался нечистый духъ. Послѣ этого началась война между китайцами и монголами и императоръ, испугавшись, переодѣтый въ платье ламы, бѣжалъ изъ Гуй-хуа-чена. Пай-чжань-чжюнь, замѣтивъ отсутствіе императора и полагая, что онъ погибъ въ схваткѣ, отрубилъ себѣ голову большимъ баодяномъ¹⁾. Императоръ тѣло генерала увезъ въ Китай, а на мѣстѣ его смерти поставилъ его статую, которая и теперь стоитъ въ кумирнѣ сы-танъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Этой статуѣ поклоняются только мандарины; они въ честь ея на свои деньги иногда устраиваютъ театральныя представленія.

Сантанъ-джимба.

Пай-чжань-чжюнь былъ современникъ императора Кань-си. Пріѣхавъ въ Гуй-хуа-ченъ, императоръ пошелъ по всѣмъ кумирнямъ города поклоняться богамъ, зашелъ и въ монастырь Пхынъ-сунъ-чжао, гдѣ на престолѣ сидѣлъ гэгэнъ Пхынъ-сунъ; императоръ преклонился передъ нимъ, но Пхынъ-сунъ остался въ прежнемъ положеніи; тогда Пай-чжань-чжюнь, обиженный тѣмъ, что подданный не отдалъ императору должной чести, отрубилъ гэгэну голову. Послѣ этого гэгэнъ сталъ

¹⁾ Бао-дянь большой кинжалъ съ тремя остріями.

Повсюду народъ бросился къ оружію и жизни императора, который имѣлъ при себѣ немногочисленную свиту, очутилась въ опасности. Чтобы успокоить возбужденныхъ ламъ, императоръ обратился съ упрекомъ къ цзянь-цзюню и т. д.

Далѣе Гюкъ продолжаетъ: Монголы искали извлечь пользу изъ этого событія. Вскорѣ разнесся слухъ, что Гизонъ-дамба вновь явился, что онъ воплотился въ Халхѣ; халхасцы приняли его подъ свое покровительство и рѣшились отмстить. Ламы Да-курень стали организоваться; они сняли съ себя красныя и желтыя одежды, надѣли черное платье въ память печальнаго событія въ Хуху-хото; въ знакъ траура перестали брить голову и запустили бороды и усы; все предвѣщало великое волненіе монгольскаго племени. Не малыхъ трудовъ стоило Кань-си остановить движеніе. Онъ завелъ переговоры съ далай-ламой, который употреблялъ свое вліяніе на успокоеніе ламъ, а Кань-си подѣйствовалъ на халхасскихъ князей внушительнымъ могуществомъ своихъ войскъ. Мало-помалу миръ восстановился. Ламы вновь одѣлись въ красное и желтое, но чтобы сохранить память о коалиціи въ честь Гизона, они сохранили черную каёмку шириной въ палецъ на воротникѣ. Ламы Халхи одни носятъ теперь этотъ особенный знакъ. Съ этой эпохи Гизоны пребываютъ въ Большомъ-курень (Да-курень), а въ Хуху-хото ихъ мѣсто занимаетъ хубильганъ (Souvenir, t. I, 187—188).

И такъ Гюкъ связываетъ хуху-хотинскую легенду съ исторіей основанія ургинскаго святаго трона. О черномъ платьѣ, измѣнившемъ цвѣтъ на желтый¹⁾, см. Очерки, II, 169, въ легендѣ объ ургинскомъ гэгэнѣ, принимавшемъ участіе въ заговорѣ Шидырвана. Подобные рассказы могутъ быть не что иное, какъ варианты легенды о какомъ-то мненческомъ существѣ, которое могло называться Ундурь-гэгэномъ. Въ хуху-хотинской легендѣ это лицо является злымъ; Пай-чжянь-чжюнь укрощаетъ его.

Укрощеніе злого существа содержится также въ легендѣ о гэгэнѣ Нарь-банджинѣ; какой-то нойонъ (князь) хочетъ присвоить саврасую лошадь (шаргы-мори), принадлежащую гэгэну; разсерженный гэгэнъ ударилъ трубкой по столу, вслѣдствіе чего его противникъ, бывший шаманомъ, потерялъ всѣ свои чары (Очерки, IV, 258). Въ хотанской легендѣ китайскій генералъ Вань-чао «умирилъ» хотанскаго царя, который былъ «грубъ и слушался демоновъ»; демоны хотѣли, чтобы царь принесъ въ жертву коней китайскаго генерала, которые были свѣтло-гнѣдой масти (bai clair); Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, p. 5; Риттеръ, Землевод. Азіи въ переводѣ Григорьева, IV. 56). Ордосская легенда представляетъ Чингиса докшиномъ, «свирѣпымъ», «злымъ» высшимъ существомъ; его укрощаетъ Ваньченъ-эрдэни (см. ч. I, стр. 128).

Прекращеніе поисковъ вслѣдствіе покровительства птицъ у Бержерона отнесено къ Чингисъ-хану. Il (Чингисъ) conquist en suite des Naumans, les royaumes de Camul, Agrigala, Bargu ou Bargu et Cambalu, siege du Prestre-Jan du Cathay. Or ayant esté un jour battu en un rencontre, il fut poursuivy et contrainct de se savuer et cacher en des buissons et halliers, ou estant cherché par ses ennemis, il ne peut estre descouvert, par le moyen d'un hibou, qui en sortit alors et qui leur fit croire qu'il n'y avoit personne et eschappa de la sorte; dont depuis cet oyseau fut en estime et honneur entr'eux et se parent de ses plumes pour panaches (Pierre Bergeron, Relation des voyages en Tartarie, Paris, 1534, Traicté des Tartares, p. 34. О. Палладій рассказываетъ сходную маньчжурскую легенду о воронахъ, которыя спасли жизнь маньчжурскаго тай-цау; см. выше стр. 235.

Ср. также съ голубями, покрывающими соромъ тѣло бѣглеца (см. выше, стр. 250), съ паутиной (стр. 200 и 234).

Тѣло Пай-чжянь-чжюня, продолжающее стоять послѣ отсѣченія головы, напоминаетъ рассказъ о Тарханъ-бо, туловище котораго холило, какъ живое (Очерки, IV, 291). Знаки на шеѣ гэгэна ср. съ знаками на шеѣ у возродившагося Шидырвана (Очерки, II, 170). Упреки, которые императоръ дѣлаетъ убійцѣ гэгэна, ср. съ упреками далай-ламы убійцѣ Цоктая (см. ниже, № 65).

Повидимому преданіе о Пай-чжянь-чжюнь есть одна изъ легендъ объ укрощеніи злой силы; существо, убитое имъ, было, надо полагать, злое въ родѣ царя съ бычьей или ослиной головой другихъ легендъ; это монгольскій Ельджигенъ-ханъ, китайскій Нью-тоу-ванъ, тангутскій Ландеръ (Ландарма). Къ этому же кругу легендъ, вѣроятно, относились и легенды о Чингисѣ. То онъ являлся свѣтлымъ существомъ, укрощавшимъ злыхъ; тогда злыми являются его противники: Шидургу, шаманъ Таянь-тирхинъ и можетъ быть Ванъ хирейтскій; то Чингисъ самъ является злымъ,

¹⁾ Эту тему ср. съ темой о перемѣнѣ цвѣта лошади подъ убійцей быка-царя Ландера; см. выше стр. 218 и 249.

шла кровь изъ носу и рта и онъ умиралъ. Однажды Банченъ-эрдэни проѣзжалъ мимо на обратномъ пути изъ Пекина и тархаты обратились къ нему съ просьбой, не можетъ ли онъ смягчить бурхана. Банченъ-эрдэни отослалъ тархатовъ и остался наединѣ съ бурханомъ; онъ отворилъ ящикъ, взялъ орхимджи и перевязалъ тѣло хана (мясо у него присохло къ костямъ), перепоясалъ его краснымъ кушакомъ, далъ бурхану мачакъ и сказалъ: «отнынѣ ты долженъ быть милосерднымъ и не убивать живой твари! въ жертву тебѣ должны колоть лошадей, а не людей!» Затѣмъ онъ заперъ ящикъ тремя замками, висящими и теперь на трехъ бокахъ ящика, и ключи увезъ съ собой. Никто изъ тархатовъ не знаетъ, что внутри ящика содержится. Если воръ приступитъ къ ящику, у него выпадутъ глаза. Во время мусульманскаго возстанія шайка воровъ хотѣла расхитить Едженъ-хоро, но у перваго приблизившагося къ святынѣ глаза вылетѣли изъ орбиты ¹⁾.

Пунсукъ изъ хошуна Ушинъ.

6. ЧИНГИСЪ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ отправился на охоту за дикими звѣрями (гурёсу) и приблизился на дневное разстоянiе къ городу Шитүргу-Тюльгенъ-хану. При немъ былъ большой вельможа Мергенъ-Касаръ. Только что выпалъ снѣгъ. Ханъ убилъ зайца; заяцъ упалъ и кровью его окрасился свѣжій снѣгъ. Подъѣхавъ къ зайцу, ханъ спросилъ: «Есть ли женщина съ лицомъ такого цвѣта?» Мергенъ-Касаръ сказалъ: «Есть; жена Шитүргу-Тюльгенъ-хана или Сронцзанъ-Гамбо». «Я и ты вдвоемъ пойдемъ и возьмемъ её», сказалъ Чингисъ. Они приблизились къ городу. Шитүргу-Тюльгенъ сказалъ Чингису: «Ты пришелъ взять мою жену; возьми, но не убивай меня. Только когда возьмешь жену, хорошенько её осмотри. Моя жена имѣетъ злое сердце (дзюрку харатай байна). Осмотри всю, сними съ нея все платье, ничего не оставивъ». Чингисъ не согласился оставить его въ живыхъ. Тогда Шитүргу-Тюльгенъ сказалъ: «Своимъ мечемъ тебѣ не убить меня! твой мечъ безсиленъ надо мной! Только моимъ ножомъ ты въ состоянiи будешь убить меня. Если у меня были противъ тебя злыя мысли, то изъ моей раны потечетъ кровь, если были мои мысли добрыя, то потечетъ вода». Чингисъ взялъ ножъ и разрубилъ Шитүргу-Тюльгуну голову. Потекла вода. Тогда Чингисъ сказалъ: «Э, напрасно я убилъ человѣка!» Чингисъ взялъ жену Шитүргу-Тюльгена и отправился домой.

¹⁾ О. Палладій въ примѣчанiяхъ къ IV т. Трудовъ Пекинской миссiи сообщаетъ о существованiи въ восточной Монголии кумиренъ, въ которыхъ хранятся книги церемонiй, установленныхъ Чингисъ-ханомъ (Чингисъ-ханова яса, «законъ»?); Но тархаты положительно говорятъ, что въ ордосскомъ Едженъ-хоро хранятся не законъ Чингиса, а его кости (ясунъ).

Чингисъ-ханъ взялъ въ плѣнъ тубутскаго хана, жившаго въ городѣ Чжунъ вэй (Дэрисунъ-хото); плѣнный ханъ говоритъ ему: «у моей жены дурная дума». Чингисъ убилъ его и взялъ его жену за себя. Ночью она бритвой (тонгура) осклонила Чингиса и онъ умеръ, а сама бросилась въ рѣку Хатунъ-голъ; ее отнесло по рѣкѣ ниже Дэрисунъ-хото и высадило на берегъ. Тутъ надъ ея тѣломъ насыпали холмъ.

Сантанъ-джимба.

Чингисъ былъ единственный сынъ Хормусты: Хурмустанъ Галто ганц' ху.
Понцовъ, халха хошуна Туше-гуна
поколѣнія Кіятъ-Борджигитъ.

Вариантъ легенды о Чингисѣ напечатанъ въ Оч., IV, 229; онъ рассказанъ также въ Алтанъ-Тобчи (стр. 144) и у Сананъ-Сэчэна (Gesch. d. Ost-Mong., 97), но въ этихъ книжныхъ рассказахъ не упоминается объ осклопеніи Чингиса (у Сананъ-Сэчэна сказано темно: сдѣлала зло его тѣлу) и нѣтъ эпизода о крови на снѣгу. Последняя тема перенесена обоими вышеупомянутыми памятниками въ рассказъ о Ельбекъ-ханѣ (Алт. тобчи, стр. 156); вмѣсто осклопенія, у Ельбека отрубана мизинецъ.

Ельбекъ выѣзжаетъ на охоту и видитъ пятно крови убитаго зайца на снѣгу. Разговоръ объ этой крови приводитъ хана къ намѣренію отнять жену у своего сына; дѣлается это по совѣту вельможи Тафу. Сынъ убитъ. Невѣстка призвала виновника смерти своего мужа, Тафу и угостила его виномъ изъ кожаной посуды, которая была раздѣлена на двѣ половины; въ одной была вода, въ другой арзанъ; сама пила воду, а Тафу подавала вино; потомъ разостлала ковры и подушки въ своей спальнѣ, положила на нихъ опьянѣвшаго Тафу, и растрепавъ волосы и исцарапавъ лицо, послала за ханомъ. Тафу бѣжалъ; ханъ пустился за нимъ въ погоню. Въ схваткѣ у хана былъ отстрѣленъ мизинецъ, а Тафу убитъ и у него вырванъ ремень изъ спины. Невѣстка, обливаемая кровью хана, смѣшанную съ жиромъ Тафу говорила: «Вотъ успѣхъ мщенія женщины!» Имя этой женщины Ульдзэту-гуа или Хунгъ-Бөгэди (Алт. Тобчи, 157).

Если мы эти два сказанія о Ельбекѣ и Чингисъ-ханѣ и женѣ тибетскаго царя Шидургутюльгунъ-хана дополнимъ одно другимъ, мы получимъ остовъ нѣмецкаго сказанія объ Атли¹⁾. Атли Эды беретъ за себя овдовѣвшую жену Сигурда, Гудруну. Гудруна мститъ Атли за смерть своихъ братьевъ Гунпаг и Нөгні (Гунтера и Гагена); она убиваетъ своего ребенка, прижитаго съ Атли, дѣлаетъ изъ его черепа чашу, наполняетъ ея смѣсью изъ крови сына и вина, жаритъ сердце сына и этимъ угощаетъ Атли, а вечеромъ убиваетъ его самого, за тѣмъ бросается въ море, но не можетъ утонуть: волны выносятъ ея на островъ. Въ монгольскихъ сказаніяхъ мечь производится за смерть мужа; Гудруна мститъ не за мужа (Сигурда), а за братьевъ; но мужъ ея тоже убитъ, и при томъ причина смерти Сигурда та же, что и смерти Гунтера и Гагена—желаніе отнять сокровище Фафнира.

Имя мстящей жены въ рассказѣ объ Ельбекъ-ханѣ въ Алтанъ-Тобчи Бөгэди, у Сананъ-Сэчэна Oldjeitu-chung-goa-beidji. Въ лѣтописномъ сказаніи о Чингисѣ жена тибетскаго царя называется Гурбельджинъ-гоа (Сананъ-Сэчэнь, 103). Въ народныхъ же рассказахъ о Чингисѣ ей не дается никакого имени; говорится только, что она хубильганъ Цаганъ-дара-еке.

Есть двѣ Цаганъ-дара-еке: милостивая и злоя; послѣдняя по-тибетски называется Lhamo (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, Lond., 1863, s. 112) или Lhamu (Pallas, Mong. Völkersch., vol. II, s. 98), по-монгольски Okkin-tängri (ibid). Шлагинтвейтъ помѣстилъ въ своемъ «Буддизмѣ» слѣдующую легенду о Lhamo (санскр. Kālādevī): Богиня Ламо вышла за Shinja, царя Dudro,

¹⁾ Чингисъ также выдавалъ себя за бичъ Божій. По взятіи Бухары Чингисъ держитъ рѣчь къ плѣнникамъ: «О, народъ! Вѣдайте, что вы учинили великіе грѣхи.... Я есмь казнь Господня!» (Рашидъ-аддинъ, III, стр. 54).

треть ея вмѣстѣ съ другими 9-ю избранницами, представленный императору, былъ изображенъ въ искаженномъ видѣ; это было сдѣлано съ намѣреніемъ, потому что она, гордясь своей красотой, не дала взятки министру. Потомъ, когда надобно было найти одному изъ сѣверныхъ сосѣднихъ князей жену, выборъ палъ на нее. Передъ отправленіемъ императоръ пожелалъ ее видѣть и, пораженный ея красотой, въ досадѣ приказалъ казнить коварнаго министра (стр. 155).

У о. Іакина, Собр. свѣд. о нар. Сред. Азии, ч. I, стр. 114, вѣроятно описывается эта же исторія нѣсколько иначе. Княгиня Чжао-гюнь, при выборѣ благородныхъ дѣвицъ, была принята въ императорскій дворецъ; не будучи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ представлена государю, она въ досадѣ просила перевести ее въ загородный дворецъ. Когда ко двору пріѣхалъ хуннускій шаньюй Хуханье, императоръ приказалъ подарить ему пять дѣвицъ. Во время прощальнаго отпуска степного гостя императоръ призвалъ пять дѣвицъ для показа. Чжао-гюнь явилась въ числѣ ихъ въ пышномъ нарядѣ и поразила своею красотой. Императоръ изумился и хотѣлъ было оставить ее, но посовѣтился нарушить данное слово. По смерти Хуханье на престолъ вступилъ сынъ его отъ старшей жены шаньюя и хотѣлъ жениться на Чжао-гюнь; китайская царица просила у государя дозволенія вернуться въ Китай, но государь предписалъ ей сообразоваться съ обычаями народа, почему она сдѣлалась женой слѣдующаго шаньюя.

Въ исторіи Усуней (ib., ч. III, с. 66—67) та же повидимому исторія повторяется въ прижизненіи къ Усуньскому гуньюмо. Онъ женился на китайской царицѣ. Гуньюмо былъ старъ и не зналъ китайскаго языка. Царица въ скукѣ и тоскѣ сочинила пѣсню, въ которой она оплакиваетъ свою судьбу, жалуется, что выдали ее за хана, живущаго въ войлочной палаткѣ и питающагося мясомъ и молокомъ, и высказываетъ желаніе обратиться въ дикаго гуся и улетѣть на родину. Гуньюмо, будучи старъ, хотѣлъ выдать царицу за своего внука Сэньцау; царица не послушала его и жаловалась Двору, но сынъ неба совѣтывалъ ей сообразоваться съ обыкновеніями народа. Въ разсказѣ о Чжао-гюнь не говорится, чтобъ она пѣла тоскливую пѣсню о себѣ. Но въ томъ же сборникѣ о. Іакина, ч. I, стр. 284, приводится пѣсня другой царицы о превратностяхъ судьбы, кончающаяся словами: «Не я одна примѣръ такой превратности; о томъ свидѣтельствуетъ пѣсня Чжао-гюнь». Ср. съ женой Лу-тусы, которая, въ интересахъ родного населенія, выходитъ замужъ за Ванъ-мора и поѣтъ пѣсню (см. ниже, № 67), а также съ сходнымъ эпизодомъ въ сказаніи о Гэсерѣ (см. выше стр. 26, 39 и 43). Вѣроятно, образъ Чжао-гюнь и преданіе о ней заимствованы лѣтописью изъ степныхъ сказаній, тѣхъ самыхъ, варианты которыхъ представляютъ нынѣшнія сказанія о женѣ Лу-тусы и женѣ Гэсера.

Объ усуньскомъ гуньюмо была слѣдующая легенда (ibid., ч. III, стр. 12): отецъ его былъ убитъ хуннами; сынъ его, только что родившійся, былъ брошенъ въ полѣ. Птицы склѣвывали насѣкомыхъ съ его тѣла; волчица приходила кормить его своимъ молокомъ. Шаньюй былъ изумленъ; онъ взялъ ребенка къ себѣ и воспиталъ, а потомъ сдѣлалъ его предводителемъ своихъ войскъ; когда же гуньюмо отличился въ походахъ, шаньюй возвратилъ ему владѣнія его отца. Эта легенда сближаетъ усуньскаго гуньюмо съ тукювскимъ Ашиной или Асеной и съ Лисунъ-сяо (см. ниже № 66). О Чингисѣ также есть разсказы, какъ о найденншѣ въ полѣ, находящемся подъ покровительствомъ самой природы (Оч., IV, 229). Приуроченіе къ гуй-хуаченской насыпи одновременно сказанія о ханьской царицѣ Чжао-цзюнь или Чжао-гюнь и сказанія о Чингисъ-хановой женѣ (Чжао-чжинь, Джу-джинь, фу-жень?) можетъ быть объяснено тѣмъ, что оба эти преданія есть одно и то же сказаніе, о женщинѣ, рѣшившейся, во благо народу, пожертвовать собою и выйдти замужъ за тирана, съ цѣлью погубить его. Спаивающая мужа Едженъ-ко (Radl., Proh., II, 624) можетъ быть отголосокъ того же сказанія, но благодѣтельный мотивъ спаванія не удержанъ.

Вопросъ: формы ли Едженъ, Джу-джинь суть искаженія китайскаго Чао-джюнь (Чжао-цзюнь) или, на оборотъ, китайскія формы есть испорченное монгольское едженъ, должны рѣшить ориенталисты.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Чингисъ-ханъ навывается Содо-богдо или Суду-богдо (Алт. тобчи, стр. 130, 170). Содо есть также сынъ Сургана, который спасъ Темучина, когда тотъ сидѣлъ въ водѣ. Можетъ быть это сидѣнье въ водѣ есть не что иное какъ иначе рассказанная исторія о младенцѣ, брошенномъ въ воду; въ нѣкоторыхъ же вариантахъ этой исторіи женщина, находящая дитя, есть мать самаго дитяти, какъ наприм. въ сказкахъ о Ерь-сару и Кирвасѣ (Оч., IV, 343—604); редакція этого эпизода въ упомянутыхъ сказкахъ очень сходна съ бурятскимъ

пашню, которую пахалъ Есекенъ для богатаго человѣка Кара-буты ¹⁾; хара-бута монгольское название проса (*Panicum millium*) въ Ордоѣ. Мы сблизали Есекеня, брошеннаго съ колодкой на ногахъ въ воду, съ Чингисъ-ханомъ, а имя его съ Есугай, именемъ отца Чингиса (Оч., II, прим. стр. 34). Чингисъ-ханъ былъ брошенъ въ воду Таргутаи-Харалтукомъ, царемъ Тайджиутовъ (Рашидъ-Эддинъ, I, 168; въ Алтанъ-Тобчи, стр. 127: тайджиутами).

Въ современныхъ тюркскихъ сказкахъ формы Цодей или Содей также встрѣчаются въ связи съ темами, приближающимися къ легендѣ о Чингисѣ. Въ Радловскихъ *Proben* (IV 307) Цодей-ханъ, чтобы помѣшать рожденію Аксакъ-Тимура, велитъ набить всѣхъ младенцевъ; но исполнитель воли хана только нажалъ животъ беременной матери и Аксакъ-тимуръ родился вслѣдствіе этого хромымъ. По всей вѣроятности, этотъ рассказъ относится къ Темучину (Темурчину), съ которымъ сказанія иногда смѣшиваютъ Тамерлана. Въ южносибирской тюркской сказкѣ (*Proben*, II, 624) Содей-мергенъ имѣетъ коварную жену, которая онаиваетъ мужа съ цѣлью погубить его. Имя жены Еджень-ко.

Въ одномъ записанномъ для меня ордосскомъ брелѣ въ честь Чингиса, вмѣсто Содо-богдо, поставлено Согдо-богдо; это, кажется, не случайное искаженіе.

Рядомъ съ именемъ Чингисъ иногда встрѣчается «русскій». «Русскій» охотникъ убиваетъ трехсаженнаго волка и получаетъ за это отъ Чингиса дѣвицу и бѣлое знамя (Пржевальскій, Монголія, I, 140); дочь Чингиса Цаганъ-ханъ уноситъ въ «русскую» землю Чингисово знамя и становится «русскимъ» царемъ (Оч., IV, 324). Въ барабинской сказкѣ о Идыгѣ (Radloff, *Proben*, IV, 35), которую мы сблизали съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ (Оч., IV, 856) является «русскій» богатырь Анисимъ. Появленіе формы: «русскій» рядомъ съ Чингисомъ можетъ значить, что въ древнихъ былинахъ о Чингисѣ одному изъ персонажей давалось имя Урусъ или Оросъ. Калмыцкое сказаніе рассказываетъ о предкѣ Цоросъ, какъ о младенцѣ, найденномъ въ степи и вскормленномъ деревомъ (Очерки, IV, 326; Позднѣвъ, Образцы народн. литер. монг. плем., Спб., 1880, стр. 135; Pallas, *Samml.*, I, 32) т. е. то же самое, что халхасское сказаніе рассказываетъ о Чингисѣ. Можетъ быть, о Цоросѣ рассказывалось не одно только начало легенды о Чингисѣ, но и другія ея части, т. е. что Цоросъ и Чингисъ были имена одного и того же легендарнаго лица; Оросъ же можетъ быть только версія формы Цоросъ.

Русскіе у бурятъ, по словамъ Кастрена (*Versuch einer burjat. Sprachlehre*, Petersburg., 1857) называются именами *Oros*, *Orot*, *Manhat*. Не было ли эпического парнаго Оросъ-мангаты или Оротъ-мангаты? Въ монгольскихъ лѣтописяхъ поколѣнія Уруть и Мангутъ нерѣдко стоятъ вмѣстѣ. Въ Юань-чао-ми-ши, 31: «У Начинъ баатура два сына Уруудай и Манхутаи, которые составили два рода: Уруутъ и Манхутъ»; ср. также стр. 87. У Рашидъ-эдина, 186: «Племена Уруть и Манкутъ, начальники ихъ Одотъ и Бодотъ». Эти Одотъ и Бодотъ ср. съ Одуиъ-Бодунъ, предкомъ дюрботовъ (Оч., IV, 229, 325), который есть несомнѣнно то же, что Бодунъ-цоросъ калмыцкаго сказанія (Палласъ, *Samml.*, I, 32) и Чингисъ халхаскаго ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ этихъ же двухъ памятниковъ (Рашидъ-эдинъ и Юань-чао-ми-ши) связь формъ Чингисъ и Оротъ еще ближе.

У Рашидъ-эдина, стр. 189: Племена Манкутъ и Уруть, которыя происходили отъ Начина, были на сторонѣ Тайджиутовъ; между Манхутами было три брата; младшій принялъ сторону Чингиса, старшіе убили его и домъ расхитили. Жена убитаго, родомъ баргутка, имѣла грудного ребенка; родственники ея спрятали ребенка въ шерсть; дяди искали его, кололи дротиками шерсть, но Богъ спасъ ребенка; во время вторыхъ поисковъ ребенокъ былъ спрятанъ подъ котель. Впослѣдствіи ребенокъ былъ отнесенъ къ Чингису; ему дали имя Джиданойонъ; Чингисъ отдалъ племена Уруть и Манкутъ въ рабство Джиданойону. О Чингисѣ въ Юань-чао-ми-ши, 87, говорится: «Два рода Уруть и Манхутъ у него добрые ратники; они не разстраиваются въ нестройномъ бою и отъ малолѣтства навыкли къ копьямъ и мечамъ». Эти отрывки наводятъ на мысль,

¹⁾ Мамырханъ теряетъ княжеское достоинство. Ср. съ кабардинскимъ преданіемъ Кайтухо Тохтамышевъ (Ногмовъ, Исторія Адыгейск. народа, въ Кавк. календарѣ на 1862 г., стр. 96).

²⁾ Въ Алтанъ-Тобчи и Юань-чао-ми-ши анахронизмъ: Бэктэръ и Белгетей являются современниками Чингиса, между тѣмъ они братья Бодонцара, т. е. жили по крайней мѣрѣ за 160 лѣтъ ранѣе. Не значить ли это, что о Чингисѣ рассказывалось то же, что о Бодонцарѣ (т. е. то же, что объ Одуиъ-Бодунѣ)?

инъ-Тирхинъ увезъ у Чингиса жену и заложилъ ее въ пещерѣ; Чингисъ ѣдетъ освобождать ее ¹⁾. Сверхъестественныя явленія, совершающіяся съ головой Тархана, еще болѣе сближаютъ эти легенды съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; подобное же рассказывается о головѣ Ванъ-хана кирейскаго и можетъ быть Таинъ или Даниъ нынѣшнихъ легендъ не что иное, какъ Таинъ сказанія о Чингисъ-ханѣ; такъ назывался будто бы найманскій ханъ.

Въ бурятскихъ сказаніяхъ первый шаманъ называется Моргонъ-хара (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 87) и Хара-гыргэнь (Шапковъ, въ журналѣ «Живописное Обзоріе», 1879, № 19), но темы объ отрубленной его головѣ нѣтъ. У якутовъ первый шаманъ Аргыль ²⁾; легенда о немъ сходна съ легендами о Плеядахъ (по якутски Ургяль); см. ниже № 86. Не ставилъ ли первобытный дикарь сѣверной Азіи перваго шамана въ какія нибудь отношенія къ Плеядамъ?

Эпитетъ тарханъ, т. е. кузнецъ, какъ извѣстно, придавался и самому Чингису. Очень интересно указаніе Агапитова и Хангалова («Матеріалы», стр. 32) на существованіе у сѣверныхъ бурятъ онгона, который называется Сэжэнь-барсенъ-тымыршей; это онгонъ кузнецовъ, тархановъ; онъ дѣлается въ видѣ модели шаманскаго бубна, слѣдовательно онъ то же, что тункискій Баръ-убугунъ. На стр. 15 «Матеріаловъ» говорится о жертвахъ «Желѣзному богу» Тѣмѣрши, вѣроятно тому же самому. Гомбоевъ также упоминаетъ о бурятскомъ онгонѣ: барасъ-эбутень, т. е. «старикъ Барасъ» (Гомбоевъ, Обычай монголовъ въ Записк. И. Археол. Общ., т. XIII, стр. 247) ³⁾. Имя этого онгона показываетъ, что западные писатели не самовольно имя Темучина иногда писали Тимурчизъ, что Чингисъ-ханъ и на родинѣ назывался Тѣмѣршей, и что онъ былъ божествомъ кузнецовъ ⁴⁾. Далѣе, что онъ имѣлъ еще другое имя: Барасъ, Барсенъ, Баръ, которое спаривалось съ Тѣмѣршей. Въ честь этого онгона совершается обрядъ кованія желѣза; Чингисъ-ханъ ежегодно совершалъ обрядъ, билъ молотомъ по наковальнѣ.

Параллели съ классическимъ мифомъ о Діонисіи:

1) Чингисъ изобрѣтатель вина (Очерки, IV, 211); ср. также Протоколы Петровскаго Общества въ Астрахани, 1888 г., ст. Ир. Жятецаго: «Арька», стр. 91—99.

2) Чингисъ во хмѣлю принимаетъ деревянную подпорку юрты за женщину и обнимаетъ ее (въ классическомъ наоборотъ; описавшій Ликургъ своего сына принимаетъ за виноградную лозу).

3) Трехдневному смертному пребыванію соответствуютъ темы о пребываніи Темучина въ пещерѣ или въ горахъ, въ которыхъ онъ укрывался отъ тайджитовъ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 126) онъ скрылся въ «недоступномъ мѣстѣ»; по прошествіи трехъ сутокъ онъ выходитъ, но получая предостереженіе свыше, возвращается въ свое убѣжище; пробывъ еще трое сутокъ въ своемъ убѣжищѣ, онъ вновь хотѣлъ выйти, но нашель входъ крѣпко заложеннымъ бѣлымъ камнемъ. «Тенгри, отецъ мой, запрещаетъ мнѣ выходить», подумалъ Темучинъ и еще пробылъ трое сутокъ. По истеченіи девяти сутокъ онъ вышелъ, но былъ схваченъ и закованъ тайджитами. У Саванъ-Сэцэна сходно, но убѣжище названо «gegämige Hohle» (стр. 67). Въ Юанъ-чао-ми-ши противникъ Темучина (Тѣбъ-тэнгерп) убитъ, заключенъ въ юрту, но на третій день воскресаетъ и возносится черезъ дымовое отверстіе. Ср. съ рассказомъ о Тамджинъ-ханѣ (см. ниже, № 63).

4) Съ именемъ шамана Тархана, который повидимому стоитъ въ связи съ Чингисъ-ханомъ, соединена тема объ отрубленной головѣ и обезглавленномъ тѣлѣ, идущемъ вслѣдъ за увозимой головой. Въ классическомъ мифѣ о Діонисіи подобной темы нѣтъ, но не слѣдуетъ ли ее предполагать. Парижское предмѣстье St. Denis, какъ извѣстно, основано на мѣстѣ, гдѣ происходили языческія празднества въ честь Діонисія. Католическая легенда рассказываетъ, что St. Denis шелъ съ усѣченной головой въ рукахъ.

Въ Оч., IV, 803 мы высказали догадку, что рассказъ монгольской лѣтописи объ отвоѣ

¹⁾ Въ якутскихъ архивахъ Сельскій нашель извѣстіе о эгской каменной бабѣ, къ которой приурочена монгольская легенда о Таинъ-тирхинѣ; упоминается и о (сабельномъ?) рубцѣ на лицѣ (см. Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ., XXIV, ст. Сельскаго: «Озеро Косоголь», стр. 45).

²⁾ Ср. съ Ергиль-буга-ноенъ у Агапитова и Хангалова, «Матеріалы», стр. 22).

³⁾ Марсъ по алтайски «лэвъ», «тигръ»; «рукоятка шаманскаго бубна». Вербицкій, Словарь алтайск.

⁴⁾ Темирчи кузнецъ потурски. Помонгольски кузнецъ дарханъ или тарханъ. Вѣроятно это имя было однимъ изъ синонимовъ мифическаго Чингиса и къ послѣдному относились многія изъ тѣхъ легендъ, которыя связаны съ именемъ Тарханъ.

умершихъ шамановъ становятся живыми тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили. (См. у Банзарова, Черная Вѣра, Спб., 1891, стр. 16: богиня Этугэнъ (т. е. мать земля) называется у монголовъ также дэлэхэинъ эдвэнъ. Имя Этугэнъ (у Плато-Карпини Итога) ср. съ Идыгъ, героемъ тюркскихъ сказокъ (Radloff, Proben, IV, 35); параллели этихъ сказокъ съ темами въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ указаны въ Очеркахъ, II, 50; IV, 857.

Тема объ утонувшей женщинѣ находится въ сказаніи о Гельгенъ-пи (Оч., II, 162): такъ какъ это такой-же необыкновенный найденшъ, какъ и Чингисъ, то не рассказывалось ли того же и о матери Чингиса? т. е. утонувшая въ Хатугъ-голѣ жена Чингиса не была ли также и его матерью?

Изъ другихъ легендъ объ утонувшей женщинѣ приведемъ только тѣ, которыя записаны на ближайшемъ къ Монголіи западѣ. На Алгинскомъ мысѣ, гдѣ нынѣ городъ Курганъ, жилъ ханъ; у него умерла молодая дочь и онъ насыпалъ надъ нею курганъ. Когда кладоискатели разрыли курганъ, царевна въ серебряной каретѣ промчалась на западъ и со всѣмъ кладомъ утонула въ Чухломскомъ озерѣ (Тоб. Вѣд., 1858, № 48, стр. 694—695).

Въ сѣверной части Тобольск. губ. легенда о женщинѣ, бросившейся въ Обь, приурочивается къ селу Бѣлогорскому, ниже Самарова.

Въ Казанской губ. записана чувашская легенда: чувашская дѣвушка не хочетъ идти замужъ за черемисина и бросается въ Волгу; на днѣ рѣки и теперь видно ея серебряное грудное украшеніе (Магнитскій, «Матер. къ объясн. стар. чувашск. вѣры», стр. 64).

На сходство тюркскаго имени Волги, Адиль или Атиль (калмыцкаго Еджюль) съ именемъ гуннскаго царя Атиллы указывалось уже давно. Ам. Тьерри думалъ, не потому ли Атилла получилъ это имя, что родина его была на берегахъ Волги. Но можетъ быть это объясняется иначе, тѣмъ, что сказаніе о женщинѣ, бросившейся въ воду, было уже на Востокѣ соединено съ именемъ Атиль и было приурочено къ Волгѣ. Только въ этомъ случаѣ нужно предположить, что женщина называлась Атиль¹⁾.

Въ финскомъ мифѣ Вейнемейненъ хочетъ взять сестру Юкагайна, но она предпочитаетъ браку со старымъ броситься въ рѣку и стать сестрой рыбѣ (Kastren, Finn. Myth., 247). У Вейнемейнена есть еще другая сходная черта съ Чингисомъ: онъ плаваетъ по морю въ утробѣ матери. Вейнемейненъ арфистъ; Идыге (=Чингисъ?) играетъ на джатаганѣ для Тохтомыша.

Тема о крови отъ убитой дичи находится въ таранчинской сказкѣ Вову Кюгрѣш: выстрѣлъ по воробѣ; кровь на снѣгу (Radloff, Proben, VI, 210).

Такъ какъ обычныя темы изъ легенды о кровосмѣшеніи: опущеніе ребенка въ воду, оскопленіе, мать, топящая въ водѣ, неоднократно обнаруживаются въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ, то нельзя ли восстановить преданіе о Чингисъ-ханѣ (или Тимучинѣ) въ видѣ легенды о кровосмѣшеніи. Шидургу-тюльгунъ-ханъ²⁾ это отецъ Чингисъ-хана, а Гурбельджинъ-гоа его мать. Онъ брошенъ въ воду или въ степь (ср. съ калмыцкимъ преданіемъ о Цоросѣ), найденъ, воспитанъ вдали отъ родины и сталъ царемъ; онъ идетъ войной противъ Шидургу и отнимаетъ у него жену (свою мать); отца убиваетъ, на матери женится. Но мать узнаетъ его, оскопляетъ и сама топится въ рѣкѣ. Напечатанное разрядкой содержится въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ.

У якутовъ есть сказаніе объ Эрѣ-Эльѣ или Эрѣ-Элліѣ, варианты котораго записаны гг. Мидлендорфомъ и Приклонскимъ. Въ вариантѣ послѣдняго Эрѣ-Элліѣ сватается за дочь Онохой-бая

¹⁾ Въ низовьяхъ Волги жила легенда о 500 христіанскихъ дѣвахъ, которыхъ вели къ хагану (хазарскому) и которыя по своей волѣ утопились въ Ателѣ (Труды Вост. Отд. И Археол. Общ., ч. XIV, Спб., 1869, ст. Патканьяна: «Хронограф. исторія Мехитара Айриванскаго», стр. 397.

²⁾ Бурятскія сказанія смѣшиваютъ его съ Шидиръ-ваномъ (см. Записки Вост. сб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

западную сторону; отъ нея и ея слугъ произошелъ народъ Хасыкъ, у котораго по-этому множество скота и обиліе молока и чигена.

Джамсэрэнъ, лама, старикъ, халхасецъ изъ хошуна Талай-чокуръ-вана на р. Едеръ.

О дочери Чингисъ-хана см. Очерки, IV, 324 и 325. Киргизская сказка о Шингысѣ у В. В. Радлова (Рубен, III, 82) также дочь Чингисъ-хана Акъ-бибе обращаетъ въ русскую царичу. Другія преданія говорятъ о сынѣ Чингисъ-хана, удалившемся или изгнанномъ на западъ за то, что раздѣлилъ ложе съ матерью (см. Очерки, IV, 232: Цаганъ-ханъ сынъ Чингиса). Приуроченіе этой легенды къ русскому народу можетъ быть произошло оттого, что сынъ легендарнаго Чингисъ-хана назывался Орусъ, именованъ, которое, кажется, жило въ ордѣ до русскихъ завоеваній въ Азіи¹⁾. Убѣгающая въ Русь дочь Чингисъ-хана напоминаетъ стрѣлка Шуно, который, недовольный отцомъ, также уходитъ въ Русь; имя этого стрѣлка тождественно со вторымъ членомъ парнаго Бурте-чоно; шуно, чоно, «волкъ». Первый членъ Бурте есть имя жены Чингисъ-хана.

Въ Очеркахъ, IV, 856 мы сближали Чингиса съ Идыге, а также, вслѣдъ за г. Березиннымъ, съ Чингемъ сибирскихъ лѣтописей, а русскаго богатыря Анисима (Орусъ-Онисимъ?) съ Онъ-сомомъ сибирскихъ лѣтописей, въ которомъ г. Березинъ видитъ Вана кирейтскаго. Идыге найденъ брошеннымъ въ степи младенцемъ. Не былъ ли онъ сынъ жены Онисима, который былъ выброшенъ въ степь, найденъ, воспитанъ при Тохтомышѣ и убиваетъ своего отца (Онисима-Оруса)? Тема ослѣпленія сказалась, можетъ быть, въ рассказѣ о томъ, что сынъ жены Онисима вышибаетъ Идыге глазъ.

58. БАЛЬДЖИНЪ-ХАТУНЪ.

(Бурятскій).

Барга-баторъ отдалъ свою дочь Бальджинъ замужъ за Дай-тайджи, сына монгольскаго князя Бубэй-бэйлэ и въ приданое за ней отдалъ Хоринцевъ (т. е. хоринскіе роды бурятъ). Бубэй-бэйлэ былъ женатъ на второй женѣ, которая имѣла связь съ своимъ пасынкомъ Дай-тайджи. Когда Дай-тайджи женился на Бальджинъ-хатунѣ, онъ оставилъ мачиху. Мачиха за это стала преслѣдовать невѣстку и стараться какъ-нибудь ея выжить; Бальджинъ-хатунъ рѣшилась бѣжать изъ Монголіи и уговорила слѣдовать за собой своего мужа. Посланной за ними погонѣ удалось захватить и отвезти назадъ одного только Дай-тайджи, а Бальджинъ-хатунъ ушла въ Забайкалье, гдѣ нынѣ озеро Бальджина-нуръ. Мачиха настояла, чтобъ Бубэй-бэйлэ послалъ за ней новыхъ пословъ; этимъ посламъ было приказано, чтобъ они непременно ее привезли или чтобъ убили ея, а если они вернутся не исполнивъ этого приказанія, имъ угрожали казнью. Бальджинъ-хатунъ спряталась въ озеро и не выходила оттуда; пришедшіе люди Бубэй-бэйлэ не смѣли войти въ озеро и, боясь вернуться домой, не исполнивъ приказанія, стали просить хатуну, чтобы она вышла изъ воды и позволила имъ убить себя, а если она ихъ не по-

¹⁾ У киргизъ есть поколѣніе Орусъ. См. также у Рашидъ-эддина: имя Орусъ-иналь (I, стр. 180).

62. ОГУТУРЪ-УЛАНЪ-ВАНЪ.

Огутуръ-уланъ-ванъ жилъ въ хошунѣ Отокъ. Когда онъ заболѣлъ ногами, онъ велѣлъ одной беременной женщинѣ разрѣзать животъ и положить въ него свои ноги. Онъ былъ злой и глоталъ иглы.

Пунсукъ, ордосецъ хошуна Ушинъ.

63. а. ТАМДЖИНЪ-ХАНЪ.

Прежде у монголовъ не было ни хановъ, ни нойоновъ. Въ то время жилъ тангутскій ханъ; у него было два сына. Одинъ изъ тушемлей (вельможъ) убилъ хана и старшаго мальчика увезъ на Хухуноръ и здѣсь заставилъ пасти овецъ. Монголы нашли мальчика, пасущаго овецъ и читающаго книгу; они удивляются и спрашиваютъ его: почему это онъ такой хорошій мальчикъ и пасеть овецъ? кто онъ? Мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ сынъ тангутскаго царя. «Какъ же ты, будучи царскимъ сыномъ, пасешь теперь овецъ?» «Моего отца, говоритъ мальчикъ, убилъ одинъ вельможа и меня заставилъ пасти овецъ». Монголы говорятъ ему: «У насъ нѣтъ хана; иди къ намъ въ ханы!» Мальчикъ, котораго имя было Тамджинъ, согласился. У него не было печати; птица мори-больджумуръ сѣла на четверугольный бѣлый камень, на которомъ прежде любилъ сидѣть пастухъ Тамджинъ; на этомъ камнѣ явились буквы; этотъ камень и сталъ печатью Тамджина. Впослѣдствіи, когда Тамджинъ былъ ханомъ, онъ за что-то убилъ своего младшаго брата. Царя казнить нельзя; Тамджинъ велѣлъ посадить себя въ юрту, запереть ее, на руки и на ноги надѣть желѣза и три года просидѣлъ въ этой юртѣ. По прошествіи этого времени онъ вышелъ изъ юрты, собралъ со всего народа воровъ и съ ними отправился воевать западныя страны. У него былъ сынъ Чингисъ-богдо.

Сантанъ-джимба.

63. б. ТАМЧЖИНЪ-ХАНЪ.

Тамчжинъ-ханъ былъ сынъ тангутскаго принца, который бѣжалъ съ родины и жилъ въ пастухахъ. Монголы нашли этого пастуха, сдѣлали его своимъ ханомъ, и потомъ сказали: «Нужно женить его на сильной женщинѣ. А какъ узнать, которая женщина сильная? Нужно примѣчать, какая женщина, когда мочится, пробииваетъ въ землѣ яму». У пастуха, сдѣланнаго ханомъ, родилось два сына: Тамчжинъ-ханъ и его братъ. У Тамчжинъ-хана родился сынъ Чингисъ-ханъ, который пошелъ войной на тангутскаго хана, чтобъ отмстить за смерть своего прадѣда и взялъ въ плѣнъ его жену.

Сантанъ-джимба.

65. ЦОКТАЙ-ХАНЪ.

Цоктай-ханъ (икэ балдагтай) поклонился Далай-ламѣ; Далай-лама подарилъ ему шапку; Цоктай-ханъ сѣлъ на нее. Послѣ этого у него сдѣлался запоръ (бок-сѣнъ битечжи); что ни ѣсть, ни пить, все остается въ желудкѣ, вонь не выходитъ. Цоктай-ханъ сталъ хворать. Ему прислуживала одна женщина, у которой былъ трехлѣтній ребенокъ. Однажды она варила для хана чай. Когда она мѣшала чай, держа за пазухой шубы трехлѣтняго своего ребенка, ханъ крикнулъ: «Скорѣе давай чаю!» Женщина заторопилась и, сунувшись къ котлу почерпнуть чай, уронила ребенка въ кипятокъ. Ребенокъ сварился и умеръ. Женщина подала чай хану. Выпивъ его, ханъ почувствовалъ улучшение въ своемъ здоровьѣ и спросилъ женщину, что она прибавила къ чаю. Женщина сказала, что ничего не прибавила, но потомъ созналась, что уронила въ чай нечаянно своего ребенка и онъ въ чаю сварился. Тогда ханъ приказалъ брать трехлѣтнихъ дѣтей у матерей и варить ихъ въ чаю, рассчитывая отъ этого питья выздороветь. Гегенъ-ханъ, услышавъ о такомъ звѣрствѣ, послалъ противъ Цоктай-хана Батырь-мууса; когда Батырь-муусъ пришелъ къ Цоктай-хану, ханъ сталъ просить не убивать его, а доставить живымъ къ Гегенъ-хану, обѣщая научить: землю застегивать, солнце и луну ловить (ургалаху), въ безводной пустынѣ находить воду, въ день достигать до Менгу-цзу, но Батырь-муусъ отъ всего отказался. Тогда Цоктай-ханъ обѣщалъ научить добывать огонь. Батырь-муусъ пожелалъ узнать это искусство и Цоктай-ханъ высѣкъ огонь изъ камня. Но не смотря на то, Батырь-муусъ все-таки убилъ Цоктай-хана, отрубилъ ему голову и привезъ ее къ Гегенъ-хану. Гегенъ-ханъ сказалъ Батырь-муусу: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было бы его доставить живымъ. Онъ знаетъ много средствъ, которыя мы могли бы узнать отъ него». Послѣ того Гегенъ-ханъ велѣлъ положить голову Цоктай-хана на престолъ и зажечь передъ нею дзула¹⁾. Голова три раза покачнулася. Вотъ только со времени Цоктай-хана люди научились высѣвать огонь изъ камня.

Записано отъ хухунорской олѣтки
хошуна чинъ-хай-вана.

Сходная болѣзнь въ Очерк. IV, 279. у Сенге-хана.

Рассказъ о ханѣ, для излѣченія котораго требовалась смерть живыхъ существъ, ср. съ рассказомъ объ Алтанъ-хаганѣ, лѣчившемся вкладываніемъ больныхъ ногъ въ разрезанный животъ свѣжеубитой лошади у Саванъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., стр. 229). Повидимому этотъ же самый рассказъ вошелъ въ одинъ армянскій памятникъ XIII вѣка (Паткановъ, «Исторія монголовъ инокъ Магакія», Спб., 1871, стр. 24); на монгольское происхожденіе указываетъ приуроченіе рассказа къ монгольскому нашествію. Монгольскій принцъ Хули, называвшій себя «подобіемъ и братомъ божіимъ» заболѣлъ болѣзью печени; врачъ жидъ советовалъ ему разрезать животъ русаго мальчика и класть ноги въ его животъ. Рядомъ рассказанъ эпизодъ о нападѣніи отряда принца Хули на монастырь Геретинъ: начальникъ отряда былъ принятъ настоятелемъ

¹⁾ Дзула—курительная свѣча.

монастыря старцем Стефаномъ съ честью и угощеніемъ, но на другой день заболѣлъ. Болѣзнь приписали отравленію и старецъ быть сожженъ, но и монголь умеръ въ страданіяхъ. Не занесена ли въ Арменію легенда о нападеніи олетскаго хана Гадана на монастырь Эртене (см. въ «Живой Старинѣ», 1891 г., кн. III стр. 238)? Не было ли такихъ вариантовъ этой легенды, въ которыхъ была введена тема о болѣзни хана? Разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, послѣдовавшей послѣ ограбленія Пекина и о исцѣленіи его однимъ плѣннымъ см. въ Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Георг. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 131.

Разсказъ объ отсѣченной головѣ: въ «Сказаніяхъ бурятъ» (Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Георг. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 27 и 134) богатырь Баторъ-Сокто-моргонъ убиваетъ бабу Мойсъ-харѣ, отрубленную ея голову привозитъ Гэсару. Мойсъ, муусъ, вѣроятно, то же, что на явнѣ южносибирскихъ тюрковъ моосъ—монгольск. мангысъ, сказочный «змѣй»; обыкновенная змѣя по-монгольски могай. Въ преданіяхъ орды южной Россіи жилъ разсказъ о борьбѣ хана Тохту съ Ногаемъ. Ногай былъ старъ и вѣки его опустылись на глаза (что дѣлаетъ его похожимъ на Гэсара; см. выше, стр. 37 и 114; ср. также съ старикомъ Ами-Кургаль въ хорской войнѣ, стр. 16) Какой-то «русскій» убилъ Ногаю и голову привезъ хану Тухтѣ; ханъ велитъ казнить «русскаго» за то, что онъ поднялъ руку на ханскую голову (Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 113)¹⁾. Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ однимъ изъ враговъ его былъ ханъ мэркитскій Тухта-беки или Тохтоа (Рашидъ-аддинъ, II, 9; Юань-чао-ми-ши, 110); онъ находитъ смерть въ битвахъ съ Чингисомъ; сыновья Тухты не могли увести тѣло отца съ поля битвы, отрубили ему голову и увезли. Ср. съ бурятскимъ сказаніемъ о томъ, какъ поколѣніе Хангинъ (Ханьянъ) во время бѣгства своего изъ Монголіи, не будучи въ состояніи увести съ собой своего престарѣлаго отца Бурте, отрубили ему голову и привезли ее на новую родину; эта голова стала ихъ племеннымъ онгономъ (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 125). Другому врагу Чингисъ-хана, Вану, хану кирейтскому, также была отрублена голова; убійцы принесли ее къ Таяну, хану найманскому; Таянъ выговорилъ убійцамъ: «такого великаго старика-государя зачѣмъ убили вы? Слѣдовало привести живымъ» (Рашидъ-аддинъ, II, 146), положилъ голову на престолъ и отдалъ ей почести; голова улыбнулась. Рашидъ-аддинъ говоритъ, что Таянъ-ханъ велѣлъ оправить голову Ванъ-хана въ серебро.

Имя Тохта не одинъ только этотъ разъ (въ разсказѣ о мэркитскомъ ханѣ) встрѣчается рядомъ съ Чингисъ-ханомъ. Киргизское преданіе о Шингисѣ (Радловъ, Проб., III, 86) упоминаетъ о Тохтугулѣ; это одинъ изъ братьевъ, изловившихъ въ морѣ ящикъ съ беременной матерью Шингиса. Эти случаи говорятъ за то, что появленіе въ барабинской сказкѣ (Radloff, Proben, IV, 35) имени Тохтомышъ служитъ поддержкой сдѣланнаго нами предположенія (Оч., IV, 856) о единствѣ источника сказаній о Чингисѣ и Идыге. На мусульманской лѣтописи объ историческихъ Тохтомышѣ и Идыге (Тизенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 457) видно вліяніе народнаго сказанія, записаннаго В. В. Радловымъ. Въ киргизской сказкѣ, записанной нами около Семипалатинска (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526), также рядомъ стоятъ Итыгиль и Тохтомышъ; Итыгиль долженъ для шайтана добывать дочь Тохтомыша.

Имя Цоктай ср. съ Тогусъ-Чокту, именемъ похитителя золотого прикола у Чингисъ-хана; см. ч. I, стр. 123. А также съ формами чикту, чивиту въ сложномъ Ельджигенъ-чикту-ханъ, которому также приписывается истребленіе людей.

Въ якутскомъ преданіи убить Тыгынъ; голова его отнесена къ русскому царю; царь пожалѣлъ, что богатыря убили (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 53).

Обѣщанія Цоктая передать свое вѣщее знаніе ср. съ разсказомъ Алтанъ-тобчи о Шидургу, который обѣщается доставить Чингису звѣзды Цолмонъ и Мечить и научить добывать огонь (Алт. Тобчи, 143; Очерки, IV, 229).

¹⁾ По Пахимеру, Ногаю схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ былъ удушенъ палачами жидами (Журн. Мин. Нар. Пр., 1878, дек., стр. 233).

66. ЛИ-ЧЖИНЪ-ВАНЪ.

(Широгнольскій).

Въ Чанъ-ани ¹⁾ былъ царь Танъ-ванъ ²⁾; у него былъ былъ дядя съ отцовской стороны (по монгол. абагай-эчигэ) Ли-чжинъ-ванъ ³⁾. Однажды у Танъ-вана было собраніе вельможъ, на которомъ Ли-чжинъ-ванъ напился пьянъ, перебилъ посуду, переколотивъ гостей. Танъ-ванъ осердился. «Ты, говоритъ, заставилъ краснѣть мое лицо; въ моемъ присутствіи выказалъ свое неумѣніе соблюдать приличіе, вель себя вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ вану и дядѣ императора!» И сослалъ его въ монгольскую землю. Здѣсь Ли-чжинъ-ванъ женился на дочери монгольского хана и имѣлъ двѣнадцать сыновей и трехъ дочерей. Противъ Танъ-вана пошелъ войной какой-то враждебный царь; силы у Танъ-вана побороть мятежника не хватило и онъ началъ упрекать себя, что онъ сослалъ Ли-чжинъ-вана. Танъ-ванъ послалъ въ дядѣ посла звать его. Когда посолъ явился въ Ли-чжинъ-вану и сказалъ ему, что Танъ-ванъ коритъ себя за ссылку дяди и проситъ простить вину и придти на помощь, Ли-чжинъ-ванъ отказался идти въ Чанъ-ань. Онъ сказалъ послу, что сердце его все еще не успокоилось и онъ продолжаетъ сердиться на племянника. Царскую рѣчь услышала царица и спрашиваетъ мужа: «О чемъ идетъ рѣчь?» Царь сказалъ: «Женщина, молчи! это не женское дѣло». Царица возразила царю, что она не простая женщина; что она царица и царская дочь. Тогда Ли-чжинъ-ванъ сказалъ ей, что племянникъ проситъ защиты отъ мятежника, что онъ отказался подать ему помощь, помня его немилосердіе. Жена стала уговаривать его пойти на помощь и сказала: «Если ты не пойдешь, я, женщина, пойду!» Тогда Ли-чжинъ-ванъ пошелъ въ Чанъ-ань, но не успѣлъ дойти до нея, какъ Танъ-ванъ съ своимъ войскомъ оставилъ столицу и ушелъ въ городъ Нянъ-бо. Такимъ образомъ они разошлись. Танъ-ванъ потерялъ царство; на его мѣсто сѣлъ другой. Вотъ откуда городъ Нянъ-бо получилъ свое имя; нянъ значитъ «пустой», бо «задній»; т. е. царь пришелъ безъ царства.

Три дочери Ли-чжинъ-вана не любили сидѣть дома, были вольницы. Онѣ пошли въ поле съ корзинами (кайларъ) на рукахъ собирать дикія съѣдобныя травы. Въ полѣ была могила, на которой стоялъ изваянный изъ камня человѣкъ (ташихунь); дѣвицы стали играть съ изваяніемъ, бросая зелень на его голову и приговаривая: «Ты будь моимъ мужемъ, а я буду твоей женой». Корзина одной дѣвицы вырвалась изъ ея рукъ и надѣлась на голову каменнаго человѣка. Ночью во снѣ этой дѣвицѣ приснилось, будто этотъ каменный человѣкъ пришелъ на постель къ ней и переночевалъ съ ней. На завтра она зачала и стала беременною. Когда е

¹⁾ Чанъ-ань древнее имя нижняго города Си-анъ-фу.

²⁾ Т. е. царь династїи Танъ.

³⁾ Ванъ «царь»; чжинъ можетъ быть чжинь, «золото».

хвостамъ лошадей. Сыновья Ли-чжинъ-вана поймали Ли-сунъ-сяо, привязали къ его рукамъ, ногамъ и къ шеѣ по веревкѣ, концы этихъ веревокъ привязали къ хвостамъ пяти лошадей и стали гнать лошадей. Тогда Ли-сунъ-сяо прижалъ руки и ноги къ своему туловищу и лошади не могли двинуться. Ли-чжинъ-ванъ велѣлъ нагрузить пять телегъ камнями, велѣлъ привязать Ли-сунъ-сяо къ телегамъ и опять попробовать разорвать его. И тогда не могли разорвать его; Ли-сунъ-сяо притянулъ телеги къ себѣ. Послѣ этого раздался на небѣ громъ и Ли-сунъ-сяо поднялся на небо.

Спустя нѣкоторое время на Ли-чжинъ-вана напалъ мятежникъ Ванъ-янь-чжанъ. Силы у Ли-чжинъ-вана отразить мятежника не хватило. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что Ли-сунъ-сяо теперь нѣтъ здѣсь и что онъ вознесся на небо!» Въ это время Ли-сунъ-сяо показался на небѣ и сказалъ: «Я здѣсь!» И въ это время головы у воиновъ Ванъ-янь-чжана сами стали отваливаться и падать на землю.

Старикъ Чай-й, широнголь
изъ дер. Чи-чжа.

У Ли-чжинъ-вана былъ сынъ, который ничего не дѣлалъ. Ли-чжинъ-ванъ прогналъ его изъ дома съ цѣлью, чтобъ онъ пошелъ учиться какому-нибудь полезному дѣлу. Ли-сунъ-сяо пошелъ на рѣку, которая течетъ у деревни Шанъ-танъ и тамъ началъ дѣлать изъ глины людей и лошадей. На Ли-чжинъ-вана пришелъ войной какой-то Ванъ-янь-чжанъ; Ли-чжинъ-ванъ не имѣлъ достаточно силъ встрѣтить его. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что я прогналъ Ли-сунъ-сяо». Въ это время душа Ли-сунъ-сяо явилась въ поле; за нею глиняные всадники, которые вступили тотчасъ въ сраженіе и войско Ванъ-янь-чжана было перебито.

Старикъ Янь-яръ, широнголь
изъ д. Янь-чжа.

Въ широнгольской землѣ есть городокъ Чуанъ-ку; тутъ же по близости гора Ирагу-ула; между ними протекаетъ р. Дайтонгъ-голь. Прежде Чуанъ-ку было очень торговое мѣсто; тутъ было много купцовъ, былъ большой рынокъ; въ городѣ жилъ широнгольскій ванъ, по имени Ли-чжинъ-ванъ. Въ то время Си-анъ-фу была столицей династии Танъ и называлась Чанъ-анъ. Государь, жившій въ Чанъ-ани, иногда собиралъ къ своему двору всѣхъ вановъ; однажды Ли-чжинъ-ванъ не пріѣхалъ по приглашенію; на ту пору онъ напился пьянъ, перебилъ многихъ мелкихъ сановниковъ, переколотилъ посуду. Государевъ посланецъ такъ и донесъ царю. Царь осердился, сказалъ, что Ли-чжинъ-ванъ не настоящій ванъ и сослалъ его. Ли-чжинъ-вана отвезли въ мѣстность, гдѣ нынѣ Чуанъ-ку. На сѣверѣ же, въ провинціи Чжи-ли говорятъ, что онъ былъ сосланъ въ мѣстность, лежащую къ ю. отъ Калгана, гдѣ теперь городъ Сюанъ-хуа-фу (въ 40 ли отъ Калгана и въ 360 ли отъ Пекина) или по монгольски Баянь-суме. Тутъ была страна худая, пески и барханы;

лоски народныхъ сказаній о женщинѣ, рѣшившейся цѣной своего цѣломудрія избавить свой народъ отъ свирѣпаго насильника.

Имя Гэху-ушень ср. съ Гэхусень, какъ названъ въ одномъ китайскомъ памятникѣ монгольскій князь Харасандза-Джедаиръ-хунъ тайджи (см. мои Очерки, III, 319), отъ семи сыновей котораго произошли семь первоначальныхъ халхаскихъ хошуновъ. По другимъ версиямъ, семь хошуновъ произошли отъ семи сыновей Чингиса; такъ я въ хошунѣ Тачжи-урянкай (въ западной части монгольскаго Алтая) слышалъ слѣдующее показаніе: у Чингисъ-хана было семь сыновей; одинъ изъ нихъ остался бездѣтнымъ; отъ шести сыновей Чингиса и отъ него самого образовалось семь хошуновъ. Младшій сынъ Чингиса назывался Отханъ-Толоръ-хунъ тайджи. Вуратское сказаніе какого-то Удзонъ-Залайра ставитъ въ родство съ Чингисомъ. Позднѣйшее Гэхусень можетъ быть припоминаніе древняго Гэху-ушени, подъ вліяніемъ родства сказаній о Чжао-гюнь и гуйгуаченской Чжао-чжюнь.

Новѣйшими исследователями русскаго эпоса отвергнуто сближеніе Соловья Будимировича съ Соловьемъ разбойникомъ; наѣздъ Соловья ко дворцу Владиміра кіевскаго представляется миролюбивымъ сватаньемъ, а не попыткой насильственно увести царевну. Но можетъ быть въ былинѣ уцѣлѣлъ только обломокъ болѣе сложнаго разсказа, который передавался на тему о насильникѣ, укрощенномъ женщиной. Соловей подѣзжаетъ къ Кіеву въ родѣ того, какъ Чингисъ, охотящійся по снѣгу за зайцами, подѣзжаетъ къ городу царя Шидургу (въ Алтанъ-Тобчи охотится за зайцами Елбекъ-ханъ, котораго, можетъ быть, слѣдуетъ сблизить съ тюркскими сказочными Джельбегевъ, Джелбага, Джалбагай¹⁾). Запавъ идетъ въ станъ Соловья въ родѣ того, какъ жена Лу-ту-сы идетъ въ пещеру Ванъ-мора. Если это не такъ, то поведеніе Запавы странное; такимъ оно и кажется Соловью; моральное оправданіе поступка Запавы вѣроятно заключалось въ утерявшемся концѣ былинны.

Джельбегень является въ тюркскихъ вариантахъ сказки о хитромъ мальчикѣ, перехитряющемъ людоѣда (Radloff, Proben., I, 28); въ бѣлорусской сказкѣ людоѣдъ названъ Чалолай (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3, стр. 73); можетъ быть слѣдовало Чаловай? Сходная форма Чалубей, встрѣчена въ смоленскомъ фольклорѣ; упоминается мечъ какого-то царя Чалубея (Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, ч. I, стр. 505).

67. ВАНЪ-МО РЪ.

(Широнгольскій).

Были два бѣдныхъ брата, которые собирали дрова и продавали въ городѣ Чуанъ-ку. Однажды лама, купившій у нихъ дрова, далъ имъ яблоко. Они съѣли и сдѣлались необыкновенно сильными; одинъ пошелъ въ Ланъ-чжоу, другой въ Джонлонъ²⁾). Имя первому было Ванъ-моръ; онъ много народу ограбилъ и перебилъ. Изъ Пекина выслали войско съ генералами, но войско не могло его взять. Онъ сидѣлъ въ пещерѣ, которая была въ полугорѣ надъ рѣкой Да-тунъ-голомъ. Снизу подойдутъ, Ванъ-моръ изъ пещеры бросаетъ камнями; сверху попробуютъ спускаться — падаютъ со скалы и расшибаются. Въ то время у одного широнгольскаго ту-сы³⁾, по имени Лу-ту-сы была, хитрая жена. Она объявила, что она захватитъ Ванъ-мора. Она начала пѣть. Ванъ-моръ услышалъ пѣнье и говоритъ: «Какъ хорошо

¹⁾ У Радлова Джалбагай (Proben., II, 508) птица.

²⁾ Джонлонъ городъ къ сѣверу отъ Ланъ-чжоу, по-китайски назыв. Пинъ-фанъ-сянь.

³⁾ Ту-сы — старѣйшина, князь.

запѣла: «халэй!» Чирики вновь стали приближаться, вошли въ пещеру и схватили Вань-мана. Пьяный, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлають. Стали рубить ему голову, но никакъ не могли мечомъ отрубить; удавили мѣдной проволокой и отрубили ему руки, которыя и теперь хранятся въ городѣ Линь-ченъ въ монастырѣ Та-сы. Вдова Лу-ту-сы забеременѣла отъ Вань-мана и родила мальчика, такъ что у нея теперь стало два сына, одинъ отъ стараго мужа, Лу-ту-сы и одинъ отъ Вань-мана. Она вскрыла жилу на рукѣ новорожденнаго и замѣтила, что жила его была необыкновенной крѣпости и что мальчикъ обѣщаетъ пойти въ отца. Она убила его.

Чихба-дончжа, широнголь
изъ дер. Чи-чжа.

Вань-манъ рубилъ дрова, продавалъ ихъ и тѣмъ кормился. Однажды онъ несъ вязанку дровъ на продажу, захотѣлъ напиться и спустился къ ключу. Въ ямѣ, на днѣ которой изливался ключъ, сидѣлъ лусу; надъ нимъ на поверхности воды образовалась льдина. Вань-манъ проглотилъ льдину и отъ этого вдругъ въ его тѣло вошла необыкновенная сила. Онъ присѣлъ на камень отдохнуть и скала подъ нимъ заколебалась. Почувствовавъ себя сильнымъ, Вань-манъ оставилъ промыселъ дровосѣка, поселился въ мѣстности Чуань-ку, гдѣ тогда была гоби, т. е. пустыня и сталъ грабить проходившихъ людей. У ноѣна этихъ мѣстъ была жена; Вань-манъ напалъ на него и жену его увелъ къ себѣ. У нихъ родился сынъ. Жена говоритъ: «Нужно устроить пиръ (хоринъ) и позвать моихъ родственниковъ». Когда гости собрались, жена Вань-мана стала подносить ему вино, а гостямъ воду. Вань-манъ опьянѣлъ и заснулъ, а родственники остались трезвы и будто пошли домой. Она ихъ научила, чтобъ они подходили къ ея дому, когда она будетъ пѣть: халей! и чтобъ отходили, когда она запоетъ: чжахой! Когда Вань-манъ просыпался, она пѣла: чжахой! Когда крѣпко засыпалъ, она пѣла: халэй! Постепенно они подходили все ближе и ближе и наконецъ, войдя въ домъ, зарѣзали Вань-мана при помощи соломорѣзки.

Записано отъ широнголовъ въ Саньчуани.

68. ЛЕУ ДА-ЖЕНЬ.

(Китайскій).

При императорѣ Цунь-линѣ былъ министръ Леу-да-жень¹⁾. Это былъ честный министръ, который, истребляя взяточничество, многихъ казнилъ. Въ горахъ Дай-чинъ-сань, т. е. въ хребтѣ, лежащемъ къ с. отъ Гуй-хуа-чена, находятся запретныя монгольскія рощи, въ которыхъ безъ разрѣшенія цзянь-цзюня (генераль-гу-

¹⁾ Леу собств. имя; да-жень-сановникъ.

бернатора) никто не смѣетъ рубить. У цзянь-цзюня было двѣ жены; младшая имѣла брата; она задумала украсть печать цзянь-цзюня для брата и научила своего маленькаго сына плакать; цзянь-цзюнь очень любилъ его и хотѣлъ унять ребенка. Мать говорить отцу: «Нельзя ли ему дать поиграть твоей печатью?» Отецъ далъ; тогда ребенокъ пересталъ плакать. Игралъ, игралъ и выбросилъ печать въ окно, а тамъ ее подхватилъ братъ жены цзянь-цзюня. Онъ написалъ письмо о разрѣшеніи рубить лѣсъ въ запретной рошѣ, приложилъ печать и продалъ лѣсъ купцамъ. Тогда монголы пожаловались императору. Императоръ прислалъ Леу-да-женя. Леу-да-жень сталъ развѣзжать по Шань-си подъ видомъ купца. Цзянь-цзюнь выслалъ изъ Гуй-хуа-чена чиновниковъ за 100 ли во всѣ стороны встрѣчать его, но Леу-да-жень тайкомъ пробрался въ городъ Бау-ту и уже оттуда, проживъ тамъ мѣсяць, явился въ Гуй-хуа-ченъ. Онъ остановился въ одномъ дянѣ, гдѣ былъ купленный лѣсъ. На его вопросъ, откуда этотъ лѣсъ, купецъ сказалъ, что онъ купилъ его отъ брата цзянь-цзюневой жены и купилъ очень выгодно. Потомъ купецъ увидѣлъ у Леу-да-женя мандаринскую шапку, догадался и началъ просить прощенія. Леу-да-жень велѣлъ ему спрятать лѣсъ. За тѣмъ онъ открылъ предъ гуй-хуа-ченскимъ ямыномъ свое званіе, показалъ грамоту императора и отсѣкъ цзянь-цзюню голову. Но тѣло цзянь-цзюня не тотчасъ упало на землю; продолжая стоять, цзянь-цзюнь спросилъ, за что его лишили жизни. Когда Леу-да-жень сказалъ, что онъ виноватъ въ продажѣ запретнаго лѣса, тѣло цзянь-цзюня упало. Онъ потому не сразу упалъ, что не былъ виноватъ.

Чочжинъ-хоу, китаецъ-купецъ
въ Гуй-хуа-ченѣ.

Ср. о. Іакинъ, Собр. свѣд. о нарох. Средн. Азіи, ч. I, стр. 88—96.

69. а. ЕЛЬДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ¹⁾ жилъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ²⁾; китайцы зовутъ его Лю-тоу³⁾. Подданные его были китайцы (ергинъ). Ханъ былъ глупецъ (тенекъ-ху). У хана была старшая сестра, жившая въ городѣ, развалины котораго теперь зовутся Чаганъ-балгасунъ (туть и теперь есть китайскій городъ). Она дала брату золотую трубу (алтынъ бишкуръ) и сказала ему, чтобы онъ эту трубу спряталъ и въ спокойное время въ нее не трубилъ, а затрубилъ бы тогда, когда придутъ какіе нибудь враги (тай-сунгъ); по звуку золотой трубы сестра обѣщалась придти на помощь. Глухой ханъ не вытерпѣлъ и затрубилъ зря. Сестра собрала свое

¹⁾ Боро-балгасуномъ называются теперь развалины города на южной окраинѣ Ордоса. См. ч. I, стр. 80

²⁾ Т. е. ханъ съ ослиной головой.

³⁾ Лю по-кит. «осель», тоу «голова».

войско и пришла къ нему. Видитъ, никакого непріятеля нѣтъ. «Зачѣмъ ты затрубилъ?» спрашиваетъ сестра. «Я хотѣлъ испытать, дѣйствительно ли ты придешь», говоритъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ. Сестра еще разъ сдѣлала ему наставленіе, чтобъ онъ спряталъ золотую трубу и трубилъ бы въ нее только въ случаѣ дѣйствительной опасности. Но спустя нѣкоторое время ханъ опять не вытерпѣлъ и опять затрубилъ. Сестра опять пришла съ войскомъ, опять ничего не нашла и снова возвратилась въ Чаганъ-балгасунъ. Когда она ушла, пришло чужеземное войско (вар. пришелъ Чингисъ-ханъ) и начало осаждать городъ. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ затрубилъ въ золотую трубу. Сестра его говоритъ: вѣроятно, глупный мальчикъ (тенекъ-ху) опять зря трубитъ. И не пошла съ войскомъ на выручку брата. Непритель (вар. Чингисъ-ханъ) взялъ городъ, порубилъ жителей и самому Ельджигенъ-тологойтой-хану отсѣкъ голову.

Ратна Вала, монголь изъ Ордоса.

69. 6. ЕЛДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

Двѣнадцатымъ ханомъ была дѣвица. Эта дѣвица-ханъ сошлась съ осломъ и прижила съ нимъ ребенка, у котораго голова была ослиная. Впослѣдствіи сынъ ея сталъ ханомъ. Онъ взялъ за себя трехъ женъ; одна изъ нихъ опять родила ослиноголового мальчика, другая родила мальчика съ головой собаки, а третья настоящаго мальчика. Эта третья жена была Дара-еке. Когда Дара-еке родила, когда ея сынъ показался на свѣтъ, весь домъ освѣтился свѣтомъ. Двѣ другія царицы позавидовали Дара-еке и наклеветали хану, будто она питаетъ противъ него какой-то злой умыселъ. Ханъ говоритъ, что онъ не замѣтилъ этого. Тогда царицы совѣтуютъ царю открыть канъ¹⁾ у обвиняемой ханьши; онъ тамъ найдетъ сдѣланное изъ глины свое изображеніе, вся поверхность котораго покрыта воткнутыми иглами; это все сдѣлала третья царица съ цѣлю погубить хана. Ханъ пошелъ къ своей третьей женѣ и спрашиваетъ ее, дѣйствительно ли она сдѣлала изъ глины его изображеніе и утыкала его иглами, съ цѣлю погубить своего мужа. Ханьша отвергла обвиненіе. Ханъ открылъ канъ и нашелъ тамъ свое изображеніе, покрытое иглами. Оно было подкинута двумя соперницами ханьши. Ханъ изгналъ невинную ханьшу съ ея сыномъ въ степь; здѣсь ханьша выкормила своего ребенка. Когда сынъ ея достигъ 16 лѣтняго возраста, онъ отправился къ Маньчжу-вану, разсказалъ ему свою исторію и просилъ войска противъ Ельджигенъ-тологойтой-хана, который былъ ханомъ надъ хойху, т. е. мусульманами. Маньчжу-ванъ отказалъ ему, но одинъ лама посмотрѣлъ тюльку²⁾ и сказалъ Маньчжу-вану: «Дай войско! Отъ этого тебѣ будетъ польза». Маньчжу-ванъ далъ войско и шестнадцатилѣт-

¹⁾ Канъ—лежанна, иногда имѣющая сверху настилку изъ деревянныхъ досокъ, которыя могутъ быть выбраны.

²⁾ Смотрѣть тюльку значитъ гадать по внутренностямъ убитаго животнаго.

ній юноша, имѣя 49 туменей людей свыше пятнадцатилѣтняго возраста и 49 туменей людей ниже пятидесятилѣтняго возраста (дочинъ юсунъ тюмень арбанъ табинъ насунасъ тешанъ дочинъ юсунъ тюмень табинъ насунасъ топонъ), всего 98 туменей¹⁾, явился къ городу Ельджигень-тологойтой-хана, захватилъ его престолъ и прогналъ его въ степь. Когда городъ былъ взятъ, Маньчжу-ванъ хотѣлъ сѣсть на ханскій престолъ, но упалъ съ него. У Маньчжу-вана было девять сыновей настоящихъ и одинъ вскормленникъ. Когда послѣдняго посадили на престолъ, онъ усидѣлъ и сдѣлался ханомъ. Шестнадцатилѣтнему сыну Дара-еке дали въ управленіе восемь областей (муджи); просидѣвъ на этой должности нѣсколько лѣтъ и пришедши въ болѣе глубокой возрастъ, онъ задумалъ самъ сдѣлаться ханомъ; онъ собралъ войско и пошелъ противъ хана. Но во время похода пошелъ дождь, дороги испортились, порохъ подмокъ, мечи заржавѣли и не вынимались изъ ноженъ. Войско Маньчжу-вана напало на него; войско сына Дара-еке было разбито и самъ предводитель былъ убитъ.

Ратна Вала, лама, ордосскій монголь.

70. САЛАРСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

1) Преданіе о переселеніи саларовъ на Желтую рѣку.

Предки саларовъ пришли на Хатунъ-голь, въ царствованіе Таймингъ-хунъ-ву, 500 лѣтъ назадъ. Ихъ было три; они были сосланы изъ Самарканда за то, что украли коровъ. Прежде въ саларской землѣ жили сары-мугаль²⁾; они не имѣли осѣлости, жили въ юртахъ и переходили со скотомъ изъ одного мѣста въ другое и потомъ выкочевали изъ края.

Записано въ саларской деревнѣ Минта.

2) Маджу-гумбе.

На вершинѣ горы Маджу есть гумбе, т. е. могильный памятникъ. Тутъ похороненъ одинъ изъ сорока шейховъ (кырыхъ шехъ). Было сорокъ шейховъ, изъ которыхъ двадцать держали вѣру саларовъ, другіе 20 были другихъ вѣръ. Перемерли они въ разныхъ мѣстахъ; души ихъ являлись потомъ къ разнымъ благочестивымъ людямъ и говорили, что ихъ кости лежатъ тамъ-то, прося похоронить ихъ. Шейхъ шелъ по горѣ Маджу; въ это время на него напалъ разбойникъ и убилъ его. Шейхъ несъ съ собой собаку. Эта собака прибѣжала въ деревню Минта и стала лаять передъ мечетью. Ахунъ догадался; пошли за собакой, нашли покойника, похоронили его и на этомъ мѣстѣ построили гумбѣ.

Саларъ Хэйсы.

¹⁾ Тумень равенъ 10.000; 49 туменей = 490.000.

²⁾ Сары-мугаль—желтые мугалы.

3) Народы ахманъ и караманъ.

Есть два народа ахманъ и караманъ. Ахманы люди нашей породы; караманы имѣютъ хвостъ. Они ведутъ постоянную войну между собой.

Записана въ саларск. дер. Минта.

71. ПЕЙ-ТАДЖИ.

(Монгольскій).

Пей-таджи, «сѣверный царевичъ», удалился изъ Ордоса на сѣверъ.

Записано въ Ордосѣ.

Меня часто допрашивали въ Ордосѣ (особенно въ хошунѣ вана), не знаю ли я, гдѣ теперь находится Пей-таджи. Подробностей о немъ мнѣ никакихъ не удалось узнать. Когда же я самъ расспрашивалъ въ Боро-балгасунѣ, какъ Пей-таджи звали по-монгольски, одни мнѣ отвѣчали Орусъ, другіе: Ары-богдо, «сѣверный святой»; этимъ послѣднимъ именемъ зовутъ на югѣ Монголіи ургинскаго хутухту; третьи Ары-таджи, «сѣверный царевичъ»; наконецъ четвертое показаніе—это Эджинъ-Чингисъ.

72. ЛЕГЕНДЫ О МѢСТНОСТЯХЪ.

ГОРА ТАЙХЫРЪ-ЧИЛО.

(Монгольскій).

Въ 100 слишкомъ ли къ з. отъ мѣстности Уланъ-Чиви на р. Тамирѣ находится высокая гора Тайхыръ-чило; на вершинѣ ея лежитъ громадный камень, положенный Буху-Беликтуемъ во времена Чингисъ-богдо надъ отверстіемъ, чрезъ которое изъ земли выходила змѣя Абырганъ (абырганъ-могай).

Халха родомъ съ р. Урту-Тамиръ.

Беликтуй ср. съ Белгетей, братъ Бодонджара (Сананъ-Сэцэнъ, стр. 59; Алтанъ-Тобчи, стр. 121), Вѣлгутай, братъ Чингисъ-хана (Труды Пек. дух. мисси, IV, 45). Кромѣ Белгетей Бодонджаръ имѣлъ еще двухъ братьевъ Бугу-хатаги и Бугу-Сальджи (Алт. Тобчи, 121; Сананъ-сэцэнъ, 59)

ГОРЫ НОИНЪ-БОГДО, АЛТЫНЪ-ОЛА, ГЕЛЬБИНТУ И СЯВРІ.

(Торгоутскій).

Гора Ноинъ-богдо есть бэрэ (невѣста), Алтынъ-ола, Гельбинту и Сяври¹⁾ хатуны, т. е. женщины; эти послѣднія три сестры. Гора Ханай-хэръ есть уланъ-кокшюнъ, т. е. занавѣсъ, посредствомъ котораго во время свадьбы два всадника скры-

¹⁾ Всѣ эти горы находятся въ Гоби, къ с. отъ р. Еджинъ.

К Л Ю Ч Ъ С У Б У К Ъ.

(Монгольскій).

Въ южномъ Ордосѣ есть влючъ Субукъ или Субугень-булыкъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ этой мѣстности стали родиться только коровы; быковъ совсѣмъ не стало. Стали коровы родить изъ трехъ, четырехъ одна; скоть сталъ уменьшаться въ числѣ. Тогда одинъ мудрый человекъ сказалъ, что онъ знаетъ хитрость (арга), какъ пособить горю. Онъ сдѣлалъ на берегу Субука, куда коровы приходили на водопой, сиваго быка (хуху буха) изъ глины. Послѣ того стали отъ коровъ рождаться и бычки.

Очиръ, монголь изъ Ордоса.

О Н Г О Н Ъ - М А Н Х Ы Н Ъ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ ордосскаго джасака есть мѣстность Онгонъ-манхынъ, высокіе пре-высокіе пески. Двадцать ли на западъ, 20 ли на востокъ, 20 ли на сѣверъ и 20 ли на югъ все пески. Говорятъ, что среди нихъ вѣтры выдуваютъ части какой-то юрты, остовъ которой былъ сдѣланъ изъ серебра; кто возьметъ обломокъ такого серебрянаго вереге или тона, тотъ умретъ.

Очиръ монголь изъ Ордоса.

Ш Я - Ч У Н Ъ.

(Тангутскій).

Около монастыря Шя-чунъ есть пещера или трещина. Птица Чунъ (то же, что у монголовъ Ханъ-гаруди) нѣкогда спустилась на землю и сѣла на скалу, гдѣ нынѣ монастырь Шя-чунъ; скала треснула. Чунъ сказала: «Какая земля не вѣр-кая! не держитъ меня!» И вновь поднялась. Съ той поры Чунъ болѣе не садится на землю.

Лама тангутъ.

Б О Р О - Б А Л Г А С У Н Ъ И Ч А Г А Н Ъ - Б А Л Г А С У Н Ъ ¹⁾.

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ былъ большой бубень, въ Чаганъ-балгасунѣ большой колоколь. Когда ударять въ бубень, въ Чаганъ-балгасунѣ слышно, когда ударять въ колоколь, въ Боро-балгасунѣ слышно. Если врагъ придетъ къ Боро-балгасуну,

¹⁾ Это развалины двухъ городовъ въ южномъ Ордосѣ. (См. ч. I, стр. 80 и 107.)

на звуки бубна шли къ нему на помощь изъ Чаганъ-балгасуна; когда врагъ приходилъ къ Чаганъ-балгасуну, боро-балгасунцы слѣзили туда, слышавъ колоколь. Когда колоколь упалъ и лежалъ на землѣ, внутри его помѣщалось три лошади. Ханомъ въ городѣ Чаганъ-балгасунѣ (Чаганъ-балгасунай едженъ) былъ Жуанъ-жуанъ-лю-ванъ¹⁾. Когда Чингисъ-богдо подступилъ къ городу, Лю-ванъ бѣжалъ изъ него черезъ брешь, которая и теперь видна въ городской стѣнѣ. Прежде, говорятъ, подлѣ этой брешы съ внѣшней стороны на стѣи были видны слѣды китайцевъ, манджуръ и другихъ народовъ, осаждавшихъ городъ подъ начальствомъ Чингисъ-богдо.

Пунсукъ-нема, монголь хошуна
Ушинъ, омова Борджигитъ.

Около Чаганъ-балгасуна указываютъ нору въ землѣ. Прежде, говорятъ, отверстіе этой норы было больше. Въ норѣ жила Абарга-могай; она выходила изъ норы и много поѣдала скота. Отверстіе заклали камнями и похищеніе скота прекратилось. Нора, говорятъ, идетъ къ Пекину и другимъ концомъ отърывается у столицы.

Запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ.

КОТЕЛЪ ЧИНГИСА.

Около Барунъ-вита въ Алашанѣ есть гора съ тремя вершинами на гребнѣ; при ея подошвѣ, говорятъ, есть «котелъ Чингиса» (чингисенъ того). Въ китѣ живеть Джасыръ-гегенъ.

Лама, солонъ изъ Хайлара.

ЛЕГЕНДА О КОЛОДЕЗѢ САНГИНЪ-ДАЛАЙ²⁾.

(Монгольскій).

Бѣдилъ въ окрестностяхъ этого колодезя одинъ охотникъ и началъ тутъ копать землю; изъ земли вышли два ящика; въ одномъ изъ нихъ былъ золотой колъ (алтынъ хатасы), въ другомъ серебряный колъ (менгунъ хатасы), а также много золота и серебра. Какой-то былъ въ то время нойонъ; узнавъ, что у этого охотника появились вещи, онъ сказалъ ему: «Ты воръ! Ты укралъ эти вещи!» и велѣлъ два ящика съ золотымъ и серебрянымъ колами вмѣстѣ зарыть опять въ

¹⁾ Лю по-китайски «осель», ванъ «царь».

²⁾ Колодезь Сангинъ-далай находится между р. Тунинъ-голь и Таценъ-голь подъ 46° с. ш. на дорогѣ изъ Уласутая въ Хухухото (см. Пѣвцовъ, Очеркъ путешествія по Монголіи, Омскъ, 1883).

землю, а вмѣстѣ съ нимъ былъ зарытъ по повелѣнію того нойона и охотникъ, похитившій этотъ кладъ.

Записано на р. Туѣ отъ старика ламы
халхасца, шаби Ламанъ-гегеновскаго
вѣдомства.

Ср. съ легендой о похитителѣ золотого прикола у Чингисъ-хана, зарытомъ въ землю; см. ч. I. стр. 123.

С Л Ъ Д Ы Г Э С Э Р А .

1) Около Сунъпана.

(Тангутскій).

Къ с.-з. отъ города Сунъпана, въ 2 дняхъ пути отъ него, есть мѣстность Рмартутъ; здѣсь есть гора, гдѣ сидѣлъ Гланъ-Гэсэръ; она называется Рсэръ гѣ чжунъ ри. Тутъ видны слѣды: Гэсэровой лошади, стрѣлы и лука, лежавшей собаки и ея цѣпи, а также слѣдъ лежавшей кольчуги (чжакуй или куйджа). Кромѣ того тутъ указываютъ палатку, въ которой сидѣла жена Гэсэра, и черныя и бѣлыя вишни убитаго Гэсэромъ чудовища Рдучава.

2) На Желтой рѣкѣ выше Санъ-чуани.

(Саларскій).

Три брата Пулиръ-пукѣ, Кусэръ и Лшанбу пришли въ саларскую землю; отъ нихъ и пошли салары. Кусэръ былъ средній братъ, Лшанбу младшій. Они были такъ сильны, что играя, бросали въ воздухъ огромной величины камни. Прийдя на Муренъ (т. е. на Желтую рѣку), имъ захотѣлось перейти на другую сторону; два брата Пукѣ и Кусэръ сѣли на берегу рѣки на камень и, натянувъ лукъ, пустили стрѣлу черезъ рѣку; стрѣла попала въ противоположный берегъ; скала на берегу разсѣлась, вода излилась въ сдѣланную трещину и дно рѣки стало сухо. Братья выѣхали на другой берегъ въ телегѣ. Эта мѣстность называется по-саларски Кумджухъ-палунъ. Слѣдъ сидѣнья богатырей называется по-саларски кѣсэръ онга, т. е. «Кусэрова нора» или «Кусэрово гнѣздо».

Хэйсы, саларъ.

Дѣйствительно, тутъ на правомъ берегу рѣки указываютъ темнаго цвѣта камень, на южной сторонѣ котораго при основаніи два выглаженных углубленія рядомъ какъ-бы отъ сидѣнья двухъ человѣкъ. Есть и третье, но его поверхность шероховата. Правыя же два имѣютъ нѣкоторую полировку. Они-то и считаются за отпечатки двухъ сидѣвшихъ человѣкъ. Положеніе, въ которомъ находился стрѣлокъ, неособенно было удобно; онъ сидѣлъ задомъ къ рѣкѣ; да и съ какой стати они хлопотали о переправѣ, когда они уже были на саларской сторонѣ рѣки, когда стрѣляли? На лѣвомъ берегу саженьхъ въ 15 указываютъ въ черной породѣ красную полосу, или

жигу, расклевывающую породу под угломъ въ 20° съ паденіемъ на востокъ; въ это мѣсто попала стрѣла и по этому мѣсту выѣхали братья въ телегѣ на другомъ берегу. Еще ниже на лѣвомъ берегу верхняя поверхность каменнаго обнаженія имѣетъ вертикальную трещину шириной въ $\frac{1}{4}$ арш. и длиной сажени двѣ; эта трещина образовалась отъ удара Кусэровой стрѣлы. Въ Си-янь-фу-чжи есть указаніе, что въ 1603 году въ 3-й лунѣ въ округѣ Гуй-дэ и до округа Хэ-чжоу Ху-анъ-хэ пересохла на 27 дней (Успенскій, «Страна Хухуноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 77).

3) Около Лабрана.

(Тангутскій).

Около Лабрана выше монастыря по рѣкѣ есть мѣстность Гэсэръ-дортыхъ; тутъ слѣдъ копытъ коня Гэсэра. Въ той же мѣстности есть на верху горы пещера, недоступная для людей; въ ней, говорятъ, лежитъ лукъ Гэсэра. Гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ есть хубильганъ Чотона, а его компаньонъ гэгэнъ Алыгласэна есть хубильганъ Гэсэра; у Алыгласэна хранится ножъ Гэсэра.

Записано отъ тангутовъ въ Лабранѣ.

4) Около Ганьчжоу и въ землѣ ёгуровъ.

(Егурскій).

Слѣды Гэсэра находятся въ мѣстности Ма-ти («конское копыто») около Гань-чжоу у горы Хоръ-Бандэра (Хоръ-Банди-ри?); рѣка, протекающая у этой горы, называется Бянь-ду-коу. Въ землѣ Хара-ёгуровъ также есть слѣды у влѣча Хара-Багинъ около монастыря Пейранъ; тутъ слѣды сапоговъ, копытъ лошади и сарлыка (чукчу).

Показаніе ёгура Лоцзана.

Какъ въ Амдо приурочено къ мѣстностямъ имя Гэсэра, такъ въ сѣверо-западной Монголіи имя Сартактая, которое въ русскомъ Алтай у алтайцевъ является парнымъ: Сартактай-кэзэръ. Къ рѣкѣ Катунь приуроченъ рассказъ о томъ, какъ Сартактай хотѣлъ перекинуть мостъ черезъ Катунь, а на Чуѣ есть расщепленная имъ скала (Radloff, Proben I, 188). Слѣдовательно, имя Кусэръ-Кэзэръ и въ Амдо, и въ сѣверо-западной Монголіи связано съ рѣкой имени Хатунъ-Катунь. На Катунь нѣтъ преданія о бросившейся въ нее женщицѣ, но такое преданіе рассказываетъ на со-сѣдней рѣкѣ Бондомѣ о скалѣ Катунь (Литерат. Сборн., изд. Н. Ядринцевымъ, Сиб., 1885, стр. 346).

Въ эпосѣ о Гэсэрѣ эпизода о переправѣ съ подобными деталями нѣтъ, но сама переправа есть см. выше, стр. 31. Въ Thaten у Шмидта (стр. 38) есть рассказъ о тростяхъ, данныхъ Гэсэромъ семи альвинамъ для проѣзда черезъ море, которыя, при вступленіи въ море, обращаются въ рыбъ и альвины тонуть. Не рассказывалось ли, что альвины гнались за Гэсэромъ, чудесно возникшій мостъ существовалъ только пока по нему ѣхалъ Гэсэръ, и исчезъ, когда на него въѣхала погоня. Ср. съ Джельбага, гонящимся за дѣтьми въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 342).

Чудесная переправа есть въ преданіи о Чжумынѣ: убѣгая отъ преслѣдованія и достигши берега рѣки, Чжумынъ, по одному варианту, обращается къ ней съ рѣчью, что онъ сынъ солнца и дочери рѣчного бога, по другому пускаетъ стрѣлу; рыбы и черепахи образуютъ мостъ, но къ

прибытію погоны мость разсѣлся (о. Іакинъ, Собр. свѣд. о нар. Среди. Азіи, стр. 55, 71, 98 и 108). Есть и другія совпаденія сказаній о Чжуньцзи и Гэсэрѣ (см. выше, стр. 124).

Въ хотанской легендѣ богъ Вайсрамана пускаетъ стрѣлу и вода, залившая страну, уходитъ въ образовавшееся отверстіе (Journal of the Asiatic society of Bengal, vol. LV, part. I, № III, 1886, статья: Buddhist and other legends about Khoten by Babu Sarat Chandra Das).

Въ восточной Монголіи: 1) въ окрестностяхъ оз. Далай-норъ (Талъ-норъ) четырехугольная гора Топшо-ола, «Гора наковальня» принимается за наковальню Гэсэра (Изв. И. Р. Геогр. Общ., XXIII, 48); 2) въ с. отъ Малыхъ Песковъ холмы Дзыргилъ съ усѣченными вершинами по народному вѣрованію обезглавлены Гэсэромъ (Изв. Сиб. Общ. т. II, № 1 и 2 (1871), стр. 11).

73. МОГИЛЬНАЯ НАСЫПЬ ЧАО-ЧЖЮНЪ-ФЫНЪ.

Царевна Чао-чжюнь имѣла брата; когда она утонула въ рѣкѣ, халатъ ея поплылъ по водѣ. Увидѣли халатъ, поймали и принесли царю. Царь сказалъ, что это платье не человѣка, а фо (бога). Огнискали трупъ царевны и погребли.

Записано отъ китайца.

Чао-чжюнь была императрица династіи Хань. Одинъ императоръ этой династіи имѣлъ очень красивую жену и воевалъ съ монголами; китайцы проиграли сраженіе и монголы, при заключеніи мира, потребовали красивую царицу. Китайцы отдали. Царица умерла на чужбинѣ около Гуй-хуа-чена.

Китаецъ Ли.

Чо-джинъ-фынъ есть могила дѣвicy Чоджинъ, дочери Шитыръ-тюльгуна, которая имѣла уже жениха. Чингисъ-богдо однажды увидѣлъ кровь, которая пала на снѣгъ изъ ноги зайца и спросилъ: «Есть ли такой красивый человѣкъ?» Ему сказали, что есть: дочь Шитыръ-тюльгуна. Чингисъ-богдо захотѣлъ ее взять; онъ осадилъ городъ отца ея и захватилъ ее, но захилѣлъ и умеръ, а она бѣжала и утонула въ рѣкѣ.

Лама въ монастырѣ Си-усту-чжао,
родомъ тумуть.

Могила Чао-чжюнь показывается различно въ теченіи одного дня, то кажется круглой, то квадратной, то продолговатой.

Китаецъ, крестьянинъ изъ деревни,
сосѣдней съ насыпью.

Могила Чао-чжюнь утромъ кажется какъ чаша, въ полдень какъ юрта (монгу-бао), вечеромъ нижняя часть ея исчезаетъ, а верхняя, какъ будто виситъ

готовъ прогнать пастуха, но дочь хозяина угадываетъ умъ у пастуха и выходитъ за него замужъ. Кромѣ Гахай-омока былъ также Хони-омокъ или Лоу-линъ-гунь; у него было семь сыновей; одинъ изъ нихъ назывался Янъ-ву-ланъ.

У какого-то царя былъ совѣтникъ Леу-бао-вэнь. Звѣздовѣдцы сказали, что въ утробѣ одной женщины зачатъ и растетъ Чуу-хунъ-ву. Царь велѣлъ убить его, но женщина вышла изъ города. Люди не видали ее уходящую, они какъ будто спали.

Токто-хото былъ резиденціей ноена, который по-китайски назывался Санъ-ху, по-монгольски Токто-гайджи. Улусъ его былъ ходжугуръ, т. е. плѣшивый отъ паршивости (по-китайски туу-за).

75. КАРА-БАДЗЫРЪ ¹⁾.

(Широнгольскій).

а. Въ нынѣшнемъ городѣ Гу-ша-й жила ханьша Шуань-гунь-чжу²⁾, въ Кара-бадзырѣ—Тай-янъ-гунь-чжу. Это были двѣ жены китайскаго хана (Читай-хана) Пришелъ монгольскій ханъ и осадилъ Кара-бадзыръ, оба города взялъ, хана убилъ, а женъ его увелъ въ плѣнъ. Одна изъ нихъ ночью разрѣзала половиня части у монгольскаго хана и онъ умеръ, а ханьша утопилась въ Муренѣ (т. е. въ Желтой рѣкѣ).

Широнголь родомъ изъ дер. Чн-чжа.

б. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шо-янъ-гунь-чжу. Пришло какое-то войско подъ предводительствомъ хана и хотѣло взять гунь-чжу, но она имѣла черное знамя и, повертывая его, убивала множество непріятельскихъ солдатъ. Войско ничего не могло подѣлать и удалилось. Послѣ того осаждавшій ханъ подослалъ къ гунь-чжу своего вельможу (нойонъ-бичечи); тотъ явился къ гунь-чжу, будто самъ пришелъ проситься къ ней на службу. Гунь-чжу повѣрила и приняла его. Онъ вошелъ къ ней въ большую довѣренность и унесъ ее знамя, послѣ чего городъ былъ взятъ ханомъ безъ труда.

Широнголь изъ дер. Ни-чжа.

¹⁾ Развалины Кара-бадзыръ, «Черный городъ» находятся на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, въ мѣстности Сань-чуань (см. ч. I, ст. 181).

²⁾ Гунь-чжу по-китайски «царевна».

в. Въ Кара-бадзырѣ жилъ ханъ, у котораго было двѣ жены, одна китаянка, другая монголва. Жены ссорились между собой и монголва призвала монгольское войско, но оно ничего не могло сдѣлать съ городомъ. Чирики (солдаты) насыпали кругомъ города большіе холмы изъ глины, чтобъ устрашить жителей, будто это жучи муки, дескать, войско пришло съ большимъ хлѣбнымъ запасомъ и будетъ стоять долго. Но это не устрашило городскихъ жителей. Воду жители доставали изъ ключа, который былъ около нынѣшней деревни Шинъ-чжа, внѣ города; отъ города къ ключу былъ сдѣланъ подземный ходъ (нора); по этому ходу жители ходили къ водѣ незамѣтно для осаждавшаго войска. Однажды людей, ходившихъ по воду, сопровождала собака и когда водоносы возвратились подземнымъ ходомъ въ городъ, она осталась у ключа. Чирики догадались, что эта собака отстала отъ городскихъ жителей, бравшихъ воду изъ ключа, стали искать водопроводъ около мѣста, гдѣ увидѣли собаку, нашли и заткнули отверстіе ключа. Тогда городъ долженъ былъ сдать.

г. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шу-анъ-гунъ-чжу. Пришли па-ганъ-чинъ и взяли городъ. Часть этихъ па-ганъ-чинъ ушла, другая часть осталась въ краѣ; отъ нихъ-то и произошли нынѣшніе широнголы.

Житель деревни Чи-чжа.

д. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила царица Шо-анъ-гунъ-чжу, въ Гу-ша-и—Тай-инъ-гунъ-чжу. Монгольскій ханъ Чингисъ пришелъ съ монгольскимъ войскомъ брать городъ, но не могъ взять его. При немъ былъ китаецъ Ти-чинъ (Ти-чинъ-да-бо); онъ тайно пришелъ въ городъ, вошелъ въ любовь къ царицѣ и женился на ней. Отъ этого брака родилось два мальчика; одному дали имя тигръ, другому драконъ (лу). Ти-чинъ бросилъ царицу, бѣжалъ изъ города и снесъ знамя (далба), изъ котораго при возвращеніи исходитъ огонь. Съ лишеніемъ этого знамени царица не могла противустоять непріятелю. Она гналась за похитителемъ, но о послѣдствіяхъ погони рассказчикъ не знаетъ. Къ востоку отъ Кара-бадзыра есть ключъ Шинъ-чжа. Изъ него осажденные брали воду подземнымъ ходомъ, но собака выдала ходъ и непріатели заткнули отверстіе. Когда городъ былъ взятъ, произошло кровопролитіе; кровь убитыхъ текла въ Муренъ (Желтую рѣку) и наполнила собою слѣды коровъ.

Старикъ изъ дерев. Шинъ-чжа.

Въ западномъ Туркестанѣ подобная легенда тоже связывается съ именемъ Чингиса. Городъ Гуль-гулѣ, развалины котораго находятся въ Бамьянской долинѣ, снабженный подземными водохранилищами, упорно выдерживалъ осаду Чингисъ-хана, но дочь царя города Гуль-гулѣ полюбила одного изъ сыновей Чингисъ-хана, открыла ему тайну о водопроводахъ и городъ былъ взятъ и разрушенъ (См. Яворскій, Путеш. русск. посольства по Афганистану и бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Спб., 1882, т. I, стр. 261). Литература западныхъ вариантовъ (на Кавказѣ и на Балканскомъ полуостровѣ) указана въ Очеркахъ, IV, 833; у Теплякова (Письма изъ Болгаріи, 169—170) сходная легенда приурочена къ городу Правадія и селу (или монастырю) Дивъ-Тангидъ.

Знамя, отъ повертыванія котораго падаютъ люди, ср. съ предметомъ такого же свойства въ легендѣ объ Эрдени-дау и въ сказкѣ, помѣщенной въ Очеркахъ (Оч., IV, 401 и 410). Другія легенды рассказываютъ о похищеніи знамени (вар. мутонки) у самого Чингиса (Очерки, II, 164, IV, 324).

Вар. а сходенъ съ ордосскимъ преданіемъ о женѣ Чингиса, утонувшей въ Желтой рѣкѣ. И такъ это преданіе рассказывается въ Гуй-хуа-ченѣ, Бау-тоу, въ Чжунъ-веѣ (Дерисунъ-хото) и въ Саньчуани.

76. РѢКИ ЛІУ-ЧУАНЬ И ЯНЬ-ДЖИ-ЧУАНЬ. СЫ-ЧЖА-ЦЗУЙ.

(Китайскій).

Противъ города Ди-дао, который въ древности назывался Тай-янь-ху, немного ниже города въ р. Тао-хэ впадаетъ р. Сань-ча-хо. Она состоитъ изъ двухъ рѣкъ: Ліу-чуань и Янь-джи-чуань. По Ліу-чуани спустилась изъ города Хо-чжоу красавица Тао-шань-нюръ, по Янь-джи-чуани пришла лошадь Янь-джи-ма, на которой совершалъ свои геройскія поѣздки Куанъ-ло-ѣ. Между двумя рѣками гора, на которой есть кумирня; гора эта, не доходя до стрѣлки, образуемой рѣками, кончается мысомъ; плоское пространство между горой и рѣками, образующими стрѣлку, имѣетъ четырехъ-угольную форму и назыв. Ху-ланъ-чуань¹⁾; тутъ было мѣстопребываніе Ли-бу, названнаго брата Куанъ-ло-ѣ. Съ тѣхъ поръ въ Хо-чжоу не стало красивыхъ женщинъ, на Янь-джи-чуани хорошихъ лошадей, въ Ди-дао хорошихъ молодыхъ людей.

Китаецъ, житель города Ди-дао.

Въ 15 ли отъ города Хо-чжоу есть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Нѣкогда здѣсь былъ одинъ человѣкъ, который, умирая, велѣлъ своему сыну похоронить его въ мѣстности Сы-чжа-цзуй, а надъ могилой поставить рогатками стрѣлу и лукъ; потомъ, выждавъ сорокъ девять дней, сынъ долженъ былъ выстрѣлить изъ этого лука. Если онъ выждетъ означенный срокъ, онъ убьетъ китайскаго императора и сядетъ на его мѣсто. Прошло уже сорокъ восемь дней. Нетерпѣливая жена сына стала говорить мужу: «Что значить одинъ день!» Мужъ выстрѣлилъ и попалъ въ императорскую башню, но не въ императора; императоръ по стрѣлѣ узналъ, откуда она и велѣлъ осмотрѣть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Раскопали землю и нашли въ ней два гана (ворчаги) и въ нихъ луна (дракона), котораго и убили.

Онъ же.

Въ другихъ преданіяхъ, приуроченныхъ къ соединенію рѣкъ, вмѣсто лошади приходитъ женихъ, какъ наприм., въ преданіи о рѣкахъ Тесинъ-голѣ и Асхытту (Очерки, II, 181), о рѣкахъ Шира-муренѣ и Чаганъ-муренѣ въ хошунѣ Кэшиктенѣ (Изв. И. Р. Г. Общ., т. XXIII, стр. 48) и въ виданьской легендѣ о предкахъ виданьскаго народа. Последняя рассказываетъ: Въ ихъ странѣ

¹⁾ Черезъ мѣстность Ху-ланъ-гуань проходитъ дорога изъ Ди-дао въ г. Хо-чжоу.

который и вообще болѣе свѣдущій человѣкъ. Приближаясь къ этому пункту, Шодо послалъ людей къ Шильдэ-дзанги съ просьбой указать мѣста. Шильдэ сказалъ по-сламъ: если русскій чиновникъ хочетъ меня притѣснить и получить отъ меня взятку, то пусть возьметъ каряго коня (хара моринъ) и сѣдло съ золотой лукой (алтынъ бургэ). Русскій чиновникъ не понялъ и отъ взятки отказался. Послѣ догадались, что Шильдэ-дзанги намекалъ провести границу по рѣкѣ Хара-мурэнъ, на которой есть гора Алтынъ-Бургэ. Говорятъ, на Хара-муренѣ есть много золота.

Жигжидъ Галсановъ, хоринскій
буряты изъ дацана Шолоту.

78. ОЗЕРО ШИНЪ-СЯ-НОРЪ¹⁾.

(Широнгольскій).

Озеро окружено горами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ. Вода въ озерѣ всегда чиста. Древесные листья, падая осенью, никогда не засоряютъ поверхности озера; поверхность его всегда чистехонька (чибъ-чибырь). Цвѣтъ воды голубой.

(Тангутскій).

На озеро Шинъ-ся-норъ былъ сосланъ сынъ джагырскаго, т. е. индѣйскаго царя Сронцзанъ-гамбы (джаву джими гунданъ, по монгол. ханъ кубугунъ). Онъ былъ сосланъ за то, что роздалъ народу богатство отца. Серебро, золото, драгоценности, все что хранилось въ отцовской казнѣ, принцъ раздѣлилъ народу; наконецъ у отца хана осталась всего одна эрдени, онъ и ее отдалъ. Отецъ порѣшилъ сослать его въ мѣстность, гдѣ теперь находится озеро Шинъ-ся-норъ. Идя въ ссылку, онъ роздалъ бѣднымъ всѣ телеги, на которыхъ ѣхалъ; наконецъ, когда кто-то попросилъ у него жену, онъ уступилъ жену, когда кто-то попросилъ у него глазъ, онъ вырвалъ свой глазъ и отдалъ, и сдѣлался кривымъ (сокуръ). Здѣсь на мѣстѣ ссылки онъ прожилъ 25 лѣтъ, сильно страдалъ и плакалъ; изъ его слезъ образовалось озеро Шинъ-ся-норъ. Проживъ 25 лѣтъ, безъ глазъ и безъ средствъ, онъ рѣшился возвратиться къ отцу; всѣ животныя и птицы собрались къ нему и стали просить его не оставлять край. «До твоего прибытія», говорили они, «шодмо ѣли насъ; когда же ты съ нами жилъ, было спокойно и безопасно жить». Царскій сынъ все таки потомъ вернулся къ отцу.

Въ 8-е число 12-го мѣсяца, когда китайцы празднуютъ ла-и-ла-ба, т. е. варятъ кашу съ жужубами, широнголы и китайцы отправляются на поклоненіе озеру. Посѣтители смотрятъ сквозь ледъ и видятъ во льду разные узоры; находятъ

¹⁾ Озеро Шинъ-ся-норъ находится на правомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, къ югу отъ Дондонской гѣсенши (см. ч. I, стр. 177).

79. ЛЕГЕНДЫ О МОНАСТЫРѢ ЭРДЕНИ-ЦЗУ.

1) Олѣты пришли изъ-за Орхона съ войной въ Эрдени-цзу. Тогда чернолицый богъ Гомбургуръ на каре-лысой лошади (баранъ нюртай хара халдзанъ моритай), съ саблей въ одной рукѣ и пикой въ другой, бросился на олѣтовъ, загородилъ имъ путь и погналъ вновь за Орхонъ; въ это время Орхонъ поднялъ свои воды и все олетское войско потонуло. За это Орхонъ прозывается Орхонъ-тушегунъ. При Гомбургурѣ двѣ собаки и два льва.

Санджи, халхасскій лама, шаби
вѣдомства Ламанъ-гегена.

2) Въ халхасскомъ хошунѣ Дайчинъ-вана ¹⁾, въ хуренѣ хранятся огромныхъ размѣровъ сѣдло, шлемъ, кольчуга (куякъ), ружье, трубка и чашка Батыръ-вана. Батыръ-ванъ былъ предокъ Дайчинъ-вана; онъ поразилъ олѣтскаго Галданъ-бошохту-хана.

Онъ же.

3) Орхонъ передъ войной течетъ кровью. За то и называется туше-гуномъ.

Показаніе одного халхасца на
оз. Угей-норъ.

На равнинѣ Талахайнъ-тала (въ 3. отъ монастыря Эрдени-цзу между рѣками Орхономъ и Цзирматаемъ) прежде была гора Эрдени-ула, которую китайцы скопали и перенесли въ Пекинъ, гдѣ она и теперь находится; они разрѣзали ее на куски и отвезли на восьмидесяти телегахъ. Послѣ того одна старуха (эмегентъ) призывала богатство назадъ; она съ мясомъ овцы въ рукахъ восклицала: хурай! хурай! И послѣ того у монгольскаго народа стало много скота и ѣды, но золото, серебро и эрдени все таки остались за Пекиномъ. По этому моленію эмегенты и равнина называется Талахайнъ-тала ²⁾.

Халхасецъ шабинскаго вѣдомства
гэгэна Заинъ.

Это повидимому отголосокъ легенды временъ династіи Танъ, сохранившейся въ китайской лѣтописи. Ургурскій владѣтель Joulun-Tieghin высваталъ за своего сына Gali-tieghin'a танскую царевну Kin-lian. Въ странѣ уйгуровъ была гора Tengeri-yu-takh, т. е. «гора небеснаго разума», а къ югу отъ нея Khouli-takh, «гора счастья». Когда танскій посланникъ прибылъ на границу страны, ему сказали, что могущество и процвѣтаніе уйгуровъ связано съ этой горой и если ее

¹⁾ Хошунъ находится въ 3. отъ вершинъ Туннъ-гола, въ Хангаѣ.

²⁾ Талалху—совершать обрядъ съ молитвой, призывающей счастье и довольство.

до 2 саж. ростомъ и назывались оконты (газета «Сибирь», изд. въ Иркутскѣ, 1886, № 5). Мессершмидтъ записалъ въ Сибири: чудскія могилы назыв. ильгенъ-сѣкъ; ихъ сложили иелбиги, т. е. великаны (Радловъ, Сибирск. древн., 1888, т. I, в. 1, стр. 16).

81. ПОКОЛѢНІЕ КЭШИКТЕНЪ.

Богдо-еджень (т. е. Чингисъ-ханъ) однажды охотился съ 11 князьями. На охотѣ было убито много звѣрей; мясо сварили, Богдо-еджень поѣлъ его и сталъ дѣлить мясо между участниками охоты. Всѣ князья принимали мясо на руки, одинъ кэшиктенскій князь принялъ на полу своего дорогого шелковаго платья. Богдо-еджень сказалъ: «Кэшиктенъ богатъ? не жалѣеть шелковаго платья!» Съ той поры Кэшиктенъ сталъ богатѣть и жить счастливо. Названіе хошуна происходитъ отъ слова кэшикъ, «счастье».

Лубсынъ, монголь хошуна Кэшиктенъ,
живущій въ Гумбумъ.

Какія-то народныя представленія связали слово кэшикъ, «счастье», съ именемъ Чингисъ-хана. По нѣкоторымъ показаніямъ, время Чингисъ-хана было временемъ всеобщаго благоденствія (см. Очерки, IV, 230). Куски мяса, которые раздаются на ордосскомъ таилганѣ, называются «счастьемъ Чингисъ-хана», Чингисенъ кэшикъ (см. ч. I, стр. 127). Въ одномъ памятникѣ Чингисъ-ханъ бесѣдуетъ съ своими братьями о томъ, въ чемъ состоитъ счастье (Д. Банзаровъ, «Черная вѣра», Спб., 1891, стр. 10). Гвардія Чингисъ-хана называлась кэшиканъ, keshican (Marco Polo, by Youl, v. I, p. 366); въ армянской лѣтописи кесикданъ (см. у Патканова въ Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., XIV, Спб., 1889, стр. 416).

Чингисъ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, найденнышъ, младенцемъ найденъ въ степи подъ деревомъ (Очерки, IV, 229); въ нѣкоторыхъ вариантахъ о найденнышѣ, который потомъ становится царемъ, находятъ его люди, идущіе вверхъ по рѣкѣ (Очерки, II, 325). Ср. выше, № 49, стр. 253 сказаніе о деревѣ, плоды котораго приносятъ довольство; отыскивая причину довольства, царь идетъ вверхъ по рѣкѣ. Въ разсказахъ о найденнышѣ дерево питаетъ его своимъ сокомъ (Очерки, II, 325; IV, 229, 326). Въ якутскихъ сказкахъ упоминается дерево, изъ котораго течется сюлюгя или юрюнгъ сюлюгя (бѣлая божественная жидкость; ср. тюркск. сілегей, слюна); глотая её, голодные полнѣютъ, уставшіе жирѣютъ (Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ. 1890 г., стр. 113, 195, 202). У киргизъ и монголовъ, при продажѣ скота, продавецъ вытираетъ слюну изъ рта проданнаго животнаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не ушло и все счастье, кэшикъ. По-монгольски этотъ обрядъ называется «взять счастье скота» (Очерки, II, 94). Въ киргизской сказкѣ у В. В. Радлова съ именемъ Шингысъ также соединена идея о счастьѣ или, точнѣе сказать, о сбываемости всѣхъ желаній. Подобно тому, какъ въ русской сказкѣ, что ни скажетъ богатырь Сбудь-царевичъ, то все сейчасъ и сбудется (см. Этн. Об., кн. VIII въ моей статьѣ: Восточн. параллели къ нѣкот. русскимъ сказкамъ, стр. 150), такъ и въ киргизской. Братья Шингысы пошли искать его вверхъ по рѣкѣ, нашли и спрятались въ пуху. Приходятъ Шингысы и говорятъ: Отворитесь двери! И двери дома сами отворяются. Онъ говоритъ: Разстелите войлокъ. Войлокъ самъ разстилается. Онъ приказываетъ: Постелите постель! Принесите хану пищу! И все дѣлается само собой (Radloff, Proben, III, 86).

Мы уже высказывали догадку, что Чингисъ монгольскихъ и тюркскихъ легендъ было лицо особое отъ историческаго Чингиса; этотъ легендарный Чингисъ, можетъ быть, былъ живымъ фетишемъ древняго населенія Монголіи въ родѣ волжскаго Хазаръ-хагана или въ родѣ нынѣшняго ургинскаго богдо-гэгэна. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснить невыясненныя еще вполнѣ отношенія легенды о Чингисѣ къ легендѣ объ Ундурь-гэгэнѣ.

IV.

ЗВѢЗДНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ

Э П О С Ъ.

82. СОТВОРЕНІЕ МІРА.

(Тангутскій).

Богиня Ане-гома-чжаму, задумавъ создать міръ, позвала богиню Нчжигму, дала ей подолъ земли и сказала: «Нужно создать землю, животныхъ и людей; землю нужно сдѣлать ровною и гладкой, чтобъ не было на ней горъ; людей всѣхъ надо сдѣлать равными, чтобъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Иди, разсѣй эту землю, приговаривая: гдѣ герамъ быть, чтобъ не было горъ! кому богатому быть, не быть богатымъ! кому бѣднымъ быть, не быть бѣднымъ!» Нчжигму обрадовалась, что ей поручили создавать землю и людей и такъ заторопилась, что приговоры перепутала. Она сказала: «Гдѣ горамъ быть, будьте горы! кому богатымъ быть, будь богатымъ! кому бѣднымъ быть, будь бѣднымъ!» Вслѣдствіе этого земля изъ рукъ Нчжигму вышла гористая, а люди не равны, одни богаты, другіе бѣдны.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

(Монгольскій).

Прежде поверхность земли (алтынъ дельхе, гадзаръ дельхе) была гладкая людей на ней не было. Были только солнце и луна, эгичъ-дю; т. е. двѣ сестры солнце старшая, мѣсяцъ младшая. Солнце говоритъ мѣсяцу: «Ты ходи днемъ, я буду ночью». Мѣсяцъ ей на это: «Нѣтъ! днемъ будетъ много людей; мнѣ будетъ стыдно ходить». «Ну», сказала солнце, «коли такъ, я буду ходить днемъ, а ты ходи ночью». Они печалились, что земля гладкая, что она залита водой и нѣтъ кочви (добынъ), гдѣ бы можно было поселиться человѣку. Богъ Шакджитоба сотворилъ двухъ человѣкъ, мужчину и женщину. Женщина родила гудзѣ¹⁾; Шакджитоба разрѣзалъ гудзѣ и выпустилъ оттуда множество маленькихъ, маленькихъ дѣтей и повелѣлъ однимъ идти въ одну сторону, другимъ въ другую. «Вы идите жить въ такой-то хошунъ, а вы въ такой-то», говорилъ онъ; и всѣхъ распредѣлилъ такимъ образомъ по разнымъ частямъ земли. Потомъ Шакджитоба и Май-

¹⁾ Гудзѣ—желудокъ.

дари съли гадать, у кого въ чашкѣ выростетъ цвѣтокъ. Цвѣтокъ выросъ у Шакджитобы; Майдари раскрылъ глаза и видитъ цвѣтокъ у товарища. Онъ вырвалъ его и перемѣстилъ въ свою чашку и потомъ крикнулъ: «Эй, Шакджитоба! Смотри, у меня цвѣтокъ выросъ». Шакджитоба былъ богъ съ доброй думой; онъ сказалъ: «Хорошо, пусть будетъ твой вѣкъ? Но люди твоего вѣка будутъ лгать и воровать!» Вотъ почему въ нашемъ мѣрѣ много лжи и воровства.

Очирь, монголь изъ Ордоса.

Ане-гома тангутскаго варианта ср. съ Агъ-ене, божествомъ алтайцевъ, научившимъ Ульгени, какъ сотворить мѣръ. См. Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1887 г.

83. ЦЗАДУ РАХИ И УРДЖЯНЪ-РЕМБУЧИ.

(Тангутскій).

Когда Урджянъ-рембучи приготовилъ себѣ напитокъ, Цзаду-рахъ помочился въ его чашку и убѣжалъ. Урджянъ-рембучи выпилъ напитокъ и сдѣлался боленъ. Онъ погнался за убѣжавшимъ Цзаду-рахъ и дорогой спрашивалъ солнце и луну, гдѣ искать бѣглеца. Солнце не сказало словами, а только губами показало въ ту сторону, куда бѣжалъ Цзаду-рахъ, мѣсяцъ же сказалъ словами. Догнавъ бѣглеца, Урджянъ-рембучи бросилъ въ него дорчжи; отъ удара дорчжи Цзаду-рахъ распался на тысячу кусковъ; послѣ этого солнце и луна не взошли надъ горизонтомъ. Тогда Урджянъ-рембучи подумалъ: «Не хорошо, что свѣтила не выходятъ! Нужно снова Цзаду-рахъ сдѣлать цѣлымъ!» И онъ снова сдѣлалъ его цѣлымъ. Рахъ сказалъ свѣтиламъ: «Вы выдали меня; за это я буду васъ пожирать?» Рахъ пожираетъ ихъ и потомъ извергаетъ изъ себя чрезъ заднее отверстіе.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Bergmann, Nomad. Sfreifereien, Th. III, S. 40—41 (Aracho); Очерки, IV, 191—193. Тимковскій, Путешествіе въ Китай, III, 372 (Арахалунъ); Нилъ, Буддизмъ, Спб., 1858, стр. 63. (Арахола, Арахалунъ); Schlagintweit, Buddhism, p. 114 (Раху; его поражаетъ Chakdor) (Vajgarani).

84. Р А Х У.

(Монгольскій).

Затменіе солнца происходитъ оттого, что къ нему приближается чудовище Раху, которое имѣетъ девять головъ, отвратительное туловище, десять тысячъ глазъ и змѣиный хвостъ (юсунъ толгойтой муханъ бітей тумунъ минганъ нюдудей гуни бітей могой сультей Раху). На солнцѣ есть стеклянный городъ съ 18 воротами

Южные монголы хошуновъ Найманъ-вана и Кэшитенъ: Долонъ-бурхынъ; хошуна Баря-вана: Долонъ-нохой (семь собакъ).

Кухунорскіе олѣты въ хошунѣ Чинъхайвана: Долонъ-бурхынъ.

Кобокъзайрскіе торгоуты (Цовуръ-торгоуты): Долонъ-бурхынъ.

Солоны около Хайлара: Долонъ-бурхынъ.

Широнголы въ Санъ-чуани: Долонъ-хоту, «семь звѣздъ».

Широнголы около У-янъ-бу: Долонъ фоту (семь звѣздъ), Долонъ хэръгэ.

Широнголы въ Боунани: Долонъ мыганъ.

Шара-ёгуры: Долонъ бурканъ.

Салары: Ули эджигенъ (т. е. Большой Эджигенъ, въ отличіе отъ другого созвѣздія, которое называется Кичи-эджигенъ, «Малый Эджигенъ»); Эджигенъ, Эдигенъ, Эдзигенъ.

Хара-ёгуры: Этыкенъ.

Тангуты около Гумбума: Медунгъ.

Если во время болѣзни осыпуть губы, хухунорскіе олѣты говорятъ: «Большая Медвѣдица лизнула», долонъ-бурхынъ долонъ.

Въ Ордосѣ монголы говорятъ: Долонъ-бурхынъ вѣчно кружить по небу (оркеджи); одна звѣзда не движется; это «золотой стягъ горы Сумеру», Сумбери улани алтынъ токъ.

Солоны поклоняются Большой Медвѣдицѣ; при этомъ совершается семь урсановъ ¹⁾, становится семь джула ²⁾ и семь шюсу (овечьихъ тушекъ). Въ Ордосѣ этотъ обрядъ также есть, но ставятъ только одну тушку.

Въ широнгольскомъ языкѣ замѣчается любовь къ придыханію передъ гласной въ началѣ слова, наприм. хуланъ, харбанъ, ходунъ, вмѣсто уланъ, арбанъ, одунъ, «красный», «десять», «звѣзда». Поэтому Долонъ-хэръгэ въ устахъ другихъ монголовъ было бы Долонъ-эръгэ. Сѣверные халхасцы самца медвѣди называютъ эръхе. Долонъ значитъ «семь».

Въ изданномъ въ 1887 г. въ Казани «Словарѣ алтайскихъ и аладагскихъ нарѣчій», составленномъ о. Вербицкимъ, приведены названія Большой Медвѣдицы: теленгитское Гетти-ганъ, «семь царей» (стр. 92 и 411), нижнекондомское Ёлгенъ и верхнекондомское Ёлгеръ (стр. 410). Ёлгенъ въ то же время есть названіе выспаго добраго божества, противоположнаго Ёрлику и занимающаго самое выдающееся мѣсто въ миеологій алтайцевъ. У другихъ тюрковъ Ёлгеръ является именемъ Плеядъ; такимъ образомъ имена Большой Медвѣдицы и Плеядъ смѣшиваются.

У карагасовъ Большая Медвѣдица Четты-канъ, Чеды-ханъ, «семь царей». Батановъ, «Поѣздка къ карагасамъ», Спб., 1891, стр. 11 и 51.

¹⁾ Урсанъ — курево (изъ можжевельника).

²⁾ Джула — курительная свѣчка.

женится на небесной дѣвѣ Тэмэнь-ногонъ, дочери Убиргытъ-хормозда (Очерки, IV, 611). У Гэсара одна изъ женъ называется Тумэнь-джиргаланъ. Въ бурятскомъ пересказѣ, помѣщенномъ въ Очеркахъ, IV, 255, она называется Тумуръ-жиргылынъ, но это можетъ быть по забвенію. Названіе могилы жены Чингисъ-хана Темуръ-олху, однако, можетъ быть оправдываетъ бурятскую форму; не было ли Темуръ-олху именемъ жены Чингисъ-хана? Въ Очеркахъ, IV, 689, по поводу алтайской мифической «Желѣзной горы», Темиръ-тайга была высказана догадка, не существовало ли монгольское парное: Темуръ-уланъ. Догадка оправдалась; у бурятъ есть сказочная гора Тамиръ-уланъ, на которой живетъ тайша (старшина) змѣй (Агапит. и Хангал., Матеріалы, стр. 22).

Легенда, составленная въ объясненіе отсутствія имени года въ честь верблюда или, какъ мы предположили, въ честь Б. Медвѣдицы, изображаетъ враждебныя отношенія верблюда и мыши. Другая легенда объясняетъ враждебное отношеніе летучей мыши къ солнцу. Казанскіе татары говорятъ, что солнце однажды отъ усталости остановилось во время обхода земли и летучая мышь напомнила ему его обязанности. «Не стой, иди, какъ тебѣ повелѣно Богомъ», сказала мышь. «Иначе, тамъ, куда ты опоздаешь придти, не успѣетъ трава высохнуть отъ дождя, и сгніетъ, а тамъ, гдѣ ты замедлилось, трава посохнетъ». Солнце осердилось на мышь и повяло, что оно сожжетъ крылья у мыши, если увидитъ ее летающею днемъ. Съ той поры летучая мышь (ярканатъ, джерканатъ) боится летать днемъ и летаетъ только ночью. Не относится ли эта легенда также къ созвѣздію Б. Медвѣдицы (Жидиганъ на нарѣчій казанскихъ татаръ), которое тоже ходитъ по небу только ночью?

Имена Б. Медвѣдицы Жиди-ганъ, Чеды-ганъ, Джиты-ганъ ср. съ Джедай-ханъ, именемъ одного богатыря въ сказкѣ минусинскихъ татаръ, записанной Кастреномъ (Castrén, Ethnologische Vorlesungen, St. Ptb. 1857, стр. 199). Джедай-ханъ, говоритъ сказка, былъ раньше всего, ранѣе всѣхъ людей (онъ родился одновременно, какъ свѣтъ родился); смерть надъ нимъ не властна ¹⁾. Подобно тому, какъ мѣсячный дискъ мѣняется, и Джедай-ханъ измѣняется въ своемъ возрастѣ. Онъ молодѣетъ съ мѣсяцемъ и старѣетъ съ мѣсяцемъ. Связь Джедай-хана съ числомъ семь указывается именемъ коня, на которомъ Джедай-ханъ ѣздитъ; конь называется Djit kules bözerag at (краснобѣлый семисаженный конь). У остяковъ также есть представленіе о человѣкѣ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ полнѣетъ, и вмѣстѣ съ нимъ уменьшается въ объемѣ и умираетъ. Онъ называется Тунъ-похъ; по-русски, объясняютъ остяки, онъ называется Папа римскій (сообщен. С. К. Паткановымъ).

Въ Очеркахъ, IV, 778 помѣщена остяцкая легенда о Б. Медвѣдицѣ, записанная покойнымъ Григоровскимъ. Такая же легенда есть у индѣйцевъ сѣверной Америки. По разсказу старыхъ миссіонеровъ Lafitau и Charlevoix, американскіе индѣйцы думаютъ, что «четыре звѣзды въ тѣлѣ Б. Медвѣдицы есть медвѣдь (въ остяцкой легендѣ это лось); звѣзды хвоста — охотники, которые его преслѣдуютъ; маленькая звѣзда около нухи есть горшокъ, въ которомъ они намѣрены варить медвѣдя». A. Lang, Custom and myth, p. 126.

О происхожденіи Б. Медвѣдицы см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I. в. 2, стр. 61. Это семь головъ семи кузнецовъ или тархановъ (долонъ тарханъ). По халхасскому варианту Шиддикура созвѣздіе Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) образовалась изъ семи частей, на которыя былъ разрубленъ герой сказанія, имѣвшій бычью голову (Очерки, IV, 194, 198).

Число семь въ бурятскомъ сказаніи соединяется съ формой тобловъ; семь тоблов'овыхъ, три обогон'овыхъ; Очерки, IV, 33. Въ Юаньчаомиши, стр. 80: Вди-тублукъ; семь потюрески едн. Въ сказаніяхъ о Темучинѣ упоминается мѣстность Ede Kiurghan (Howorth, History of the Mongols, L., 1878, P. I, 56) ²⁾.

Въ рукописи г. Дубровы, которая находится въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія и этнографіи, находятся двѣ бурятскія загадки о созвѣздіи Одо-мышинъ, т. е. по мнѣнію г. Дубровы, о Б. Медвѣдицѣ.

1) Далай дере долонъ хани бышикъ, «на морѣ семи царей письмо».

2) Жорго море алдашкі саганъ шандаганъ моритей хобунъ би, хобунъ неренъ жургунъ топшо. Морининъ неренъ шандаганъ саганъ. Тере море уна. Жорго море урбунъ сара бедерне, туни алари оло. «Шесть лошадей отпущено. Бѣлый заяцъ съ конемъ

¹⁾ Жодо, по бурятски пихта. Она вѣчно зелена, потому что облита была водой бессмертія.

²⁾ Въ Алтанъ-тобчи одинъ изъ мифическихъ тибетскихъ царей назывался Эркинъ-дологанъ-нумулъ-сандалту-хаганъ (стр. 119).

Качинскіе татары видятъ въ Большой Медвѣдицѣ семь лисицъ, загнанныхъ на небо охотникомъ (Извѣстія И. Р. Г. Общ., т. XX, в. 6 (1884 г.), ст. Попова: Повѣрья и нѣк. обыч. качинскихъ татаръ, стр. 646).

86. ПЛЕЯДЫ

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбань-сайханѣ): Мечить.

Халхасцы хошуна Туше-гуна (на Онгинѣ): Мечить.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ)—Дзурганъ-мечить.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: Мечить.

Хухунорскіе олѣты хоп. Чинъ-хай-вана: Дзурганъ-одунъ, Дзурганъ-мечинъ (также Долонъ-мечинъ?)

Кобокъзайрскіе торгоуты (Цокуръ-торгоуты): Мучинъ.

Солонны около Хайлара: Мешы.

Широнголы въ Сань-чуани: Цогцогъ.

Широнголы около У-янъ-бу: Согсогъ-фоту.

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Мечъ-хоту.

Широнголы изъ Боу-нани: Менджугъ (съ тангут.).

Шира-ѣгуры: Мечить.

Салары: Чохчохъ.

Хара-ѣгуры: Улыкэръ.

Тангуты около Гумбума: Менджугъ.

По повѣрью хухунорскихъ олѣтовъ, Плеяды—это шесть или семь художниковъ, нѣкогда жившихъ; олѣтка, сообщившая это повѣрье, могла назвать только пять: кузнеца, мастера сокращать земное пространство, мастера разбивать камень, плотника, врача. Долонъ эльбичи кубунъ байчжи: темурчи, шиншичи, хлабцзанъ чило эбдедыкъ кунъ, модочи, емчи.

Въ другой разъ она же показала: Эти шесть эльбичи (художниковъ мастеровъ) теперь и есть Дзурганъ-мечинъ (Плеяды); луна — красавица жена, сара сайка катунъ; одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы—украденный безхитростный мальчишъ, арга угэй кубунъ.

По ея же показанію, Плеяды шесть разъ въ году сближаются съ мѣсяцемъ, долонъ мечинъ сараду товѣнъ дзурганъ такши.

Въ этихъ показаніяхъ Плеяды называются то Дзурганъ-мечинъ, то Долонъ-мечинъ, т. е. то «шесть обезьянъ», то «семь обезьянъ».

бываетъ каждый мѣсяцъ съ сентября по июнь, т. е. десять разъ въ году, а не шесть, какъ по показанію хухворской олѣтки, записанному нами.

Въ якутской загадкѣ Плеяды Божій олень съ семью глазами (Верхоянск. Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 21).

У ингушей (на Кавказѣ) Чугѣйгеръ. Отъ этого созвѣздія происходитъ холодъ на землѣ; если-бъ его не было, не было бы ни зимы, ни снѣга (показаніе ингуша Михайлы, сосланнаго въ Сибирь; записано въ Иркутскѣ).

Въ небольшомъ словарикѣ нарѣчія казанскихъ татаръ, изданномъ въ Казани миссіонерскимъ обществомъ, Илекъ жондовъ переведено «Малая Медвѣдница». Вѣрно ли это? илекъ по татарски сито; на многихъ нарѣчіяхъ этимъ именемъ зовутся Плеяды.

У татаръ Елизавет. губ. (Закавказье) Уркуяръ.

У Симб. губ. Алатыр. у. Стожаръ, Стозвѣздіе; Арханг. губ. Шенкур. у. Осново гнѣздо; Яросл. губ. Моложск. у. дер. Залужье Семикъ (записано мною отъ матросовъ изъ этихъ уѣздовъ). Отъ г. Павловскаго я записалъ, что на Волгѣ около Саратова Плеяды зовутъ Рѣшетю; ближе къ Астрахани Курное гнѣздо или «курица съ цыплятами».—Въ Харьков. губ. (?) Стожаръ, Волосожаръ (Данилевскій, Собр. соч., 1877, Спб., ч. II, стр. 311).

По Левшину (Опис. киргизъ-кайс. ордъ, ч. III, стр. 147) Киргизы даютъ Плеядамъ названіе «днѣй баранъ», Аркаръ или Укаръ. И такъ какъ весною «сіе небесное животное» нѣкоторое время не видно, то Киргизы думаютъ, что оно «нисходитъ въ землю и выгоняетъ изъ оной траву нужную для питанія подобныхъ ему земныхъ барановъ и овецъ». Ср. съ русскимъ повѣрьемъ о Семикѣ и Семичихѣ (Очерки, IV, 769).

Въ Алтанъ-Тобчи приведено монгольское имя Плеядъ Мечить (переведено Утинное гнѣздо; Труды Вост. Отд. Археол. Общ., VI, 143).

По якутски Плеяды назыв. Юргиль. Въ бурятскомъ эпосѣ упоминается гора Оргиль (см. выше, стр. 107; а также въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 45; на вершинѣ горы Оргиль-ула бѣлый орелъ Саксага). Въ Забайкальи къ ю. отъ р. Джиды есть мѣстность Уркиль-шолонъ, иначе Хулдатскій караулъ; шолонъ «камень»; Риттеръ, Землевѣд. Азіи, Забайкалье, русск. перев., стр. 97.

Въ якутскомъ сказаніи первый шаманъ на землѣ назывался Анг-аргылъ-оюнь (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64); за его гордость Анг-тоюнь велѣлъ сжечь его, но шаманъ состоялъ изъ многихъ гадовъ и одна лягушка убѣжала и поселилась на вершинѣ горы; ср. съ киргизскимъ и сѣверномонгольск. о Плеядахъ, Уркурь или Мечинъ (Оч., II, 125; IV, 203), какъ о змѣѣ или чудовищѣ, которое, распавшись, ускользаетъ изъ подъ давящаго копыта коровы и превращается въ созвѣдіе. У Рашидъ-аддина Будуй-джиркыль шаманъ (Зап. Ист. Археол. Общества, т. XIV, стр. 52); Игитъ-иркыль-ходжа первый уставщикъ церемоній, раздаватель тамговыхъ знаковъ и частей мяса (ibid., 23). У бурятъ есть преданіе о древнемъ шаманѣ Эргиль; его мать, семилѣтняя дѣвочка, проглотила градину и зачала. Его имя поминается при посвященіи въ шаманы; повидимому это родоначальникъ шамановъ въ родѣ алтайскаго Тостогоша (Оч., IV, 290). При подниманіи шамана на войлокѣ призывается Хэлгѣнь-саганъ-заянъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, Агап. и Ханг., Матер. стр. 50); ср. съ Гэлгѣнь-пи, который тоже сынъ дѣвицы, зачавшей отъ проглоченной какой-то красной струи (Оч., II, 162). Полное имя бурятскаго Эргила: Эргиль-буга-ноинъ. Послѣдніе два члена напоминаютъ бурятскаго Буха-ноина, сказаніе о которомъ имѣетъ двѣ сходныя черты съ алтайскимъ сказаніемъ о первомъ шаманѣ Тарханъ-бо: 1) похищеніе женщины (дѣвицы въ одномъ случаѣ, жены въ другомъ), 2) окаменѣніе (Оч., IV, 290). Въ бурятскихъ сказаніяхъ о первомъ шаманѣ этихъ чертъ нѣтъ; шаманъ же называется Моргонъ-хара, Вохоли-хара и Хара-гыргѣнь. Моргонъ-хара есть сынъ орла, беркута (Агапатовъ и Хангаловъ, «Материалы», стр. 41).

У финновъ колдунъ называется сыномъ Укко, Ukon poika (Castrén, Finn. Myth., 35). Въ Укко, который назыв. «пуломъ неба», скорѣе можно видѣть Полярную Звѣзду, но съ Плеядами иногда соединяются темы общія съ Полярной Звѣздой.

Широнгольское названіе Плеядъ Цогцогъ, саларское Чохчоъ ср. съ названіями козодоя: у Пржевальскаго цогцогъ; по урянхайски въ запад. Алтай: чокчо; танну-уряих: чокчогъ (Очерки, II, 143); по дархатски: чекчегѣ, чекчогъ (Оч., IV, 162); потунгусски по Ралде: чогчогтѣнь (Reise nach Ost. Sibirien). По якутски чокчонго, Schnepfe (Böhtlingk, Jakut. deutsch. Wörterb.). Въ Оч., IV, 175: птица Кохъ-цецце есть ночной посѣтитель; въ другихъ же соответствующихъ

сказаніяхъ это летучая мышь (Оч., IV, 174). Въ Алтанъ-Тобчи, стр. 22 упоминается какая-то «семи-десятиголосая птица пакцагай». Въ вариантѣ Гэсэръ-хана, который я записалъ въ Ордосѣ, коварная жена Гэсэра Ругъ-могай превращается въ птицу онгонъ-чекчегей. Въ Словарѣ о Вербичаго главная изъ семи подземныхъ вѣдьмъ (куу-кэть) называется Чекчекей (стр. 149) ¹).

Къ Плеядамъ приурочена тема раздробленія змѣйнаго тѣла на части. Въ якутской сказкѣ Эрэндахъ-Бурэндахъ убиваетъ Буру; кусокъ сердца Буры, расфѣченного на мелкія части, превратился въ чернаго ворона, объявившаго, что онъ будетъ вѣчнымъ врагомъ людей (Middendorff, Reise, B. III, Th. I, S. 94). Въ другой якутской сказкѣ Мангусъ (вар. Агамъ-огусъ) разбиваетъ большую птицу Чичагъ на мелкія части, которыя превращаются въ мелкихъ пташекъ (Верхоянск. Сборникъ, Ирк., 1890, стр. 239; Живая Старина, III, 176).

Чувашскій Кереметь сынъ бога, котораго люди схватили и убили, трупъ его сожгли и золу развѣяли, но убитый превратился въ многочисленныхъ кереметей, которые теперь мстятъ людямъ (Melanges russes, tirée du Bull. hist. philol. de l'Acad. Imp. des sciences, t. III, livrais. 3 (1857), стр. 275). Ср. также въ Revue de l'histoire des religions, T. XIV, № 3, 1886, p. 295 et 299. У А. Н. Веселовскаго въ статьѣ: «Мелкія замѣтки къ былинамъ» (Ж. М. Н. Пр., 1890, май, стр. 67): Егорій раскрошилъ змѣя на мелкія части; румынское преданіе досказываетъ, что изъ головы змѣя взродились черви и мухи. Тутъ же сходныя темы о змѣѣ, убитомъ Кирилой Кожемякой и о Соловьѣ разбойничѣ. Сходныя темы въ бурятскомъ сказаніи о Гэсэрѣ см. выше, стр. 66 (раздробленіе на мелкія части колоссальной пчелы, колоссальной осы и змѣи). Въ алтайскомъ сказаніи Тюрунъ-музыкой убилъ Андалму (вѣроятно то же, что бурятскій Анъ-Дѣлмѣнъ, см. выше, стр. 128 и 129) и истругалъ его тѣло; стружки обратились въ гадовъ (О. Ландышевъ, «Космогонія и еоогонія алтайск. язычниковъ», Правосл. Соб., 1886, мартъ, 23). Подъ Тюрунъ-музыкаемъ слѣдуетъ, кажется, разумѣть Гэсэра. Анъ-Дѣлмѣнъ въ бурятской сказкѣ изображается многоглазымъ; такое представленіе, можетъ быть, находится въ связи съ видомъ Плеядъ, состоящихъ изъ скученнаго собранія звѣздъ. Многоглазымъ же (или тысячеглазымъ) изображается и Арья-Бало; другая легенда (о происхожденіи тибетскаго народа) заставляеть Арья-Бало принять видъ обезьяны (см. выше, стр. 229), монгольское имя которой мечинъ (у бурятъ бычинъ) носить у монголовъ и совѣздіе Плеяды (Мечинъ). Въ русской сказкѣ является многоглазая Пучина (Аван., Народ. русск. сказ. 1858, вып. 1, стр. 52: «морская пучина вокругомъ глаза»). Василій Буславевъ находитъ около нея свою смерть въ наказаніе за гордость; Добрыня за тотъ же порокъ находитъ смерть въ Пучай рѣкѣ; къ рѣкѣ Почайнѣ близъ Нижняго Новгорода приурочена эсхатологическая тема; передъ концомъ свѣта она разольется и зальетъ Нижній (Храмцовскій, Кратк. оч. ист. Нижн. Новгорода, т. II, стр. 13); вѣроятно и Почай-рѣка, разливающаяся въ былинѣ о Добрынѣ, имѣетъ такой же болѣе широкій смыслъ. Можетъ быть эсхатологическія темы на Востокѣ связывались съ совѣздіемъ Плеядъ. По якутскому повѣрью, Плеяды представляются заткнутымъ отверстіемъ въ небѣ. Когда оно оттыкается, бываетъ (гибельный?) вѣтеръ. Богатырь Вѣднй Юджіанъ хотеть заткнуть это отверстіе (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 138, 201; см. также Извѣстія того же Отдѣла, т. XIII, № 3, стр. 36). Впрочемъ представленіе о заткнутомъ отверстіи, съ которымъ связана судьба міра, болѣе приурочены, повидному, къ Полярной звѣздѣ (см. ниже).

У осетинъ Плеяды есть собраніе пирующихъ нартовъ (Оч., IV, 730); въ бурятскомъ сказаніи боги дѣлаютъ на Плеядахъ совѣщаніе (мэпэнъ дэрэ моргонъ суглаху) о мѣрахъ къ отвращенію смертности у людей (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 41). Собраніе боговъ есть въ рассказѣ о зайцѣ (Оч., IV, 360), въ рассказѣ о Гэсэрѣ (Оч., IV, 254; Thaten, 80); собраніе птицъ въ рассказѣ о летучей мышѣ (Оч., IV, 175). Резиденція хакаскаго хана (О. Іакинъ, Собр. св. о нар. ср. Азіи, I, 445) называлась Меджитъ (Мечитъ?); резиденція Огузъ-хана горы Уръ и Керъ (Уркъоръ, Плеяды?) (Раш.-эрд., I, 22).

Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 170) упоминается Найманъ-чаганъ-геръ. Это было мѣсто, гдѣ повидному возводились на престолъ монгольскіе ханы. См. Банзаровъ, Черная вѣра, Сиб., 1891, стр. 33. Было ли это только имя урочища, или тутъ дѣйствительно находилось «восемь бѣлыхъ юртъ», изъ сказаній не видно. Абульгази говоритъ, что Чингисъ возведенъ въ мѣстности Напшап

¹) Чокчо, цокцо, цугуцу—мѣдныя чашечки съ масломъ и свѣтильной, которыя ставятся передъ бурханами въ числѣ семи, а иногда восьми. Въ Словарѣ Будагова алт. чокчо, чокчомъ «куча», «ворохъ»; монгол. цукча, «куча», «зданіе», «масса». Въ русскомъ областномъ Плеяды—Кучки.

сига; Катрмеръ (Hist. d. Mongols, t. i, p. 117), кажется, ошибается, видя тутъ испорченное Ононъ-Керуленъ. Это Найманъ-геръ.

У Рашидъ-эдина (I, 95) восемь братьевъ Киреевъ (найманъ кирей), отъ которыхъ будто бы произошелъ народъ Кирей. У Киданей считалось восемь поколѣній (В. Васильевъ, Ист. и древн. вост. части Ср. Азии, 8, 9, 172)¹⁾.

Въ Очеркахъ, IV, 308 знамя Шидырвана «восьминожное», найманъ кѣлтей. Чингисово знамя называется или «девятиножнымъ», юсунъ-кѣлтей (бѣлое девятиножное у Рашидъ-эдина, I, 101, III, 112; бѣлое девятиножное въ Алтанъ-Тобчи, 130; юсунъ кѣлту, neunzipfliche у Сананъ-свѣрна, 71 и 97) или «девяти бунчужнымъ», юсунъ-сѣлтей (бѣлое о девяти хвостахъ у Мэнъ-хуна, В. Васильевъ, въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 231; у Банзарова о девяти бунчукахъ, «Черн. вѣра», Спб., 1891, стр. 12; въ китайскомъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, помѣщенномъ въ Вост. Сборн., т. I, Спб., 1877, стр. 180: Чингисъ водрузилъ на Ононѣ знамя о девяти флагахъ, цзю-ю). Знамя Чингисъ-хана фигурируетъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ похищаемый предметъ (Очерки, IV, 324). Можетъ быть и самъ Чингисъ изображался похитителемъ знамени. Онъ добываетъ для Алтанъ-хана какого-то Мужинъ-салгу, подъ чѣмъ, впрочемъ, сказаніе разумѣетъ челоуѣка (Рашидъ-эдинъ, I, 55); въ другомъ эпизодѣ осажденный Чингисомъ ханъ предлагаетъ ему созвѣдіе Мечинъ (Алтанъ-Тобчи, 143).

О формѣ Найманъ или Майманъ см. Оч., IV, 725. Олетская сказка о Плеядахъ помѣщена выше, стр. 145. Ср. съ нею славянскія сказки о Плеядахъ, помѣщенные у Ягича (Archiv für slavische Philologie, V, S. 34, 46).

87. О Р І О Н Ъ.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбанъ-сайханѣ): Гурбанъ-марылъ (три самки благороднаго оленя).

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ): Гурбу-маралъ.

Халхасцы хош. Туше-гуна на Онгинѣ: Гурбанъ-марылъ.

Южные монголы хош. Найманъ-вана: Гурба-нохой, «три собаки»; Гурба-мышъ; хошуна Бая-вана: Гурба-нохой; хошуна Кэшиктенъ: Гурба-марылъ.

Кобокъ-зайрьскіе торгоуты: Гурбанъ-марылъ.

Солоны около Хайлара: Гурбанъ-нохой.

Широнголы въ Санъ-чуани: Анчжасы-хоту (анчжасы — «плугъ»; хоту — «звѣзда»²⁾).

Широнголы около Боу-нани: Анджосонъ-хотунъ:

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Анжасы-хоту.

Широнголы около У-янъ-бу: Чжасы-фоту.

Шира-ѣгуры: Ртальджинъ.

Хара-ѣгуры: Альтальджинъ.

Тангуты около Гумбума: Мендасунъ; около Лабрана: Рпову-Кенчугъ.

¹⁾ Лѣтъ тридцать назадъ Банзаровъ указалъ на происхожденіе нѣкоторыхъ именъ поколѣній отъ чиселъ (см. Банзаровъ, Черная вѣра и друг. ст., Спб., 1891, стр. 86). Можно прибавить къ этому, что нѣкоторыя имена поколѣній въ народной памяти сопровождаются какъ бы излюбленными числами. У Уйратовъ, а также у Уратовъ насчитывается четыре поколѣнія; у Мерки три племени; у Киданей восемь (найманъ); у Уйгуровъ девять (юсунъ); у Джелайровъ вѣроятно семь (у враговъ Мунулуны Джелайровъ было 70 куреней, народъ Джелайръ-хунъ-тайжія раздѣлился на семь хошуновъ).

²⁾ Анчжасы также и корова.

Въ чертежу приложена слѣдующая легенда. Клички побурятски называются Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ. Рядомъ стоящія три звѣзды называются гурбунъ-маралъ, «три января»¹⁾. Вдали отъ нихъ самая свѣтлая называется Хухулзенъ хухшинъ саганъ моринъ (Хухулзея старый бѣлый конь)²⁾. Нижняя звѣзда называется Хухулзей мыргынъ (мѣткій стрѣлокъ)³⁾. Верхняя звѣзда называется Хухулзейнъ годоли (стрѣла Хухулзея)⁴⁾. Съ боку Хухулзейнъ хухшинъ саганъ морина есть двѣ звѣзды; онѣ называются Хухулзей хоиръ нохой (Хухулзевы двѣ собаки)⁵⁾. Хухулзей велъ войну съ мараломъ и прострѣлилъ среднюю звѣзду, почему она и ярче боковыхъ.

И. В. Вамбопереновъ, хоринскій буряты, сообщилъ мнѣ, что хоринцы именемъ Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ⁶⁾ называютъ то созвѣздіе, которое русскіе крестьяне зовутъ Кучками (Плеяды), а Оріону они даютъ имя Гурбынъ бога хогонъ, «три оленя»⁷⁾. Вправо отъ этихъ трехъ звѣздъ свѣтлая звѣзда называется Сайлынъ-убугунъ; это бѣлый старикъ, который гонится за оленями и хочетъ въ нихъ стрѣлять. Ниже оленей три звѣзды это три охотничьи собаки старика, гурбанъ нохой.

Въ «Словарѣ алтайскаго и аладагск. нарѣчій» о. Вербицкаго (Казань, 1887) приведено тентгитское названіе Оріона: Учъ мыйгакъ; при этомъ сообщена легенда: три самки марала отъ погони богатыря Ёггульдея заскочили на небо и остались тамъ; послѣ этого и земныя ихъ сестры не умираютъ на землѣ, а пришедши въ старость, переселяются на небо; поэтому люди не видятъ ни костей, ни труповъ самокъ марала (стр. 417). Въ другомъ мѣстѣ того же словаря (на стр. 304) дана другая легенда объ Оріонѣ: Во время всемірнаго потопа Соозунъ, старшій сынъ Намы (Ноя) распорядился, вмѣсто слабаго зрѣніемъ отца, постройкою корабля; по отшествіи отца на небо Соозунъ исчезъ, оставивъ свою одежду въ томъ положеніи, въ какомъ она была на немъ—съ завязаннымъ поясомъ и завязками. Нама (впослѣдствіи Джаячи) поставилъ Соозуна созвѣздіемъ Оріонъ. Легенда о старцѣ, спасающемся на плоту отъ наводненія и имѣвшемъ трехъ сыновей, записана была мною отъ урянхайца; третій сынъ старика былъ хамъ, т. е. шаманъ; отъ него пошли и остальные шаманы (Очерки, IV, 207); можно было подумать, что эта легенда русскаго происхожденія, потому что урянхаецъ прожилъ годъ въ Минусинскѣ. Но алтайскій вариантъ также связываетъ легенду о потопѣ съ идеей о первомъ шаманѣ. Третій сынъ Янкъ-хана Балыкса заболѣлъ и призвалъ челоуѣка Тянгару; это и былъ первый камъ (Ландышевъ, Космогонія алтайск. язычниковъ, Правосл. Соб., 1886, мартъ, 27).

У Карагасовъ Оріонъ назыв. Ушъ мыйгакъ (три января); одна изъ звѣздъ челоуѣкъ, другая январь и третья стрѣла (Катановъ, Поѣздка къ карагасамъ, Спб., 1891, стр. 51).

Въ Иркутскѣ отъ одного ингуша, сосланнаго въ Сибирь, я записалъ ингушское названіе Оріона, собственно трехъ звѣздъ его пояса: Сблцана цѣмца, «костыль Солцана». Одна звѣзда красная; это тотъ конецъ костыля, которымъ Сблцанъ убивалъ людей; средняя бѣлая, за это мѣсто Солцанъ держалъ костыль рукою; третья темная; это конецъ, которымъ онъ упирался въ землю. Вѣроятно къ Оріону же относятся и ингушское названіе Богски; такъ называются какія-то три звѣзды, расположенныя треугольникомъ; это чурекъ (хлѣбъ) трехъугольнаго очертанія, который испекла женщина Сата; одна звѣзда темнѣе; это пригорѣлый край чурека.

Русскія областныя: въ арханг. губ. шенкурск. у. Кичиги; саратовск. губ. волюск. у. три звѣзды пояса, треугольникъ и еще одна звѣзда, слѣдов. семь звѣздъ: Петровъ крестъ (записано отъ матросовъ изъ этихъ уѣзловъ).

Полопарски Оріонъ Kalla ragnen, сильный охотникъ, лукъ котораго В. Медвѣдица, а звѣзды, принадлежащія къ созвѣздію Кассіопея, это досъ, котораго онъ гналъ, сопровождаемый своей собакой. У финновъ Оріонъ называется Wäinämöisen's wikate, «тетива Вейнемейнена» или Wäinämöisen meikka, «мечъ Вейнемейнена» (Castren, Finn. Myth., 320).

¹⁾ На чертежѣ три звѣзды въ рядъ, образующія горизонтальную линію.

²⁾ Отдѣльно на рисунокѣ стоящая вправо отъ трехъ предыдущихъ.

³⁾ Внизу отъ трехъ звѣздъ, противъ средней изъ нихъ.

⁴⁾ Самая верхняя на рисунокѣ.

⁵⁾ Въ правомъ углу рисунка между нижней звѣздой созвѣздія и самой правой, отдѣльно стоящей звѣздой.

⁶⁾ Одо «свѣтло»; сокъ «вмѣстѣ»; мышинъ—«обезьяна».

⁷⁾ Бого—олень самецъ; хогонъ—оленица.

головка очира. Иногда на рисунках встрѣчается такое изображеніе: треугольникъ обращенъ вершиной внизъ; на его основаніи посажена голова бога Тамдина и по сторонамъ ея двѣ головки очира; третьей головкой очира увѣнчана голова бога (см. у Шлагинтвейта, Buddhism, 257). Тамдинъ есть защитникъ людей противъ злыхъ духовъ; см. выше стр. 242 и 283. Тибетское пурьву Шлагинтвейтъ переводить словами «гвоздь», «игла».

Число три употреблялось уже въ символистикѣ того азіатскаго народа, который ставилъ каменныя бабы въ сѣверной Монголіи (см. Очерки, II, 69, 70, 71 и Древности, изд. Московск. Археол. Общ., т. X, стр. 52 и 53); въ «Древностяхъ» мною сопоставлено надевіе, придаваемое символическимъ тремъ чертамъ съ паденіемъ линіи-пояса Оріона. Въ современной практикѣ сибирскихъ народностей три параллельныя черты живутъ еще у киргизъ (см. Очерки, II, прим., стр. 20) и можетъ быть у остяковъ (Историческій Вѣстникъ, 1889, октябрь, ст. г. Оглоблина: «Остяцкія знамена XVII вѣка», стр. 147); у послѣднихъ они употреблялись въ XVII вѣкѣ и назывались: «шайтанова рожа» и «болванъ».

89. ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА.

Мѣстныя названія звѣзды:

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Тирхинъ-Цаганъ-норѣ) Алтынъ-гатысь.

Халхасцы хошуна Туше-гуна на Онгинѣ: Алтынъ-хатасынь.

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-Сайханѣ: Алтынъ-хатысь.

Кобокъ-зайръскіе торгоуты: Алтынъ-хасынь, Алтынъ-одунъ.

Солоны около Хайлара: Алтынъ-гадасы.

Салары: Купя-юлтусъ.

Широнголы: Кани-хоту (китайцы зовутъ ее цу-вэй-шивъ).

Полярная звѣзда есть сумунъ-ганьчжуръ, «Золотая маювка» монастыря Нам-чиль-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ горы Сумбуръ-олы.

Халхасецъ хошуна Чокуръ-бэйли.

Купя-юлтусъ, говорятъ салары, стоитъ надъ Самаркандомъ.

Волжскіе калмыки зовутъ полярную звѣзду Алтанъ Гасунъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244). По Бергману (Streifereien III, 42) Altan Gassunn; въ Очеркахъ IV, 734 невѣрно Алтанъ-Гадасунъ.

Киргизское названіе ея Темиръ-камыкъ, «железный колъ», приведено у Левшина (Опис. киргизскихъ ордъ, ч. III, стр. 146), съ указаніемъ на мѣсто у Герберштейна, который тоже сообщаетъ названіе этой звѣзды: Selesnicoll.

Отъ осетина записанное мною названіе этой звѣзды: Кабатаръ-сталь; сталь «звѣзда»; кабатаръ перестановка отъ бакатаръ, т. е. богатырь (см. В. Ф. Миллеръ, Экскурсы въ область русск. былии. эпоса, М., 189 стр. 222); слѣдовательно «Богатырь-звѣзда». Осетинъ истолковалъ: «храбрая звѣзда».

У лопарей, востовъ и др., Полярная звѣзда назыв. «сколь», «гвоздь сѣвера». Мордовское названіе Полярной звѣзды неизвѣстно. По-мордовски у Альквиста «гвоздь» salmoks, у Видемана «сколочка» salmoks. Не называли ли они этимъ же именемъ и Полярную звѣзду?

о Кала-мэмбырь и Желѣзномъ Аснѣ (Темиръ-аснѣ), см. выше, стр. 21, 120, 126 ¹⁾. О камняхъ, которыми заткнуты отверстія, угрожающія разливомъ воды, см. на стр. 211, 214 ²⁾. Въ орхонской легендѣ это вотбо (бородавка) во лбу статуи бога или драгоценный камень, вставленный на мѣсто вотбо; когда ханъ олетскій вынулъ камень ³⁾, Орхонъ разлился и потопилъ людей (Живая Старина, 1891, III, 240). Ср. о Чеботѣ, который закопалъ себя въ пещерѣ по плечи и не выйдетъ, пока земля не обновится къ судному дню (А. Н. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, май, «Мелкія замѣтки къ былинамъ», стр. 65; архим. Леонидъ въ Кіевск. Старинѣ, 1890, февраль); о птицѣ Страфилъ, которая мѣръ держитъ подъ правымъ крыломъ; когда она встрепетается, будетъ послѣднее время (А. Н. Веселовскій, Славянск. сказ. о Соломонѣ и Кытоврасѣ, стр. 216); о столбѣ въ кавказскомъ сказаніи, который старается раскатать женщина Рокани, но на вершину столба садится пташка; Рокани хочетъ убить ее молотомъ, и только сильнѣе вгоняетъ столбъ въ землю (Сборникъ матер. для описанія Кавказа, т. IX; у В. О. Миллера, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, июнь). Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ запускъ послѣдняго произошелъ отъ навлеченія заложеннаго въ стѣну меча (А. Н. Веселовскій, «Повѣсть о Вавилонск. царствѣ» въ Славянскомъ Сборникѣ, III, 132). Въ алтайскомъ сказаніи Ерликъ вынимаетъ изъ земли конецъ посоха и изъ отверстія выходятъ гады, наполняющіе землю (Очерки, IV, 223) ⁴⁾.

О колоннѣ, поддерживающей потолокъ храма въ Менгу-цау см. на стр. 249 и 252 (сближено съ горой Алтынъ-ту ⁵⁾ алтайскаго сказанія, которая виситъ съ неба и на колѣно не достигаетъ до земли; о Вербицкій, Алтайцы, 101). Тамъ же и о висящей на воздухѣ башнѣ (субурганѣ).

Нѣкоторые одинокіе камни среди равнины носятъ названіе, общее съ Полярной звѣздой, Алтынъ хатасынъ, Алтанъ гасу (см. выше, стр. 331); иногда мѣстность называется «пупомъ»; въ Алтай указывается «пупъ Алтая»; это озеро, находящееся въ Саянскомъ хребтѣ, въ вершинахъ р. Каракола; по-тюркски оно назыв. Алтайдынъ-кѣндічі (газета «Сибирск. Вѣстн.», изд. въ Томскѣ, 1887 г., № 27). Замѣчательно, что тутъ же мѣстность съ группой изъ 22 озеръ, которая называется Djildiz-col, Джилдизъ-коль, «Звѣздное озеро» (Чихачевъ, Voyage dans l'Altai, Paris, 1845, p. 134). Чихачеву это имя невольно напоминаетъ «Звѣздное море», которое находится въ вершинахъ Желтой рѣки и также состоитъ изъ множества озеръ (и около котораго указывается выше упомянутая гора Алтанъ-гасу).

Пупы земли. Въ якутскихъ сказаніяхъ, см. Верхоянскій сборникъ, Иркут., 1890, стр. 12: желтый пупъ (арагасъ ⁶⁾ книгярь) матери вселенной; стр. 132: пупъ земли (сирь кня); 144: пупъ земли, гдѣ постоянное счастье и широкое богатство; 152: пупъ земли, тихое мѣсто. Въ призываніяхъ алтайскихъ шамановъ упоминаются «пупъ неба» и «пупъ земли», Radloff, Das Schamanenthum und seine Kultus, v. abdr. aus: «Aus Sibirien», Leipz., 1885, S. 8. Въ тибетскомъ сказаніи пупъ океана тамъ, гдѣ была построена Менгу-цау; см. выше, стр. 201. О финскомъ пупѣ неба выше, стр. 324 и 321. Шмидтъ (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., v. 317) сообщаетъ о тибетскомъ предствленіи (по книгѣ Водиморъ) о восьми пупахъ земли, по-монгольски: ghasarinn naiman knissun.

Въ киргизской легендѣ о Хорхутѣ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., т. IV, (1859) ст. Вельяминова-Зернова, «Памятники съ арабск.-тат. надписью», стр. 283; тутъ огъ ауліе, святой; у Валиханова—это былъ киргизскій шаманъ; Очерки, IV, 847), могила котораго находится на Сыръ-Дарьѣ, рассказывается, что жилъ огъ прежде на краю свѣта и разъ увидѣлъ ночью во снѣ, что люди роютъ могилу. «Для кого вы роете?» спросилъ святой. «Для святого Хорхута»,

¹⁾ Кала-мэмбырь и Темиръ-аснѣ можетъ быть раздвоившійся персонажъ; Темиръ-аснѣ весь желѣзный, за исключеніемъ одного мѣста на горлѣ. Кала-мэмбырь былъ помещенъ въ желѣзный домъ, чтобъ закалить или орудить его тѣло.

²⁾ Въ числѣ вариантовъ легенды о разливѣ воды на этой страницѣ опущенъ записанный г. Корольковимъ (Восточн. Обзор., изд. въ Иркутскѣ, 1890 г. № 6), интересный указаніемъ, что ослиныя уши, приписываемыя царю, киргизскими рассказчиками замѣняются иногда бычьими рогами.

³⁾ Въ Очеркахъ, IV, 607: Кирвесь убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ) въ единственное узвѣнное мѣсто на лбу.

⁴⁾ О происхожденіи гадовъ см. Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64 (изъ тѣла шамана Аргыла). См. также выше, стр. 325 и о Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 1870, стр. 120.

⁵⁾ Ту по алт. гора. Алтынъ-тугъ, «золотой стѣгъ».

⁶⁾ Арагасъ—«желтый». По Щукинѣ якуты называютъ Б. Медвѣдцу Арагасъ—сулусъ (Н. Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, Сиб., 1844, стр. 287); у другихъ авторовъ Арагасъ—сулусъ.

Бурятское сказаніе (см. выше, стр. 107, 129) на днѣ моря помѣщает морское чудовище Дѣлмѣ. У него все тѣло покрыто глазами; глазъ находящійся на серединѣ тѣла, единственное уязвимое мѣсто. Въ алтайскомъ сказаніи богатырь Торонъ-музыкай выпиваетъ море, чтобы осушить чудовище Андалму и убить; см. у. о. Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 2870, стр. 120. Ср. доиской заговоръ: «и рече Господь еретникамъ: сходитесь на кіянь море, выпійте море кіянь, осушите латырь-камень» (Живая Старина, кн. III (1891), стр. 135).

Темиръ, «жельво» встрѣчается еще въ слѣдующихъ парныхъ: 1) Темиръ-цорго, рѣка въ сѣв.-Монголіи; Темиръ-черга, рѣка въ котловинѣ оз. Зайсана; цорго—кривая труба, употребляемая при винокурени; съ этимъ словомъ калмыцкая легенда ставитъ въ связь имя Цороса, предка калмыковъ. Иркутскій монголистъ Стуковъ говоритъ, что цорогъ—кривой сузъ (Памятн. кн. Иркут. губ., 1881 г., стр. 187). 2) Темиръ-тайга; см. Очерки, IV, 64; тайга по-алтайски бѣлокъ, высокая гора. Ср. у бурятъ Тамиръ-уланъ, гора, на которой живетъ тайша змѣй (Изв. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2, стр. 22). Если въ тюркомонгольскомъ носовой звукъ переходитъ въ м, какъ въ саянскомъ, то форма темиръ могла произойти отъ тенгиръ, тенгри, «небо». Ханъ-тенгри или Тенгри-ола называется высшій пикъ въ Тяньшаньскомъ хребтѣ.¹⁾

Тема о скованномъ или прикованномъ въ связи съ формой темиръ: 1) Сынъ неба Темиръ боко (въ другихъ сказаніяхъ сынъ неба назыв. Темиръ-бось, «жельзный бось») прикованъ за руки и за ноги (Очерки, IV, 172). 2) Темучинъ (Темурчинъ) въ оковахъ сидитъ въ водѣ (Рашидъ-аддинъ, I, 169; Алтанъ-тобчи, 127); киргизское преданіе объ Есекенѣ мы принимаемъ за отголосокъ монгольскаго; въ Есекенѣ мы узнаемъ Есугая, Исуге, отца Чингиса; но въ киргизскомъ преданіи Есекенъ не самъ спрятался въ воду; онъ брошенъ въ нее Мамырханомъ, скованный по ногамъ и съ колодкой на шеѣ (Очерки, II, 149). 3) Кала-мѣмбырь, противникъ Жельзнаго Асына, сидитъ скованный дѣпями въ жельзномъ домѣ; выше, стр. 126, было уже высказано предположеніе, что формы мѣмбырь и мамырь можетъ быть родственны. Въ алтайскихъ повѣртіяхъ встрѣчается бобырганъ²⁾ «летяга», *Pteromys volans*, скованный на небѣ (Очерки, IV, 233). Это имя перешло на одну гору, на берегу Катуня; повѣртія объ этой горѣ Бобырганъ собраны о. Вербицкимъ.

Олетская легенда отождествляетъ Полярную звѣзду съ горой Сумеру; звѣзда эта стаятъ, утвержденны на горѣ Сумеру, вокругъ котораго движутся остальные звѣзды (см. выше, стр. 318).

Имя этой горы въ устахъ народа и въ книжныхъ памятникахъ очень варьируетъ; варіаціи собраны мною въ статьѣ: О происхожденіи географическаго имени Сибирь, напечатанной въ «Сибирск. Сборникѣ», 1890 г. вып. I. О. Ковалевскій даетъ такія монгольскія версіи: Сумиръ, Сумерь, Сумбѣрь, Сумбурь (Монг. хрест., т. I, стр. 267 и 337). По книжнымъ монголо-буддискимъ сказаніямъ гора Сумѣру находится въ центрѣ вселенной (ibid., 265—267; мы полагаемъ это такъ: это Полярная звѣзда въ центрѣ мирового круговорота). То же и въ народныхъ представленіяхъ, при чемъ гора Сумеру ставится въ отношенія къ Полярной звѣздѣ (см. Сказанія бурятъ, въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Р. Географ. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 140). Въ монгольскихъ сказаніяхъ эта гора встрѣчается не рѣдко и иногда рядомъ съ формой Сумъ-далай, «Молочное море»; у бурятъ вмѣсто Сумеръ-ола—Хѣмѣръ-ула; вм. Сумъ-далай—Хумъ-далай. Въ тюркосибирскихъ она также встрѣчается. Въ Pгоben В. В. Радлова повидимому она подъ видомъ горы *Sibür* (II, 604 и 617); рядомъ съ нею упоминается и Молочное озеро, Сють-воль. Также и въ урянхайскомъ

¹⁾ Канъ-тегиръ рѣка въ Саянск. хребтѣ; тюркомонгольское тенгри, тенгиръ переходитъ въ тэгри, тэгиръ, а также въ тэре. Въ урянхайскомъ фольклорѣ есть форма тэнгрединъ-ули (Очерки, IV, 140); можетъ быть отъ улъ, «сынъ», т. е. «сынъ неба» (легенды о сынѣ неба въ Очеркахъ, IV, 238 и 806), или это монгольское тенгиръ-ула, «небесная гора», или тэнгринъ лу, «небесный драконъ». У якутовъ имя тангара-уолъ, «сынъ неба» дается волкамъ.

²⁾ Версіи: пабырганъ, абарганъ, афирганъ, абхирганъ (Очерки, II, 140; IV, 160). Ср. Абырганъ, название мифическаго змѣя (см. выше, стр. 296; ср. также стр. 251), заключеннаго въ подземной пропасти. Звукъ г въ окончаніи «ганъ» есть придыханіе, иногда едва слышенъ и можетъ быть даже опущенъ; такъ Аргаганъ, имя одного бурятскаго поколѣнія, произносится Арга'анъ; тюрское си гинъ, олень самецъ произносится сынъ, сынъ (О. Вербицкій, Словарь алт. яз., стр. 317); параллельно съ этимъ можно ожидать форму «абырганъ», а съ пережѣной б на м: «амырганъ». И въ самомъ дѣлѣ есть тюрское имя для суслика: емуранъ (см. Грамматика алтайск. яз., Казань, 1869). См. Очерки, II, прим. 31; IV, 161.

подъ упавшими крышами¹⁾. Послѣ сывыровъ, по словамъ татаръ, пришли китаны или катаны остяки же именовъ хатанъ зовутъ нынѣшнихъ татаръ. Не нужно конечно, думать, что въ этихъ преданіяхъ сохраняется память объ исторической смѣнѣ племенъ; и сывыры и китаны, вѣроятно, созданія народного воображенія въ родѣ классическихъ титановъ, на сибирской почвѣ вызванныя, можетъ быть, наблюденіемъ надъ погребенными мамонтовыми костями. Буряты въ Иркутск. губерніи древніе памятники также приписываютъ китайцамъ. Ср. также о китайцахъ (китанахъ), первоначальникахъ въ Алтаѣ, и о Китагъ-ханѣ на верхнемъ Енисей въ Очеркахъ, IV, 10 и 296. О китайцахъ, населявшихъ некогда Сибирь, испугавшихся начавшагося проростанія льсовъ въ этой странѣ, прежде бывшей безлѣсною, и выселившихся на югъ см. у Миллера, Сиб. ист., стр. 9.

Подобно тому, какъ легенды о народѣ китанахъ (похоронившихся добровольно въ землю?) соотвѣтствовала повидимому другая о богатырѣ Киданъ-ханѣ, заживо закопавшемъ себя въ могилѣ, такъ и для другой формы сывыръ также была соотвѣтственная легенда о богатырѣ; это богатырь, хвастливый охотникъ, который послѣ неудачнаго выстрѣла, зарылся въ землю и обратился въ сурка (Очерки, II, 151 IV, 179, а также см. ниже, № 92 о суркѣ); сурокъ по-киргизски сууръ; въ словарѣ Будагова: соввуръ (I, 714)²⁾.

Фактъ, свидѣтельствуемый г. Паткановымъ, не колеблетъ вѣры въ восточное происхожденіе имени Сибирь и мы продолжаемъ думать, что оно въ родствѣ съ формами Сумбуръ, Субуръ, Цумбуръ (или Цумлуръ? см. выше, стр. 248), Sübüg, Хѣмбуръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. I, в. 2, стр. 134), Сымыръ (ibid., в. 1, стр. 109; см. также выше, стр. 214), которыя можетъ быть прилагались первоначально къ Полярной звѣздѣ³⁾. Калмыцкая легенда видитъ въ горѣ Сумеру мутовку, которую боги пахтали океанъ (Протоколы Петровск. общества наследов. астраханск. края, Астрах., 1888, стр. 91—99⁴⁾). Въ Ордохъ рассказываютъ, что у Чингиса былъ похищенъ золотой приколъ для лошади, алтынъ-хатасынъ (это имя Полярной звѣзды); по халхаской легендѣ у Чингиса похищается не приколъ, а мутовка для пахтанья кумыса (белуръ), съ которой связано счастье, какъ и съ якутскимъ деревомъ.

Въ статьѣ «О происх. имени Сибирь» я указалъ на бурятскую форму Сибуръ (чудовищная собака, выходящая изъ воды и убиваемая богатыремъ) и на названіе альпійскаго волка: цѣмбръ, чѣбръ, сѣбръ, сибръ, субръ, шѣбѣри, шонгбори, шѣйбори, чопѣру (Очерки, IV, 156); къ этимъ послѣднимъ можно еще прибавить дзубери-чино⁵⁾, по-китайски чай-ланъ; см. о. Паладія, Юань-чао-ми-ши, стр. 179.

Волкъ является не рѣдко въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ, а именно: 1) Шуно (по-монгольски шуно, шѣно, чоно, «волкъ») въ Очеркахъ, IV, 187, 309; Радловъ, Ргоben, I, 206; II, 308; Сказанія буряты, Ирк., 1890, стр. 36. 2) Бурте-чоно, предокъ монгольскаго народа по книжнымъ сказаніямъ; 3) Пѣри-ханъ (Буръ-ханъ, Буръ-бою) по-тюркски царь-волкъ; Очерки, IV, 177, 413, 866. Богатырь Шуно, по деталямъ сказанія можетъ быть сближаемъ со стрѣлкомъ въ войскѣ Чингисъ-хана, который не угодилъ хану и за это или привязанъ къ стѣнѣ, или закопанъ въ землю. (Сказанія буряты, Ирк., 1890, стр. 182); послѣдній родъ кары напоминаетъ Алтынъ-хатасына. Въ книжномъ сказаніи стрѣлокъ, привязанный къ стѣнѣ, называется Хасаръ. Шуно 'одинъ изъ трехъ братьевъ; два другихъ называются Амуръ-сана и Тамиръ-сана. Не редупликація ли одного и того же имени? Ср. монгольскія формы: Темурчинъ (первоначальное имя Чингиса), Тѣ-

¹⁾ Легенда приближается къ темѣ о колоннѣ, которую строитель имѣетъ нагнѣреніе вынуть, чтобы потолокъ обрушился; см. выше стр. 249.

²⁾ Ср. съ монгольскими именами суслика: сумуръ, цзуммуръ, цзумрѣ (Очерки, II, прим. 31; IV, 161), теленгитскимъ тибранъ (Оч., IV, 160), алт. јубуранъ (о. Вербицкій, Словарь, стр. 101).

³⁾ Съ прибавкой монгольскаго одо, одунъ, «звѣзда» мы должны бы имѣть: Сумбуръ-одо, Цумбуръ-одо, Хѣмбуръ-одо, Сымыръ-одо или Сымыръ-одунъ и т. д. Въ числѣ вариантовъ имени горы въ Голубиной книгѣ, сообщаемыхъ Бѣлорусск. Сборникомъ г. Романова (в. V, стр. 293) Хамуръ им. Фаворъ.

⁴⁾ Барельефъ храма Bādāmi въ Индіи изображаетъ, какъ боги, чтобы добыть amrita'у, пахтали молочное море, вращая въ немъ гору Mandara'y (The Indian Antiquary, vol. VI (decemb., 1877), «Rock-cut temples at Bādāmi», стр. 365.

⁵⁾ Тюркское dz имѣетъ свойство распадаться на d и z (Ильминскій въ статьѣ: Zur tatarischen Lautlehre, въ Mélanges asiat. de l'Acad. Imp. de sciences de St. Pétersbourg, T. III, livr 4 (1859), p. 478); следовательно можно ожидать форм дубери и зубери.

Широнголы въ г. Боу-нань: Гегенъ-хоту.
 Широнголы около г. У-янъ-бу: Гарчинъ.
 Широнголы въ Тунъ-сянъ: Гегенъ-хотунъ.
 Шира-ёгуры: Чолбонъ.
 Салары: Чолманъ, Чоллянъ.
 Хара-ёгуры: Чолбонъ.
 Тангуты около Гумбума: Гарчинъ.

Хухунорскіе олѣты говорятъ: Цолмынъ оду гархани уринъ тушикъ цова кубюнъ гархани торёнъ тушикъ, т. е. восхожденіе звѣзды Цолмынъ краса зарри, рожденіе крикуна ребенка краса для торё. Что такое торё, олѣтка, сообщившая выраженіе, не могла разъяснить; она сказала только, что у Едзень-хана есть шаджинъ и мѣдное (хули) торё.

По словамъ одного торгоута изъ Кобокъ-зайря Цолбону молятся (цзалбирна) женщины о дѣтяхъ. О немъ есть большой рассказъ, но рассказчикъ забылъ его.

Есть монгольская загадка: бурханъ чолмонъ нюдудей, т. е. «съ глазами Зарницы» (собственно съ глазами бога Чолмона). Разгадывается: «волкъ».

Въ Очеркахъ, II, 127 приведено монгольское выраженіе о звѣздѣ Цолманъ, записанное около г. Хобдо: цохуръ моритай цохшикъ цохтай авынъ балдыкшикъ, т. е. «подобна челкѣ чубарой лошади, подобна доспѣхамъ отца Цохтая». Въ преданіи хухунорскихъ олотовъ (см. выше, стр. 284) Цохтай имѣеть эпитетъ икэ балдагтай, но балдагъ мнѣ перевели въ этомъ случаѣ: фаллусъ, а не доспѣхъ¹⁾.

У Агапитова и Хангалова (Материалы, стр. 3) Зарница по-бурятски Уха-солбонъ. Одинъ бекъ временъ Чингисъ-хана по Рашидъ-эддину назывался Джалма-оха (I, 149); Рашидъ-эддинъ поясняетъ: «значеніе оха есть хищный, промышляющій на дорогахъ, храбрый». По Шашкову («Народы Россіи» въ «Живописн. Обзор.» 1879, № 19, стр. 411) по-бурятскому сказанію у Эцэгъ-маланъ-тэнгри есть пастухъ божественный Хуа-солбонъ (Зарница), который имѣеть большое влияніе на скотъ.

Въ Словарѣ о. Вербицкаго тюркскія имена Зарницы: Солбанъ (абаканск.), Чолмонъ (теленгит.), Чолпонъ (нижнебійск.), Шолбанъ (кондомск.), стр. 303, 431 и 449.

На языкѣ ингушей (на Кавказѣ) Зарница Кулбу сѣтгэ. Это звѣзда, на которую долженъ смотрѣть мусульманинъ во время вечерней молитвы (показаніе ингуша Михайлы, находившагося въ ссылкѣ въ Иркутскѣ). Въ Очеркахъ, IV, 73^р не вѣрно это имя отнесено къ Полярной звѣздѣ.

Объ Уха-Солбонѣ см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 5, 7. Уха-Солбонъ похитилъ земную дѣвицу, которая была просватана за человѣка; это онъ совершилъ, когда свадебный поѣздъ везъ невѣсту къ жениху. Ср. съ алтайскимъ рассказомъ о скалѣ Абымъ-бомъ (Очерки, IV, 214).

Солбанъ изображается на шаманскихъ бубнахъ. См. въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, въ статьѣ Д. Клеменца: «Нѣсколько образцовъ бубновъ мианусинскихъ татаръ», стр. 26. На приложенномъ къ тексту рисункѣ, который на означенной страницѣ истолковывается со словъ шамана, изображены двѣ звѣзды, каждая въ видѣ кружка съ зубчиками по окружности; одна объяснена шаманомъ, какъ Солбанъ-иръ (переведено «заря»); другая объяснена солнцемъ (на рисункѣ пропущена цифра 2, которую очевидно слѣдовало поставить

¹⁾ Форма сокто спаривается иногда съ Сумбиръ; такъ въ бурятской сказкѣ гора Сокто-Сумбиръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, вып. 2, стр. 9, 23 и 25).

90. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣстныя названія:

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана: тэнгринъ цзатыль.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: тэнгринъ джатыль, тэнгринъ ойтыль.

Хухунорскіе олеты хош. Чинъ-хай-вана: тэнгринъ цзакъ.

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-сайханѣ: тэнгринъ ойтыль.

Солонь около Хайлара: тэнгринъ колъ, «нога неба».

Салары: юлтусъ ухациганъ.

Тунъ-сянскіе широнголы: усû мэрэнь, «водяная рѣка»¹⁾.

У волжскихъ калмыковъ: Ойдуль (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244).

У ингушей на Кавказѣ: Сила сата. Это слѣдъ, оставшійся отъ медвѣдя, который тащилъ женщину Сату (показаніе ингуша Михайлы въ Иркутскѣ).

О происхожденіи Млечнаго пути см. В. П. Маргаритова, Объ орочахъ Императорской гавани, Спб. 1888, стр. 28 (слѣдъ отъ лыжи); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. I, в. 1, стр. 127; въ послѣднемъ случаѣ это молоко бабушки Манзанъ Гѣрмѣ, розлитое ею въ гнѣвъ. Эта бурятская легенда свидѣтельствуетъ, что и на Востокѣ было повѣрье о Млечномъ пути, какъ о Нагахі. Въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ рядомъ съ горою Сумбуръ (Сумеру) часто стоитъ и «Молочное море», Сумъ-далай по-халхасски, Хумъ-далай по-бурятски, или «Молочное озеро», Суть-куль по-алтайски и сойотски (см. Очерки, IV, 70, 314, 372, 429).

Въ ряду именъ урочищъ въ Монголіи встрѣчается Усюнь-джюль, Усунъ-цауйль, Уаунъ-жюль (Очерки, IV, 209, 333, 618). Первый членъ (усюнь, усунъ) не происходитъ ли отъ скъ, «молоко» и цѣлое парное не состоитъ ли изъ перевода перваго члена тюркаго суть «молоко» и искаженнаго второго: вм. куль—цаюль? ²⁾ Рѣка Усюнь-дзюль упоминается въ сказаніи объ Абатай-ханѣ (Очерки, IV, 334); тутъ же рядомъ и собака, обильная молокомъ. Урляхайцы во время грома, дѣлая вольніе молокомъ, произносятъ: «Эдзень-сульде»!

91. НЕ ОПРЕДѢЛЕННЫЯ СОЗВѢЗДІЯ.

Хухунорскіе олеты говорятъ, что есть созвѣздіе Арбанъ-хоиръ оду, «Двѣнадцать звѣздъ».

Одинъ лама халхаскаго хошуна Чокуръ-вана сказалъ, что есть созвѣздіе Хунгъ-табынь-одунъ, «пять лебединыхъ звѣздъ», которое находится въ серединѣ Млечнаго пути. По словамъ того же ламы, въ Халхѣ осенью поклоняются огню,

¹⁾ Можетъ быть сю-мэрэнь, «молочная рѣка»?

²⁾ Божество, дающее молоко коровамъ, по черемисскому повѣрью, есть шисерь яръ кого юмо (шисерь яръ — «молочное море»), Знаменскій, Горн. черемисы Казанск. губ., Вѣстн. Евр., 1867, декабрь, стр. 44. «Молочное озеро» въ аварской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, отд. 2, стр. 9—16). Въ немъ купается конь.

сводъ небесный, покрывается одѣялами изъ бѣлаго шелка въ шесть рядовъ; въ заключеніе письма просить прислать Мудрый Оселокъ, Керсѹ-пидѹ. Мудрая невѣстка толкуетъ письмо: арайанъ-койонъ—слезы, бѣлыя шелковыя одѣяла снѣгъ; счетъ на небесномъ сводѣ значитъ, что онъ ничего не видитъ, кромѣ небесныхъ звѣздъ (сидитъ въ заточеніи). Мудрый Оселокъ, это сама мудрая невѣстка (Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 85). Иносказаніе должно содержать какой нибудь намекъ на предметъ, который оно подразумеваетъ; въ бѣломъ одѣялѣ есть такой намекъ на снѣгъ; въ оселкѣ мы не видимъ ключа къ отгадкѣ, поэтому думаемъ, что Керсѹ пидѹ было собственнымъ именемъ мудрой жены. Это можетъ быть Арья-бало; мудрая невѣстка Ерень-чеченя была сравниваема съ Февроніей муромской легенды (А. Н. Веселовскій въ статьѣ: Новыя отношенія мур. легенды о Петрѣ и Февр. и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ); эпизодъ исцѣленія князя Петра можетъ быть сближаемъ съ исторіей китайской богини Гуань-инъ-пусы, которая врачуетъ своего прокаженного отца и которая была воплощеніемъ Арья-бало. См. выше, стр. 226.

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 152, я пытался установить связь между сказками о Ерень-чеченѣ и бурятскими сказаніями о Эсэгэ малайтѣ и его невѣсткѣ Юрюнь-хатунѣ или Шеше-хатунѣ, при чемъ отмѣтилъ сходство въ именахъ: 1) Эрень-чеченъ и 2) Юрюнь и шеше. Повидимому это имя являлось и женскимъ, и можетъ быть рассказъ о Ерень-чеченѣ принималъ видъ призыва дочери матерью, страдавшей отъ снѣговъ и мрака заточенія.

92. ПОВѢРЬЯ О ЖИВОТНЫХЪ.

1. Верблюды и мышь.

(Монгольскій).

Верблюды и мышь побились когда-то объ закладъ (теме хулагана хонръ урту чакта моричисень), кто изъ нихъ увидитъ напередъ восходящее солнце. Верблюды смотрѣлъ на востокъ, мышь сѣла на голову верблюда и смотрѣла на западъ и увидѣла напередъ солнечные лучи на западныхъ горахъ. Такимъ образомъ верблюдъ прозѣвалъ право на первый годъ въ циклѣ двѣнадцати лѣтъ (теме арбанъ хонръ джилъ гуджеджи байна). И теперь верблюдъ любитъ поднимать голову и осматриваться.

Верблюды имѣютъ уши мышиныя, глаза змѣиные, губы залчы, грудь тигра, задъ обезьяны, шею дракона, копытца овечьи, копыта коровьи, хвостъ свиньи, бедра собачьи, хохолокъ курицы и гриву лошади (хулуганенъ чигтей могонь нюдудей тулай урултай баръ чеджитай мечинъ боксѣтей лунъ куджютей хонинъ бѣхѣтей укуръ туратай гахай сѹлтей нохонъ гунтей таха убѹктей моринъ дельтей).

Омолонъ, монголъ изъ Ордоса.

(Олѣтскій).

Шея у верблюда драконова, хвостъ змѣи, хребетъ лошади, волосъ (цзокдуръ)¹⁾ овцы, бровь обезьяны, чолка (сангма) курицы, колѣно (ободѹвъ) собаки, копыто свиньи, ухо мышиное, брюхо коровье, глазъ тигра и губа заячья.

Олетка хухунорская.

¹⁾ О цзокдуръ см. ниже стр. 355.

Ханъ-гариди спрашиваетъ у ябылыка: «Чего больше, ночи или дня?» Ябылыкъ отвѣчаетъ: Ямындаръ сюни олонъ байна. «Ночи больше».

Кебидеръ ю байна¹⁾?

Ябылыкъ отвѣчаетъ: Бюркукъ удурн сюни эртуачадъ будыгеръ ери эмэ эртуачадъ, сюни эмэ хоиръ олонъ. «Если къ ночамъ отнести пасмурные дни, къ женамъ отнести женоподобныхъ мужчинъ, то ночей и женщинъ больше».

Гарчинъ яхунъ сары боосынъ би? «Отчего твои лапки залоснились грязью?»

Ихэ тосунъ бара удзисынъ угэй. («Оттого, что) не трогалъ большого масла».

Нютучинъ яхунъ шараласынъ би? «Отчего у тебя глаза зажелтѣли?»

Икэ тосунъ икэтесені («Оттого, что) большое масло съѣлъ» (?)

Чивычинъ яхунъ долдойсынъ би? «Отчего твое ухо отвисло?»

Номинъ-до соноосынъ угэй. «Не слыхалъ священнаго писанія».

Тологойчинъ яхунъ каптайсынъ би? «Отчего твоя голова приплюснута?»

Шоторъ табичи каптайла ябылыкъ шибо. «Потому что я, птица ябылыкъ, клала ее подъ шо» (?)

Униненъ уртенъ уксыкъ угэй ябылыкъ шибо ябучи ба. И безродная (не имѣющая исконнаго древняго происхожденія) птица ябылыкъ отбыла.

Омолонъ, ордосскій монголь.

Ябалакъ, чжапалакъ тюркск. «сова». Хара-ябалакъ, «летучая мышь» у хамійскихъ тюрковъ (Очерки, II, 139). Въ западномъ Туркестанѣ шаполакъ, бабочка шелковичнаго червя; Федченко. Путеш. въ Туркестанъ, т. I, ч. II, «Въ Коканскомъ царствѣ», тетр. I, стр. 26.

4. Ольби.

(Монгольскій).

Ольби, «летяга», превозносится передъ небомъ и помѣстившись подъ деревомъ, надувается и становится съ корову. Если громовая стрѣла поражаетъ дерево, это значитъ, что подъ нимъ находился ольби.

Джамсэрэнъ, монголь-халха изъ Хангая,
хош. Човуръ-бейли.

5. Бурундукъ.

(Монгольскій).

Бурундука, солонго, хорошо держать въ домѣ, по повѣрью у ордосскихъ монголовъ; во время непогоды онъ оберегаетъ домъ.

¹⁾ Не переведено.

(Солонскій).

4. Сурокъ (тарбага) былъ великій мергенъ (стрѣлокъ); какой-то нойонъ отрубилъ ему палець и велѣлъ закопать его въ землю.

Записано отъ солона изъ Хайлара.

О Эрхи-Мергенѣ см. въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 79. О суркѣ Очерки, IV, 179.

Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ имя Эрке-хара носитъ братъ Ванъ-хана кирейтскаго (хиритскаго?); онъ изгоняетъ брата изъ его царства, но потомъ онъ самъ былъ побѣжденъ. Въ «Вост. Сборникѣ» Спб., 1872, стр. 159: Ъликэ-хала, братъ Ванъ-хана предался Инанъчи-кэханю, рода Найманъ и Инанъ-чи отнялъ у Вапа улусъ Калъ (Кирей?) и отдалъ Ъликэ-халѣ. De Mailla говоритъ, что Jeliki было родомъ имя Ванъ-хана. Говорсъ прибавляетъ: это кажется китайская транскрипція знаменитаго торгоутскаго родового имени Еркеть: History of the Mongols, I, 558. У о. Іакинѣа (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азій, ч. I, стр. 305 и 427) Инанъ, предводитель поколѣнія Илихи, измѣнилъ своему хану Хэли и предался китайскому императору. Въ Очеркахъ, II, прим. стр. 51 я сближалъ этотъ эпизодъ, относящійся къ VII вѣку, съ исторіей Ванъ-хана кирейскаго (XIII вѣка).

Въ честь Экэри, предка поколѣнія экэритовъ (ихиритовъ), сѣверные буряты сложили фразу гутарь экхэтэй эркви эсэкгэтэй эркитъ солотой т. е. «налимъ (рыба) былъ его матерью, берегъ (эркви) отцомъ, а почетное названіе его было Эркитъ». (Памятн. кн. Иркутск. губ. за 1881 г., стр. 187, Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 147; Очерки, IV, 825). Подъ «берегомъ», можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть собственное имя Эркви. Другая эпическая фраза о томъ же предкѣ: эрхэ опдохонъ экирить, т. е. «въ яру найденный Экирить». Это былъ мальчикъ, вышедшій на берегъ изъ озера Байкала; онъ былъ найденъ и изловленъ шаманкой Асухэнь (Очерки, IV, 325). Разсказъ объ этой ловлѣ мы сближали съ исторіями: 1) ловли Ерь-Сару и 2) ловли народившагося въ пещерѣ ламы въ тангутской сказкѣ Егъ-таму-вио (см. выше, стр. 186, а также Эгн. Обзор., кн. VIII, стр. 143); послѣдній персонажъ мы принимаемъ за Арья-бало.

Агапитовъ и Хангаловъ упоминаютъ онгонъ ирхэ, очень распространенный у бурятъ (Материалы, стр. 33). Дархатская легенда разсказываетъ о даръхе и другихъ старыхъ богахъ, которые были утрачены и опять найдены; ихъ подлинность открывается изъ того, что брошенные въ воду, они плывутъ вверхъ по рѣкѣ (Очерки, IV, 407). То же чудо разсказывается о винокуренномъ снарядѣ, изобрѣтенномъ Чингисомъ (ibid., 211). Винокуренная труба, по-алтайски джиракы¹⁾, составляетъ цѣль богатырской поѣздки Иринъ-сайна въ алтайской сказкѣ (ibid., 429). Я уже сближалъ эту сказку съ урянхайской о Эртенѣ-мергенѣ, который добываетъ не винокуренную трубу, а живого бога Колду-бурхана (ibid., 916). Эртенѣ-мергенъ на пути домой отрубаетъ у Колду бурхана палець; Абатай также привозитъ живого бога, но дорогой отрубаетъ не палець, а всю верхнюю половину тѣла, иначе сказать разрушаетъ его пополамъ (ibid. 333). Разрубаніе пополамъ приурочивается также къ имени Арахи, Араху и пр. и опять рядомъ съ темой о изобрѣтеніи напитка (Очерки, IV, 209; см. также выше, стр. 283). Подобно тому, какъ въ сказаніи объ Абатаѣ разрубаніе пополамъ есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эртенѣ-мергенѣ, такъ и во второмъ случаѣ разрубаніе пополамъ Арахы есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эрхэ-мергенѣ.²⁾

Въ тюркской фонетикѣ форма Эрхэ является въ видѣ Эркэ. У Вербицкаго (Словарь алт. яз. стр. 51) ерке—«милый», «любимецъ» (матушкинъ сынокъ). У якутовъ встрѣчается парное Эрякя-жарякя, его мать—мать земли Ань-алай-хотунъ; она покровительствуетъ произрастанію травъ и деревьевъ (но не дѣтородію). Растенія зеленѣютъ отъ дыханія ея дѣтей Эрякя-жарякя. Эти божества обитаютъ въ старыхъ красивыхъ деревьяхъ, у большихъ озеръ и пр. (Слѣпцовъ въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., XVII, № 1—2 стр. 126).

¹⁾ По-монгольски цорго; въ словарѣ о. Вербицкаго (стр. 450) шорга, шорка.

²⁾ Эрхэ-бидекте см. выше, стр. 45 (въ подстроич. примѣчаніи) въ бурятскомъ вариантѣ Гэсэра; ср. Буху Беликтуй, стр. 296.

7. Заяць.

(Монгольскій).

Нѣкоторые ламы говорятъ, что у зайца есть рога, но намъ они не видны. Это эрдени-убуръ ¹⁾.

Сантанъ-джимба.

8. Почему у зайца хвостъ черный.

(Торгоутскій).

Одна женщина овдовѣла; однажды она заказала своей дочери, чтобъ та не ѣла безъ нея какой-то вкусной ѣды и ушла; дочь не вытерпѣла и усѣлась безъ нея за ѣду. Умершій отецъ всталъ изъ могилы, принялъ видъ зайца, вошелъ въ домъ и осудилъ дѣвицу. Дѣвица въ сердцахъ ударила зайца «шевелиромъ» (палкой, которой мѣшаютъ въ огнѣ) и разсѣла ему губу, а концомъ палки попала по хвосту и запачкала его копотью. Оттого у зайца разсѣченная губа и черный хвостъ. Послѣ того люди не стали воскресать, а прежде, умерши, вновь вставали.

Разсказъ торгоута, родомъ изъ урочища Кобокъ-зайри, проживающаго на р. Едзинъ-голѣ.

См. Очерки, II, 167; IV, 708 ²⁾. Чубинскій, Труды этногр.-стат. экспед. въ Западно-русскій край, т. I, в. 1 (Спб., 1872), стр. 66 (скупая дѣвица обращена въ черепаху).

9. Хорекъ (хуринъ).

(Монгольскій).

Зимой хуринъ роетъ много норъ. Одну начнетъ рыть; роетъ, роетъ,— «какое вонючее мѣсто!» скажетъ, броситъ это мѣсто и начнетъ рыть въ другомъ. А вонь-то своя собственная.

Очиръ, монголь изъ Ордоса.

10. Усунъ-буха.

По ночамъ въ озерахъ раздается крикъ или гулъ. Не знаютъ хорошо, то ли это птица, то ли усунъ буха, «водяной быкъ».

Пунсукъ изъ Ордоса.

¹⁾ Эрдени—«драгоценность»; убуръ—«рогъ».

²⁾ Въ «Очеркахъ» тутъ недосмотръ; напечатано: «царство Майтере наступитъ, когда хвостъ у зайца почервѣетъ»; слѣдуетъ: «когда побѣлѣетъ»; ср. съ сказаннымъ въ Очеркахъ, IV, на стр. 133.

14. Алтынъ-мелекей.

(Монгольскій).

Алтынъ-мелекей, «Золотая лягушка» лежитъ на спинѣ и держитъ Сумеру своими четырьмя лапами; если пошевелитъ одной лапой, подуеъ теплый вѣтеръ, другой—пойдетъ дождь, третьей—станетъ тепло.

Сантанъ-джимба.

15. Черепаха.

Китайцы думаютъ, что черепаха не пьетъ воду и не мочится.

Пржевальскій слышалъ повѣрье, что черепаха впивается въ тѣло и только, когда увидитъ ее бѣлый верблюдъ, или бѣлый козелъ и закричитъ, она отстаетъ (Монголія. I, 138).

16. Змѣи.

(Монгольскій).

Есть чаганъ сумунъ могай, змѣи бѣлыя стрѣлы. Такая змѣя бросается въ воздухъ; попавъ въ идущую мимо корову, она прошибаетъ ей бокъ и входитъ въ ея нутро. И корова и змѣя при этомъ умираютъ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

17. Муравей (шоргольджи).

(Монгольскій).

Золотоносную землю (алтанъ гарадыкъ гадзаръ) указываетъ муравей. Тѣ муравьи, которые имѣютъ крылья, въ состояніи подняться до неба; другіе, которые безъ крыльевъ, роясь, проникаютъ въ самую глубь земли.

Пунсукъ изъ Ордоса.

18. Ханъ-гариди.

(Монгольскій).

Ханъ-гариди никогда не летаетъ; вѣчно сидитъ, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

Юль: Garuda индусовъ, Simurgh древнихъ персовъ, 'Angka арабовъ, Bar Juchre равнинскихъ легендъ, Gіrips грековъ было то же, что Bukh (Youl, Marco Polo, II, 408).

Одна записанная мною калмыцкая сказка заставляетъ Ханъ-гариде, царя птицъ, жить на горѣ Сумеру (Очерки, IV, 758).

22. Камень джада.

(Монгольскій).

Есть два рода джада: змѣнный (могоинъ джада) и ослиный (ельджигенъ джада). Первый находится въ пазухѣ между двумя развилками хвоста змѣи, имѣющей раздвоенный, какъ у ласточки, хвостъ. Другой родъ джада находится въ груди (убче) черного осла (хара ельджигенъ). Этотъ послѣдній очень сильный. Если его подержать надъ родникомъ, пойдетъ дождь.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Литература о камнѣ джада указана у Юля (Youl, Marco Polo, v. I, 300—302; у Березина Библиот. восточн. историковъ, Шейбани-наме, Казань, 1849, стр. 5; у Григорьева, Восточный Туркестанъ (Землевод. Азия Риттера), вып. I-й (перев. и примѣч.), стр. 459—462; см. также у о. Палладія въ Трудахъ Пекинск. дух. миссiи, IV, 176, Vámbéry. Die primitive Cultur des turco-tatarischen Volkes auf grund-sprachlichen Forschungen, Leipz., 1879, S. 249; въ моихъ Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи, IV, 189, 773; у Д'Оссона, Hist. d. Mongols, t. II, p. 615—618 (извлеченіе изъ Бергмановскихъ Streifer., Th. III, S. 183, изъ Палласа, Samml., th. II, 350 и Рашидъ-эддина); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. II, в. I, стр. 6.

Повѣрье это извѣстно и егурамъ, обитающимъ въ горахъ къ ю. отъ Гань-чжоу и Су-чжоу (см. т. I, стр. 442). Егурскій обрядъ ср. съ широнгольскимъ, совершаемымъ во время засухи (см. т. I, стр. 377) и китайскимъ въ Сы-чуани (ibid., 316).

91. ПРИСКАЗКА О ДВѢНАДЦАТИ ГОДОВЫХЪ ЗВѢРЯХЪ.

(Олетскій).

Хатынь дерень байхада хара цохуръ луту болсынъ
Хадынасынъ буухуду шара цохуръ луту болсынъ
Арбанъ хоиръ джилданъ бактысынъ баръ негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Бутунъ дерень байхада буьдунъ боро юдъ болсынъ
Бутанасынъ буухуду дельдынъ боро юдъ болсынъ
Арбанъ хоиръ джилданъ бактысынъ тулай негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Тенгринъ дерень байхада текши цохуръ лую болсынъ
Тенгиринъ дересынъ буухуду коку цохуръ лую болсынъ
Арбанъ хоиръ джилданъ бактысынъ лу негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Сулу оркусунъ суръ шингѣ
Теми оркусунъ тесе шингѣ
Арбанъ хоиръ джилданъ бактысынъ могой негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

кипца, вислоухимъ ¹⁾ сѣрымъ Юдей ставшій, въ число двѣнадцати годовъ входящій тулай (заяцъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Бывшій на небѣ равномѣрно ²⁾ пестрымъ Лую, спустившійся съ неба ставшій сине-пестрымъ Лую, въ число двѣнадцати годовъ входящій лу (драконъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Подобная слабо опущенному (не натянутому) ремню, подобная брошенной на произволь веревкѣ ³⁾, въ число двѣнадцати годовъ входящая могай (змѣя)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одногодовалаго жеребенка, (дающая) напитокъ народу, родивши двухъ-годовалаго жеребенка ⁴⁾, поклоняющемуся народу дающая ноги, въ число двѣнадцати годовъ входящая мори (лошадь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одно-годовалаго ягненка, дающая народу напитокъ, родивши двухъ-годовалаго ягненка ⁵⁾, въ число двѣнадцати годовъ входящая хо (овца)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Въ вѣтряную ночь издающая щебетанье ⁶⁾, сопровождаемая шестьдесятъ однимъ дѣтенышемъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая мѣчинъ (обезьяна)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ ⁷⁾.

Спящій (ночью) народъ крикомъ ⁸⁾ разбужающій, лежащему народу подающій сигналъ вставать, въ число двѣнадцати годовъ входящій тага (пѣтухъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Съ лаемъ: якъ! якъ! грызущая свою кость, съ лаемъ: хонгъ! хонгъ! стерегущая дворъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая нохой (собака)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Будучи пойманною кричащая, послѣ крика визжащая, въ число двѣнадцати годовъ входящая гахай (свинья)—должно быть драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Грызущая и (оттого) жирѣющая около горла, грызущая ⁹⁾ и тѣмъ нагуливающая жиръ на брюхѣ ¹⁰⁾, въ число двѣнадцати годовъ входящая хулугуна (мышь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Раздробившая на осколки вѣпящую землю, всему народу дающая пищу, въ

¹⁾ Дельдинъ «широкій», «отвислый»; здѣсь относится псевдиму къ ушамъ зайца и переведено словомъ «вислоухій».

²⁾ Текши «равномѣрно»; фраза хочетъ, повидимому, сказать, что пятна или пестрины расположены равномѣрно, симметрично.

³⁾ Теси—волосная веревка.

⁴⁾ Тага—двухъ-годовой жеребенокъ.

⁵⁾ Тѣлюго—двухъ-годовой ягненокъ.

⁶⁾ Джиргинъ «чирканье»; бокширге джиригинъ, «воробѣй чиркаетъ».

⁷⁾ Когда Мечинъ (Плеяды) появляются на небѣ осенью, бываетъ вѣтряно, пояснила сама рассказчица. олетка. По бурятски джабырь, холодные утренники съ вѣтромъ; во время «джабыра» вѣютъ хлѣбъ; съ поднятиемъ солнца «джабырь» прекращается.

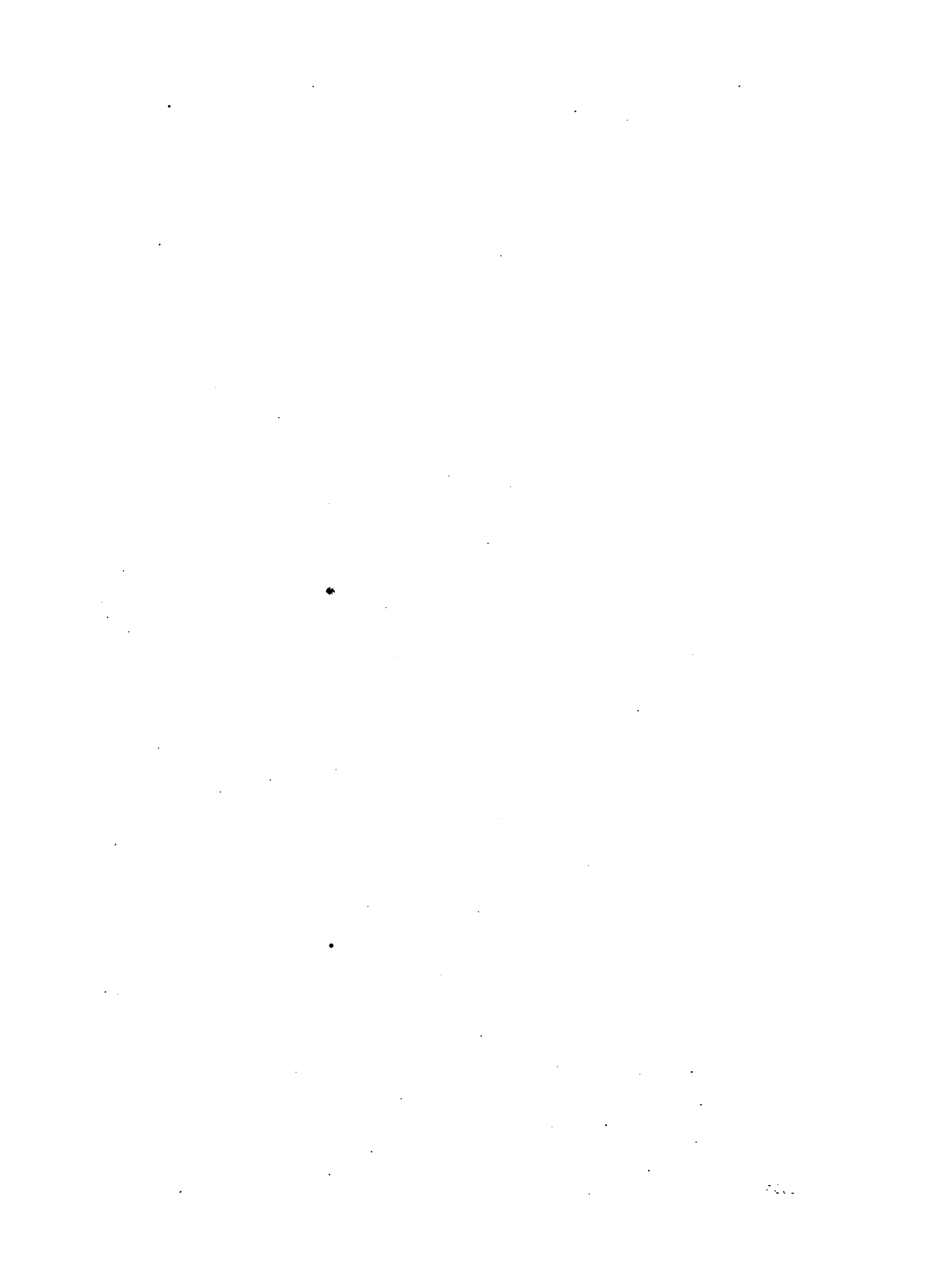
⁸⁾ Оркирху кричатъ съ переловами.

⁹⁾ Хумирь-хумирь! кѣбирь-кѣбирь!—звукоподражаніе.

¹⁰⁾ Кюбѣй, хуба, суба—мѣсто надъ бедромъ, простирающееся и на брюхо, но не на спину.

ПРИЛОЖЕНІЯ

(Тогда) Миларайба ¹⁾ подумалъ: «Прежде это мое мѣсто весьма способствовало созерцанію, теперь есть (какое-то) препятствіе». Вышелъ изъ пещеры и сталъ сидѣть на верху большого валуна въ состояніи «великаго невообразимаго милосердія». Въ это время къ нему подбѣжалъ покрытый сильнымъ потомъ ²⁾ черный изюбрь, (видимо) пораженный сильнымъ страхомъ. При видѣ его въ душѣ Миларайбы пробудилось глубокое состраданіе, и онъ подумалъ: «Въ силу прежнихъ дѣлъ (т. е. грѣховъ, сдѣланныхъ въ предыдущихъ перерожденіяхъ) получивши такое тѣло, (этотъ изюбрь) въ настоящей своей жизни, не совершивши никакого грѣха, долженъ терпѣть подобныя невыносимыя мученія. Ахъ бѣдный! Надо преподать ему ученіе Махаяны и (тѣмъ) приготовить къ вѣчному блаженству». (Поэтому) онъ сказалъ изюбрю слѣдующіе стихи:

Преклоняюсь передъ ³⁾ святымъ Марба-ламой!

Благослови (меня) прекратить мученія живого существа.

(А) ты живое существо, имѣющее тѣло изюбрия и голову краснаго звѣря,

Послушай пѣніе Миларайбы, также имѣющаго тѣло изюбрия и голову краснаго звѣря.

* * *

Сколько бы ты ни убѣгалъ отъ внѣшнихъ видимыхъ предметовъ,

(Но) прежде наступленія (букв. безъ) времени избавиться отъ невѣжества, ошибочно смотрящаго,

Не въ состояніи бросить (эти твои) внѣшнія тѣло и душу.

(Теперь) настало время отвергнуть невѣжество, ошибочно смотрящее.

* * *

Отъ весьма быстрого созрѣванія дѣлъ (и воздаяній за нихъ)

«Внѣшнее» тѣло куда можетъ убѣжать?

Когда оно убѣгаетъ отъ (воздаянія дѣлъ), то убѣгаетъ «внутренняя» душа,

А душа прибѣгаетъ къ святости (высшему совершенству, санскр. бод'и).

* * *

Если пожелаешь избавиться (отъ воздаянія за дѣла) посредствомъ другихъ отверженій, то произойдетъ ошибка.

По уничтоженіи ошибочной мысли, посиди здѣсь.

(О изюбрь), теперь въ своемъ представленіи

Нестерпимо боясь смерти,—

* * *

¹⁾ Въ тибетскомъ текстѣ собственно стоитъ рЧжеб-Цаунъ—достопочтенный, божественный; въ монгольскомъ богда Мила «свѣтой Миларайба». Но я вездѣ для ясности проставилъ одно собственное имя.

²⁾ Тибет. букв. съ каждаго волоска котораго капали капли пота.

³⁾ Букв. падаю въ ноги. Относительно Марба-ламы надо замѣтить, что среди переводчиковъ сочиненій Чандрагомина упоминается (см. Зап. В. Отд. И. Р. А. О. т. IV, стр. 255) Мар-ба-Чойцзи-Вангъ-чуг (Марба—владѣлка звѣря). Не одно ли это и то же лицо? Тогда приблизительно опредѣлится время перевода одного изъ сочиненій, приписываемыхъ Чандрагомину. Если Мила-райба жилъ около половины XI вѣка, то Марба жилъ въ концѣ X или въ началѣ XI в., такъ какъ ниже Мила-райба называетъ его своимъ учителемъ.

Оставивши свой гнѣвъ, побудь здѣсь (у меня).
 Теперь въ своемъ представленіи,
 Вслѣдствіе страсти нестерпимаго гнѣва,
 Съ горы по эту сторону (ты) боишься, какъ бы не убѣжалъ (изюбрь);

* * *

На горѣ по ту сторону надѣешься схватить (последняго)
 И (такимъ образомъ) со страхомъ и надеждою бѣгаешь вокругъ (т. е. монг. переносно: вращаешься въ кругу перерожденій этого міра).
 Давши тебѣ наставленіе о шести предметахъ ученія Наро,
 Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати» (Махамудра).

Когда Миларайба отъ великаго милосердія преподалъ (такое) наставленіе мелодичнымъ голосомъ, гнѣвъ собаки укротился, и она, издавая жалобные звуки, вилая предъ Миларайбой хвостомъ, облизывая его одежду и оказывая ему прочіе знаки благоговѣнія, сидѣла по правую сторону его, положивши кончикъ морды между двухъ рукъ (лапъ?) и лежа съ изюбремъ на подобіе матери и сына.

Затѣмъ Миларайба подумалъ: «Сзади этихъ двухъ живыхъ существъ безъ сомнѣнія находится грѣшный человѣкъ. Когда-то онъ придетъ сюда? Въ это время вдругъ подошелъ человѣкъ съ совершенно чернымъ лицомъ, (въ такомъ видѣ:) глаза его налились кровью, волоса были связаны на маушкѣ, обѣ полы были за тннуты за поясъ; на себѣ онъ несъ шубу (изъ козлиной шерсти), увязанную въ силки, въ рукахъ держалъ лукъ и стрѣлу, (повидимому) былъ не въ состояніи перевести духъ и съ обильно капавшимъ страшнымъ потомъ. Такъ какъ сука и изюбрь дружно (букв. на подобіе матери и сына) сидѣли около Миларайбы, (то явившійся человѣкъ) подумалъ, что Миларайба ¹⁾ сдѣлалъ съ послѣдними что-либо дурное ²⁾, и, сильно разсердившись, сказалъ: «Эти одѣтые въ бумажныя матеріи (райба по тиб.) и великіе созерцатели совсѣмъ не далеки (безтолковы). Въ высокихъ мѣстахъ, такъ приходятъ въ ущелья горъ во время (монг., тиб.: въ мѣста) убиванія дикихъ звѣрей; въ низкихъ мѣстахъ, такъ являются на берегъ моря во время (въ мѣста) убиванія рыбъ и бобровъ; въ прочихъ ³⁾ же мѣстахъ являются въ населенныхъ мѣстахъ въ пункты торговли и (являющихся отъ нея) ссоръ. Хотя бы они умерли по одному или по два, ничего не значить. (А) ты ⁴⁾ сможешь остановить моихъ изюбря и собаку. Посмотрю, сможетъ ли моя стрѣла пронизать твою одежду». Сказавши такъ, онъ (охотникъ) положилъ стрѣлу на тетиву и совсѣмъ натянулъ лукъ. Тогда Миларайба подумалъ: «(Даже), когда я преподалъ ученіе животнымъ по своей природѣ не свѣдущимъ, (то) они поняли; (подавно), если преподамъ ученіе этому человѣку, онъ пойметъ его», и сказалъ (охотнику): «Ахъ, человѣкъ! ты подожди стрѣлять и затѣмъ послушай мое пѣніе (монг. послѣ этой стрѣлай)». (Затѣмъ

¹⁾ Собственно, въ тиб. текстѣ—великій созерцатель, въ монг.—лама.

²⁾ Монг.: употребилъ противъ собаки и изюбря дурное средство.

³⁾ Букв. промежуточныхъ.

⁴⁾ Обращаясь къ Миларайбѣ.

онъ) произнесъ голосомъ Брахмы слѣдующіе стихи охотнику мГоньбо-Дорчже изъ глубины души, одаренной знаніемъ, состраданіемъ и умѣніемъ:

Прошу божественныхъ мудрецовъ:

Благословите уничтожить пять «ядовъ»¹⁾!

(А ты) живое существо, съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса,

Послушай пѣніе Мила (-райбы, также) съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса!

* * *

Драгоценное человѣческое тѣло трудно получить,

(А), какъ согласишься на подобныхъ тебѣ, то въ немъ нѣтъ ничего рѣдкаго (замѣчательнаго).

(Ты), съ грѣхами тѣла ракшаса²⁾,

Ненавидя мученія этого дурнаго перерожденія,

* * *

Хотя бы и удовлетворялъ желанія этой жизни³⁾,

Но (тиб. вслѣдствіе грѣховъ) удовлетворишь этихъ желаній (монг. исполнѣ).

Если (монг. понявши) обратишь (въ другую сторону, тиб. внутреннія) возжелѣнія, то получишь сверхъестественную силу (сидд'и).

Если же будешь стараться совладать⁴⁾ (только) съ внѣшними представленіями, то не совладаешь (съ ними).

* * *

Для тебя настало время укротить (подчинить себѣ) свою душу:

Ты, убивши изюбря, не насытишься (монг. на вѣки).

Если (же) истребишь «пять внутреннихъ ядовъ», исполнишь, что бы ни задумалъ,

И побѣды⁵⁾ надъ внѣшними врагами будутъ возрастать въ количествѣ.

* * *

[Если совладаешь со своимъ «внутреннимъ» характеромъ, то не будетъ (внѣшнихъ) враговъ⁶⁾]

Если, не совершая грѣховъ въ (этой) жизни (въ тѣлѣ) человѣка,

Будешь исполнять ученіе превосходныхъ (тиб.) святыхъ, то будетъ хорошо.

Преподавши тебѣ наставленіе касательно шести предметовъ ученія Нāро,

Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати».

Услышавши эти слова (Мила-райбы), охотникъ подождалъ (стрѣлять) и такъ подумалъ: «Эти слова его въ своей сущности не исполнѣ достовѣрны (т. е. понятны); (однако) прежде у этихъ собаки и изюбря ярость и страхъ были очевидны⁷⁾, а те-

¹⁾ Тиб.: дуг; мон.: хоора.

²⁾ Тиб.; по-монг.: харши магуй ѣхэ нигулу кумун чи.

³⁾ Т. е. желанія, являющіеся во время жизни въ этомъ мірѣ.

⁴⁾ Букв. укрощать.

⁵⁾ Букв. укрощеніе.

⁶⁾ Этого полуслѣха нѣтъ въ монгольскомъ текстѣ.

⁷⁾ Тиб., монг. страшно велики.

перь они сидят справа и слѣва, по обѣимъ сторонамъ его подобно матери и сыну; да и я зимою даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ не испыталъ (того, чтобы) уронить на землю стрѣлу, а на этотъ разъ самъ невольно уронилъ. Поэтому это, или знатокъ дурныхъ заклинаній (тарни), или замѣчательный лама. Необходимо изслѣдовать его поведеніе».

Подумавши такъ, охотникъ вошелъ внутрь пещеры, въ которой сидѣлъ Мила-райба, и посмотрѣлъ. Такъ какъ тамъ не было ничего, кромѣ стеблей крапивы и горькихъ листьевъ, (то) онъ возымѣлъ сильную вѣру и сталъ спрашивать: «Ахъ, лама! какъ называется твой лама, твое ученіе и какъ выражается твой «памятный стихъ»¹⁾? Каковы твое мѣстопробываніе, товарищи и достатки (состояніе)? Если они соответственны, то я подарю тебѣ жизнь этого изюбря и послѣдую за тобой».

Тогда Мила-райба, сказавши: «Мое мѣстопробываніе и товарищи именно таковы; поэтому, если ты можешь слѣдовать за мной, то приходи (добропожаловать)» свазалъ (этому) охотнику мГоньбо-Дордже слѣдующіе стихи:

Три ламы: Тѣло, Нѣро и Марба —
Вотъ три учителя Мила-(райбы).
Если существуютъ эти три ламы,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой)²⁾.

* * *

Лама, идамъ (духъ-покровитель) и Дакини —
Эти три—предметы поклоненія Мила-(райбы).
Если эти три предмета поклоненія существуютъ,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой).

* * *

Возрѣніе (теорія), созерцаніе и дѣйствіе (поведеніе)—
Эти три (и есть)—пункты запоминанія Мила-райбы.
Если эти и т. д.

* * *

Сланцевыя горы, снѣжныя горы и шиферныя (?монг. съ проваломъ т. е. вулканы?)
Эти три—мѣста упражненія Мила-(райбы). горы—
Если эти и т. д.

* * *

Изюбри, возули и сохатые —
Эти три—домашній скотъ Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

¹⁾ Или «твое пункты запоминанія», т. е. главная сущность ученія, для лучшаго запоминанія изложеннаго въ формѣ коротенькаго стиха.

²⁾ Въ тибетскомъ собственно три полустиха, какъ и вездѣ ниже, но я раздѣлилъ согласно монгольскому тексту.

гой ¹⁾ и сказать ²⁾: «Великій святой! (монг. просто: о лама!) изюбря, суку, стрѣлу и лукъ, шубу и силки—всѣ эти предметы я поднесу тебѣ (букв. ламѣ). Я и сука оба прежде сдѣлали много грѣховъ, (но), такъ какъ на будущее время не будемъ дѣлать ихъ, то умоляю эту суку г.Лог-сЧжад-дМар-мо ввести въ страну боговъ и блаженныхъ (монг. руководить по пути спасенія); этого чернаго изюбря прошу вести по пути великаго блаженства; меня охотника мГоньбо-Дорчже также прошу вести по пути спасенія (на почвѣ ученія). Эту просьбу онъ изложилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Мой находящійся на правой сторонѣ (отъ тебя) чернѣй изюбрь, украшенный бѣло-
снѣжными рогами,

Если бы (я) убилъ его, служилъ бы для утоленія голода въ теченіи семи дней;
(Но) онъ мнѣ ³⁾ не нуженъ, и я подношу его тебѣ, ламѣ.

* * *

Прошу чернаго изюбря вести по пути великаго блаженства,
Прошу (суку) г.Лог-сЧжад-Мар-мо (монг. красную суку) вести по пути бод'и,
Прошу (меня) мГоньбо-Дорчже направить къ спасенію ⁴⁾.

* * *

Эта находящаяся на лѣвой сторонѣ сука г.Лог-сЧжад-Мар-мо,
Когда (бывало) отпустишь ее, хватала даже летящихъ птицъ;
(Теперь) она мнѣ не нужна, и я подношу ее тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д. ⁵⁾.

* * *

Эти украшенные кольцами силки,
Когда (бывало) опутывалъ (ими) изюбрей и дивныхъ звѣрей, не шевелились;
(Теперь) они мнѣ не нужны, и я подношу ихъ тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д.

* * *

Мою шубу, украшенную волниной шкурой ⁶⁾,
Когда я одѣвалъ, то согрѣвался (монг. не зябъ) даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

Моя тонкая стрѣла, которую держу въ правой рукѣ,
Украшенная виноварью (монг. съ виноварными ушками) и четырьмя перьями, —
Когда я пускалъ ее, пронизывала (все), куда я ни попадалъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

¹⁾ Т. е. коснулся лбомъ ноги.

²⁾ Дальше по порядку тибетскаго текста.

³⁾ Въ тибет. мнѣ—человѣку, какъ не просто тебѣ, а тебѣ—ламѣ.

⁴⁾ Монг. по пути спасенія.

⁵⁾ Повторяются всѣ три полустиха.

⁶⁾ Такъ объясняетъ слово тим-па Jäschke; монг. текстъ не согласенъ, но одно слово въ немъ неясно мнѣ; общій смыслъ (по догадкѣ): украшенную каймой изъ шелковой матеріи.

То, что я ѣмъ всякое попавшееся пропитаніе,
 Есть знакъ счастливаго состоянія (въ зависимости) отъ немѣнія ¹⁾ страстей.
 Постоянное прилежаніе къ ученію
 Есть великое рвеніе къ Юга.

На эти его слова охотникъ сказалъ: «Ахъ, лама! если такъ, то ты весьма замѣчательнъ. Я отъ (чистаго) сердца буду упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности) и потому, передавши (твое) наставленіе семейству и захвативши «пропитаніе вѣры» ²⁾, быстро приду. (Ты) посиди здѣсь». На эту его просьбу Мила-райба сказалъ: «Если ты отъ (чистаго) сердца будешь упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности), то (тебѣ) нѣтъ смысла встрѣчаться съ семействомъ. Упражняющемуся, перенося страданія, въ ученіи отдѣльное «духовное пропитаніе» не требуется. (Вѣдь есть) достаточное количество древесныхъ плодовъ и ягодъ. Такъ какъ опасно, что при неизвѣстности, въ жизни человѣка, времени смерти (букв. когда умрешь), эта (твоя) прекрасная мысль перемѣнится, то теперь посиди здѣсь. Прежде чѣмъ ты передашь наставленіе семейству, я тебѣ самому дамъ наставленіе. Выслушай его!» Затѣмъ онъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Поэтому слушай и вникай, охотникъ!
 Звукъ грома, хотя и силенъ, есть пустой звукъ.
 Цвѣты радуги, хотя и прекрасны, быстро исчезаютъ (обращаются въ ничто).
 Міръ, хотя и веселъ, подобенъ сновидѣнію.

* * *

Страсти, хотя и упоительны,—причина грѣховъ.
 Все составное, хотя какъ будто и вѣчно, быстро уничтожается.
 Благосостояніе, бывшее на дняхъ (вчера), не продолжительно.
 Человѣкъ, бывший въ прошедшемъ году, умираетъ въ этомъ году.

* * *

Другъ, бывший хорошимъ, дѣлается врагомъ.
 Пища, которую ѣли съ пользою, обращается въ ядъ.
 Тѣ, которыхъ поддерживали благодѣяніями, (становятся) очень наглы.
 Грѣхъ, сдѣланный самимъ (тобою, тебѣ) самому и вредитъ.

* * *

Ты изъ сотни (множества) головъ дорожишь своей головой;
 Который ты ни отрѣзалъ бы изъ десяти пальцевъ, все равно является жгучая боль.
 Изъ множества людей ты дорожишь самимъ.
 Настало время тебѣ быть самостоятельнымъ.

* * *

Эта (твоя) жизнь не вѣчна и быстро умрешь.
 Въ дѣлѣ вѣры нельзя отступать.

¹⁾ Тибет. малости.

²⁾ Т. е. провіантъ, данный изъ религіозныхъ побужденій духовному.

Собранное со скупостью не умножается
И вообще есть клятва (обѣтъ) Дакни.
Поэтому отбрось мысль (заботы) о пищѣ и одеждѣ,
Поэтому сознательно отвергни эту жизнь.

Когда онъ такъ сказалъ, охотникъ, достигшій высшей степени пониманія вслѣдствіе того, что (Мила-райба) далъ ему возможность созерцать всѣ посвященія и наставленія, сдѣлался однимъ изъ его духовныхъ дѣтей, называемыхъ Райба. Сука же и изюбрь отнынѣ впредь избавились отъ страданій дурныхъ перерожденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, что въ той пещерѣ (гдѣ сидѣлъ Мила-райба) и въ настоящее время находятся стрѣла и лукъ, поднесенные (ему) охотникомъ.

Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ¹⁾.

- 1) Глава съ тремя заглавіями, означающими одно и то же: а) шесть бесѣдъ ламы по поводу царя демоновъ Бхинаяка или в) (монг. чуанглунъ) съ красной скалой, или с) собраніе топлива Мила-райбой.
- 2)
- 3) Снѣжная гора.
- 4) Обращеніе святымъ Мила-райбой жадничавшей женщины Ракшаса на скалѣ Линъва.
- 5) О живущихъ въ (царствѣ) Рагма, каждый отдѣльно вернувшихся домой (первая глава).
- 6) Небесный замокъ (рЦзонъ) рКьянъ-П'анъ (Чанъ-пань).
- 7) Снѣжная гора Гол-мо.
- 8) Небесныя дѣвы, обратившіяся въ горлицъ; отсюда и выше вообще «введеніе въ таинство «не-людей» (Амануша)».
- 9) Алмазный замокъ Браг-сКья (Чжаг-ча, Дак-ча), первая глава.
- 10) Встрѣча съ Мила-райбой (духовнаго сына).
- 11) Встрѣча съ (сдѣлавшимся ученикомъ) рЦза-П'у-райбой.
- 12) Встрѣча съ духовнымъ сыномъ Санс-рГьяс (Санъчжай)-сКьявс (Чав).
- 13) Оказаніе состраданія духовному Ша-гі-я (тиб. Шаг-гу) въ пещерѣ, (находящейся) въ гНья-нам'ѣ.
- 14) Встрѣча въ пещерѣ гЧжунъ-ги-ганъ-ба-сЛе-гСум съ дѣвицей дБал-дар-аБум изъ числа 4-хъ сестеръ—ученицъ Мила-райбы.
- 15) Встрѣча съ Се-банъ-райбой въ сѣверной гостинницѣ Га-ра-к'а-че.
- 16) Встрѣча съ аБри-бсГом-райбой на горѣ рГьял-цзи-Шри.
- 17) Встрѣча съ успокоившимся (отдыхающимъ) Райбой вблизи серебрянаго субургана.

¹⁾ По черновому перечню, составленному наскоро, безъ ознакомленія съ содержаніемъ главъ. Оставшіяся неразобранными мѣста означены точками.

- 48) Гора Бонь-бо.
 49) Посвященіе и успокоеніе.
 50) гШень-рДор-мо и Легс-сеу-аБум (двѣ женщины).
 51) Исправленіе теченія (постепеннаго наступленія) смерти.
 52) Пещера укрощенія шимнусовъ и, отправившись освѣжиться, воспѣваніе вина.
 53) Пещера Рам-сДингс (Динь)-гНам.
 54) Рас-чунъ отправляется въ дВуй (Средній Тибетъ).
 55) Переваль Т'онь-ла.
 56) Выпрямленіе духа (секты) Боньбо кровомъ милосердія и утвержденіе дѣвицы Бета въ бодхи (святости).
 57) Наставленіе гНьянамскимъ хозяйкамъ относительно хвоста (нижней части туловища).
 58) Медикъ гЯнь-нге.
 59) Вторичное отправленіе Рас-чуна въ дВуй.
 60) бКра-пис (Чжа-шій)-рЦзэгс.
 61) мЦзэс-се, Кью-бьюг (Чю-чжюг) и прочія Брисьскія хозяйки.
 62) Отвѣты тарниста (изучающаго тарни).
 63) Ученики показали чудесное приобрѣтеніе тѣла, порождающаго блаженство (т. е. дающаго состояніе постояннаго блаженства), или различ. . . .
- Въ монгольскомъ перенумеровано 52 главы, остальные вновь переведены и включены послѣ.

Мы помѣстили здѣсь переведенную А. О. Ивановскимъ одну главу изъ повѣсти о Мила-райбѣ, чтобъ доставить читателю возможность сравнить ее съ записанными нами разсказами монголовъ о Меле бурханѣ. Отъ Сантань-джимбы я слышалъ, что въ тибетской литературѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ Мила-райба строилъ городъ или храмъ. Въ повѣсти, изъ которой переведена для насъ А. О. Ивановскимъ помѣщенная выше глава, повидимому этого эпизода нѣтъ; по крайней мѣрѣ въ приложенномъ къ переводу перечнѣ главъ повѣсти нѣтъ ни одного заглавія, въ которомъ можно было бы увидѣть указаніе на подобную тему. Но такой разсказъ существуетъ и переданъ намъ въ слѣдующемъ свободномъ пересказѣ бурятомъ И. В. Вамбоцэ-реновымъ.

Кто-то подмѣнилъ у Мила-райбы его книги другими, книгами черно книжниковъ. Мила-райба началъ читать эти книги и самъ сдѣлался черно книжникомъ. Онъ сталъ посредствомъ вычитанныхъ чаръ навлекать на хлѣбныя поля грозу и очень вредилъ людямъ. Однажды онъ зашелъ къ бѣдной старухѣ и засталъ ее плачущею. На разспросы, почему она плачетъ, она сказала, что боится Мила-райбы, какъ бы онъ не истребилъ ея посѣвъ; тогда она останется безъ хлѣба. Мила-райба попросилъ ее начертить очертаніе ея поля; она начертила треугольникъ; Мила-райба прикрылъ чертежъ чашкой; чашка оказалась не достаточно великой и углы треугольника остались открытыми. Послѣ этого Мила-райба призвалъ грозу и градъ избилъ поля, но участокъ старухи уцѣлѣлъ; побиты были только углы поля, соответствовавшіе не покрытымъ чашкою угламъ начерченнаго треугольника.

Потомъ Мила-райба попалъ къ учителю, который, хотя былъ женатъ, но велъ строгую жизнь. Учитель, не приступивъ къ обученію и не показывая ему ничего, сразу наложилъ на него задачу выстроить храмъ, при чемъ Мила-райба долженъ работать безъ помощниковъ, самъ долженъ на себѣ носить весь нужный матеріалъ. Мила-райба принялся строить; собралъ камни,

II.

Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году¹⁾.

1. Три брата.

Въ древнее время были три брата. Однажды одинъ изъ этихъ братьевъ укралъ изъ чужого табуна сорокъ головъ лошадей и принесъ ихъ въ сжатомъ кулакѣ. Другой братъ волосами своей бороды прокормилъ этихъ лошадей одинъ мѣсяць. Наконецъ, когда явился хозяинъ этихъ лошадей, то третій братъ, закрывъ этихъ лошадей своей шапкой, укрылъ ихъ отъ глазъ хозяина.

Кто скажетъ, кулакъ больше всѣхъ, тотъ счастливъ на добычу; кто скажетъ борода больше всѣхъ, у того ротъ счастливъ, а кто скажетъ шапка больше всѣхъ, тотъ счастливъ на одежду.

2. Долонъ бурхынъ (созвѣздіе Б. Медвѣдица).

Въ древнее время въ одномъ семействѣ родился сынъ, у котораго впослѣдствіи выросли на головѣ два рога и сдѣлался онъ человѣкомъ, обладающимъ необыкновенной силой, за что отецъ и мать его прогнали. Онъ, прогнанный родителями, идетъ куда глядятъ его глаза. Однажды въ лѣсу встрѣчаетъ онъ чернаго по цвѣту кожи человѣка и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Тотъ отвѣчаетъ: «Я тарба, родившійся отъ лѣсу». «Ты пойдешь вмѣстѣ со мною?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ оба дальше. Находится гора и на этой горѣ опять встрѣчается человѣкъ. «Ты кто такой?» спрашиваетъ человѣкъ съ рогами. «Я тарба, родившійся отъ горы», отвѣчаетъ тотъ. «Ты съ нами пойдешь?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ дальше всѣ трое вмѣстѣ. Стоитъ гора и около горы находится жилище людское. Забравшись въ это жилище, они рѣшили на время остановиться тутъ.

¹⁾ Эти сказки были записаны для меня въ Ургѣ однимъ грамотнымъ монголомъ помонгольски. Переводъ сдѣланъ г. Вамбоцэрэновымъ.

спустить веревку и вытащить оттуда его самого, но товарищамъ, соблазненнымъ драгоценностями, приходитъ въ голову худая мысль и они оставляютъ его (т. е. человѣка съ рогами) на днѣ подземельной глубины. Человѣкъ съ телячьей головой сидитъ тамъ одинъ. Между тѣмъ спускаются сверху къ нему въ отверстіе лукъ и стрѣла. Онъ осмотрѣлъ ихъ; оказывается, что это лукъ и стрѣла Хормусты-Тэнгри. Обрадовавшись этому, человѣкъ съ рогами начинаетъ молиться. Узнавъ это и желая спасти его, Хормуста-хаганъ спускаетъ къ нему внизъ желѣзную лѣстницу и по ней достаетъ его на верхъ. Коровья голова, подъявшись на небо, славится тамъ за человѣка съ необыкновенной силой. Между тѣмъ черный и бѣлый порозы тэнгриевъ Эсрунь, поссорившись между собою, вступаютъ въ борьбу. Не находится ни одного человѣка, который бы могъ ихъ разнять. Тогда Хормуста-тэнгри говоритъ человѣку съ коровьей головой: «Уйми черного пороза». Человѣкъ съ коровьей головой, ставъ передъ чернымъ порозомъ, стрѣляетъ изъ лука ему въ лобъ и голова пороза распадается на двѣ части. Хормуста-хаганъ весьма обрадовался и говоритъ: «Ну, ты великій человѣкъ! отправляйся внизъ въ страну шимнусовъ; тамъ на головѣ царя-шимнуса торчитъ наша одна стрѣла; ты посмотри и втолкай ее поглубже; я тебя щедро вознагражу». Человѣкъ съ коровьей головой, спустившись внизъ, подходитъ къ воротамъ царя-шимнуса и стучится. Выходитъ за ворота женщина съ пылающимъ изъ рта ея огнемъ и спрашиваетъ: чего надо? Коровья голова отвѣчаетъ: «я врачъ». «Въ такомъ случаѣ войди!» говоритъ женщина. Коровья голова входитъ. Царь шимнусовъ лежитъ, а на головѣ его торчитъ стрѣла Хормусты-хагана. Человѣкъ съ коровьей головой пробуетъ вынуть стрѣлу. Царь шимнусовъ говоритъ: «Ахъ, какъ хорошо!» Тогда коровья голова, помолвившись въ душѣ Хормуста-хагану, вталкиваетъ стрѣлу въ голову царя-шимнуса и самъ поскорѣе поднимается вверхъ. Но жена шимнуса выдаетъ вслѣдъ ему желѣзную колотушку, которая, попавъ въ него, раздробляетъ его на семь частей. Царь Хормуста, изъ вниманія къ заслугамъ его, изъ этихъ семи его частей образовалъ «Семь Бурхановъ» (долонъ бурхынъ).

3. Два брата.

Въ глубокой древности въ одно время былъ одинъ богатый человѣкъ. Имѣлъ онъ двухъ сыновей. Однаждъ старикъ этотъ, призвавъ къ себѣ двухъ своихъ сыновей, говоритъ: «Я вамъ хочу слово сказать, года мои уходятъ, приближается уже смерть, я долженъ раздѣлить вамъ наслѣдство. Одинъ изъ васъ пусть возьметъ домъ, скоть и все тому подобное, а одинъ пусть возьметъ мой обдись» (таинственную силу). Тогда старшій сынъ говоритъ: «Я возьму домъ, скоть и прочее», а другой младшій сынъ говоритъ: «я возьму обдись». Потомъ черезъ нѣкоторое время старикъ умираетъ. Старшій сынъ беретъ себѣ все имущество старика, домъ, скоть и проч. Младшему сыну старикъ при жизни говорилъ слѣдующее: «Сынъ мой! прежде чѣмъ дѣлать что нибудь, каждый разъ предварительно спрашивай самого стараго человѣка». И больше ничего не говорилъ. И вотъ младшій сынъ, которому старшій

связываетъ ему все. Старецъ говоритъ: «Ну, ты завтра утромъ отправляйся къ тому человѣку и заставь его найти и доставить тебѣ сапоги». Младшій сынъ, разыскавъ того человѣка, достаетъ черезъ него сапоги и вмѣстѣ съ ними является къ старику. Старикъ говоритъ: «Ты, взявъ эти сапоги, отправляйся къ царицѣ». Младшій сынъ доставляетъ царицѣ сапоги и дѣлается царемъ. Сдѣлавшись царемъ, онъ долгое время жилъ въ блаженствѣ, между тѣмъ отъ одной изъ его супругъ родился сынъ съ золотымъ передомъ и серебрянымъ задомъ (съ золотою грудью и серебряною задницею). Сынъ этотъ въ настоящее время носитъ названіе Гэри-тэнгри-сайнь-цаганъ-нойонъ и обитаетъ на сѣверо-западѣ вмѣстѣ съ Бисманъ-тэнгриемъ. Сила и могущество его, говорятъ, были невыразимыя.

4. Огромная корова (ихэ ухуръ).

Въ древнее время былъ нѣкій большой городъ подъ названіемъ Варанаса ¹⁾. Въ томъ городѣ была одна огромнѣйшая корова; на головѣ ея было одно стойбище, обитатели котораго постоянно слышали, какъ дышала корова. На спинѣ ея противъ почекъ было другое стойбище. Отъ одного стойбища до другого разстояніе равнялось двадцати днямъ ѣзды на лошади. Было еще одно стойбище на спинѣ около хвоста этой коровы, обитатели котораго слѣдили за ея испражненіемъ. Въ одно время корова эта издохла. Одинъ старикъ изъ того улуса (хотона), пасшій возловъ (ямановъ), лежалъ въ степи на спинѣ. Въ это время одна птица, несшая въ своемъ клювѣ лопатку издохшей коровы, какъ-то выронила ее изъ клюва. Лопатка попала въ глазъ старика. Старикъ, вытащивъ кость, положилъ на землю и ушелъ. Потомъ одно войско въ тысячу человѣкъ, слѣдовавшее черезъ эту кость, остановилось на ней обѣдать. Въ это время подходитъ лисица и уноситъ кость вмѣстѣ съ находившимся на ней войскомъ. Теперь нужно разгадать, что больше: кость коровы или глазъ старика, или лисица?

Кто скажетъ корова больше всѣхъ, того надо причислить къ глупымъ, кто скажетъ глазъ старика больше всѣхъ, того надо считать человѣкомъ степеннымъ. Кто скажетъ сила лисицы больше всѣхъ, тотъ долженъ считаться человѣкомъ, умѣющимъ искусно обдѣлывать свои дѣла.

¹⁾ Бенаресъ.

на него верблюженка и потомъ, сѣвъ на него же и самъ, хотѣлъ пуститься въ море, чтобы перебрести обратно на эту сторону, но верблюдъ не поднимаетъ; тогда я взвалилъ верблюда на верблюженку и сѣлъ на него самъ. Такимъ образомъ переплылъ я черезъ море на верблюженкѣ лучше, чѣмъ на верблюдѣ. Приѣзжаю къ остальнымъ верблюдамъ, ихъ не оказывается. Опять поднимаюсь на гору, гора не поднимаетъ, разрушается; сталъ тогда опять на стебель сараны, стебель поднимаетъ хорошо и высоко, такъ что я безъ затрудненія увидалъ своихъ верблюдовъ, но увидалъ ихъ на небѣ. Думаю себѣ, какъ бы подняться на небо, и вдругъ смотрю, изъ одной юрты идетъ прямо на небо дымъ. Я побѣжалъ и, подпарившись къ дыму, поднялся на небо. На небѣ шло большое пиршество; я напился вина до пьяна и свалился. Когда пробудился, оказалось, что верблюдовъ моихъ сѣли тамошнія мухи. Мухи тамъ громадныя, далеко больше нашихъ верблюдовъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только спуститься обратно, но какъ спуститься, это представилось для меня трудной задачей. Тѣмъ не менѣе я не сталъ долго думать, убилъ нѣсколько мухъ, содралъ съ нихъ шкуры, разрѣзалъ шкуры на ремешки, сплелъ изъ ремешковъ веревку, привязалъ одинъ конецъ веревки за дерево и затѣмъ по веревкѣ сталъ спускаться. Спустился какъ разъ до половины разстоянія отъ неба до земли и тутъ къ горю моему веревка моя кончилась. Подняться обратно не могу, спуститься внизъ боюсь. Дунеть вѣтеръ съ сѣвера, увлекаетъ меня на югъ, дунеть съ юга, увлекаетъ меня на сѣверъ, дунеть съ запада, увлекаетъ на востокъ, дунеть съ востока, увлекаетъ на западъ; и такимъ образомъ провелъ я тамъ три года. Наконецъ мнѣ надоѣло, рѣшилъ выпустить изъ рукъ веревку и спуститься, куда судьба укажетъ. Веревку выпустилъ, лечу внизъ и ушелъ въ землю какъ разъ по уши. Вылѣзти нѣтъ никакой возможности; проходитъ годъ, другой и идетъ третій, все стою. Въ первый годъ птицы стали вить гнѣздо на моей головѣ въ основаніи косы, нанесли яйца и,—выростивъ птенцовъ, улетають. На другой годъ въ правомъ ухѣ моемъ оценилась лисица и,—выростивъ своихъ лисинятъ, уходитъ. Въ то время какъ ей идти, я едва высунувшимися руками хватаю ее за хвостъ; она какъ дернетъ, я отпустилъ хвостъ, но тѣмъ не менѣе немного высунулся изъ земли. На третій годъ приходитъ волчица и щенится въ лѣвомъ моемъ ухѣ. Въ то время какъ ей идти съ волчатами, я взялъ ее за хвостъ; она стала кидаться въ сторону отъ меня, но я хвоста ея не выпускаю изъ рукъ. Волкъ тянулъ, тянулъ и наконецъ вытащилъ меня изъ земли. Въ этотъ самый моментъ съ хвоста волка сдернулась шкура мѣшечкомъ и въ этомъ мѣшечкѣ оказалась росписка, данная тобою отцу моему, что ты ему долженъ 300 рублей. Вотъ я и пришелъ предъявить тебѣ эту росписку и потребовать уплаты денегъ». Когда онъ это сказалъ, старикъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Врешь!» Тогда младшій братъ сдираетъ со спины старика кожу на три ремешка, привязываетъ къ дереву, а потомъ, развязавъ братьевъ и взявъ огня, уходитъ въ свой таборъ.

Записалъ по памяти И. В. Вамбоцэрэновъ.

Для сравненія съ этой сказкой хоринскихъ бурятъ я помѣщаю здѣсь киргизскую, записанную г. Бигловымъ со словъ киргиза, прїѣхавшаго въ Петербургъ съ г. Ибрагимовымъ повидимому изъ Туркестана. Сказка называется: «Тридцать словъ вранья», отусъ аузь утрыкъ.

У одного хана была красавица дочь. Онъ обѣщалъ выдать ее замужъ за того, кто сумѣетъ искусно соврать тридцать разъ; а кто, взявшись за это, не сумѣетъ соврать тридцать разъ, тому будетъ отрублена голова.

Много охотниковъ до ханской дочери заплатились своими головами. Однажды пришелъ къ хану купеческій сынъ и заявилъ, что онъ можетъ соврать тридцать разъ, и началъ такъ.

«Когда я былъ еще во чревѣ своей матери, я пасъ стада своего прадѣда; разъ, повѣряя стада, я замѣтилъ, что нѣтъ одной пѣгой кобылы. Осмотрѣвшись кругомъ, я нигдѣ ея не увидѣлъ. Я поднялся на гору, но и тогда нигдѣ ея не увидѣлъ. Я сѣлъ на лошадь, но и съ лошади ничего не увидѣлъ. Тогда я поставилъ на сѣдло «курукъ» (укручину), влѣзъ на него; все-таки ничего не увидѣлъ. Я воткнулъ въ конецъ «курука» ножъ и взобрался на него, и тогда я увидѣлъ свою пѣгую кобылу на берегу безбрежнаго моря; она собиралась ожеребиться. Я сѣлъ на свою лошадь и поплылъ черезъ море. На срединѣ моря моя лошадь устала; тогда я пересѣлъ на «курукъ», а лошадь взвалилъ себѣ на спину; такимъ образомъ я переплылъ черезъ море. Смотрю, жеребенокъ уже прыгаетъ черезъ свою мать; при мнѣ онъ перепрыгнулъ черезъ нее три раза въ одну сторону и три раза въ другую. Сѣлъ я на этого жеребенка и погналъ лошадей передъ собой. На дорогѣ я встрѣтилъ холостую зайчиху, которая только что родила зайченка. Этого маленькаго зайченка я убилъ и изъ его внутренностей вышло девять пудовъ сала; сѣлъ я его мясо, а саломъ зашилъ. Поѣвши, я захотѣлъ немного соснуть. Ложась спать, я одинъ сапогъ положилъ около себя съ боку, а другой подъ голову. Просыпаюсь, хочу надѣть сапоги, но того сапога, что сбоку лежалъ, нѣтъ; ищу, нигдѣ найти не могу. Спрашиваю у оставшагося сапога: «гдѣ твой товарищъ?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Когда ты поѣлъ заячьего мяса и попилъ сала, то сальныя руки вытеръ объ меня; а когда руки уже вымылъ, то мокрыя руки обтеръ объ моего товарища; онъ на тебя за это разсердился и убѣжалъ». Я одѣлъ оставшійся сапогъ и погнался за убѣжавшимъ. На дорогѣ мнѣ захотѣлось пить; подошелъ къ колодезю; не чѣмъ было достать воды. Тогда я отрубилъ голову и бросилъ ее въ колодезь, чтобы она сама тамъ напилась. Иду дальше; вижу—впереди ауль; въ немъ пиръ и много народу. Слышу—смѣются и говорятъ, указывая на меня: «Смотрите, вотъ человѣкъ безъ головы и въ одномъ сапогѣ на обѣ ноги!» Тутъ я вспомнилъ, что голову то я вабылъ въ колодезѣ. Побѣжалъ обратно къ колодезю, досталъ голову, поставилъ ее на ея мѣсто и снова пришелъ въ ауль. Въ аулѣ мой сапогъ ходитъ между гостями и разноситъ блюда. Увидѣвъ меня, онъ испугался, уронилъ блюдо, разбилъ его и убѣжалъ къ хозяину. Я пошелъ за нимъ и объяснилъ хозяину, что это мой сапогъ, убѣжавшій отъ меня; хозяинъ возвратилъ мнѣ мой сапогъ и я возвратился къ своему табуу».

За этотъ рассказъ ханъ выдалъ за купеческаго сына свою дочь, потому что послѣдній сумѣлъ искусно соврать тридцать разъ.

IV.

Дополненія къ примѣчаніямъ.

I. Къ стр. 112. Легенда о горѣ-веретенѣ разсказана была П. Золотовымъ въ «Иллюстраціи» 1846 г., № 25, стр. 330. Горная гряда Кушъ-журунь отдѣляется отъ Тарбагатайскаго хребта на сѣверъ; одна изъ отдѣльныхъ сопокъ этой гряды стоитъ отдѣльно на берегу р. Бугаса; туземцы называютъ ее Бюръ-тастаганъ, «воткнутое веретено»¹⁾. Легенда: на Тарбагатаѣ жила молодая волшебница Билючи; какъ весеннее солнце блещетъ на вершинѣ *Смѣжнаго хребта* (курсивъ въ подлинникѣ)²⁾, такъ она сіяла красотой. Многочисленныя стада ея паслись вокругъ; ихъ не тревожили ни волки, ни воры. Но однажды появился волкъ и испугалъ стадо. Билючи увидѣла его; она въ это время прядла. Она бросила въ волка веретеномъ, которое поразило хищника, хотя до Бугаса отъ Тарбагатая день доброй ѣзды, и окаменѣло, глубоко воткнутое въ песчаный берегъ Бугаса.

II. Къ стр. 116. Одинъ изъ эпизодовъ бурятскаго сказанія о Гэсерѣ, не вошедшій въ это изданіе, именно о борьбѣ Гэсера съ Лобсогоемъ и съ женщиной Монсъ-хара, записанъ о. Затопляевымъ и помѣщенъ въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, вып. 2, стр. 20 и слѣд.

III. Къ стр. 123. Къ приведеннымъ примѣрамъ двойнаго одновременнаго настроенія можно присоединить еще одинъ изъ Алтайск. Словаря Вербицкаго (Казань, 1884, стр. 225): «въ тотъ день мы утромъ пѣли, а вечеромъ плакали».

IV. Къ стр. 178, къ сказкѣ: «Тенекъ-ху». Киргизскій разсказъ о перекатиполе, по-киргизски камбакъ (вм. монгольскаго хамхакъ), сообщенный мнѣ студентомъ-киргизомъ г. Саматовымъ: Джанибекъ-ханъ имѣлъ при себѣ мудреца Джиренше-шешена; онъ посылалъ его узнать, куда катится камбакъ. Джиренше-шешень съѣздилъ и привезъ отвѣтъ хану:

Кушеримди жел блсен
Кунарымди сай блсен
Сауарга бим жок
Кушерге тюем. жок

«Про то вѣтеръ знаетъ, куда я кочую, про то оврагъ знаетъ, гдѣ я ночую; доить молоко—у меня кобылы нѣтъ, перекочевывать,—у меня верблюдовъ нѣтъ». Конечно у него никакого разговора съ камбакомъ не было; Джиренше-шешень самъ придумалъ этотъ отвѣтъ; онъ мудрый былъ.

V. Къ стр. 210. Въ моемъ примѣчаніи недосмотръ; сравненія гудѣнія стрѣлы съ паденіемъ веретена въ разсказѣ о женѣ (Лутусы № 67, Ванъ-моръ) нѣтъ, но разсказъ сходенъ въ томъ, что мужъ начинаетъ подоврѣвать опасность и жена успокоиваетъ его лживыми словами. Вере-

¹⁾ Веретено по-киргизски и къ Тастаганъ причастіе отъ киргизскаго глагола таста, кидать, метать; бюръ не понятно.

²⁾ Вѣроятно Мусъ-тау (или Сауръ). Эта подробность, кажется, должна быть вѣдѣна киргизскому подлиннику.

XI. Къ стр. 278. Копенъ говоритъ, что монголы имя знаменитаго тибетскаго царя Срон-цзонъ-гамбо, что значить: «прямой (открытый) мудрый князь», переводятъ Berke Schidurgho taelgen khan (Körpen, Die Religion des Buddha, В. II, S. 53).

XII. Къ стр. 283, къ сказанію о Дайнъ-теръхе. Разсказъ старика ламы въ монастырѣ Амуръ-байскыльнъ: Дайнъ-теръхе былъ гадзыренъ-сапдыкъ (духъ мѣстности) въ западной землѣ и очень вредилъ людямъ; одинъ богдо погналъ его; достигнувъ до караульной линіи (проходящей вдоль хребта Танну-ола), Дайнъ-теръхе обратился въ камень. Онъ знаетъ всѣ думы людей.

XIII. Къ стр. 298, къ преданію о развалинахъ города Боро-балгасуна. Монголы, живущіе около этихъ развалинъ, разсказываютъ, что въ нихъ находятъ кувшины и жернова, или круподерные камни, всегда опрокинутыми; нижній жерновъ сверху, верхній снизу; кувшинъ дномъ кверху. Много выкапываютъ человѣческихъ костей. Однажды выкопали черепъ, который на видъ былъ—не человѣческій и не лошадиный и не коровій; рѣшили, что это черепъ самого осла-царя, посмотрѣли и бросили.

XIV. Къ стр. 299. Близъ Си-ванъ-цзе, резиденціи католическихъ миссіонеровъ около Калгана, по разсказу Сантанъ-джимбы, есть развалины города, который китайцы называютъ Эррланъ-ченъ; объ этомъ городѣ разсказываютъ, что въ немъ жилъ Ельдзигенъ-ханъ, «осель-царь».

XV. Къ стр. 307. Чойчжалъ, монг. Ерликъ, изображается часто держащимъ въ объятіяхъ женщину. Откровенность, съ которою представлены эти фигуры, не оставляютъ сомнѣнія, что художникъ имѣлъ въ виду сцену въ родѣ эпивода изъ жизни ханьши, матери Джанибека, встрѣтившейся съ осломъ (по иссыкъ кульской легендѣ).

XVI. Къ стр. 311. Въ примѣчаніи къ № 80 опечатка; сказано что кэрэксурь, по показанію одного халхасца, сложилъ народъ Цаганъ-баргутъ; слѣдовало напечатать: Цаганъ-баргунъ.

XVII. Къ стр. 311. Г. Дуброва, описавшій свою поѣздку въ сѣвероазиатную Монголію въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общества (т. XV, № 1—2, стр. 11), говоритъ, что остатки древности монголы называютъ кергесе чило, «камни (народа) кергесъ», и что у бурятъ они извѣстны подъ именемъ хатышъ хуре, «китайскихъ дворовъ» (тутъ, кажется, опечатка). Они по народному преданію принадлежатъ незнакомому народу кергесъ, который былъ богатъ серебромъ и золотомъ. Пришелъ народъ съ сѣвера малаго роста, но съ ушами до земли, прогналъ кергесовъ и овладѣлъ ихъ серебромъ. Эти ушастые жили на сѣверѣ и были заключены какимъ-то ханомъ, по однимъ Чингисъ-ханомъ, по другимъ Делгиръ-ханомъ, между скалъ Алтанъ-мундурга (т. е. Саянскаго хребта по объясненію г. Дубровы, вѣроятно заимствованному у разсказчика) и завалены камнями; но ушастые не погибли; они проливали камни, вышли и начали опустошеніе земли кергесовъ. Какой-то богатырь (потомокъ Гесэръ-хана) спасъ людей отъ конечнаго истребленія и вновь заключилъ ушастый народъ въ пещерахъ горъ. Но, можетъ быть, придетъ пора, когда ушастый народъ вновь пролижетъ стѣны своей темницы и нападетъ на людей.

О горѣ Мундурганъ есть слѣдующія замѣтки г. Черскаго (Изв. Вост. Сиб. Отд., т. XII, № 4—5, стр. 65). На картѣ Гумбольдта гора Mondorgon-oola помѣщена на мѣстѣ бѣлка Мунко-сардыка. Г. Черскому пришлось слышать о горѣ Мундурганъ, «очень высокой», даже «самой высокой» горѣ, которая будто бы находится въ Тункинскомъ краѣ, но сами тункинскіе буряты этого не знаютъ. Черскій слышалъ о ней отъ онгуренскихъ бурятъ. Далѣе онъ узналъ, что Мундурганъ принадлежитъ къ священнымъ мѣстамъ бурятъ, упоминаемымъ въ шаманскихъ рѣчахъ, какъ мѣстность, связанная съ походами Буха-ноина; рядомъ упоминается и Хухэй (спаривается Мундурганъ-хухэй). Хухэй, русское Кукой, находится въ Торской долині (въ Тункѣ); въ предѣлахъ же Кукойскаго улуса находится священное мѣсто Саганъ-шулуунъ, мѣсто окаменѣнія Буха-ноина. По мнѣнію г. Черскаго, это и есть Мундурганъ.

Въ Очеркахъ, IV, 126, записано одинокое показаніе, что бѣлокъ Мунко-сардыкъ въ старину назывался Долонъ-Мундурго, «семь мундурго». Въ сказаніи аларскихъ бурятъ о Буха-ноинѣ, записанномъ о. Затопляевымъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 115) тэнгриевъ сынъ, «сынъ неба», послѣ походовъ на землѣ, ушелъ на гору Мундурга; вмѣстѣ съ нимъ на девяти холмахъ горы Мундурга поселился и порозъ Бухо-ноенъ-бабай.

Приуроченіе имени Мундурганъ къ бѣлку въ вершинахъ Иркуты, можетъ быть, параллельно тому, какъ на землѣ указываются Алтынъ-хатасыны (см. выше, стр. 331). Тема о (добровольномъ) окаменѣніи приводитъ насъ къ темамъ о Кала-жэмбырѣ (выше, стр. 126) и о добровольно улегшемся въ могилу Акъ-кобока, который долженъ бы воскреснуть по истеченіи срока, но

не воскресъ, преждевременно потревоженный въ могилѣ; Чандрагоминъ (см. выше, стр. 246), также добровольно похоронившійся, былъ счастливѣе.

Городища въ Иркутск. губ. буряты приписываютъ китайцамъ и называютъ ихъ «китайскими дворами»¹⁾, а горшковидныя углубленія въ скалѣ въ мѣстности Каргой «китайскими ступками», въ которыхъ китайцы будто бы толкли просо; Агапитовъ, «Прибайкальск. древности» (въ Изв. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XII, № 4—5, стр. 9). Въ Забайкальи такъ называемые «маяки», т. е. древнія могилы, обставленныя торчмя стоящими плитами, буряты агинскіе и въ долинѣ Уды называютъ косо́ или ко́го.

XVIII. Къ стр. 317. Г. Логиновскимъ доставлена мнѣ слѣдующая замѣтка о возвращеніяхъ тунгусовъ нерчинскаго округа на природу. Предѣломъ плоской поверхности земли служить море; солнце и луна скрываются, первое въ ночное время, вторая днемъ, за предѣлами земли, т. е. въ морѣ. Оттого ночью, когда солнце находится погруженнымъ въ море, вода бываетъ теплѣе, а земля холоднѣе; днемъ же бываетъ наоборотъ. Когда-то давно на берегу моря стояла хижина, въ которой жила вдова съ своей дочерью. Однажды мать передъ солнцезакатомъ отправили свою дочь къ морю за водой. Дѣвица взяла ведро и деревянный ковшъ и пошла. Прийдя къ морю, она залюбовалась на него и забыла, зачѣмъ пришла. Мать, прождавши дочь долго, вышла изъ терѣбнѣя, выбѣжала изъ хижины и стала ругать дочь и говорить: «Что, чортъ тебя забралъ, что ли»? И крикнула дочь по имени. Водяной царь, услышавъ имя дочери, схватилъ ее и поволокъ въ воду. Ведро осталось на берегу, а ковшъ у дѣвицы въ рукахъ. Между водянымъ и дѣвицей началась борьба. Мѣсяцъ въ это время уже поднимался изъ воды, чтобы совершить свой путь по небу. Когда онъ подплылъ къ дѣвицѣ, она схватилась свободной рукой за кустъ, который растетъ на мѣсяцѣ. Мѣсяцъ продолжалъ подниматься все выше и выше, а дѣвица не выпускала изъ руки куста; такимъ образомъ мѣсяцъ поднималъ ее. Тунгусы говорятъ, что и теперь на мѣсяцѣ стоитъ кустъ, а за кустъ держится дѣвица съ ковшомъ, которую онъ поднималъ. Помня этотъ несчастный случай, тунгусы запрещаютъ кликать по имени дѣвицы, ушедшихъ по воду.

XIX. Къ стр. 319. Г. Гондати приводитъ вогуличскую легенду о Б. Медвѣдицѣ. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ, почему его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда богъ Нуми послалъ одного богатыря наказать его. Богатырь Мосъ-хумъ погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ ему двѣ заднія ноги и бросилъ на землю; съ тѣхъ поръ у него стало четыре ноги, и онъ сдѣлался добычей человѣка; воспоминаніе же о шестиногомъ лосѣ осталось въ видѣ совѣдѣя Большой Медвѣдицы, а путь, по которому Мосъ-хумъ гналъ лоса, называется мосъ хумъ ѓза лонгха и есть не что иное, какъ Млечный путь (Труды Этн. Отд. И. Общ., люб. ест., антр. и этн. при моск. унив., кн. VIII, въ Изв. того же Общества, т. XLVIII, в. 2 (1888 г.), стр. 71).

XX. Къ стра. 324. Плеяды по осетински Чугѣйгѣр; въ Очеркахъ, IV, 730: Чехгѣр. Ср. о звѣздѣ Чигиръ у Востокова въ Описаніи рукописей Румянц. музея: «Сія бо звѣзда Чигиръ есть межъ всѣми звѣздами; еще кому ѣхати или ити куда или селитися смотри на которую сторону та звѣзда стоитъ» (стр. 15).

XXI. Къ стр. 32.. Собраніе на Плеядахъ. На горѣ Делгиръ-ханъ духи собираются въ известное время, «точно наши кievскія вѣдьмы на Лысой горѣ» (въ ст. Дубровы въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6 (1885), стр. 40).

XXII. Къ стр. 333. Міровое дерево у якутъ. Въ якутской сказкѣ «Юрюнгъ-уолаанъ», начало которой переведено г. Гороховымъ (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6, стр. 43) дерево улу аръ кудукъ масъ стоитъ на холмѣ, который, судя по контексту, находится на «пупѣ земли», на «тихомъ мѣстѣ»; вершина его проросла сквозь семислойное небо и служить здѣсь коновязью для Юрюнгъ-аи-тоена (высшаго якутскаго бога, имѣющаго сѣдалищемъ «молочный камень», ють-тасъ); корни дерева проникаютъ преисподнюю, гдѣ они служатъ столбами жилища существъ, имѣющихъ ротъ подъ кадыкомъ. Г. Гороховъ догадывается,

¹⁾ Г. Хангаловъ сообщилъ мнѣ, что городища балаганскіе буряты называютъ хитѣй хуре, «Китайскими дворами». Одно изъ нихъ находится на горѣ Удактай; тутъ лѣтъ 20 назадъ была найдена серебряная пластинка; другое на горѣ Зугѣй-улаанъ; тутъ лѣтъ 15 назадъ найденъ лоскутокъ сгнившей шелковой матеріи; третье на горѣ Тальхини-улаанъ; тутъ будто бы временно стоялъ Зугѣй-нойонъ, который угналъ жившихъ тутъ жителей въ Китай; жители, покидая родину, свои серебряныя вещи, завернувъ въ бересту, заложили въ ущелья.

что аръ значитъ вѣтвистый, потому что есть якутское слово арбагаръ, «растрепанный»; кудукъ г. Горохову совсѣмъ не понятно. Кудукъ ср. съ формами катаганъ, кодахъ, «коль» «гвоздь», приведенными выше на стр. 331; Полярная звѣзда, у агинскихъ бурятъ Алтанъ-гатыхъ или Алтанъ-гатысь. Если кудукъ есть второй членъ этого парнаго, то аръ стоитъ на мѣстѣ алтанъ, «золото».

Сюлюгяй по Горохову (ibid., стр. 59) въ родѣ живой воды, хотя «живая вода», эльбетъ менгю ута, особо упоминается. По объясненію якута-сказочника сюлюгяй «сокъ»; въ обыкновенной рѣчи не употребляется. Сюлюгяй Юрюнгъ-ай-тоена, величиной съ утиное яйцо, былъ спрятанъ въ ухѣ коня; богатырь и его конь поѣли его и помазались имъ и оправились отъ безсилія (ib., стр. 60); сестра умершаго брата испрашиваетъ у Юрюнгъ-ай-тоена сюлюгяй, мажетъ имъ трупъ и оживляетъ брата (ibid.).

XXIII. Къ стр. 335. Кромѣ указанныхъ на этой страницѣ горъ въ Монголіи я слышалъ еще о двухъ: 1) о горѣ Баянъ-Сумбуръ въ хребтѣ Гурбанъ-Сайханъ, къ ю. отъ р. Онгинъ-гола (см. Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXIII, стр. 20 отд. оттиска); 2) о горѣ Сюнбуръ, лежащей на дорогѣ съ Едвина на уроч. Борцовъ-цэргеле (см. тамъ же). Можетъ быть, то же имя слѣдуетъ видѣть и въ имени горы Сяври-богдо, которое произносится также Сябрѣ или Севиренъ-богдо. Эта гора находится въ гобійскомъ Алтайѣ къ западу отъ Гурбанъ-Сайхана. Второй членъ богдо показывается, что это одна изъ поклонныхъ горъ. О Сяври-богдо см. въ III части этого изданія.

XXIV. Къ стр. 336. Въ киргизской легендѣ, записанной г. Венюковымъ на Иссыкъ-кульѣ, покража мутовки приписана Кыргызбаю, предку иссыкъ-кульскихъ киргизъ. Кыргызбай былъ изгнанъ братьями изъ своего улуса, упрекавшими его неизвѣстнымъ происхожденіемъ (ср. о Бодончарѣ, предкѣ Чингисъ-хана), но онъ восторжествовалъ надъ ними, когда ему удалось украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду, символы первенства (Венюковъ, «Очерки Запалійскаго края», въ Запискахъ Геогр. Общ., 1861, кн. IV, стр. 104). Начало этой легенды ср. съ преданіемъ о предкѣ хотонскихъ хановъ Гельгенъ-пи (Очерки, II, 162). Въ преданіи зайсанскихъ киргизъ о Есекенъ-батырѣ, которое мы сближаемъ съ однимъ эпизодомъ изъ жизни Чингисъ-хана, также является имя Кыргызъ (см. Очерки, II, 149; прим., стр. 34; IV, 802).

XXV. Къ стр. 341. Арайанъ-коройонъ. У бурятъ употребляется выраженіе: аръялын хоялын, посредствомъ котораго изображается кипѣніе, наприм., булыкъ аръялын хоръялын байна, «ключъ кипитъ, бурлитъ». Отъ того же глагола, аръялху хоръялху, можетъ быть обрѣзано выраженіе аръян хоръян, которое не употребляется, но, будучи сказано, будетъ понято бурятами въ томъ же значеніи. (Сообщено хоринскими бурятами).

XXVI. Въ числѣ историческихъ преданій одно по ошибкѣ не помѣщено въ своемъ мѣстѣ. Въ то время какъ манджурскій князь усиливался, одинъ лама родомъ изъ Баджоу (въ Санъ-чуани) «посмотрѣлъ тюльку» (погадалъ по внутренностямъ) и сказалъ ему: «Часъ стать тебѣ ханомъ пришелъ! Слѣши!» И манджурскій князь сѣлъ на пекинскій престолъ подъ именемъ ...Чжасакчи. Ламѣ же этому далъ удѣлъ и сдѣлалъ его ваномъ. Этотъ лама-ванъ есть и теперь; онъ живетъ въ своемъ куренѣ къ сѣверовостоку отъ хошуна Карачинъ, въ провинціи Кванъ-дунъ¹⁾. его подчиненные называются куренъ-монголь. Надъ прахомъ перваго лама — вана въ Пекинѣ, поставленъ бѣлый субурганъ; онъ и теперь есть и извѣстенъ подъ именемъ Баджоу-ламани-субурга. Согласно постановленію ...Чжасакчи, когда лама-ванъ умретъ, на его мѣсто садятъ другого, непремѣнно родомъ изъ деревни Баджоу т. е. изъ Санъ-чуани (Рассказъ Сантанъ-джимбы).

XXVII. Другое не появившееся въ этотъ томъ преданіе — рассказъ объ Ундуръ-гэгэиѣ (собственно о Джибцаунъ-тамбѣ) помѣщенъ въ первомъ томѣ, въ III части, въ V главѣ при описаніи монастыря Амуръ-байсыхылынъ.

¹⁾ Гуанъ-дунъ (т. е. земля на востокъ отъ Шанъ-хай-гуани). одно изъ китайскихъ названій Манъ-чжурин. А. О. И.

V.

Примѣчанія А. О. Ивановскаго ¹⁾.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ произведеніе подъ заглавіемъ «Подвиги Богдо-гэсэръ-хана» въ письменной монгольской литературѣ, за исключеніемъ переведенныхъ съ тибетскаго буддійскихъ сочиненій, состоящей изъ самаго ничтожнаго количества сочиненій. Въ настоящее время, когда письменный монгольскій языкъ настолько отдѣлился отъ разговорнаго, что вся эта литература, очевидно, дѣлается вымирающей, если не мертвой ²⁾, чрезвычайно важно опредѣлить, существуютъ ли въ народѣ какія либо устные произведенія, не взяты ли они изъ письменной литературы или на оборотъ, не воспользовалась ли письменная литература устными произведеніями своего или другого народа. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно собрать различныя сказки, легенды и т. п., существующія у монголовъ. Затѣмъ, такъ какъ, въ виду того, что вся почти монгольская (буддійская) литература есть сколокъ (переводъ) съ тибетской, является предположеніе, что и произведенія, подобныя Гэсэръ-хану, заимствованы у тибетцевъ, то важно собрать подобныя же сказки, легенды, преданія и у тибетцевъ, важно наконецъ собрать у нихъ существующія варианты произведеній, попавшихъ и въ письменную монгольскую литературу. Эти сказки, легенды, преданія и варианты важно собрать не только въ переводѣ, но еще лучше на туземныхъ языкахъ, хотя бы въ транскрипціи русскими буквами, такъ какъ текстъ не менѣе важенъ при опредѣленіи вопроса о заимствованіи, чѣмъ сличеніе содержанія различныхъ вариантовъ.

Переходя въ частности къ Гэсэръ-хану, надо замѣтить, что мы имѣемъ монгольскій текстъ его по пекинскому изданію временъ императора Канъ-си (1716 г.).

¹⁾ Во время печатанія книги, безъ руководства оріенталиста въ ней неизбежно должны были явиться несправности и недомышленія. Когда вернулся въ Петербургъ А. О. Ивановскій изъ своего путешествія въ Манчжурію, я обратился къ нему съ просьбой просмотрѣть мою книгу; онъ сдѣлалъ это и я очень цѣню его дружескую услугу. Его филологическія замѣтки помѣщаются здѣсь, а поправки правописанія собственныхъ именъ и восточныхъ словъ сдѣланы въ индексахъ. Г. П.

²⁾ Непонятны уже теперь обороты и формы письменнаго монгольскаго языка монголы признаютъ за маньчжурскіе—маньчжурскіе потому, что нѣтъ другого подходящаго языка,—а въ сущности значить, чуждыми, не своими.

Кромѣ того, что во всѣхъ пекинскихъ изданіяхъ монгольскій текстъ отличается постоянными опечатками и искаженіями текста ¹⁾, это изданіе очень позднее, и текстъ его, прежде чѣмъ былъ увѣковѣченъ печатью, очевидно, подвергался большимъ перемѣнамъ и вставкамъ въ устахъ народа. Затѣмъ мы не знаемъ, какъ и съ какого оригинала было сдѣлано это изданіе. Понятно, что въ выясненіи вопроса о происхожденіи этого произведенія чрезвычайно важное значеніе приобрѣтають варианты, записанные въ различныхъ мѣстахъ, а, если еще есть и тексты этихъ вариантовъ, то мы можемъ дѣлать различныя коньектуры и догадки относительно темныхъ, двусмысленныхъ и различно переданныхъ (въ отдѣльныхъ вариантахъ) мѣстъ ²⁾. Матеріалы для текстовъ также вывезены Г. Н. Потанинымъ, такъ что можно надѣяться, что и они будутъ современемъ изданы.

Теперь же займемся этими вариантами, сказками и легендами только въ передачѣ на русскій языкъ.

Китайцы, а за ними и европейскіе ученые принимаютъ Гэсэръ-хана за одно лицо съ Гуань-юйемъ, однимъ изъ главныхъ героев Сань-го-чжи ³⁾. Это несомнѣнно историческая личность, онъ выдавался среди своихъ современниковъ своею наружностью ⁴⁾ и военными талантами и былъ личнымъ другомъ Лю-бэй'я, основателя царства Шу-Хань (или Шу, въ Сычуани, частью въ Хубэй), которому онъ служилъ вѣрою и правдою, несмотря на всѣ старанія владѣтелей другихъ царствъ (Вэй и У) переманить и удержать его у себя (когда онъ попадался въ плѣнъ). Конецъ его описывается такъ: въ 219 г. ⁵⁾ онъ въ городѣ Май-чэнъ былъ окруженъ войсками царства У и, выманенный въ засаду изъ города по плану министра (царства У) Люмэна, захваченъ въ плѣнъ въ Линь-цзюй. Сунь-цюань, владѣтель царства У, склонялъ Гуань-юй'я перейти на свою сторону, но послѣдній съ бранью отказался, и ему вмѣстѣ съ сыномъ, Гуань-пиномъ, была отрублена голова.

По преданію ⁶⁾ онъ явился (уже духомъ) на горѣ Юй-цюань-шань въ уѣздѣ Данъ-янъ-сянь области Цзинь-мынь-чжоу монаху Пу-цзину (носившему титулъ ставиры—Чжанъ-лао) вмѣстѣ съ сыномъ и вѣрнымъ генераломъ Чжоу-цаномъ ⁷⁾ и выслушалъ отъ Пу-цзина ученіе Будды. Мѣстные жители на вершинѣ горы поставили въ честь его кумирню (мяо) и въ каждое изъ четырехъ временъ года прино-

¹⁾ По винѣ переписчиковъ текста для печати и рѣзчиковъ досокъ.

²⁾ Помимо того еще, что нельзя быть увѣрену, что переводъ текста черезъ посредство нѣсколькихъ переводчиковъ всегда былъ точенъ.

³⁾ Кстати исправляемъ неточность: на стр. 263 сказано: Гуань-инъ вм. Гуань-юй, Сань-го-ши вм. Сань-го-чжи, Ли-бэй вм. Лю-бэй, Ши-ко-Чжу-гэ-лянъ (или Кунь-минъ, первый министр Лю-бэй'я, образецъ искусныхъ министровъ по признанію китайцевъ и главный герой этого періода).

⁴⁾ Между прочимъ красотою усовъ и бороды, отчего его статуи всегда дѣлаются съ длинными усами и бородой изъ настоящихъ черныхъ волосъ.

⁵⁾ Т. е. въ томъ году, въ которомъ кончилась вост. династія Хань и съ котораго собственно начался періодъ Троецарствія (220—²⁶⁵279).

⁶⁾ Очевидно составленному послѣ канонизаціи, для объясненія того, что онъ попалъ и въ буддійскіе храмы.

⁷⁾ Оттого статуи двухъ этихъ лицъ ставятся справа и слѣва передъ статуей Гуань-юй'я (одинъ съ мечемъ, другой съ копьемъ, или одинъ съ печатью, другой съ мечомъ).

женіи, въ латахъ и шпакѣ; 4) Ву-дао (временъ династіи Танъ) въ такомъ же вооруженіи, какъ Шань-шэнь, но бѣлолицый ¹⁾).

Что же теперь сказать насчетъ отождествленія Гуань-юй'я съ Гэсэръ-ханомъ? По моему оно допустимо, но не неоспоримо. Если, съ одной стороны, мы имѣемъ примѣры, какъ въ легендахъ измѣняются до неузнаваемости историческія личности, такъ что историческій генералъ Гуань-юй могъ измѣниться ²⁾ въ буддійскаго Гэсэра, сына Хормузды или вообще небснаго владыки, то съ другой стороны между Гуань-юй'емъ въ Сань-го-чжи и Гэсэръ-ханомъ монгольскихъ и тибетскихъ версій поэмы громадная пропасть, ничѣмъ еще не заполненная хотя отчасти. Нѣсколько сходныхъ эпизодовъ ничего не значать: въ разныхъ мѣстахъ различныя лица могутъ быть въ одинаковыхъ положеніяхъ, и потому сходныя ситуаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ двухъ героевъ не означаютъ ихъ тождества.

Гуань-юй, несмотря на чудесныя приключенія, рассказываемыя про него въ Сань-го-чжи ³⁾, все-таки остается лицомъ историческимъ. Если онъ теперь и сдѣлался богомъ (подобно другимъ китайскимъ историческимъ личностямъ), то это совершенно въ духѣ конфуціанства, и никто ему божественнаго происхожденія не приписываетъ. Лицъ, удостоенныхъ почитанія, въ Китаѣ очень много. Возвысился Гуань-юй въ почитаніи китайцевъ (изъ гуновъ въ императоры), благодаря честолюбію династіи: возвышая Гуань-юй'я, династія возвышала себя въ лицѣ своего основателя (Нурхаци), похожаго на Гуань-лаоѣ. Такихъ примѣровъ въ китайской исторіи много, начиная съ самого—Кунъ-фу-цзы (Конфуцій).

Далѣе, хотя Гуань-юй и относится къ періоду Троецарствія, но только къ самому начальному періоду его, который еще относится къ концу восточной ханьской династіи. Самый же періодъ, т. е., окончательное сформированіе 3-хъ царствъ: Вэй на сѣверѣ, У на югѣ и Шу (Шу-Хань, Хань) на западѣ, начинается съ 220 г. (а онъ казнень въ 219 г.). «Подвиги Гэсэръ-хана», правда, относятъ появленіе послѣдняго во времени борьбы 3-хъ царствъ (народовъ): Туса, Дунсаръ и Лиеъ, но, хотя слово Лиеъ, благодаря свойству монгольской письменности, могло легко образоваться изъ встрѣчаемаго въ тангутской версіи Лингъ (Лангъ), то все-таки для сближенія этихъ именъ съ 3-мя китайскими царствами мы ничего не имѣемъ кромѣ числа (3). Вѣдь мы знаемъ только ихъ названіе въ китайской исторіи, а имѣли ли они отдѣльное названіе въ Сы-чуани и у тибетцевъ, ничего неизвѣстно ⁴⁾.

Далѣе, имѣя въ виду рассказъ, что Кэсыръ разрушилъ широнгольское царство, управляемое 3-мя царями, можно заключить, что въ Гэсэръ-ханѣ разумѣются не три китайскія царства, а свои, мѣстныя.

¹⁾ Въ такомъ же вооруженіи изображается еще Вэй-тоу-пуса, но онъ всегда помѣщается отдѣльно, въ заднемъ отдѣленіи входнаго или средняго зданія, лицомъ къ главному зданію.

²⁾ Тѣмъ болѣе, что съ его смерти прошло много вѣковъ до начала письменности у тибетцевъ, тѣмъ болѣе у монголовъ. Затѣмъ появившійся буддизмъ, по своему обыкновенію, сталъ пользоваться существовавшими уже до него въ народѣ легендами для своихъ цѣлей.

³⁾ Чудесныя приключенія героевъ общи всѣмъ китайскимъ произведеніямъ подобнаго рода.

⁴⁾ Можно допустить, что настоящія имена забылись и были даны вымышленныя, но вѣдь это гадательно.

Затѣмъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, дополненій и поправокъ по порядку страницъ.

Стр. 32. прим. Кюу-шинъ по-китайски медвѣдь. Медвѣдь по-пекински сюнь или жень (человѣкообразный)-сюнь, но здѣсь вѣрно прибавлено гоу—собака. Томъ, вѣроятно то же, что по-китайски т'о, баснословное животное, на которомъ ѣздятъ боги; по звуку оно напоминаетъ верблюда (ло-то), но изображается такъ, что не похоже ни на одно существующее животное (между прочимъ, раздвоенныя копыта).

Стр. 34. Лунва-ксындо. По лексикону Лун¹⁾-ва (рѣчная долина, а г.Лун-ма рѣка)—гСум (три),-мДо (устье).

Стр. 44. Лсаганъ—по лексикону хЛа-кай (божій домъ). Магчи-чжаву по лексикону дМаг-ги-рЧжал-бо (или Чжо-во) — Владыка (богъ) войны. Драконъ (нчжугъ), это по лексикону аБруг (чит. Чжуг)—громъ; драконъ, которому приписывается громъ (голосъ дракона).

Стр. 50. «Төгѳлтѳр отъ тѳгѳт» близнецъ». Въ монг. языкѣ есть прямо это слово тѳгултѳр (разгов. тѳгѳлтѳр), совершенный, въ совершенствѣ владѣющій чѳмъ-либо, такъ что Моргонъ-тѳгѳлтѳръ значитъ искусный стрѣлокъ.

Стр. 54. Слово гэрэл значитъ свѣтъ, сіяніе; гэрэлтэ, гэрэлтэй — имѣющій свѣтъ, свѣтлый.

Стр. 167. Чаугунцза искажено изъ чибаганца, шибаганца (шимагца) монахиня.

Стр. 177. Тинса, по Ковал. Чжинсе (отъ кит. цзинь-цзы).

Стр. 190. Би-лу-жена испр. Би-лу-чжэня, Ю-лай испр. Жу-лай. Feou-thou—Фоу-ту, древнѣйшая транскрипція слова будд'а (теперь Фо или Фѳ-ѳ), ясно показывающая, что слово никоимъ образомъ нельзя производить отъ греческаго Θεός, какъ хотѣлось нѣкоторымъ. Ло-heou-lo—Ло-хоу-ло (Рахула), сынъ Сакьямуни. Pi-tchi-fo—Би-чжи-фо—Пратіека-будда (Тиб. Раи-сан-чжай) т. е. прозрѣвшій, достигшій святости самъ собой, безъ участія Буддъ, созерцаніемъ ниданъ. Пратіека-будды считаются выше архановъ. Pi-lou-tchena—Вайрочана. Цзяланъ-санскр. санг'а-рама—монастырь. Раганъ—арханъ.

Прим. Часто встрѣчающееся въ легендахъ (напр., стр. 250) слово лумбунъ, вѣроятно тиб. слов-дБонъ (Ловбон, Лувбун)—учитель, наставникъ, въ легендахъ въ смыслѣ совѣтника царя.

Стр. 194. Барга-Солонъ. Собственно Баргу въ сѣверной Маньчжуріи считаютъ монголами (что доказывается и ихъ языкомъ). Солономъ же онъ называлъ себя, вѣроятно, потому, что родомъ изъ Хайлара, въ которомъ живетъ одинъ главноуправляющій Солонами (другой живетъ въ Бутха). Такимъ образомъ, слово Солонъ является здѣсь какъ бы собирательнымъ, какъ въ Бутха это послѣднее слово (Бутха-Дахуръ, Бутха-Солонъ).

Стр. 206. Осрунъ-бурханъ. Это Эсруа, Эсрун (тиб. Цанъ-ба) — Брахма.

¹⁾ Носовое н.

Прибавка слова бурханъ (хотя Брахма не будда) встрѣчается и въ другихъ именахъ, напр., бодисатва Майтрея называется Меле-бурханъ (вит. Ми-лѣ-фо).

Стр. 209. Насчетъ догадки, что бухэ искажено изъ бугэ, надо замѣтить, что оба слова въ письменности не различаются и переводчикъ, вѣроятно, прочиталъ бухэ, не рѣшаясь признать за бугэ (бб) шаманъ. Точно также насчетъ догадки о словѣ фучжинъ (въ имени Бурте-фучжинъ) надо замѣтить, что это китайское слово фу-жень—почетное названіе женъ знатныхъ лицъ, поэтому приложено и къ имени (или первой части его, по китайскому обыкновению) жены Чингиса.

Стр. 221, прим. Исправить такъ: Ширама—(по тибетски аКро или К^оро), по Ков. сплавъ металловъ, бронза (также и тибет. у Шмидта); въ Монголо-бурятскомъ же переводчикѣ (Спб. 1891, стр. 10) есть слово ширэм—чугунъ. Ширмынь усунъ должно соответствовать тибет. аКро-чу—растопленная бронза (еще колокольная мѣдь, по Шмидту).

Стр. 225. Относительно двухъ видовъ Гуань-инь-пусы замѣчу, что въ Маньчжуріи и сѣв. Китаѣ (гдѣ я былъ) она изображается или въ видѣ женщины (молодой), что встрѣчается гораздо чаще, или очень рѣдко въ видѣ мужчины (старика). Хэшанъ того храма въ Маньчжуріи, гдѣ я впервые увидалъ Гуань-инь-посу въ видѣ мужчины (старика), объяснилъ мнѣ, что этотъ бодисатва мужчина, но чтобы ему могли молиться и женщины, его стали изображать и въ видѣ женщины. Принимая во вниманіе легенды про Гуань-инь-посу въ Китаѣ, дѣйствительно, надо думать, что буддисты въ Китаѣ, чтобы привлечь къ себѣ женщинъ, воспользовались культомъ какой-либо женщины (а такой культъ въ духѣ китайцевъ: канонизація возможна за подвиги любви и преданности къ родителямъ и т. п.) и отождествили послѣднюю съ Авалокитешварой, который по приписываемому ему милосердію казался имъ болѣе подходящимъ. Теперь Гуань-инь-пуса пользуется громаднымъ почитаніемъ со стороны женщинъ. Праздники въ честь ея—(уже не *ею*) чисто женскіе праздники; къ ней обращаются съ молитвами о дѣтяхъ. Тогда она называется сунъ-цзы «посылающей дѣтей» или цзы-сунъ («дѣти-внуки», потомство, т. е. дающая потомство). Въ этомъ случаѣ она сходна съ Цзы-сунъ-нянь-нянь, одной изъ трехъ особо-чтимыхъ нянь-нянь (букв. барышень). тоже считающейся покровительницей дѣтей¹⁾. Дже—цзѣ? старшая сестра.

Стр. 228. Майдари (Шянба) по лекс. Чжамъ (Вьямс)-ба.

Стр. 229. Мандзу-шара-бычинъ. По монг. обезьяна мечин и бечин.

Пять искусствъ (эртэнъ). По Ков. эрдэм. Изъ нихъ первыя четыре названы по кит. (по пекин. му-цзянь, хуа-цзянь, тѣ-цзянь, ши-цзянь), послѣднее по монгольски цзурахай, по Лек. чжирухай.

Стр. 231. Раншюнъ, по лек. ран-чжюн, саморожденный, самъ собою происшедшій (монг. убэр-йен-гаруксан), употребляется и какъ эпитетъ Брахмы (Эсруа), санскр. swayambhu. (см. Ков. 503).

¹⁾ Двѣ другія: одна помогаетъ въ глазныхъ болѣзняхъ (Янь-гунъ-нянь-нянь); другой молятся объ избавленіи отъ оспы (Доу-чжэнь-нянь-нянь).

Урджянъ-рембучи (буев. Урджянская драгоцѣнность, драгоцѣнный Урджянецъ) одно изъ тибет. названій Падма-Самбавы, знаменитаго пандиты, жившаго, какъ считаютъ, въ Тибетѣ въ VIII и IX ст. Другія его названія (см. лекс. Шмидта) Урджянъ¹⁾-падма (Ур.—скій лотосъ ледвенець), и Падма-аЧжун-гНай (переводъ санскр. Падмасамб'ава²⁾). Легенды о немъ въ сочин. Падмагатавъ (стр. 233 Бамакатунъ).

Стр. 232. Ртомба-Шихча-тоба (а на стр. 236 Томба-Шигба-тува), по лекс. сТонь-ба-Шакья (калм. Шавчжа)-тув-ба—Учитель Сакьямуни (тиб. тув-ба=сан. муни «отшельникъ»).

Хланджи—по лекс. хЛа-аДре (чит. хЛан-чже) злой духъ, чертъ.

Стр. 234. Рсамба. По лекс. рЦзам-ба, готовится изъ ячменя (тиб. нас, чит. ней, *hordeum bulbosum*).

Прим. 2) Цаг-дур, по лек. Чаг (Пьяг)-рДор или полнѣ чаг-на (или Лаг-на) дорже—«(держащій) драгоцѣнность въ рукахъ», переводъ санскр. Вачжрапапи (въ монг. испорчено въ Очирвани, одно изъ названій Авалокитешвары).

Стр. 235. Шянба мясникъ, по лекс. бШань-ба, Шань-ба.

Стр. 237. Джи-цзункава, Джи-лама. Здѣсь Джи вм. рЧже «достопочтенный» (титულъ высшихъ духовныхъ особъ, еще рЧже-бЦзунъ³⁾).

Умъ по тиб. бЛо.

Стр. 239. Шакджа по лек. Сас-кья (Шакья).

Стр. 240. Ма-юла-чжолма не Ман-юль-чжолма ли (т. Чжиронская Чжолма—Тара, Дара-экэ)?

Стр. 250. См. выше прим. Такимъ образомъ здѣсь Лумбунъ-чимбо можетъ значить «великій учитель» или совѣтникъ (сЛов-дБонь-чень-бо).

Стр. 251. Кит. Пей-юнъ-сай, сообразно монг. Чаганъ-Абита (Бѣлый Абита, санскр. Амитаб'а) должно по пек. быть Бай (бѣлый)-юнъ-цзай (вѣчно существующій). Но Амитаб'а чаще по кит. переводится У-лянъ-гуанъ (фо—Будда), монг. Цаклаши угэй гэралту (имѣющій) «неизмѣримый свѣтъ» (Будда), еще чаще оно остается безъ перевода въ формѣ О-ми-то-фо. Имя его самое популярное въ Китаѣ изъ всѣхъ будд. боговъ, и обращеніе къ нему такъ же въ ходу среди китайскихъ буддистовъ, какъ среди монголовъ и тибетцевъ известная формула: «Омъ-мани-падме-хумъ!» Постоянное призываніе имени О-ми-то-фо есть одно изъ средствъ попасть въ буддійскій рай Сукавати (по кит. Цзинъ-ту, находится на западѣ), описанію котораго посвящена между прочимъ отдѣльная сутра О-ми-то-фо-цзинъ. Но описаніе этого рая куда блѣднѣе и безсодержательнѣе, чѣмъ описаніе буддійскихъ адовъ.

Стр. 253. «Инь» обыкновенно (безъ прибавленія другихъ словъ) означаетъ одну изъ соколиныхъ породъ (соколъ, кречетъ, иногда коршунъ).

Стр. 260. Соо-со—это Цао-цао, герой начала періода Троецарствія, министръ династїи Хань, положившій начало удѣлу Вэй. Про него разсказывается, что онъ

¹⁾ Санскр. Удіна, область въ Индіи.

²⁾ Самбава рожденіе, происхожденіе.

³⁾ Напр., Чжебцаунъ дамба хугуху.

пытался удержать у себя Гуань-юя, но тотъ, исполнивши его порученіе, бѣжалъ къ Любѣйю, и Цао-цао не велѣлъ его преслѣдовать. Чжанъ-хой, вѣроятно, Чжанъ-фэй, участникъ клятвы побратимства.

Стр. 271 и 272. Въ Чжао-чжинъ надо скорѣе всего видѣть искаженіе кит. Чжао-цзюнь (гюнь), подобно тому какъ кит. цзянь-цзюнь (цзянь-гюнь) перешло въ монгольскомъ въ чжанчжунъ.

Стр. 292. Подъ упоминаемымъ въ легендѣ о Леу-да-женѣ императоромъ Цунъ-линомъ, вѣроятно, нужно разумѣть года правл. Чунъ-нинъ (1102—1106 по Р. Х.) сунскаго императора Хуй-цзуна. Леу-да-жень по пек. Лю-да-жень.

Стр. 296. Караманы, имѣющіе хвостъ, очевидно отголосокъ китайскихъ повѣрій, что среди инородцевъ есть имѣющіе хвостъ.

Стр. 297. Ла-уа, ла-ва ворона, по пекински лао-гуа.

Упоминаемый на стр. 297 Лу-бянь-шэнь, по пек. Лу-бань-шэнь, духъ покровитель архитекторовъ и плотниковъ.

Стр. 303. Въ легендѣ о Тохто-хото первый императоръ династіи Минъ Хунъ-ву (по годамъ правленія $\frac{1368}{1398}$ или Чжу-юань-чжанъ—первоначальная его фамилія и имя) названъ Чуу (т. е. Чжу, фамилія) хунъ-ву съ добавленіемъ, что монголы переводятъ его имя Гахай-омокъ. Точно также отецъ Янъ-ву-лана названъ Хони-омокъ. Оба эти монгольскіе перевода основаны на смѣшеніи (умышленномъ?) сходныхъ по звуку китайскихъ словъ. Именно, фамилія минскихъ государей пишется не черезъ гіероглифъ чжу—свинья (монг. гахай), а черезъ другое чжу (красный), а фамилія Янъ-ву-лана не янъ—баранъ (монг. хони), а янъ—тополь. Однако и въ названіи растеній (см. ниже) китайское названіе тополя (янъ-шу) передано по монгольски «овечья шерсть», очевидно на основаніи народнаго объясненія.

Стр. 306. Подъ Ли-бу, названнымъ братомъ Куанъ-лоѣ, надо разумѣть Лю-бѣйя, владѣтеля царства Шу-хань (см. выше).

Стр. 309. Царевичъ (чжалву джимегунданъ)... Царевичъ по тибетски чжал-ву (сынъ царя; не надо смѣшивать чжо-во или чжа-ву господинъ, князь), а Чжи-ме гунданъ, вѣроятно, его имя.

Стр. 317. Приведенная здѣсь солонская фраза—сара айджи «луна испугалась» — есть чисто монгольская и подтверждаетъ мое предположеніе о происхожденіи слова Барга-Солонъ. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что Солонами называются иногда и Дахуры (или, какъ ихъ въ такомъ случаѣ называютъ, Дахурь-Солоны), говорящіе тоже монгольскимъ языкомъ (съ примѣсью маньчжурскихъ словъ). Поэтому и здѣсь подъ солонами можетъ быть надо разумѣть дахуровъ, тѣмъ болѣе что названія Большой Медвѣдицы и др. созвѣздій тождественны съ дахурскими. По солонски же Большая Медвѣдица называется Надан ошиктэ (тоже «7 звѣздъ»).

Стр. 322. Менджугъ..... Плеяды по тибетски сМинь-Друг (чит. Минъ-чжуг).

Стр. 376. Монг. убадис есть искаженіе санскр. урадэса—совѣтъ; колдовство, волшебство.

VI.

а. Списокъ мѣстныхъ названій растеній ¹⁾.

(Сокращенія: кит. китайцы; монг. монголы; широнг. широнголы; торг. торгоуты; танг. тангуты; х. е. хара-егуры; ш. е. шира-егуры; сал. салары).

- Aconitum Anthora* L. танг. (Сань-чуань) бонвѣ.
Aconitum Lycostopum L. танг. (Ксернцо) усѣкъ.
Agriophyllum монг. въ Ордосѣ чульгиръ.
Ailanthus glandulosus Des. кит. въ Шань-си сунь-шу, сянъ-чунъ-шу; кит. въ Гань-су чу-му, чунъ-шу; широнг. чоу-чей. (По Peryu чоу-чунъ-шу; чоу «воючий»; сянъ «пахучій».)
Aleurites кит. ку-цза (у Peryu ю-лай, ши-ли).
Allium senescens L. монг. мангинъ.
Allium tenuissimum L. var. *tyricum* монг. тапъ.
Allium sp. монг. въ Ордосѣ сориссу.
All. sp. монг. въ Ордосѣ когытъ, когутъ.
Allium sp. кит. чіу-цхей; широнг. гого. (Peryu цзю-цзай *All. angulosum*).
All. sp. танг. въ Сунъ-панѣ чжонгргогъ.
All. sp. широнг. сангныкъ. *Allium* sp. широнг. самсыхъ.
Amaranthus кит. въ Гуй-хуа-ченѣ юй-гу-ми.
Anabasis brevifolia C. A. Mey. монг. въ горахъ Тосту багалуръ; монг. въ Ордосѣ баглуръ.
Androsace elongata L. танг. иму.
Anemone japonica Sieb. танг. въ Сань-чуани палыгъ; изъ листьевъ тангуты дѣлають трутъ.
Agalia chinensis L. танг. въ Сань-чуани гяндѣ; широнг. улѣнту.
Artemisia annua L. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту моринъ-шарилджи, «лошадиная полынь».
Artem. campestris L. монг. въ Ордосѣ: шабакъ, шябыкъ, шявыкъ.

¹⁾ Этотъ списокъ просмотрѣнъ А. О. Ивановскимъ и снабженъ имъ примѣчаніями и ссылками на словари Peryu, Iäschke, Ковалевскаго и Попова.

Artem. sp. монг. въ Ордосѣ тосунъ-торлыкъ, «масляный торлыкъ». (У Ковалевскаго торлокъ, *Calligonum*).

Artem. glauca Pall. монг. въ Ордосѣ эрмэ. (У Ковалевскаго подь этимъ именемъ *Art. Abrotanum*).

Artem. maritima Bess. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту агэ.

Artem. sacrorum Led. монг. (Ордосъ) теньгра-убюсу; кит. ха-у-за (хао-цза)? Дѣлають шнуры, которыми курятъ, чтобъ прогнать комаровъ; золу отъ этого растенія кладутъ въ курительный табакъ.

Astragalus sp. танг. въ Сань-чуани шюларигъ.

Beckmannia eruciformis Host. кит. въ Чжи-ли (Ань-су) ѳ-пай-цза.

Berberis integerrima Vge? танг. въ Сань-чуани камбу, чигыръ; широнг. шира ургосы, «желтая колючка».

Berb. kaschgarica Rupr. танг. (Гуй-дуй) дермандунъ.

Berb. sinensis Desf. монг. шара-мото, «желтое дерево».

Berberis sp. широнг. ширачукъ, танг. ширачукъ, цзоманынь.

Betula alba L. кит. въ Шань-си (У-тай) гуа-жу (Perni: хуа-пи-шу или хуа-шу); танг. ртыгна, пый; листья употребляютъ вмѣсто чая.

Brassica oleracea L. монг. въ Ордосѣ гѣда пейсей (Perni: пао-нао-цай. Въ Гуй-хуа-ченѣ китайцы вилочную капусту называютъ хуй-цзы-бѣй (т. е. уйгурскою капустой?). Широнг. въ Сань-чуани кѣта.

Brassica para L. широнг. въ Сань-чуани сормыгъ.

Buxus кит. хуанъ-янъ.

Calimeris altaica Nees. танг. люгмыгъ (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ);

Calimeris разныхъ видовъ монг. въ Ордосѣ боро-терме.

Calligonum халха кѣтыръ.

Cannabis sativa L. кит. ма-цза.

Caragana frutescens Des. танг. (Гуй-дуй) джамà; (Сань-чуань) иму; широнг. (Сань-чуань) меджо-ургосы, теме-ургосы, лоту-ургосы.

Caragana jubata Poir. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чжень-цхо; (у Perni гуй чжень цао, чертова игла трава, *Bidens parviflora*); шира-егуры кумьякъ.

Carduus leucophyllus Turcz. монг. (Ордосъ) ула, т. е. «трутъ». (У Ковалевскаго ула «подошва», ула «трутъ»).

Caruopteris mongolica Vge монг. (Ордосъ) агури-шявыкъ.

Cephalotaxus Fortunei Hook. кит. (Сы-чуань) ма-и-су.

Clematis sp. широнг. муръ-чичекъ.

Cnicus arvensis. Hoffm. танг. люта; торгоуты (Едзинъ-голъ) халха (этимъ же именемъ монголы въ другихъ мѣстахъ зовутъ крапиву).

Cn. japonicus Maxim. монг. (Ордосъ) хонгорчукъ. (У Ковалевскаго: «гроздь», «кисть», «почка цвѣтка», «шелуха»).

Cn. segetum Maxim. кит. (Гуй-хуа-ченъ) цы.

Codonopsis viridiflora Maxim. кит. въ Минь-чжоу танъ-шинъ; корни ѣдятъ; кладутъ въ супъ.

Ephedra sp. танг. панцей; широнг. (Сань-чуань) чорго.

Eragrostis pilosa P. de Beauv. монг. въ Ордосѣ бутюну убюсу.

Euphorbia sp. танг. въ Сань-чуани джангү-тарчигъ.

Eurotia ceratoides C. A. Mey. монг. въ Ордосѣ тэскэ.

Evonimus sp. танг. (Лабранъ) кюймайнъ; широнг. (Сань-чуань) мянга-модо.

Fagopyrum кит. въ Гуй-дуъ хуань-ёу-цзы, въ Гуй-хуа-чёнъ чоу-май (цяо-май). Монг. въ Ордосѣ, Кэшиктенъ и Карачинъ сагаты, сагыты; гуй-хуа-чен-скіе тумуты сагда; широнг. въ Сань-чуани ска, въ У-янь-бу ска, сыха; въ Туянь-сянъ сага; шира-егуры сыгды, сыгдъ. Халхасцы на рѣкѣ Селенгѣ сагыкъ. На сѣверѣ отъ Калгана по словамъ туземцевъ, когда три года не сѣютъ, падалка на полѣ, прежде засѣвавшемся гречихой, перерождается въ растение нохонъ хошу, «собачій носъ», у котораго стебель красный, цвѣты, какъ у гречихи, но сѣмя горькое. Тогда сѣмя скармливаютъ лошадямъ, траву свиньямъ. Въ Ордосѣ встрѣчается много четырехгранной гречихи ¹⁾. Сал. сага; х. ег. сака.

Forsythia кит. въ Тянь-цзинъ спшоу-данъ.

Galium boreale L? танг. цзуль; ворнями его красятъ шерстяныя матеріи въ красный цвѣтъ.

Galium sp. танг. цзото (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ).

Geranium sibiricum L. танг. бандзы тобо.

Glycyrrhiza glandulifera Waldst. et Kit.? монг. въ Ордосѣ чикыръ-убюсу-«сахарная трава»; кит. чянъ-цао-мяо; около Гуй-хуа-чена кя-цао. (Регну: гань-цао, «сухая трава»).

Gypsophyla Gmelini Bge? монг. въ Ордосѣ будурганакъ.

Haloxylon Ammodendron Bge монг. цзакъ. Самое большое дерево цзака мы встрѣтили на Едзинъ-голь; это Ганцы-цзакъ, какъ его зовутъ торгоуты; описаніе его см. въ I томѣ стр. 461; ему насчитываютъ три вѣка жизни. Вообще монголы считаютъ цзакъ болѣе долговѣчнымъ, чѣмъ евфратскій тополь.

Hedysarum fruticosum L. var. *mongolicum* Turcz. монг. въ Ордосѣ торлокъ

Hedys. multijugum? широнг. карá.

Hedysarum sp. танг. (Сань-чуань) ани гугуръ.

Helianthus annuus L. широнг. наръ-чичекъ, «солнце цвѣтокъ».

Hibiscus Trionum L. кит. хуа-жянь-мяо-цао.

Hippophaë rhamnoides L. монг. въ Ордосѣ чичирганакъ; широнг. въ Сань-чуани хара ургосу, «черная колючка»; шира-ёгуры цициргана.

Hordeum vulgare L. кит. въ Чжи-ли та-май-цза, «большая май-цза»; халха на р. Легѣ арбай; широнг. въ Сань-чуани арпа (голый чинъ-вуй, чинъ-во); въ У-янь-бу ирпэй; въ Боунани арпа; ш.-ёг. арпай, ирпей; сал. арфа; х. ег. харба.

Humulus Lupulus L. монг. въ Ордосѣ унюгынъ-геръ, „лисицынъ домъ“.

Hyosciamus niger L. кит. въ Шань-си (У-тай) лянъ-инъ-тоу-цзы, въ Ордосѣ

¹⁾ Въ Кэшиктенѣ другой родъ гречихи, назыв. манчу.

Монголы зовутъ это растеніе дэрисунъ или дэрису, а заросли его тункэ; киргизы какъ отдѣльныя особи, такъ и заросли изъ дэрисуна зовутъ чій. Дэрисунъ растетъ обширными зарослями на низкихъ мѣстахъ съ песчаноглинистой почвой, содержащей примѣсь соли; такія мѣста служатъ убѣжищемъ для мелкаго скота въ зимніе бураны и избираются для зимовки съ баранами; тункэ замѣняютъ кочевникамъ теплыя хлѣвы и конюшни. Тонкіе, ровные и крѣпкіе, какъ проволока, стебли растенія идутъ у киргизовъ на приготовленіе циновокъ; они выдергиваются осенью, въ августѣ; въ засохшемъ состояніи получаютъ соломенный цвѣтъ; вырванные стебли укладываются на землѣ одинъ подлѣ другого и переплетается поперегъ цвѣтной шерстяной ниткой въ узоръ. Получается золотистаго цвѣта циновка, ширина которой зависитъ отъ длины стеблей, иначе сказать, отъ высоты растеній; въ сѣверныхъ частяхъ киргизской степи эти циновки, которыя киргизы тоже не зовутъ иначе, какъ «чій», уже; на югѣ степи шире. Такими циновками одѣвается обыкновенная нижняя цилиндрическая часть киргизской юрты, состоящая изъ деревянной рѣшетки или кереге; чій приставляется въ кереге снаружи и потомъ уже юрта покрывается войлокомъ. Эти же циновки употребляются при катаніи войлоковъ; на разостланныя циновки накладывается слой шерсти, циновка свертывается въ трубку, которую послѣ того женщины катаютъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока шерсть не свалется въ войлокъ. Ширина войлока зависитъ отъ ширины циновки; поэтому въ южной части киргизской степи войлока шире, чѣмъ въ сѣверной. Китайцы изъ дэрисуна плетутъ ковши, уполовники и другую утварь.

Leontopodium sibiricum Cass. монг. въ Хангаѣ цаганъ-турю.

Lespedeza trichocarpa Pers. монг. въ Ордосѣ харганькь-чай, т. е. «караганый чай»; вмѣсто чая однако не употребляется.

Lilium speciosum Thbrg. кит. въ Гуй-дуѣ фуй-динъ. (Perny: чжу-динъ-хуа, *Lil. concolor*).

Lil. tenuifolium Fisch. монг. въ Ордосѣ саранькь, кит. тинъ-сянъ-мій. Солонь туму. Люди выкапываютъ луковицы, а также грабятъ запасы мышей; грабленый запасъ назыв. ургунъ.

Linum usitatissimum L. кит. ху-ма.

Lonicera sp. широнг. (Сань-чуань) худза.

Lucium chinense Mill. кит. въ Гуй-хуа-ченѣ вы-ченъ (ченъ «волючка»); въ Ордосѣ: гоу-чы, гоу-чыръ, «собачья снѣдь». (У Perny: гоу-ци, у Попова ку-ци). Монг. въ Ордосѣ хэрэинъ ургюсу, «воронья колючка».

Lucium turcomanicum Fisch. et Mey. танг. въ Гуй-дуѣ цирма, въ Сань-чуани хамурудухъ; широнг. въ Сань-чуани хамарыкь (не перестановка ли отъ «хармыкь», монгольскаго имени кустарника *Nitraria Schoberi* L.).

Lycoperdon Bovista L.? танг. въ Амдо па-го-дзэй ¹⁾).

¹⁾ По якутски дождевикъ назыв. тангара сага, «божій калъ»; сообщ. якутъ Николаевъ. По алтайски сыга перезимовавшій внутри медвѣдя отвердѣвшій калъ; апшакъ сыгазы—*Thalictrum*; апчакъ «старикъ», «медвѣдь». Вербицкій, Словарь алтайск. и аладагск. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 317 и 23.

Malva verticillata L. кит. сяо-чу-чи-цза (чи-цза маленькой свиньи или малая свинья чидза). (Пеппу: дунъ-куй-цзы).

Melica scabiosa Trin. кит. Шань-си синъ-синъ.

Muricaria germanica Desv. танг. (Гуй-дуй) онгыръ; широнг. (Сань-чуань) джа-сукбй.

Nicotiana rustica L. монг. тамхи; широнг. въ Сань-чуани янь; въ У-янь-бу тамакъ; въ Боу-нани йянь; шира-егуры тамакъ.

Nonnea lutea Rehb. торг. на Едзинъ кичихинё; изъ растенія дѣлають трутъ. Халхасцы: могуцзё; потибетски по показанію монгольскаго ламы (значитъ книжное тибетское) беземыкъ. Изъ корней получается краска. Халхаское другое названіе: тэмыкъ, дэмыкъ.

Orlismenus frumentarius Kth. (воздѣл.) кит. въ Гуй-хуа-ченъ ку-цза, широнг. въ Тунъ-сянъ конуу; сал. кунанъ.

Orlism. Crus galli монг. въ южн. Ордосѣ хара таранъ, «черное жито».

Orobanche sp. монг. въ Ордосѣ шыбыгънъ шоджонъ; шыбыкъ одинъ изъ видовъ *Artemisia*; шоджонъ можетъ быть *Synopogon sossineum*; этотъ *Orobanche* такъ названъ потому, что растеть въ кустахъ шывыка.

Oryza sativa L. кит. пай-ми (пекинск. бай-ми); монг. въ Ордосѣ тутурга; широнг. въ Сань-чуани и Боу-нани тутурга, х. и ш. егуры тутурханъ, турханъ; сал. тутурганъ.

Oxytropis sp. (aff. *tragacanthoides*, колючіе ежикообразные кустики) монг. въ Ордосѣ чаганъ-ортутъ. У Пржевальскаго дзара (что по монгольски значитъ ежъ), отнесено къ колючему вьюнку; въ скобкахъ рядомъ поставлено *Convolvulus tragacanthoides* (Монг. и страна тангутовъ, I, 158); слѣдовало вѣроятно: *Oxytropis tragacanthoides*. Колючій вьюнокъ, растущій въ Монголіи, извѣстенъ ботаникамъ подъ именемъ *Convolvulus Gortschakovii*. См. Очерки, IV, 148. Сал. седжемыкъ.

Oxytropis sp. танг. (Гуй-дуй) пашюгъ; корни ѣдятъ.

Raeonia albiflora Pall. кит. въ Минъ-чжоу со-ё; въ Гуй-дуѣ шо-ю.

Raeonia anomala L. танг. въ Гуй-дуѣ дзорэ, томбѹ-тугланъ.

Raeonia Moutan Sims. кит. въ Гуй-дуѣ моудянь (Пеппу: му-дань); танг. (тамъ же) метукъ памъ.

Rapax Ginseng Meу. кит. жень-шенъ, монг. въ Кэшиктенъ: орхоту.

Panicum miliaceum L. монг. въ Ордосѣ хара бутъ; широнголы въ Тунъ-сянъ и шира-егуры амунъ, амынъ. Х. ег. совпа.

Pedicularis lapponica L. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чуаръ-цхай.

Peganum Nigellastrum Vge монг. мухай убюсуцъ, умухэй убюсу, «вонючая трава». Сал. узеликъ.

Periploca serium Vge монг. въ Ордосѣ ускутай балгунъ, «молочный балгунъ» (въ сѣверо-западн. Монголіи «балгуномъ» назыв. *Muricaria*).

Persica vulgaris Mill. кит. тхаоръ.

Peucedanum sp. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго копота.

Phragmites communis Trin. торг. хана.

II.

Physalis Alkekengi L. кит. въ Минь-чжоу чань-чи-цза. (Регну: суань-цзянь или тунь-гу-нянь, «мальчикъ-барышня»).

Picea Schrenkiana Fisch. et Mey. танг. въ Амдо цомба, рсумба; широнг. (Сань-чуань) кыджуръ; шира-ёгуры нагъ, каргай.

Pinus leucosperma Maxim. танг. тандй.

Piptantus mongolicus Maxim. монг. мунко-харагана, «вѣчная харагана».

Pisum sativum L. кит. вань-доу, широнг. въ У-янь-бу бирчагъ; въ Боу-нани пичыгъ; шира-ёгуры бурчагъ. X. ег. бурчагъ; сал. пирчагъ.

Plantago кит. около Бао-дина: чянь-чуань-цза, «мотоузъ для нанизыванія чоховъ». (У Регну: чэ (телъга)-цянъ (передъ)-цзы-цао, ма-ти, «лошадиное копыто», дань-дао, «на дорогѣ», цянъ-чуань-цао, «связка денегъ трава»).

Poa cynosuroides, санскритск. куца или darbha, ведическое священное растение наряду съ durva или durbâ (по Вильсону *Agrostis linearis*, по Карею *Panicum dactylon*); нѣкоторые ученые смѣшиваютъ эти термины. Монголы и тангуты въ храмахъ употребляютъ кропила для освященной воды, связанныя изъ стеблей злака гуши и нѣсколькихъ павлиньихъ перьевъ. Гуши доставляется изъ Индіи черезъ Тибетъ и доходить до забайкальскихъ бурятъ.

Polygonatum officinale All. кит. въ Шань-си (У-тай) линъ-тхай-цай (линъ-тай-цай).

Polygonatum roseum Led. танг. кади-джумъ.

Polygonatum sibiricum Redouté. Одинъ монголъ въ Ордосѣ называлъ, повидному по ошибкѣ, сараныгъ; корни его орхото (?). Варятъ въ овечьемъ молокѣ и ѣдятъ.

Polygonum aviculare L. кит. въ Чжи-ли (Бао-динъ) чуу-цзу-цао, «пауэ-трава». Сѣмена ѣдятъ. (Паукъ у Попова: чжу-чжу).

Polygonum Bistorta L. танг. въ Джони рамбу; корни варятъ вм. чая.

Polygonum viviparum L. солонь мянгиръ; корни солонь ѣдятъ. Олеты на Хухунорѣ мелютъ изъ сѣмянъ муку, мѣсятъ ее въ сыромъ видѣ съ масломъ и ѣдятъ; мука имѣетъ красный цвѣтъ; цѣлебна отъ болѣзни въ желудкѣ. Сѣмена и наземную часть растенія олеты зовутъ ююргене; корень (ююргененай унгү) зовутъ мяхиръ. Въ Хангаѣ шабинары Ламень-гэгэна собираютъ корни *Pol. viviparum*; корни они называютъ мяхэръ, сѣмена буургене; и изъ тѣхъ, и изъ другихъ дѣлаютъ муку. Особенно хвалятъ муку изъ буургене.

Populus Przewalskii Maxim. кит. въ Гань-су пей-янь, пай-янь-шу. (Янь-шу, «тополь»; бай-янь-шу, «бѣлый тополь», *Pop. alba*).

Populus euphratica Oliv. торг. на Едзинѣ: тоора.

Populus suaveolens Fisch. кит. въ Ордосѣ янь-шу, «баранье дерево», по объясненію китайца переводчика, потому, что пухъ въ плодахъ. Шира-ёгуры туракъ.

Populus sp кит. въ Шань-си (Бао-динъ) янь-шу, «баранье дерево».

Potania mongolica Maxim. халха въ горахъ Тосту ойрукъ.

Potentilla Anserina L. широнг. въ Сань-чуани джумъ.

- Potentilla biflora* Willd. шира-ёгуры таргунъ тырмакъ.
Pot. bifurca L. танг. въ Амдо бамбыръ ¹⁾.
Pot. fruticosa шира-ёгуры харагана.
Pot. glabra Loddig. танг. въ Амдо пей-ма, пъяма.
Potentilla sp. танг. ѳейщюгъ.
Primula Maximowitzii Regel танг. метыкъ-ишй, вит. янь-шань-хуаръ.
Primula sp. танг. въ Сунъ-панъ семджиръ-ригава.
Prunus Armeniaca L. вит. въ Гань-су синъ-шу, въ Гуй-дуъ хынъ-шу. Тангуты въ Гуй-дуъ съедунъ; широнг. въ Сань-чуани торъ.
Pr. tomentosa Thbrg вит. въ Гуй-дуъ инъ-тоу; танг. (Си-гу) джадынъ.
Pr. triloba Lindl. вит. въ Тянь-цзинъ ланъ-цва.
Pteris aquilina L. танг. въ Амдо шялыгъ, аялыга. Тангуты варятъ вайи и ѳдятъ съ масломъ или кладутъ въ супъ. Китайцы варятъ и подаютъ съ уксусомъ къ мясу. Съѳдобны весной, пока ѳземпляры не выше четверти аршина.
Pugionium cognatum Gärtn. монг. на Хуанъ-хэ въ сѣв. Ордосъ елисынъ-лобынъ, «рѣдка песковъ»; монг. въ южн. Ордосъ сагай.
Rugus betulifolia Vge вит. въ Шань-си ту-ру-суанъ (суанъ «кисло», «уксусъ».)
Rugus Malus L. вит. ша-горъ; въ Гуй-дуъ хуа-чинъ.
Rug. sinensis Linde вит. ли-шу; въ Гуй-дуъ суанъ-лиръ.
Quercus aliena Blume (по вит. у Ренгу: цинъ-ганъ-шу); танг. цинганъ, чинганъ.
Raphanus Raphanistrum L. широнг. торма.
Reaumuria soongorica Maxim. монг. въ Ордосъ уланъ-будургана.
Raphanus sativus L. широнг. (Сань-чуанъ) чикканъ турма.
Rhamnus erythroxylon Pall. монг. въ Ордосъ хара-бутъ.
Rheum Pichoni Pierre, вит. та-хуанъ; танг. рчжимпца, чжимпца.
Rheum palmatum L. хара-ёгуры ширачи. Показаніе хара-ёгура: растеніе не всякій годъ выгоняетъ стебли; когда много стеблей, ихъ издали видно, тогда по многу добываютъ корней; когда стеблей нѣтъ, трудно находить корни. Копаютъ ихъ бѣдные люди; скупаютъ или егуры, имѣющіе скотъ, или китайцы, наѳзжающіе въ кочевья егуровъ за покупкой ревеня, маралыхъ роговъ и каборожьей струи. Одинъ дымъ накапываетъ до 400—500 чжиновъ въ лѣто. Копатели ставятъ палатки и живутъ въ это время на высокихъ горахъ; сушатъ въ палаткахъ; стараются избѣгать солнца и мокра; дождь можетъ испортить корни. За ценъ свѣжаго ревеня платятъ только 10 чховъ, за пролежавшій въ суше годъ даютъ 30 чховъ. Разведеніемъ ревеня занимаются только ламы въ монастыряхъ, въ небольшомъ количествѣ и не отъ сѣмянъ, а пересаживая корни изъ горъ. Нѣкоторые ѳземпляры дактъ до 15—20 чжиновъ корней.

¹⁾ Названіе бамбыръ извѣстно для этого растенія и монгольскимъ ламамъ. Не къ этому ли имени относятся старинныя извѣстія, собранныя Юлемъ (Cathay and the way thither vol. I, p. CCXVI) о корешкѣ Mambroni Cini или Mambron-i-Chini, который росъ около Су-чжоу, доставлялся изъ Китая въ Кашмиръ вмѣстѣ съ ревенемъ и считался превосходнымъ лѣкарствомъ отъ глазныхъ болѣзней.

- Rhododendron capitatum* Maxim. танг. въ сѣв. Амдо сюкырѣ, суркерѣ;
танг. около Сунъ-пана сюрныгѣ.
- Rhod.* sp. широнг. въ Сань-чуани тунъ-чинъ.
- Ribes pulchellum* Turcz. монг. въ Ордосѣ ухунай сутурѣ, «жила козла самца».
- Rib. stenocarpum* Maxim. танг. въ Гуй-дуѣ цзуманьрѣ.
- Ricinus communis* L. кит. около Пекина та-ма-цзы.
- Rosa microphylla* Rokb. танг. сылавурѣ.
- Rosa* sp. широнг. (Сань-чуань) новкой-вошу, «собачій носъ». Сал. ить пу-руни, «собачій носъ».
- Rosa* sp. кит. въ Шань-си (У-тай) ю-пиенъ-цзы.
- Salix babylonica* L. танг. ирчанма, рчанма; широнг. кучосѣ.
- Salix affinis* japonica кит. леу-шу; монг. въ Ордосѣ уда.
- Salix* sp. монг. въ Ордосѣ бургасунъ; широнг. учосы. Сал. отынъ.
- Salix* sp. танг. лангма (у Jäschke лЧжанъ-ма).
- Salix* sp. шира-ѣгуры рчесунъ.
- Salsola clavifolia* Pall. торг. на Едзинѣ хушъ.
- Salsola collina* Pall. торг. на Едзинѣ нохонъ аранъ, «коренной зубъ собаки».
- Salsola Soda* L. монг. въ Ордосѣ уланъ хамкыкѣ; хамкакѣ.
- Saussurea* sp. кит. около Гуй-хуа-чена янъ-эррѣ-тоу, «баранье ухо» (эррѣ-дао, эррѣ-до).
- Scirpus maritimus* L. кит. въ Чжи-ли сань-лынъ-цзы.
- Scopolia tangutica* Maxim. танг. въ долиниѣ Тао-хэ домбу тдоочжонъ.
- Scorzonera* sp. кит. въ Шань-си ѣ-ма-ма.
- Serratula centauroides* L. ? кит. хэ-шапъ-тоу, «голова буддѣйскаго монаха».
- Serratula coronata* Fisch. et Mey. ? монг. въ Ордосѣ хонгоръ-джула.
- Serratula* sp. танг. въ Лабранѣ агъ-титукъ.
- Setaria* широнг. нарамъ (по монгол. хунькѣ).
- Sibiraea laevigata* Maxim. кит. въ Гуй-дуѣ шуй-пу-тао, «водяной виноградъ»; танг. гунджунъ.
- Silene repens* Patrin. танг. башига.
- Silene tenuis* Kar. et Kir. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго башига, чаганъ башига, «бѣлая башига».
- Smilax* sp. танг. въ Джони джодорчи.
- Solanum tuberosum* L. кит. въ Тянь-цзинѣ сай-яо-тоу-цза (Perny: *S. tuberosum* янъ-юй; *S. sinense* юй-тоу).
- Sol. septemlobum* Bnge монг. въ Ордосѣ хирейнъ нюдунъ, «вороній глазъ».
- Sophora alopecuroides* L. монг. въ Ордосѣ буяу.
- Soph. japonica* L. кит. хуай-шу.
- Sorgum* кит. гао-лянъ.
- Sphaerophyza salsula* Des. монг. въ Ордосѣ хоръ-чжигинурѣ.
- Spiraea* sp. широнг. (Сань-чуань) джунджугей, сал. джемджегышъ.
- Statice* sp. монг. въ Ордосѣ джугей.

Zizyphus vulgaris Lam. var. *inermis* кит. цзаоръ, цзоръ.

Ziz. vulgaris, var. *spinosa* монг. чибыгы.

Корни какого-то *Umbelliferae* въ деревнѣ Баянъ къ з. отъ Си-нина китайскіе крестьяне ѣдят сырые весной, а также варят ихъ съ мясомъ. Китайцы зовутъ ихъ ѳ-хунъ-ло-пу (ѳ «дикий»; хунъ либо «морковь»); танг. гамбиръ, кампиръ.

Бромѣ того записаны названія растений, оставшихся безъ опредѣленія.

Тау-шанъ, широнгольское названіе растенія въ родѣ *Setaria*.

Ла-ла, такъ широнголы называютъ какое-то невысокое растеніе съ четверть ростомъ; листья прилегаютъ къ землѣ; растеть подлѣ заборовъ по деревнямъ. Весной выкапываютъ его корни и ѣдят сырыми, особенно дѣти. Позднѣе, когда растеніе станетъ выше, корень становится несъѣдобнымъ.

Мохъ по широнгольски шяцгай янь, «сорочій табакъ».

Въ хошунѣ Кэшиктенъ монголы роютъ корни растенія хуанъ-чжу, который они продаютъ китайцамъ; отправляется въ южный Китай.

Въ Сань-чуани собираютъ растущій на земной поверхности лишайникъ, который монголы въ Ордосѣ называютъ гадзыренъ усюнъ, «волосы земли», а въ другихъ мѣстахъ гадзыренъ курэсу. Китайцы употребляютъ это растеніе въ пищу. Въ низовьяхъ р. Едзина около озера Гашиунъ-норъ также есть это растеніе; его ѣли въ голодные годы во время мятежа, но торгоуты говорятъ, что оно вредное и люди отъ него умираютъ. Торгоуты зовутъ его тостай кэрэсу.

Хара-ѳгуры, живущіе на плоскости въ пескахъ около озера Хай-цзы къ з. отъ Гао-тая собираютъ растеніе джураванъ (это кажется, *Agriophyllum*)¹⁾.

Въ Ордосѣ растеть трава ханъ-темуръ-убюсу (царская желѣзная) въ видѣ шарообразныхъ кустовъ около 1 фута высоты, сильно вѣтвящихся; мелкіе желтые цвѣты; сразу срубленная, выпускаетъ молочный сокъ (*Euphorbia*?).

Въ Ордосѣ есть двѣ травы: моринъ-буяу и чикыръ-буяу (солодковый корень); выкопавъ ихъ корни, соединяютъ ихъ и даютъ больнымъ горячкой.

Головию на пшеницѣ монголы въ Ордосѣ назыв. чакянтай урй.

Отъ одной хухунорской олетки записаны названія растеній:

1) Табынъ хур'гу, «пять пальцевъ»; употребляется въ молокѣ отъ болѣзни кій. Стебель растенія до аршина высоты, вѣтвистый, цвѣты вродѣ, какъ у ячменя; цвѣты и плоды называются другимъ именемъ: корнютъ; ихъ лѣтомъ собираютъ, молотятъ, толкутъ, варятъ съ мясомъ и ѣдятъ отъ болѣзни орбцюнъ убучинъ.

2) Мухуръ-ямъ, «комолый козелъ». Наземная часть не велика, круглой формы; сидячій пучекъ зеленыхъ цвѣтовъ; длинныя подземныя корни, идущіе горизонтально, несуть съѣдобные, вкусные шарикъ, прикрѣпленные на нитяхъ.

¹⁾ Джураванъ ср. съ халхаскими названіями *Plantago* у ургунъ, бо юргунъ; въ городѣ Хобдо мнѣ говорили, что изъ сѣмянъ бо-юргуна монголы дѣлаютъ муку. У бурятъ ургене названіе какого-то растенія, и тѣмъ же именемъ называются запаси полевокъ, которые люди иногда обобраютъ у мышей (Алтанъ тобчи, стр. 78). Запаси эти состоятъ изъ корней мяхира (*Polygonum viviparum*) и сарани (*Lilium tenuifolium et Martagon*), но я не встрѣчалъ, чтобъ гдѣ-нибудь было записано имя ургене, какъ ими тораго-либо изъ этихъ растеній.

- 3) Сонгонькъ (какой-то лукъ). Ыдятъ луковицы (боксы).
- 4) Таны, мелкій лукъ; ѣдятъ въ супѣ.
- 5) Кумюли; растеть на скалахъ; повидимому зонтичное; стеблей много; на нихъ красное зерно. Варять въ водѣ; сливъ воду, наливаютъ молокомъ, и снова варять. Полученную кашу ѣдятъ съ масломъ.
- 6) Сармисыкъ; растеніе имѣеть два листа; луковицы ѣдятъ.
- Несъѣдобныя растенія:
- 7) Шянымъ; имѣеть желтые цвѣты.
- 8) Хонхо-цецикъ, «волокольчикъ цвѣтокъ»; имѣеть синіе цвѣты.
- 9) Гечжиги, «коса»; съ черносиними цвѣтами.
- 10) Танхыкъ, «мѣшокъ»; цвѣты большіе, пунцовые; дѣвицы вплетаютъ ихъ въ волосы. Корни длинныя, бѣлыя; лечебныя.
- 11) Цавильдыкъ, Iгіз. Кажется, содержимое молодыхъ плодовъ ѣдятъ, для чего ихъ варять. Считается лечебнымъ отъ вуйтунъ убучинъ (болѣзнь мужского полового органа).
- 12) Халхай, крапива. Отъ той же болѣзни употребляютъ; сѣмена толкутъ, варять съ мукой и овечьимъ саломъ и разводятъ чаемъ.
- Дерево, которое салары у Сюнь-хуа-тина зовутъ карамухъ, сань-чуаньскіе широнголы назыв. коргосы. У саларовъ, кромѣ помѣщенныхъ выше, записаны еще названія: тоскунъ, какой-то кустарникъ; юшанъ, какая-то полынь и чиксыганъ, ядовитый злакъ, которымъ отравляется скотъ (*Lolium* sp.).

6. Мѣстныя названія животныхъ.

1. Звѣри.

Aegoceros монг. въ Ордосѣ куку яма, янгиръ яма.

Arctomys монг. тарбага.

Camelus дикій торг. на Едзинѣ хаптагай, темень-гурёсу.

Домашній верблюдъ на алтайскихъ нарѣчіяхъ тебе, тебеге (о. Вербицкій, Словарь алт. и алад. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 343). Алтайское сказаніе о верблюдѣ: Народъ тебетъ-танатъ ¹⁾ былъ необыкновенный, почти ничего не ѣлъ, кромѣ древесныхъ почекъ, ничего не дѣлалъ, а устремлялъ взоръ на небо, только стоялъ и молился. Никто не могъ проникнуть въ нимъ; ихъ страна была окружена змѣями окъ-диланъ или нокоинъ-шарба-диланъ, которыя прострѣливали человѣка. Одинъ китаецъ взялся пройти въ нимъ и провести одного ихняго человѣка, что и исполнилъ. Тибетцы послали противъ Китая гору проклятій; китайцы выставили съ своей стороны гору проклятій. Тибетская гора превратилась въ верблюда (теѳ),

¹⁾ Танатъ вѣроятно тангутъ.

китайская въ осла (ельдигянь). (О. Вербицкій, Алтайцы, Томскъ, 1870 г., стр. 159; Томск. губ. вѣд., 1861 г., № 32). Тибетцы явились вѣроятно по сходству имени верблюда тебе съ именемъ Тебе, какъ тангутовъ зовутъ саньчуаньскіе широнголы.

Canis lupus солонь: чоно, кери-нохой (въ Ордосѣ также зовутъ волка кери-нохой, «степная собака»).

Canis vulpes солонь: уньюгү.

Cervus mandchuricus солонь: ♂ богү, ♀ согү.

Dipus монг. въ Ордосѣ: ельджигенъ-ялмынь.

Elephas primigenius. Буряты кости мамонта принимаютъ за кости животного аргалынъ-занъ. Ср. съ именемъ перваго шамана у якутовъ Анъ-аргылъ, которое представляетъ какъ будто только перестановку бурятскаго парнаго.

Hiroptera монг. въ Ордосѣ бакбагай; широнг. въ Сань-чуани: урмёнъ сара; хухунорскіе олеты хошуна Чинъ-хай-вана: цецйнъ-бакбагай; солонь: харъ-эрбэвэ. Торгоуты на Едзинъ-голѣ: сарисынъ бакбагай. На Едзинѣ летучія мыши живутъ въ рощахъ евфратскаго тополя. Торгоуты сказали мнѣ фразу: кудзенъ теме кептій, «сидится на шеи верблюдовъ». Можетъ быть, краткая схема легенды о спорѣ верблюда о старшинствѣ.

Mustela putorius монг. въ Ордосѣ хурене (въ Ордосѣ его много). Солонь хорюнь.

Tamias striatus, монг. въ Ордосѣ: солонго; солонь: кэримъ; кит. въ Шань-си: ви-линъ.

Taxus монг. въ Ордосѣ: торго, мангысу, каджаръ-гахай.

Ursus arctos, солонь хара гурёсу.

Монголамъ въ Ордосѣ извѣстны имена мелкихъ звѣрковъ: сокуръ номунъ (вротъ?) и оро цусакъ, орочи цусакъ.

2. Птицы.

Athene bactriana (?) широнг. куку-мяо¹⁾

Hirundo у ордосскихъ монголовъ хотунъ-харачай.

Casarca gutturalis широнг. (Сань-чуань) лама мургусы.

Caccabis hukar широнг. въ Сань-чуани кычилй, широнг. въ У-анъ-бу чоргольчинъ; въ Тунъ-сянѣ кыккёлю; монг. въ Ордосѣ хахали.

Grossoptilon auritus, ушастый фазанъ, широнг. ма-чжи.

Otis tarda? монг. въ Ордосѣ буха дуудыкъ; водится въ Ордосѣ по лугамъ (чайдамъ), гдѣ много хамхака (*Salsoda Soda*?); передъ птицы бѣлый; спина сѣрая; величиной больше гуся; мясо вкусное; лѣтомъ не видать, зимой бываетъ много. Стрѣляютъ съ лошади.

¹⁾ Сова поалбански *кохоубѣдже*; см. Hahn, Albanesische Studien, S. 175.

Fregilus graculus широнг. (Сань-чуань) няръ.

Phasianus torquatus монг. въ Ордосѣ ♂ соно хургуль; ♀ борокчинь.

Phasianus sp. танг. въ Амдо теу.

Syngartes paradoxus Pall. торг. на Едзинѣ бульдурѹ, халха въ гобійскомъ Алтаѣ нохтрѹ, нохтуру; Сантань-джимба звалъ птицу нитрѹ (можетъ быть, по произношенію чахаровъ).

Китайская горлица широнг. кунгунь-шуй.

У монголовъ въ Ордосѣ я записалъ еще слѣдующія имена птицъ:

1) Талань келиту (семидесяти голосая); птичка больше воробья, брюхо бѣлое, спина сѣрая, концы крыльевъ черные, хвостъ бѣлый; поетъ на разные лады.

2) Алыкъ-тунха; верхъ сѣрый, передъ брюшка бѣлый; когда кричитъ, качаетъ хвостомъ.

3) Тэгили въ родѣ журавля; лобъ бѣлый? Различаютъ хуху тэгили и хальджань-тэгили (голубой т. и лысый т.).

4) Ольджинь-шибо. Кричитъ: пуут-тс! пуут-тс!

Ящерицу, очень быстро бѣгающую (*Podarces?*), монголы въ Ордосѣ называютъ могочуэ; они вѣрятъ, что она поѣдаетъ фриноцефаловъ.

VII.

Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ёгурскаго нарѣчій.

Слова этого собранія записаны въ пяти мѣстахъ 1) въ Сань-чуани, на мѣстѣ нашей зимовки 1884—1885 г.; 2) въ деревнѣ около г. У-янъ-бу, въ с. отъ Синина; 3) въ дер. Сунъ-чзя-чирь, которая населена переселенцами изъ мѣстности Тунъ-сянъ, лежащей между гг. Лань-чжоу и Хэ-чжоу; 4) въ г. Боу-нань и 5) въ долинахъ Нань-шаня, къ югу отъ Гань-чжоу (отъ кочевыхъ шира-егуровъ). Широнголы въ окрестностяхъ г. У-янъ-бу сами себя зовутъ тани-кунь (т. е. свой, нашъ народъ, точнѣе «знакомые люди»); монголовъ плоскости, то, что иначе называется доро-монголь, «низовскіе», они зовутъ хара-монголь, «черными монголами», а въ отличіе отъ нихъ желторѣченскихъ, амдосскихъ монголовъ (широнголовъ)—чиханъ монголь, «бѣлыми монголами». Тунъ-сянцы сами себя зовутъ санъта, а санъ-чуаньцевъ—ту-жень¹⁾. Боу-наньцы сами себя называютъ монголь-кунь, вожжани-кунь (последнее то же, что эджени-кунь). Шира-егуры себя называютъ эджени-монголь²⁾.

Сокращенія: *Сч.* Сань-чуань, *У.* У-янъ-бу, *Тс.* Тунъ-сянъ, *Бн.* Боу-нань, *ш.* шира-егуры, монг.—по монгольски (по принятому у насъ чтенію), кит.—по китайски, тиб.—по тибетски, дах.—по дахурски, ман.—по маньчжурски.

к—означаетъ гортанное *к*; *нг*—носовой *н*; *х*—придыханіе.

¹⁾ Китайское слово («туземецъ»), имъ обозначаются и инородцы, и коренные жители какой либо мѣстности. *А. О. И.*

²⁾ Дополненія и сличенія съ словарями китайскимъ, тибетскимъ, дахурскимъ и маньчжурскимъ сдѣланы *А. О. Ивановскимъ. Г. П.*

Чтобы нагляднѣе показать лексическій составъ такъ-называемаго широнгольскаго языка въ этомъ спискѣ, соответствующія имъ монгольскія, тибетскія, китайскія и др. слова вынесены въ особія строки. Если передъ примѣчаніемъ стоитъ сокращеніе, напр. *Бн.*, это значитъ, что примѣчаніе относится къ одному только Боу-наньскому говору.

Эти добавленія дѣлались уже въ набранный списокъ, поэтому они кратки и часть словъ за снѣжностью осталась неопредѣленной. Примѣчанія въ выноскахъ и въ скобкахъ принадлежатъ Г. Н. Потанину. Относительно состава широнгольскаго языка надо сказать, что онъ монгольскій, въ фонетическомъ отношеніи очень напоминаетъ дахурскій, причѣмъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и турецкія, очевидно заимствованныя уже впоследствии. *А. О. И.*

- внѣ Сч. хата.
монг. гада.
вода Сч. усу; Бм. усу; ш. с. хсун.
монг. усун.
водка Сч. турасы; Бм. турасы.
монг. тарасун.
войлокъ У. рсян.
кит. чжань, тиб. чжинъ-ва.
волокъ Сч. чунъ; Тс. чжиранкэй; Бм. чина; ш. с.
чина, уладаги, уладгай.
Сч. монг. чино, чоно.
волосы Сч. усу; У. усу; Тс. усун; Бм. рава; ш. с.
усун.
монг. усун.
воробей У. амичкай; ш. с. бокширге.
монг. бокширга.
ворона Сч. лаува; У. кра; Тс. лаува.
кит. лао-гуа, монг. кэриъ.
воротникъ ш. с. энгер.
монг.
востокъ Сч. дунбанги; Бм. мар чуг.
Сч. отъ кит. дунъ-бянь, ги частица притяженія.
Бм. съ тиб.
вошь Сч. босы; Бм. босун.
монг. бүгсун, бусун.
впереди Сч. мешё.
вскачь на лошади ¹⁾ Сч. холго.
встрѣчать Сч. учжараху.
монг. учираху.
встрѣчать, присутствовать Сч. чжилчжи.
вчера Сч. нигудур.
монг. нигъ-удур одинъ день—тому назадъ.
высокій Сч., ш. с., Бм. ундур.
монг.
вѣнчикъ на головахъ женщины, Сч., У. ноудар.
вѣтвь дерева Сч. пах сарбинн.
вѣтеръ дуетъ Сч. кэй туджи; Бм. вий фийлиа.
вѣять Сч. кишигеху.
монг. кэйскэку.
- Глазъ Сч. нюту; У. нюду; Тс. нутун; Бм. нидун;
ш. с. нютун.
монг. нидун, нудун.
глубокій Сч., Бм. гунн.
монг. гун.
глухой Сч. тэндун кун, лоуду кун.
монг. тэнэк кун.
глухой, Сч., Бм. тулэй
монг. дүлэй.
гнаться Сч. чжураху.
говори Тс. кэли.
монг. кэля.
- годъ Сч. хон; У. фуань; Тс. хуан; Бм. хон.
монг. он; дах. хон, хуан.
голень У. шикей.
голова Сч. толгай; У. толгой; Тс. чорун; Бм. то-
рон; ш. с. тологой.
монг. тологой.
голубой У. куко; Тс. кука.
монг. күкэ.
голубь Сч. кугушкэй; Тс. кугочин.
монг. кэжурчжэгэн.
гора Сч., Тс., ш. с., ула; У. ұла; Бм. улё.
монг. ула.
горить Сч. унгурчи.
горлица Сч. кугушкэй; У. унгускэй; Тс. панджю,
пандю.
Тс. кит. цэю, бань-цэю.
горло пищеприемное Сч. хуан холо; Бм. фузан
голи.
монг. улан хобай.
горло дыхательное Сч. мугурсы холо; Бм. нитыг.
монг. мүгурсун хобай.
городъ Сч. бадзыр; Тс. база; Бм. бадзыр.
горсть Сч. аткд.
монг. атху.
гость Сч. гачин.
монг. гэйчи.
градъ Бм. джарма.
монг. цзарма мелкая крупа.
граница, рѣчной берегъ Сч. чэрба.
градъ, Тс. чикан гура, мөндур.
монг. цаган хура «бѣлый дождь»; мөндур.
грива, ш. с. дель.
монг.
гроза Сч. нохчин; У. нохчир.
громъ гремитъ Сч. тэнгри цагнани, нохчин ирина;
Бм. джигдун хорчжива; ш. с. улү ду гарчи.
Сч. «гроза приходитъ», монг. ирэне; Бм. съ тиб.;
ш. с. монг. луйн ду гарчи «явился голосъ
дракона».
грудь Сч. ишчү, ичү У. ичуу; Тс. эчэм.
монг. үбчүн.
грудь женская У. кокб; Тс. кука; ш. с. кукавн.
монг. күкүн.
губа ш. с. ирын.
монг. урүл?
гумно Сч. итерге; Бм. терьгам.
монг. үтэрме?
густо У. утүгөн.
монг. үтгэн.
- Далеко Сч. колд; Бм. холо.
монг.
дверь Сч. идн; У. удэ; Тс. выйтэн; Бм. ртан; ш.
с. юдэн.
монг. үдэн.

¹⁾ Монг. въ Ордосѣ урулдуху.

- Завтра Сч. магаши (sic); У. маргаши; Тс. ма-
гаши.
монг. маргада, част. ши и въ дах. яв.
завязки на башмакѣ Сч. тейцзы, хайни тейцзы.
съ кит.
задница Сч. кунджёсы.
испорч. монг.
западъ Сч. си банги; Бм. яр чуг.
кит. сибянь; тиб. шар-чог востокъ?
запахъ Сч. хунир.
монг. үнүр.
заплетать волосы Сч. куриху.
монг. гүрүкү.
варя Тс. асман шончжу.
затмение луны Тс. сара каралыва.
въ монг. сара күрелёбе луна въ свѣтломъ
кругу.
затоплять печь Сч. чивеху.
заяцъ Тс. туулэй.
монг. таолай, тулай.
звать, кликать Сч. доудалачху.
съ монг.
звѣзда Сч. хоту; У. фотү; Тс. хотун; Бм. хотун;
ш. е. ходун.
монг. одон.
здѣшній Сч. эндекуни.
монг. энде здѣсь, кун человекъ.
зеленый У. ногон; Тс. ногон; ш. е. ногон.
монг.
земля (прахъ), Тс. шурá, турá.
монг. широй,
земля (страна) Сч. каджир; Тс. качжа; Бм. хад-
жир; ш. е. гаджар.
монг. гацзар.
зима Сч. угуль; Тс. куйтэн ча; Бм. уль.
монг. үбүл.
монг. куйтун цаъ «холодное время».
змѣя Сч. могай; У. могой; Тс. могый.
Сч. монг.
вола Сч. хунисы; У. фунисы.
монг. үнесүн.
золотка Сч. катуи талани учин дю.
монг. катуи супруга, укин дү младшая се-
стра.
золото Сч. алтан; У. хальдан; ш. е. алтан.
Сч. монг.
зубъ Сч. шюту; У. шитё; Тс. шитун; Бм. ртун;
ш. е. шидын.
Бм. изъ шитун, какъ изъ сТонь—рТонь?
монг. шидүн, шүдүн.
зубья въ бердѣ Сч. шюту.
- Избирать Сч. солиху.
манчж. солимби, а въ монг. солиху смѣши-
вать.
- имя Тс. нэрэ.
монг.
ирбисъ, ш. е. ирбис.
- Кабарга Сч. шянцзы има; Бм. хла.
Сч. тянцзы съ кит; има монг. ковель. Бм. тиб.
глава.
камень Сч., Тс. ташь; Бм. таши; ш. е. чило.
монг. чилагун, чилун.
канавка оросительная Сч. тутол (прозви. тутор).
кастрированный мулъ Сч. куугелесын лусы.
Сч. монг. легченый; лусы съ кит. лоцца.
клецъ ш. е. алтага ¹⁾.
кипятить Сч. бичилгаху (прозви. бичиргаху).
монг. буцалгаху.
китаецъ Сч. читай кун; Тс. намча; Бм. хитэй
кун; ш. е. хытат.
монг. китат.
кишки Сч. нарии гедис нарии.
нарии монг. тонкій, см. желудокъ.
клей шубный Сч. чжудьсы.
клопъ ²⁾ Сч. пи-ша (съ кит.).
ключъ У. пылыг.
монг. булак.
книга Сч. шу.
кит.
кобыла Сч. гу мори; У. годма; ш. е. гуюн.
Сч. монг; У. кит. кэ-ма.
когти Сч. чюмисы.
монг. кумусун, кимусун.
коза самка Сч. саржй.
ковель Сч. кунегъ, соохур; У. има; Тс. иман; Бм.
яма; ш. е. има.
монг. има, иман.
ковленокъ Сч. увюгур; Бм. хурган.
Бм. монг. агненокъ.
козуля Сч. има.
монг.
колесо У. терге гурү.
монг. тергэйн күрдү.
колодезь Сч. чжир; Тс. кытүу.
монг. худув.
колоколець Сч. ковгд.
монг. хонхо.
колотушка Сч. домбу.
колотъ, кольнуть Сч. чокуху.
монг. цовиху.
колѣно Сч. подок; У. битёг; Тс. уату; Бм. вэдэг.
монг. абүдүк.
кольцо Сч., У. кэйджур.
кольцо деревянное въ носу ѣздового быка Сч. торы.
монг. дүрү палочка въ ноздряхъ вола.

¹⁾ Монг. шальча.

²⁾ Въ Ордосѣ монг. *улам-аорхой*.

лукъ стрѣлебинъ *Сч.* луму; *ш. ес.* номын.

монг. нумун.

лѣсъ *Сч.* хой; *Тс.* хой; *Бн.* фый.

монг. ой.

лѣто *Сч.* наджыр; *Тс.* калун ча; *Бн.* яр.

дах. нацвир лѣто; монг. халуи цах «теплое время»,
Бн. тиб. дЧжар лѣто.

лягушка *Сч.* мендегей, мянтакей; *У.* палѹг; *Тс.*
бага; *Бн.* мынгей.

монг. мэнэкай, малэкей.

Маленькій *Сч.* мла, млани; итегер; *У.* мла; *Тс.*

мила; *Бн.* ичиган; *ш. ес.* атай, бага.

ср. дах. ицикэн малый; монг. бага, уцухэн.

мальчикъ, *У.* ку пылэй; *Бн.* аву; *ш. ес.* кукюн
(sic).

мараль (*Servus*) *Сч.* богу.

монг. бугу.

маска *Сч.* мѣнгусы.

масло *Тс.* тосѹ; *Бн.* тосу.

монг.

масло желтое, *Тс.* кыйма.

мать *Сч.*, *Бн.* ана; *У.* ама; *Тс.* аный; *ш. ес.* экэ.

ман. энэ мать, ама отецъ; *ш. ес.* монг.

медвѣдъ *ш. ес.* хара гуресун, тулкара.

ш. ес. «черный звѣрь», монг. кара гүрүгсүн (гө-
рбсүн).

медъ *Тс.* шимей (кит.).

межа (пашни) *Сч.* лунган.

мелко *Сч.* чжя.

мельница *Сч.*, *У.* терьмѣ; *Бн.* термам.

монг. терме.

мечеть (мусул.) *Тс.* мэчы.

мизинець см. палець.

млечный путь *У.* намчю¹⁾.

могильная (?) древняя насыпь *Сч.* томлѹк.

можжевеликъ *Сч.* шихпа.

тиб.?

мовгъ, *Тс.* нуусэй.

кит. нао-суй.

мой *Бн.* минн.

монг.

молнія *Тс.* шанчжян.

отъ кит. шань-дянь?

молодица *Сч.* шинагур.

шинэ новый, агур дѣвица, дочь.

молоко, *У.*, *Тс.* най-цзы; *ш. ес.* хсун.

У. кит; *ш. ес.* монг. сүн.

молоко забродившее, съ котораго снято масло,
ш. ес. ундаи.

монг. унда напнтокъ.

молоко кислое, съ котораго не снято масло, *ш. ес.*

тарах.

монг.

молотить *Сч.* чжанчжяку.

монг. цванчяху бить.

молоть *Сч.* чжураку.

см. гнаться.

монастырь *Сч.* сюмѣ.

монг.

морда (лошади, коровы, собаки) *Сч.* кошу.

монг. хошун.

моча *Сч.* шесы.

монг. шигесун, шесун.

мужск. половой органъ *Сч.* чучѹ.

ман. чочо.

мужчина *Сч.* нун кун; *У.* ку кунь; *Бн.* эрэ кун;

ш. ес. бисету кун.

всѣ 3 монг; *ш. ес.* «женатый человекъ».

мужъ *Сч.* курген.

монг. ку + иргэн.

мука *Сч.* гурю, гурюр; *Бн.* гурѹль.

монг. гулир.

муль *У.*, *Бн.* лоса.

кит. лоца.

муравей *У.* шоргольджен; *Тс.* па бэ цэу.

У. монг; *Тс.* мѣстн. кит.?

мутная вода *Сч.* 1 хулан усу, 2 палѣкур усу.

1 *Сч.* «красная вода». 2 *Сч.* монг. булангир усу.

муха *Сч.* шумул.

мышь *Тс.* гсыган.

мѣдъ желтая *Сч.* теушй; *У.* чес (?); *ш. ес.* голд.

монг. гаоли, гѳли.

мѣдъ красная *Сч.* джес; *У.* цзонмар (?).

монг. цэес; тиб. зань мѣдъ, дМар красный.

мѣсяць тѣсто *Сч.* нукуху.

монг. растирать.

мѣсяць *Сч.*, *У.*, *Тс.*, *Бн.*, *ш. ес.* сара.

монг.

мѣхъ кузвечный *Сч.* хунь ся.

отъ кит. фынъ-сянь.

мѣшать въ чашкѣ *Сч.* котогаху.

монг. кутхуху смѣшивать.

мѣшокъ большой *Сч.* ута.

мѣшокъ небольшой дабовый *Сч.* тобуру.

мясо *Сч.* маха; *Тс.* мига; *Бн.* мага.

монг. мѳха, маха.

Набрюшникъ въ видѣ кармана *Сч.* уйдыр.

наконечникъ стрѣлы *Сч.* джебе.

монг.

намордникъ на мула *Сч.* уор.

наперстокъ *Сч.* тенъджур.

можетъ быть съ тиб.; по тиб. иЦаув-рТень.

небо *Сч.*, *У.*, *Бн.* тэнгри; *Тс.* асман; *ш. ес.* тэнгери.

Сч., *ш. ес.* монг.

¹⁾ Это переводъ китайскаго «небесная рѣка» на тибетскій.

- пахарь *Сч.* хулучи.
пашня *Сч.* таран; *Тс.* чжончжа.
Сч. монг.
пей *Тс.* учн.
монг. уху нить.
перо *Сч.* чиндага.
монг. чиндага бѣлый заяцъ.
печень *Сч.* харьги; *У.* ельгѣ; *Бн.* ильгѣ.
монг. алыгѣ.
печь *Сч.* соуха.
см. кухня.
пещера *Сч.* ёдун (*кит.* яо-дунъ).
пила *Сч.* чиру.
монг. кирүгѣ, киру.
пирь *Сч.* нырь, курун.
монг. найр, хорим.
письмо *У.* бичик; *Тс.* ужиг; *ш. ет.* бучик.
монг. бичик; а үсүк буква.
плачь *Тс.* выйла.
монг. уйла.
племянникъ *Сч.* чы; *Бн.* цу.
кит. чжи.
плеть, бичь *Сч.*, *У.* рчу.
отъ тиб. лчжаг?
подкова *ш. ет.* така.
монг.
подлѣ бокъ, въ сторонѣ *Сч.* хачжиду.
мон. хачжуда, хачжигуда.
подопшва башмака *Сч.* ула.
монг.
повдно *У.* орой.
монг.
покрасвѣтъ отъ стыда *Сч.* ичечжи.
монг.
полнолуиѣ *Сч.* путунъ сара.
монг. будунгуй темный.
половина *Сч.* чжарым.
монг. чжарам яро для двухъ быковъ.
полярная звѣзда *Сч.* кани хоту; *Тс.* цзывэй-синъ.
Сч. «царская звѣзда», монг хани одон.
Тс. кит.
пометь лошадей и коровъ *Сч.* харгал; *Бн.* харга.
монг. аргал.
пометь бараний *Сч.* хоргосы.
монг. хоргосун.
твердыя отложенія человѣческія и животныхъ
Сч. бас.
монг. басун.
поперекъ *Сч.* хонделян.
монг. күндүлән.
поросенокъ *Сч.* какай чульджигар (*произн.* чур-
джигар).
монг. гахай, цзулцага.
потъ *Тс.* кулесун.
монг. вүлүсүн.
послѣзавтра *Тс.* чинаджи.
отъ монг., чинакши далѣе.
почки *Сч.* пори; *У.* борё.
У. монг.
праць *Сч.* хурби.
по монг. хажагабчи, гуйбур.
пригоршня *Сч.* битё.
монг. битүгү, битү.
принеси *Тс.* ачирѣ.
изъ монг. абчи ирѣ.
пробудиться *Сч.* ширгэху.
монг. сэргэкү отрезвиться.
прятать *Сч.* нюху.
монг. нигуху, нүху.
прятать *Сч.* хураху.
монг. хуріјаху, хурăху собирать.
пташка *Сч.* амицкай.
птица *Сч.* шипо; *У.* шиво; *Тс.* шивам; *Бн.* амичи
(домашняя); *ш. ет.* шовун.
монг. шибун, шүбу, амичи—живность (отъ монг.
амин).
пугаться (испугался, шарахнулся) (о мулѣ) *Сч.*
кургана.
пуговица *Сч.* тогчи; *У.* табчу.
монг. тобчи.
пуля *Сч.* суму.
монг. стрѣла.
пушь *Сч.* куйсы.
монг. куйсу.
пустельга? (монг. ительгѣ) *Сч.* тергѣ.
пухъ *Сч.* бурбур.
пчела *Тс.* чжинъ бамбынъ.
по тиб. пчела вунъ-ва, бунъ-ба.
пшеница *Сч.* бидей; *У.* будѣ; *Тс.* будэй; *Бн.* бутдей;
ш. ет. богдүй.
монг. бугудай.
пѣтухъ *Сч.* кунъ-дже.
кит. гунъ-цзи.
пятна *ш. ет.* зонай.
Радуга *Сч.* солонгу; *У.* солонго; *Тс.* лун сумани
Бн. джа (танг.); *ш. ет.* солонго.
ш. ет. монг.
разрушать *Сч.* бѣтѣрху.
монг. эбдэкү, эбдѣрэкү.
рано *У.* иртѣ; *Тс.* чэвѣ; *Бн.* иртѣ.
монг. эртѣ.
расплетать косу *Сч.* ырдырху.
? разрушать, отъ эбдѣрэкү, какъ и въ дах.
рваться *Сч.* цысараху.
монг. тасулаху.
ребро *Сч.* капсы; *Тс.* каруга; *Бн.* харга.
монг. хабису.
ровный *Сч.* тебшин.
монг. тѣкши, а тебши блюдо.

- спереди *У.* меша.
спать *Сч.* унтаджи бон; (спить); *Тс.* хунтура (спи);
Бн. 'трапа (спить).
монг. унтаху, унтачжи байна.
спрашивать *ш. е.* сурку.
монг.
ткацкий станокъ *Сч.* ходжан, мэргэнэ чжэцзы.
старикъ *Сч.* лоудигэр ¹⁾; *Бн.* (зват.) дэдэ.
Сч. съ кит.? *Бн.* отъ кит. дѣ?
старуха (звател.) *Сч.* нини; *Бн.* нэнэ.
ср. монг. эмэгэн, ман. энѣ.
старуха *Сч.* нинингэр.
старый *Сч.* коучин; *Бн.* кокушон, хойчен.
монг. хагучин, хучин.
стволь дерева *Сч.* пах шулун.
стогъ *Сч.* толд.
столь *У.* шире; *Тс.* шире.
монг.
стремя *Сч.* тын; *ш. е.* дорб.
монг. дуругэ, дбрб.
струя каборожья *Бн.* ларси.
стрѣла *Сч.* суму; *ш. е.* сумын.
Сч. монг.
стрѣлять *Сч.* кармуху.
монг. харбуху.
стѣна дома *Сч.* *У.* балгаси; *Бн.* ртам; *ш. е.* кэрим.
монг. балгасу городъ. *Бн.* тиб. аГрам, чит. Дам.
Бн. монг. кэрэм, ман. кэрэму.
сурокъ *Сч.* тарбага; *Бн.* шя.
монг. тарбага. тиб. ча-ва.
сухожилье *Сч.* шюрпүсй.
монг. ширбусу.
сухой *ш. е.* курй.
монг. хурай.
суставъ пальца *Тс.* гуру уэ.
монг. хуру, уйе.
счастье *Сч.* таларга.
отъ монг. далага стрѣла при жертвоприношеніи?
счетъ *Сч.* то.
монг.
считать (о деньгахъ) *Сч.* толоху.
монг.
сынъ *Сч.* ку; *Тс.* кывэм.
монг. вүбүй, вү.
сынъ, мальчикъ *Сч.* кукер.
монг. хүхэн.
сырой *ш. е.* чиктэй.
монг. чиктэй.
сыръ *ш. е.* чурмэ, идэк.
мон. эцэгэй; *монг.* үрүмэ пѣнки сливокъ?
- сѣверъ *Сч.* пей банги; *Бн.* шян.
Сч. кит. бэй бянь. *Бн.* тиб. чжанъ.
сѣдло *Сч.* имель (проян. нмер.); *Бн., ш. е.* емель
Бн. монг.
сѣмя *Тс.* уасун фүрэ.
монг. үрв сѣмя.
сѣноставка (*Lagomys*) каталюр; *Бн.* шира нюк;
ш. е. сарык теге.
сѣрый *Бн.* боро.
монг.
сѣть для ловли *Сч.* тор.
монг.
сѣязка *Сч.* лу.
отъ кит. лоу-доу?
- Тамонный *Сч.* тэндэкуни.
монг. тэндэ тамъ, кун человекъ, тэндэки та-
монный?
тангутъ *Сч.* тэбэ кун; *Тс.* сифань; *Бн.* тангул.
ш. е. тангыт.
Тс. кит. *Бн., Сч.* монг. тангут, түбэт.
твой *Бн.* чини.
монг.
телега *Сч.* терге; *Бн.* шангрта (танг.).
Сч. монг.
теленокъ *Сч.* пирү.
темно *Сч.* карангу; *У.* харангу.
монг. харангуй.
темя (черепъ?) *Сч.* каблик.
испорч. санскр. капіла.
тестъ *Сч.* кадун орук.
тесма *Сч.* тсма.
? съ рус?
тетива *Сч.* лумуне утасы.
монг. нумун-у, утасу.
тигръ *Сч.* барс; *Тс.* басы; *Бн.* пас; *ш. е.* барис.
Сч. монг.
ткать ¹⁾ *Сч.* никэху.
монг. нигэтвү соединить,—ся, нигткү выжимить.
быть товарищами *Сч.* нюкюргеху.
монг. нүкүрлжү.
толочь *Сч.* нидуху.
монг. нидүкү.
толстый *Сч.* чжучжан; *Бн.* дэйдян.
монг. цэуцайя.
толстый, большой *Сч.* пэтуя; *Бн.* пэтуя.
монг. бүдун.
тонкій *Сч.* мэнгэ; *Бн.* нинган.
монг. нимэгэн, нимгэн.
топиться въ водѣ *Сч.* дююльху.
монг. дэгүликү.
топоръ *Тс.* сюкэ.
монг. сүкэ.
- ¹⁾ Почтительно къ старикамъ обращаются съ сло-
вомъ итигү кунъ. *Г. П.*
дах. эгеху старикъ,—уха. *А. И.*
- ¹⁾ Монг. въ Ордосѣ дэладиху.

чистый Сч. арун.
монг. арүн.
чортъ Сч. дугули; Бн. чиктыр.
монг. чиктур.

Шагомъ (ѣхать) Сч. ѣго.
монг. эхэ, ман. элхэй спокойно?
шадровитый, рябой Сч. мэзы.
кит. ма-цзы.

шаманъ Сч. бо.
монг. бб.

шапка Сч. марга; У. малга; Бн. сэмуя; ш. ет.
малгый.

монг. малагай.

шапка женская съ металлическимъ трезубцемъ
на вершинѣ У. борбольчжин ноудар.

шелкъ Сч. торго.

монг.

шерсть У. унгасы; Тс. ногусун; Бн. ногусун.

монг. ангасун.

шея У. кучю; Тс. кучжин.

монг. күцэуи.

шкирдь Сч. бачикэ.

шкура Сч. арасы; Бн. арасун.

Бн. монг.

шляпа ш. ет. малгай.

см. шапка.

штаны Сч. мутуг; ш. ет. мүдун.

монг. үмүдү.

шуба Сч. нэкэй¹⁾; У. тэль; Бн. дэль; ш. ет. тиль.

монг. дэбал. дэгэл, дэл.

шуринъ Сч. катуи талани гага (или дю).

«братъ жены», гага монг. аха.

шулята Сч. пурдук.

монг. буртак гравъ?

Щека Сч. кычэ; Бн. джамба (танг.).

щенокъ Сч. кульгэр, Сч. кулгар; Бн. хаба.

монг. гүлигэ.

Вшь Тс. ичжэ.

монг. вде, ман. чжэмба.

Югъ Сч. навъбанги; Бн. лто.

кит. нань бинь; по тиб. лХо.

Я Сч., Бн. би.

монг.

яблоко Сч. амла, алима.

монг. алима.

ягнонокъ Сч. курга; ш. ет. хурган.

монг. хурага, хураган.

ядро (?) Сч. сангрык.

языкъ Тс. кэлэн.

монг.

яйцо Сч. эндигэ; Тс. эндигэй.

монг. үндүгэн, үндөгөн.

якъ, сарлыкъ Сч. кайнэг; У. хайнэг; Бн. хайняк

монг. хайнуе, сарлук.

якъ самка У. рто нью.

кит. ню корова.

помъсь яка У. мусун.

см. хайнякъ.

ярмо Сч. таньчжа.

яръ Сч. ерге.

монг.

яръ, скала Сч. кадан.

монг. хада.

ястребъ ш. ет. карчигей.

ящикъ У. пангуй; ш. ет. ргам.

У. съ кит.

ящерица Сч. шбшней; У. шашилю; Тс. шошоули

С ч е т ь.

	Монгол.	Сань-чуань.	У-лянь-бу.	Боу-нань.	Шира-егурь.
1	нигэн	нигэ	никэ	нигэ	нигэ
2	хойр	кор	кор	гар	кур
3	гурбан	гурбань	гуран (sic)	гурбон	гурбан
4	дүрбэн	дөрбянь	дэрэн	дурбен	дурбен
5	табун	табын	тавын	та'и	табын
6	цзурган (чжиргуган)	джургон	джургон	джиргон	джюргон
7	долон	долон	толон	толун	долон
8	найман	найман	найман	найман	найман
9	яисун	юсун	рсын	есун	исун
10	арбан (дах. харбын)	харбан	харван	харвон	харбан
11	арбан нигэ	—	хран никэ	—	—
12	арбан хояр	—	хран кор	—	—
20	хорин	—	хорин	хорун	хорин
30	гучин	—	хочин	хубаран	гучён

¹⁾ Нагольная.

	Монгол.	Сань-чуань.	У-лянь-бу.	Боу-нань.	Шира-егури.
40	дүчин	—	түчин	дериран	дүчол
50	табин	—	тамн	та'мвран	табын
60	чжиран	—	джирән	джиргонран	джирән
70	далан	—	тэлян	толунран	талан
80	наян	—	наян	нйманран	наян
90	йирән	—	ирын	есунран	ирән
100	цаун	—	джон	нигэ джон	джуун
1000	минган	—	минхан	ртунсу (съ тиб.) нигэ	мынган
10,000	түмэн	—	—	—	төмөн

Ф р а з ы.

Моя лошадь мнѣ морн. Сч.
 Этотъ годъ нэ (ср. ман. нэ теперь, монг. энэ этотъ) хуан. Тс.
 Въ этомъ мѣсяцѣ нэ сара. Тс.
 Слѣдъ ноги лошади морни корни орон. Сч.
 Во время моей молодости мнѣ млада. Сч.
 Ножикомъ читогò голò. Сч. рукой кар голо. Сч.
 Сдѣланъ изъ бумаги чирсы голò хйсын. Сч.
 Что хотите изъ этого сдѣлать? энэ голò яна? Сч.
 По этой причинѣ, поэтому терь голò. Сч.
 Этотъ человекъ хуже того энэ кун тэн кунса му. Сч.
 Ъдущіе вверхъ и ѣдущіе внизъ доро ябучин дере ябучин. Сч.
 Вари пищу кутан чина Ён. (вмѣсто саньчуаньскаго: бута чина).
 Кушайте! шіуткэр чинла! (жит. цинь, цинь-лэ прошу) Сч.
 Не плачь бо уйла. Сч.
 Не скачи бу хорго. Сч.
 Щипай мясо махани чак. Сч.
 Привяжи за ноги кòрса уй. Сч.
 Откинь кручину, перестань думать битэкэн санар кій. Сч.
 Если бросать (стрѣлу), такъ бросай! чокибани чоко! Сч.
 А сахаръ пусть въ бумагѣ лежитъ пейтан чирсытай сугй. Сч.
 Ударяетъ по головѣ книгой (благословляетъ) багна. Сч.
 Принесъ ачирэвэ, ачирэчжун. Тс. не принесъ сачирэвэ Тс.
 Всталъ осна. Ён.
 Ёль идисам. Сч.
 Сварили пычалува. Тс.
 Умеръ укучжовэ. Тс. укуджон. Сч.
 Изорвался цысарасэн. Сч.
 Выросло (?) эдигесын. Сч.
 Пришли ладить ясагад причжи. Ш. ег.
 Выздоровѣль эдигесын. Сч.
 Изломался какараба, какараджон. Сч.
 Спрятано хураджон. Сч.
 Укусишь качжасын. Сч.
 Убилъ аладжон. Сч.
 Пробудился ширгэсэн. Сч.
 Подбросилъ кырласын. Сч.
 Радовался баяссын. Сч.
 Осталось хулисын. Сч.
 Поѣхалъ дорогой мор яуна. Сч.
 Уѣхалъ въ деревню Наньжа—Наньчжату очпа. Сч.
 Сильно мучился думой шуко санар чжобочи. Сч.

Найдся, сталь сыть чжотосын. Сч.
 Вставши, убъжалъ босоду тутачжи яуңе. Сч.
 Не вскипѣла бу бичирджон. Сч. (вода) сы пычалучживе. Тс.
 Не вытерпѣлъ тэссэн уга. Сч.
 Не жарался чійлихуга. Сч.
 Разсѣялъ (тучи) ырдырасын. Сч.
 Поручился дасын. Сч.
 Оповдалъ утавь. Тс.
 Солнце взошло нара гарва. У. наран кычирва. Тс. нара карла. Сч.
 Солнце закатилось нара батава. У. наран пытава. Тс. нара бакталá. Сч.
 Луна пополнила сара юндава. Тс.
 Мѣсяць умеръ (новолуніе) сара ули учигнй. Сч.
 Луна затмилась (затменіе) сара баралыла, сара кердила. Сч.
 Помогилъ, поклонилъ чорон моргучжува (или могучжува). Тс.
 Небо очистилось, ведро арульчи. У.
 Занепастило тэнгри бороточжи. У.
 Окованъ чорголосын. Сч.
 Ледъ образовался мурсы кульдеджон. Сч. мянсун кванчжи. Тс.
 Затуманилось маран битечжи. Сч.
 Камни покатались ташь (тюрк.) хонгурчи. Сч.
 (Гэсэръ) обнаружилъ, показалъ дурное лицо му чирь гаргасын. Сч.
 Схваченая за хвостъ стояла сѣрса бариду суусын. Сч.
 (Гэсэръ) заставилъ снѣгъ выпасть чирсы богорсын. Сч.
 Хлѣбъ побросалъ въ снѣгъ бобо чирсынду унаргасын. Сч.
 Свѣча отаяла ла (кит.) шингэрэсэн. Сч.
 Ледъ растаялъ мянсун шимчирэ. Тс.
 Градь побилъ хлѣбъ мендур тара багни. Сч.
 Увеличилъ противъ заказа шукодаджон. Сч.
 Обмалилъ, сдѣлалъ меньше противъ заказа млададжон. Сч.
 Насталъ полдень удур соко болба. Сч.
 Дерево искривилось пах мерджи. Сч.
 Дерево развѣтвилось пах салаладжи. Сч.
 Мою лицо тама угани. Сч.
 Идетъ, приближается ирчжува. Тс.
 Вречить варатана. Тс.
 Спать унтачжи бон. Сч.
 Дождь идетъ тэнгир хура оручжива. Тс.
 Пирожки прыгутся поуцзы (кит. бао-цзы) чинасэр бѣйна. Сч.
 Ъсть идилон. Сч. лама ѣсть лама идисэр бѣйна. Сч.
 Зоветъ, кличетъ доудолон. Сч.
 Говорить: «полджин!» таби гелон. Сч.
 Гдѣ, говорите, остановился? анджй сува гелон. Сч.
 Идетъ за водой усургала ябучи. Сч.
 Пасеть лошадь мори танглачи. Сч.
 Снѣгъ идетъ часы орона. У.
 Сучить (нитку) дельгенё. Сч.
 Ткетъ нежена. III. ег.
 Вѣетъ вишигенё. Сч.
 Блюеть борчжичжи. Сч.
 Приносятъ клятву чжу идичжи. Сч.
 Не знаю ли—медина. III. ег.
 Это письмо слѣдуетъ доставить въ ямынь города Хойсянь эне бичие хойсяни ямынту
 тушачжи угуху. Сч.
 Пользы нѣтъ туса угу бон. Сч.
 (Они) дружатъ, состоятъ товарищами нюкергена. Сч.

Либо Гэсэр погибъ, либо войско хорскаго царя Кэркэра идетъ нигэ боло Гэсэр угейдачи
 нигэ боло Хор Кэркэр чжавуни чирик иричжи бом. Сч.
 Затворю хайчжи кий. Сч.
 Я принесу би абалачжи. Сч. ачирээ. Тс.
 Вскипячу бичилгай. Сч.
 Посодѣйствую нюкергий. Сч.
 Разочту, подумаю боодой. Сч.
 Испугаю айргай. Сч.
 Поручусь дай. Сч.
 (Привѣтствіе при встрѣчѣ: амур сайн чикер менду. Би.).
 Сколько тебѣ лѣтъ? насун кэтун болына? Тс.
 Какъ тебя зовутъ? чини нэрэни ям генѣ. Тс.
 Что онъ говоритъ ю гелон? Сч.
 Куда поѣхалъ? анджи шеунѣ? Сч. кала ичине? Тс.
 Стала ли рѣка? гол барджу? Сч.
 Пошла ли рѣка? гол тайббу? Сч.
 Ты во мнѣ чего боишься? чи манайду юса айчжи байнѣ. Сч.
 Сколько этого серебра тутъ окажется, столько пусть и запишется эне менгу кеду лан
 айбалани джуриги. Сч.
 Между тѣмъ, тѣмъ временемъ терь чжапсырту. Сч.
 Невозможно читаданѣ. Сч.
 Нельзя пить удаанѣ. Сч.
 Нельзя проѣхать яуданѣ. Сч.
 Не хватить кучиданѣ. Сч.
 Если нужно кереглибани. Сч.
 На ходу согрѣешься яббалани халана. Сч.
 Нужно кэрэуна. Тс. ненужно улэ кэрэуна. Тс.

Примѣчаніе. Всѣ фразы чисто монгольскія съ небольшими фонетическими отличіями; слова
 въ нихъ тоже монгольскія (за исключеніемъ нѣсколькихъ), потому я считалъ лишнимъ отдѣльно
 приводить соответствующія монгольскія слова и фразы. Только въ спискѣ числительныхъ при-
 вель монгольскія для сличенія. А. О. И.

VIII.

Собраніе словъ саларскаго нарѣчія ¹⁾.

(Записано въ деревнѣ Ташкуль на р. Сэнгиръ).

Адамъ Адэм ²⁾.

арыкъ, канава оросительная арух.

Бабочка кенделех.

балахонъ однорядный на женщинахъ чамджа.

балки, лежація на тергегахъ (см. подпорка) лян.

баранъ кой.

барсукъ борсуг.

башмакъ хай.

беременная (о женщиѣ и о скотѣ) буйгыр.

благовонный талі искилр.

близко яхын.

бляха мѣдная хелли.

блюдо тавах.

богатый бар кши.

Богъ худъ.

больной агрыг.

большой уллѣ.

борода сагал.

братъ младшій ине; старшій кага (ага)?

бровь кулюх, курлюх (?).

брусъ пилю.

брюхо кусах.

бубень джанганах.

бубеньчикъ, ширкуонецъ комирн.

бумага хаги (хагит).

бусы малу.

бѣдный йок кши.

бѣлый ах.

босой ялам-адах.

браслетъ панджир (?).

бѣжать юкуруб юрь.

Варить аш кайнатур.

вверхъ олани.

ведро (посуда) сапчах.

верблюду тѣвѣ.

веревка урхан.

веретено ну.

вершина горы таг паши.

вершина рѣки гол иши.

весло сам.

вечеръ кэшлюгу (кэшлик?).

видѣвшій сонъ тиш курмишь.

видѣть ушеръ (?).

вилы ѡва.

виноградъ путѣ (съ кит. пу-тао); сушеный ѡ-
зюм.

внизъ иншани.

внукъ сундзы (съ кит.).

внутри ишинде.

внѣ ташинда.

вода су.

водка сорма.

волкъ чина.

волосы сашь.

волючий яман искилр.

воробей уй сечже.

воротникъ яха.

воръ угри.

востокъ кунъ чиккан яни.

востокъ мешриб.

¹⁾ Академикъ В. В. Радловъ имѣлъ любезность про-
смотреть по нашей просьбѣ этотъ списокъ саларскихъ
словъ, а также и слѣдующій списокъ хара-ѳгурскихъ,
и сдѣлать въ нихъ свои отмѣтки въ сомнительныхъ
случаяхъ.

²⁾ Самый младшій изъ семидесяти двухъ сыновей
Адема назывался Ши-цзы.

кнпятокъ кайнар сух. (ср. вода су? сух?)

кисть руки эль.

кишки багарцаух (монг. нари гедису).

кльтка птичья лунцзы.

клювъ агзы (= ротъ, вѣр. = куш агзы).

ключь, родникъ юль.

ключь къ замку келит.

книга китаб.

князь (монг. ноюнъ) цеу.

кобыла хысырах.

коготь тырнаг (ср. ноготь).

ковель ишки.

колесо коскур.

колодезь гуй.

колпакъ бѣлый въ родѣ башлыка кэтѹ.

колчанъ садых.

кольцо кэнджир, кэджир.

колѣно тизин.

комета куйрух юлтус (ср. свѣда юл дувъ).

копать казы.

кора древесная тал гох (?).

корень древесный тал узех (?).

корзина чеден, суюмур.

корзинка для муки пола.

корзинка ручная кала.

корова кулиу.

корчага (такъ назыв. по китайски гаяъ) ситан.

кость, синэх (симэх?).

косыкъ яныг, ко-яныг (ср. дверь кау).

котель казын.

кочка у верблюда эджета (монг. боко).

кошка мѣших.

краска чуджих.

красный кызыль.

ремень чихмыг.

кривой (глазомъ) кый.

кричать сыкара.

кровля лян.

кровь кая.

круглый коскур.

кружка глиняная сюезе.

крыло канат.

крышка тох; крышка на котель казын товах.

кувшинъ или сосудъ для воды въ видѣ низкой бутылки съ ручкой атымъ.

кузнецъ темирджи.

кулакъ джугурдух, эль (ср. рука, ладонь).

купецъ сачихчари (?) (садихчи?).

курица тох (таухъ?).

куропатка горная кегелих.

кусать каджа (?).

Лагунъ для воды сучах.

ладонь эль (?).

лампочка чинчжан.

лапша ашь (по широнгольски ласъ).

левъ аслан.

легкій юмыл.

легкое ухэн.

ледъ муз.

лезвее агсы.

лизать яла.

лисица тюльго.

листь ярвах.

лицо юз.

лобъ мынгзы.

ловить рыбу тамна.

лодка кеме.

ложиться ятмишь (причастіе).

ложка джог.

локоть пилыгы.

лопата бурэх.

лопатка (кость) ягрин.

лошадь ат.

лукъ стрѣлбный я.

лѣкарство емъ.

лѣкаръ отаджи (= уйгурск.), бахумджи.

лѣстница озенго (?).

лѣто ий (= ай?).

лягушка пага.

Малый кичи.

мальчикъ, сынъ огул пала.

масло яг.

масло ленное хума яг; масло сурѣнное кэзы ят

мать иджа.

медвѣдь ачих (ач'х) (= уйг. адык).

медъ пал, паль.

мельница термен.

мерзнуть сухари (?).

мечеть мишт, мист.

много коб, купари (?).

могила турбетъ.

мозгъ мынс (мымыс?).

молиться (?) панкенеене (?); молиться Богу башиури (?).

молнія илдырджан.

молодой человекъ игит кши.

молоко сѹть.

молотить тогмах туйпар.

молоть тохмах.

молоть теским пар (?).

молчать ачих кіймыш (?) (отвѣтъ на вопросъ какъ посаларски перевести монгольское урла джи, «сердится»).

монголь—могол.

мостъ кумыр.

мужчина ерь кши (?).

мука унь.

Рабъ джарыкчи, джарган кши.
 радуга мелекё, меке.
 развалины города, древній необитаемый городъ
 исар.
 раковина пузу аш (?).
 ребро кохка.
 рогъ момус.
 роса чихсу.
 ротъ агсы.
 рубаха хантар.
 ружье пу.
 рука голъ; вадъ ручной кисти аржи.
 рука правая сах эль; лѣвая сол эль.
 рукавъ ии.
 ручка (у чайника) сап.
 рыба палих.
 рыть могилу турбетъ азар (казар?).
 рѣка гол, мурень, увень.
 рѣсница су кѳрлюх.

Сабля килиш.
 сажа, копоть кара.
 сахаръ бѣлый ах шатан; сахаръ черный хара
 шатан.
 свадьба, той.
 свинець ах кэн (вѣр. ошибка, вмѣсто кара кэн).
 свинья томус.
 свѣтильня чиралых.
 свѣтло, ясно ярух.
 свѣча ла.
 сегодня бѳгѳнь.
 сердце ирэх.
 серебро кѳмышь.
 серпъ орах.
 серьга сырга.
 сестра младшая симне; старшая аджа.
 сильный кѳшлѳг, кучи улар пар.
 синий кѳх.
 сирота ечим кши (монг. унечин).
 сито илэх.
 скала ташь-кая.
 скалка кальчан.
 скорлупа орѳховая хос кох (когы?).
 скорлупа яичная юмыта кох (когы?).
 скоро линген.
 скоть малъ.
 скрипка (кит. шяндзы) козы (кобузы?).
 слабосильный кѳчи юхар.
 сладкй талляру (?).
 слеза яшкузѳ (кѳз яшы ср. глазъ).
 слово сѳсь.
 слѣпой мѣнь кѳрмири (я не вижу?).
 слюна кохсу.
 смѣяться кѳле.
 сноха янгу.

снѣгъ карь.
 собака ит.
 сова пия-гушь.
 солнце кѳнь.
 соль туз.
 сопля пурнй су (суты?).
 сосать (грудь) емджих емпирари (=амип+пер).
 соха сован.
 спать ухлѳ.
 спина арха.
 спроси сор.
 станокъ ткацкй тахша.
 старикъ кари кши (ср. дѣдъ).
 старуха кари катун кши (ср. дѣдъ).
 степь тысь (тѳсь).
 столик шира.
 столъ для стряпни (большой) хоона, кона.
 стремя тин.
 стрѣла ох.
 стрѣлять вур (слѣд. прибав. ох).
 ступня аях (ср. босой).
 стѣна чидары.
 сука чи, ганчихой.
 сурокъ схур (=сур?).
 сухой гури (?).
 сырой уши.
 сѣдло имер; сѣдло вьючное, 'нигырцах ¹⁾.
 сѣдой ах сашь.
 сѣноставка (широнгол. хаталюръ) тушан геме,
 чулох геме.
 сѣть рыболовная тор.
 сѣять сар урпар (?).

Твердый хати.
 телега камри.
 теленокъ пывѳ.
 темно карангу.
 тема пашь отасы.
 тенета пый тор.
 теперь нинган (?).
 тетива килиджа.
 тигрь барс.
 тихо асан.
 толстый халун.
 тонкй, узкй нѣшкѳ.
 топоръ палта.
 тощй аруг.

¹⁾ Тѣмъ же именемъ ангирчакъ вьючное сѣдло зовутъ и монголы сѣверной Монголии. Это слово встрѣчается у Рашидъ-Эддина (рус. перев., т. I, стр. 122); русскй переводчикъ напрасно перевелъ его словомъ «повинность». Оно стоитъ рядомъ съ словами: подвода, веревки (аргамджи), т. е. въ числѣ предметовъ, необходимыхъ при вьючкѣ, которые собирались съ народа въ случаѣ похода.

трава чѣб.
тростникъ камыш.
труба пурѣ.
трупъ смѣх (кости?)
тупой иглы и мѣсари (?).
тушить от сѣмишь.
тѣвъ иланкут.
тяжелый агыр.

Уголь гумыр; уголь въ раскаленномъ состоя-
нн кос.
умъ юмыль (?).
уполовникъ шинага.
устѣ (рѣки) узень адаги (ср. босой, ступня).
утесъ (каменный) шибан кая.
утка пат, су-пат.
утомиться ятѣ, ятамиш.
утро этесѣ (вм. эртесѣ).
ухо кулах.

Фазанъ сюхулюн.

Ханъ падишах.
ха-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) ишседед гун.
хлопчатая бумага мамху бадам (?).
хлѣба ашлых.
хлѣбъ печеный эмех.
хозяинъ хаванджи.
хозяинъ дома ѱй башн.
холодно сухара (?).
холодная вода сок су.
хорошо якши.
хромой ахсах.
Хуанъ-хѣ Мурѣн.
худо качжан (?), яман.

Цвѣтокъ чичжек.

Чайникъ мѣдный тангын.
чайникъ или кружка для воды тангын.
чалма тастар.
чашка большая фарфоровая сандзы.
чашка чайная джуира.
чело печи, гдѣ огонь горить очаг, очаки.
человѣкъ киши.
челюсть янах (ямах).
червь гут.
черный кара.
четки тесьпига.
чистый ари; не чистый ари и мѣс.
Читай-коу (рѣчка) Моголь-голь.
читать уху.
чортъ шитан, яблис.

чохъ, пришитый на шубѣ ребенка¹⁾ хали.
чулки, сшитые изъ дабы ленга.
чулки шерстяные мууары (?).

Шанъ-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) уредед гун.
шаровидный кулюлук (?).
шапка цворах (зорах?).
шелкъ товар.
шерсть юн.
шея пуйни.
шить (шубу) тон чѣхжурѣ (?).
шишечка на шапкѣ сигмѣ, тигмѣ.
шкура тере.
штаны иштан.
шуба тон.

Щека ѱая (ср. лицо).
щенокъ ивчхолоа (?).
щипцы желѣзные для углей темир ходжу.

Ѳсть дже.

Яблоко алима.
ягненокъ кѣвы.
ядъ агу.
языкъ тиль.
яцо юмыта.
яръ (скала) кая.
ящерица илян кенделих.
ящикъ сандух.

С ч е т ь.

1 шир
2 ишки (икки?)
3 ѱш
4 тѣрт
5 пи
6 алчи
7 иди (йиди?)
8 сѣкне
9 токуз
10 он
20 джвгирме
30 отуз
40 кырых
50 ялѣ
60 алмышь
70 итмышь (йтмышь)
80 сѣксѣн
90 токсан
100 юз
1000 мвн

¹⁾ Вѣсто амулета.

Ф р а з ы.

Приди вагур (=вар+?); не приходи вамас (=вармас?)
 Садись отур
 Не будеть больмайдур
 Моя жена мени кени (=менинг келиним).
 Моя шапка больше твоей мени: сурах (зорагымъ) сяниге сурахка (сени: зорагым:а)
 баяша уллари (бакса (?) уллурах)
 Читайпу меньше чъмъ Сюньхуатинъ? Читайпу Языбазар вохса (бакса?) кичидур.
 Сюньхуатинъ больше. Языбазар джадых дур
 Желтая рѣка больше рѣки Читайкоу. Мурен увене агса уллари (бакса уллурак?)
 Довольно ли? огар му ому гар? (?)
 Эта лошадь моя. Ву ат миниги дур.
 Это что? пу нан дур (не дур?)
 Это что за вещь? пу нан во дур?
 Какого цвѣта? нанъ янши дур?
 Какого поколѣнія? сень нанъ дур?
 У тебя сколько сыновей? саниа огул (н) эчи бар?
 Сколько лѣтъ? (н?) эчи яш олмышъ?
 Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ пиръ нль он ни ай.
 Десять деревень он агыл
 Ты саларь ли? сень салыр дуру?
 Если у тебя есть деньги, дай мнѣ. Сениги хелли воса (боса=болса?) ман:а учъмета (?)
 верь.
 Дай мнѣ желѣза сянъ ман:а темир (биджи) вер.
 Выйди (и уходи) сянъ чжета вар.
 Войди сянъ гердѣ гель!
 Огонь зажги от калагур!
 Вари аш кайнакур!
 Жарь мясо эт лоулагур!
 Пляши соджахла (?)
 Пой пѣсни ирла.
 Играй уйна!
 Скажи сказку пифан кой! (?)
 Продай мнѣ ман:а сату беръ
 Скажи! сянъ биръ яйша (янша?)
 Скажи по-китайски! хаджу сѣвъ яйша (янша?)
 Здравствуй (здоровъ ли?) сянъ яхши му?
 Прощай энкечи (?)
 Мой, вымывай! ю!
 Зарой (въ землю покойника)! кум!
 Ты много не говори! сень киб яншама (яйшама?).
 Вставай хоб
 Отвори дверь коони аш ср. дверь.
 Затвори дверь коони яб.
 Возьми твою (мою?) шапку сянъ зорах мала гуре (он зорагым ала+?).
 Дай мнѣ еще одну чашку воды сянъ ман:а йене пиръ санву су верь.
 Дай мнѣ три свѣчи сянъ ман:а уш ла верь.
 Еще дай одну йене биръ верь седег (?).
 Иди, напои лошадь ат суарма вагур.
 Корми курицу тох асрагур.
 Скорѣе! ниган! ниган!
 Тыше поѣзжай! асаган юри.
 Знаеть или иѣтъ? билерму билмесму?

Ты что скажешь? сень нан янша (яйша?) дур?
 Ты мои слова къ чему записываешь? Сень муни уркени (ты этому учился?) нан иткури?
 Здоровъ ли онъ или боленъ? агрыджи му агырмаджиму.
 Это не твоя ли шапка? бу сень ворагыны му емесму.
 Знаешь ли по китайски? сянъ хачжу сѡвъ билер (сниму) билъмес (сниму).
 Вы гдѣ живете? сянъ кайссы агыда пейджи (?).
 Ты слышалъ ли? сянъ ишттими му?
 Дождь идетъ агмур агджи.
 Снѣгъ идетъ кар агджи.
 Ледъ таетъ мус криджи.
 Вода (ледъ) смерзается мус томджи.
 Разсвѣтаетъ (зари занимается) этеси асманъ шуулан парари.
 Смерзается (зари потухаетъ) кишлих асман туулан парари.
 Я сплю меня ячи пар (?).
 Мы пашью не пашемъ писер джунге (?) ихмес.
 Другой человекъ караулитъ пашка кши кула кулих (?) кўткўджи.
 Жаждетъ усаду [монг. ондасчи)
 Я думаю этотъ человекъ богатъ, дастъ тебѣ серебра. Мянъ сеньохса (?) бар кши ара (?).
 Санта кўмышъ вериръ.
 Я боюсь мянь хоргура.
 Солнце всходитъ кўнь чин кельджи.
 Солнце закатается кўнь патти.
 Въ этой землѣ вѣтъ вѣй бу тифанда илин йохтур.
 Солнце высоко кўнь вапарн (?).
 (Городъ) Сюнь хуатинъ (стоитъ) на этой сторонѣ Желтой рѣки Ямбазыр Мурен бей
 янде бар.
 Ваянь жуиъ стоитъ на той сторонѣ Бени базыр Мурен ол янда бар.
 Моя родина лѣкста, Мини тифанда тал кѡпбар (?).
 На моей родинѣ есть вязъ. Мини тифанда каргашъ тал бар.
 Я сытъ (я напился?) мянь ишиб тойджи.
 Я покупаю мянь алгы.
 Ты правду говоришь сянъ сѣй (?) яншаджи (яйшаджи?).
 Ты дорого просишь, я не возьму сениге пу купари (?) мянь алмас.
 Если дешево, возьму, если дорого, не возьму аз воса (боса?) алгури, кынос (кѡн боса) алмас.
 Мнѣ надо лошадь манта аттур келигари (манта ат керекъ).
 Ты когда прѣхалъ? сянъ качан кельджи?
 Я вчера прѣхалъ. Кедже кельджи.
 Ты откуда прѣхалъ? сянъ кадан кельджи?
 Я прѣхалъ изъ Ланьчжоу. Мянъ Ланьчжоуданъ кельджи.
 Куда поѣхалъ? кала вагуре?
 Я вѣду въ салары салар вахури.
 Положи эту книгу на столъ курени ширга кой.
 Я положилъ мянь койджи.
 Ты спишь или вѣтъ? сянъ ячиму ячачиму?
 Огня надо или вѣтъ? от келивур му келивермес? (?)
 Веревку надо или вѣтъ? урхан келивур му келимес?
 Какъ тебя зовутъ? сени адни нан дур?
 Меня зовутъ Яхия, минни адимъ Яхия дур.
 Живъ ли твой отецъ? сени аба варму?
 Мой отецъ умеръ. Мени аба ўльджи.
 Усталъ ли? ядаджи му?
 Этотъ домъ чей? бу ўй кемниги дур?
 Тебѣ на что желѣзо? темир санта нан юлла пер?
 Влезетъ или вѣтъ? отыл гар му отыл ма гар.
 Есть ли досугъ? Бошагари му бошамагари.
 II.

Прежде что было? ача ил боумишь (?).
 Эта вещь въ какой цѣнѣ? муни ача келигуре?
 Я тебѣ сколько долженъ? мянь санидангу камурари (?).
 Куда ѣдешь када варари?
 Вспотѣлъ терь чикти.
 Написалъ бичиджи.
 Отвѣтилъ джуаб берѣди.
 Мою ногу собака укусила Мии (меними?) аягым (адагым?) ист каджагар.
 Проголодался ачихчи (монг. олусчи).
 Человѣкъ умеръ, мясо сгнило, остались кости. Кши ѱлер, этти ѱхѱлер сннѣх чиккилер.
 Я пахалъ пашню мянь яхпар (?):
 Ты ошибся, сказалъ. Сянь вѣшаган туйла марà (?).
 Ты правду сказалъ. Сянь джингача яша (вѣша, янша?).
 Я въ эту ночь спалъ (пребывалъ) въ твоемъ домѣ. Сяниге ѱйе:де мянь беръ уторе.
 Эта женщина родила шесть дѣтей бу катын иши алчи тугмышь.
 Женщина овдовѣла катын-кши гунсы ѱльмишь.
 Женился кени альджи.
 Я важегъ огонь мянь от калагур.
 Всѣ дрова сгорѣли отын калаб тосчи.
 Ты совралъ сянь алган чачиб парари.
 Если буду живъ, снова сюда прѣйду бугус вѣймас арджи кѣз вегуре (?).
 Принеси чайникъ. Я поплю чаю. Чаху алдыгель. Мянь чай ишикуре.
 Я въ вашу землю возвращусь. Мянь сѣниге тифанга вагуре.
 Въ будущемъ году вы будете ли пахать? итса гуиъ (?) чунге икур му ихмес.
 Ямынскіе люди возвратились въ деревню Ничжа; мандаринъ города Няньбо не далъ имъ письма; онъ желаетъ, чтобъ я прѣехалъ въ городъ Нянь-бо, но я имѣю дѣло въ Сань-чуани и буду зимовать здѣсь, а въ городъ Нянь-бо не поѣду. Поэтому прошу ямынскихъ людей не обвинять.
 Ямынски Ничжага ягамаишки яи (?) кельджи; Мембе-лоѣ джола кельджи; уишу тугаджи; Мембе-лоѣ, мени курмей, хуйун уймеджи. Мянь Ушь-чжуань-да кышь уджей ухкуре. Мембе-бавырга уамас. Бу ишки кшино урѱхума, немѣ вѣшама.

Это письмо на саларскомъ языкѣ я писалъ подѣ диктовку сюнъ-хуатинскаго я-и, родомъ салара. Писано оно изъ деревни Ничжа въ городъ Сюнъ-хуа-тинъ въ тамошнему мандарину. Проводивъ меня до дер. Ничжи, сюнъ-хуатинскіе я-и прошли далѣе въ городъ Нянь-бо, чтобъ отъ мандарина этого города получить оправдательный документъ въ томъ, что они благополучно меня доставили въ вѣдомство нянь-боскаго мандарина. Но послѣдній отказался дать имъ такой документъ; онъ требовалъ, чтобъ я-и доставили меня непременно въ городъ Нянь-бо, чтобъ онъ собственными глазами могъ убѣдиться въ моемъ существованіи. Я-и вернулись въ Ничжу и стали упрашивать меня ѣхать въ Нянь-бо и представиться мандарину, иначе имъ придется вернуться въ Сюнъ-хуа-тинъ безъ письма и мандаринъ этого города взыщеть съ нихъ. Для меня не было расчета расходовать на эту поѣздку ни денегъ, ни времени, ни физическихъ силъ, съ единственною цѣлью, удовлетворить желаніе одного изъ китайскихъ мандариновъ увидѣть западнаго человѣка, котораго онъ, повидимому, равнѣе не видѣлъ. Я уговорилъ я-и ограничиться тѣмъ, что я имъ дамъ письмо къ сюнъ-хуа-тинскому мандарину, оправдывающее ихъ.

лошадь ат.
лукъ стрѣлбный я.

Маленькій кичик.
мальчикъ уган (углаан?).
мать ана.
медвѣдь джитпын.
мужчина ерень.
мышь шышкан.
мышь водяная сочугус.
мышь летучая сарсын ханат.
мѣдь желтая голá.
мѣсяць ай.

Небо тэмри.
нога пут.
ноготъ тырмак.
ножикъ пчак.
нось камырык, томрак.

Облако пулут.
овца кой.
оверо нур.
орель, беркутъ гайра.
отець аджа.
очагъ аджагыс (?).

Палець тырмак (?); большой бас эрмек; указательный сукулук (сук-кол?); средний урсамык (уртамык?); безымянный аджокельк (ады-йок-кол?); мизинець хетагамак.
песокъ кум.
подошва ноги асавтым: табакы.
пометь (княкъ) овечій джил, коровій харгал, конскій ондак.
птица кус.
пятка зонай.

Рогъ муус.
рубаха ялма.
ружье пу.
рука кол; кисть руки элык.
рукавъ енъ.
ротъ агс.
рѣвка ггоа¹⁾.

Сапогъ кутул.
сердце юрэк.
серебро кумус.
слово сѣвъ.
свѣгъ хар.
собака эшт.
солнце кунъ.

¹⁾ Два гг вмѣсто гортаннаго г.

соль туз.
стрѣла ок.
ступня ноги асак.
сухой как.
Су-чжоу (городъ) Сукчю.
сырой ульдур (öl дурр).
сѣверъ гозу.
сѣноставка (Lagomys) тас нртканá.

Табакъ тамак.
тангутъ тат.
теленокъ ярма, шят.
тигръ барс.
товарищъ нѣкэр.
травá от.
турианъ (Casarka rutila) галъ.

Удогъ (Урираерор) кукугат (лошадь кукушка)
ухо гулак.

Хвостъ кудругъ.
холодно том.
хорошо якши.
худо юз (йууз? йауз?).

Царь кан.

Чашка аяк.
человѣкъ кся.
черный кара.

Шанка пörүк.
шелковая матерія тавар.
штаны өмь.
шуба дон.

Югъ юрү.
юрта үй.

Ягненокъ кѣза.
ястребъ карчигай.
ящикъ харчак.

С ч е т ъ.

- 1 пирь.
- 2 шикэ.
- 3 үшъ.
- 4 тюрт.
- 5 пѣс.
- 6 алты.
- 7 еты.
- 3 сакмы (секмы?).
- 9 токуз.
- 10 он.

11 пәре герме (?).	40 кчон (?).
12 шике герме (?).	50 босон.
13 уче герме (?).	60 алтон.
18 сакше герме (?).	70 едон.
19 токси герме (?).	80 саксон.
20 егерме.	90 токсон.
21 пәрә отуз (?).	100 юз.
22 шике отуз (?).	1000 пәрә мын.
30 отуз.	10,000 пәрә ак.

Ф р а з ы.

Двѣнадцать годовъ цикла: барсъ, тусканъ, улу, кланъ, ать, кой, педжинъ, така, иштъ, томусъ, шышканъ, бгусъ.

Есть или нѣтъ? пар ма йок па?

Знаешь ли? билдыр ма?

Не знаю пилмәс туру.

Приди гель.

Принеси кәгирь.

Куда пошелъ? кайга мамдуру.

Степнѣлось тюнно олуб туру.

Дождь идетъ тәри янкытуру.

Громъ гремитъ улу куркерене.

Радуга явилась солонго тусубтуру.

Солнце сѣло кунь иргады.

Куда поѣхалъ? кага мамды?

Вода глубока хсун (?) бувук тур.

Запри дверь исыкты соло (?).

Отвори дверь исыкты ашь.

Завяжи пог.

Развяжи язь.

Пей чай ча аша.

Ъшь (кушанье) сумен аша.

Ножикомъ пчак биле.

Бумагой кәгде биле.

- Алимъ-ола, г. 267, 296.
 Альбатинъ, страна 107.
 Аль-Кадикъ, м. п. 333.
 Альгальджинъ, созов. 326.
 Амагасадкчи, м. п. 188.
 Ама-донвама, ж. п. 5.
 Ама-нгыгза-хламу, ж. п. 5, 7.
 Ама-ниму, ж. п. 19, 20, 23.
 Амбагай, м. п. 211.
 Амдо, страна 204.
 Ами-курталъ, м. п. 16, 285; см. Чини-ами.
 Амиранъ, м. п. 214.
 Ами-Сахидакъ, м. п. 44.
 Амитаба, б. 258.
 Аммонъ, б. 189.
 Амурсана, м. п. 126, 130, 281, 336.
 Аминъ-цаганъ-бюрю, м. п. 146.
 Амырга-могусъ, чюд. 126.
 Амыръ-тамыръ, б. ж. 198.
 Анагуй ухаръ, м. п. 168.
 Ана-мергенъ, ж. п. 329.
 Аня солимъ, ж. п. 123.
 Ана-хуанъ, м. п. 279.
 Ангуръ-лончжа, м. п. 258.
 Ангуръ-шихъ, м. п. 257, 258.
 Андала, чюд. 325, 334, 339.
 Анджасы-хоту, созов. 326.
 Анджосонъ-хотунъ, созов. 326.
 Андвалъ, м. п. 222.
 Андзынъ-хурумчи, м. п. 128.
 Андрей Критскій, м. п. 247.
 Андрей родивый, 214, 215, 246.
 Андронъ, м. п. 337.
 Андурн, б. 248.
 Ано-гома-чхаму, б. ж. 4, 7, 9, 11, 18, 21, 22, 24, 27, 30, 31, 36, 37, 122, 315, 316.
 Ане-чхаму, м. п. 40.
 Анзанъ-Бэрхэ-батыръ, м. п. 61.
 Анзанъ-Шумаръ-батыръ, м. п. 61.
 Анка, м. п. 333.
 Ансимъ, м. п. 274, 280.
 Анъасы-баба, м. п. 256.
 Анпу, м. п. 218.
 Ансаръ, м. п. 121.
 Ану-Гали-Гванченъ, м. п. 44.
 Анчжасы-хоту, созов. 326.
 Анчи анду-шира, м. п. 222.
 Анчинъ, м. п. 222.
 Анъ-Аджирга, м. п. 126.
 Анъ-алай хотунъ, ж. п. 346.
 Анъ-аргылъ-оюнъ, м. п. 324.
 Анъ-Богдоръ, м. п. 207.
 Анъ-далма-моосъ, чюд. 129.
 Анъ-Дѳлмѳнъ, м. п. 325.
 Анъ-дулманъ-ханъ, м. п. 339.
 Апанбу, м. п. 121.
 Аполловъ, б. 239.
 Арангасъ-сулусъ, созов. 332.
 Аранзула, лош. 124.
 Араха, м. п. 346.
 Арахалунъ, м. п. 316.
 Арах-бурханъ, м. п. 283, 346.
 Арахо, чюд. 339.
 Арахола, м. п. 316.
 Араху, чюд. 317, 346.
 Арахъ, зв. 317.
 Арахъ, Арахы, чюд. 346.
 Араче, г. 230.
 Арашъ, лош. 125.
 Арбальчи, ж. п. 267.
 Арбанъ-хоиръ олу, созов. 340.
 Арга'анъ, Аргананъ, покол. 334, 347.
 Аргасъ-сулусъ, созов. 332.
 Арга-чаганъ-туулай, м. п. 317.
 Аргишен, нар. 347.
 Аргоны, нар. 347.
 Аргылъ, м. п. 127, 276, 332; см. Анъ-А.
 Аргинъ, покол. 347.
 Арджи-борджи, м. п. 136, 137, 139, 140, 208.
 Ардуъ-масъ, дерево 333.
 Аржа-Буржэ-ханъ, м. п. 129.
 Ариадна, ж. п. 218.
 Аркаръ, созов. 324.
 Аркауъ, нар. 347.
 Армури, м. п. 120.
 Арсланъ, м. п. 136.
 Архаунъ, Архаюнъ, нар. 135, 347.
 Ари-богдо, м. п. 296.
 Аринъ-Саганъ-ханъ, м. п. 129.
 Ары-тайджи, м. п. 296.
 Арья-Бало, Арья-Пало, б. 161, 168, 189, 208, 210, 222, 225, 227, 229, 247, 248, 303, 325, 342, 346, 347.
 Асафъ, м. п. 246.
 Асена, м. п. 272.
 Асока, м. п. 218.
 Асухэнь, ж. п. 273, 346.
 Асхитту, р. 306.
 Асъ-Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 383.
 Асныъ, м. п. 120, 122, 125—127, 213, 332—334; см. Чигныгъ-Асныъ.
 Асыръ, соб. 118, 327, 329.
 Атагатауйскіе враги Гэхэра 74.
 Ата-Уланъ-тэнгэри, 46, 51—56, 58, 59.
 Атгыръ-Хара-Муусъ, чюд. 114.
 Атель, р. 278.
 Атилла, м. п. 270, 278.
 Атиль, р. 278.
 Атли, м. п. 270.
 Атучи-Аксага-ашияъ, м. п. 125.
 Атхаръ-хара-мангысъ, чюд. 131.
 Ахиялъ, м. п. 245.
 Ахсартгаъ, м. п. 122.
 Ахъ-сагалъ, м. п. 123.
 Ачитъ-норъ, оз. 213.
 Ашемезъ, м. п. 124.
 Ашена, Ашина, м. п. 121, 272, 289.
 Аю-чветы, м. п. 208.
 Аяни-Самба-гарву, м. п. 40.
 Бабудакъ таукай, Б.-таухуа; ж. п. 307, 319.
 Бага-едженъ-хоро, ставка 269, 303.
 Багдадъ, грд. 192.
 Багыръ, соб. 118,
 Бадай-Цаганъ, м. п. 123.
 Бадаргата см. Галъ-б.
 Бадарнигой-Цаганъ-тынгыри, м. п. 123, 244.
 Баджоу, мѳсти. 386.
 Баджоу-лажани-субурга, башня 386.
 Бадзыръ, соб. 143.
 Бадъ-барахъ, мѳсти. 307.
 Базаръ, р. 212.
 Базыръ, соб. 184, 185.
 Байбарахъ-бельчиръ, мѳсти. 307.
 Бай-бука, м. п. 255.
 Байдарикъ, р. 307.
 Байкаль, оз. 212, 214, 297.
 Баянъ-Сумбуръ, г. 386.
 Баянъ-Цундуръ, г. 248.
 Баянъ-ундуръ, г. 248,
 Байрмагастэ, м. п. 137, 138,
 Байырганъ-ата, мѳсти. 258.
 Балахай, ж. п. 339.
 Балбэ (Непаль), страна 205.
 Балуръ-саганъ-тэнгэри, м. п. 60; см. Болуръ.
 Балъ-Дорчжи, м. п. 168, 170, 218.
 Балхиса, м. п. 328.
 Балныъ-са, м. п. 166.
 Балныъ-сенге, м. п. 125, 166—168, 170, 218.
 Бальджина-нуръ, оз. 280.
 Бальджинъ-Хатунъ, ж. п. 280, 281.
 Бама-катуъ, кн. 238.
 Бама-ханъ, м. п. 139.
 Бамбада-Саганъ, м. п. 60.
 Бамбахинъ-Бахи-хара, м. п. 61.
 Бамба-шиту, м. п. 218.
 Банченъ-эрдени, Банченъ-э., м. п. 220, 242, 243, 266—268, 271.
 Банъ-чао, м. п. 266.
 Барагунъ-туметы, пл. 245, 273.
 Барасъ, онг. 276.
 Барга-батыръ, м. п. 280.
 Барса—Килмэсъ, м. п. 143; остр. 339.
 Барсъ, м. п. 126.
 Барсъ-Ирбисъ, м. п. 126.
 Барунъ-китъ, мон. 299.
 Барчинъ, соб. 158—160.
 Баръ-убугунъ, онг. 276.
 Васангъ, Басынъ, зв. 317, 327.
 Баскунчатское оз. 214.
 Басынъ см. Басангъ.
 Васыръ, соб. 118, 327, 329.
 Батаразъ, м. п. 117.
 Баторъ-Сокто-моргонъ, м. п. 285.
 Бату-менко, м. п. 319.
 Батыръ ванъ, м. п. 310.
 Батыръ-бэли, м. п. 245, 247.
 Батыръ-моосъ, Батыръ-муусъ, м. п. 248, 284, 339.
 Батыръ-Чонунъ-бэйли, м. п. 281.
 Бахи-Хара-батыръ, м. п. 61.
 Баянъ-Намсынъ, б. 341.
 Баянъ-сулу, ж. п. 119.
 Баянъ-суме, грд. 288.
 Баянъ-цумбуръ, г. 248, 335.
 Бегдози, б. 303.
 Бекгеръ, м. п. 247.
 Белгетей, м. п. 274, 296.
 Беликтуй, м. п. 296.
 Беранъ-сенгданъ, мѳсти. 122.
 Бикаръ-Мадзиди, м. п. 139, 165.
 Вико-чилгэръ, м. п. 271.
 Билигинъ гэръ, лош. 114.
 Би-лу-женъ, м. п. 190.
 Бильгийнъ-кере, лош. 114.

- Гахай-баши, м. п. 256.
 Гахай-омокъ, м. п. 303, 304.
 Гачари, зв. 327, 329.
 Гашуянь-норъ, оз. 213, 219.
 Гвардамба, м. п. 200—205, 216, 217, 242.
 Гегень-ханъ, м. п. 284.
 Гегень-хотунъ, зв. 338.
 Гельбинту, г. 296.
 Гени-мачакъ, кн. 267.
 Геретинъ, мон. 284.
 Гермесъ, б. 127.
 Гизонъ-дамба, м. п. 265, 266.
 Гикя, ж. п. 383.
 Глаиъ-Гэсэръ, м. п. 300.
 Глинга-глынза-чжигэ, ж. п. 14.
 Глинга-джунрэ-нохо, м. п. 3.
 Гокчу см. Ерь-Гокчу.
 Гокчу-ашякъ, м. п. 120.
 Голто-Саганъ-бурханъ, м. п. 45, 58, 86.
 Голубиная книга, 351.
 Гома-сала, башня, 205; см. Гума-с.
 Гомбо-гуру, Гомбогуръ, б. 206, 207, 222, 224, 310.
 Гомбу-дорчжи, м. п. 230, 231.
 Гомбу-лочжу, м. п. 230.
 Гомо-Сэсэкъ-хатанъ, ж. п. 80, 81, 84.
 Гоньбо-дорчже, м. п. 364, 369.
 Горгона, ж. п. 275.
 Горгоня, ж. п. 139.
 Горохень-голь, р. 307.
 Го-Чингту, м. п. 208, 247.
 Громъ, царь. 186.
 Гомла-рэнчэнъ, чуд. 11 (ср. Улугсыгя).
 Гуань-ниъ, м. п. 125, 263.
 Гуань-ниъ-цуса, б. ж. 189, 222, 225—227, 303, 342.
 Гуань-лао-й, м. п. 125, 261, 263, 264.
 Гудруна, ж. п. 270.
 Гужиръ, м. п. 126, 319; см. Ханъ-Гужиръ.
 Гуйга-сэчжэ-гэксинъ, мон. 14.
 Гуйгэ-гуйза-учюкъ, ж. п. 14.
 Гуй-хуа-чэнъ, грд. 248, 264, 265, 271, 289, 292, 293, 302, 303, 305.
 Гуйцзинъ, страна, 4, 168.
 Гулагу, м. п. 192, 347.
 Гули-Мёнгёнъ-Ула, г. 45, 83.
 Гуль-гуле, грд. 305.
 Гума-сала-субурга, башня 252; см. Гома-сала.
 Гума-ханъ, м. п. 275, 331.
 Гумбумъ, мон. 236, 251.
 Гумень-ханъ, Гумэнь-х., м. п. 80—85, 115, 128.
 Гунаиъ-Саганъ-гэнгэри, м. п. 45.
 Гуна-хара-мангыс, чуд. 163, 164.
 Гунданъ, м. п. 309.
 Гунтеръ, м. п. 270.
 Гурба-марыль, созв. 326.
 Гурба-мыши, созв. 326.
 Гурба-нохой, созв. 326.
 Гурбанъ-марыль, созв. 326, 327.
 Гурбанъ-нохой, созв. 328.
 Гурбанъ-сайханъ, г. 383.
 Гурбельджинъ-гоа, ж. п. 267, 270, 278.
 Гурбесу, ж. п. 128.
 Гурбу-мараль, Гурбунъ—м., созв. 326—328.
 Гурбустень-ханъ, б. 128.
 Гурбинъ бого хогонъ, созв. 328.
 Гургулданъ-гурбунъ-сысинъ, м. п. 144.
 Гурте, м. п. 209.
 Гурьба-марыль, созвѣзд. 326.
 Гусиное оз., 213.
 Гученъ, грд. 263, 264.
 Гучжигэнъ-гомбу, м. п. 133.
 Гу-ша-и, грд. 304, 305.
 Гуши-ханъ, м. п. 281.
 Гыгэръ-Меджитъ, м. п. 138, 165, 207.
 Гэлгенъ-пи, Гэлыгенъ-пи, Гэлыгэнъ-пи м. п. 278, 324, 386.
 Гэрэлту см. Саганъ-Гэрэлту, Хара-Г., Шара-Г., Хохъ-Г.
 Гэрэсандза, Гэрэсандза Джелайръ-хунъ-тайджи, м. п. 273.
 Гэсиръ, м. п. 267.
 Гэсэръ дортихъ, мѣстн. 301.
 Гэсэръ, Гэсэръ-ханъ, м. п. 2, 5, 6—15, 18—44, 113, 114, 117—122, 124—128, 130, 138, 139, 159, 161, 186, 192, 210, 213, 216, 222, 239, 263, 272, 275, 285, 289, 300—302, 319, 325, 329, 331, 333, 339, 346, 382, 384.
 Гэсэръ-мыгджи-джаву, м. п. 203.
 Гэхусенъ, м. п. 290.
 Гэху-ушень-хухань, м. п. 289, 290.
 Гэхэръ см. Абай-Гэхэръ.
 Гэхэръ-ханъ, м. п. 114, 138.
 Даванъ, государство. 125.
 Давидъ, м. п. 275.
 Дагмалуижинъ, башня, 205.
 Даниъ-Тере-Тарханъ-бо, м. п. 209, 275.
 Даниъ-терьхе, м. п. 384.
 Дай-сэцэнъ, м. п. 247.
 Дай-тарханъ, м. п. 245.
 Дайтонгъ-голь, см. Да-тонгъ-голь.
 Дай-чинъ-санъ, г. 292.
 Да-курень, мон. 266.
 Далай-батыръ, м. п. 203.
 Далай-куйса, остр. 213.
 Далай-лама, м. п. 121, 122, 166, 198, 203, 207, 220, 221, 248, 249, 252, 283, 284.
 Далатъ, хош. 269.
 Дамбысиръ, дер. 44.
 Дамдинъ, м. п. 283.
 Дамжинъ, м. п. 283.
 Дамза, ж. п. 20.
 Дангра, оз. 44.
 Данило-безсчастнй, м. п. 189.
 Данило Игнатъевичъ, м. п. 222.
 Дашъ-ша-си-ло, царство 217.
 Дара, б. ж. 222, 246, 247, 339.
 Дара-экэ, б. ж. 127, 206, 210, 233, 294.
 Дареке, пещера. 251.
 Дарй, м. п. 139.
 Да-тонгъ-голь, р. 287, 288, 290, 291.
 Да-тунъ-голь, см. Да-тонгъ-голь.
 Даянъ-ханъ, м. п. 245, 273, 319.
 Девадатта, м. п. 257.
 Дедалъ, м. п. 218.
 Делгиръ-ханъ, г. 384, 385.
 Демичи-еренъ, м. п. 277.
 Дерисунъ-хото, см. Дэрису-х.
 Джаву-ландеръ, м. п. 233; см. Лан-деръ.
 Джаву-рембучи, м. п. 198.
 Джагиръ-дорчжитанъ, страна 252.
 Джалангаръ, м. п. 121.
 Джаланкаръ, м. п. 121.
 Джалбагай, чуд. пт. 290.
 Джалма-оха, м. п. 338, 339.
 Джамбзын-лочжуй, м. п. 309.
 Джамгаръ, м. п. 121.
 Джампудвина, земля 117.
 Жапбай, м. п. 275.
 Жангаръ-ханъ, м. п. 123.
 Жангбыршы, м. п. 119, 120, 126.
 Жангеръ, м. п. 262.
 Джанджа-гэгэнъ, м. п. 238.
 Джанджа-руви-дорчжи, м. п. 238.
 Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 211, 216, 382—334.
 Джаринъ-норъ, оз. 213.
 Жарунъ, оз. 242.
 Жарунъ-хашаръ, башня. 205.
 Жасиръ-гэгэнъ, м. п. 299.
 Жадчи, м. п. 328.
 Жебцунъ см. Джбцунъ.
 Жедай-ханъ, м. п. 320.
 Жедибай, м. п. 119.
 Жеды ганъ, созв. 275.
 Желайръ см. Харасандза.
 Желайръ-хунъ-тайжи, м. п. 326.
 Желавры, покол. 273, 326.
 Жельбегенъ, чуд. 208, 291, 330.
 Желекъ-бай, м. п. 120.
 Же-рембучи, м. п. 233.
 Джерканатъ, м. п. 127, 138, 244.
 Джерке-линь-гунъ, м. п. 135, 273, 347.
 Жегыганъ, созв. 157.
 Жегы-гурс, б. 341.
 Жеты каракши, созв. 321.
 Жеты-баракъ, созв. 319.
 Жибцунъ Дамба, Джбцунъ-тамба, м. п. 243, 383, 336.
 Жида-нойонъ, м. п. 274, 275.
 Жилама, м. п. 237, 238.
 Жилданъ-коль, оз. 332.
 Жильби-хуньякъ, зв. 339.
 Жинге-гунданъ, м. п. 309.
 Жингиръ-бухэ, м. п. 209, 271, 277.
 Жиреншо-шешенъ, м. п. 277, 382.
 Жиренъ шешенъ, м. п. 119, 146, 277.
 Жиркыль, м. п. 138, 146.
 Джиртушлюкъ, м. п. 339.
 Джиты-ганъ, созв. 319, 320.
 Джипцункава, м. п. 237.
 Джолма нурму, ж. п. 223, 224, 339.
 Джонтонъ, дер. 234; см. Дондонъ.
 Джоро-Гэсэръ-ханъ, м. п. 124.

- Кала-мэбирь, м. п. 20—22, 120, 122, 125, 126, 130, 213, 222, 248, 332—334, 384.
 Калашань, г. 248.
 Калинин-царь, м. п. 130.
 Калмы-тологой, г. 212, 213, 339.
 Камбарь, м. п. 119.
 Камь, страна 215.
 Камь-Курмбсь, м. п. 128.
 Кани-хоту, зв. 330.
 Кантемурови, фамилия 337.
 Кань-Кереде, шт. 207.
 Кань-тегирь, р. 334.
 Кань-си, м. п. 264, 265.
 Кара-бадырь, грд. 130, 139, 304, 305.
 Карабай, м. п. 119.
 Карабатырь, м. п. 119.
 Карабаты-хань, м. п. 156.
 Кара-бута, м. п. 274.
 Карагула, см. Каракула.
 Кара-кула, м. п. 273; см. Хотогайду.
 Кара-кюкча, покол. 120.
 Каратти-хань; см. Тунгь-К.-х.
 Кара-хань, м. п. 119.
 Каргой, мѣстн. 385.
 Касарпана, хр. 117.
 Кассиопей, созв. 328.
 Касы-баба, м. п. 257.
 Касьянь, м. п. 218.
 Катай-хань, м. п. 331.
 Каттава монг. 240.
 Ка-тия, мѣстн. 359.
 Катунь, скала, 301.
 Катунь, р. 214, 301.
 Кашмирь, страна, 190.
 Квань-ло-ф, м. п. 261, 262.
 Квань-омоктай, м. п. 262.
 Кебысь, лош. 134.
 Кедючжи, м. п. 237.
 Кейсы, м. п. 257.
 Кейтэй-нойонь, м. п. 274.
 Кендынь-любь, г. 212.
 Кергягь, нар. 311.
 Кереметь, ж. п. 325.
 Керсу-пизу, м. п. 342.
 Керь, г. 325.
 Керь-илакъ, мѣстн. 122.
 Кидани, нар. 277, 307, 326.
 Кидань-хань, м. п. 121, 333, 336.
 Кидень-хань, м. п. 331, 333.
 Кидошь, г. 335.
 Кидэнь, м. п. 122, 123.
 Килунгуть-тархань, м. п. 245.
 Кипчаки, пл. 121.
 Кирвесь, Кирвэсь, м. п. 272, 332; см. Хэрэкь-К.
 Кирен, нар. 326, 346.
 Кирило Кожемяка, м. п. 325.
 Кирхись, покол. 211, 311.
 Китайцы, нар. 69.
 Китань-хань, м. п. 336.
 Китежъ, г. 335.
 Китмирь, м. п. 121.
 Кичиги, созв. 328.
 Кичиликъ, м. п. 245.
 Кичи-эджигень, созв. 318.
 Кобокъ, м. п. 123; см. Акъ-К.
 Коголь-наймань, м. п. 120.
 Коготай, м. п. 120.
 Когоудей-мергенъ, м. п. 120, 231, 328.
 Кодарь, м. п. 119.
 Кодонъ, м. п. 122, 123.
 Кюдбъ-пи, м. п. 331.
 Козай, м. п. 119, 120, 126.
 Козу-курнешь, м. п. 119, 128.
 Козу-кюрпэчь, м. п. 119.
 Козьма кривой, м. п. 129.
 Кокочу, м. п. 120.
 Кокду-бурханъ, б. 117, 135, 207, 346.
 Комбу-дорджи, м. п. 231.
 Комдей-мергенъ, м. п. 277.
 Конгомарь, покол. 192.
 Конда, народъ 219.
 Конна, народъ 219.
 Константинополь, грд. 214.
 Константинъ, царь 215.
 Косоголь, оз. 213, 335.
 Кюсэрь онга, мѣстн. 300.
 Котанъ, м. п. 123.
 Котанъ, м. п. 121, 122.
 Коходе, м. п. 120.
 Кохъ-цехде, шт. 324.
 Ксэрлыгунь, ж. п. 186—189.
 Ксармыгъ-тань, мѣстн. 198.
 Куань-ло-ф, м. п. 306.
 Кубай-ко, ж. п. 277.
 Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ, м. п. 240.
 Кугъ-цэрка-рэкшэрь, мѣстн. 14.
 Куйсунь-тологой, остр. 213.
 Кукой, мѣстн. 384.
 Кулбу сэтгэ, зв. 338.
 Кулукъ-Богурчи, м. п. 244; см. Богорчи.
 Кулърь-Ундургинь, ур. 222.
 Кумджухъ-палунь, мѣстн. 300.
 Кунала, м. п. 218.
 Кунгый-уаца-тарва, м. п. 3, 8.
 Куныгъ-чжаву, м. п. 15—17, 32—37, 126.
 Куля-юлтусь, зв. 330.
 Курбустанъ, б. 128.
 Куриное гдѣздо, созв. 324.
 Куринь-Ракша, бнѣгъ, 161.
 Куркэръ-чжаву, м. п. 16, 17; см. Кэркэръ.
 Кусурь-олоксонъ-Ольджебай, м. п. 118.
 Кусэрь, м. п. 200, 234, 300, 301.
 Кусэрь-чжаву, м. п. 16, 17, 35, 37; см. Кэсэрь-чжаву.
 Кутузovo, мѣстн. 335.
 Кухулинъ, м. п. 219.
 Кушъ-мурунь, г. 382.
 Кучки, созв. 325, 328.
 Кучумово городище, 335.
 Кучумъ, м. п. 228.
 Кыдай бахсы, б. 337.
 Кызырь-пейгамбарь, м. п. 121.
 Кынь-сылу, ж. п. 121.
 Кыргызбай, м. п. 386.
 Кыргызъ, м. п. 386.
 Кыанъ, м. п. 275.
 Кэзэрь, м. п. 122; см. Чингисъ-Кэз.
 Кэлъ, нар. 346.
 Кэрвэсь, м. п. 126; см. Хэрэкь-Кэрвэсь.
 Кэркэръ-чжаву, м. п. 14, 15, 30, 31, 33, 35—37; см. Хорь-кэр-кэръ.
 Кэсэрь-чжаву, м. п. 39; см. Кусэрь-чжаву.
 Кэсырь, м. п. 261, 262.
 Кэшиктенъ, хош. 306, 312.
 Кюнерь-сулу, ж. п. 143.
 Лабранъ, мон. 38, 206, 241, 248, 249, 301.
 Лавунъ-чимбо-агуй, мѣстн. 383.
 Лалунъ-Балъ-Дорджи, м. п. 168.
 Ламангурю, м. п. 26.
 Лама-тологой, г. 213.
 Ламахъ, м. п. 383.
 Ламо, б. ж. 270.
 Лангъ, страна 40, 44; см. Лингъ.
 Лангъ-дарма, Ландарма, м. п. 146, 168, 170, 202, 211, 215, 218, 238, 250, 255, 266.
 Ландэрь, Ландэрь, м. п. 199, 233, 234, 249, 266.
 Ланъ-Гэсэрь-хань, м. п. 233.
 Ласса, грд. 13, 14, 22, 44, 168, 197—199, 201, 206, 211, 214, 217, 233, 236, 237, 239, 242, 249, 250.
 Латигорка, ж. п. 335.
 Ла-уа-ся, тѣснина, 297.
 Лаху-Баланъ, м. п. 123, 245.
 Лебедь-птица, ж. п. 189.
 Лемминкайненъ, м. п. 248.
 Леу-бао-вэнь, м. п. 304.
 Леу-да-жень, м. п. 292, 293.
 Ли, м. п. 136, 137.
 Ли, страна, 206.
 Ли-бей, м. п. 263.
 Ли-бу, м. п. 306.
 Ли-гуань-ли, м. п. 125.
 Линуртъ, м. п. 276.
 Линъ-ченъ, грд. 292.
 Ли-сунъ-сяо, м. п. 272, 287—289.
 Ли-хаганъ, м. п. 137, 138.
 Ли-чжинъ-ванъ, м. п. 286—289.
 Ли-юль, страна 217.
 Лиу-чуань, р. 306.
 Лобсогой, м. п. 85—92, 115, 116, 382.
 Лобсоголдой, м. п. 55.
 Локаята, м. п. 246.
 Ломбо-Моис, м. п. 239.
 Лосанъ-Шумарь-батарь, м. п. 61.
 Лосунай-хань, м. п. 39.
 Лосунъ-хань, м. п. 180, 182, 183.
 Лось, созв. 319.
 Лоу-линъ-гунъ, м. п. 304.
 Лоха, р. 307.
 Ло-хеу-ло, м. п. 190.
 Лочжуй, м. п. 309.
 Лошанбу, м. п. 300.
 Лта-чинбу; см. Марцзанъ.
 Лу-бянь-шенъ, м. п., его слѣды 297.
 Лумбунъ-чимбо, мѣстн. 250, 251.
 Лунва-ксындо, мѣстн. 84.
 Лунъ-ванъ, б. 211, 227.
 Лусай-ханъ, м. п. 143, 156.

- Несренжаке, м. п. 124.
 Нестыкъ, пт. 158—160.
 Нигча-гырыгъ, лош. 17.
 Нингуна, м. п. 227, 228.
 Нивъ-гу-й, м. п. 203, 238.
 Нивъ-ся, грд. 252.
 Ногай, м. п. 285.
 Ногонъ-Гохонъ-Абахай, ж. п. 85.
 Ногонъ-дара, б. ж. 229.
 Ногонъ-дареке, Ногонъ дарихе, б. ж. 159, 160, 229.
 Ногонъ-дариху, Н.-дариха, б. ж. 160, 161, 200, 201, 203, 204.
 Нонъ-богдо, г. 296, 297.
 Нойонъ-Хонгоръ, м. п. 281.
 Нойонъ-хутухту, м. п. 246, 247, 282.
 Номонъ-ханъ, м. п. 383.
 Норчжуньма, б. ж. 242.
 Нохой-баргасу, нар. 351.
 Нсонникъ, остр. 204.
 Нуц, м. п. 230.
 Нукузъ, м. п. 275.
 Нудунъ-тала, мѣстн. 303.
 Нуджау, ж. п. 230.
 Нду-памали, оз. 332.
 Нчжигму, ж. п. 42, 315; см. Нчжугму.
 Нчжугму, ж. п. 130.
 Нчжуму, ж. п. 7—11, 13—15, 18, 19, 21, 31, 37; см. Нчжигму.
 Нчжу-рамыръ, корова 23.
 Нынса Нгазунъ, м. п. 22.
 Нью-тоу-ванъ, м. п. 254, 255, 266.
 Нью-тоу-синъ, зв. 341.
 Нью-тоу-шанъ, г. 252.
 Нянь-нъанъ, ж. п. 44.
 Нэмэгету, г. 297.
 Нюй-гу, р. 307.
 Нюхата-Зура, м. п. 69—73.
 Нюхата-Зурга, Нюхата-Зургай, м. п. 67, 68.
 Нянь-бо, грд. 286.
 Нивъ-тэнь-ло, м. п. 227, 238.
 Обѣръ боксо, мѣстн. 337.
 Огодай, м. п. 123.
 Огономъ, м. п. 279.
 Огодай, м. п. 244.
 Огузъ-ханъ, м. п. 146, 255, 325.
 Огутуръ-уланъ-ванъ, м. п. 282.
 Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ, соzv. 320, 327.
 Одонъ-тала, мѣстн. 331.
 Одогъ, м. п. 274.
 Одуны-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274.
 Одогъ-хогоръ-бо, м. п. 239.
 Озирисъ, б. 122, 149, 277.
 Ойдуль, соzv. 340.
 Ойо-ондохонъ, м. п. 208.
 Ойо-Чикиту, м. п. 208.
 Ой-хаптагай, м. п. 208.
 Ойхонъ, остр. 339.
 Ойю-Окторъ-эрэнь-баръ, левъ 78.
 Оки-гарн-тамба, м. п. 197—199.
 Окнянъ-тэнгри, ж. п. 130.
 Оксогорь, г. 116.
 Окторъ, левъ 78, 79, 115.
 О-лао-ло-ця, грд. 331, 335.
 Олгонъ, мѣст. 339.
 Олекчинъ, м. п. 119.
 Олѣты, пл. 310.
 Олзомахонъ, м. п. 105, 106.
 Олимпіада, ж. п. 139.
 Олоксонъ см. Кусуръ-ол.
 Одѣстѣ-Ула, г. 109.
 Ологъ, м. п. 208.
 Олуиъ-эха, ж. п. 207, 271.
 Олхо, мог. 303.
 Ольберге, м. п. 166.
 Ольджайту-поръ, оз. 303.
 Ольжебай, м. п. 118.
 Ольхонъ, остр. 303.
 Онгонъ-манхынъ, мѣстн. 298.
 Ононъ, Ононъ-Керуленъ, мѣстн. 326.
 Онохой бай, м. п. 278, 279.
 Ончонъ, м. п. 207, 222.
 Онъ-сомъ, м. п. 280.
 Оргилъ-Ула, г. 63—65, 73, 85, 86, 107, 324.
 Оргу, мѣстн. 4.
 Орѣонъ, соzv. 118, 120, 127, 231, 235, 242, 326—330, 339.
 Оролынъ-мангысъ, чуд. 123.
 Оролынъ-читкуръ, чуд. 138, 207, 244.
 Оронъ-ганцханъ-модо, дерево 254, 333.
 Оросъ, 274.
 Орусъ, м. п. 280, 296.
 Орусъ, поколѣніе 280.
 Орусъ-иналь, м. п. 280.
 Орхонъ, р. 213, 214, 307, 310, 332.
 Орхонъ-туше-гунъ, р. 310.
 Осиново гнѣздо, соzv. 324.
 Осрунъ-бурханъ, б. п. 383.
 Осъ-бакатаръ, м. п. 383.
 Осъ-Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 383.
 Осъ-Темиръ, м. п. 383.
 Отокъ, хошунъ 282.
 Отханъ Толоръ-хунъ-тайджи, м. п. 290.
 Охуръ-я, р. 383.
 Очирвани-бурханъ, б. 234, 317.
 Паасынъ, зв. 317.
 Пагай-Джуру, м. п. 114.
 Пагвашинъ-гунъ, башня 205.
 Падма-самбава, м. п. 233.
 Падма-ханъ, м. п. 161—163.
 Пазаръ, соб. 118.
 Пай-джанъ-джюнь, Пай-чжанъ-чжунъ, Пай-чжанъ-чжюнь, м. п. 123, 264, 265, 267.
 Пай-ма-сы, мон. 249.
 Пай-чжанъ-чжунъ, см. Пай-джанъ-джюнь.
 Палынъ котыгъ, камни 42.
 Палынъ-сенге, м. п. 166; см. Балынъ.
 Палаву-раншонъ, кам. 232.
 Папа римскій, м. п. 320.
 Пей-доу, соzv. 335.
 Пейранъ, мон. 301.
 Пей-таджи, м. п. 296.
 Пей-юнъ-сай, мон. 251.
 Пекинъ, грд. 164, 165, 219, 238, 268, 285, 299, 310.
 Пендо-хорджи-джаву, м. п. 203.
 Персей, м. п. 275.
 Петровъ крестъ, соzv. 328.
 Пилгримъ, м. п. 309.
 Пивъ-си, м. п. 263.
 Писомъ-Саганъ-тэнгери, 45—50, 59, 63.
 Плеяды, соzv. 127, 129, 146, 165, 262, 276, 318, 319, 322—327, 329, 339, 341, 345, 385.
 Поли, г. 125.
 Полидектъ, м. п. 275.
 Полярная звѣзда 126, 127, 130, 170, 319, 321, 324, 325, 330, 331, 334—339, 386.
 Поповичъ Раковичъ, м. п. 189.
 Пори-ханъ, м. п. 156, 336.
 Потала, г. 117, 168, 201, 210, 248, 249.
 Почай, Почайна, р. 325.
 Правадія, грд. 305.
 Пукѣ, м. п. 300.
 Пулай-арыгъ, ж. п. 277.
 Пулиръ-пукѣ, м. п. 300.
 Пурбу, Пурву, зв. 317.
 Пундаварданъ, г. 117.
 Пуруравастъ, м. п. 127.
 Путо, г. 226, 227.
 Пучай рѣка, 325.
 Пу-чжоу, грд. 262.
 Пучина, чуд. 325.
 Пхынъ-сунъ-чжао, мон. 264, 265.
 Рабанъ-ата, м. п. 257.
 Раббане, м. п. 257.
 Рагнарь Лодброкъ, м. п. 342.
 Раковичъ (поповичъ), м. п. 189.
 Рамоче, мѣстн. 206, 210.
 Раха-шолмо, чуд. 124.
 Раху, м. п. 316, 317.
 Раху, зв. 317.
 Рахъ-разбойникъ, м. п. 192, 246, 347.
 Рачи-Самба, м. п. 40, 41.
 Рдо-нирда, горный перевалъ, 198.
 Рдурги-Ларгу, г. 42.
 Рдурги-чжугу-рыгъча, колесо, 41.
 Рдурги-чынъ-намбыръ, соб. 42.
 Рдуръ, чуд. 41—44, 114, 119, 210, 289. См. Дыръ.
 Рдучава, чуд. 300.
 Римынъ, дер. 44.
 Рмаргутъ, мѣстн. 300.
 Рогмо-гоа, ж. п. 119, 120, 333.
 Рокани, ж. п. 332.
 Рпонву-Кенчугъ, соzv. 326, 327.
 Рсманъ, мѣстн. 229.
 Рсэргѣ чжунъ-ри, г. 300.
 Ргальджинъ, соzv. 326.
 Рта-нго-уну, лош. 10.
 Рта-рчунву, лош. 6, 8.
 Ртомба-Шихча-тоба, б. 232.
 Ругъ-могай, Р.-могай, ж. п. 114, 269, 325, 329.
 Рунву-гонченъ, мон. 240.
 Русуданъ, ж. п. 275.
 Ръже-чжаа-кунчю, ж. п. 14.
 Ръшето, соzv. 324.
 Рэмисыръ-сари-руху, г. 13.
 Сабаръ, м. п. 124.
 Савуръ, могилы 214.

- Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95, 97, 105, 106.
 Саганъ-Зурха-Моргонъ, м. п. 46.
 Саганъ-Монголъ-Ула, г. 45, 83.
 Саганъ-шулуяъ, мѣстн. 384
 Сагатай, м. п. 120.
 Садагай, м. п. 157.
 Сайдамто, оз. 245.
 Сайлынь-убугунъ, зв. 328.
 Сайнь-самучинъ, лоп. 123.
 Сайханъ-ху, м. п. 181, 182.
 Сакіамуни, м. п. 217, 226.
 Сактартай, м. п. 213.
 Салихай, ж. п. 339.
 Сазомо, м. п. 210.
 Салунъ-хоръ-дорджи, м. п. 199, 200.
 Самаркандъ, грд. 258, 295, 330.
 Самаръ-казанъ, м. п. 121.
 Самба см. Аяпп.
 Самба-гарву, м. п. 40, 41, 127, 130.
 Самбай-дагине, ж. п. 208, 224.
 Самбурень-ханъ, м. п. 39.
 Самородовичъ, м. п. 333.
 Самсагай, ж. п. 328.
 Самучинъ, лоп. 123.
 Самъжи, страна 232.
 Самъи, страна 232.
 Сангинъ-далай, кол. 299.
 Санда-рачи, м. п. 20, 28, 29, 123.
 Сандыгъ-хуатъ-чжиряву, г. 231, 232.
 Сани-угѣ-Таріи, м. п. 44.
 Санъ-енчинъ, мѣстн. 8, 10, 20, 21.
 Санъ-янъ, м. п. 261, 263.
 Санъ-ча-хо, р. 303.
 Санъ-чуанъ, мѣстн. 256.
 Саптартай, м. п. 213.
 Сараталъ-ноенъ-ханъ, Саргалъ-ноенъ-ханъ, м. п. 45, 56, 57, 67—69, 73, 88, 96, 100, 122, 128.
 Сараталъ-ханъ, м. п. 186.
 Саранъ-Гэгэнъ, м. п. 208.
 Сартактай-Кэзэръ, м. п. 118, 122, 213, 214, 301.
 Сартакъ, м. п. 122.
 Саръ-мачинъ, чюд. 317.
 Сары-бай, м. п. 119.
 Сата, ж. п. 328.
 Сатана, ж. п. 122.
 Саура, могила, 214.
 Сауръ, г. 212—214, 382.
 Сахуръ-джалву, м. п. 232.
 Са-ху-шанъ, м. п. 254.
 Саянь-данчинъ-шюгмырь, м. п. 3, 11, 15—17.
 Святогоръ, м. п. 122, 333.
 Святыя горы 333.
 Себежъ, грд. 335.
 Севръ—рыба, 333.
 Севиришь-богдо, г. 386.
 Семикъ, соzv. 324.
 Семичиха, ж. п. 324.
 Сенгенъ-хунъ тайджи, м. п. 118.
 Сенге-ханъ, м. п. 284.
 Си-анъ-фу, грд. 206, 286, 288.
 Сибирскій городъ 335.
 Сибиръ, страна 334, 335.
 Сибэръ, соб. 336.
 Си-ванъ-цзе, дер. 384.
 Сиверная гора, 335.
 Сиверьянишна, ж. п. 335.
 Сигурдъ, м. п. 270.
 Сила сата, соzv. 340.
 Синь-су-хай, мѣстн. 331.
 Сисиній, м. п. 248.
 Си-юй, страна 257.
 Смерть, 333.
 Смородина, р. 333.
 Собонъ саганъ-ноенъ, м. п. 63.
 Совръ, рыба 333.
 Согдо-богдо, м. п. 274.
 Согсогъ-фоту, соzv. 322.
 Содей-мергенъ, м. п. 271, 274, 277.
 Соди-вама, г. 15, 16.
 Соди-кунгма, г. 15, 16.
 Содишюма, г. 15, 16.
 Соднамъ-Джидцо, м. п. 192.
 Содо, м. п. 273.
 Содо-богдо, м. п. 272, 274.
 Сокто-Сумбырь, г. 338.
 Солбанъ, зв. 336, 339.
 Солбанъ-иръ, зв. 338.
 Солбонъ, Солмонъ, зв. 129, 209.
 Солнечное царство, 279.
 Солнечный царь 129, 279.
 Соловей, м. п. 130, 335.
 Соловей Будимировичъ, м. п. 290.
 Соловей разбойникъ, м. п. 290, 325.
 Соломонъ, м. п. 239.
 Солонгосъ, нар. 279, 339.
 Солданъ, м. п. 328.
 Сомапурн, хр. 217.
 Сомбѣ-а-хахнръ, мѣстн. 297.
 Сому-срмбуй, страна 233.
 Сѳнгѳлѳнъ, м. п. 63, 64.
 Соозунъ, м. п. 328.
 Соо-со, м. п. 261.
 Сора, ж. п. 119.
 Соржи, Соржи-лама, три ламы, 58, 72, 73, 85, 86, 93.
 Сѳрѳ, ж. п. 119.
 Сорчи-бакши, м. п. 135.
 Со-со, м. п. 263.
 Сосрыко, м. п. 121, 122.
 Со-чжи-лунъ-ванъ, м. п. 256.
 Со-чжи-ѳ, м. п. 256.
 Сронцзанъ-Гамбо, Ср.-Гомбо, Сронцзонъ-Г., м. п. 127, 206, 215, 217, 218, 268, 308, 384.
 Срю-ванъ, м. п. 241.
 Стефанъ, м. п. 285.
 Стожары, соzv. 319, 324.
 Стозвѳздкикъ, соzv. 324.
 Страфиль, пл. 332, 351.
 Субугень-булыкъ, Субукъ, ключъ, 298.
 Субурганъ-хаирханъ, г. 335.
 Субуръ, г. 213, 214, 336.
 Субуръ-хаирханъ, г. 335.
 Судана, м. п. 208.
 Судо богдо, м. п. 272.
 Сулмарши-батаръ, м. п. 61.
 Сумаджуть-Танника, м. п. 139.
 Сумбери, г. 318.
 Сумберъ-ола, г. 351.
 Сумбуръ-ола, г. 126, 213, 248, 330, 334—336, 340.
 Сумбырь, 338.
 Сумбэръ, г. 334.
 Сумеру, г. 126, 248, 318, 334, 336, 340, 350.
 Сумерь-ола, г. 254, 248, 254, 334, 341.
 Сумерь-уланъ-тайга, г. 335.
 Сумиръ, г. 334.
 Сумуръ, г. 335.
 Сумъ-далай, море 334, 340, 351.
 Сумья, зв. 317.
 Сумѳру, Сумѳръ, г. 334.
 Сунсэрѳ-гамбу, м. п. 197, 198.
 Сунъ-ву-кунъ, м. п. 254, 255, 256.
 Сурганъ, м. п. 272, 273.
 Сута-Ноенъ-ханъ, м. п. 56, 63, 64, 71—73, 88, 92, 93, 99—101.
 Суту-богдо, м. п. 123.
 Суть-коль, Суть-куль, оз. 335, 340.
 Суу-хуиъ-ву, м. п. 124.
 Сыбырь, г. 335.
 Сымырь, г. 212—214, 336.
 Сы-чжа-цауй, мѣстн. 306.
 Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгѳри, б. 45, 51—56.
 Сэженъ-барсэнъ-тымыршей, онг. 276.
 Сэлигисы, м. п. 123, 245
 Сэнглунъ, м. п. 139; см. Сѳнгѳлѳнъ.
 Сэньцзу, м. п. 272.
 Сэрву-ксерндугъ, лоп. 17.
 Сэринъ-ламджу, м. п. 230, 231.
 Сэсэкт-Ногонъ-Абзха, ж. п. 46.
 Сэцэнъ-ханъ, м. п. 247.
 Сюанъ-хуа-фу, грд. 238.
 Сюнбуръ, г. 386.
 Сюгъ-коль, оз. 334.
 Сябре, г. 386.
 Сяври, г. 296, 386.
 Сяйдякъ, м. п. 228.
 Сянь-би, народъ 228.
 Сятта юре жясагай-ай, б. 341.
 Табинъ-табинъ-тэнгѳри, б. 44.
 Табынь-ханъ, б. 283.
 Тадыгентъ-хѳшѳ-чило, камень 311.
 Тадыкъ-тологой-хѳшо-чило, камень 311.
 Тазъ-тагъ, г. 212.
 Тай-бука, м. п. 255.
 Тайбуцинъ, м. п. 255.
 Тайджигуты, Тайджиуты, пл. 123, 244, 273, 274.
 Тайиръ, м. п. 119.
 Таймингъ-хунъ-ву, м. п. 295.
 Таинъ-Дерхе, кам. баба 311.
 Таинъ-теръхе, м. п. 233.
 Таинъ-Тирхинъ, м. п. 209, 275, 276, 283.
 Таинъ-Тэниръ, м. п. 209.
 Тайхыръ-чило, мѣстн. 296.
 Тай-янъ-гунъ-чжу, ж. п. 304, 305.
 Тай-янъ-ху, грд. 306.
 Талай-ханъ, м. п. 277.
 Талаханнъ-тала, мѣстн. 310.
 Талха-вандыръ, кам. баба 311.
 Тальхини-уланъ, г. 385.
 Тамджанъ-чуджа, м. п. 283.
 Тамджинъ-ханъ, м. п. 242, 246, 247, 276, 282.
 Тамдинъ, м. п. 242, 283, 330, 335.

- Тамерланъ, м. п. 186, 274.
 Тамири-уланъ, г. 320, 334.
 Тамвръ, р. 296, 307.
 Тамиръ-сана, м. п. 336.
 Тамундо, ж. п. 189, 190.
 Тамурсана, м. п. 126.
 Тамчанъ, м. п. 242.
 Тамчанъ-джабу, м. п. 283.
 Тамчинъ-ханъ, м. п. 282.
 Тамчинъ-чуджа, м. п. 283.
 Тамчинъ-чойчалъ, м. п. 241.
 Тангре-кулъ, м. п. 275.
 Тандукъ, мѣстн. 347.
 Тандикъ, г. 250; см. Тендикъ.
 Тансынъ-лама, м. п. 254, 267.
 Танъ-ванъ, м. п. 203, 204, 256, 257, 286.
 Танъ-чао-ванъ, м. п. 257.
 Тао-вэй-си мо ли, р. 307.
 Тара, б. ж. 117, 210; см. Дара.
 Тарбагатай, г. 212.
 Тарва, м. п. 9, 11, 13, 15—17, 27.
 Таргута-Харалтукъ, м. п. 274.
 Тарданаъ, м. п. 125.
 Тартагай, лукъ 134, 161, 163.
 Тарханъ-бо, м. п. 118, 244, 245, 266, 267, 276, 324.
 Та-са-пу, дер. 200.
 Тасъ-хара, м. п. 129, 130.
 Татагата, м. п. 190.
 Тафу, м. п. 270.
 Тахигаръ, левъ 78.
 Тахигъ-котлъ торумъ, м. п. 383.
 Та-чжао-си, мон. 206.
 Тачжи-уринхай, хох. 290.
 Та-ши таян, мон. 252.
 Ташин-хлумбу, мон. 233.
 Ташканъ, м. п. 319.
 Таянши-лама, м. п. 46—49, 58.
 Таянши-Тарха-лама, м. п. 45.
 Таянъ-ханъ, м. п. 123, 139, 215, 276, 285.
 Тегусъ-цзюкту-Монаханъ, г. 192.
 Тезей, м. п. 218.
 Тело, м. п. 364.
 Темирсана, Темиръ-сана, м. п. 126, 127, 130.
 Темиръ-Асынъ, м. п. 297.
 Темиръ-бай, м. п. 120, 126.
 Темиръ-боко, м. п. 244, 334.
 Темиръ-бось, м. п. 136, 336; см. Тэнгринъ-ху.
 Темиръ-казыкъ, зв. 127, 319 330.
 Темиръ-могусъ, м. п. 126.
 Темиръ-олху, мон. 271, 339.
 Темиръ-тайга, г. 320, 334.
 Темиръ-цорго, р. 334.
 Темиръ-цохуръ, м. п. 277.
 Темиръ-черга, р. 334.
 Темурчи, м. п. 191.
 Темурчинъ, м. п. 244, 274, 334, 336.
 Темуръ-лепгъ, м. п. 127.
 Темуръ-олху, могила 267, 271, 303, 320.
 Темучинъ, м. п. 117, 118, 123, 126, 186, 189—191, 242, 244, 247, 272, 274, 276, 277, 320, 334.
 Тенгринъ-ху см. Тэнгринъ.
- Тендукъ, мѣстн. 347.
 Тендикъ-Яндыкъ, г. 234, 249.
 Тенекъ-ху, м. п. 178, 179.
 Тене-ханъ, м. п. 180, 181.
 Тене-ху, м. п. 180, 181.
 Тере-норъ, оз. 211, 212, 214, 215.
 Терхинъ-голъ, р. 307.
 Терхинъ-норъ, оз. 307.
 Тесинъ-голъ, р. 306.
 Тесъ, р. 307.
 Тимучинъ, м. п. 278.
 Ти-чинъ, м. п. 305.
 Ти-чинъ-да-бо, м. п. 305.
 Тлебница, м. п. 124, 130.
 Тобово-Гохонъ-Абаха, ж. п. 64.
 Тогонци, народъ 125.
 Тогонъ, м. п. 228.
 Тогосъ-Сокто, м. п. 45.
 Тогулунъ-мергенъ, м. п. 327.
 Тогусъ-цзюкту, Т.-цзюкту, м. п. 192, 285.
 Токто-гайджи, м. п. 304.
 Токто-хото, грд. 304.
 Токсоба, пл. 121.
 Толи-занданъ-тайгне, ж. п. 136.
 Толуй, м. п. 123, 244, 245.
 Томба-паму-геръ, ж. п. 40, 41.
 Томба-Шигла-тува, м. п. 236.
 Томбу рэнчинъ, лош. 21.
 Төмөнъ-Жаргаланъ-Абахай, ж. п. 71, 72, 74, 101.
 Т.-ж.-хатанъ, ж. п. 71—74, 77, 88, 92—97, 101, 104, 115.
 Төмөрше, Төмөрши, м. п. 276, 336, 337.
 Тонджюгъ, щенокъ 41.
 Тончженъ, м. п. 40.
 Тончжонъ, м. п. 40.
 Тончжу-гару, м. п. 40.
 То-омоктай, м. п. 219.
 Торгонъ-шара, м. п. 245.
 Торгоуты, нар. 311.
 Төрөни-аманъ, мѣст. 116.
 Төрөни-хотёлъ, мѣстн. 116.
 Торонъ-музикай, м. п. 334, 339.
 Торху, м. п. 285.
 Торъ-Саганъ, Торъ-Саганъ, сѣтъ, 45, 60, 65, 66, 80.
 Тостогошъ, м. п. 324.
 Тоточинъ-сянъ, м. п. 303.
 Тотурхай-Илгисэнъ, м. п. 136.
 Тотырешъ, м. п. 122.
 Тохта, м. п. 139.
 Тохта-бикки, м. п. 208; см. Тухта.
 Тохтагуль, м. п. 275.
 Тохтамышевъ, м. п. 274.
 Тохтамышъ, см. Тохтомышъ.
 Тохтоа, м. п. 285.
 Тохтогаху, м. п. 245.
 Тохтомышъ, м. п. 248, 267, 278—280, 285.
 Тохто-гайджи-ханъ, м. п. 303.
 Тохто-хото, грд. 303.
 Тохту, м. п. 208, 209; см. Тухта.
 Тохтугуль, м. п. 285.
 Тошю-ола, г. 302.
 Тракинскіе цари 128.
 Тубутъ-тагри, Т.-тэнгри, м. п. 257, 275.
- Тугла-сэргуръ, Тугла сургуръ, м. п. 17, 18, 35.
 Тугушанскіе цари и царства, 56, 57, 63, 71, 73.
 Тугю, нар. 121, 289.
 Туко-ханъ, м. п. 215, 255.
 Туку, нар. 216; см. Тугю.
 Тулякъ, м. п. 125, 210.
 Тумбнай-ханъ, м. п. 275.
 Тумена-ханъ, м. п. 275.
 Тумень-джиргаланъ, ж. п. 126, 320.
 Туметы, см. Барагуиъ-Т., Тумюды.
 Тумуръ-жиргалинъ, ж. п. 320.
 Тумучи, дер. 44.
 Тумъ-Ногонъ-духъ, ж. п. 126, 319.
 Тумъ-Уланъ-ханъ, м. п. 71—73.
 Тумюды, пл. 248.
 Тунбаши, 253.
 Тунва-ахирсынъ или Дуиъ-ахор-сынъ, страна 7.
 Тунгъ-каратгы-ханъ, м. п. 208, 209, 223, 224.
 Тунгъ-шялъ, м. п. 139.
 Тункъ-похъ, м. п. 320.
 Тунъ-могай-хара-нидунъ, ж. п. 157.
 Тухоло, царство 125.
 Тухта, м. п. 285.
 Тухта-бикки, Тухтай-б., м. п. 209, 271, 285.
 Тухъ, р. 307.
 Түшету-ханъ, м. п. 243.
 Тыгзы-норджи-джаву, м. п. 203.
 Тыгынъ, м. п. 228, 285.
 Тызынъ, м. п. 228.
 Тѣбъ-тэнгери, м. п. 191, 192, 244, 247, 276.
 Тѣбэкъ-Ногонъ-Абаха (Абахай), ж. п. 63—65, 67.
 Тѣджи, м. п. 119.
 Тѣмѣнъ-ногонъ, ж. п. 126, 320.
 Тѣмиръ-казыкъ, зв. 321.
 Тѣнгри-ола, г. 334.
 Тѣнгринъ-ху-тебикъ-уланъ-дзалаута, ж. п. 135.
 Тѣнгринъ-ху-темиръ-бось, м. п. 135, 136.
 Тѣмень-Джиргаланъ, ж. п. 127, 133; см. Тумень-Дж.
 Тѣрунъ-Музикай, Т.-М.-бурканъ, м. п. 114, 119, 129, 325.
 Тянгара, м. п. 328.
- Уакъ, м. п. 119.
 Уакъ, покол. 120.
 Убаши, м. п. 273.
 Убиргыхъ-хормоздъ, м. п. 320.
 Угаръ, созв. 341.
 Угей-норъ, оз. 213.
 Угеръ, созв. 323, 341.
 Угнъ-Саганъ-Абахай, ж. п. 63, 64.
 Удактай, г. 116.
 Удзонъ-Залайръ, м. п. 290.
 Узунъ-жуль, мѣстн. 340.
 Уйгуръ, нар. 326.
 Уйленъ-ханъ, м. п. 124, 163, 164.
 Уйлинъ, лош. 133.
 Уймаръ-джумаръ, У.-иймаръ, р. 214.

Уйраты, поколѣн. 326.
 Укаръ, соzv. 324, 341.
 Укинъ-тэнгри, ж. п. 307.
 Укко, м. п. 324.
 Улакчинъ, м. п. 119.
 Уланъ см. Ата-у., Буда-у., Буди-у.
 Уланъ-нидунъ, зв. 329.
 Уланъ-хоигоръ, м. п. 124.
 Уланъ-хурхинъ, м. п. 168.
 Уланъ-чики, мѣстн. 296.
 Улгенъ, соzv. 318.
 Улгеръ, соzv. 318.
 Улгу-Уланъ-батаръ, м. п. 61.
 Ули аджигенъ, соzv. 318.
 Улкеръ, соzv. 323.
 Улу-гснгла-рэнчэнъ, чуд. 4, 31; (ср. Гснгла-рэнчэнъ).
 Улы-гснгла-рэнчинъ, чуд. 150.
 Улыкэръ, соzv. 322.
 Ульберге, м. п. 156.
 Ульгенъ, б. 216, 316.
 Ульгерс, 339.
 Ульгаръ, соzv. 339.
 Ульдэту-гоа, У-гуа, ж. п. 270, 303.
 Ульстеръ, страна 219.
 Улэ-Бугэдэкъ, м. п. 45.
 Улюгеръ, соzv. 323.
 Ундуръ-гэгэнъ, м. п. 242—248, 266, 267, 312, 383, 386.
 Ундуръ-байсыхылынъ, г. 248.
 Ункъ-ханъ, м. п. 191.
 Унсуръ, м. п. 121.
 Уоръ-воше ваджери, соzv. 319.
 Уралтай-мамырханъ, м. п. 273.
 Ураты, пл. 250, 326.
 Урваши, ж. п. 127.
 Ургаль, соzv. 276.
 Урджанъ-рембучи, м. п. 117, 231—233, 316.
 Уриеръ, м. п. 117.
 Уркиль-Шоловъ, мѣстн. 324.
 Уркёръ, соzv. 324, 325.
 Уркиръ, соzv. 324.
 Урма-Гохонъ-Абахай, Урмай-Г.-Аб., Урма-Г.-хаганъ, ж. п. 72—74, 77, 88, 96—101, 103, 105, 106, 115.
 Уртай-шара-ханъ, м. п. 134, 135.
 Ургень-тагъ, г. 212.
 Урунъ-модонъ, дерево 254.
 Урунву, мон. 240.
 Урусланъ-Залъазаровичъ, м. п. 125, 136.
 Урусь, 274.
 Урусь, нар. 126, 244, 311.
 Урутъ, покол. 274, 275.
 Уруудай, м. п. 274.
 Уруугъ, покол. 274.
 Урчукъ-тобе, г. 212, 297.
 Урь, г. 325.
 Усуни, нар. 272.
 Усунъ-цзуйль, мѣстн. 340.
 Усюнъ-дзюль, У-дзюль, мѣстн. 340.
 Утай, мон. 229, 238.
 Ута-Мангила-батаръ, м. п. 97, 98, 101, 105.
 Ута-Манжилай-батаръ, м. п. 105.
 У-та-сы, мон. 265.
 Утей-сангунъ-агула, г. 229.

Утвное гнѣздо, соzv. 324.
 Утиана, м. п. 206.
 Уту-шара-бокб, м. п. 157, 159, 160.
 Уха-Юбсонъ-ханъ, м. п. 75—77, 100—102.
 Уха солбонъ, зв. 329, 338.
 Ухуани, нар. 277.
 Ухиръ-ола, г. 252.
 Ухиръ, соzv. 341.
 Ухиръ-чило, г. 297.
 Ухэръ, соzv. 341.
 Учжа-дабжалъ, хр. 232.
 Учъ мыйгакъ, соzv. 328.
 Учъ-Курбустанъ, б. 128.
 Ушинъ да, м. п. 164, 165.
 Ушъ мыйгакъ, соzv. 327.
 Фафниръ, м. п. 270.
 Февронія, ж. п. 342.
 Филпъ, м. п. 139.
 Фуъюскій государь, 124.
 Хабата-Хасаръ-Моргонъ, м. п. 44, 48, 49, 59, 60, 111, 112.
 Хабуту, м. п. 118.
 Хаданъ-бахадуръ, м. п. 122.
 Хадасы-чоло, г. 331.
 Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри, м. п. 128.
 Хадынъ-дзюгъ, м. п. 122, 160.
 Хазаръ-хаганъ, м. п. 312.
 Хайдунъ-ханъ, м. п. 273, 275.
 Ханкирва, б. 242.
 Хакимъ-ата, м. п. 258.
 Халхинъ-тэнгери, б. 45, 52, 53, 55.
 Хамами-Чжачи-Чикиръ, м. п. 44.
 Хамуръ, г. 336.
 Ханай-хэръ, г. 296.
 Хангавай, Хангамый, м. п. 122, 136, 145, 190, 248, 277.
 Хангай, страна 267; см. Алтанъ-х.
 Ханганъ, покол. 208, 285.
 Ханъ-бата, м. п. 329.
 Ханъ-Гариде, Х.-гариди, Х.-гаруди, пл. 145, 207, 249, 293, 343, 344, 350, 351.
 Ханъ-Гужиръ, м. п. 125.
 Ханъ-тэнгри, г. 334.
 Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэршиъ, б. 44—46, 51—63, 66, 75, 88, 91, 100, 111, 118, 128.
 Ханъ-Ула, г. 74, 107, 109.
 Ханъ-Хормусты, б. 186.
 Ханъ-хотанъ, покол. 192.
 Ханъ-хурмустенъ-ханъ, б. 184—186, 343; см. Хурмустенъ.
 Ханъ-янъ, покол. 285.
 Хара-Багинъ, ключъ 301.
 Харабсаръ, пл. 80.
 Хара-гыргенъ, м. п. 276, 324.
 Хара-Гэрэлтэ, книга, 46.
 Хара-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95—97, 100, 104—106.
 Хара-Зурха-моргонъ, м. п. 46.
 Хара-илецъ, м. п. 164.
 Харакчи-Тайбудинъ, Х.-Тайбучинъ, м. п. 255.
 Хара-Мурэпъ, р. 307, 308.
 Хара-обугюнъ, м. п. 230.
 Харасага-Хара-батаръ, м. п. 61.

Харасандза-Джеларъ-хунъ-тайд-жи, м. п. 273, 290.
 Хара-Суга-ноенъ, м. п. 115.
 Хара-Сутанъ, м. п. 73.
 Хара-хушунъ, г. 116.
 Хари-ванъ, м. п. 241.
 Харидикъ, пл. 158—160.
 Харитай, м. п. 186.
 Харчинъ, соб. 158—160.
 Харшотъ, г. 297.
 Хасаръ, м. п. 118, 129, 130, 222, 279, 336.
 Хаси, м. п. 257.
 Хасыкъ, нар. 281.
 Хасыръ-басыръ, соб. 118, 327.
 Хата-гайту-хара-халу, пл. 273.
 Хатагинъ, покол. 331.
 Хатаза-хара, м. п. 81, 82.
 Хатамба, м. п. 202, 203.
 Хатанъ, падь 73, 74, 77, 93, 96, 101, 102, 107—109.
 Хатунъ-голь, р. 130, 180, 267, 269, 278, 295, 303.
 Халгива, б. 242, 283.
 Хинсаши-батаръ, м. п. 61.
 Хиралжинъ, г. 112.
 Хиру-тэнгери, 45, 52—54, 56.
 Хламо, ж. п. 213, 339.
 Хлачинъ-цоива-гарву, б. 4.
 Хобульдей-жергенъ, м. п. 323.
 Ховатай-убугунъ, м. п. 171—173.
 Ховугу, м. п. 122, 160.
 Хожиръ, м. п. 81, 82.
 Хо-лао-ло-цзя, грд. 252.
 Хюмёръ-ула, г. 334, 335.
 Хонджинъ, б. 208.
 Хонинъ-Хогонъ, мѣстн. 55, 56, 107.
 Хонш-омокъ, м. п. 304.
 Хонуръ-Нурханъ, ж. п. 45, 60, 76, 77, 101.
 Хоншинъ, б. 248.
 Хонъ, пл. 87, 89, 90, 95, 96.
 Хонъ-тайджа, ж. п. 245.
 Хонъ-Хормуста-тыпгырей, м. п. 215.
 Хонтгыъ-эмегенъ, зв. 208.
 Хоргиса-гарву, пл. 15.
 Хорсдой, м. п. 168, 186, 208.
 Хоридай, Хоридой, м. п. 186, 208, 209, 239, 245, 271.
 Хорису-Баджу, Хорису-Маджу, Хори-Сумаджу, м. п. 139.
 Хоритай, м. п. 271.
 Хормуста, б. 118, 128, 192, 270.
 Хормуста-тэнгри, Хормуста-хаганъ, б. 376.
 Хормусту-ханъ, м. п. 186.
 Хоролдай-жергенъ, м. п. 135.
 Хорхугъ, м. п. 122, 332, 333.
 Хортонъ, м. п. 208, 209.
 Хорульдей-богдо, Хорульдей-жергенъ, б., м. п. 161—163.
 Хоръ, страна и народъ, 12, 14—21, 27, 28, 30, 32—36.
 Хоръ-Банда-чжи-чжаву, м. п. 44.
 Хоръ-Бандэра, г. 301.
 Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву, м. п. 44.
 Хоръ-Курпыгъ-чжи-чжаву, м. п. 44.
 Хоръ-кэркэръ-чжаву, м. п. 3, 4, 14; см. Кэркэръ-чжаву.

- Хорь-Чагэнь-чжаву см. Чагэнь-чж.
Хотапъ, грд. 190, 211, 214, 217, 218, 252.
Хото-гайду, Х.-гайту, пл. 135, 273.
Хото-гайду-карагула, Х.-гайту-к., м. п. 273.
Хото-гойту, пл. 273.
Хѳхѳ-Гэрэлтэ, книга 46.
Хоходой, м. п. 120.
Хохосо, м. п. 120.
Хо-чжоу, грд. 306.
Хо-чжуцъ-танъ, м. п. 238.
Хуанъ-хэ, р. въ киданскомъ царствѣ, 307.
Хуа-солбонъ, зв. 338.
Хугэлъ-Эмши-батаръ, м. п. 98.
Хугонъ-Эм-линь-батаръ, м. п. 61.
Худа-хайту, г. 273.
Хулана, ж. п. 130.
Хуланъ-хатунъ, ж. п. 267.
Ху-ланъ-чуанъ, мѣстн. 306.
Хули, м. п. 284.
Хулугу, м. п. 125.
Хумъ-далай, м. 334, 340.
Ху-нань, провинція 225.
Хунъ-Багэджи, ж. п. 270.
Хунгъ-Багэдзи, ж. п. 270, 302.
Хунгъ-табынъ-одунъ, соzv. 340, 341.
Хунъ-гайджи, м. п. 245.
Хунъ-гайджи см. Отханъ, Харасандза, Сенгенъ.
Хунъ-тайжи, м. п. 129.
Хуренъ-бельчиръ, мѣстн. 307.
Хурій, м. п. 139.
Хурмустанъ Галго, м. п. 270.
Хурмустенъ-хапъ-тенгиръ, б. 185; см. Ханъ-хурмустенъ-х.
Хурмусту, б. 283.
Хурмуше, м. п. 128; см. Андзынъ-х.
Хуръ-хара-батаръ, м. п. 97.
Хусыкэнь, ж. п. 273.
Хуту-гайту, г. 273.
Хутула-каанъ, м. п. 118.
Хуухунъ-хутухту, м. п. 261.
Хухань, м. п. 272.
Хухенъ-хутухта, м. п. 319.
Хухулзей мыргынъ, зв. 328.
Хухулзей хонръ нохай, зв. 328.
Хухулзейнъ годоли, зв. 328.
Хухулзенъ хухшинъ-саганъ-моринъ, зв. 328.
Хуху-норъ, оз. 125, 127, 202—206, 211—214, 216, 257, 282, 297.
Хуху-хото, грд. 264—266.
Хухэй, мѣстн. 384.
Хэ-бо, б. 124.
Хэлганъ-саганъ-заянъ, м. п. 324.
Хэли, м. п. 346.
Хэрэкъ-кирхэсъ, м. п. 124, 126, 128, 319.
Хэрэтуйская степь 94.
Хэ-чжоу, грд. 306.
Чаганъ-баргунъ, нар. 311, 384.
Чаганъ-дара, Ц.-д.-еке, Ц.-д.-экэ, Ц.-дареке, Ц.-дарихе, Ц.-дариху, б. ж. 130, 159, 160, 189, 210, 213, 270, 303, 339.
Чаганъ-Дабай-тэткукчи, м. п. 157.
Чаганъ-тирхинъ-норъ, оз. 303.
Чаганъ-ханъ, ж. п. 189, 274, 280.
Чагдуръ, м. п. 234.
Чадуръ-намуганъ, м. п. 197.
Чадуръ-рембучи, м. п. 197.
Чанпай, м. п. 275.
Часунъ-цаганъ, ж. п. 157, 158.
Чазду-рахи, м. п. 316.
Чазалъ-куйрукъ, лош. 210.
Чазальгидккъ емегенъ, зв. 317, 337.
Чзонкава, м. п. 191, 205, 233, 236, 237, 239, 240, 245, 265, 283; см. Зонкава.
Чзюй-ши-линь-цзя, г. 252.
Чинъ-чжунъ, мот. 271.
Чогцогъ, соzv. 322, 324, 329.
Цодей-ханъ, м. п. 274.
Цоктай, м. п. 266, 267, 285, 338.
Цоктай-ханъ, м. п. 208, 209, 248, 275, 284.
Цокцогъ, соzv. 329.
Цолбонъ, Цолманъ, Цолмонъ, Цолмунъ, Цолминъ, зв. 129, 285, 329, 337, 338.
Цонхынъ-нима-мбонъ, м. п. 11.
Цорки-дорджи, цвѣткъвъ 232.
Цорось-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274, 278, 334; см. Бодунъ.
Цохтай, м. п. 338.
Цумбуръ, г. 248, 336; см. Байнъ.
Цундуръ, г. 336.
Цунъ-линь, м. п. 292.
Цэрэковъ панцирь 121.
Цэцэпъ-ханъ, м. п. 247.
Чаволай, м. п. 290.
Чаганъ-абита, мон. 251.
Чаганъ-балгасунъ, мѣстн. 293, 294, 298, 299.
Чаганъ-дарихе, б. ж. 269.
Чаганъ-досунъ-ханъ, м. п. 153.
Чаганъ-муренъ, р. 306.
Чаганъ-обугонъ, м. п. 230.
Чагъ-жунго-мончулгъ, м. п. 15—18; см. Мулго.
Чагэнь-чжаву, Хорь-чагэнь-чж., м. п. 3, 4, 8, 9, 15, 16, 18, 36.
Чакра, б. 246, 254.
Чаксу, м. п. 275.
Чалубей, м. п. 290.
Чангызъ, м. п. 191.
Чандрагомниъ, м. п. 228, 245—247, 262, 319, 368, 385.
Чандрагунта, м. п. 146.
Чандра-двина, остр. 246.
Чандракирти, м. п. 223, 263.
Чанъ-омоктай, м. п. 261, 262.
Чанъ-хой, м. п. 261, 262.
Чанъ-авъ, грд. 206, 286, 288.
Чао-джюнь, ж. п. 266, 302, 303.
Чао-чжунъ, Чао-чжюнь-фынь, мон. пасынь 289, 302, 303.
Чахыръ-сайнъ, м. п. 277.
Чеботокъ, м. п. 332.
Чеди-ганъ, соzv. 320.
Чеды-ханъ, соzv. 318.
Чекчейей, ж. п. 325.
Чельбегенъ, чуд. 339.
Четгы-канъ, соzv. 318.
Чехгэръ, соzv. 385.
Чечекъ-бучюкчи, ж. п. 137, 138.
Чечинъ-кызъ, ж. п. 122, 248, 277.
Чжагыръ-дорджитанъ, страна 237, 240.
Чжакыръ-чжалву, м. п. 232.
Чжакъ-нигу-сыгунъ, м. п. 34, 35.
Чжамуха, м. п. 271.
Чжамхакъ, р. 269.
Чжанчжа-хутухта, м. п. 267.
Чжанъ-тешь бакшинъ яманъ-хоро, соzv. 341.
Чжанъ-хой, м. п. 263.
Чжанъ-ѳ, м. п. 263.
Чжанккъ, страна 12, 14, 15.
Чжанъ-мохе, м. п. 211.
Чжао-гюнь, Ч.-гюнь, Ч.-цзюнь-нянъ-нянъ, Ч.-чжунъ, Ч.-чжюнь, ж. п. 271, 272, 290.
Чжарсэй-чжаву, м. п. 9, 11, 13, 15, 16, 18, 27, 33, 34, 36, 126.
Чжарсэй-шякыръ-жбумэ, м. п. 3.
Чжасырчжи, м. п. 237.
Чжасы-фоту, соzv. 326.
Чжачжукъ-марву-донге-тончжау, мѣстн. 14.
Чжашинъ-чи, мѣстн. 241.
Чжянь-чжаппа-сэнь, м. п. 240, 241.
Чжиланъ, лош. 41.
Чжочжудо-рембучи, м. п. 236.
Чжуанъ-ванъ, м. п. 225.
Чжунинъ, м. п. 124, 190, 301, 302.
Чжучиба, б. 230.
Чигиръ, зв. 385.
Чигныгъ-Асынъ, м. п. 20—22; см. Асынъ.
Чигсанъ, м. п. 264.
Чика-арасу, соб. 6, 124.
Чикиту см. Го-Ч., Ойо-Ч.
Чикты см. Аю-ч.
Чилгэръ, м. п. 209, 271.
Чилету, м. п. 209, 271.
Чилоту, р. 303.
Чилушъ-ташюръ, м. п. 139.
Чини-ами-кургэлъ, м. п. 15; см. Аму-кургэлъ.
Чингисъ-богдо, м. п. 251, 267, 269, 282, 296, 297, 299.
Чингисъ-ханъ, м. п. 117—119, 122, 123, 126, 128, 129, 139, 168, 191, 208, 209, 213, 215, 216, 221, 222, 231, 242, 244, 245, 247, 251, 252, 254, 255, 266—280, 282, 284, 285, 289, 290, 294, 296, 299, 300, 303, 305—307, 312, 320, 325, 326, 330, 334, 336, 338, 339, 346, 347, 384, 386.
Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, м. п. 118.
Чингисъ-Хаджиръ-бо, м. п. 118.
Чингисы, м. п. 305.
Чингий, м. п. 280.
Чинъ-Тимуръ, м. п. 337.
Чип-танла, соб. 6.
Чичагъ, пл. 325.
Чи-чжа-лао-ѳ, м. п. 256.
Чи-шуй-гуанъ, застава 263.
Чоджи-джабу, м. п. 283.

- 294, 319, 384; черный, 150; паршивый, 182, 183.
осколенье, 122, 218.
остров, 225.
ось земная, 241.
огрубленная голова, 81, 82, 208, 209, 244, 248, 275, 276, 281, 285.
отшельник, 235, 246.
охота, 115.
очирь, 317, 330.
ою камень, 208.
- Палець, 346.**
палець большой, 345.
палунъ-пготугъ, палунъ-котыгъ, камень, 30, 42.
панцырь, 121, 122.
парусъ бѣлый, черный, 218.
паршивоголовый, 119.
пастухъ, 209, 244, 282.
паукъ, 200, 203, 234, 343; см. мизгирь.
паутина, 200, 203, 234.
переваль, 337.
перо, 33, 47, 48, 96; перья, 103.
перстень золотой, 213.
песчаный дождь, 252, 331.
петля, 45, 60, 65, 66, 79, 80, 224.
печень, 134, 135.
пешера, 188, 190, 200, 223, 234, 235, 237, 238, 250, 237, 289, 290—292, 298, 311, 384.
письмо, 18, 135, 179.
никтолая кора, 88.
нища одуряющая, 76.
повозка, 51.
подё (буди), 351.
подируга, 201, 205, 238.
пожаръ, 142, 213, 238.
попугай, 144, 185.
порозъ, 194; красный, 68, 69.
портретъ, 240.
послѣдъ, 236.
посохъ, 95.
посохъ, 228, 332.
потопъ, 215, 328.
пращъ, 5.
приколъ золотой, 336.
пряжка, 211.
птаца, 3, 5, 6, 9, 15, 18, 26, 29, 40, 41, 79, 80, 96, 97, 145, 148, 158—160, 205, 207, 224, 244, 321, 327; бѣлая, 5; нить, 253; моря-большджумуръ, 282; онгопъ-чекчей, 325, 329; гасъ, 184; цакагай, 325.
пугало, 320.
пуговица, 46, 60, 80.
пунце, 193.
пуль, 126, 162; Алтая, 332; земли, 332, 335; морской, 213; пѣба, 324, 332.
пуруву, 242.
пчела, 9, 43, 66.
пѣгая, ий; кобыла, 79, 80; корова, 307; ягисенокъ, 188, 189.
пѣтухъ, 354, 355.
пятнадцатоголовый, 94, 95
- итно родимое, 28.
пять богонъ, 117; лебедей, 98.
пятьдесятъ пять тэнгариновъ, 46, 51, 52, 56—59, 88, 91, 111.
- Радуга, 163.**
ракшаса, 229.
ратовище, 214.
ргуръ-тэнкаръ, ит. 3.
ребро, 33.
ремень, 27.
рога, 13, 139, 158, 199, 233, 236, 237, 255, 348, 383.
рука, 227.
рсанъ, 37; см. санъ.
рта-бунгу, 4.
рыба, 29, 180, 226.
рижій: быкъ, 238; конь, 75.
рѣка, 13, 41, 138, 139, 209, 213, 214, 222, 278.
рѣшето, 43, 197.
рябчикъ, 118.
- Сабля, 112, 128, 226.**
саврасая кобыла, 133.
садакъ, 160.
самбава, 235.
сандальное дерево, 206, 220.
санъ, 4, 19, 134; см. рсанъ.
сборный сѣрый холмъ, 134.
свинья, 205, 221, 342, 343, 354, 355.
семилѣтняя дѣвочка, 324.
семимѣсячный, 113.
семислойное небо, 385.
семь, 83, 120, 145, 170, 185, 243, 290; ангировъ, 243, 245, 333; богатырей, 123, 124; братьевъ, 82; воровъ, 319; вѣдьмъ, 325; глазъ, 324; головъ, 82, 83, 320; горъ, 24, 39; деревъ, 145; долинъ, 39; дѣвицъ, 30, 218, 339; женъ, 213; кузнецовъ, 81, 82, 320; ламъ, 243, 245; лицъ, 322; лумбу, 16; лѣтъ, 20, 31, 245, 246; начальниковъ бугра, 107, 109; овецъ, 170; птицъ, 184; пугалъ, 321; рѣкъ, 89; сажень, 157; словесъ, 162; желѣзныхъ столбовъ, 333; стрѣлъ, 18; ступеней, 42; стѣнъ, 120; синоней, 81, 273, 290; тэнгариновъ, 46; усовъ, 339; хошуновъ, 290; чашекъ, 83; челоуколдцевъ, 7; челоуки, 321; чертей, 186; чиновниковъ бугра, 108; шаговъ, 181; юношей, 218.
семьдесятъ: верблюдовъ, 69; возовъ, 71, 72; дней, 68; жеребятъ, 160; коровъ, 172; лѣтъ, 45; семей, 273; стрѣлъ, 45; телятъ красныхъ, 67; цѣтвовъ, 91; шкуръ коровныхъ, 134, 161.
семьдесятъ два, 38.
семьсотъ альбиновъ, 56.
сердце, 132, 133, 158, 159, 161, 205, 234, 250, 256, 325; с. быка, амѣи, коровы, 161.
серебряпал, ое, ий: барабанъ, 71, 107; ведро, 43, 186; кони, 186; козули, 45, 83; колъ, 299; столбъ,
- 46—48, 58, 71, 72, 74; столъ, 76; стрѣла, 113; цѣль, 45.
сестры, 45, 60, 76, 77, 87, 101.
сержа, 31.
сивал, ий: быкъ, 143, 158, 159, 201—203, 205; жеребенокъ, 63; жеребецъ, 56, 63, 71; лошадь, 133, 161, 162; мулъ, 7.
синее, ий, яи: альбинъ, 56; вошь, 57; море, 56, 62; шкура, 180, 181.
сито, 324.
скала, 22.
слева, 57, 80, 136, 309, 317, 342.
слонъ, 206, 231, 253.
слѣдъ, 64, 76, 101, 141, 300, 301, 340.
слюна, 57, 189, 312.
сѣтъ, 12, 41, 64, 65, 70, 342.
собака, 6, 29, 38, 41, 42, 45, 118, 151, 158—160, 176, 184, 205, 221, 230, 284, 291, 305, 310, 327, 328, 340, 351, 354; красно-жѣлтая-серебряная, 83.
собака-тайга, 171.
собачья шкура, 153.
сова, 123, 244, 344.
солнце, 193, 315—317, 320, 339, 345.
соловой жеребенокъ, 62; конь, 56; меринъ, 244.
сорока, 14, 18, 31, 39, 42, 64, 89, 96, 118, 129, 349.
сорокъ: батаронъ, 110; шейховъ, 295.
сорокъ девять дней, 306.
сорокъ четыре тэнгари, 46.
сорочье платье, 157.
сосна, 216.
сосокъ, 255; с. земля, 217.
сошникъ желѣзный, 200.
старыкъ: бѣлоголовый, 141; бѣлый, 328.
стеклянный городъ, 153, 317; дворецъ, 178.
сто альбиновъ, 56, 62.
сто восемь суме, 232.
стойло желѣзное, 210.
столбъ, 232, 332; желѣзный, 333; золотой, 76, 331; серебрянный, 46—48, 58, 71, 72, 74, 76.
струя красная, 324.
стрѣла, 12, 18, 22, 23, 39, 40, 43, 49, 50, 63, 64, 70, 98, 102, 112, 116, 174, 179, 227, 230, 234, 300, 306, 307, 317, 321, 327, 345; небесная, 7; серебряная, 113; черная, 49; лизаніе стрѣлы, 114.
субурга, субурганъ, 205, 238, 252, 332, 335.
судусунъ корень, 273.
сука, 157; черная, 63, 84.
сумка, 333; огнивал, 160.
сурокъ, 207, 345, 346.
смырь, 335.
смырь, 335.
сунъ, 229, 328.
сѣверные царя, 59.
сѣдло, 8, 21, 70.
сѣро-песгрый жаворонокъ, 61.
сѣрый: волкъ, 115; конь, 60.
сюлягий, 386.

- Юргаль, Юргаль, соzv. 127, 324.
Юрунь-Музикай, м. п. 129.
Юрюнгъ-аи-тоецъ, м. п. 386.
Юрюнгъ-уоданъ, м. п. 386.
Юрюнь-хатунъ-иби, ж. п. 277, 342.
Ютянь, грд. 190.
Ю-хуанъ-ъ, б. 256.
- Абар-Sabir, Abir-Sibir, страна 335.
Aghola Oergöktshi Büke, м. п. 120.
Aldang-Gadassu, 331.
Andun Tsching Taidshi, м. п. 222.
Angdulmanchan, чуд. 128.
'Angka, шт. 350.
Aracho, м. п. 316.
Argon, нар. 5-7.
- Bádami, xp. 336.
Balchija, ж. п. 210.
Baliq, г. 191.
Bar juchre, шт. 350.
Berke Schidurgho taelgen khan, м. п. 384.
Bitiou, м. п. 139, 148, 149, 218.
Bosy Körperpäsch, м. п. 119, 278.
Bugra-chan, м. п. 258.
Buke-Tschilger, м. п. 209.
Bukra-chan, м. п. 258.
But Tyngry, м. п. 191.
- Chajanggiriwa, б. 283.
Chakdor, б. 316.
Changius, м. п. 191.
Chara-chang, ж. п. 129.
Chintsa-tsiou, ж. п. 239.
Chu-ko, м. п. 263.
Cokza, м. п. 191.
Cunachmar, покол. 191.
- D'ákinis Dschnána-Goschja, б. ж. 208.
David, м. п. 275.
Denis, м. п. 276.
Djildiz-col, оз. 332.
Djit kules bözerag at, лош. 320.
Dschadanaringun dabagha, переваль 217.
Dudpo, страна 270.
- Ede Kiurghan, мѣстн. 320.
Erdeni-Ssara, м. п. 192.
- Fou-pen Feou-thou, б. 190.
- Gaddasun, зв. 328.
Gali-tieghin, м. п. 310.
Garuda, шт. 350.
Gassalan ügei Nomuhn chan, м. п. 136.
Ghoumaga-chri, м. п. 206.
Grips, шт. 350.
Gunnar, м. п. 270.
Gurban-vrdaenaeh, 331.
Gvison Tamba, м. п. 243, 265.
- Halaxi, 340.
Hoan Chen Tsai, м. п. 226.
- Ява-ясырь-рхсмиъ, м. п. 283.
Явэй-чаганъ, м. п. 133, 135.
Яикъ-ханъ, м. п. 328.
Ямаганъ-шолмо, чуд. 124.
Ямантака, м. п. 224.
Яндыкъ, г. 234; см. Тездикъ.
Янь-ву-ланъ, м. п. 304.
- Högni, м. п. 270.
Ho lao lo kia, грд. 190.
- Ibir-Sibir, страна 335.
Inandj Belgeh Buka chan, м. п. 255.
Itegel, 136.
Itegel Arsslan chaghan, м. п. 136.
Itel, 136.
- Jeliku, м. п. 346.
Juolun-tieghin, м. п. 310, 311.
- Kalla parneh, соzv. 328.
Kbio-ki (Teheu-tchi), страна 206.
Khouli-takh, г. 310.
Kidän chan, м. п. 122.
Kin-lian, ж. п. 310.
Ködon kan, м. п. 122.
Ködön-pi, м. п. 122.
Kötsün-kan, м. п. 228.
Külük Bogordschi, м. п. 245.
Kürlak, мѣстн. 122.
- Lhamo, Lhamu, б. ж. 270, 303, 339.
Lo-heou-lo, м. п. 190.
Lombo-Moke, м. п. 239.
Lou-tcheu, б. 190.
Lung-ch'ü tao, остр. 216.
- Mánasa, оз. 246.
Mandara, г. 836.
Manhat, нар. 274.
Menglik-Iska, м. п. 191.
Miao Chen, ж. п. 226.
Miao-Tchoang, м. п. 226.
Mondorgon-oola, г. 384.
- Nandson, м. п. 222.
Nauman cura, мѣстн. 326.
Naumans, пл. 266.
Nieou to vang, м. п. 217.
Nilom-Tala, мѣстн. 303.
- Oikhan, г. 271.
Okkin-tängri, б. ж. 270.
Oldsheitu Chung Reidschi, Oldjeitu-chung-gaa-beidji, ж. п. 270, 303.
Oldschibai, м. п. 118.
Olgon, мѣстн. 271, 303, 339.
Ormon-bet, м. п. 119.
Oros, нар. 274.
Orot, нар. 274.
- Pao Teh, м. п. 226.
Piliging chär, лош. 114.
Pi lou tचना, м. п. 190.
Pi tchi fo, м. п. 190.
- Pohjan tähti, зв. 331.
Prestre-Jan, м. п. 266.
- Qatsgan, покол. 331.
Qong qomâr, покол. 192.
Qouri Soumädjou, м. п. 139.
- Rukh, шт. 350.
- Sässä Schikâr, м. п. 128.
Scharlak, мѣстн. 122.
Scharong-Gassur, башня 205, 216.
Shariputra, б. 217.
Shinja, м. п. 270.
Selesni coll, зв. 330.
Selmenn, зв. 329.
Sibir-Abar, страна 335.
Simurgh, шт. 350.
Sodnam rGjamtso, м. п. 191.
So ma jo, мон. 190.
Soon Tserictu, м. п. 136.
Sora-chenim, ж. п. 119.
Sübür, г. 334, 335, 336.
- Täji-pascha, м. п. 119.
Tamuzin, м. п. 191.
Tanikân, м. п. 139.
Ta scharo szu, мон. 206.
Tcheu-tchi, страна, 206.
Tegus Tsoktu, Tegüs Tsoctu, м. п. 192.
Temur Olcho, мон. пас. 303.
Tenduc, мѣстн. 347.
Tengeri-yu-takh, г. 310.
Theghthoum, покол. 191.
Thingiz, м. п. 186.
Todorchoi Ilaguskan, м. п. 136.
Tsoktsassun-Dschiruken, м. п. 192.
Tsong-kaba, м. п. 239.
Tvachtri, м. п. 246.
- Ukko, м. п. 331.
Ukon poika, м. п. 324.
Ulämtshi, зв. 329.
Urghien, м. п. 233.
- Wäinämöisen meikka, соzv. 328.
Wäinämöisen's wikate, соzv. 328.
- Vaisramana, б. 217.
Vajrapani, б. 316.
Vennou, шт. 149.
Venus, зв. 329.
Viçvarôpra, м. п. 246.
- Xwei-tsan, м. п. 230.
- Yzyt-khan, м. п. 277.
- Zingis-Chan, м. п. 191.

